Пров. 1959

227
31

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

Это сочиненіе задумано мною въ трехъ томахъ: первый и второй, издающіеся теперь въ свѣтъ, обнимаютъ самыя главныя группы душевныхъ состояній, теоретическую и практическую дѣятельность души; за ними, по моему плану, долженъ слѣдовать еще третій томъ, въ которомъ, кромѣ анализа оставшихся неразсмотрѣнными вопросовъ, напримѣръ, о нормальной и ненормальной психической дѣятельности, душевномъ развитіи, индивидуальныхъ особенностяхъ и т. д., долженъ быть поставленъ и посильно разрѣшенъ вопросъ о душѣ вообще. Но такъ какъ и въ этихъ двухъ томахъ мой взглядъ на душевную дѣятельность опредѣлился и содержаніе ихъ представляетъ само по себѣ нѣчто цѣльное, чѣмъ даже принято въ издающихся теперь руководствахъ по Психологіи ограничиваться, то я рѣшился не откладывать обнародованія своего труда до окончательной обработки третьяго тома. Послѣдній явится

2 экз

чрезъ нѣкоторое время: онъ соберетъ нѣсколько разъединенныя нити изслѣдованія въ одинъ узелъ и поставитъ главные психологическіе вопросы на чисто философскую почву.

Во введеніи, вмѣсто безплодныхъ разсужденій о томъ, есть ли Психологія индуктивная или дедуктивная наука, я остановился на Логикѣ Психологіи и надѣюсь, читателю будетъ видно, на сколько наша наука имѣетъ правъ именоваться тою и другою. За введеніемъ у меня слѣдуетъ краткій обзоръ историческаго развитія нашей науки, сколько я знаю, въ первый разъ являющійся у насъ въ русской литературѣ,— обзоръ, сдѣланный на основаніи первыхъ источниковъ, за двумя исключеніями, о которыхъ я упоминаю въ своемъ мѣстѣ. Затѣмъ, слѣдуетъ анализъ психическихъ фактовъ. Предоставляя спеціалистамъ судить о качествѣ моей работы, я считаю однако же нужнымъ обратить вниманіе моихъ читателей на то, что въ этомъ трудѣ совершенно своеобразно — удачно или не удачно, это, конечно, другое дѣло — поставлены и разрѣшены вопросы о памяти, рефлексіи и воображеніи, данъ новый анализъ чувствованій, подняты относительно ихъ новые вопросы, и, какъ кажется мнѣ, изслѣдованіе поведено глубже, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Наконецъ, не для похвальбы, а просто для правды, замѣчу, что и область воли анализирована самостоятельно и въ ней мною найдено нѣчто новое, о чемъ до сего времени Психологія и не разсуждала. Общая мысль, что волѣ именно принадлежатъ главенство и руководительство во всей психической области, проводимая и въ моемъ сочиненіи, конечно, не

новая: она выдвинута была, впрочемъ въ качествѣ метафизическаго принципа, за послѣднее время въ трудахъ Гартмана и еще прежде Шопенгауера, или лучше сказать, она явилась въ XIII столѣтіи, у Дунса Скота и высказана была въ его положеніи: voluntas est superior intellectu. Эта мысль, какъ психологическій принципъ, усвоена и мною и ею многое освѣтилось въ духовной жизни: но и при этомъ позволяю себѣ думать, что проведеніе ея въ психологическую науку, какъ плодотворнаго для нея предположенія, принадлежитъ мнѣ.

Надѣюсь, что изданіе этого труда будетъ способствовать оживленію у насъ интереса къ одной изъ важнѣйшихъ философскихъ дисциплинъ и главное, вызоветъ къ научному труду на мало еще разработанномъ научномъ полѣ новыхъ работниковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОДЕРЖАНІЯ ПЕРВАГО ТОМА.

ВВЕДЕНІЕ стр. 1—54.

Предметъ изслѣдованія. Характеристика душевныхъ явленій—1. Характеристичныя черты душевныхъ состояній. Логика Психологіи. Планъ ея—5. Источникъ психологическихъ свѣдѣній—6. Значеніе самонаблюденія — 7. Способъ самонаблюденія — 10. Приложеніе эксперимента въ Психологіи—11. Приложеніе наблюденія въ Психологіи—13. Наблюденіе надъ другими людьми и способъ его—14. Наблюденіе надъ животными—17. Искусство какъ источникъ психологическихъ свѣдѣній —19. Помощь психологу со стороны языка — 21. Индукція въ Психологіи. Основаніе психологической индукціи — 25. Изслѣдованіе сосуществованія душевныхъ явленій—27. Изслѣдованіе связи и зависимости душевныхъ явленій — 28. Индуктивные методы въ Психологіи. Методъ согласія — 29. Методъ различія —30. Методъ сопутствующихъ измѣненій. Методъ остатковъ — 31. Случаи, препятствующіе приложенію экспериментальныхъ методовъ въ Психологіи—32. Вспомогательные индуктивные пріемы. Гипотезы въ Психологіи — 36. Приблизительныя обобщенія—38. Аналогіи—39. Психологическая дедукція — 40. Анализъ въ Психологіи — 41. Психологическій синтезъ. Его пріемы — 43. Пріемъ опредѣленія чрезъ отвлеченіе — 45. Психологія какъ система—45. Психологія какъ описательная система—46. Психологія какъ объяснительная наука. Первообразные и эмпирическіе законы въ ней — 47. Психологія какъ философская наука — 49. Необходимость различенія въ Психологіи реальнаго и философскаго способовъ изслѣдованія—52. Мѣсто Психологіи въ ряду философскихъ дисциплинъ — 53.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ПСИХОЛОГІИ 55—182.

Зависимость психологическихъ понятій отъ метафизическихъ направленій — 55. I. Классическая Психологія до Платона — 56. Психологія Платона — 61. Ученіе Аристотеля о душѣ Его психологическія сочиненія — 64. Послѣ-аристотелевскія школы — 71. Психологія Плотина — 72. Взглядъ Плотина на человѣка и душу; полемика его съ разными школами—74. Общія замѣчанія о классической Психологіи—86. Общія замѣчанія о развитіи Психологіи въ христіанскомъ періодѣ — 87. II. Психологія патристической эпохи - 89. III Психологія въ схоластическую эпоху—95. IV. Психологія новаго времени —103. Баконъ Веруламскій. Гоббесъ — 104. Локкъ — 107. Декартъ — 109 Малебраншъ — 112. Спиноза — 114. Вольфъ—116 Сенсуализмъ и матеріализмъ 18-го вѣка—120. Психологія Канта —122. Антропологія Фриза —125. Идеалистическая Психологія. Фихте, Гегель и его школа — 128. Реалистическая Психологія Гербарта — 134. Сочетаніе идеализма съ реализмомъ: Фихте млад., Лотце. Ульрици — 139. Бенеке — 147. Психологія Шотландской школы. Ридъ, Дюг. Стюартъ—151. Англійская эмпирическая школа. Гертли, Т. Броунъ, Д. Милль, А. Бэнъ — 157. Французская Психологія въ первую половину нашего столѣтія — 164. Психологія старыхъ нѣмецкихъ философскихъ школъ — 166. Современный матеріализмъ и его литература — 168. Взглядъ позитивистовъ на Психологію—171. Психологія подъ вліяніемъ Физіологіи. Г. Спенсеръ, Маудсли, Карпентеръ, Вундтъ—172. Литература спеціальныхъ психологическихъ вопросовъ — 177. Русская психологическая литература — 180.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ГЛАВА I — 182—233.

Ощущенія—182. Условія процесса ощущенія. Физическое условіе. Внѣшнія и внутреннія впечатлѣнія — 185. Физіологическое условіе. Нервы, нервныя клѣтки и процессы въ нихъ—186. Условія дѣятельности нерва и нервной клѣтки. Психическій процессъ въ ощущеніи — 190. Анализъ ощущеній. Качественный анализъ ощущеній—193. Органическія ощущенія—194. Мускульныя—196. Обоняніе —196. Вкусъ —197. Осязаніе —199. Слухъ. Органъ его. Ощущенія, имъ доставляемыя. Значеніе слуха—200. Зрѣніе. Органъ его. Ощущенія зрительныя. Значеніе зрѣнія — 208. Изслѣдованіе напряженія ощущеній — 212. Смыслъ Фехнеровскаго закона. Возраженіе противъ него—225. Два заключительныхъ замѣчанія объ ощущеніяхъ. Дѣйствуетъ ли при ощущеніи на душу только разность между впечатлѣніями—229. Ощущеніе есть ли сознаніе разности субъективныхъ возбужденій — 230.

ГЛАВА II — 233—312.

Воспоминаніе и забвеніе—233. Воспоминаніе. Историческія замѣчанія. Ученіе Бэна объ ассоціаціяхъ. Терминологія—234. Законъ смежности—237. Законъ смежности въ собственномъ смыслѣ—238. Воспоминаніе по послѣдовательности—244. Ассоціаціи сходства и противоположности. Ассоціація сходства. Изложеніе общепринятаго ученія о ней—246. Несамостоятельность ассоціаціи сходства—248. Выводъ ассоціаціи сходства изъ дѣйствія смежности—249. Первоначальное возникновеніе смежныхъ союзовъ сходныхъ представленій — 254. Несамостоятельность ассоціаціи противоположности. Выводъ ея — 257. Степени воспоминаемости состояній — 259. **Забвеніе.** Трудности анализа этого факта — 262. Виды забвенія. Объясненіе перваго вида—263. Степени забыванія—264. Измѣненія въ ассоціаціяхъ Измѣненія въ объемѣ ассоціацій. Осложненіе и сокращеніе ихъ—267. Измѣненія въ силѣ и крѣпости союзовъ — 272. Условія успѣшнаго запоминанія — 274. Физіологическія вліянія на память—277. Достоинства и недостатки памяти —285. Объясненіе воспоминанія — 290. Объясненіе забвенія — 301. Объясненіе фактовъ сокращенія ассоціацій. достоинствъ и недостатковъ памяти и значенія повторенія—305. Представленія съ нашей точки зрѣнія на память — 310.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ГЛАВА I — 312—366.

Рефлексія. Названія мыслительной дѣятельности — 313. Роды дѣятельности рефлексіи. Образованіе представленій — 315. Отожествленіе, уподобленіе и различеніе—317. Образованіе абстрактовъ —319. Связываніе мыслей—320. Разъединеніе мыслей — 323. Постепенное развитіе рефлективныхъ актовъ. Конкретныя представленія—326. Сравниваніе предметовъ по ихъ сходству и различію, по величинѣ, явленій — по послѣдовательности—327. Образованіе общихъ представленій — 331. Развитіе сужденій — 333. Понятія — 334. Умозаключеніе — 338. Методическое мышленіе: индукція и дедукція — 340. Послѣднія цѣли ума и смыслъ его дѣятельности —344. Достоинства и недостатки ума. Различіе умовъ по объему — 347,— по степенямъ напряженія,—349,— по результатамъ дѣятельности — 352. Первоначальныя достоинства ума и сочетаніе ихъ — 361.

ГЛАВА II — 366—437.

Воображеніе. Функціи воображенія. Оно аналогизируетъ, различаетъ и отожествляетъ — 366. Различіе уподобленій воображенія

и рефлексіи — 372. Воображеніе построяетъ новыя представленія —374. Воображеніе ставитъ представленія и мысли во взаимную связь—379. Ни въ способахъ, ни въ содержаніи дѣятельности его нѣтъ ничего истинно новаго—383. Въ чемъ состоитъ работа воображенія? — 384. Смыслъ и происхожденіе дѣятельности воображенія. Первоначальная сила, движущая воображеніемъ—387. Два главныя теченія въ дѣятельности воображенія—388. Воображеніе создаетъ міръ шутки и забавы—390. Идеальная дѣятельность воображенія—396. Идеалы искусства—397. Идеалы въ религіи: положительные и отрицательные—398. Эстетическіе и нравственные идеалы—399. Отличительныя черты идеаловъ—402. Участіе воли и рефлексіи въ построеніи идеаловъ — 403. Различіе идеаловъ у разныхъ народовъ—405. Различная цѣнность идеаловъ—408. Служеніе воображенія истинѣ — 410. Какіе законы и въ какихъ случаяхъ воображеніе должно соблюдать въ своей дѣятельности—411. Достоинства и недостатки воображенія — 417. Значеніе рефлексіи для воображенія — 421. Услуги воображенія рефлексіи — 422. Воображеніе источникъ оригинальности ума — 424. Воображеніе и рефлексія одна и таже дѣятельность — 432.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ЧУВСТВОВАНІЯ—438.

Классификація чувствованій — 438.

ГЛАВА I — 439—517.

Наслажденія и страданія. Чувственныя наслажденія и страданія—440. Общія замѣчанія о чувственныхъ наслажденіяхъ и страданіяхъ — 447. Эстетическія наслажденія—450. Вкусъ и обоняніе могутъ доставлять эстетическія удовольствія — 451. Эстетическія наслажденія, доставляемыя душѣ слухомъ. Эстетическіе элементы въ музыкѣ—455. Гармоническія сочетанія тоновъ—456. Сочетанія dur и moll — 460. Высота и сила звуковъ — 461. Темпъ и тактъ —462. Музыкальные контрасты —464. Послѣдовательность и развитіе тоновъ. Общій выводъ—467. Эстетическія чувствованія, доставляемыя зрѣніемъ—468. Эстетическія сочетанія цвѣтовъ—469. Эстетическій характеръ цвѣтовъ — 471. Эстетическія интеллектуальныя наслажденія—473. Эстетическія стороны поэзіи: цѣнность содержанія — 474. Красота формы. Эстетическія стороны формы: картинность изображенія—475. Контрасты — 477. Вѣрность дѣйствительности—478. Художественная цѣльность—481. Эпическое впечатлѣніе—483. Свѣжесть и наивность эпическаго міросозерцанія—484. Объективность изображенія—485. Грандіозность эпическихъ картинъ. Эпическое спокойствіе и эпическій ритмъ — 486.

Лирическое впечатлѣніе—488. Чувство трагизма. Характеристика его—490. Составъ трагическаго чувствованія—491. Дѣйствіе трагизма на душу—494. Трагизмъ въ жизни и исторіи. Чувство комизма. Поводъ къ нему—495. Составъ чувствованія комизма—496. Сопоставленіе чувствованій: комизма и трагизма. Два вида комизма—499. Взглядъ языка на комизмъ—501. Главный элементъ комизма—503. Выраженіе чувства комизма—смѣхъ—504. Чувство высокаго — 506. Общія замѣчанія объ эстетическихъ наслажденіяхъ — 508. Интеллектуальныя наслажденія и страданія — 510. Замѣчанія о наслажденіяхъ и страданіяхъ вообще — 515.

ГЛАВА II — 517—570.

Волненія. Волненія привязанности. Нѣжность и сочувствіе — 518. Волненіе любви — 523. Волненіе дружбы — 530. Волненіе грусти—534. Гнѣвъ и ненависть—539. Антипатія. Вражда—545. Личныя волненія: радость и горе—549. Страхъ — 556. Волненія хвалы и порицанія — 561. Чувство чести — 562. Волненіе стыда — 565. Чувство самоуваженія — 567.

ГЛАВА III — 570—610.

Возбужденія. Интеллектуальныя возбужденія. Чувство новости — 571. Чувство уваженія—573. Моральныя возбужденія. Чувство долга—575. Чувствованія совѣсти—576. Возбужденія, сопутствующія дѣятельности воли. Возбужденіе сомнѣнія—580. Чувство вѣры —583. Ожиданіе — 585. Надежда — 592. Отчаяніе—594. Чувствованія удовлетворенія и неудовлетворенія, удачи и неудачи — 595. Чувство силы—597. Чувство безсилія—599. Замѣчанія о религіозныхъ чувствованіяхъ—601. Простыя и сложныя чувствованія—608.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Предметъ изслѣдованія. Характеристика душевныхъ явленій.

„Психологія“ (ψυχή душа и λόγος слово, наука) значитъ собственно наука о душѣ. Это есть опредѣленіе только термина, названія науки. Дать реальное опредѣленіе ея невозможно. не поставивъ вопроса о томъ, что̀ такое душа, въ чемъ заключается ея сущность и т. д. Но поднимать такіе вопросы, до изслѣдованія фактовъ, въ которыхъ сказывается дѣятельность души, прежде ознакомленія съ ними, мы не можемъ. Это значило-бы предрѣшить цѣлый рядъ выводовъ и неизбѣжно войти въ полемику, такъ какъ по этому вопросу существуетъ разногласіе въ разныхъ психологическихъ школахъ. При самомъ началѣ нашихъ изслѣдованій, мы ограничимся указаніемъ предмета ихъ: психологія есть наука о душевныхъ явленіяхъ. Какъ ни далеко расходятся психологи въ отвѣтахъ на вопросы науки, но всѣ они могутъ сойтись на этомъ указаніи: наша наука несомнѣнно должна имѣть дѣло съ душевными явленіями.

Характеристичныя черты душевныхъ состояній.

Остановимся прежде всего на характеристикѣ душевныхъ явленій.

Во 1-хъ, они составляютъ рядъ фактовъ, извѣстныхъ намъ достовѣрно; мало того, изъ всѣхъ явленій только они намъ достовѣрно извѣстны. Принято ссылаться на темноту, сложность

и запутанность душевныхъ состояній; говорятъ, что ихъ мы знаемъ менѣе всего и что они въ высшей степени трудны для изслѣдованія. Но тогда какъ объясненіе ихъ, дѣйствительно, есть труднѣйшая научная задача, знакомство съ качественною стороною ихъ дается намъ легко и въ этомъ отношеніи жалобы на трудность познаванія ихъ неосновательны. Мы отлично знаемъ про себя, что значитъ ощущать красный, зеленый цвѣтъ, слышать тонъ, обонять запахъ и т. д.; также мы хорошо знаемъ, что значитъ представлять, мыслить, чувствовать, желать. И что эти явленія дѣйствительно существуютъ, что они суть реальные факты, это достовѣрно намъ извѣстно: мы ихъ переживаемъ. мы въ самомъ дѣлѣ волнуемся чувствованіями, двигаемся на дѣла хотѣніями и желаніями. Пусть наши ощущенія будутъ иллюзіями или галлюцинаціями и представленія — фантазіями, не соотвѣтствующими ничему реальному, но нельзя отрицать того факта, что они существуютъ и переживаются нами; положимъ, все это есть сновидѣніе, но это сновидѣніе есть и существуетъ. Мы утверждаемъ, однако, болѣе, мы говоримъ, только душевныя явленія одни несомнѣнно существуютъ для насъ и о всякомъ другомъ внѣшнемъ бытіи мы знаемъ лишь чрезъ нихъ. Намъ кажется, что несомнѣнно существуетъ домъ, въ которомъ мы живемъ, перо, которымъ пишемъ, существо, съ которымъ мы постоянно обращаемся, и вообще внѣшній предметный міръ, область нашихъ наблюденій и опытовъ. Но какъ мы знаемъ о всемъ этомъ? прямыхъ свѣдѣній отъ внѣшнихъ предметовъ до насъ дойти не можетъ и каковы они сами по себѣ, — это намъ остается и останется неизвѣстнымъ. Мы знаемъ о нихъ, потому что получаемъ ощущенія, возбуждаемыя ими въ нашихъ внѣшнихъ чувствахъ, потому что изъ ощущеній и по поводу ихъ образуемъ представленія и понятія; знаемъ о связи и зависимости ихъ, потому что въ состояніи думать о ней и т. д.; мы познаемъ внѣшній міръ. поскольку онъ дѣйствуетъ на насъ, и возбуждаетъ тѣ или другія состоянія въ насъ. Если онъ достовѣрно извѣстенъ намъ, то лишь потому, что за существованіе его ручаются намъ психическія явленія, переживаемыя нами, и въ этомъ смыслѣ мы утверждали выше, что они составляютъ единственный родъ достовѣрно извѣстныхъ фактовъ.

Во 2-хъ, мы называемъ ихъ внутренними, а не внѣшними явленіями. Называя душевныя явленія внутренними, мы разумѣемъ не то, что они совершаются не гдѣ либо внѣ насъ, но

внутри насъ. Это различеніе было бы случайное и касалось бы мѣста ихъ происхожденія; по нему, всякое душевное состояніе другаго существа было бы для насъ внѣшнимъ явленіемъ; при томъ, мы не выяснили бы тогда различія душевныхъ явленій отъ физіологическихъ: и послѣднія совершаются внутри нашего тѣла, внутри насъ. Названіе „внутреннія“ имѣетъ здѣсь тотъ смыслъ, что душевныя состоянія наблюдаются и изучаются не внѣшними чувствами, а внутреннимъ чутьемъ, даются въ самонаблюденіи. Невозможно ихъ видѣть глазомъ, слышать ухомъ, осязать, обонять или замѣчать вкусомъ; только въ сознаніи нашемъ мы понимаемъ, что значитъ переживать душею то или другое состояніе Эта черта радикально отличаетъ ихъ отъ всѣхъ внѣшнихъ фактовъ. Она указываетъ, что образъ познаванія послѣднихъ совершенно иной, чѣмъ душевныхъ состояній. Способы и пріемы, годные для изученія внѣшнихъ фактовъ, не всегда могутъ быть примѣнены къ изслѣдованію состояній души. И здѣсь нельзя утѣшаться тѣмъ соображеніемъ, что лишь теперь, пока психологическая наука еще слаба, не развита широко, мы должны ограничиваться внутреннимъ наблюденіемъ, но что, съ прогрессомъ ея, мы въ состояніи будемъ изучать психическіе факты, какъ внѣшніе. Никакія улучшенія въ микроскопѣ и телефонѣ не дадутъ возможности видѣть въ мозгу, какъ совершается мышленіе, или слышать, какъ волнуется душа въ моментъ того или другаго чувствованія: никакой чувствительный инструментъ не дастъ возможности непосредственно слѣдить за нарожденіемъ и возрастаніемъ душевныхъ явленій.

Въ 3-хъ, душевныя явленія несоизмѣримы съ физическими, химическими и механическими явленіями. Понятіе несоизмѣримости взято изъ математики: въ ней называются несоизмѣримыми линіи, въ которыхъ невозможно отыскать никакой столь малой части, на которую онѣ могли бы дѣлиться безъ остатка. Но въ математикѣ трактуется о несоизмѣримости величинъ, въ психологіи же, говоря о несоизмѣримости явленій внѣшнихъ съ внутренними, мы предполагаемъ несоизмѣримость качественную. Въ этомъ смыслѣ мы утверждаемъ, что ощущеніе зеленаго цвѣта само по себѣ не имѣетъ зеленаго цвѣта, желтаго — не желто; ощущеніе тона само по себѣ не звучитъ, какъ тонъ, — кислаго и сладкаго не кисло и не сладко само по себѣ, равно какъ шероховатаго и гладкаго не шероховато и не гладко. Представленіе треугольника не имѣетъ ни сторонъ ни угловъ, — линіи

не есть сама линія, — фунта или пуда не есть ни фунтъ ни пудъ. Мы говоримъ о сочетаніи душевныхъ явленій, союзѣ мыслей, связываніи частныхъ понятій общимъ, частныхъ положеній общимъ сужденіемъ, слитіи хотѣній и желаній въ одномъ влеченіи и т. д., но не можемъ и подумать, чтобы въ фактахъ связи, союзовъ, слитія душевныхъ состояній было что либо, хотя отдаленно, похожее на химическія сочетанія элементовъ, или на механическое связываніе однѣхъ частей механизма съ другими, чтобы результатъ психическаго процесса могъ быть объясняемъ, какъ объясняется дѣйствіе матеріальнаго механизма. Въ душевныхъ явленіяхъ есть связь и послѣдовательность, есть законность, но онѣ прилагаются на почвѣ sui generis и особымъ способомъ. Въ душевныхъ фактахъ мы имѣемъ своего рода таинство: невѣсомая и не измѣримая на физическія мѣры, мысль тѣмъ не менѣе говоритъ намъ о вѣсѣ, фигурѣ, величинѣ предметовъ и чрезъ безцвѣтное, беззвучное, лишенное вкуса, запаха и всякаго осязательнаго качества ощущеніе мы познаемъ и цвѣта и звуки и вкусы и запахи, шероховатость и гладкость внѣшнихъ предметовъ.

Несоизмѣримость душевныхъ явленій съ физическими, химическими и механическими есть слѣдствіе того факта, что первыя суть явленія внутренняго познаванія, а вторыя — внѣшняго. Не познаваясь глазомъ, ухомъ и никакимъ внѣшнимъ чувствомъ, состоянія души не могутъ имѣть цвѣта, быть слышимы, имѣть вкусъ, запахъ или какое либо осязательное качество; наоборотъ, внѣшнія явленія, познаваясь лишь внѣшними чувствами, не могутъ имѣть качествъ и признаковъ явленій внутреннихъ: поэтому характерныхъ качествъ внутреннихъ явленій невозможно переносить на внѣшнія и обратно, признаковъ послѣднихъ на первыя. Какой выводъ отсюда можетъ сдѣлать метафизика, это насъ здѣсь не касается: быть можетъ, она найдетъ, что явленія, несоизмѣримыя вслѣдствіе различія познаванія субъектомъ, могутъ и не быть существенно или субстаціонально различны, и такъ какъ матерія дана намъ какъ понятіе, какъ ощущаемое, а не какъ что либо реальное, и внутреннія явленія первѣе намъ извѣстны, чѣмъ что либо внѣшнее и собственно только они одни достовѣрны для насъ, то, быть можетъ, окончательный выводъ метафизики будетъ въ пользу признанія духа и состояній его, какъ единственно существующихъ фактовъ. Къ этому вопросу мы возвратимся въ третьемъ томѣ нашихъ изслѣдованій. Те-

перь же, характеризуя душевныя явленія, мы просто констатируемъ фактъ, что упомянутые два рода явленій не соизмѣримы одинъ съ другимъ.

Наконецъ, слѣдуетъ указать еще и ту характеристичную особенность душевныхъ явленій, что они могутъ сознаваться. Говоримъ, могутъ сознаваться, но не сопровождаются сознаніемъ. По разнымъ соображеніямъ, которыя будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ, мы считаемъ необходимымъ допустить въ обширныхъ размѣрахъ безсознательную жизнь души: всѣ роды душевныхъ состояній могутъ быть безсознательными. Но въ настоящемъ случаѣ для насъ безразлично, всѣ или только нѣкоторыя изъ нихъ сознаются; довольно и того, что нѣкоторые изъ нихъ сопровождаются сознаніемъ и что всѣ они, при благопріятныхъ условіяхъ, могутъ сознаваться. Эта черта самая характеристическая для душевныхъ фактовъ: она не встрѣчается ни въ какомъ внѣшнемъ явленіи; она означаетъ, что субъектъ не только переживаетъ извѣстное состояніе, но и относитъ его къ себѣ; при всякой сознательной своей дѣятельности, онъ себя подставляетъ, какъ причину ея, и въ себѣ не только объединяетъ многоразличныя состоянія, но и признаетъ свое единство. Невозможно представить себѣ, чтобы единство сознанія могло быть производимо какимъ либо органомъ, состоящимъ изъ частей и протяженнымъ. Такой органъ давалъ бы столько сознаній, сколько въ немъ молекулъ или атомовъ; тогда въ человѣкѣ было бы нѣсколько сознаній ощущеній, чувствованій и нѣсколько желающихъ и стремящихся центровъ.

Логика Психологіи. — Планъ ея.

Итакъ, предметъ нашей науки суть душевныя состоянія. Какъ ихъ изучать? Въ отвѣтъ на вопросъ, мы считаемъ нужнымъ дать краткій очеркъ Логики Психологіи.

Хотя психическія явленія составляютъ особый родъ фактовъ, но они все же суть факты: они нетолько происходятъ, случаются, но ихъ достовѣрность даже первѣе, чѣмъ внѣшнихъ фактовъ. Слѣдовательно, они должны подлежать научному изслѣдованію и Психологія въ отношеніи своего предмета поставлена также, какъ и всякая наука, имѣющая дѣло съ положительными явленіями. То обстоятельство, что она должна заниматься явленіями внутренними, а не внѣшними, конечно, ставитъ ее въ особое по-

ложеніе относительно источника свѣдѣній, пріемовъ изслѣдованія, но отнюдь не освобождаетъ ее отъ обязанности пользоваться общими для всѣхъ наукъ методами и вести дѣло изслѣдованія, какъ бы она имѣла дѣло съ внѣшними явленіями, тѣмъ болѣе, что какъ скоро мы отъ самонаблюденія обращаемся къ наблюденію духовной жизни въ другихъ существахъ, то мы изучаемъ ихъ какъ внѣшнія (хотя они не теряютъ отъ того внутренняго своего характера). Слѣдовательно, какъ всѣ естествовѣдныя науки развиваются съ помощію индукціи и дедукціи, такъ и психологія этимъ пріемамъ должна дать надлежащее приложеніе. Какъ наука о положительныхъ фактахъ, она должна дать широкое приложеніе индукціи: какъ система, стремящаяся свести обобщенія къ немногимъ общимъ положеніямъ, дабы изъ нихъ дедуктивно вывести частныя, она должна примѣнять къ дѣлу дедукцію. Послѣдняя тѣмъ болѣе умѣстна въ нашей наукѣ, что она, какъ мы увидимъ ниже, есть наука и философская.

Начать свое изложеніе психологической Логики мы должны съ вопроса объ источникѣ психологическихъ свѣдѣній. По особому характеру, изслѣдуемыхъ нашею наукою фактовъ, первоначальный источникъ, откуда мы почерпаемъ свѣдѣнія о нихъ, не можетъ быть тотъ же самый, откуда мы узнаемъ о внѣшнихъ явленіяхъ. Поэтому наши послѣдующія замѣтки о Логикѣ Психологіи должны распадаться на слѣдующія три части: 1) источникъ психологическихъ свѣдѣній, 2) индукція и 3) дедукція въ психологіи.

Источникъ психологическихъ свѣдѣній.

Общіе источники, откуда всякая наука получаетъ содержаніе для своихъ обобщеній, суть наблюденіе и опытъ. Наблюденіе есть умственное слѣдованіе за фактами въ томъ видѣ, въ какомъ представляетъ ихъ намъ природа: напротивъ, опытъ есть искусственное произведеніе факта, согласно цѣлямъ и намѣренію изслѣдователя. Въ виду огромныхъ преимуществъ опыта предъ наблюденіемъ, являются попытки пріобщить и Психологію его выгодамъ: только когда она будетъ вся основана на опытѣ, говорятъ, можно будетъ дать ея выводамъ желательную точность и поставить ее въ рядъ положительныхъ наукъ. Но прежде, чѣмъ разсуждать, въ какой мѣрѣ и какъ примѣнимы въ нашей наукѣ опытъ и наблюденіе, мы должны указать на особый харак-

теръ всякаго психологическаго наблюденія, происходящій изъ особаго свойства психическихъ явленій.

Значеніе самонаблюденія.

Мы видѣли, что душевныя состоянія суть внутреннія, а не внѣшнія явленія, и что они не могутъ быть наблюдаемы внѣшними чувствами, но даны только въ самонаблюденіи. Оно обозначается въ наукѣ различными названіями: самонаблюденіе, самосознаніе, внутреннее чувство, внутренній опытъ. Всѣ они означаютъ тотъ фактъ, что мы можемъ дѣлать самихъ себя предметомъ наблюденія и внутренно знакомиться съ душевными, переживаемыми нами, состояніями. Нѣкоторые изъ приведенныхъ названій указываютъ, что на подобіе того, какъ существуютъ внѣшнія чувства и внѣшній опытъ для ознакомленія съ внѣшними предметами, есть внутренній опытъ и внутреннее чувство для узнаванія душевныхъ состояній. Разумѣется, никакого особаго органа для этой цѣли мы предполагать не можемъ. Какъ самонаблюденіе производится, это мы укажемъ ниже; теперь же остановимся на значеніи, какое оно имѣетъ вообще для нашей науки.

Оно есть краеугольный камень, на которомъ зиждется все зданіе Психологіи. Свѣдѣнія о качественной сторонѣ психическихъ явленій даются только самонаблюденіемъ. Что значитъ ощущать тонъ, видѣть зеленый, желтый и т. д. цвѣта, думать думу, страшиться, гнѣваться, стыдиться, или желать и хотѣть,— это превосходно намъ извѣстно изъ самонаблюденія. Кому какое либо душевное состояніе не дано въ немъ, тотъ ни изъ какихъ другихъ источниковъ не пополнитъ своего знанія. Слѣпорожденный и глухонѣмой не могутъ въ своемъ внутреннемъ опытѣ ознакомиться съ цвѣтами и тонами; за то никакая наука въ свѣтѣ не восполнитъ этого пробѣла. Изъ физики они могутъ узнать о дрожаніяхъ свѣтоваго эѳира, могутъ узнать, какое количество колебаній его или воздуха производятъ тотъ или другой цвѣтъ, или тонъ; но это ни мало не пособитъ имъ узнать качество цвѣта или тона. И Психологія не можетъ взять на себя невозможную задачу: учить кого бы то ни было, что значитъ ощущать, мыслить, чувствовать, желать; фактическое знакомство съ этими состояніями предполагается ею у всякаго. Она можетъ и

должна взяться за рѣшеніе другихъ задачъ, какъ это мы въ свое время увидимъ.

Какое бы приложеніе мы ни давали опыту и наблюденію, пользованіе этими научными источниками основывается на самонаблюденіи. Если мы что нибудь понимаемъ въ наблюденіи надъ другими людьми и животными, то лишь благодаря внутреннему опыту. Какъ другой человѣкъ радуется или печалится мы прямо глазомъ этого не видимъ. Намъ кажется, что печаль или радость отпечатлѣваются на лицѣ, разливаются въ цѣломъ тѣлѣ. Но что въ сущности мы видимъ? ничего болѣе, кромѣ движеній въ мускулахъ лица, блеска глазъ, движеній и положеній тѣла; какъ происходитъ радость или печаль и что они такое, остается для насъ невидимымъ. Невозможно видѣть и слышать, какъ другой человѣкъ видитъ или слышитъ. Тоже самое замѣчаніе примѣнимо къ наблюденіямъ надъ животными: ни радостей, ни боли, ни ощущеній, ни представленій ихъ мы непосредственно наблюдать не можемъ; мы видимъ и замѣчаемъ только одни движенія, измѣненія въ ихъ глазахъ, позахъ тѣла и т. под.

Понятна намъ духовная жизнь другихъ людей и животныхъ только чрезъ самонаблюденіе. Основаніемъ для пониманія ея служитъ наше знаніе, какія состоянія какъ переживаются и какого рода вліяніе обнаруживаютъ они въ тѣлѣ. Мы знаемъ по внутреннему опыту, какъ то или другое чувство сказывается въ организмѣ, какія движенія его происходятъ при тѣхъ или другихъ желаніяхъ и т. д. Этимъ знаніемъ мы пользуемся для истолкованія чужой духовной жизни. Видя внѣшнія выраженія на лицѣ, въ глазахъ, тѣлодвиженіяхъ другого человѣка, мы по аналогіи (отъ сходныхъ дѣйствій къ сходнымъ причинамъ) дѣлаемъ заключеніе къ произведшимъ ихъ состояніямъ. При истолкованіи духовной жизни животныхъ, мы также прибѣгаемъ къ аналогіи, только другаго рода: отъ сходныхъ причинъ къ сходнымъ дѣйствіямъ. Мы предполагаемъ, что такъ какъ глаза животнаго устремлены на предметъ, то оно видитъ его, какъ видимъ мы, что ударъ палки причиняетъ боль ему, какъ причиняетъ и намъ, слѣдоват. визгъ собаки наприм. есть выраженіе боли, что какъ въ отвѣтъ на ласку и утоленіе голода мы остаемся благодарными, такъ и благодарно намъ животное, которое мы кормимъ и ласкаемъ и т. д.

При наблюденіи другихъ людей имѣетъ огромное значеніе языкъ: чрезъ него мы главнѣе всего знакомимся съ ихъ душев-

ными движеніями и состояніями и узнаемъ о существованіи такихъ, которыя рѣдко и неясно выражаются въ тѣлѣ, наприм. о мысляхъ. Но основаніемъ правильнаго истолкованія рѣчей другихъ людей служитъ также самонаблюденіе. Мы знаемъ по внутреннему опыту, какое слово выражаетъ какія мысли движенія сердца, желанія,— какой оттѣнокъ рѣчи, послѣдовательность ея, повышеніе голоса и т. д. что именно означаютъ. Знаніе всего этого образовалось вслѣдствіе долгаго наблюденія надъ самими собою, наблюденія того, какія душевныя состоянія и какъ выражались въ словѣ. Когда мы слышимъ рѣчь, мы понимаемъ смыслъ и значеніе ея и, пользуясь самонаблюденіемъ, правильно истолковываемъ душевныя состоянія говорящаго.

Что, дѣйствительно, самонаблюденіе есть основаніе для истолкованія обнаруженій духовной жизни какъ другихъ людей. такъ и животныхъ, это доказывается слѣдующими двумя фактами. 1) Каждый понимаетъ состояніе другихъ въ той мѣрѣ. въ какой самъ испыталъ ихъ. Если бы они передавались намъ прямо, или мы наблюдали ихъ подобно качествамъ реальныхъ предметовъ, то мы узнавали бы ихъ всѣ одинаково и не было бы разностей въ нашемъ пониманіи духовной жизни другъ друга, не моглобъ быть полнаго непониманія. Но извѣстно, какъ часто, вслѣдствіе не правильнаго истолкованія, мы придаемъ превратный характеръ душевнымъ состояніямъ другаго, приписываемъ невѣрное настроеніе, извращаемъ почти весь духовный образъ своего ближняго.

2) Необходимостію основываться на самонаблюденіи и прибѣгать къ аналогіямъ, при наблюденіи духовной жизни животныхъ, объясняется тотъ фактъ, что въ разное время разные наблюдатели очень расходились въ воззрѣніяхъ на нее. Декартовская школа считала ихъ просто движущимися автоматами. многіе изъ современныхъ физіологовъ приписываютъ имъ духовную жизнь въ размѣрахъ человѣческой. Относительно предметовъ очевидныхъ, которыхъ свойства находятся предъ глазами всѣхъ, противоположныхъ взглядовъ быть не можетъ; но они естественны, когда надобно довѣриться аналогіямъ: одни наблюдатели могутъ совсѣмъ не довѣрять имъ, другіе простирать довѣріе до слишкомъ далекихъ предѣловъ. Декартъ и его школа полагали что животное даетъ только ἀνάλογον душевныхъ состояній, но души не имѣетъ; современные же зоологи подъ всякое внѣшнее дѣйствіе его подкладываютъ мотивы и представленія че-

ловѣка. Одни идутъ далеко въ аналогіяхъ, другіе не дѣлаютъ ни одного шагу, и по обстоятельствамъ дѣла, прямаго опроверженія ни тѣхъ ни другихъ быть не можетъ. Фактовъ, прямо доказывающихъ существованіе души у животныхъ, нѣтъ: ибо таковые не могутъ быть даны въ чувственномъ наблюденіи; мы наблюдаемъ лишь ихъ движенія. Душевная жизнь животныхъ весьма вѣроятна, вотъ все, что можно сказать о ней. Гдѣ затѣмъ остановиться въ аналогіи, ихъ дѣйствія считать ли результатомъ такого склада, какъ человѣческій, или гораздо меньшаго, и на сколько, на это нѣтъ прямыхъ указаній въ опытѣ.

Способъ самонаблюденія.

Какъ производится самонаблюденіе? Прямое состоитъ въ сосредоточеніи вниманія на тѣхъ или другихъ переживаемыхъ душевныхъ состояніяхъ: напр. переживая гнѣвъ, радость, обдумывая что нибудь, или желая, мы останавливаемъ вниманіе на этихъ состояніяхъ, замѣчаемъ ихъ особенности, анализуемъ ихъ и т. д. Но такое самонаблюденіе возможно только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ и de facto едва ли когда производится. Чтобы такъ наблюдать себя, необходимо субъекту двоиться въ самомъ себѣ: въ одно и тоже время быть дѣйствующимъ лицомъ и предметомъ наблюденія. Когда состояніе до нѣкоторой степени интенсивно, оно поглощаетъ нашу энергію: занятые имъ и сосредоточивая на немъ вниманіе, мы не можемъ въ тоже время на столько отрѣшиться отъ него, чтобъ быть въ состояніи изучать его. Почти не избѣжнымъ результатомъ рѣшимости наблюдать свое состояніе бываетъ то, что послѣднее становится вялымъ и скоро исчезаетъ. Извѣстно, какъ всякія попытки блюсти за собою мѣшаютъ развиваться той дѣятельности, за которою мы хотѣли бы наблюдать. Спокойно обдумывая вопросъ и отдавшись мыслительному процессу, ничѣмъ не развлекаемые, мы можемъ глубоко входить въ дѣло: но стоитъ мыслителю думать о томъ, какъ это онъ думаетъ, и онъ сейчасъ же ослабитъ энергію своего мышленія; только тотъ ораторъ хорошо говоритъ, который, довѣряя себѣ, не особенно соблюдаетъ за собою, какъ онъ говоритъ; самый лучшій ораторъ, если станетъ наблюдать, какъ являются фразы, мысли, непремѣнно будетъ путаться и сбиваться съ толку. Поэтому понятна мудрость древнихъ аскетовъ, совѣтовавшихъ наблюдать за

собою въ минуты сильнаго возбужденія, сильнаго чувства или желанія.

Возможно самонаблюденіе косвенное, по воспоминанію. Независимо отъ нашего произвола, память запоминаетъ наблюдаемыя вещи, дѣйствія и событія; она запоминаетъ ощущаемое, т. е. внутреннія духовныя состоянія, и также точно она можетъ усвоять всѣ другія душевныя состоянія въ томъ порядкѣ, въ какомъ они совершаются: такъ мы запоминаемъ порядокъ и способы развитія мысли. чувствованія, хотѣнія и желанія. Будучи постоянными зрителями часто повторяющихся собственныхъ состояній, мы. независимо отъ намѣренія, накопляемъ огромный запасъ знаній о своихъ состояніяхъ. Обыкновеннымъ путемъ мы вызываемъ ихъ въ своей памяти и потому, никогда намѣренно не наблюдавши за собою, мы оказываемся очень хорошо знающими себя, понимающими значеніе и качество состояній, ходъ ихъ развитія, порядокъ, смѣну ихъ и т. д. Къ этому косвенному самонаблюденію въ огромномъ большинствѣ случаевъ и долженъ прибѣгать психологъ. Свои обобщенія онъ долженъ дѣлать, опираясь на припоминаніе того, какъ именно онъ переживалъ то или другое состояніе.

Итакъ самонаблюденіе и внутреннее пониманіе душевныхъ явленій. данныхъ въ насъ самихъ, есть краеугольный камень зданія нашей науки. На немъ основывается истолкованіе всякаго психологическаго опыта и наблюденія; не было бы самонаблюденія, немыслимы были бы и послѣдніе.

Обратимся теперь къ вопросу о значеніи опыта и наблюденія въ нашей наукѣ и размѣрахъ, въ какихъ они могутъ быть приложены въ ней.

Приложеніе эксперимента въ психологіи.

Современное естествовѣдѣніе опирается преимущественно на опытъ и чрезъ него достигаетъ желательной точности выводовъ и обобщеній. Такъ какъ душевныя явленія тоже суть факты, то явилось естественное желаніе, чтобы и они были, по возможности, подвергнуты экспериментамъ и изучены точно. Высказываются даже такія мнѣнія, что психологія никогда не станетъ точною наукою, пока не дастъ такое же приложеніе у себя эксперименту, какое онъ получилъ уже въ физикѣ, напримѣръ, или въ химіи. Такія желанія сами по себѣ очень хороши: ибо кто-же

изъ психологовъ не хотѣлъ бы сообщить своей наукѣ наибольшую точность. Въ приложеніи къ ощущеніямъ это желаніе до нѣкоторой степени осуществлено и получены значительные результаты. Если бы оказалась возможность еще разширить приложеніе эксперимента въ психологіи, тѣмъ лучше. Но слѣдуетъ помнить, что въ душевной жизни есть особыя условія и обстоятельства, дѣлающія опытъ не примѣнимымъ къ большинству душевныхъ состояній.

Опытъ имѣетъ то первое преимущество предъ наблюденіемъ, что онъ даетъ возможность умножать количество фактовъ. Но умножать ихъ по произволу возможно лишь въ томъ случаѣ, когда мы вполнѣ распоряжаемся ими и можемъ искусственно воспроизводить ихъ. Въ такомъ ли мы положеніи относительно душевныхъ явленій? Во-1-хъ, есть эксперименты теоретически возможные, но практически не осуществимые, потому что мы не имѣемъ права дѣлать ихъ. Было бы любопытно повторить извѣстный, приписываемый между прочимъ одному изъ фараоновъ, опытъ надъ дѣтьми и лишить нѣсколько дѣтей всякаго человѣческаго общенія, чтобы произвести филологическія и соціальныя наблюденія; равно любопытно было бы видѣть, при какихъ условіяхъ возникаютъ въ человѣкѣ тѣ или другія мозговыя явленія, какими послѣдствіями въ организмѣ сопровождаются сильныя волненія, наприм. страхъ. Но одни опыты опасны для жизни наблюдаемаго и потому мы не имѣемъ никакого права приносить человѣка въ жертву наукѣ, другіе подвергали бы страданіямъ, а можетъ быть, и дѣйствительнымъ опасностямъ умственное и физическое здоровье человѣка и потому были бы безнравственны.

Во-2-хъ, многіе душевные факты не могутъ быть воспроизводимы по произволу, потому что не находятся въ нашей власти. Нельзя по произволу гнѣваться, страшиться, стыдиться, когда нѣтъ къ тому реальныхъ поводовъ. Нельзя дѣлать опыты надъ талантами или геніями, потому что такого рода явленія принадлежатъ къ числу самыхъ рѣдкихъ въ человѣческомъ обществѣ. Высокія чувства чести, нравственнаго негодованія, благоговѣнія, высокаго эстетическаго наслажденія такъ рѣдко возникаютъ въ людяхъ, что ихъ скорѣе слѣдуетъ считать дарами свыше, чѣмъ обыденными фактами, производимыми по произволу.

Невозможно въ широкихъ размѣрахъ воспользоваться и вторымъ преимуществомъ опыта, именно, что онъ дозволяетъ намъ

изолировать явленія. Естествоиспытатель, уединяя физическое явленіе и заставляя его совершаться, при точно имъ установленныхъ условіяхъ, получаетъ указаніе, какая причина его производитъ и по какому закону. Психологъ въ иномъ положеніи. Многихъ явленій онъ не можетъ изолировать такъ, какъ слѣдовало бы, чтобы опытъ сталъ поучителенъ. Невозможно заставлять человѣка переживать одно какое либо чувство, независимо отъ дѣятельности мысли или воли, и невозможно заставить человѣка желать безъ представленія объекта хотѣнія; въ зрѣломъ и развитомъ человѣкѣ даже процессъ ощущенія совершается при дѣятельномъ участіи представленій и рефлексіи. Выдѣлять одну сторону душевной жизни отъ другой на подобіе того, какъ выдѣляется одно физическое явленіе отъ другаго, нѣтъ никакой возможности. Притомъ, сложность душевныхъ явленій такова, что если бы экспериментъ и былъ реально приложенъ къ нимъ, мы столь же мало знали о явленіяхъ и послѣ эксперимента, какъ до него. Мысль можетъ возникать путемъ логическимъ, чрезъ ассоціацію, вслѣдствіе волненій, по поводу желаній; одно и тоже явленіе возникаетъ вслѣдствіе многихъ причинъ, какъ подъ нимъ экспериментировать? Мы желали бы испробовать, какъ извѣстныя условія вліяютъ на душу человѣка: какъ человѣкъ воспитывается и чего можно достигнуть одною строгостію. Опытъ въ этомъ случаѣ не повелъ бы къ рѣшительнымъ выводамъ, потому что характеръ человѣка слагается вслѣдствіе многихъ условій, а главнѣе всего, зависитъ отъ первоначальныхъ причинъ, лежащихъ въ натурѣ каждаго человѣка. Если бы мы и рѣшились экспериментировать въ этомъ дѣлѣ, то изъ полученныхъ данныхъ ничего обстоятельнаго вывести было бы невозможно.

Приложеніе наблюденія въ психологіи.

По условіямъ своего предмета, Психологія всегда будетъ опираться преимущественно на наблюденіе. Оно вовсе не такой дурной источникъ свѣдѣній, какъ это кажется нѣкоторымъ экспериментаторамъ. Во многихъ, даже положительныхъ, наукахъ преимущественно на немъ основываются выводы и обобщенія. Правильно организованное наблюденіе и осмотрительность въ заключеніяхъ, нужная, впрочемъ, и при экспериментахъ, могутъ дать цѣнныя психологическія обобщенія. Предметомъ наблюденія

можетъ служить душевная жизнь другихъ существъ, многія обобщенія можно извлекать изъ искусства и языка.

Наблюденіе надъ другими людьми и способъ его.

Мы постоянно наблюдаемъ душевную жизнь другихъ людей, особенно тѣхъ, съ которыми близки духовно, или сталкиваемся по условіямъ жизни. Часто мы интересуемся тѣмъ, что происходитъ въ душахъ, которыхъ любимъ или ненавидимъ, и наблюдательно относимся къ событіямъ ихъ духовной жизни. Въ языкѣ мы имѣемъ средство для обмѣна мыслей, чувствъ и желаній, и чрезъ него получаемъ свѣдѣнія о происходящемъ въ душѣ другаго. Такимъ образомъ скопляется богатый запасъ психологическихъ свѣдѣній, которыя могутъ служить полезнымъ дополненіемъ къ знанію душевной жизни, данному въ самонаблюденіи. Разумѣется, наблюдательность должна быть развита въ психологѣ и наблюденія надъ самимъ собою онъ долженъ провѣрять наблюденія надъ другими. Но всякія подобныя замѣтки случайны и не методичны. Живя въ семьѣ, обществѣ, соприкасаясь съ различными людьми и переживая съ ними событія, трудно всегда двоиться, переживать съ другими событія и наблюдать ихъ. Чѣмъ интереснѣе разговоръ, фактъ, случившійся въ обществѣ, тѣмъ менѣе можетъ быть развито наблюдательности, тѣмъ болѣе непосредственный интересъ поглотитъ вниманіе. Не легко далѣе сохранять положеніе наблюдателя въ жизни, тѣмъ болѣе, что люди, охотно дозволяя переживать съ собою событія, не охотно являются въ роли наблюдаемыхъ. Поэтому методическаго тутъ ничего быть не можетъ. Какъ и самонаблюденіе, наблюденіе другихъ людей должно происходить какъ бы украдкою, больше въ памяти долженъ собираться запасъ знаній того, какъ люди вообще дѣйствуютъ, переживаютъ состоянія и т. д.

Чтобы наблюденіе надъ другими людьми приносило пользу наукѣ, необходимо его вести методически и по плану. Есть ли возможность это устроить? думаю, что есть. Можно предлагать вопросы разнымъ лицамъ. Мною было предложено нѣсколько вопросовъ (37) лицамъ разныхъ слоевъ общества. Предметы вопросовъ составляли условія возникновенія нѣкоторыхъ чувствованій. Напечатанные вопросы я рѣшился предложить многимъ изъ своихъ знакомыхъ, наудачу, только чтобъ имѣть опытъ, что можетъ изъ этого выйти. Относительно цвѣтовъ я предложилъ нѣ-

сколько вопросовъ женской аудиторіи (когда читалъ на высшихъ женскихъ курсахъ психологію). Полученные отвѣты убѣдили меня, что этимъ способомъ можно кой къ чему придти и что есть своего рода законность въ такихъ душевныхъ явленіяхъ, которыя, повидимому, у каждаго индивидуума совершаются по своему. Такъ какъ у меня въ этомъ дѣлѣ есть уже маленькая опытность, то я позволю себѣ, въ видахъ успѣха подобныхъ изслѣдованій, нѣсколько остановиться на немъ.

Прежде всего я замѣчу о составленіи вопросовъ. Не говорю уже о томъ, что вопросъ долженъ имѣть грамматическую точность, что̀ разумѣется само собою, но онъ долженъ обнаруживать ясно, какого рода отвѣтъ вы ожидаете отъ спрашиваемаго лица: послѣднее должно сразу, по прочтеніи вопроса, понять, чего вы собственно отъ него хотите. Для этой цѣли вопросъ не долженъ быть слишкомъ общъ: отвѣтъ на него не долженъ требовать отъ спрашиваемаго лица широкаго обобщенія. Такъ какъ психологу можетъ многое казаться субъективно яснымъ, что для другихъ далеко не таково, то, по моему мнѣнію, слѣдуетъ, прежде широкаго распространенія вопросовъ, обратиться къ образованному дружественному лицу, на которомъ первомъ и испробовать, въ какой степени удовлетворительно составлены вопросы. Далѣе, чтобы направить вниманіе спрашиваемаго на сторону дѣла, именно интересующую психолога, слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, предѣлить нѣсколько отвѣтъ. Конечно, ставить вопросъ интересно только относительно тѣхъ фактовъ, которые допускаютъ какія либо числовыя опредѣленія. Поэтому отвѣтъ можетъ быть намѣченъ такъ, что отвѣчающему останется представить желаемую цифру, дробь; иначе, во многихъ случаяхъ, или отвѣтъ дастся не тотъ, какого вы желали, или многихъ затруднить (особенно дамъ) редакція отвѣта и вы можете совсѣмъ не получить его. Для обезпеченія успѣха необходимо принять нѣкоторыя мѣры къ контролю отвѣтовъ. Для этого необходимо ставить нѣсколько вопросовъ, по поводу одного и того же состоянія, разныхъ случаевъ его возбужденія. Ошибка отвѣчающаго въ однихъ случаяхъ можетъ быть провѣрена сужденіемъ его же относительно другихъ.

Конечно, я отъ всего сердца желалъ дать своимъ вопросамъ самое широкое распространеніе и первоначально думалъ, что у меня будутъ собраны массы отвѣтовъ. Однако, я скоро убѣдился, что это дѣло гораздо труднѣе, чѣмъ представлялось съ перваго

взгляда. Нѣкоторыя лица, по своему развитію, никакъ не могутъ понять научной цѣли, для которой вопросы предлагаются, не въ состояніи отвлечься отъ конкретныхъ случаевъ или обсудить ихъ; для многихъ, затрудненныхъ безъ того всякаго рода умственною дѣятельностью, непріятенъ лишній трудъ обдумыванія отвѣтовъ. Можно опасаться, что нѣкоторые выставивъ въ отвѣтъ первое, что придетъ въ голову, и такимъ образомъ лишатъ значенія добросовѣстные, обдуманные отвѣты. На это слѣдуетъ уже напередъ идти, что многія лица совсѣмъ не дадутъ никакихъ отвѣтовъ и забудутъ, что вы ихъ о чемъ то просили. Поэтому думать о распространеніи вопросовъ въ массахъ нѣтъ никакой возможности: если бы отвѣты и получились, то имъ едва ли можно питать довѣріе и основывать на нихъ какое либо обобщеніе. Слѣдуетъ обращаться прежде всего къ хорошимъ и образованнымъ знакомымъ, характеру которыхъ и способности отвѣчать можно довѣрять, или къ такимъ лицамъ, которыя вообще, по своему характеру и положенію, могутъ понять и оцѣнить научную цѣль. Разумѣется, гдѣ можно, полезно присоединять личныя объясненія смысла и цѣли вопросовъ, или распространять ихъ чрезъ такихъ лицъ, которыя, при нуждѣ, могутъ дать требуемыя объясненія.

Замѣчу еще, что какъ ни желательно распространить такое методическое и систематическое наблюденіе, но не слѣдуетъ при этомъ вдаваться въ крайности. Во-1-хъ, мнѣ кажется, не слѣдуетъ предлагать за разъ массу вопросовъ, потому что добросовѣстные отвѣты на нихъ будутъ тогда серьознымъ трудомъ, котораго мы, психологи, не въ правѣ отъ всякаго требовать. Во-2-хъ, слѣдуетъ опасаться, чтобы подобные вопросы не обратились въ безцѣльное и, главное, недобросовѣстное распрашиваніе, которое можетъ безъ нужды безпокоить серьозныхъ людей. Поэтому право ставить вопросы едвали можетъ быть предоставлено всякому и слѣдовательно, спрашиваемые имѣютъ полное право каждый разъ рѣшать, по своему усмотрѣнію, слѣдуетъ-ли имъ отвѣчать или нѣтъ. Въ-3-хъ, спрашивающій долженъ, по возможности, внушить отвѣчающимъ, что имъ не слѣдуетъ отвѣчать совсѣмъ необдуманно, какъ попало, равно и слишкомъ много рефлектировать надъ вопросами. Въ послѣднемъ случаѣ легко можетъ случиться, что отвѣчающіе будутъ убѣждать себя, что слѣдуетъ отвѣчать въ извѣстномъ смыслѣ, и отвѣтятъ не то, что подсказалось имъ по опыту и самонаблюденію, а то, какъ,

по ихъ мнѣнію, всего вѣроятнѣе должно быть. Такіе отвѣты не будутъ имѣть полной цѣны.

Какъ обращаться съ полученными такимъ образомъ отвѣтами, объ этомъ мы будемъ говорить ниже. Замѣтимъ теперь, что этотъ способъ наблюденія открываетъ наукѣ новый и весьма цѣнный матеріялъ, и надлежащее пользованіе имъ можетъ освѣтить многое въ духовной жизни: напримѣръ, могутъ быть несомнѣнно открыты законы возрастанія чувствованій, каковую попытку я представлю въ своемъ мѣстѣ. Когда получится значительное количество отвѣтовъ, можно будетъ приступить къ рѣшенію вопроса, какъ велики колебанія въ чувствительности разныхъ индивидуумовъ, разныхъ классовъ общества и, быть можетъ, если бы были сравнены отвѣты, данные лицами разныхъ національностей, то и разныхъ народовъ *).

Наблюденіе надъ животными.

Необходимо расширить наблюденія на низшія существа, на животныхъ. Разсуждая теоретически, весьма интересно было бы наблюдать душевныя явленія въ ихъ простѣйшей формѣ. У человѣка они осложняются: высшія формы развитія перемѣшиваются съ низшими; человѣкъ несомнѣнно болѣе видитъ въ предметѣ, чѣмъ любое животное, потому что въ процессѣ ощущенія его участвуетъ рефлексія: многое изъ того, что мы видимъ, принадлежитъ ей, а не ощущенію; страстныя состоянія духа у человѣка умѣряются чувствомъ долга, въ его любви есть стремленіе къ прекрасному, чего нѣтъ у животнаго. Оно ощущаетъ просто, или съ малымъ участіемъ представленій, оно отдается своимъ стремленіямъ прямо и борьбы между желаніями, столь обыкновенной въ человѣческомъ существѣ, у него почти не бываетъ. Если бы мы могли наблюдать животныхъ такъ, какъ наблюдаемъ другихъ лю-

*) Вопросы, уже предлагавшіеся мною разнымъ лицамъ, я перепечатываю въ концѣ книги, въ надеждѣ, что нѣкоторые изъ благосклонныхъ моихъ читателей отвѣтятъ на нихъ сами и, быть можетъ, подвигнутъ къ тому тѣхъ изъ своихъ знакомыхъ, которые удовлетворяютъ вышеупомянутымъ условіямъ. Чтобы не затруднять переписываніемъ вопросовъ, я покорнѣйше прошу при отвѣтѣ проставлять только № вопроса. Для надлежащей оцѣнки отвѣтовъ, я принужденъ просить, чтобы они сопровождались, покрайней мѣрѣ, общими указаніями мѣстности, гдѣ живетъ отвѣчающій, и общественнаго или служебнаго его положенія. Само собою разумѣется, что отвѣчающему нечего опасаться, гдѣ бы то ни было и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, быть гласно упомянутымъ. Отвѣты адресовать въ С.-Петербургскій Университетъ, профессору Владиславлеву.

дей, то наши психологическія обобщенія, конечно, получили бы большую точность.

Такъ какъ животный міръ, по обширности своего распространенія, по разнообразію формъ дѣятельности и условій, при которыхъ она совершается, имѣетъ самъ по себѣ огромный интересъ, то, конечно, онъ заслуживаетъ тщательнаго и внимательнаго наблюденія. Психологія, въ обширномъ смыслѣ, есть наука о душевной жизни не одного только человѣка, а всѣхъ, доступныхъ нашему наблюденію, существъ; слѣдовательно, она должна была бы обнимать и душевныя состоянія всѣхъ классовъ животнаго міра.

Но любопытное обстоятельство: не смотря на появленіе новыхъ свѣдѣній о душевной жизни животныхъ, точность выводовъ о ней нисколько отъ этого неувеличилась. Улучшеніе анализа душевныхъ фактовъ, если и совершилось, то никакъ не въ связи съ успѣхами знакомства съ духовною стороною животныхъ. Отчего, до сихъ поръ, давнишнее уже соприкосновеніе человѣка съ ними, наприм. съ домашними животными, не пролило свѣта ни на одно душевное состояніе? Конечно, оттого, что относительно такого рода наблюденій мы поставлены въ особыя условія. Какъ мы видѣли, прямо и непосредственно духовную жизнь животнаго міра видѣть мы не можемъ. Душевныя состоянія животныхъ тѣмъ болѣе скрыты отъ насъ, что мы не имѣемъ такого средства для взаимнаго обмѣна съ ними мыслей, какое языкъ доставляетъ намъ при сношеніяхъ съ людьми. Слѣдовательно, въ наблюденіяхъ приходится по внѣшнимъ обнаруженіямъ въ животныхъ догадываться, что̀ въ нихъ происходитъ. И такъ какъ никакими положительными фактами провѣрить своихъ выводовъ не можемъ, то въ концѣ концовъ послѣдняя опора при истолкованіи дѣйствій животныхъ состоитъ въ вѣроятной гипотезѣ, что при равныхъ условіяхъ и причинахъ, животныя переживаютъ состоянія, подобныя нашимъ.

Такъ какъ о духовной жизни животныхъ мы должны заключать по аналогіи себѣ, то мы не столько въ наблюденіяхъ ея можемъ искать средствъ для разъясненія своей и вообще человѣческой жизни, сколько, наоборотъ, тщательнымъ изученіемъ послѣдней можемъ надѣяться пролить свѣтъ и на душевныя состоянія животныхъ. Не для аѳоризма только мы говоримъ, что человѣкъ тогда шире и полнѣе поймётъ ихъ, когда многостороннѣе и точнѣе ознакомится съ самимъ собою. Всякій шагъ

въ изученіи человѣка будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ шагомъ и въ животной Психологіи. Хотя явленія животной духовной жизни проще въ своемъ составѣ, чѣмъ явленія человѣческой, но они несравненно далѣе отъ насъ, чѣмъ послѣднія, и лишь когда мы разберемся въ фактахъ своей жизни, можемъ, съ пользою для дѣла, приниматься и за объясненіе духовной дѣятельности животныхъ.

Искусство какъ источникъ психологическихъ свѣдѣній.

Богатый кладъ психологическихъ свѣдѣній и матеріаловъ, представляетъ искусство. Въ произведеніяхъ живописи и скульптуры мы имѣемъ изображенія разныхъ состояній и настроеній души, какъ необыкновенныхъ, вызываемыхъ важными поводами, такъ и мелкихъ, сопровождающихъ обыденныя приключенія ежедневной жизни. Но, можно сказать, сокровище разныхъ тонкихъ наблюденій надъ человѣческою душою заключается въ поэзіи въ собственномъ смыслѣ, въ эпическихъ, лирическихъ и драматическихъ произведеніяхъ, разсказахъ, повѣстяхъ и романахъ. Поэзія есть нѣчто въ родѣ втораго міра психическихъ фактовъ, постигнутыхъ по воображенію и разсказанныхъ въ послѣдовательности, въ какой они совершаются въ жизни. Какое, напримѣръ, знаніе души человѣческой у Шекспира, у Гете, Мольера и Виктора Гюго, нашихъ Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевскаго и т. д.

Однако, тоже странное явленіе, до сихъ поръ Психологія мало пользовалась поэзіей для своихъ выводовъ и ничего не могла разъяснить ею, все равно какъ и наоборотъ, поэзія почти ничѣмъ не могла съ пользою позаимствоваться отъ Психологіи. Происходитъ это отъ того, что, съ одной стороны, поэзія вовсе не имѣетъ и не можетъ имѣть въ виду какихъ либо научныхъ цѣлей, а съ другой, сама Психологія далеко еще не въ томъ состояніи, чтобы смогла воспользоваться для своихъ цѣлей поэзіей.

Поэзія изображаетъ ходъ душевныхъ состояній въ ихъ естественной послѣдовательности и описываетъ ихъ въ болѣе или менѣе художественной формѣ. Послѣднее обстоятельство уже имѣетъ немалое вліяніе на умаленіе научнаго значенія матеріала, ею доставляемаго. Мы требуемъ отъ поэзіи не только

вѣрности дѣйствительности, но и художественности изображенія и потому дозволяемъ ей иногда усиленіе, иногда смягченіе красокъ въ картинахъ, когда это требуется художественностію изображенія. Какъ живопись могла дать Дарвину очень мало цѣнныхъ указаній для изученія выраженія чувствованій, такъ и художественные типы и лирическія изображенія, создаваемыя для особыхъ цѣлей, не могутъ служить для прямыхъ какихъ либо психологическихъ обобщеній. Притомъ, поэзія, изображая душевную жизнь ряда личностей, останавливается только на важныхъ, или вообще нужныхъ для ея цѣлей, элементахъ развитія душевныхъ процессовъ; поэтому она многаго недоговариваетъ, предоставляя пополненіе пробѣловъ воображенію читателя или зрителя; она опускаетъ неважное и незначительное для нея, а съ нимъ часто промежуточныя звѣнья между выдающимися душевными состояніями. Затѣмъ, она даетъ такого же рода матеріалъ, какъ и самонаблюденіе: она разсказываетъ событія, описываетъ состоянія въ такой мѣрѣ, по скольку они или даны были въ самонаблюденіи самого поэта. или постигнуты воображеніемъ его, слѣдовательно, въ сущности, она даетъ сырой матеріалъ, какъ и вообще наблюденіе самого себя и другихъ людей, и не представляетъ никакого объясненія своего матеріала.

Психологія, съ своей стороны, вовсе не въ такомъ положеніи, чтобы пользоваться поэзіей для своихъ цѣлей. Тѣ части ея, которыя трактуютъ объ общихъ процессахъ душевной жизни, наприм. ощущеніи, представленіяхъ, рефлексіи и т. д., мало могутъ касаться конкретныхъ случаевъ этой дѣятельности, спеціальныхъ направленій дѣятельности ума, чувства и воли, т. е. такихъ случаевъ, которые по преимуществу даютъ содержаніе для поэта. Общая часть Психологіи можетъ пользоваться поэзіей лишь для разъясненій, брать примѣры блестящихъ описаній различныхъ состояній, описаній, требующихъ, однако, нѣкоторыхъ поправокъ. Тѣже отдѣлы, которые прямо ставили бы Психологію съ поэзіей лицомъ къ лицу, наприм. объ индивидуальныхъ формахъ духовной жизни, о темпераментахъ и т. под. совсѣмъ не разработаны и ничего достойнаго вниманія не могутъ представить поэзіи.

Психологи всегда будутъ выражать одни безплодныя желанія воспользоваться искусствомъ для своихъ цѣлей и никогда не пойдутъ далѣе извлеченій нѣсколькихъ строкъ изъ того или другаго произведенія поэзіи, что будетъ зависѣть отъ вкуса и

случайныхъ знаній лица, пока не примутся за изученіе поэзіи, согласно съ своими цѣлями, систематически и методически. Слѣдуетъ начать съ точнаго психологическаго описанія и анализа типовъ того или другаго писателя: наприм. Шекспировскіе типы, не смотря на массу исписанной о нихъ бумаги, не описаны еще удовлетворительно, какъ слѣдовало бы съ точки зрѣнія Психологіи, и еще менѣе анализованы. Когда такая работа была бы сдѣлана для важнѣйшихъ авторовъ, то можно бы было приступить къ классификаціи типовъ и эта работа была бы полезна для вопроса объ индивидуумахъ, о теченіяхъ въ общественной жизни, о духовномъ строѣ общества и т. д. Если позволитъ время и обстоятельства, то я намѣренъ сдѣлать опытъ такой работы по отношенію хотя къ одному изъ нашихъ важнѣйшихъ писателей: наприм. несомнѣнно, что романы Достоевскаго заслуживаютъ такой работы, и анализъ, описаніе и посильное объясненіе его типовъ могутъ раскрыть нѣкоторыя глубокія стороны человѣческой природы.

Помощь психологу со стороны языка.

Сокровища психологическихъ наблюденій и обобщеній скрыты въ языкѣ. Именуя психическія состоянія и процессы, языкъ часто бралъ для этой цѣли слова отъ какихъ либо физическихъ дѣйствій, что особенно замѣтно въ названіяхъ болѣе высокихъ и тонкихъ психическихъ состояній: наприм, сокрушеніе духа отъ крушити, разбивать на части, попеченіе — пещись, воскресеніе — кресити, т. е. высѣкать огонь, понятіе — имати, яти т. е. хватать руками. Для психолога важно подмѣтить, какое первое было впечатлѣніе, вынесенное народомъ изъ наблюденія того или другаго душевнаго явленія, состоянія, процесса, почему онъ и уподобилъ въ своемъ воображеніи послѣдніе нѣкоторымъ физическимъ состояніямъ и дѣйствіямъ. Разныя названія, теперь имѣющія спеціальный смыслъ и притомъ научный, первоначально имѣли иное общее значеніе, и наоборотъ, теперь имѣющія общій смыслъ, прежде имѣли частное значеніе. Съ теченіемъ времени вниманіе говорящихъ переносилось съ одной стороны обозначаемаго предмета на другую и слово получало иное значеніе. Эти измѣненія въ названіяхъ разныхъ духовныхъ состояній происходили отъ расширенія психологической наблюдательности народа, влагавшей въ психологическіе термины въ разное время различный смыслъ.

Нетолько въ исторіи языка, но и современномъ его складѣ и составѣ заключаются обильные для психолога матеріалы. Слово, кромѣ прямаго значенія, можетъ имѣть нѣсколько другихъ частныхъ оттѣнковъ. Все это отыскать возможно, только прослѣдивъ различные случаи его употребленія въ живой рѣчи, фразахъ и выраженіяхъ; изъ разныхъ случаевъ употребленія слова оказывается, что въ одномъ случаѣ выдвигается одно значеніе, въ другомъ — другое, въ третьемъ — третье. Напримѣръ, мы говоримъ: не смѣяться, а уважать слѣдовало бы такое-то лицо; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ смѣхъ означаетъ признаніе предмета малымъ, ничтожнымъ; въ другомъ случаѣ противополагаемъ смѣшной разсказъ скучному, серьезному: здѣсь смѣхъ означаетъ забаву: иногда мы говоримъ, что не смѣяться слѣдовало бы, а пожалѣть человѣка; какъ нѣчто противоположное жалости, онъ означаетъ недоброжелательство, злорадство, ненависть. Давая слову, означающему душевное состояніе, то или другое значеніе, языкъ руководится, конечно, безсознательнымъ анализомъ сложнаго состоянія и потому иногда выдвигаетъ одинъ элементъ его, иногда другой. Если съ этой стороны заглянуть въ языкъ, то окажется, что всякій народъ имѣетъ свой психологическій анализъ, свою психологическую теорію и что онъ глубже понимаетъ сложность душевныхъ состояній, чѣмъ научная Психологія. Смыслъ состоянія, означаемаго тѣмъ или другимъ названіемъ, можно иногда открыть, только прослѣдивъ, что обозначаетъ имъ языкъ въ различныхъ фразахъ и выраженіяхъ. Напримѣръ, что значитъ чувство нѣжности, столь важное вообще въ жизни сердца? Мы говоримъ: нѣжный вкусъ, въ смыслѣ деликатности и тонкости его, нѣжный цвѣтъ также въ этомъ смыслѣ; мы нѣжны съ дѣтьми, съ произведеніями искусства, боимся дотронуться до нихъ, чтобы какъ не порушить ихъ и т. д.; нѣжнымъ мы называемъ предметъ деликатный, могущій легко быть порушеннымъ, хрупкій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дорогой, цѣнный; слѣдовательно, чувство нѣжности будетъ то состояніе сердца, при которомъ мы относимся къ предмету какъ деликатному, легко могущему быть порушеннымъ, дорогому и цѣнному.

Синтактическая сторона языка, касающаяся психологическаго матеріала, можемъ дать весьма много указаній; напримѣръ, языкъ слѣдитъ за тонкими оттѣнками желаній и хотѣній, сознаетъ разныя степени чувствованій и т. д. Фразы, касающіяся душевныхъ состояній, суть выраженія взглядовъ языка на нихъ и смотря

по тому, какъ онъ ихъ представляетъ себѣ, такой даетъ оборотъ и выраженію: напримѣръ, ты сдѣлай, я желалъ бы, чтобы ты сдѣлалъ, сдѣлать бы тебѣ, еслибы ты сдѣлалъ! Очевидно, различныя состоянія желанія обозначаются въ этихъ четырехъ случаяхъ. Употребленіе „ся, себѣ, свой“ указываютъ, какъ въ сознаніи важна сторона самопредставленія и какъ часто мы себѣ представляемъ самихъ же себя, какъ постороннее существо. Употребленіе залоговъ, наклоненій, видовъ, временъ глаголовъ, обозначающихъ психологическія состоянія, можетъ указать, какого рода вліяніе воли языкъ предполагаетъ на душевныя состоянія, какъ обширна можетъ быть измѣнчивость въ нихъ. Какъ, напримѣръ, понять выраженіе: бойся нарушить законъ, если не предположить, что языкъ повелѣваетъ страшиться не въ смыслѣ чувства (что невозможно), а въ смыслѣ волеваго элемента, заключающагося въ страхѣ, и состоящаго въ устраненіи себя, бѣгствѣ отъ опасности, въ данномъ случаѣ отъ нарушенія закона. И этотъ взглядъ языка на страхъ глубокій; онъ, можно сказать, предупредилъ научный анализъ.

Языкъ, въ смыслѣ психологическаго источника, имѣетъ то преимущество предъ искусствомъ, что онъ уже обладаетъ психологическимъ анализомъ, что работа, изъ которой состоитъ почти вся психологическая современная наука, въ немъ уже до нѣкоторой степени произведена. Если бы подмѣтить, какое понятіе языкъ имѣетъ о различныхъ душевныхъ состояніяхъ, какіе въ нихъ находитъ онъ элементы, какая связь между ними предполагается при тѣхъ или другихъ оборотахъ рѣчи и т. д., то мы имѣли бы своего рода теорію Психологіи, составленную сотнями милліоновъ людей, т. е. совокупностію лицъ, говорившихъ и говорящихъ извѣстнымъ языкомъ.

Дѣло изученія языка, съ психологическою цѣлію, требуетъ систематическаго и методическаго пріема. Мнѣ кажется, за него слѣдуетъ приняться по плану. Первое, съ чего нужно начать — это пересмотръ, по лексиконамъ, всѣхъ словъ, имѣющихъ прямое психологическое значеніе. Этотъ одинъ пересмотръ можетъ раскрыть глаза на многое; найдутся многія, признанныя языкомъ, состоянія, которыя Психологіей не упоминаются, но принятыя въ классификацію, навели бы Психологію на новыя обобщенія. Далѣе, всѣ названія душевныхъ состояній слѣдуетъ прослѣдить въ историческомъ отношеніи и отыскать, какое значеніе имѣли они въ древне-церковномъ языкѣ. Русскія и церков-

нославянскія названія слѣдовало бы сравнить съ существующими въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Затѣмъ, слѣдуетъ прослѣдить за употребленіемъ важнѣйшихъ психологическихъ названій и подмѣтить, какое понятіе языкъ соединяетъ съ состояніями, имъ такъ или иначе называемыми. Наконецъ, труднѣйшую часть изслѣдованія составляетъ синтактическій матеріалъ. Требуется прослѣдить употребленіе формъ, оборотовъ рѣчи какъ въ отношеніи психологическаго матеріала языка, такъ и особенно тѣхъ формъ, которыя выражаютъ оттѣнки душевныхъ состояній.

Успѣхъ этихъ изслѣдованій во многомъ будетъ затрудненъ у насъ. Лексиконовъ, которымъ можно довѣряться, безъ которыхъ невозможно, однакожъ, вести дѣло, у насъ хорошихъ нѣтъ. Академическій — требуетъ такой бережности и такого филологическаго знанія русскаго языка, чтобы знать, гдѣ слѣдуетъ имъ пользоваться и гдѣ нѣтъ, что едвали возможно психологу безбоязненно брать его въ руки. Словарь Даля, тоже страдающій многими недостатками, все таки лучшій лексиконъ, съ которымъ можно начать изслѣдованіе. Но такъ какъ нѣтъ лексикона церковнославянскаго языка и вообще древне русскаго, то придется обратиться уже къ памятникамъ и самому исполнить лексикографическую работу. Нѣтъ далѣе не только сравнительныхъ лексиконовъ по славянскимъ нарѣчіямъ вообще, но и хорошихъ настояще-ученыхъ лексиконовъ по одному какому либо нарѣчію. Совѣтуя другимъ предпринять эту работу, я не отказываюсь, однако же, самъ, при удобныхъ обстоятельствахъ, приступить къ ней. Въ надеждѣ на помощь нѣкоторыхъ друзей, которыхъ солиднымъ знаніямъ въ русской филологіи я вполнѣ довѣряю, я думаю, между прочими занятіями, обратиться къ этой работѣ и подготовлять матеріалъ, а потомъ сосредоточиться надъ его объясненіемъ и выводомъ изъ него заключеній.

Конечно, филологическія работы могутъ расшириться еще далѣе. Любопытно сравнить, какъ другіе языки смотрятъ на психическія состоянія, какая сторона въ нихъ выдвигается впередъ разными народами. Французское douter и нѣмецкое zweifeln означаютъ сомнѣніе, но французъ и нѣмецъ понимаютъ его, какъ раздвоеніе мнѣнія, причемъ субъектъ не знаетъ, на которое рѣшиться. Наше русское сомнѣніе происходитъ отъ мнѣнія, думать, и предлога „съ“ означающаго движеніе; слѣдовательно, сомнѣніе означаетъ, что субъектъ сдвинулся съ мнѣнія, неустойчивъ въ немъ. Наше удивленіе (дивъ, дивить—смотрѣть) означаетъ ско-

рѣе желаніе внимательно смотрѣть, разсматривать что либо; французское etonnement означаетъ состояніе оглушенія, когда человѣкъ пораженъ размѣрами впечатлѣнія. Наше названіе выражаетъ влеченіе человѣка къ большему и лучшему бытію, французское — состояніе человѣка, незнающаго, что значитъ впечатлѣніе. Если бы такъ сравнить разные языки, то вышло бы, что разные народы различно смотрятъ на душевныя состоянія и различный анализъ лежитъ въ основѣ ихъ языковъ. Это былъ бы настоящій матеріалъ для Психологіи народовъ.

И такъ, что касается до источниковъ психологическихъ свѣдѣній, то мы не имѣемъ права жаловаться на ихъ скудость. Прежде всего, самонаблюденіе, далѣе, опытъ и наблюденіе надъ другими людьми, надъ животными, искусство и языкъ даютъ намъ огромный матеріалъ и вопросъ весь въ томъ, какъ съ нимъ справиться. Онъ, очевидно, требуетъ разработки, а таковая, какъ это бываетъ со всякимъ научнымъ предметомъ, можетъ происходить по пріемамъ индукціи и дедукціи. Остановимся теперь на приложеніи ихъ въ Психологіи.

Индукція въ Психологіи. — Основаніе психологической индукціи.

Свою рѣчь о психологической индукціи мы начнемъ замѣчаніемъ объ основаніи ея. Оно тоже самое, которое служитъ необходимымъ предположеніемъ для естествовѣдной индукціи: именно, идея однообразнаго порядка въ природѣ. Намъ нѣтъ нужды повторять здѣсь разсужденія Логики объ этой идеѣ; замѣтимъ только, что въ Психологіи именно мы широко пользуемся ею. Послѣднею и главною опорою Психологіи служитъ самонаблюденіе: наблюденіе надъ другими людьми, надъ животными, изученіе психологическаго матеріала въ искусствѣ и языкѣ основывается на самонаблюденіи. Ни одного душевнаго состоянія не пойметъ психологъ, если оно не будетъ дано ему въ его душѣ, по крайней мѣрѣ, элементарно; и всякое душевное событіе, о которомъ говорятъ другіе источники, онъ пойметъ по своему, какъ подскажетъ ему внутренній опытъ. Имъ провѣряется всякій психологическій выводъ, всякое заключеніе и каждый психологъ несомнѣнно сталъ бы полемизировать противъ наблюденія и обоб-

щенія, которыя нашелъ бы противорѣчащими своему самонаблюденію. Слѣдовательно, какъ ни странно это можетъ казаться, психологическая индукція первоначально основывается на наблюденіи и опытѣ изслѣдователя надъ собственною духовною жизнію и то, что найдется въ ней, возводится на степень всеобщихъ наблюденій надъ духовною жизнію и принимается за совершающееся въ душѣ всякаго человѣка.

Но таковъ смыслъ идеи однообразнаго порядка въ природѣ, что совершающееся въ одномъ случаѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, принимается за совершающееся всегда и вездѣ при тѣхъ же условіяхъ. Вѣрность и твердость индуктивныхъ обобщеній основывается не на количествѣ опытовъ: достаточно одного провѣреннаго и точно опредѣленнаго опыта, чтобы заключить, какъ поступаетъ вообще природа при всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ. Достаточно, чтобъ одинъ разъ произведенъ опытъ надъ явленіемъ въ лабораторіи или кабинетѣ, при обстоятельствахъ точно опредѣленныхъ, чтобы заключить отсюда, что природа всегда такъ поступаетъ, при тѣхъ же условіяхъ. Если бы только одинъ человѣкъ описалъ и разъяснилъ вполнѣ отправленія, взаимную зависимость, существо органовъ и частей тѣла, мы знали бы отправленія, взаимную зависимость, существо органовъ и частей тѣла нетолько всѣхъ людей всѣхъ временъ, но и всѣхъ млекопитающихъ и частію позвоночныхъ животныхъ. Если бы одинъ психологъ точно и вѣрно описалъ свои душевныя явленія, объяснилъ зависимость ихъ, обобщилъ ихъ слѣдованіе одного за другимъ, то этого было бы достаточно для науки и мы поняли бы, что и какъ совершается въ душѣ всѣхъ людей. Тотъ одинъ фактъ, что психологу всегда и вездѣ приходится справляться съ своимъ внутреннимъ опытомъ и на немъ опираться, ни мало не уменьшаетъ достоинства науки.

Вотъ почему психологъ на первомъ мѣстѣ долженъ ставить необширность наблюденій, а точность и возможную вѣрность описаній, анализа, выводовъ и т. д. Всевозможныя наблюденія и изслѣдованія матеріала изъ другихъ источниковъ важны не для того, чтобы узнать, такъ ли совершаются душевные процессы у другихъ существъ, какъ у самаго психолога, но чтобы, по возможности, устранить нѣкоторыя случайности въ ходѣ душевныхъ состояній, возникшія при исключительныхъ и чисто личныхъ условіяхъ жизни психолога, чтобы ознакомиться съ болѣе развитыми формами душевныхъ состояній, чѣмъ какія даны у одного

лица, чтобы исключить нѣкоторыя колебанія, неизбѣжныя въ сужденіяхъ изслѣдователя о не совсѣмъ ясныхъ условіяхъ возникновенія душевнаго состоянія и т. д.

Какъ мы знаемъ, индукція имѣетъ предметомъ своимъ изслѣдованіе сосуществованія и преемства явленій.

Изслѣдованіе сосуществованія душевныхъ явленій.

Психологія занимается изслѣдованіемъ сосуществованія психическихъ явленій. Она наблюдаетъ, какъ нѣкоторые факты неизмѣнно повторяются вмѣстѣ, или въ тѣсномъ преемствѣ одинъ за другимъ. Въ чувствованіи, какъ состояніи удовольствія и неудовольствія, вмѣстѣ съ патетическимъ элементомъ, данъ и волевой: вмѣстѣ съ чувствованіемъ дается какое либо хотѣніе, нехотѣніе, влеченіе или отвращеніе. Мы изслѣдуемъ это, равно какъ и то, какія выраженія въ тѣлѣ даны вмѣстѣ съ чувствованіемъ, т. е. какіе физіологическіе процессы сосуществуютъ съ волненіями сердца и т. д. Мы опредѣляемъ порядокъ воспоминанія представленій: въ какомъ сосѣдствѣ они переживались, въ такомъ и воспоминаются. Съ другой стороны, можно наблюдать сосуществованіе качествъ души и этого ряда изслѣдованія важны для вопроса о характерахъ; различіе послѣднихъ въ томъ и состоитъ, что въ одномъ индивидуумѣ психическія качества сосуществуютъ въ извѣстномъ соотношеніи, а въ другомъ иначе; таковъ далѣе фактъ, что острота внѣшнихъ чувствъ часто соединяется съ хорошими качествами памяти.

Надобно замѣтить, что въ Психологіи мы должны иногда довольствоваться такими обобщеніями сосуществованія явленій, противъ которыхъ строгая теорія индукціи могла бы ставить свое veto. Теорія говоритъ, что обобщенія сосуществованія теряютъ достоинство, какъ скоро противъ нихъ можно указать хотя одинъ случай contra. Но при огромной сложности душевныхъ явленій и трудности какого бы то ни было рода обобщеній, мы должны въ Психологіи, какъ и вообще нравственныхъ наукахъ, довольствоваться обобщеніями, простирающимися только на большую часть явленій извѣстнаго рода и слѣдовательно, допускать напередъ возможность изъятій. Въ большинствѣ случаевъ выгодное устройство того или другаго чувства сопровождается хорошею

памятью на впечатлѣнія, имъ доставляемыя, хотя должно допустить, что бываютъ случаи и contra. Но и эти выводы имѣютъ свое достоинство, какъ указанія любопытныхъ фактовъ, между которыми есть какая-то связь, на первый разъ не объяснимая. Съ дальнѣйшими успѣхами науки, одни изъ нихъ могутъ разрѣшиться во многія дѣйствія одной и той-же причины, остававшейся скрытою, другія въ связь причины и отдаленнаго ея дѣйствія, третьи въ случайно повторяющіяся вмѣстѣ дѣйствія различныхъ причинъ: при теперешнемъ-же состояніи науки мы не должны отвергать и такихъ обобщеній, тѣмъ болѣе, что они формулируютъ связь фактовъ и составляютъ ясно очерченныя проблеммы для дальнѣйшихъ розысканій.

Изслѣдованіе связи и зависимости душевныхъ явленій.

Наиважнѣйшая цѣль Психологіи есть изслѣдованіе взаимной зависимости явленій, опредѣленіе психологическихъ причинъ и дѣйствій.

Научно изслѣдовать причину значитъ опредѣлить совокупность всѣхъ условій, породившихъ извѣстное событіе; изслѣдовать причины психическихъ явленій значитъ отыскивать условія, произведшія ихъ. Что законъ причинности имѣетъ значеніе въ области душевныхъ явленій, это едва-ли нужно доказывать. Самонаблюденіе показываетъ намъ взаимную ихъ условливаемость: ощущеніе вызываетъ мысль, мысль вызываетъ чувствованіе удовольствія или неудовольствія, послѣднія вызываютъ хотѣнія и нехотѣнія. Опытъ показываетъ далѣе, какъ нѣкоторыя внѣшнія событія возбуждаютъ въ организмѣ процессы, которые кончаются ощущеніями, мыслями; тѣло служитъ источникомъ наслажденій и страданій духа, и опять, мы чувствуемъ, какъ подъ вліяніемъ нашихъ желаній и представленій движется тѣло. Ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что физіологическіе процессы могутъ возбуждать психическіе, и наоборотъ, и что одно состояніе можетъ служить причиною другаго въ томъ же самомъ существѣ. Законъ причинности утверждаетъ лишь то, что всякое явленіе единообразно предшествуется другимъ явленіемъ. Почему и какъ — этого ни apriori, ни изъ опыта мы незнаемъ: мы наблюдаемъ лишь фактъ, что всякому явленію предшествуетъ какое-либо другое и притомъ постоянно, всегда. Какое явленіе необхо-

димо предшествуетъ другому, этого законъ не опредѣляетъ: психическому можетъ предшествовать психическое, но можетъ и физіологическое, и наоборотъ, послѣднему предшествовать первое.

Чтобы изслѣдовать, какія причины условливаютъ душевныя состоянія, для этого необходимо наблюдать, какія состоянія и факты какимъ душевнымъ состояніямъ постоянно предшествуютъ. Еслибы они всегда давались въ наблюденіи изолированными, вмѣстѣ съ предшествующими фактами, тогда изслѣдованіе причинъ не представляло никакихъ значительныхъ затрудненій: тогда мы прямо наблюдали бы, что психическій фактъ А предшествуется всегда Б и оставалось бы только подмѣчать эту зависимость. Но душевныя состоянія даются намъ сложными: многіе изъ нихъ совершаются вмѣстѣ, слѣдовательно, въ одномъ наблюдаемомъ фактѣ мы имѣемъ нѣсколько причинъ и дѣйствій и необходимо выдѣлить что въ немъ съ чѣмъ связано.

Логика говоритъ намъ о пріемахъ изслѣдованія причинной связи явленій: главныхъ экспериментальныхъ методахъ и вспомогательныхъ пріемахъ. Къ первымъ относятся методы: согласія, различія, сопутствующихъ измѣненій и остатковъ, ко вторымъ— гипотезы, приблизительныя обобщенія и аналогіи.

Мы предполагаемъ въ читателѣ знакомство съ этими пріемами вообще. О нихъ подробно говоритъ Логика. Здѣсь мы остановимся на смыслѣ, какой имѣетъ каждый изъ этихъ методовъ въ Психологіи и значеніи его для изслѣдованія душевныхъ явленій.

Индуктивные методы въ Психологіи. Методъ согласія.

Методъ согласія въ примѣненіи къ психологической области имѣетъ собственно слѣдующій смыслъ: по нему, мы должны изслѣдовать, какія явленія неизмѣнно связываются съ извѣстнымъ душевнымъ фактомъ такъ, что несмотря на различіе всѣхъ другихъ обстоятельствъ, сопутствующихъ ему въ разныхъ случаяхъ, они постоянно встрѣчаются съ нимъ. Въ томъ, что разные случаи, въ которыхъ встрѣчается изслѣдуемое событіе, согласны между собою по одному или нѣсколькимъ, постоянно сопутствующимъ ему, обстоятельствамъ, и заключается намекъ, какого рода обстоятельствами оно условливается вообще.

Этотъ пріемъ имѣетъ широкое примѣненіе при объясненіи душевной жизни. По нему, мы заключаемъ, какое впечатлѣніе

есть причина какого ощущенія: напримѣръ, мы наблюдаемъ постоянно, что свѣтъ возбуждаетъ ощущеніе цвѣтовъ, ударъ — ощущеніе звука и т. д., т. е. что эти душевныя состоянія, при всѣхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ и при всякой различной обстановкѣ, являются, когда есть упомянутыя впечатлѣнія. По нему мы узнаемъ, какія потребности тѣла и даже духа чѣмъ удовлетворяются, дѣлаемъ заключеніе, напримѣръ, о воображеніи, какъ источникѣ оригинальности ума, изслѣдуемъ отъ какихъ обстоятельствъ зависитъ сила и глубина чувствованій, состояній воли и т. д. и т. д. Этотъ методъ самый сподручный въ психологической наукѣ: по наблюденію надъ самими собою, надъ другими людьми, мы легко замѣчаемъ, какія душевныя явленія въ связи съ какими постоянно встрѣчаются. Но именно потому, что методъ легокъ въ приложеніи, онъ даетъ заключенія не особенно точныя. Напримѣръ, мы наблюдаемъ, что повторяющіяся желанія и хотѣнія обращаются въ привычку: сколь ни разнообразны виды дѣятельности воли, становящіеся привычками, всѣ они имѣютъ то общее, что повторяются, и мы обобщаемъ свое наблюденіе, говоря, что причина привычки заключается въ повтореніи актовъ воли. Это совершенно вѣрно, но отсюда еще не видно, какимъ образомъ фактъ повторенія можетъ образовывать привычку, и для сего требуется новое дополнительное объясненіе. На общую связь и зависимость душевныхъ явленій мы безспорно наводимся этимъ методомъ, но особенной точности въ заключеніяхъ мы не получаемъ чрезъ него. Надобно замѣтить, впрочемъ, что такіе-же результаты онъ даетъ и во всѣхъ другихъ областяхъ своего приложенія, также и въ естествовѣдѣніи.

Методъ различія.

По методу различія въ Психологіи мы изслѣдуемъ: въ двухъ случаяхъ, при равенствѣ и сходствѣ обстоятельствъ, сопутствующихъ изслѣдуемому явленію, отсутствіе какого обстоятельства въ одномъ сопровождается отсутствіемъ изслѣдуемаго психическаго явленія, а присутствіе въ другомъ сопровождается присутствіемъ изслѣдуемаго явленія. По этому пріему изслѣдуется зависимость памяти отъ физіологическихъ условій: напримѣръ, вслѣдъ за сильными ударами въ голову, поврежденіями черепа, или временными параличами, слѣдуетъ забвеніе нѣкоторыхъ частей рѣчи,

или словъ извѣстнаго языка, послѣ же выздоровленія память на забытое возстановляется: такъ какъ всѣ другія обстоятельства, условія жизни, состояніе здоровья лицъ и т. д. остались неизмѣнными, а произошелъ только фактъ нарушенія мозговой дѣятельности отъ насилія или паралича, то мы и заключаемъ, что упомянутое психическое явленіе условливается мѣстнымъ пораженіемъ мозга. Прямо и непосредственно мы не сознаемъ, какъ желаніе переходитъ въ движеніе тѣла и его конечностей, но мы можемъ ежеминутно дѣлать надъ собою опытъ и замѣчать: когда мы желаемъ сжать руку, или двинуть ее по направленію къ извѣстному предмету, то мы сейчасъ это и дѣлаемъ, а когда не желаемъ, то не дѣлаемъ; по методу различія мы заключаемъ, что именно желаніе есть причина движенія руки. Мы наблюдаемъ, что присутствіе крѣпкой, устойчивой и рѣшительной воли соединяется съ тѣмъ, что мы называемъ въ человѣкѣ характеромъ, и что опредѣленность и устойчивость взглядовъ, убѣжденій связаны съ нею же; напротивъ, при равенствѣ всѣхъ другихъ условій, отсутствіе таковой воли постоянно сопровождается и отсутствіемъ характера, устойчивости и опредѣленности убѣжденій. По методу различія мы и заключаемъ, что характеръ вообще, даже характеръ ума, прямо условливается волею.

Этотъ методъ имѣетъ значительное приложеніе въ нашей наукѣ, хотя въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ методу согласія. Методъ различія не приноситъ однако же здѣсь всей пользы, какую долженъ былъ бы приносить, потому что въ Психологіи намѣренный опытъ имѣетъ малое приложеніе. По указанному методу, самыя точныя обобщенія получаются при экспериментахъ. Изслѣдователь нашелъ, положимъ, что извѣстный фактъ часто встрѣчается съ другимъ, при различныхъ прочихъ обстоятельствахъ и условіяхъ; онъ пробуетъ на опытѣ: если обстоятельства оставить въ томъ видѣ, въ какомъ они сопутствовали изслѣдуемому явленію, но устранить то, которое всегда ему сопутствовало, то останется ли изслѣдуемое, или оно исчезнетъ и вообще какъ либо измѣнится; по методу различія онъ легко сдѣлаетъ точное обобщеніе. Но въ Психологіи эксперименты въ большинствѣ случаевъ неудобны и невозможны и потому остается смотрѣть, что даетъ наблюденіе. Все таки по вышеупомянутому методу мы получаемъ несравненно болѣе точные выводы, чѣмъ по методу согласія: заключенія послѣдняго провѣряются чрезъ него.

Методъ сопутствующихъ измѣненій.

Методъ сопутствующихъ измѣненій, въ приложеніи къ душевнымъ явленіямъ, состоитъ въ слѣдующемъ: мы изслѣдуемъ, въ связи съ возрастаніемъ и уменьшеніемъ какого рода фактовъ какое душевное явленіе возрастаетъ и уменьшается: ибо то явленіе, за измѣненіемъ котораго слѣдуетъ другое явленіе, составляетъ причину послѣдняго, или часть ея и вообще послѣднее находится въ какой нибудь зависимости отъ перваго. По этому методу, мы утверждаемъ свою вѣру въ зависимость ощущеній отъ внѣшнихъ впечатлѣній: ибо съ уменьшеніемъ или увеличеніемъ послѣднихъ уменьшаются или увеличиваются и первыя; по нему, заключаемъ о чувствованіяхъ, какъ причинахъ нѣкоторыхъ измѣненій въ тѣлѣ, которыя мы признаемъ ихъ выраженіями. По нему, мы будемъ вести доказательство зависимости силы чувствованій отъ продолжительности дѣйствующихъ впечатлѣній, отъ воли и воображенія и т. д. Этотъ же методъ служитъ основаніемъ пріема, съ помощью котораго измѣряется возрастаніе ощущеній, а затѣмъ и чувствованій.

Методъ сопутствующихъ измѣненій служитъ для изслѣдованія соотношеній между фактами внѣшними и душевными состояніями, между послѣдними и физіологическими фактами, наконецъ, между разными душевными состояніями. Его идея полагается въ основу методовъ измѣренія силы душевныхъ состояній. Услуги его психологической наукѣ весьма значительны: онъ даетъ возможность наслѣдить зависимость психическихъ фактовъ отъ другихъ подобныхъ, отъ физіологическихъ и внѣшнихъ явленій и даетъ обобщенія наиболѣе вѣрныя.

Методъ остатковъ.

Методъ остатковъ состоитъ въ томъ, что мы исключаемъ изъ объясняемой группы явленій, одно за другимъ, относимъ каждое на извѣстныя уже причины, пока наконецъ не окажется остатокъ въ группѣ, для котораго мы предполагаемъ особую причину, или условіе. Когда послѣ элиминаціи извѣстныхъ намъ сторонъ явленій и сведенія ихъ къ извѣстнымъ причинамъ, остается своего рода caput mortuum, требующее особой причины, намъ однако неизвѣстной, то существеннаго шага въ объясненіи

явленія мы не дѣлаемъ: мы столь же мало знаемъ о немъ послѣ приложенія метода, какъ мало знали и до него. Поэтому методъ этотъ съ пользою можетъ быть употребляемъ, когда намъ извѣстенъ, какъ бы a priori, кругъ причинъ, могущихъ производить данный фактъ. Но такое знаніе предполагаетъ высокое состояніе науки, при которомъ можно быть убѣжденнымъ вообще, что въ данномъ составѣ явленій не могутъ дѣйствовать, намъ неизвѣстныя, условія, и что можно свести большую часть явленій на извѣстныя причины.

Этотъ пріемъ въ нѣсколько грубомъ видѣ приноситъ свою пользу въ нашей наукѣ. О всякомъ душевномъ состояніи можно a priori сказать, что оно производится физіологическими причинами, или вызывается другимъ душевнымъ состояніемъ. Если не возможно объяснить его одними, то должно предположить другія, и наоборотъ: напримѣръ, часть явленій памяти сводится на причины психическія, а часть должна быть относима на физіологическія. При анализѣ причинъ энергіи и глубины чувствованій, какъ состояній сердца, мы будемъ пользоваться этимъ же пріемомъ. Но для объясненія явленій въ подробностяхъ онъ не можетъ быть приложенъ въ Психологіи. Когда дѣло идетъ объ указаніи въ точности, какія именно причины дѣйствуютъ въ томъ или другомъ случаѣ, въ томъ или другомъ явленіи, то, отнеся часть его на извѣстныя обстоятельства, мы получаемъ слишкомъ большой остатокъ, и приходится говорить только вообще, что онъ долженъ быть отнесенъ къ той или другой причинѣ: наприм. разбирая обнаруженія чувствованій въ тѣлѣ, мы отнесемъ часть ихъ на волевые элементы въ послѣднихъ, но при этомъ останутся разнообразныя вліянія самыхъ состояній сердца на область симпатическаго нерва, caput mortuum, слишкомъ сложное еще и большое, чтобы считать его объясненнымъ ссылкою на чувствованія, какъ причину его. Психологи очень долго еще не будутъ въ положеніи астрономовъ, при которомъ Леверье удалось, по возмущеніямъ Урана, открыть существованіе Нептуна.

Случаи, препятствующіе приложенію экспериментальныхъ методовъ въ Психологіи.

Мы видѣли, что указанные четыре метода имѣютъ приложеніе въ нашей наукѣ. Однако, судя по состоянію ея, мы далеко не можемъ похвалиться обиліемъ и точностію выводовъ. Это про-

исходитъ отъ того, что причины, вообще препятствующія приложенію методовъ, въ большей силѣ, чѣмъ гдѣ либо, имѣютъ мѣсто въ психологической наукѣ.

Общая Логика говоритъ о множественности причинъ и смѣшеніи дѣйствій, какъ препятствіяхъ приложенія методовъ къ изслѣдованіямъ. Въ душевной жизни мы находимъ особенно сложную множественность причинъ и слишкомъ большое смѣшеніе дѣйствій.

Такъ, можно указать большое количество случаевъ множественности причинъ: 1) одно и тоже дѣйствіе производится многими причинами: напримѣръ, представленіе оживляется ощущеніемъ, другимъ представленіемъ, чувствомъ и желаніемъ; чувство возбуждается желаніемъ, мыслію и другимъ чувствомъ. 2) Одно и тоже дѣйствіе есть результатъ взаимодѣйствія многихъ причинъ. Оттого, въ нѣкоторыхъ случаяхъ присутствіе причины не сопровождается обычнымъ ея слѣдствіемъ, иногда же появленіе слѣдствія является, какъ дѣйствіе не настоящей причины, а какого нибудь второстепеннаго условія. Случаевъ какъ перваго, такъ и втораго рода въ душевной жизни очень много: наприм. противленіе нашей волѣ иногда возбуждаетъ гнѣвъ, иногда же не возбуждаетъ его, и даже одно и тоже дѣйствіе то служитъ поводомъ къ нему, то не служитъ, одно и тоже впечатлѣніе то удовлетворяетъ хотѣніе, то не удовлетворяетъ его. Душевныя состоянія зависятъ отъ физіологическихъ условій и наоборотъ, нѣкоторыя болѣзненныя состоянія мозга сказываются измѣненіемъ настроеній, нарушеніемъ равновѣсія въ чувствахъ, измѣненіемъ хода и смѣны мыслей. Но отсюда еще нельзя заключать, что причина состояній души заключается только въ мозгѣ и при томъ, въ той части, равновѣсіе которой нарушено; нельзя заключать по тому же соображенію, по которому недостатокъ винта или колеса въ локомотивѣ, упраздняющій возможность его движенія, не служитъ основаніемъ для заключенія, что именно этотъ винтъ, или это колесо есть причина движенія локомотива по рельсамъ.

Психологическая наука имѣетъ предъ собою много случаевъ смѣшенія дѣйствій: наприм. энергія обнаруженія чувствованій въ тѣлѣ есть сочетаніе энергіи волевыхъ обнаруженій, неизмѣнно имъ сопутствующихъ, и энергіи самаго чувства, сказывающейся въ растительныхъ процессахъ. Наростаніе силы чувствованія условливается сразу нѣсколькими причинами: и возвышеніемъ об-

щей чувствительности, и продолжительностію дѣйствія впечатлѣнія, энергіей воображенія субъекта. При сочетаніи причинъ встрѣчаются случаи, что, противодѣйствуя одна другой, онѣ взаимно ослабляютъ силу дѣйствія, до того иногда, что оно уничтожается вовсе. Такимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснять, почему радостныя извѣстія, или печальныя не имѣютъ иногда дѣйствія на субъекты, почему сообщество молодаго человѣка съ дурными испорченными людьми не всегда сопровождается испорченностію его. Наконецъ, встрѣчаются случаи взаимодѣйствія между причиною и дѣйствіемъ. Состояніе мозга, составъ крови, питающей его, состояніе клѣточекъ имѣютъ большое вліяніе на душу: достаточно какой либо капли жидкости, скопившейся внутри мозга, небольшаго нагноенія на оболочкѣ его, чтобы произвести умопомѣшательство. Но душевное разстройство вліяетъ и съ своей стороны на мозгъ: вздорныя мысли, неестественныя желанія и чувствованія способствуютъ перерожденію тканей и напечатлѣваютъ на мозгѣ ненормальные слѣды пережитыхъ состояній Раздраженный гнѣвомъ, субъектъ естественно думаетъ о причинѣ, его разгнѣвавшей, мысль же о ней въ свою очередь раздражаетъ его.

Такого рода случаи дѣлаютъ затруднительнымъ примѣненіе экспериментальныхъ методовъ къ изученію многихъ психическихъ явленій. По методу согласія неудобно изслѣдовать такіе случаи, потому что окажется въ наблюденіи, что изслѣдуемое явленіе является вмѣстѣ то съ фактомъ а, то б, то в и т. д., или что в то производитъ его, то нѣтъ. Методъ различія также не дастъ здѣсь положительныхъ результатовъ потому, что одно и тоже явленіе, являясь въ однихъ случаяхъ связаннымъ, положимъ, съ фактомъ д, въ другихъ будетъ связано съ б, а въ нѣкоторыхъ окажется, что фактъ д не ведетъ съ собой изслѣдуемаго явленія. Методъ сопутствующихъ измѣненій, повидимому, болѣе надеженъ при такихъ обстоятельствахъ: какъ бы много ни было причинъ явленія и какъ бы ни сливались результаты ихъ въ одно дѣйствіе, но если, хотя въ одномъ случаѣ, мы замѣтимъ, что съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ одного явленія соотвѣтственно измѣняется изслѣдуемое душевное явленіе, то этого факта достаточно для установленія связи между явленіями. Поэтому изслѣдователь долженъ въ такихъ обстоятельствахъ смотрѣть, между множествомъ явленій, сопутствующихъ изслѣдуемому, нѣтъ ли хотя одного, дающаго поводъ къ приложенію означеннаго пріема. Иногда можетъ дать цѣнный выводъ и методъ остатковъ. Главнѣе же

всего, надежда психолога должна опираться на расширеніе наблюденія и большую тщательность анализа.

Вспомогательные индуктивные пріемы.

Кромѣ четырехъ экспериментальныхъ методовъ, общая Логика указываетъ еще на вспомогательные индуктивные пріемы, имѣющіе цѣлію своею: или подготовить почву для примѣненія индуктивныхъ пріемовъ, или суммировать познаніе факта, или расширить область примѣненія индуктивныхъ обобщеній. Таковы гипотезы, приблизительныя обобщенія и аналогіи. Посмотримъ, въ какой мѣрѣ эти пріемы прилагаются въ нашей наукѣ.

Гипотезы въ Психологіи.

О гипотезахъ мы замѣтимъ, что онѣ въ нашей наукѣ имѣютъ, можетъ быть, слишкомъ большое распространеніе. Пока дѣло идетъ объ описаніи и анализѣ психологическаго факта, психологъ обыкновенно еще держится указаній опыта и наблюденія; но какъ скоро онъ переходитъ къ объясненію его, то сейчасъ же является у него гипотеза. Едва ли какая другая наука въ такой мѣрѣ прибѣгаетъ къ различнымъ предположеніямъ, какъ Психологія. Такъ, для объясненія дѣйствій памяти мы предполагаемъ слѣды въ мозгу, будемъ говорить о первоначальныхъ, апріорныхъ стремленіяхъ и влеченіяхъ воли. Гербартовская школа на встрѣчѣ, давленіи и движеніи представленій основываетъ всѣ объясненія психическихъ явленій. И нельзя сказать, чтобы психологическія гипотезы были безосновательнѣй, чѣмъ обыкновенно допускаемыя въ наукахъ. Напротивъ, для нихъ всегда найдутся основанія, болѣе или менѣе вѣроятныя: при огромномъ количествѣ душевныхъ явленій и возможности самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія на нихъ, при разнородности причинъ, производящихъ ихъ, отсутствіи тщательнаго детальнаго анализа, легко устанавливать общія гипотезы и находить для нихъ вѣроподобныя основанія.

Было бы, однако, несправедливо, ставить психологамъ въ особую вину обиліе гипотезъ. Нѣкоторые вопросы, занимающіе этихъ изслѣдователей таковы, что они требуютъ, во что бы то ни стало, отвѣта. Если Психологія должна имѣть цѣну и значеніе, то она не можетъ не искать отвѣтовъ на вопросы о единствѣ

субъекта, о безсмертіи души, о значеніи сердца, о происхожденіи человѣческой души и т. д. Но такъ какъ совершенно точныхъ выводовъ въ этихъ случаяхъ не можетъ быть, то приходится по необходимости прибѣгать лишь къ болѣе вѣроятнымъ предположеніямъ. Многія психологическія явленія, далѣе, слишкомъ сложны и для того, чтобы нѣсколько обобщить ихъ, необходимо установить подходящую гипотезу: наприм. фактъ душевныхъ болѣзней, происходящихъ отъ органическихъ разстройствъ, несомнѣненъ, но спрашивается, какъ понимать дѣйствіе ихъ на душу? притомъ, во многихъ случаяхъ душевное разстройство происходитъ и отъ психическихъ причинъ. Въ чемъ же заключаются причины духовнаго разстройства и что значитъ быть духовно-разстроеннымъ? Разумѣется, отвѣтить на эти вопросы можно только гипотезою, образованною въ согласіи съ фактами.

Въ томъ фактѣ, что Психологія часто прибѣгаетъ къ гипотезамъ, нѣтъ ничего особенно страннаго. Въ такомъ же положеніи и многія другія науки. Геологія имѣетъ факты для прямыхъ описаній породъ, пластовъ, остатковъ животныхъ и растеній и пока описываетъ и классифицируетъ только, она держится на почвѣ наблюденія; но въ объясненіи фактовъ, она ни шагу не можетъ сдѣлать безъ гипотезы: всѣ ея разсужденія о переворотахъ, или періодахъ развитія суть не болѣе, какъ вѣроятныя предположенія. Физіологія въ своихъ объясненіяхъ дѣятельности нервной системы, можно сказать, и существуетъ только гипотезами и къ ней примѣнимо еще и теперь замѣчаніе Лотце, что средняя продолжительность гипотезъ въ ней непростирается болѣе четырехъ лѣтъ. Однако, такое обиліе гипотезъ не считается зломъ въ этихъ наукахъ: напротивъ, непрерывная смѣна ихъ выражаетъ движеніе и жизнь наукъ. Почему? потому, что эти гипотезы лишь выражаютъ степень знакомства науки съ фактами и ихъ анализа и сейчасъ же уступаютъ мѣсто болѣе совершеннымъ предположеніямъ, при всякомъ новомъ въ ней шагѣ. Гипотезы въ естественныхъ наукахъ не приносятъ вреда наукѣ, потому что онѣ эластичны, лишены закорузлости и не стремятся окончательно утвердиться въ наукѣ, какъ непреложныя истины.

И Психологія должна имѣть въ виду этотъ примѣръ другихъ наукъ. Когда гипотеза помогаетъ осмысливать фактъ, можетъ выражать степень развитія науки, не выдаетъ себя за не-

премѣнную истину, а скромно знаетъ свою цѣну, тогда она ни мало не вредитъ научному развитію Психологіи.

Замѣтимъ здѣсь, что психологу не только нѣтъ никакой надобности излишне добиваться простоты гипотезъ, но онъ долженъ даже принимать мѣры, чтобы въ жертву простотѣ ихъ не приносилась истина. Логика говоритъ намъ, что простота гипотезы есть существенное ея достоинство. Но она только желательна, а не есть condicio sine qua non истина. Изъ двухъ предположеній, одинаково удовлетворяющихъ фактамъ, наиболѣе простое должно быть предпочитаемо. Простота гипотезы никогда не должна достигаться насчетъ ея истинности. Въ такомъ именно положеніи оказываются матеріалисты, когда они въ пользу своей гипотезы проводятъ достоинство простоты ея: предположеніе о мозгѣ, какъ исключительной причинѣ душевныхъ явленій, гораздо проще, чѣмъ предположеніе особаго существа души, которой передаются впечатлѣнія со стороны организма. Между тѣмъ матеріалистическая гипотеза неудовлетворительно объясняетъ многія душевныя состоянія, и съ другой стороны, трудно согласима съ необходимыми нравственными и эстетическими нашими предположеніями. Гипотеза Гербарта, объясняющаго взаимоотношеніемъ представленій происхожденіе чувствованій, желаній, несравненно проще той, которая предполагаетъ самостоятельность сердца и воли; однако, мы не имѣемъ права предпочитать ее послѣдней, потому что, въ виду множества фактовъ и значенія этихъ сторонъ дѣятельности души, нельзя не признавать за сердцемъ и волею самостоятельнаго существованія.

Приблизительныя обобщенія.

Приблизительныя обобщенія суть заключенія изъ фактовъ, невыдаваемыя за вполнѣ достовѣрныя, но только за приближающіяся къ истинѣ. Психологія часто нуждается въ этомъ пріемѣ. Иногда необходимо бываетъ обратить вниманіе на нѣкоторыя выдающіяся стороны разбираемыхъ явленій и обозначить, въ связи съ какими причинами онѣ обыкновенно развиваются: такъ, мы позволимъ себѣ дѣлать при разныхъ случаяхъ обобщенія относительно ощущеній, какъ причинъ наслажденій и страданій, о нѣкоторыхъ явленіяхъ памяти, характера, отношеній духа и тѣла. Мы не будемъ выдавать ихъ за полные выводы, всесторонне выражающіе истину, но лишь приближающіеся къ ней. Такія обоб-

щенія имѣютъ свою цѣну: они привлекаютъ вниманіе изслѣдователей къ нѣкоторымъ фактамъ; со временемъ они могутъ пополниться, или слиться съ высшими, болѣе широкими обобщеніями.

Съ другой стороны, мы думаемъ въ своемъ мѣстѣ воспользоваться, такъ называемыми, средними отвѣтами. Мы уже говорили, какъ слѣдуетъ систематизировать наблюденіе надъ другими людьми и упомянули о нѣкоторыхъ шагахъ, сдѣланныхъ нами съ этою цѣлію. Отъ разныхъ лицъ получились отвѣты и изъ нихъ мы выводили средній отвѣтъ. Конечно, выводу средней величины изъ многихъ показаній долженъ предшествовать строгій анализъ и своего рода изученіе, провѣрка отвѣтовъ каждаго лица. Отбросивъ нѣкоторыя показанія, какъ явно несообразныя съ дѣломъ, и раздѣливъ сумму всѣхъ отвѣтовъ на число отвѣчающихъ, мы получимъ средній отвѣтъ: онъ будетъ выражать приблизительное обобщеніе; наприм. на вопросъ: во сколько разъ долженъ быть болѣе обыкновеннаго предметъ, возбуждающій удивленіе, мы получили отвѣты, которыя въ среднемъ выводѣ даютъ 5, или около того; мы должны придать ему значеніе приблизительнаго обобщенія. Не будемъ настаивать, что эта цифра безусловно вѣрна, что всегда и вездѣ люди удивляются тому, что не болѣе и не менѣе, какъ въ 5-ть разъ превосходитъ ежедневное и обыкновенное: можетъ быть, эта цифра измѣнится нѣсколько in plus или in minus, когда отвѣтовъ получится большое количество. Но мы стоимъ за одно: указанное обобщеніе приближается къ истинѣ, находится около нея и пока этого съ насъ довольно: мы имѣемъ въ немъ ключь къ разъясненію возрастанія и взаимоотношенія многихъ чувствованій.

Аналогіи.

Что касается аналогій, то имъ въ нашей наукѣ дается и должно даваться широкое распространеніе. Нѣкоторыя уподобленія психическихъ фактовъ открываютъ намъ новыя точки зрѣнія на нихъ и новыя стороны въ нихъ, и такимъ образомъ служатъ разъясненію однихъ явленій другими: такъ, намъ думается, что чувствованія вообще имѣютъ много сроднаго съ ощущеніями тоновъ; какъ въ послѣднихъ мы различаемъ глубину или высоту и силу, такъ слѣдуетъ ихъ различать и въ первыхъ. Ставъ на эту точку зрѣнія, мы расширяемъ свой кругозоръ, намъ открываются въ чувствованіяхъ новыя стороны

и многіе факты освѣщаются новымъ свѣтомъ. Методъ, приложенный къ изученію возрастанія ощущеній, мы прилагаемъ къ изслѣдованію возрастаній чувствованій и въ результатѣ является, какъ намъ кажется, разъясненіе многихъ явленій духовной жизни.

Не забудемъ, далѣе, какое значеніе аналогія имѣетъ при наблюденіи духовной жизни другихъ людей и животныхъ. По ней отъ сходныхъ явленій мы заключаемъ къ сходнымъ причинамъ: мы видимъ, что другіе люди, животные дѣйствуютъ извѣстнымъ образомъ, обнаруживаютъ въ своемъ тѣлѣ разныя явленія и т. д.; зная по самонаблюденію, что такія дѣйствія и обнаруженія связываются съ извѣстными душевными настроеніями, мы и предполагаемъ у другихъ существъ послѣднія. Свои предположенія относительно людей мы повѣряемъ съ помощію языка, относительно животныхъ же опираемся только на аналогію. При тѣхъ же наблюденіяхъ мы заключаемъ отъ сходныхъ причинъ къ сходнымъ слѣдствіямъ: мы видимъ человѣка, животное въ извѣстномъ положеніи, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и знаемъ, что при нихъ мы переживали бы такія то состоянія; отсюда заключаемъ, что другіе люди и животныя переживаютъ тѣже состоянія, какія бываютъ у насъ.

Въ самой наукѣ эти пріемы распространенной аналогіи имѣютъ приложеніе. Такъ, мы воспользуемся первымъ пріемомъ при изслѣдованіи фактовъ вниманія, сознанія и самосознанія: въ нихъ есть нѣчто сходное, что сближаетъ ихъ въ одинъ разрядъ, и такое сходство наводитъ на мысль искать одной общей причины происхожденія ихъ, что мы въ свое время и сдѣлаемъ. Способъ заключенія отъ сходныхъ причинъ къ сходнымъ слѣдствіямъ мы будемъ прилагать къ дѣлу гораздо рѣже. Онъ полезенъ для дедукціи слѣдствій изъ причинъ, о которыхъ предполагается, что онѣ будутъ дѣйствовать при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и потому онъ умѣстенъ тамъ, гдѣ можетъ быть точно опредѣлена самая причина и дѣйствіе, ею производимое: психологу, и по состоянію его науки и по самой цѣли его, рѣдко приходится быть въ такомъ положеніи.

Психологическая дедукція.

Наука должна сгруппировать свое содержаніе въ систему и изъ найденныхъ общихъ законовъ вывести частные. Поэтому

ни одна наука не можетъ обойтись безъ дедукціи. И Психологія нуждается въ послѣдней, какъ для цѣлей разъясненія душевныхъ явленій, такъ и для сопоставa всѣхъ добытыхъ результатовъ въ одну систему. Главные дедуктивные пріемы суть анализъ и синтезъ и теперь мы постараемся указать ихъ необходимость и размѣры приложенія въ нашей наукѣ Такъ какъ для объясненія душевныхъ явленій весьма важны нѣкоторые пріемы реальныхъ опредѣленій, то мы остановимся также и на нихъ.

Анализъ въ Психологіи. Его пріемы и значеніе.

Въ анализѣ изслѣдователь нуждается всегда, когда имѣетъ дѣло съ сложными фактами. Прежде чѣмъ онъ приступитъ къ объясненію ихъ, онъ долженъ разчленить сложныя явленія на простыя; многія задачи, не разрѣшимыя en bloc, могутъ быть съ успѣхомъ рѣшаемы, когда разчленятся на болѣе мелкія и легчайшія. Но психологъ болѣе чѣмъ всякій другой изслѣдователь имѣетъ дѣло съ сложными фактами: названія психологическихъ дѣятельностей и явленій именуютъ заразъ многія частныя дѣятельности и явленія.

Въ Логикѣ мы различаемъ три аналитическихъ пріема: прямой, возвратный и прогрессивный или поступательный анализъ. Изъ этихъ пріемовъ первые два имѣютъ обширное приложеніе въ Психологіи.

Простой анализъ разчленяетъ сложныя душевныя явленія на простѣйшія. Онъ можетъ быть анализомъ объема душевнаго состоянія. Какъ и во всѣхъ наукахъ, въ Психологіи встрѣчаются названія цѣлыхъ группъ фактовъ и чрезъ анализъ необходимо разъяснить, какого рода частные виды явленій въ нихъ заключаются: такъ, мы логически подраздѣляемъ ощущенія, чувствованія на отдѣльныя группы и каждую группу снова разчленяемъ на отдѣльныя чувствованія и ощущенія. Такимъ образомъ мы приходимъ къ точному опредѣленію, какой объемъ явленій предполагается въ каждомъ родѣ и видѣ душевныхъ явленій. Этотъ же прямой пріемъ можетъ быть качественнымъ анализомъ содержанія и состава ихъ. Психологъ разчленяетъ признаки и качества душевнаго состоянія, какъ характерные и исключительно ему принадлежащіе, такъ и общіе, которые оно дѣлитъ со многими другими: такъ, чрезъ анализъ, мы различаемъ желанія отъ хотѣній, влеченія отъ стремленій, одно чув-

ствованіе отъ другаго и т. д. Пріемомъ же качественнаго анализа опредѣляемъ составъ сложнаго явленія: наприм. наибольшая часть чувствованій, принимаемыхъ обыкновенно за простыя, сложны, состоятъ изъ нѣсколькихъ вмѣстѣ соединяющихся волненій и возбужденій сердца; послѣднія мы отыскиваемъ чрезъ анализъ; или, сложныя выраженія чувствованій разчленяемъ на составныя, отыскиваемъ физіологическіе процессы, изъ которыхъ они слагаются и т. д.

Въ регрессивномъ анализѣ мы восходимъ отъ даннаго факта къ его основаніямъ и разчленяемъ послѣднія. Разобравъ фактъ въ его наличности, мы восходимъ къ условіямъ и обстоятельствамъ его происхожденія и стараемся опредѣлить въ нихъ, что именно имѣетъ прямое отношеніе къ разбираемому явленію: различивъ признаки и составныя чувствованія въ гнѣвѣ, мы обращаемся къ анализу обстоятельствъ, при которыхъ онъ является, припоминаемъ минуты своего гнѣва, или наблюденные случаи гнѣва другихъ и разчленяемъ, что въ нихъ служило прямымъ поводомъ этаго чувства. Этимъ способомъ мы находимъ поводы и причины возникновенія многочисленныхъ чувствованій въ душѣ и т. д.

Анализъ прогрессивный, идущій отъ основаній къ слѣдствіямъ, въ Психологіи относительно мало прилагается. При разборѣ явленій мы рѣдко бываемъ въ такомъ положеніи, чтобы видѣть воочію всѣ вторичныя состоянія, развивающіяся изъ нихъ, или отдаленныя послѣдствія какого либо факта. Если и можно открыть ихъ, то не анализомъ, а синтезомъ. Но можно пользоваться прогрессивнымъ пріемомъ при анализѣ выводовъ изъ принципа свободы, или необходимости человѣческихъ дѣйствій, матеріалистическаго взгляда на душу, дуализма и т. д.

Анализъ въ Психологіи есть своего рода primum movens въ ней. Самонаблюденіе, наблюденіе надъ другими существами, искусство, языкъ даютъ только сырой матеріалъ, чрезвычайно цѣнный, но требующій еще большой разработки, чтобы стать научнымъ достояніемъ. Безъ анализа невозможно сдѣлать ни одного полезнаго шага въ нашей наукѣ. Принимаясь за фактъ, первое, съ чего долженъ начать психологъ, это разобрать его, разчленить признаки, составъ, элементы его: тогда только онъ увидитъ, что въ немъ требуетъ объясненія, какія возможныя причины его, т. е. откроетъ просвѣтъ для своего синтеза. Прежде чѣмъ доходить до причинъ фактовъ, психологъ долженъ

анализомъ отдать себѣ отчетъ въ условіяхъ, обстоятельствахъ ихъ происхожденія: иначе онъ будетъ синтезировать въ темнотѣ, на удачу. Не безъ основанія иногда вся наука наша называется психологическимъ анализомъ. Отъ успѣховъ его зависитъ успѣхъ всякихъ обобщеній и выводовъ, а слѣдовательно, и цѣлой науки.

Психологическій синтезъ. Его пріемы.

Синтезъ есть творческій пріемъ въ наукѣ. Онъ созидаетъ цѣлое: изъ многихъ частей и признаковъ отысканныхъ анализомъ, онъ создаетъ мысль о явленіи, исчерпывающую и объясняющую его (синтезъ прямой); онъ ставитъ въ связь съ объясняемымъ явленіемъ другіе факты, какъ ихъ логическое предположеніе, и помогаетъ отыскивать причины ихъ (возвратный); онъ слѣдитъ за возможными послѣдствіями той или другой точки зрѣнія, взгляда и т. д. (прогрессивный или поступательный).

Прямой синтезъ даетъ психологу пониманіе душевнаго явленія, какъ цѣльнаго факта; чрезъ этотъ пріемъ объединяются члены одного цѣлаго, полученные анализомъ, и ставятся въ связь различные выводы, полученные въ разныхъ пунктахъ изслѣдованія. Синтетически мы представляемъ себѣ умственную дѣятельность не какъ собраніе многихъ функцій, но какъ единую дѣятельность души, могущую слѣдовать разнымъ пріемамъ и имѣть въ виду разныя цѣли. Психологъ поставляетъ въ связь различные факты воспоминанія: галлюцинаціи, случаи афазіи, необыкновенныхъ припоминаній и обыкновеннаго воспроизведенія представленій и представляетъ себѣ ихъ, какъ разные случаи функціонированія памяти, при разныхъ обстоятельствахъ. Синтезируя разныя чувствованія, мы поставимъ ихъ въ взаимную связь (гамма чувствованій) и такимъ образомъ опредѣлимъ послѣдовательность ихъ смѣны. Анализъ воли дастъ намъ различные элементы, безъ которыхъ дѣйствованіе ея невозможно, но конструировать ихъ вмѣстѣ такъ, чтобы стала теоретически возможною свобода воли, немыслимо безъ прямаго синтеза.

Возвратный анализъ имѣетъ также широкое примѣненіе въ Психологіи: чрезъ него мы восходимъ отъ слѣдствій къ основаніямъ. Объясняя душевное явленіе, мы синтетически ставимъ различныя стороны его въ связь съ разными обстоятельствами, предшествующими ему: наприм., идетъ вопросъ объ условіяхъ вліяющихъ на силу и глубину чувствованій; психологъ долженъ,

припоминая обстоятельства сильныхъ или глубокихъ волненій, найти такія, съ которыми можно поставить въ логическую связь происхожденіе силы и глубины чувствованій. Чрезъ возвратный синтезъ открывается смыслъ душевныхъ явленій: отъ факта такихъ или другихъ способовъ и видовъ душевной дѣятельности мы идемъ къ цѣлямъ, какъ условіямъ ихъ; отъ различныхъ чувствованій поднимаемся къ состояніямъ и актамъ воли, какъ ихъ условіямъ, или отъ качества душевныхъ дѣятельностей восходимъ къ предположенію существа души, какъ ихъ логическому основанію. Пересмотрѣвъ всѣ главнѣйшіе виды душевной дѣятельности, мы попытаемся впослѣдствіи конструировать понятіе о душѣ, какъ цѣльномъ существѣ.

Прогрессивный синтезъ имѣетъ приложеніе въ Психологіи въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ важнаго, добытаго изслѣдованіемъ, факта намъ приходится дѣлать выводы относительно другихъ фактовъ: многочисленныя приложенія къ жизни разныхъ психологическихъ обобщеній, выясненіе изъ нихъ разныхъ конкретныхъ случаевъ, дѣлаются по этому пріему: мы выводимъ послѣднія изъ первыхъ, какъ слѣдствія изъ основаній. Нашедши фактъ не одинаковой высоты раздражительности сердца, мы легко можемъ представить себѣ, какія послѣдствія для разныхъ степеней чувствованій должно имѣть поднятіе и опущеніе ея. Отъ факта, что minimum'а того или другаго чувствованія возбуждается впечатлѣніемъ извѣстныхъ размѣровъ, мы чрезъ истолкованіе его значенія выведемъ заключеніе къ возрастанію степеней ихъ.

Не будемъ повторять правилъ, предлагаемыхъ Логикою относительно анализа и синтеза. Само собою разумѣется, что анализъ долженъ быть постепеннымъ, идти отъ легкаго къ болѣе трудному, отъ внѣшнихъ признаковъ къ внутреннимъ и существеннымъ. Равно, синтезъ долженъ слѣдовать за анализомъ и не прежде вступать въ свои права, какъ послѣднимъ будетъ подготовлена для него почва. Онъ не долженъ быть торопливъ, не долженъ допускать скачковъ и вообще всякая нетерпѣливость въ восхожденіи отъ общаго къ болѣе общему должна быть умѣряема. Конечная цѣль синтеза заключается въ томъ, чтобы дойти до такихъ общихъ принциповъ, изъ которыхъ индуктивныя обобщенія могли бы быть выведены, какъ слѣдствія изъ посылокъ, которыя освѣщали бы цѣлыя группы и ряды фактовъ. Но въ какой мѣрѣ эта достижимо въ Психологіи, это мы скажемъ ниже.

Пріемъ опредѣленія чрезъ отвлеченіе.

Говоря о дедуктивныхъ пріемахъ въ Психологіи, считаю нужнымъ упомянуть объ одномъ пріемѣ опредѣленія, который имѣетъ вообще для психолога важное значеніе, и нерѣдко мною прилагался къ дѣлу. Онъ извѣстенъ въ Логикѣ, какъ пріемъ отвлеченія.

О положительномъ пріемѣ отвлеченія намъ нѣтъ надобности распространяться. Онъ почти совпадаетъ съ пріемомъ образованія понятій: для опредѣленія общаго понятія, мы обращаемся къ родамъ и видамъ его, собираемъ общіе признаки ихъ и чрезъ нихъ опредѣляемъ первое. Но мы имѣемъ въ виду отрицательный пріемъ отвлеченія. При немъ мы обращаемся къ понятію, противоположному опредѣляемому, и анализуемъ его, а затѣмъ, дѣлаемъ заключеніе, каковы должны быть признаки и составъ послѣдняго. Этотъ пріемъ важенъ для изслѣдованія психологическихъ фактовъ, особенно чувствованій. Пользуясь имъ, мы прежде всего должны обозначить, какое явленіе противоположно анализуемому: въ нѣкоторыхъ случаяхъ это сдѣлать легко, въ другихъ трудно: наприм., что противоположно любви, страху? Зная составъ одного чувства, мы легко можемъ опредѣлить составъ противоположнаго ему: трагическое чувство слагается изъ чувства высокаго, страха, и нѣжности: но комическое противоположно ему, слѣдовательно, оно должно слагаться изъ противоположныхъ чувствованій Нѣжному чувству мы противополагаемъ гнѣвъ, и по составу одного можемъ заключать о составѣ другаго. По отрицательному пріему отвлеченія мы отыскиваемъ объектъ, свойства и направленіе многихъ чувствованій.

Психологія какъ система.

Конечная цѣль развитія нашей науки таже, какъ и прочихъ наукъ: стать логически цѣльнымъ составомъ знаній, въ которомъ разнообразныя познанія, пріобрѣтенныя по методамъ, поставляются въ взаимную связь и каждое изъ нихъ получаетъ свое опредѣленное мѣсто, т. е. стать системою. Форма ея вообще видоизмѣняется, смотря по состоянію знанія и по различію цѣлей познанія: система можетъ быть классификаціей или описательною, объяснительною и истолковательною.

Психологія какъ описательная система.

Классификаціи или описательныя системы имѣютъ въ виду расположеніе матеріала науки въ систематическомъ порядкѣ и точное и подробное описаніе его. Онѣ вносятъ строй и порядокъ въ наши знанія и даютъ возможность найтись среди разнообразія ихъ. Онѣ суть своего рода конспекты, съ помощію которыхъ мы однимъ умственнымъ движеніемъ обозрѣваемъ безчисленное множество явленій. Съ цѣлію классифицированія, наука собираетъ матеріалъ, анализируетъ, систематизируетъ и затѣмъ описываетъ его въ подробностяхъ.

По состоянію и характеру своего матеріала, Психологія, прежде всего, должна стремиться быть удовлетворительною описательною системою. Душевныхъ явленій огромное множество. Какъ разнообразны обнаруженія индивидуальной человѣческой жизни, животныхъ, какъ много ихъ родовъ и видовъ! Чтобы оріентироваться среди нихъ, необходимо свести ихъ въ группы, расположить въ порядкѣ. Для этой цѣли психологъ собираетъ въ одно цѣлое разнообразный свой матеріалъ, и разумѣется, весьма не маловажная задача, по возможности, подмѣтить всякое нѣсколько важное душевное состояніе. Не скажу, чтобы она была закончена: религіозныя настроенія наприм. совершенно игнорируются, чувства зависти и ревности не находятъ еще мѣста въ нашихъ системахъ; расположеніе по родамъ и видамъ въ нѣкоторыхъ областяхъ душевной жизни далеко не удовлетворительно: наприм. трудно дать удовлетворительную классификацію чувствованіямъ, по ихъ чрезвычайному разнообразію и разносторонности.

Описаніе и характеристика душевныхъ состояній должны быть понимаемы психологомъ, какъ важное научное дѣло. Здѣсь онъ долженъ приложить свой анализъ, дабы видѣть впослѣдствіи, что въ душевномъ состояніи существенно и что онъ долженъ объяснить; при характеристикѣ его откроется, въ чемъ оно роднится съ другими фактами и чѣмъ отличается отъ нихъ; изъ отношеній его къ другимъ сходнымъ и различнымъ, можетъ до нѣкоторой степени открыться значеніе, какое оно можетъ имѣть въ ряду другихъ явленій. Надобно сознаться, что анализъ состава ихъ далеко неудовлетворителенъ въ Психологіяхъ, да почти и не дѣлается; въ описаніяхъ нѣтъ опредѣленнаго пріема, т. е. ничего подобнаго существующему въ класси-

фикаціяхъ Ботаники и Зоологіи. Это все пробѣлы, которые должны быть, по возможности, пополнены.

Психологія какъ объяснительная наука. Первообразные и эмпирическіе законы въ ней.

Но Психологія не можетъ ограничиваться однѣми цѣлями классификаціи: она должна заниматься объясненіемъ изучаемыхъ явленій, слѣдовательно, быть объяснительною системою. Въ этомъ отношеніи она имѣетъ цѣли и задачи, общія ей съ точными науками. Явленія, изучаемыя ею, реальны въ преимущественномъ смыслѣ: ибо чрезъ нихъ мы знаемъ о всѣхъ внѣшнихъ фактахъ. Эти явленія возникаютъ и уничтожаются. въ зависимости отъ причинъ, слѣдовательно, подчиняются закону причинности; психологическая причинность управляется извѣстными законами. Психологія, стремящаяся объяснить свой кругъ явленій, должна открыть законы, управляющіе ихъ связью и развитіемъ.

Логика различаетъ два рода законовъ: первообразные и эмпирическіе. Первыми именуются неизмѣнные способы дѣйствій, управляющіе обширною областію явленій: таковъ законъ тяжести. Они указываютъ не только фактъ зависимости одного явленія отъ другаго, но и самый способъ дѣйствованія природы; точно опредѣляя послѣдній, законы стремятся выразиться въ математической формулѣ. Эмпирическіе законы простираются на одну какую либо группу фактовъ и обобщаютъ только нѣкоторыя стороны ихъ.

Надобно сознаться, что Психологія не обладаетъ такимъ первообразнымъ закономъ, который для психическихъ явленій былъ бы тѣмъ, чѣмъ законъ тяжести для физическихъ. Законъ относительности, состоящій съ тѣмъ, что мы сознаемъ все относительно, по сравненіи одного состоянія съ другимъ, не заслуживаетъ названія первообразнаго, какъ многіе думаютъ о немъ: дабы переживать что либо относительно, необходимо, имѣть уже состоянія, т. е. что либо пережить абсолютно. Упомянутый законъ идетъ къ жизни рефлективной, основывающейся на сравниваніи представленій; какъ мы увидимъ ниже, изъ относительнаго сопоставленія впечатлѣній съ, такъ называемыми, мѣрами возникаютъ многія чувствованія и желанія... но не всѣ, и даже тѣ, которыя этимъ путемъ возникаютъ, невсегда являются изъ сравнительнаго сопоставленія. Если бы удалось возвести разныя данныя въ измѣреніяхъ ощущеній, чувствованій и желаній къ одной

какой либо формулѣ, то мы имѣли бы выводъ для психическаго міра, по значенію своему, приближающійся къ закону тяжести въ физической области явленій. Но какъ въ природѣ не всѣ явленія управляются закономъ тяжести (свѣтъ, теплота, электричество), и рядомъ съ нимъ существуетъ масса другихъ законовъ, управляющихъ сложеніемъ и разложеніемъ элементовъ, сложеніемъ, разложеніемъ и прекращеніемъ движеній, такъ и въ духовномъ мірѣ должно быть разнообразіе первообразныхъ законовъ. Какъ тяжесть означаетъ взаимное притяженіе частицъ матеріи и управляетъ ими, такъ, быть можетъ, законъ гармоніи управляетъ отношеніями живыхъ существъ.

Первоначальные законы, мы сказали, стремятся выразиться въ математическихъ формулахъ. Нѣтъ причинъ полагать, что психологическіе первоначальные законы не нуждаются въ математической точности. Если душевныя явленія возрастаютъ съ правильностію и увеличеніе ихъ, по степенямъ и силѣ, совершается не случайно, а по какому либо закону, то, говоря теоретически, необходимо ожидать, что есть свой законъ возрастанія и происхожденія ихъ и онъ можетъ быть выраженъ математически. Нѣчто подобное мы имѣемъ въ обобщеніяхъ Фехнера относительно ощущеній, и какъ надѣемся доказать, должно быть что то въ этомъ родѣ въ чувствованіяхъ и желаніяхъ. Слѣдовательно, вопросъ о приложеніи Математики въ Психологіи рѣшается утвердительно. Гдѣ она можетъ помочь психологу формулировать факты, тамъ ея услуга въ высшей степени желательна. Когда Психологія достигнетъ такого положенія, что въ состояніи будетъ ясно опредѣлять отношеніе психическихъ отправленій, то наступитъ время приложенія въ ней и высшей Математики. До сихъ поръ попытки воспользоваться услугами ея для Психологіи (Гербартъ) не привели ни къ какому полезному результату. Длинныя исчисленія, предпринятыя Гербартомъ и Дробишемъ относительно взаимоотношенія представленій, не дали вывода, который былъ бы признанъ достояніемъ науки. Можетъ быть, причина безплодности заключалась въ неправильности основныхъ положеній, отъ которыхъ отправлялись оба эти психолога.

Не обладая первоначальными законами, Психологія богата эмпирическими обобщеніями. Въ этомъ отношеніи ей не приходится завидовать какой либо другой наукѣ. Почти во всѣхъ частяхъ своихъ наша наука можетъ представить цѣнныя обобщенія зависимости фактовъ: одни изъ нихъ выражаютъ обобще-

нія сосуществованія и преемства психическихъ явленій, наприм. законъ смежности, управляющій сѣтью представленій; другія указываютъ преемство между дѣйствіями и отдаленными ихъ причинами: таково наприм. обобщеніе зависимости памяти отъ достоинства внѣшнихъ чувствъ, многія детальныя замѣчанія о выраженіи чувствованій въ тѣлѣ, объ условіяхъ возростанія чувствованій въ степени и силѣ и т. д.; третья обозначаютъ послѣдовательность, или сосуществованіе между дѣйствіями одной и той же причины, остающейся неизвѣстною: таковы всѣ замѣчанія о сочетаніяхъ свойствъ и особенностей въ индивидуумахъ, когда разбираются характеры и темпераменты ихъ.

До законовъ и обобщеній всякаго рода наша наука доходитъ какъ индуктивнымъ, такъ и дедуктивнымъ путемъ. Не смотря на массу цѣнныхъ знаній о духовной жизни, уже добытыхъ ею, психологической индукціи предстоитъ еще много дѣла. Еще болѣе работъ въ будущемъ для психологической дедукціи. и притомъ, не по скольку Психологія есть наука философская. а по скольку она есть объяснительная система. Много остается явленій не проанализированныхъ и можно сказать, предстоитъ еще безграничная возможность синтеза. Психологія должна поставить различныя духовныя дѣятельности во взаимную связь, второстепенныя вывести изъ главныхъ и т. д.; тогда, быть можетъ, откроются новые горизонты психологическаго вѣдѣнія и явится возможность дедуктивной формы, если не для всѣхъ частей Психологіи, то, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ.

Психологія какъ философская наука.

Изучая связь причинъ и дѣйствій въ душевномъ мірѣ, Психологія удовлетворяетъ только одной потребности знать, какой фактъ какимъ другимъ условливается и каковъ способъ развитія душевныхъ явленій. Въ этомъ отношеніи она преслѣдуетъ задачи и цѣли реальныхъ наукъ. Но есть другая научная потребность— знать смыслъ и значеніе совершающихся кругомъ насъ явленій и по скольку Психологія беретъ на себя эту задачу, она есть наука истолковательная, или идеальная, или философская. Она можетъ быть названа первымъ названіемъ, по скольку истолковываетъ смыслъ и значеніе психическихъ явленій. Второе имя прилагается къ ней потому, что изслѣдуя смыслъ психическихъ фактовъ, она стремится открыть идею ихъ: ибо смыслъ и зна-

ченіе чего либо могутъ отражаться только въ ней. Она можетъ быть названа поэтому философскою наукою: ибо философія занимается изученіемъ сущаго именно съ указанною цѣлію и истолковываетъ фактическій міръ съ точки зрѣнія смысла и значенія его.

Конечно, прежде всего возникаетъ вопросъ: есть ли какая надобность въ подобной точкѣ зрѣнія на душевныя явленія и вообще въ такого рода изученіи ихъ? Не есть ли оно своего рода ненужная и безполезная роскошь? Мы полагаемъ напротивъ: невозможно обойтись безъ него.

1) Душевныя явленія чрезвычайно разнообразны. Между высотами духовной жизни, встрѣчаемыми въ геніяхъ, и низменностями ея въ низшихъ животныхъ существуютъ безконечно многія видоизмѣненія формъ духовной дѣятельности. И если обратить вниманіе на безконечно многія варіаціи душевныхъ состояній, начиная съ самыхъ возвышенныхъ помысловъ, стремленій и чувствованій до самыхъ низшихъ и грубыхъ, то окажется также разнообразіе состояній одной формы въ одномъ и томъ же индивидуумѣ. Возможно ли, чтобы они всѣ имѣли одну цѣну и одно значеніе, чтобы они одинаково выражали напряженіе жизни и дѣятельности, чтобы различныя состоянія одного рода одинаково выражали идею этого рода и т. д.? Но какъ скоро мы начнемъ отдавать себѣ отчетъ въ относительномъ совершенствѣ, или несовершенствѣ душевныхъ состояній, въ ихъ высотѣ и низменности, мы будемъ отыскивать значеніе и смыслъ идей ихъ, слѣдовательно, изучать съ философской точки зрѣнія.

2) Взаимоотношеніе и самое бытіе душевныхъ дѣятельностей не можетъ быть понято и объяснено, если не обратить вниманія на смыслъ и значеніе ихъ. Ощущенія суть безсмысленный фактъ, если не вникнуть въ значеніе ихъ для познанія окружающаго міра. Особенно, воображеніе есть чистѣйшая безсмыслица въ духовной жизни, если не поставить дѣятельности его въ отношеніе къ волѣ и не видѣть въ немъ средства для удовлетворенія нѣкоторыхъ важныхъ стремленій ея; таковымъ оно и было въ психологіяхъ, разсматривающихъ его обыкновенно фактически, и оттого, я думаю, анализъ воображенія до сихъ поръ не давалъ, хотя сколько нибудь удовлетворительнаго, результата. Непонятна дѣятельность ума, если не видѣть въ ней никакихъ цѣлей и стремленій, и еще менѣе можно понять чувствованія и формы ихъ, если не сравнить ихъ съ состояніями

воли, а главное, не поставить вопроса, какая же въ концѣ концовъ цѣль ихъ. Только съ точки зрѣнія цѣли возможно хотя нѣсколько понять, почему есть такой, а не другой складъ и типъ духовной жизни, для чего существуютъ такіе, а не другіе способы дѣятельности души и т. д. Фактическая сторона психической жизни легче понимается и объясняется, когда мы обратимъ вниманіе на смыслъ подробностей ея: ибо въ человѣческой душѣ нѣтъ ни одной черты, которая не была бы разсчитана на какую либо потребность, или не была бы приспособлена къ окружающему ее строю бытія.

Наконецъ 3) не забудемъ и того, что существуютъ глубочайшія потребности духа, требующія подобнаго рода изученія какъ вообще сущаго, такъ и особенно нашего духовнаго бытія. Невозможно допустить съ точки зрѣнія нравственной, чтобы психическая область фактовъ была лишь однимъ образцомъ смѣны явленій, механически слѣдующихъ одно за другимъ, и ничѣмъ болѣе, и что духовный строй не имѣетъ никакого призванія въ мірѣ, не служитъ никакой цѣли, и существа, имъ надѣленныя, не имѣютъ никакого нравственнаго назначенія. Невозможно допустить отсутствія цѣлей въ душевной жизни, съ религіозной точки зрѣнія. Не имѣя возможности допустить случайное происхожденіе міра, и предполагая въ основаніи всѣхъ фактовъ и явленій энергію высочайшей Сущности, мы должны признать, что въ формахъ нашего духовнаго бытія осуществились нѣкоторыя идеи и что какъ индивидуумы призваны къ бытію не въ видѣ безсмысленнаго факта, такъ и духовная жизнь во всей ея совокупности имѣетъ какую либо свою конечную цѣль.

Слѣдовательно, Психологія должна быть наукою и философскою: она должна взяться за изученіе смысла и значенія душевныхъ событій; она не можетъ обойтись безъ точки зрѣнія цѣли. Конечно, было бы слишкомъ гордо утверждать, что послѣдняя намъ извѣстна и что ее легко открыть; но отчасти она открывается намъ самымъ психическимъ строемъ. Изъ цѣли должны быть выведены какъ факты, такъ и содержаніе духовнаго бытія.

Укажемъ теперь вкратцѣ задачи Психологіи какъ научной системы. Она должна 1) классифицировать душевныя явленія и описать ихъ, 2) отыскать законы, управляющіе развитіемъ, связью, послѣдовательностію ихъ и 3) раскрыть смыслъ и значеніе формъ душевной дѣятельности. Въ одно и тоже время она есть описательная, объяснительная и истолковательная наука.

Надѣемся, что послѣ нашихъ разсужденій читателю ясно, есть ли наша наука реальная, индуктивная, или дедуктивная. Она есть реальнѣйшая изъ наукъ, какъ по своему содержанію, которое имѣетъ для насъ вполнѣ достовѣрный характеръ и по которому мы убѣждаемся въ реальности всѣхъ внѣшнихъ явленій, такъ и по своимъ методамъ и пріемамъ, тожественнымъ съ точными и, такъ называемыми, реальными науками. Она есть индуктивная наука: ибо въ обширныхъ размѣрахъ пользуется источникомъ свѣдѣній, общимъ для всѣхъ индуктивныхъ наукъ, методами и пріемами ихъ и имѣетъ одинаковыя съ ними цѣли. Стремясь, какъ и всѣ другія науки, къ открытію законовъ, дѣйствующихъ въ духовной области явленій, притомъ самыхъ общихъ и высшихъ, изъ которыхъ могли бы быть выведены частные, она идетъ къ дедуктивной формѣ, окончательной цѣли всѣхъ положительныхъ наукъ, и такъ какъ она есть, сверхъ всего, наука философская, выводящая самые законы и порядокъ явленій изъ цѣлей и смысла духовной жизни, то ее можно назвать дедуктивною наукою по преимуществу.

Необходимость различенія въ Психологіи реальнаго и философскаго способовъ изслѣдованія.

Называя Психологію наукою положительною и въ то же время философскою, мы стоимъ однако за выдѣленіе однихъ способовъ изслѣдованія отъ другихъ. Какъ наука положительная, она должна пользоваться методами и пріемами точныхъ наукъ и главное, быть столь же осторожною и осмотрительною въ своихъ выводахъ, какъ и онѣ. Мы не должны и упоминать о цѣляхъ того или другаго явленія, пока оно не изслѣдовано, какъ фактъ. Дедуктивное конструированіе его, безъ предварительнаго аналитическаго изслѣдованія подробностей, было бы совсѣмъ не научнымъ дѣйствіемъ, полнымъ теоретическихъ опасностей всякаго рода. Въ этой своей части Психологія столь же крѣпко должна держаться точныхъ пріемовъ, какъ Анатомія и Физіологія, и такъ же мудро налагать на себя воздержаніе отъ преждевременныхъ дедукцій, какъ это дѣлаютъ эти науки. Какъ въ естествовѣдѣніи дедукція оканчиваетъ дѣло индукціи, выводы послѣдней замѣняетъ болѣе общими, отыскиваетъ связь между различными законами и затѣмъ, общій высшій законъ, изъ котораго выводятся частные, и все это дѣлаетъ на почвѣ, подготовленной тща-

тельнымъ наблюденіемъ, изслѣдованіемъ и анализомъ, такъ и въ Психологіи дедукція должна вступить въ свои права, уже послѣ индуктивной разработки ея матеріала: не ранѣе долженъ наступать моментъ философскаго анализа и синтеза психическихъ фактовъ, какъ сдѣлается все возможное въ положительной части изслѣдованія. Только не смѣшивая различныхъ задачъ, способовъ изученія и точекъ зрѣнія и не принимая телеологическаго разсужденія за индуктивное объясненіе, мы въ состояніи будемъ, въ продолженіи всего долгаго научнаго пути, идти неуклонно къ научнымъ цѣлямъ.

Мѣсто Психологіи въ ряду философскихъ дисциплинъ.

Такъ какъ Психологія есть наука между прочимъ и философская, то мы скажемъ нѣсколько словъ о ея мѣстѣ въ системѣ Философіи и отношеніи къ нѣкоторымъ философскимъ наукамъ. Философія изслѣдуетъ или сущее, по скольку оно есть и является, или долженствующее быть, полагаемое волею какого-либо существа. Какъ наука о долженствующемъ быть, она есть или Эстетика, или Этика. Сущее открывается намъ какъ явленіе внѣшнее, познаваемое внѣшнимъ чувствомъ, или какъ явленіе внутреннее, дающееся въ сознаніи. Поэтому философское ученіе о сущемъ или философская Физика распадается на двѣ дисциплины: Философію природы и Психологію. Слѣдовательно, наша наука какъ философская дисциплина, есть собственно часть философской Физики.

Философія природы и Психологія составляютъ собственно теоретическую Философію. Но такъ какъ и внѣшнее бытіе и духовная жизнь суть равно бытіе и предполагаютъ вопросы о субъектахъ, носителяхъ его, взаимоотношеніи и т. д. и невозможно допустить, чтобы каждая изъ упомянутыхъ наукъ рѣшала означенные вопросы только для своего ограниченнаго круга бытія и съ своей особенной точки зрѣнія, то эти вопросы выдѣляются въ особый рядъ изслѣдованій, общихъ для обѣихъ наукъ, и даютъ происхожденіе самостоятельной философской дисциплинѣ, именуемой Метафизикою. Она изслѣдуетъ, что должно разумѣть подъ бытіемъ, предполагаетъ-ли оно одного носителя его, или многихъ, что значитъ становленіе и происхожденіе, взаимодѣйствіе, что значитъ пространство и время, изъ которыхъ первое

есть форма явленія внѣшняго бытія, а второе внутренняго. Такъ какъ Психологія говоритъ о духовномъ бытіи, о происхожденіи, появленіи, возрастаніи и развитіи духовнаго состоянія, о взаимодѣйствіи духовъ, послѣдовательности ихъ дѣйствій и т. д., то она должна при этомъ прилагать къ обсужденію принципы, уже утвержденные Метафизикою, и истолковывать свои факты по разуму и смыслу послѣдней науки.

Слѣдовательно, принципіально философская Психологія зависитъ отъ Метафизики. Однако, нельзя опускать изъ виду и того обстоятельства, что сама Метафизика въ своихъ умозрѣніяхъ отправляется отъ факта духовной жизни. Что̀ такое внѣшнее бытіе, прямо и непосредственно мы не знаемъ: оно открывается намъ чрезъ событія внутренней духовной жизни. Пониманіе сущаго, пониманіе различія субъекта и объекта даются нашему уму, прежде всего въ приложеніи къ намъ; по себѣ самимъ судимъ мы, что̀ значитъ жить, быть, какъ состояніе возникаетъ, прекращается и т. д. Психологическое самонаблюденіе даетъ, слѣдовательно, матеріалъ для метафизическихъ выводовъ, анализа и синтеза и условливаетъ пониманіе самыхъ метафизическихъ понятій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, Психологія въ обширномъ смыслѣ, не какъ философская дисциплина, а какъ вообще наука о душевныхъ явленіяхъ и ихъ субъектахъ, занимаетъ центральное положеніе, условливаетъ саму Метафизику и цѣлую систему Философіи.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ПСИХОЛОГІИ.

Зависимость психологическихъ понятій отъ метафизическихъ направленій.

Въ историческомъ очеркѣ Психологіи, мы будемъ имѣть въ виду послѣдовательность развитія психологическихъ понятій и характеръ, какой принимали въ разное время психологическія изслѣдованія.

Замѣтимъ прежде всего, что исторія Философіи открываетъ намъ фактъ зависимости психологическихъ понятій и предположеній отъ общихъ метафизическихъ принциповъ и направленій. Психологія рѣдко была предметомъ самостоятельнаго, независимаго отъ Метафизики, анализа. Древняя классическая Философія смотрѣла на человѣка, какъ часть природы, слѣдовательно, въ древнемъ періодѣ характеръ истолкованія духовной жизни предрѣшался общими воззрѣніями на сущее и на природу. Новая христіанская Философія, провозглашая человѣка средоточіемъ природы, вѣнцомъ и послѣднею цѣлію творенія, все-таки не изобрѣтала особыхъ принциповъ для объясненія дѣятельности души и de facto прилагала къ нему выводы изъ своихъ общихъ метафизическихъ соображеній.

Философскія системы, по количеству началъ, изъ которыхъ онѣ стремятся вывести все многоразличіе явленій, дѣлятся на унитарныя и дуалистическія. Первыя полагаютъ въ основу всего или духъ, его обнаруженія, дѣятельность, и изъ нея различными путями выводятъ оба ряда явленій, физическихъ и духовныхъ, или матерію вообще, въ видѣ ли непрерывнаго текучаго начала, или атомовъ; первыя называются спиритуалистическими, вторыя матеріалистическими. Философскій дуализмъ

склоненъ допускать двойство первыхъ началъ, противоположныхъ по сущности, духъ и матерію, какъ двѣ равноправныхъ основы, изъ которыхъ одна служитъ для происхожденія міра духовнаго, другая — матеріальнаго.

Эти различныя направленія оказывали неодинаковое вліяніе на развитіе нашей науки. Унитарныя системы, рѣшаясь признавать единство начала, какъ основанія цѣлаго бытія, естественно были склонны допускать, что различіе міровъ духовнаго и матеріальнаго есть только феноменальное, а не субстанціальное, т. е. въ явленіи, а не въ сущности, и потому болѣе или менѣе старались сглаживать различіе духовныхъ и физическихъ явленій. Напротивъ, дуалистическія системы, признавая субстанціальное между ними различіе, стремились, какъ можно шире увеличивать непереходимую пропасть между ними. Унитарныя направленія, по крайней мѣрѣ, до сего времени оказывались для успѣховъ Психологіи менѣе благопріятными, чѣмъ дуалистическія. Изъ нихъ матеріализмъ почти ничего не представилъ замѣчательнаго въ психологическомъ анализѣ, можно сказать, почти не занимался имъ и только болѣе или менѣе нервно сосредоточивался на одной Метафизикѣ Психологіи, преимущественно на доказательствѣ, что душевныя явленія суть лишь видъ физическихъ, тѣлесныхъ дѣятельностей. Нельзя сказать тоже о спиритуализмѣ: мы имѣемъ отъ нѣкоторыхъ философовъ монистовъ цѣнные разборы и обзоры душевныхъ явленій въ человѣкѣ; но занятый грандіозною концепціей единства двухъ противоположныхъ міровъ и ихъ происхожденія отъ одного духовнаго начала, онъ сосредоточивался преимущественно на ней. Дуалистическія системы гораздо болѣе посвящали вниманія изученію душевнаго міра: своею Метафизикою они понуждались къ обособленію его отъ матеріальнаго, къ анализу его фактовъ и объясненію ихъ изъ особыхъ законовъ ихъ: онѣ дали намъ самыя зрѣлыя изслѣдованія въ Психологіи.

I.

Классическая Психологія до Платона.

Взглядъ классическаго Грека на человѣка, какъ часть природы, повелъ къ полной зависимости психологическихъ понятій

его отъ общефилософскихъ убѣжденій. Въ теченіи классическаго времени наша наука, въ своемъ развитіи, зависѣла отъ Метафизики и Физики. Она почти не существовала во весь періодъ, пока греческіе философы не выдѣляли субъекта отъ объекта и не подозрѣвали самостоятельнаго и особнаго бытія души, и получила существованіе, только когда естественнымъ ходомъ развитія философская мысль пришла къ этому различенію и признанію, что есть міръ субъективныхъ явленій, требующій особаго изученія и анализа. Эта потребность явилась въ греческой Философіи только съ Сократа, т. е. конца V-го столѣтія до Рожд. Христова.

Было бы несправедливо, однако же, сказать, что время отъ Ѳалеса до Сократа, обнимавшее болѣе, чѣмъ два столѣтія, прошло для развитія психологическихъ понятій совершенно безплодно. Почти всѣ философы перваго періода греческой Философіи (VI и V стол.) были матеріалисты, но безсознательные. Они не выдѣляли субъекта отъ объекта, не противополагали души тѣлу, человѣка природѣ. Погруженные въ міръ внѣшнихъ впечатлѣній, они искали элемента или элементовъ, изъ которыхъ можно-бъ было объяснить происхожденіе всего сущаго: изъ однѣхъ и тѣхъ же стихій они выводили путемъ уплотненія и разрѣженія, сочетанія и раздѣленія, происхожденіе какъ физическихъ предметовъ, такъ и человѣка со всѣми его дѣятельностями, ни мало не думая о какой либо характерности, самобытности душевныхъ явленій. Но элементъ, изъ котораго они выводили бытіе всего, не былъ чисто матеріальнымъ: будучи таковымъ, онъ въ то же время и одушевленъ, есть носитель жизни. Такого рода ученіе называется не матеріализмомъ, а гилозоизмомъ (ὕλη и ζωή) и самые философы гилозоистами.

Въ такъ называемой, Іонической школѣ (Ѳалесъ, Анаксимандръ, Анаксименъ, Гераклитъ) не было различенія души, какъ особаго начала, и тѣмъ менѣе признанія ея самобытности относительно тѣла. Точка зрѣнія Ѳалеса (род. 640 до Р. Хр.) видна изъ того, что, признавая происхожденіе всего изъ воды, онъ въ тоже время, по свидѣтельству Аристотеля, (de anima 1, 5), считалъ все полнымъ боговъ, т. е. вода его есть носительница жизни и одушевленія. Анаксименъ (520) душу уподобляетъ воздуху, который сдерживаетъ міръ, какъ она тѣло (Плут. de placit. 1, 3). О двухъ упомянутыхъ философахъ такъ скудны вообще свѣдѣнія, что мы не знаемъ, говорили ли они

что другое о душѣ. Но въ какомъ родѣ могли быть разсужденія ихъ, показываетъ Гераклитъ (род. 510—500) отъ котораго дошло до насъ относительно больше свѣдѣній. Душа происходитъ изъ огня, какъ начала всѣхъ вещей: она представляетъ собою теплыя и сухія испаренія и чѣмъ душа суше, тѣмъ она мудрѣе· какъ скоро она становится влажною (наприм. при опьяненіи). то погибаетъ и самый разумъ. Нашъ разумъ, или начало теплоты, входитъ въ насъ изъ окружающаго міра частію путемъ дыханія, частію посредствомъ чувственныхъ органовъ. Во время сна, съ закрытіемъ чувственныхъ отверстій, нашъ умъ лишается общенія съ окружающимъ его умомъ и связь поддерживается только чрезъ одно дыханіе; оттого мы теряемъ память (Sext. Empir. Advers. Mathem. VII).

Пиѳагорейцы говорили о всеобщей душѣ міра, одушевляющей вселенную. Никомахъ (Theolog. Arithmet. 4) приписываетъ Филолаю мнѣніе объ органахъ различныхъ душевныхъ отправленій: головѣ, какъ органѣ ума, сердцѣ—органѣ души и чувствованія, срединѣ живота — роста; органъ оплодотворенія есть орудіе рожденія. Голова есть начало для человѣка, сердце для животнаго, животъ—растенія, органы оплодотворенія для всего живущаго. Въ какомъ отношеніи душа живыхъ существъ находится ко всеобщей, этого по источникамъ не видно. Первая вообще есть гармонія тѣла: ибо послѣднее представляетъ смѣшеніе противоположныхъ элементовъ и потому нуждается въ сдерживающемъ и объединяющемъ началѣ, которое есть душа. Тѣло для нея, однако, есть темница, въ которую она нисходитъ изъ воздуха. Смотря по своимъ заслугамъ, по смерти тѣла, она или возвращается въ царство блаженныхъ, или снова въ тѣло, только не человѣческое. а животное, и въ немъ искупаетъ ошибки предшествующей жизни. Это есть ученіе о душепереселеніи, извѣстномъ подъ названіемъ вторичнаго одушевленія, или метемпсихоза. Пиѳагорейское ученіе знаменуетъ весьма важный прогрессъ въ психологической наблюдательности: въ немъ видно стремленіе пріурочить душевныя отправленія къ извѣстнымъ тѣлеснымъ органамъ. указать значеніе души для тѣла, и обратно, значеніе тѣла для нея и наконецъ дать отвѣтъ на вопросъ о послѣднихъ судьбахъ человѣка.

Однако, и Пиѳагорейцы стояли на общей философамъ перваго періода точкѣ зрѣнія: они понимали душу не абстрактно отъ тѣла, какъ жизненное начало, но какъ гармонію, не отдѣль-

ную отъ предмета, котораго она есть гармонія. Различеніе душевныхъ дѣйствій продолжается у послѣдующихъ философовъ и даже предлагается посильное ихъ объясненіе, но точка зрѣнія остается все таки гилозоистическая. Такъ, Эмпедоклъ Агригентскій (род. ок. 500 г.) обращаетъ вниманіе на ощущенія, мысль и чувствованія. Первыя объясняются порами и истеченіями: отъ предметовъ отдѣляются части и соприкасаются съ однородными частями чувственныхъ органовъ. Мы познаемъ подобное подобнымъ: землю землею, воду водою, воздухъ воздухомъ, огонь огнемъ (Aristot. de anima 1, 2). Обоняніе и вкусъ происходятъ отъ того, что тонкія частицы воздуха и жидкости попадаютъ въ носъ и ротъ и тамъ встрѣчаются съ подобными частицами. Слухъ возникаетъ изъ столкновенія въ ухѣ, какъ трубѣ, теченій воздуха, идущихъ извнѣ и извнутри. Глазъ Эмпедоклъ представляетъ себѣ, какъ родъ фонаря, въ глазномъ яблокѣ заключаются огонь и вода, чрезъ которыя мы узнаемъ о встрѣчныхъ истеченіяхъ, идущихъ отъ предметовъ; огонь служитъ къ воспріятію свѣтлаго, а вода—темнаго элементовъ. Ученіе о четырехъ элементахъ, изъ сложенія которыхъ возникаетъ все сущее, обязывало Эмпедокла послѣдовательно признать и самую душу за смѣшеніе ихъ. Чѣмъ однороднѣе смѣшеніе, тѣмъ острѣе бываютъ чувство и разумъ; когда нѣтъ тѣснаго соединенія между элементами, дѣятельность души совершается медленно; вообще свойства мышленія измѣняются по свойствамъ тѣла. Изъ сочетанія элементовъ нашъ философъ объясняетъ и происхожденіе чувствованія: познаніе предметовъ, по составу своему, сродныхъ частямъ нашего существа, доставляетъ удовольствіе, въ противномъ же случаѣ, неудовольствіе. Въ стремленіи къ сродному состоитъ и желаніе.

Что вообще тогдашняя мысль объясняла происхожденіе одушевленія и душевной дѣятельности изъ смѣшенія частицъ, это доказываетъ Парменидъ, метафизикъ элейской школы (род. 515—510). Онъ допускалъ, что теплое и холодное мы ощущаемъ подобными элементами, находящимися въ насъ, и что представленія и мысли человѣка бываютъ различнаго свойства, смотря потому, который изъ нихъ преобладаетъ въ немъ. Основаніе жизни и разумности онъ находилъ въ тепломъ элементѣ; даже трупъ способенъ ощущенію, только не свѣта и тепла, а холода и мрака. (Theophrast. de Sens. 3).

Атомисты уже своею общею точкою зрѣнія обязывались объ-

яснять душевныя явленія изъ причинъ чисто матеріальныхъ. Душа состоитъ изъ тонкихъ, гладкихъ и круглыхъ атомовъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ суть атомы огня. Она распространена во всемъ тѣлѣ, но въ разныхъ органахъ производитъ разныя отправленія. Мозгъ есть сѣдалище мышленія, сердце гнѣва, печень желаній. Вдыханіемъ мы получаемъ душевные атомы изъ воздуха, выдыханіемъ отдаемъ нѣкоторые обратно, и жизнь продолжается, пока этотъ процессъ обмѣна атомовъ не прерывается. (Aristot. de anima 1, 2). Чувственныя воспріятія Демокритъ (460) объяснялъ истеченіями атомовъ отъ предмета и ощущенія зрѣнія многими εἴδωλα, идущими отъ вещей и достигающими нашего глаза. (Plut. de placit. IV, 8).

О духѣ, какъ первоначальной причинѣ движенія въ мірѣ, первый сталъ говорить Анаксагоръ Клазоменскій (род. ок. 500 г.). Такъ какъ движеніе въ мірѣ существуетъ не отъ вѣчности, то, долженъ быть кто-то первый, сообщившій движеніе частицамъ, какъ элементамъ міра. Этотъ кто-то есть умъ. Описывая его, Анаксагоръ характеризуетъ слѣдующими свойствами: умъ отличается отъ обыкновенныхъ предметовъ простотою, тонкотію, знаніемъ и первенствомъ предъ матеріей. Онъ простъ и чистъ: ибо въ обыкновенныхъ предметахъ къ большинству частицъ, его составляющихъ, по которымъ онъ и получаетъ свое названіе (наприм. золото, серебро, кость, мясо), необходимо примѣшиваются, хотя въ небольшомъ количествѣ частицы другаго рода, въ умѣ же нѣтъ никакихъ инородныхъ частицъ; у него есть сила надъ веществомъ, приводящая послѣднее въ движеніе; умъ называется тончайшимъ изъ всѣхъ предметовъ; наконецъ, онъ обладаетъ знаніемъ: ибо только при знаніи онъ могъ благоустроить весь міръ. Въ признакахъ, усвоенныхъ уму, Анаксагоръ остается отчасти вѣренъ гилозоистической точкѣ зрѣнія. Два изъ нихъ, тонкость и чистота, указываютъ, что этому философу умъ представлялся все-таки, какъ нѣчто подобное матеріи: онъ есть лишь болѣе тонкій элементъ. Однако, у него пробивается мысль и о другомъ характерѣ ума: онъ первенствуетъ предъ матеріей, слѣдовательно, есть что то особенное и отличное отъ нея, и сверхъ того, умъ имѣетъ познаніе; это есть уже чисто психическая черта: ибо главнѣйшее отличіе духа отъ матеріи въ томъ и состоитъ, что онъ идеально представляетъ себѣ предметы.

Анаксагоръ даетъ уму значеніе космологическаго принципа: отъ него исходитъ первоначальный толчекъ къ движенію части-

цамъ, находящимся въ хаотическомъ смѣшеніи. Малый снаружа круговоротъ постепенно расширялся: въ него втягивалось большее и большее количество частицъ и такимъ образомъ постепенно возникали міры. Область одушевленія простирается далеко: не только животныя, но и растенія могутъ печалиться и радоваться. Въ вопросѣ о способахъ чувственнаго познанія Анаксагоръ отступаетъ отъ Эмпедокла: не подобнымъ мы познаемъ подобное, но на оборотъ, вещи мы познаемъ чрезъ противоположное въ насъ; напр. тепло мы познаемъ холодомъ и холодъ внутреннимъ тепломъ: когда тепло кругомъ насъ и въ насъ самихъ есть тепло, то мы не замѣчаемъ его. (Arist. de gener. et corrupt. 1, 1. Sympl. et caet.).

Мысль о самобытности и самостоятельности духовнаго начала, явившаяся у Анаксагора, была великимъ шагомъ въ развитіи нашей науки. Она сдѣлала возможнымъ направленіе всего втораго періода развитія греческой Философіи и проложила дорогу къ успѣхамъ Психологіи въ продолженіи его. Мы не будемъ упоминать ни о Софистахъ, ни Сократѣ и, такъ называемыхъ, сократическихъ школахъ. Они имѣли большое вліяніе на развитіе философской мысли и косвенно вліяли на успѣхъ Психологіи: Софисты тѣмъ, что возбудили въ греческомъ обществѣ спросъ на изслѣдованіе субъекта, его дѣятельностей познавательной и нравственной, Сократъ своимъ непрестаннымъ указываніемъ необходимости познать самаго себя. Но сосредоточившись на вопросахъ о познаніи и нравственной дѣятельности, ни онъ, ни ученики его (Эвклидъ, Антисѳенъ, Аристиппъ) не пытались анализировать фактическую сторону душевной жизни и вообще не занимались судьбами человѣческаго духа. Но въ сократовской Философіи заключалось уже требованіе такого изслѣдованія и потому, когда явился умъ, всесторонне развившій идеи Сократа, то онъ занялся между прочимъ и психологическими вопросами.

Психологія Платона (427—347).

Платонъ былъ первымъ греческимъ психологомъ въ истинномъ значеніи этого слова. Онъ ясно представлялъ самобытность духа въ отличіе его отъ матеріи, внутреннее строеніе его, силы и способности, лежащія въ основаніи практической и теоретической дѣятельности человѣка. Его занимали вопросы, немыс-

лимые для философовъ перваго періода, о происхожденіи и послѣднихъ судьбахъ души. Правда, вниманіе его, по преимуществу, сосредоточивалось на этихъ вопросахъ: имъ онъ посвящалъ даже цѣлые діалоги, тогда какъ о строѣ душевной жизни онъ разсуждалъ по какимъ-либо поводамъ, напр. въ Республикѣ по поводу устройства государства и разныхъ его классовъ, по поводу опредѣленія добродѣтелей и т. п. Платонъ имѣлъ опредѣленное представленіе о силахъ и способностяхъ души, но онъ не столько развивалъ его, сколько пользовался имъ, какъ точкою отправленія для разсужденій о другихъ предметахъ.

Платонъ различаетъ смертную и безсмертную, разумную и неразумную части души; въ неразумной онъ различаетъ благородную и неблагородную. Разумная часть — есть умъ, способный подниматься до созерцанія идей; по скольку онъ обращается къ познанію математическаго міра, дѣйствуетъ какъ разсудокъ; какъ умъ, обращенный къ міру чувственному и мѣняющемуся, онъ производитъ мнѣніе, которымъ слѣдитъ за измѣнчивостію явленій. Неразумная, но благородная часть есть дѣятельное чувство, — источникъ гнѣва, честолюбія и вообще благородныхъ страстей; оно одарено инстинктами добра и предназначено подчиняться разуму. Неблагородная часть смертной души есть пожелательная сторона ея: она есть источникъ пожеланій и страстей, чувственныхъ удовольствій и неудовольствій. Умъ имѣетъ мѣсто въ головѣ, дѣятельное чувство—въ сердцѣ, пожеланіе—въ нижней части живота. У Платона есть нѣчто въ родѣ Психологіи народовъ: такъ, по нему, разумъ преобладаетъ въ Грекахъ, у сѣверныхъ варваровъ—мужественная сторона, у Финикіянъ и Египтянъ—стремленіе къ пріобрѣтенію (Тимей, Федръ, Республика). Всего болѣе вниманіе Платона устремлялось къ вопросамъ о происхожденіи и послѣднихъ судьбахъ человѣка. Въ Тимеѣ изображается, что Деміургъ, по созданіи вселенной, повелѣлъ созданнымъ богамъ произвести смертныя существа: они создали человѣческое тѣло и смертную часть души. Безсмертная душа была создана самимъ Деміургомъ такимъ же способомъ, какъ и всеобщая міровая душа, и изъ тѣхъ же началъ. Имъ создано было столько же душъ, сколько звѣздъ на небѣ: на нихъ онъ размѣстилъ души съ тѣмъ, чтобы каждая съ своего мѣста созерцала вселенную. Со звѣздъ онѣ должны перемѣститься въ земныя тѣла и стать мущинами. По окончаніи земной жизни, тѣ, кто поборолъ свои чувственныя пожеланія, возвращаются

снова къ блаженной жизни на звѣздахъ; кто же не достигнетъ этой цѣли, тотъ, при второмъ рожденіи, становится женщиною и если онъ и во вторую свою жизнь также окажется несовершеннымъ, то, при третьемъ рожденіи, перемѣщается въ тѣло животнаго; при дальнѣйшемъ нравственномъ пониженіи, душа должна перемѣщаться въ худшія тѣла и не прежде успокоится отъ своихъ странствованій, пока не достигнетъ прежняго своего совершенства. Въ Тимеѣ не объясняется поводъ къ нисхожденію душъ въ тѣла, указывается лишь воля на то Деміурга; но въ Федрѣ земное существованіе ставится въ связь съ пожелательною стороною, которая именуется неблагороднымъ конемъ, препятствующимъ возницѣ выникать головою, т. е. умомъ, въ занебесное пространство и созерцать тамъ идеи. Этотъ конь увлекаетъ колесницу и возничаго къ землѣ, душа теряетъ свои перья, отяжелѣваетъ и опускается въ область матеріи, прикрѣпляется къ землѣ и облекается тѣломъ. При рожденіи, души распредѣляются по ровну въ мужскія и женскія тѣла и по смерти тѣла, смотря по тому, каковыми онѣ окажутся на судѣ, посылаются на 1,000 лѣтъ или въ тартаръ для наказанія, или на небо въ награду. По прошествіи этого времени, души должны избрать новыя тѣла: неисправившіяся избираютъ животныя тѣла, соотвѣтствующія ихъ качествамъ. Души, три раза сряду мудро проведшія жизнь, возвращаются въ небесныя жилища.

Такія странствованія души предполагаютъ, что она не разрушается въ минуту смерти тѣла, но, по разрушеніи его, продолжаетъ существовать. Платонъ посвятилъ цѣлый діалогъ вопросу о безсмертіи души человѣческой (Федонъ). Мы встрѣтимся съ этимъ вопросомъ еще впослѣдствіи, поэтому не станемъ теперь критически разбирать силу доказательствъ Платона. Изложимъ ихъ вкратцѣ для характеристики взгляда этого философа на самую душу. Душа не можетъ уничтожиться. 1) Она есть самодвижущееся начало движенія; если бы она заимствовала его откуда-либо, тогда она могла бы перестать жить въ тотъ моментъ, когда ей перестало бы сообщаться извнѣ движеніе; будучи сама началомъ его, она не можетъ перестать двигаться (Федръ). 2) Прикоснувшись созерцаніемъ къ вѣчнымъ и нетлѣннымъ идеямъ, она сама становится безсмертною и неуничтожимою (Менонъ, Федонъ, Федръ). 3) Не можетъ быть никакой внѣшней причины, которая была бы въ состояніи уничтожить ее; внутреннее же зло, являющееся въ самой душѣ, не можетъ разру-

шить ее (Республика). 4) Демiургъ благъ и не можетъ самъ уничтожить то, что имъ же создано (Тимей). 5) Мы замѣчаемъ въ мірѣ противоположности: день смѣняется ночью, жизнь смертью, слѣдовательно, за смертью человѣка должна слѣдовать жизнь (Федонъ). 6) Душа есть сущность, самостоятельная сравнительно съ тѣломъ, и должна переживать его. 7) Она имѣетъ по существу своему общеніе съ идеею жизни, такъ что мертвая душа есть противорѣчивое понятіе (Федонъ)

Такимъ образомъ у Платона выдвигается преимущественно идеальная сторона души и вниманіе его устремляется къ ея связи съ высшимъ идеальнымъ міромъ и зависимости ея отъ него. Повидимому, менѣе онъ придаетъ значенія прямому анализу душевныхъ силъ и способностей, хотя и въ этомъ отношеніи далъ взглядъ, послужившій основаніемъ для дальнѣйшихъ успѣховъ нашей науки.

Ученіе Аристотеля о душѣ. Его психологическія сочиненія.

Аристотель (384 — 323) есть первый классическій философъ. интересовавшійся психологическими изслѣдованіями ради ихъ самихъ. Этотъ всеобъемлющій философскій геній намѣтилъ вопросы нашей науки, указалъ главныя стороны душевной дѣятельности, можно сказать, построилъ планъ, котораго Психологія держалась въ теченіи почти двухъ тысячелѣтій. Въ своихъ взглядахъ на душевную жизнь, онъ стремился обнять не только чисточеловѣческую душу. но и животное одушевленіе, даже начало растительной жизни. Такъ какъ Аристотель есть глава классическихъ психологовъ и въ нѣкоторомъ родѣ есть отецъ нашей науки, то мы позволимъ себѣ сказать о немъ нѣсколько подробно.

Аристотель оставилъ намъ цѣлый рядъ психологическихъ сочиненій. Перечислимъ ихъ съ краткими замѣчаніями о нихъ. Во главѣ всѣхъ его трудовъ по нашей наукѣ слѣдуетъ поставить: Περὶ ψυχῆς. Это есть самый большой и важный между ними. Въ немъ дается цѣлостный взглядъ на совокупность душевныхъ отправленій. Сочиненіе дѣлится на три книги. Аристотель разсуждаетъ въ первой книгѣ о достоинствѣ и трудностяхъ науки о душѣ, о мнѣніяхъ философовъ: Ксенократа, Пиѳагорейцевъ и

Эмпедокла; во второй дается опредѣленіе души и дѣятельностей ея: питанія, ощущеній цвѣта, звука, запаха, вкуса и осязанія: въ третьей книгѣ трактуется о различіи ощущенія, разума, чувства.

Слѣдуютъ сочиненія, получившія въ схоластической литературѣ названіе: parva naturalia, въ отличіе отъ большихъ натуралистическихъ сочиненій Аристотеля.

2) Περὶ αἰσθήσεως καὶ αἰσθητῶν. Что̀ сообщается отъ души тѣлу? о зрѣніи, объ органахъ чувствъ, цвѣтахъ, вкусѣ, запахѣ, чувственныхъ качествахъ.

3) Περὶ μνήμης καὶ ἀναμνήσεως; о немъ Аристотель упоминаетъ въ предшествующемъ сочиненіи. Что̀ такое память и какою частію производится памятованіе? о воспоминаніи и отличіи его отъ памяти.

4) Περὶ ὕπνου καὶ ἐγρηγόρσεως. Сонъ и бодрствованіе имѣютъ значеніе психическое и тѣлесное и общи всѣмъ животнымъ; растенія не имѣютъ ихъ; разъясняется польза и необходимость и указываются причины ихъ.

5) Περὶ ἐνυπνίων. Сновидѣнія принадлежатъ чувствующей душѣ и находятся въ связи съ ощущеніями, въ особенности съ зрѣніемъ; они происходятъ отъ движеній, продолжающихся въ чувственныхъ органахъ, послѣ прекращенія впечатлѣній.

6) Περὶ τῆς καθ' ὕπνον μαντικῆς. Изъ сновидѣній иныя означаютъ то, что произошло, иныя имѣютъ случайное значеніе: допускается ихъ вѣщее въ нѣкоторыхъ случаяхъ знаменованіе и различная способность людей предугадывать его.

7) Περὶ μακροβιότητος καὶ βραχυβιότητος. Одни изъ животныхъ живутъ долго, другія нѣтъ; причина того заключается въ различіи климата. Въ произведеніяхъ природы нѣтъ ничего неразрушимаго. Не въ величинѣ тѣла и не въ элементахъ его заключается причина долговѣчности, а въ теплотѣ и влажности: холодъ и сухость причина короткости жизни. Въ жаркихъ климатахъ животныя живутъ долѣе, чѣмъ въ холодныхъ.

8) Περὶ νεότητος καὶ γήρως и 9) περὶ ζωῆς καὶ θανάτου. Впрочемъ, самъ Аристотель соединяетъ ихъ въ одну книгу. Растительная душа находится въ срединѣ между верхними и нижними частями организма. Сердце есть причина роста, питанія и ощущенія. Первое условіе жизни питаніе: тѣло питается кровью, которая приготовляется сердцемъ и которая поэтому есть средство для жизни. Движущій принципъ жизни заключается въ теплотѣ и какъ скоро она прекращается, наступаетъ смерть.

Теплота тѣла уничтожается какъ прекращеніемъ питанія, такъ и чрезмѣрнымъ скопленіемъ ея, препятствующимъ правильному питанію. Для сохраненія жизни необходимо, чтобы теплота сердца охлаждалась. Это охлажденіе производится различнымъ образомъ въ животныхъ, смотря потому, въ какихъ элементахъ они живутъ, въ водѣ или воздухѣ.

10) Περὶ ἀναπνοῆς. Дышатъ животныя, имѣющія легкія; опровергаются мнѣнія Діогена, Анаксагора, Демокрита; цѣль дыханія не способствованіе питанію, а уменьшеніе внутренней теплоты, что и совершается у животныхъ, живущихъ на сушѣ, посредствомъ легкихъ, у рыбъ же посредствомъ жабръ, принимающихъ и выпускающихъ воду.

Сдѣлаемъ теперь краткій очеркъ аристотелевской Психологіи. Мы опустимъ критику взглядовъ, предшествовавшихъ Аристотелю, философовъ, составляющую содержаніе 1-й книги περὶ ψυχῆς.

Душу вообще Аристотель опредѣляетъ, какъ сущность: она не есть какое либо простое качество. Она состоитъ въ связи съ тѣломъ, организованнымъ извѣстнымъ образомъ, имѣющимъ извѣстныя способности, и служитъ ихъ необходимымъ дополненіемъ: безъ нея не могутъ дѣйствовать ни глазъ, ни ухо. Не всегда, впрочемъ, она бываетъ въ дѣйствіи: спящій не видитъ, но можетъ видѣть, человѣкъ знаетъ геометрію, но можетъ не думать о ней. Въ этомъ смыслѣ, какъ возможное дополненіе уже организованной возможности, душа есть первая энтелехія. Аристотель опредѣляетъ душу, какъ первую энтелехію природно организованнаго тѣла, имѣющаго жизнь въ возможности. Когда она реально осуществляетъ предорганизованную въ тѣлѣ возможность, то является какъ вторая энтелехія. Она соединяется съ тѣломъ, какъ его форма, чѣмъ и рѣшается вопросъ о единеніи души съ тѣломъ.

Такова душа, какъ начало оживляющее безконечно различные виды тѣлъ. Аристотель видитъ одушевленіе не только въ людяхъ и животныхъ, но и растеніяхъ: душа, какъ начало всякой жизни, должна одушевлять и послѣднія. Существуютъ три типа одушевленія: растительная душа, животная и человѣческая. Высшая душа предполагаетъ отправленія низшей, но не наоборотъ: человѣческая необходимо соединяется съ животною и растительною, животная съ растительною, но послѣдняя можетъ существовать безъ первыхъ двухъ.

Растенія одушевлены живою душою, которую Аристотель называетъ первою въ томъ смыслѣ, что она есть во всякомъ живомъ существѣ необходимое основаніе и условіе всякихъ высшихъ душевныхъ дѣятельностей. Отправленія растительной души состоятъ въ питаніи и воспроизведеніи, котораго цѣль — поддержаніе рода. Растенія не имѣютъ жизненнаго центра: они живутъ, будучи раздѣлены на части, и потому не могутъ ощущать. По вещественному своему составу, они состоятъ изъ земли; по своему строенію, разсчитанному на незначительныя отправленія, они просты. Поэтому въ нихъ всего менѣе обнаруживается цѣлесообразность природы.

Растительной душѣ Аристотель приписывалъ только два отправленія: питаніе и воспроизведеніе. Животная душа представляетъ высшій типъ одушевленія: кромѣ того, что она имѣетъ отправленія растительной души, она еще ощущаетъ, памятуетъ, испытываетъ удовольствіе и неудовольствіе и желаетъ. Мало того, онъ приписываетъ животнымъ нѣкоторую способность къ наукѣ, хитрости и разумѣнію, нравственныя черты храбрости. Такова животная душа, впрочемъ, только въ самыхъ высшихъ видахъ животныхъ: многія изъ нихъ способны только къ нѣкоторымъ ощущеніямъ: наприм. нѣкоторыя не имѣютъ слуха или зрѣнія; неспособныя слышать не имѣютъ памяти. Для болѣе широкихъ отправленій они нуждаются въ болѣе многочисленныхъ и сложныхъ органахъ. Аристотель посвящаетъ цѣлое сочиненіе этому вопросу (о частяхъ животныхъ). Онъ подробно разбираетъ однородныя вещества, изъ которыхъ состоитъ тѣло: кровь, жиръ и т. д.. органы ощущенія и движенія, мясо и сердце.

Аристотеля можно назвать отцемъ теоріи пяти внѣшнихъ чувствъ. Способность къ ощущенію одна и ея прямой органъ есть сердце, но сущее внѣ насъ замѣчается при посредствѣ пяти органовъ, отъ которыхъ движенія идутъ къ общему чувствилищу—сердцу. Изъ чувствъ три нуждаются, для своей дѣятельности, во внѣшней посредствующей средѣ (зрѣніе, слухъ, обоняніе), два же—не нуждаются (осязаніе и вкусъ).

Предметъ зрѣнія есть цвѣтъ. Чтобы видѣть предметъ, глазъ нуждается въ прозрачномъ элементѣ, который, въ дѣятельномъ состояніи, есть свѣтъ, въ спокойномъ — темнота. Онъ разлитъ всюду, обнимаетъ тѣла и чрезъ него цвѣтъ предмета становится видимъ. Цвѣтъ принадлежитъ самымъ тѣламъ. Предметы, чтобъ быть видимыми, должны находиться отъ глаза въ нѣко-

торомъ разстояніи: когда оно слишкомъ мало, то глазъ не замѣчаетъ ихъ. Самый глазъ состоитъ изъ воды и потому онъ имѣетъ прозрачную внутренность.

Слушаніе происходитъ чрезъ воздухъ. Звукъ возникаетъ изъ столкновенія твердыхъ тѣлъ и сотрясенный воздухъ доходитъ до внутренняго уха; сотрясеніе воздуха въ немъ производитъ ощущеніе слуха. Какъ для зрѣнія необходима прозрачная среда, такъ для слуха среда, пропускающая звукъ.

Обоняніе происходитъ чрезъ воздухъ и воду; чрезъ первый обоняетъ человѣкъ, чрезъ вторую — рыбы. Оно имѣетъ дѣло съ сухимъ элементомъ: запахи теплы и сухи. Они проникаютъ до мозга и послѣдній нуждается въ нихъ: ибо онъ есть самая влажная и холодная часть тѣла. Аристотель различаетъ два рода запаховъ: одни сродны вкусамъ и могутъ ощущаться какъ людьми, такъ и животными; другіе собственно запахи, безъ примѣси вкуса, замѣчаются только людьми. Органъ обонянія состоитъ изъ элемента — огня.

Вкусъ есть видоизмѣненіе осязанія. Сущность его составляетъ элементъ — земля. Языкъ занимаетъ средину между сухостію и влажностію. Посредствомъ теплоты сухое начало земли дѣйствуетъ на языкъ. Онъ находится въ тѣснѣйшей связи съ питаніемъ. Главные вкусы — суть сладость и горечь.

Въ осязаніи человѣкъ превосходитъ всѣхъ животныхъ, и этимъ превосходствомъ своимъ онъ обязанъ тонкости кожи. Послѣдняя есть, впрочемъ, только среда, чрезъ которую впечатлѣніе проходитъ, на подобіе того, какъ мечь, пронзая щитъ, ранитъ воина.

Во всѣхъ ощущеніяхъ обнаруживается одно общее нераздѣльное чувствованіе Это есть общее чувство, чрезъ которое мы комбинируемъ многія ощущенія вмѣстѣ и сознаемъ ихъ. Оно можетъ простираться на многіе предметы одновременно и Аристотель уподобляетъ это отношеніе пункту, который дѣлитъ линію на двѣ части: заключая одну часть, онъ начинаетъ другую. Одновременно душа не можетъ замѣчать нѣсколькихъ предметовъ. Впечатлѣнія замѣчаются вмѣстѣ, только когда они соединены, и то, если они относятся къ одному и тому же чувству, напр. высота и глубина, и образуютъ одно связное цѣлое.

Способность представленій занимаетъ среднее мѣсто между чувствомъ и мышленіемъ. Какъ безъ ощущеній невозможно представленіе, такъ безъ него невозможно мышленіе. Оно не есть

предположеніе, ни мнѣніе, ни умъ, ни ощущеніе, ни сочетаніе послѣдняго съ мнѣніемъ, оно есть движеніе, остающееся послѣ ощущенія. Названіе: способность представленій (такъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ понимать терминъ—φαντασία) относится вообще къ представленіямъ безразлично, будутъ-ли они воспоминаніями или нѣтъ. Память есть тоже способность представленій, и основывается на внутреннихъ движеніяхъ, оставшихся послѣ ощущеній, но чрезъ нее мы припоминаемъ прошедшее и признаемъ свое представленіе за копію бывшаго; между тѣмъ фантазія есть представленіе вообще, безъ всякаго отношенія къ прошедшему.

Воспоминаніе есть намѣренное воспроизведеніе представленій, своего рода исканіе ихъ. Память основывается на движеніяхъ, идущихъ отъ внѣшнихъ чувствъ къ душѣ; воспоминаніе, наоборотъ, на движеніяхъ души къ тѣлу. Успѣхъ души, при отысканіи потеряннаго представленія, зависитъ отъ связи между движеніями: она бываетъ троякаго рода: по сходству, противоположности и ἀπὸ τοῦ συνεγγύς (по смежности). Слѣдовательно, Аристотель уже думалъ объ ассоціаціи движеній, на которой основывается связь представленій. Но такъ какъ эта мысль была высказана только мимоходомъ, осталась не развитою и не поставленною въ связь съ другими подробностями его Психологіи, то она была пройдена безъ вниманія послѣдующими комментаторами Аристотеля и слишкомъ на два тысячелѣтія осталась позабытою для науки. Только въ 18-мъ столѣтіи Юмъ снова возстановилъ открытіе и далъ ему, впрочемъ, слишкомъ широкое значеніе. Воспоминаніе близко подходитъ къ дѣятельности ума и потому оно принадлежитъ только человѣку: его можно уподобить силлогизаціи; простое же памятованіе есть какъ-бы постоянное качество и встрѣчается у животныхъ, какъ и у человѣка. Въ воспоминаніи есть однако нѣчто тѣлесное и потому оно производится иногда противъ воли.

Третій типъ одушевленія представляется человѣческою душою. По тѣлу человѣкъ принадлежитъ къ животнымъ, именно, къ классу живорождающихъ. Его тѣло указываетъ на присутствіе въ немъ высшаго начала: онъ имѣетъ наибольшее жизненное тепло, большее сравнительно количество крови и мозгу, правильную мѣру въ образѣ и прямое положеніе; у него опредѣленнѣй развито разчлененіе правой и лѣвой сторонъ; его руки суть совершеннѣйшее орудіе. Поэтому человѣкъ есть первое и наилучшее изъ всѣхъ живыхъ существъ.

И по духовной сторонѣ человѣкъ имѣетъ много общаго съ животными: онъ имѣетъ одинаковую растительную душу: общи у него съ ними отправленія чувствованія, представленія, удовольствія и желаній. Но человѣкъ отличается отъ животныхъ умомъ, составляющимъ сущность человѣческой души. Этотъ умъ привходитъ въ человѣческій организмъ извнѣ и есть часть божественной и небесной Сущности. Отъ чувствъ умъ отличается тѣмъ, что первыя утомляются и ослабляются необыкновенно сильными впечатлѣніями, онъ же, мысля необыкновенно важное, только укрѣпляется отъ того.

Умъ проявляется въ людяхъ не одинаковымъ образомъ; лишь въ немногихъ людяхъ онъ развитъ до нѣкоторой степени, но и въ нихъ вскрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны различныхъ причинъ. Какъ въ каждомъ предметѣ есть матерія и форма, такъ и въ немъ есть формальная дѣятельная сторона и пассивная возможность: первая — умъ дѣятельный, вторая — страдательный. Дѣятельный умъ есть энергія, подобная свѣту, освѣщающему предметы. Онъ созерцаетъ принципы теоретическіе и практическіе; заблужденіе для него невозможно. Онъ выбираетъ, анализируетъ, сосредоточивается на томъ, или другомъ предметѣ. Дѣятельный умъ выше страдательнаго и потому онъ безсмертенъ, тогда какъ послѣдній погибаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ.

Умъ не зависитъ отъ ощущеній, но безъ представленій онъ дѣйствовать не можетъ. Мысля треугольникъ, мы нуждаемся въ представленіи его и когда представляемъ его, то умственно чертимъ треугольникъ опредѣленной величины, хотя, для мысли о немъ вообще, нѣтъ никакой надобности въ какой либо величинѣ. Представленіе необходимо для ума въ двухъ отношеніяхъ: 1) для того, чтобы имѣть конкретный матеріалъ для прояснения общихъ мыслей и 2) для того, чтобы запоминать все, что дѣлается умомъ.

Состоянія сердца и желанія у Аристотеля мало разработаны. Они интересовали не съ психологической точки зрѣнія: наприм. нѣкоторыя цѣнныя замѣчанія о состояніяхъ чувства и желаніяхъ, онъ дѣлаетъ въ Этикѣ. Въ неразумныхъ существахъ желаніе является изъ ощущенія, а вмѣстѣ съ желаніями возникаетъ и чувство удовольствія. Желаніе отличается разными чертами, смотря по тому, вызвано ли оно представленіемъ разума, или нѣтъ. Предметъ желанія можетъ быть дѣйствительнымъ благомъ или воображаемымъ и желаніе—разумнымъ или неразум-

нымъ. Желаніе, руководимое разумомъ, есть воля, неразумное — пожеланіе. Воля человѣка должна быть свободна: иначе невозможно было бы вмѣненіе человѣку его дѣйствій, ни существованіе наградъ и наказаній.

Аристотелевская Психологія была первымъ истинно научнымъ шагомъ въ развитіи нашей науки. Великій философъ основывался въ своихъ взглядахъ на наблюденіи и при томъ широкомъ, простиравшемся на все живущее. Въ своихъ широкихъ обобщеніяхъ онъ обнималъ животное и растительное царства. Главные душевные факты и процессы имъ были намѣчены и въ существенныхъ чертахъ установленъ планъ науки.

Послѣ-аристотелевскія школы.

Послѣ Аристотеля, до появленія новоплатоновской школы, и именно до Плотина, основателя ея, мы не видимъ ни одного психолога въ настоящемъ значеніи этого слова. По примѣру системъ Платона и Аристотеля, школы разсуждали о человѣкѣ, душѣ, но вовсе не пытались анализировать ея дѣятельностей и состояній; они точно спѣшили примѣнить къ психологическимъ фактамъ философскіе принципы своего ученія о природѣ и сдѣлать необходимые выводы. Держась матеріалистическихъ началъ, Стоики и Эпикурейцы естественно утверждали, что и душевныя явленія, въ основѣ своей, имѣютъ одну матеріальную причину. По Стоикамъ, душа должна быть по сущности одинакова съ тѣломъ, потому что взаимодѣйствовать могутъ лишь подобные предметы; вмѣстѣ съ тѣломъ она разрушается и уничтожается. По свидѣтельству Плутарха, Стоики утверждали, что душа состоитъ изъ восьми частей: пяти внѣшнихъ чувствъ, способности языка, производительности и начальственной. Отъ послѣдней, какъ изъ нѣкотораго источника, посылаются силы въ разныя части тѣла: въ ней возникаютъ представленія, стремленія, отъ нея исходитъ разумъ; эта часть имѣетъ мѣстопребываніе въ сердцѣ. Съ научной точки зрѣнія, такія обобщенія были положительнымъ шагомъ назадъ, особенно если сравнить ихъ съ мѣткими замѣчаніями и подробною классификаціей душевныхъ состояній, сдѣланною Аристотелемъ. Что наприм. хотѣли Стоики сказать слѣдующимъ опредѣленіемъ зрѣнія? оно есть духъ, отъ начальственной части души досягающій до глазъ, и

нѣчто подобное же они утверждали относительно всѣхъ другихъ частей души.

Эпикурейцы, заимствовавъ отъ атомистовъ, Демокрита и Левкиппа, ученіе о первоначальныхъ элементахъ природы — атомахъ, въ сущности, не сказали ничего новаго противъ нихъ и о душѣ. Эпикуръ училъ о ней, что она есть тонкое, по своему строенію, тѣло, имѣющее сходство съ теплымъ воздухомъ: она состоитъ изъ тонкихъ и круглыхъ атомовъ, различныхъ отъ атомовъ огня. Безтѣлесная душа, какъ и пустота, не можетъ двигать, принимать воздѣйствіе и дѣйствовать на тѣло. Ощущенія Эпикуръ объяснялъ отдѣленіемъ образовъ (εἴδωλα) отъ предметовъ; они идутъ отъ послѣднихъ по всѣмъ направленіямъ и достигаютъ глаза. Подобнымъ образомъ объяснялъ ощущеніе еще Демокритъ.

Чтобы встрѣтить новые успѣхи въ нашей наукѣ, послѣ Аристотеля, мы должны обратиться къ послѣднему періоду греческой Философіи, ко времени Новоплатониковъ. Скептики по своему направленію, ограничивавшемуся лишь вопросами о познаніи, не особенно интересовались Психологіей. Эклектики, занимавшіеся простою выборкою разныхъ вѣроятныхъ мнѣній изъ различныхъ системъ и соединявшіе ихъ безъ метода и обобщающей идеи, были безсильны предпринять что либо самостоятельное въ нашей наукѣ. Филонъ, представитель іудейско-александрійской Философіи, пришедшій къ самостоятельному взгляду на высшій духовный міръ, былъ занятъ болѣе связью человѣческихъ душъ съ этимъ міромъ, чѣмъ анализомъ душевныхъ состояній. Его не самостоятельность въ этомъ отношеніи простиралась до того, что, въ отношеніи дѣятельностей и способностей души, онъ повторялъ сказанное Стоиками.

Психологія Плотина.

Вторымъ великимъ классическимъ психологомъ, послѣ Аристотеля, былъ Плотинъ, основатель новоплатоновской школы. Его ученіе о душѣ имѣетъ для насъ двоякій интересъ. Съ одной стороны, оно представляетъ намъ послѣднее слово въ нашей наукѣ, до какого могла дойти классическая древность: Плотинъ старался совмѣстить въ своихъ психологическихъ сочиненіяхъ все, что могли дать ему для изученія души философы, предшествовавшіе

ему, и присоединивъ много собственныхъ счастливыхъ наблюденій и догадокъ, образовалъ изъ всего нѣчто цѣлое. Онъ поставилъ нашу науку на высшую ступень развитія, чѣмъ она не находилась до него. Съ другой стороны, Психологія Плотина можетъ служить для насъ образцомъ мистической Психологіи, совсѣми ея достоинствами и недостатками: въ этомъ отношеніи Платонъ, котораго Плотинъ вездѣ беретъ за образецъ и по отношенію къ которому онъ хотѣлъ бы остаться не болѣе, какъ толкователемъ, далеко не можетъ съ нимъ сравняться. Онъ ученикъ Платона и слѣдовательно, всего болѣе обращаетъ вниманіе на связь души съ высшимъ духовнымъ міромъ и на вопросы, связанные съ этою стороною души. Но у него вниманіе не поглощено исключительно таинственными судьбами души: если бы онъ не раздѣлялъ взглядовъ на предсуществованіе душъ, на переселеніе ихъ въ разныя существа, если бы онъ не говорилъ о созерцаніи, какъ исключительномъ средствѣ къ образованію тѣсныхъ связей между нами и высшими существами, то мы безъ ошибки могли бы назвать его реалистомъ въ томъ же смыслѣ, какъ и Аристотеля.

Въ Психологіи Плотина слѣдуетъ различать два круга понятій, которыя, однако, вмѣстѣ составляютъ одно неразрывное цѣлое.

Во первыхъ,—кругъ вопросовъ, имѣющихъ предметомъ своимъ связь души человѣческой съ высшимъ духовнымъ міромъ. Они особенно привлекали къ себѣ вниманіе Плотина и касаются происхожденія человѣческой души, ея существованія до земной жизни, ея связи съ тѣломъ и послѣдующей судьбы по расторженіи этой связи, значеніе тѣла для души и т. п. Въ этихъ пунктахъ Плотинъ пошелъ далѣе своего первообраза, Платона; онъ смѣло развивалъ мысли своего учителя, возводилъ ихъ въ систему.

Во вторыхъ, въ Психологіи Платона мы должны различать кругъ понятій, имѣющихъ своимъ предметомъ собственно душевную жизнь человѣка. Это кругъ реальныхъ психологическихъ понятій, для которыхъ требовались тщательныя изслѣдованія. Разсматривая, что сдѣлано Плотиномъ по Психологіи, мы должны согласиться, что онъ даетъ намъ гораздо болѣе, чѣмъ Аристотель.

Прежде анализа ученія Плотина о душѣ, сдѣлаемъ замѣтки о психологическихъ сочиненіяхъ его. Изъ 56 книгъ Плотина, собранныхъ Порфиріемъ въ эннеадахъ, психологическій интересъ

имѣютъ слѣдующія (по порядку написанія): 1) περὶ ἀθανασίας ψυχῆς. Это первое психологическое сочиненіе Плотина и по нему видно, что прежде всего занимало его и на какой вопросъ прежде всего онъ отозвался. 2) περὶ οὐσίας ψυχῆς, въ которомъ Плотинъ поднимаетъ вопросъ о существѣ души не только человѣческой, но и вообще. 3) περὶ τῆς εἰς τὰ σώματα καθόδου τῆς ψυχῆς. Плотинъ занимается отношеніемъ души къ тѣлу и выясняетъ смыслъ ихъ обоюдной связи.

4) Εἰπᾶσαι αἱ ψυχαὶ μία. Плотинъ пытается рѣшить вопросъ о томъ, какимъ образомъ существованіе разнообразія душъ можетъ быть соглашено съ существованіемъ одной всеобщей души. 5) περὶ ψυχῆς ἀποριῶν. Обширное сочиненіе, раздѣленное Порфиріемъ на три книги. Оно занимается вопросами, наиболѣе трудными и касающимися разныхъ областей души. Систематическую связь въ этихъ вопросахъ отыскать трудно. Вопросы эти слѣдующіе: 1) суть ли души части общей души; 2) какимъ образомъ душа нисходитъ въ тѣло и связь ея съ высшимъ міромъ; 3) о нисхожденіи души съ неба; 4) образованіе познанія въ ней; 5) дѣлимая и недѣлимая стороны въ душѣ; 6) отношеніе души къ тѣлу; 7) судьба души по выходѣ изъ тѣла; 8) о воспоминаніи; 9) различіе человѣческой души отъ душъ звѣздъ, міровой и земной; 10) вліяніе звѣздъ и магіи; 11) о зрѣніи и слухѣ.

6) Περὶ αἰσθήσεως καὶ μνήμης. Сверхъ этихъ сочиненій есть два отрывка у Евсевія Памфила: въ одномъ изъ нихъ Плотинъ возражаетъ противъ мнѣнія Аристотеля о душѣ; его нѣтъ въ существующемъ текстѣ сочиненій нашего философа.

Взглядъ Плотина на человѣка и душу; полемика его съ разными школами.

Плотинъ признаетъ двойство человѣка: онъ есть живое существо, соединяющее въ себѣ не совершенную, нисшую часть съ высшею. Человѣческое достоинство наше основывается собственно на этой лучшей нашей сторонѣ. Тѣло, само по себѣ, есть не что иное, какъ одушевленный организмъ; истинно же человѣческая сторона въ насъ совершенно чиста отъ всего тѣлеснаго и отличается особенными высшими качествами разумѣнія, коренящимися въ душѣ, которая существуетъ сама по себѣ, самобытно, даже и при теперешнемъ своемъ земномъ существованіи. Отъ новѣйшаго

дуализма взглядъ Плотина отличается тѣмъ, что, по нему, душа и тѣло соединяются не какъ двѣ полноправныя сущности, но главный центръ существованія заключается въ душѣ. Онъ разсматриваетъ возможные способы отношенія души къ тѣлу и критикуетъ ихъ. Одно можетъ находиться въ другомъ или какъ тѣло въ какомъ нибудь пространствѣ, или какъ признакъ и свойство въ какомъ либо предметѣ, т. е. въ сущности, или какъ часть въ цѣломъ и наоборотъ, или наконецъ, какъ форма въ матеріи. Но если бы душа пребывала въ тѣлѣ по которому либо изъ указанныхъ способовъ, то выходило бы, что она находится въ тѣсномъ обобщеніи съ нимъ, или что она есть произведеніе его и вообще что либо съ нимъ однородное. Посему Плотинъ остановился на понятіи, новомъ для его времени: душа имѣетъ отношеніе къ тѣлу, какъ органу, которымъ она пользуется для своихъ цѣлей и своей дѣятельности. Тѣло для души есть какъ бы лира для музыканта; онъ пользуется ею, пока она годна, и мѣняетъ ее въ случаѣ негодности ея. Поэтому общеніе между ними только поверхностное и равенства въ отношеніяхъ ихъ нѣтъ: тѣло подчинено господству души, но само не господствуетъ надъ нею; оно овладѣвается душею, но само не владѣетъ ею. Наша душа, на подобіе всеобщей, не вся погружается въ тѣло, но нѣчто остается въ ней свободнымъ отъ этихъ узъ и пребываетъ въ высшемъ мысленномъ мірѣ; т. е. онъ хочетъ сказать, что человѣческая душа навсегда сохраняетъ связь съ высшимъ мысленнымъ міромъ.

Для Плотина, душа есть сущность особаго порядка, не имѣющая никакихъ матеріальныхъ свойствъ. Онъ полемически относится ко всѣмъ мнѣніямъ, или выводящимъ ее изъ тѣла, или вообще дѣлающимъ ее зависимой отъ него. Онъ возражаетъ противъ Стоиковъ и Эпикурейцевъ, отождествлявшихъ душу съ матеріей, Пиѳагорейцевъ и Аристотеля, ставившихъ ее въ непосредственную зависимость отъ тѣла.

Можетъ ли душа быть какимъ-нибудь матеріальнымъ тѣломъ? Признавая ее таковою, мы должны допустить два слѣдующихъ вывода: 1) что душа должна имѣть всѣ свойства матеріальнаго тѣла и 2) явленія душевной жизни должны быть выведены изъ понятія его. Но первый выводъ невозможенъ: тѣло можетъ быть теплымъ, холоднымъ, жесткимъ, мягкимъ, влажнымъ, плотнымъ, чернымъ и бѣлымъ; неужели можно предполагать и въ душѣ подобныя свойства и говорить о черной, влажной и холодной

душѣ. Если бы она имѣла такія качества, то была бы въ состояніи сообщить ихъ и другимъ тѣламъ, и притомъ такъ, что если она имѣетъ теплоту, то сообщала бы и другимъ тѣламъ только теплоту, еслибъ была холодна, то лишь охлаждала бы ихъ и тому подобное. Но душа въ разныхъ животныхъ производитъ различныя явленія: въ одномъ и томъ же организмѣ, уплотняя одно, разжижаетъ другое, образуетъ черное и бѣлое, легкое и тяжелое. Далѣе, тѣлу свойственъ одинъ только родъ движенія — механическое и притомъ простое; душа же бываетъ причиною разнообразныхъ движеній тѣла и даетъ въ нимъ различные поводы: намѣренія, понятія; если бы она была тѣломъ, то сообщала бы предметамъ движеніе одною механическою причиною, напримѣръ, ударомъ. Матеріальнымъ тѣламъ свойственъ ростъ, т. е. они способны увеличиваться въ объемѣ. Если душу считать тѣломъ, то она должна имѣть ростъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы приписываемъ его растеніямъ, животнымъ и нашему тѣлу. Но тогда мы попадаемъ въ слѣдующее затрудненіе. Во 1-хъ, если ростъ совершается путемъ уподобленія инороднаго, то душа должна, принимая въ себя матеріальныя частицы, одухотворять ихъ и тогда выйдетъ, что матерія можетъ измѣнить свою природу, подъ вліяніемъ души. Во 2-хъ, мы не объяснимъ себѣ тогда возможности воспоминанія: однѣ матеріальныя частицы будутъ входить въ душу, другія выходить; при такомъ обновленіи существа ея, какимъ образомъ могутъ на долго сохраняться въ ней воспоминанія. Наконецъ, еслибъ душа была тѣломъ, то она должна была бы имѣть части и фигуру; но она, присутствуя въ разныхъ частяхъ тѣла, остается одною и тою же, какъ это доказывается нашими воспріятіями; нѣтъ въ ней и фигуры, ибо она не осязаема.

Съ другой стороны, матеріализмъ долженъ вывести изъ понятія матеріальнаго тѣла всѣ душевныя дѣятельности. Это невозможно по отношенію къ ощущенію: нельзя предположить, чтобъ носъ, напримѣръ, ощущалъ самъ по себѣ, глаза также отдѣльно отъ другихъ чувствилищъ. Впечатлѣнія, вступающія въ тѣло посредствомъ различныхъ чувствъ, должны сходиться въ одномъ центрѣ; тамъ они должны соотноситься одно съ другимъ, ибо въ этомъ собственно состоитъ воспріятіе.

Признавая душу за тѣло, мы еще менѣе могли бы объяснить фактъ запоминанія. Тогда мы должны были бы допустить, что причина памяти заключается въ напечатлѣніи образовъ въ

душѣ. Но это невозможно и тогда, если бы душа была тѣломъ влажнымъ, и тогда, если бы она была твердымъ тѣломъ: въ первомъ случаѣ образы неудержимо сливались бы, какъ обыкновенно сливается вода, чѣмъ нибудь возмущаемая, и воспоминаніе было бы невозможно; во второмъ, предполагая, что слѣды остаются, какъ объяснить появленіе новыхъ ощущеній и образовъ: для нихъ не должно быть мѣста въ душѣ; предполагая же, что прежніе какъ бы стираются и уступаютъ свое мѣсто новымъ, мы не въ состояніи объяснить воспоминаніе старыхъ образовъ. И мышленіе станетъ необъяснимымъ фактомъ, если допустить, что душа есть нѣчто матеріальное. Мыслить значитъ воспринимать что либо безъ посредства тѣла, слѣдовательно, мыслящее въ насъ не есть тѣло. Съ другой стороны, мысль наша неограничивается только одними чувственными и матеріальными предметами: она направляется и къ міру мысленному, воспринимаетъ предметы, не имѣющіе ни протяженной величины, ни частей. Какимъ же образомъ, будучи протяженною величиною, душа могла бы мыслить нѣчто непротяженное, и состоя изъ частей, мыслить нѣчто простое? Наконецъ, фактъ нравственной оцѣнки дѣйствій ни въ какомъ случаѣ не былъ бы объяснимъ, если бы душа была тѣломъ. Возможно ли было бы тогда говорить о добродѣтеляхъ, благоразуміи, справедливости, мужествѣ или другомъ чемъ либо подобномъ: похожи ли они на какой либо тонкій духъ, или особый видъ крови?

Эпикурейцы представляли душу, состоящую изъ атомовъ. Противъ нихъ нашъ философъ возражаетъ: во 1-хъ, фактъ одушевленія никакъ не можетъ быть выведенъ изъ соединенія многихъ безжизненныхъ атомовъ. Если каждый атомъ въ отдѣльности ничего не способенъ чувствовать, то откуда же, по соединеніи ихъ въ одно цѣлое, явится возможность чувства. Если недопускать, что потаенная жизнь скрывалась въ каждомъ атомѣ, то нѣтъ нужды распложать множество центровъ ея: довольно и одного въ душѣ. Станемъ мы причину души искать въ формѣ, видовомъ строеніи атомовъ, тогда мы отступимся отъ матеріальной причины и будемъ предполагать нѣчто невещественное, т. е. душу: видъ и форма ни въ какомъ случаѣ не могутъ происходить изъ матеріи. Затѣмъ, атомистическая теорія не можетъ объяснить умозаключеній, стремленій, разныхъ спеціальныхъ наклонностей ума.

Противъ пиѳагорейскаго мнѣнія о душѣ, какъ гармоніи тѣла,

Плотинъ указываетъ слѣдующія основанія. Во 1-хъ, гармонія есть нѣчто не самостоятельное, вытекающее изъ какого нибудь строя, вторичное и слѣдовательно, перенося это названіе на душу, мы даемъ ей значеніе второстепенное, а не первичное. Тѣмъ болѣе это несогласно съ истиною, что душа заявляетъ себя дѣятельною: она правитъ и повелѣваетъ тѣломъ, оказываетъ ему разнообразное противодѣйствіе. Если бы она была гармоніей, то не могла бы такъ дѣйствовать: какъ выраженіе согласія въ дѣятельностяхъ тѣла, она всегда слѣдовала бы за послѣднимъ. При томъ, какимъ образомъ тѣло можетъ образовать душу въ силу гармоніи своихъ частей? Если это согласіе предполагается въ составѣ тѣла, въ смѣшеніи матеріи, изъ которой оно состоитъ, то результатомъ его, въ сущности, можетъ явиться только здоровье, но никакъ не душа. Если же разумѣть это согласіе такъ, что каждая часть тѣла производитъ нѣчто психическое и изъ всѣхъ частей возникаетъ гармонія, то предполагая разнообразіе состава частей въ тѣлѣ, мы въ правѣ говорить о такомъ же количествѣ душъ въ немъ, сколько у него частей. Наконецъ, гармонія не можетъ возникнуть въ тѣлѣ, если некому образовать ее; прежде нежели явится душа, какъ гармонія тѣла, необходима душа, которая образовала бы первую: чтобы струна издавала гармонію, необходимъ музыкантъ, влагающій ее въ струны, имѣющій въ себѣ представленія ея, которыми руководится при настроеніи струнъ.

Равнымъ образомъ, мнѣніе Аристотеля о душѣ, какъ энтелехіи тѣла, не выдерживаетъ критики. Энтелехія тѣла означаетъ не то, что душа есть какъ бы видъ матеріи, входящей въ составъ тѣла, но что она есть высшая форма органическаго тѣла; организмъ самъ по себѣ не дѣйственъ, онъ живетъ только въ возможности; душа переводитъ эту возможность въ дѣйствительность и потому она называется формою тѣлеснаго организма. Это мнѣніе о душѣ имѣетъ всѣ недостатки взглядовъ, которые не предполагаютъ въ ней самостоятельной сущности. Оно приводитъ къ страннымъ выводамъ о ней и безсильно объяснить намъ многія душевныя явленія. Если душа находится въ такомъ же отношеніи къ организму, въ какомъ форма статуи къ мѣди, то при разрушеніи перваго на части, она тоже должна распадаться; при отсѣченіи какой либо части его, должна отдѣляться и часть души. Вообще, принимая душу за энтелехію, мы отвергаемъ простоту души. Будучи формою сложнаго организма,

она сама должна состоять изъ частей. Съ другой стороны, мы не могли бы тогда объяснить возможность такихъ явленій, каковы, напримѣръ, сонъ, борьба между понятіями и желаніями, фактъ высшихъ желаній и воспоминанія. Если сонъ возникаетъ изъ ослабленія связи души съ тѣломъ, то возможно ли это для энтелехіи, всегда присущей тому, чего она есть энтелехія: тогда невозможно было бы явленіе сна. Далѣе, мы замѣчаемъ, что иногда понятія вступаютъ въ борьбу съ желаніями. Такого факта внутренняго противорѣчія не возникало бы, если бы душа, какъ форма тѣла, составляла съ нимъ одно цѣлое: понятія и мысли ея сочувствовали бы всему, исходящему отъ тѣла, а не противодѣйствовали бы ему.

Выдѣляя душу отъ тѣла, Плотинъ указываетъ намъ ея сродство съ божественною природою. Въ соединеніи съ тѣломъ она принимаетъ участіе въ неразумныхъ его желаніяхъ и волненіяхъ, беретъ на себя, такъ сказать, инородныя свойства. Но разсматриваемая отдѣльно отъ тѣла, она обнаруживаетъ лучшія свойства: разумѣніе, добродѣтель и тому подобное. По своей природѣ, она сродна всему божественному и вѣчному. Если мы постараемся созерцать себя, отвлекшись отъ всего другаго, то мы убѣдимся въ безсмертной своей природѣ и ея происхожденіи изъ мысленнаго и чистаго отъ всякой матеріи міра. Мы увидимъ, что умъ нашъ способенъ отклоняться отъ всего чувственнаго и смертнаго и безсмертною своею мыслію созерцать вѣчное. Въ доказательство вѣчности и неразрушимости души Плотинъ приводитъ для него несомнѣнный фактъ, что отношенія людей не прекращаются съ ихъ смертію и что состояніе по смерти состоитъ въ извѣстной дѣятельности, направленной къ оставленному міру.

Душевныя дѣятельности, по Плотину, распадаются на два разряда: однѣ изъ нихъ для своего образованія требуютъ совмѣстнаго содѣйствія души и тѣла: одна душа не можетъ производить ихъ; другія принадлежатъ единственно душѣ.

Плотинъ удерживаетъ платоновское дѣленіе дѣятельностей души на высшія и низшія; послѣднія имѣютъ своимъ источникомъ тѣло, по скольку оно есть живой, одушевленный организмъ, называемый имъ φύσις; иногда онъ называетъ послѣднюю животною душой, потому что эти дѣятельности замѣчаются у животныхъ. Кромѣ того, Плотинъ разсуждаетъ иногда о существованіи въ человѣкѣ души, заправляющей растительными процессами.

Поэтому можно бъ было, повидимому, придти къ предположенію что онъ допускаетъ въ человѣкѣ соединеніе трехъ душъ, подъ главнымъ руководствомъ человѣческой души. Однако, у нашего философа одна и таже душа вездѣ господствуетъ въ тѣлѣ: нѣкоторыя дѣятельности начинаются въ послѣднемъ, а заканчиваются въ душѣ, которая только воспринимаетъ ихъ.

Къ числу дѣятельностей души, развиваемыхъ ею въ связи и зависимости отъ тѣла, Плотинъ относитъ: 1) нисшія чувствованія; это тѣ дѣятельности души, которыя новѣйшая Психологія относитъ къ отдѣлу волненій. Сюда относится все, за возбужденіемъ чего слѣдуетъ удовольствіе или неудовольствіе. Причину этихъ состояній Плотинъ видитъ въ особой способности, какъ силѣ, могущей развивать ихъ. Непосредственно приписывать ихъ душѣ значило бы утверждать, что душа краснѣетъ или блѣднѣетъ: душа умѣетъ давать поводъ къ развитію подобныхъ состояній, но они развиваются внутри тѣла. Она узнаетъ или чувствуетъ эти потрясенія, потому что она находится съ ними какъ бы въ сосѣдствѣ. Ея знаніе и чувство безстрастно и потому она можетъ узнавать о волненіяхъ и трезво относиться къ нимъ.

2) Τὸ ἐπιθυμητικόν — явленія воли: желанія и стремленія: и они, какъ и чувствованія, причисляются Плотиномъ къ области неразумной нисшей жизни. Впрочемъ, руководясь принципомъ, что нисшія дѣятельности замѣчаются и въ животныхъ, Плотинъ долженъ былъ нѣкоторыя высшія стремленія, отличающія человѣка, исключить изъ области ἐπιθυμητικόν. Къ ней относятся стремленія, по природѣ своей, безпорядочныя, которыя, дѣйствуя безъ всякихъ препятствій, обнаруживаютъ всю свою необузданность. Они весьма разнообразны, какъ разнообразны потребности тѣла, изъ которыхъ исходятъ. Органъ ихъ есть печень: ибо около нея и въ ней обнаруживается растительная сторона души.

3) Τὸ θυμοειδές — дѣятельное чувство, или состоянія воли, сопровождающіяся чувствованіемъ. Раздражительность исходитъ изъ той же стороны души, отъ какой происходитъ желаніе, такъ что τὸ θυμοειδές и τὸ ἐπιθυμητικόν представляютъ двѣ стороны одной и той же дѣятельности. Въ тѣлесномъ отношеніи, вліяніе раздраженной души сказывается на дѣятельности сердца и на кипѣніи крови.

Наконецъ 4) αἰσθήσεις. Плотинъ видитъ въ ощущеніяхъ, съ одной стороны, дѣятельность низшую, зависящую отъ извѣстныхъ органовъ, а съ другой, онъ понимаетъ ощущеніе, какъ безстрастный способъ воспріниманія внѣшнихъ впечатлѣній, не зависящій отъ органа, но принадлежащій исключительно душѣ, познающей внѣшній міръ. Ощущеніе во всякомъ случаѣ не есть простое воспріниманіе впечатлѣній: напримѣръ, ощущеніе зрѣнія состоитъ никакъ не въ воспріниманіи образовъ извнѣ. Плотинъ подробно опровергаетъ такое мнѣніе о зрѣніи. Во 1-хъ, тогда душа не имѣла бы нужды обращаться зрѣніемъ къ внѣшнему предмету: онъ долженъ былъ бы только напечатлѣться на душѣ, войти въ нее и ощущеніе было бы готово. Во 2-хъ, душа способна замѣчать разстояніе между предметами, но какой можетъ быть образъ разстоянія. Наконецъ 3) тогда мы видѣли бы не самые предметы, а лишь изображенія и тѣни ихъ и выходило бы, что мы видимъ не самые предметы, а нѣчто со всѣмъ другое. Зрѣніе есть дѣятельность, которую развиваетъ душа съ помощію извѣстнымъ образомъ устроеннаго органа. Процессъ слуха Плотинъ понимаетъ такъ, что тѣло, издающее звукъ, какъ бы пишетъ на воздухѣ знаки, которые душа читаетъ.

Истинно человѣческая душа обладаетъ силою памяти и воспоминанія и способна отъ низшихъ ступеней познанія достигнуть высшихъ.

Такъ какъ душа занимаетъ среднее положеніе между тѣлеснымъ міромъ и мысленнымъ и соприкасается съ обоими, то и воспоминаніе бываетъ двоякаго рода. Съ одной стороны, впечатлѣнія оставшіяся отъ времени, когда она принадлежала къ высшему міру, по немногу дѣлаются яснѣе, изъ состоянія возможности, или лучше, предрасположенности переходятъ въ дѣйствительность; съ другой, она воспоминаетъ впечатлѣнія отъ чувственныхъ предметовъ; она какъ бы снова соприкасается съ ними и самодѣятельно вновь заставляетъ ихъ рисоваться предъ собою.

Воспоминанія перваго ряда Плотинъ объясняетъ какъ проясненіе темныхъ образовъ. Что касается до втораго, то Плотинъ энергически возстаетъ противъ мнѣнія, по которому сохраненіе образовъ въ душѣ и есть воспоминаніе. Во 1-хъ, множество образовъ было бы множествомъ воспоминаній, тогда какъ сила памяти находится въ обратномъ отношеніи къ количеству образовъ: дѣти памятливѣе стариковъ. Во 2-хъ, если образы

составляютъ постоянное достояніе души, то почему же воспоминанія требуютъ отъ насъ умственныхъ усилій. Въ 3-хъ, наблюденіе показываетъ, что память усовершается также, какъ увеличивается ловкость и гибкость въ рукахъ или ногахъ вслѣдствіе гимнастическихъ упражненій. Плотинъ понимаетъ воспоминаніе, какъ силу, дѣйствующую повторительно въ томъ направленіи, въ какомъ она дѣйствовала прежде. Сила, вызываемая къ дѣйствованію при воспоминаніи, приходитъ изъ состоянія возможности въ состояніе чисто дѣятельное. Присутствіе воспоминаемаго содержанія можно представлять въ силѣ, какъ присутствіе ловкости въ рукахъ или ногахъ, развитой гимнастикою: она присуща имъ, какъ привычка.

Плотинъ придаетъ особенное значеніе познаванію и разчленяетъ его съ особенною внимательностію. Онъ указываетъ на слѣдующіе способы познанія:

1) Воспріятіе. Оно посредствуетъ не только между ощущеніями и душею, но и между ею и высшими помышленіями, или идеями. Послѣднія оставались бы для нея неизвѣстными, если бы ничто не доводило ихъ до свѣдѣнія души. Идея, помыслъ, не имѣя частей, не обнаруживаясь внѣшнимъ образомъ, должна скрываться внутри. Дѣлаясь достояніемъ воспріятія, идея, въ формѣ понятія, удерживается памятью и можетъ быть воспринимаема. Поэтому Плотинъ рѣшительно различаетъ идею и воспріятіе ея. Въ воспріятіи, какъ въ зеркалѣ, отражается умственный и чувственный міръ.

2) Представленіе. Плотинъ различаетъ два рода представленій Во первыхъ, нисшій родъ, представленіе, устремленное къ нисшему міру, неясное и неосмысленное; это есть дѣятельность не логическая, но присущая тѣлесной природѣ нашей; примѣры ея можно видѣть въ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ. Второй видъ представленій есть мнѣніе; оно есть высшій родъ представленій.

3) Болѣе высокую дѣятельность ума, сравнительно съ представленіемъ, Плотинъ видитъ въ *διάνοια* — разсудкѣ и свойственнымъ ему размышленіи — *διανόησις*. Такъ какъ человѣческая душа двоится въ направленіяхъ своей познавательной дѣятельности: съ одной стороны, привлекается міромъ чувствъ, съ другой, не можетъ не стремиться къ высшимъ мысленнымъ предметамъ, то разсудку онъ усвояетъ срединное мѣсто между этими двумя родами дѣятельности. Онъ дѣйствуетъ въ двухъ направ-

леніяхъ. Онъ размышляетъ, во 1-хъ, надъ образами, добываемыми путемъ внѣшнихъ чувствъ, причемъ ему сопутствуетъ и ощущеніе, и во 2-хъ, объ истинѣ, когда помышленія ума пріобрѣтаютъ въ душѣ вполнѣ дѣйственный характеръ и разсудокъ начинаетъ сравнивать внѣшніе предметы съ идеями, по ихъ сходству и подобію. Общій способъ дѣятельности разсудка Плотинъ описываетъ такимъ образомъ: онъ судитъ и умозаключаетъ по поводу представленій, полученныхъ отъ ощущеній, одно соединяетъ, другое раздѣляетъ; въ то же время онъ устремляетъ вниманіе и къ тому, что исходитъ отъ ума: онъ разсматриваетъ мысленные образы, какъ бы читаетъ ихъ и устанавливаетъ согласіе, или лучше, логическую связь между образами новопріобрѣтенными и имѣющимися съ давняго времени. Слѣдствіемъ подобнаго отношенія разсудка къ идеямъ ума бываетъ преобразованіе послѣднихъ въ понятія, т. е. въ такую разсудочную форму, въ которой онѣ становятся доступны для нашей памяти и воспоминанія и въ которой идея можетъ себя обнаруживать. Самые пріемы, посредствомъ которыхъ разсудокъ ищетъ истины, именно умозаключенія, указываютъ, что въ себѣ самомъ онъ не имѣетъ ея, а долженъ пользоваться матеріаломъ изъ другихъ источниковъ. Умозаключать значитъ только искать истиннаго понятія; умозаключая мы стараемся найти истину, которою уже владѣетъ разумъ, и лишь только мы дойдемъ до результата, силлогизмъ оканчивается. Оттого разсудокъ не можетъ служить центромъ, къ которому тяготѣло бы все наше познаніе. Такой центръ Плотинъ видитъ въ одномъ умѣ.

4) Наконецъ, высшая познавательная дѣятельность свойственна уму. Онъ есть царь, господствующій надъ нами, такъ что и мы сами дѣлаемся царями, когда слѣдуемъ его указаніямъ. Мы должны различать въ своемъ умѣ то, что составляетъ свойство, собственность нашей души, и то, что есть часть всеобщаго міроваго ума: послѣдній принадлежитъ намъ потому, что онъ всему присущъ и ему причастна всеобщая міровая душа, отъ которой мы происходимъ. Присутствіе такой высшей силы въ насъ сказывается двоякимъ образомъ: мы сознаемъ истины его, присущія намъ, какъ бы письмена, законы, и непосредственно чувствуемъ его присутствіе. Оттого Плотинъ называетъ умъ въ нѣкоторомъ смыслѣ отдѣлимою и самостоятельною частью души. Чрезъ умъ мы направляемъ свой взглядъ горѣ, устремляясь туда всѣмъ своимъ существомъ. И тогда мы созерцаемъ истину, на подобіе

того, какъ человѣкъ, смотря съ высокаго какого нибудь пункта, можетъ видѣть все, что остается скрытымъ для людей, стоящихъ внизу. Созерцаніе ума не имѣетъ нужды въ силлогизмѣ: умозаключеніе есть только исканіе истины, разумѣніе есть уже обладаніе ею и самая дѣятельность ума есть совершенно спокойное созерцательное состояніе.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ пунктъ ученія Плотина, именно о судьбахъ души до соединенія ея съ настоящимъ видимымъ тѣломъ и по разлученіи съ нимъ.

Нашъ философъ усвояетъ себѣ мнѣніе Платона, что душа, еще до соединенія съ тѣломъ, уже существовала въ мысленномъ мірѣ. Древняя мысль не могла помириться съ предположеніемъ, что въ мірѣ могутъ являться какіе бы то ни было дѣятели, нигдѣ прежде не существовавшіе, но такъ сказать, вторгающіеся въ него изъ области ничтожества, или вбрасываемые въ него чьею бы то ни было волею. Поэтому предсуществованіе душъ не доказывается у Плотина, но предполагается, какъ нѣчто само собою понятное. Души живутъ въ мысленномъ мірѣ и приходятъ оттуда сюда. Онѣ живутъ тамъ въ общеніи съ міровою душою, которая произвела ихъ, и пользуются небеснымъ ученіемъ. Эта мысль находится у Плотина въ связи съ началами его системы. Мысленный міръ есть обширная область, состоящая изъ цѣлой цѣпи существъ: перваго начала, ума, міровой души и всѣхъ душъ, отъ нея происшедшихъ. Если человѣческія души суть естественныя и необходимыя созданія міровой души, то понятно, что онѣ должны также существовать отъ вѣка, какъ и она сама. Затѣмъ возникали два вопроса: въ какомъ состояніи душа пребывала, находясь въ общеніи съ міровою душою и что̀ заставило души покинуть это мѣсто покоя, перейти въ юдоль плача и оковъ и, быть можетъ, на долго отрѣшиться отъ источника жизни и свѣта.

На первый вопросъ Плотинъ отвѣчаетъ описаніемъ блаженнаго состоянія душъ, пока онѣ находятся въ общеніи съ міровою душою, до соединенія съ тѣлами. Никакія воспоминанія не безпокоятъ душу: ей не къ чему было стремиться и не о чемъ вспоминать, тѣмъ болѣе что воспоминаніе относится къ прошлому, для ея же вѣчной и неизмѣнной природы существуетъ одно только настоящее. Равнымъ образомъ, души въ мысленномъ мірѣ не имѣютъ нужды въ силлогизмахъ и умозаключеніяхъ. Силлогизмъ указываетъ на какія нибудь затрудненія въ мышле-

нiи, на потребность придти извѣстнымъ путемъ къ какому нибудь выводу. Но души не чувствуютъ никакой бѣдности въ себѣ, имъ не нужно труднымъ путемъ изучать что либо. Вообще тамъ, въ мысленномъ мірѣ, онѣ не нуждаются ни въ какихъ внѣшнихъ выраженіяхъ внутреннихъ движеній ума, такъ что имъ не нужно даже взаимнаго умственнаго обмѣна. Каждая занимаетъ свое опредѣленное мѣсто и дѣйствуетъ по своей природѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ находятся въ безпрерывномъ взаимномъ единеніи. Какъ здѣсь многое познается нами посредствомъ зрѣнія, такъ и въ мысленномъ мірѣ души умственно проникаютъ во все: для нихъ нѣтъ ничего скрытаго. Онѣ созерцаютъ блаженную жизнь высшаго, произведшаго ихъ, существа и образуютъ собою въ цѣломъ одну прекрасную гармонію, на подобіе струнъ, согласно настроенныхъ.

Въ отвѣтъ на второй вопросъ Плотинъ говоритъ о паденіи душъ. Онѣ не сохранили своего положенія въ мысленномъ мірѣ и потому должны были удалиться изъ него въ міръ матеріи; онѣ не довольствовались общеніемъ со всеобщею душою, но захотѣли своего самостоятельнаго существованія, начали стремиться къ отдѣльному бытію и какъ бы тяготиться существованіемъ съ другими. Но это стремленіе къ самобытности имѣло послѣдствіемъ ослабленіе, измельчаніе дѣятельности душъ и пониженіе цѣлей у нихъ. Изъ міра внутренней жизни душа погружается во внѣшній, изъ мысленнаго міра переступаетъ въ нисшій міръ — небо. Здѣсь она облекается тѣломъ, хотя болѣе тонкимъ, чѣмъ наше земное, но уже утрачиваетъ свободу движеній. Первое послѣдствіе паденія ведетъ за собою и всѣ другія: связанная тѣломъ, она падаетъ еще ниже и вовлекается въ земной міръ, гдѣ соединяется съ нашею обыкновенною грубою плотью.

Смертію тѣла не прерывается существованіе души: она безсмертна. Что дѣлается съ нею по разлученіи съ тѣломъ — на это Плотинъ отвѣчаетъ, какъ и Платонъ, ученіемъ о душепереселеніи. Подробности у нихъ совершенно тѣ же и на нихъ останавливаться не будемъ.

Психологія Плотина есть послѣднее слово этой науки въ классическую эпоху. Послѣдующіе Новоплатоновцы (Порфирій, Ямвлихъ, Проклъ) были слишкомъ поглощены полемикою съ христіанствомъ, чтобы сосредоточиваться на изученіи душевныхъ явленій. Они вдались въ Теургію и Теогонію, распложали міры боговъ, духовныхъ и душевныхъ существъ, но психологическія

понятія не сдѣлались у нихъ оттого яснѣе, и сущность душевныхъ явленій не раскрылась болѣе. Поэтому Плотиномъ закончилось развитіе нашей науки въ классической средѣ. Мы можемъ теперь высказать общее сужденіе о классической Психологіи.

Общія замѣчанія о классической Психологіи.

Нельзя сказать, чтобы наша наука особенно процвѣтала въ классическое время Она немного привлекала къ себѣ вниманіе философовъ. Это вытекало изъ общей постановки ученія о человѣкѣ въ классической Философіи. Онъ есть только часть природы и душевныя явленія суть только одинъ видъ человѣческой дѣятельности. Для классическихъ философовъ человѣкъ есть только одинъ изъ примѣровъ дѣйствія силъ природы и потому особеннаго интереса къ нему философы не обнаруживали. Вотъ почему изъ немалаго числа ихъ большая часть отзывалась на психологическіе вопросы только мимоходомъ. За все классическое время мы имѣемъ лишь двухъ мыслителей, которыхъ можно назвать психологами въ настоящемъ значеніи этого слова: Аристотеля и Плотина. И что́ особенно замѣчательно, послѣ такихъ скудныхъ зачатковъ науки, какіе существовали до Аристотеля, она является вдругъ значительно развитою и опредѣлившеюся въ существенныхъ своихъ подробностяхъ. Послѣ Аристотеля, одинъ Плотинъ подробно и обстоятельно занялся психологическимъ анализомъ и подвинулъ его далѣе.

Затѣмъ, классическая Психологія относительно мало обращала вниманія на анализъ дѣятельностей, а болѣе всего занималась Метафизикою Психологіи. Такъ, на первомъ планѣ для до-сократовской Философіи былъ вопросъ о составѣ и элементахъ сущаго, а вмѣстѣ и человѣка, но она почти не подозрѣвала, что можетъ быть еще вопросъ о различныхъ его дѣятельностяхъ. Съ такой же точки зрѣнія смотритъ на человѣка и Платонъ: ибо ученіе его о различныхъ частяхъ души отвѣчаетъ на вопросъ о составѣ человѣка. Съ него являются въ наукѣ ученія о судьбахъ души до соединенія съ тѣломъ, по смерти и о таинственныхъ связяхъ ея съ высшимъ міромъ. Конечно, Психологія не должна и не можетъ обходить подобные вопросы, но какъ бы они ни разработывались, знаніе дѣятельностей душевныхъ не подвинется отъ того ни на шагъ. Вся послѣ-ари-

стотелевская Философія держалась или точки зрѣнія состава человѣка и рѣшала его различно, смотря по своей Физикѣ (Стоики, Эпикурейцы), или особенно занималась мистическою Психологіей (Новоплатоновцы).

Наконецъ, если что́ и анализировала въ душѣ классическая Психологія, то преимущественно одну только теоретическую дѣятельность. Въ этомъ отношеніи труды Аристотеля и Плотина замѣчательны: они указали почти всѣ главнѣйшіе моменты человѣческаго познаванія и этотъ анализъ произведенъ въ такой мѣрѣ удовлетворительно, что послѣдующее время ничего существеннаго не прибавило. Но классическая Психологія мало обращала вниманія на жизнь сердца и желанія. Отдѣлъ чувствованій остался совершенно неразработаннымъ. Если и поднималась рѣчь о различныхъ волненіяхъ, то развѣ для риторическихъ и этическихъ цѣлей: такъ, лишь въ Этикѣ, да Риторикѣ Аристотель говоритъ подробно о различныхъ движеніяхъ сердца, а не въ психологическихъ своихъ трудахъ. Равно и желанія только упоминаются классическими психологами, а никакъ не разбираются обстоятельно, и опять, если что дѣлалось для нихъ, то лишь въ цѣляхъ Этики. Такимъ образомъ за все классическое время наша наука развивалась слишкомъ односторонне.

Общія замѣчанія о развитіи Психологіи въ христіанскомъ періодѣ.

Перейдемъ теперь къ исторіи Психологіи въ теченіи христіанскаго періода Философіи.

Распространеніе новой религіи сказалось выгодными послѣдствіями какъ для постановки, такъ и разработки нашей науки. Христіанство, по существу своему, должно было покровительствовать тщательному изученію человѣка и его дѣятельностей, преимущественно духовныхъ. Для него человѣкъ не былъ одною изъ многихъ частей природы, какъ бы затерявшимся среди многихъ примѣровъ дѣйствія силъ природы, что́ мы видѣли въ классической Философіи. Христіанство высоко ставитъ человѣка: онъ есть средоточіе природы, послѣдняя цѣль творенія; для него все создано; для спасенія и искупленія его сошелъ съ неба самъ Богъ и принялъ на себя тѣло, во всемъ подобное человѣческому. Какъ для классическихъ умовъ внѣшняя природа затмѣвала че-

ловѣка, такъ для христіанскихъ — человѣкъ заслонялъ собою внѣшній міръ. Очевидно, для христіанства человѣкъ долженъ былъ представляться, какъ главный предметъ изученія и наблюденія; христіанскій умъ долженъ былъ устремиться къ изученію дорогаго и наиболѣе цѣннаго предмета во всей природѣ. Такимъ образомъ христіанству необходимо было предъявить большой спросъ на психологическія изслѣдованія и покровительствовать имъ.

Далѣе, христіанство должно было направить вниманіе изслѣдователей на тѣ отдѣлы Психологіи, которые въ классическомъ періодѣ остались наименѣе разработанными. Христіанство указало человѣку высокій нравственный идеалъ для достиженія, обязало его усвоять искупительную силу чрезъ дѣятельность, согласную съ заповѣдями Бога. Правильное Богопознаніе имѣетъ свою цѣну, но еще болѣе въ христіанствѣ значитъ согласная съ нравственнымъ закономъ дѣятельность. Естественно являлись вопросы о дѣйствующей духовной силѣ, т. е. волѣ, ея зависимости отъ ума, сердца. Такъ какъ для обыкновеннаго самонаблюденія очевидна зависимость воли отъ волненій и вообще чувствованій, то вниманіе умовъ направляется къ тщательному изученію степени и способа зависимости отъ нихъ желаній и хотѣній. Поэтому, тогда какъ классическая Психологія сосредоточивалась преимущественно на теоретической дѣятельности, христіанская распространила свой анализъ на практическую и съ теченіемъ времени, желанія и чувства составили такой же важный отдѣлъ Психологіи, какъ и познаваніе.

Наконецъ, съ появленіемъ христіанства, нѣкоторые психологическіе вопросы, имѣвшіе большое значеніе для классическихъ умовъ, теряютъ почти весь интересъ для христіанскихъ. Мы видѣли, какъ двѣ могущественныхъ школы, въ продолженіе всего классическаго періода, поддерживали ученіе о предсуществованіи душъ и переселеніи ихъ. Эти понятія совершенно теряются въ христіанской Психологіи, до того, что, кромѣ немногихъ Платоновцевъ патристическаго періода, никто до настоящаго времени не возобновлялъ ихъ, несмотря на несомнѣнно сильныя стороны ихъ. Понятно вліяніе въ этомъ случаѣ христіанства на психологическія понятія новаго времени. Оно само рѣшило эти вопросы — первый въ смыслѣ творенія во времени, второй — въ ученіи о небѣ и адѣ, какъ будущемъ мѣстопребываніи душъ. Наука не могла конкурировать съ нимъ въ рѣшеніи этихъ во-

просовъ. Измѣняется, далѣе, положеніе вопроса о животномъ мірѣ. Классическая Психологія пыталась въ своей теоріи охватить и душевную жизнь животныхъ и указать связь ея съ человѣческою, равно какъ степень ея близости къ послѣдней. Для христіанской—животный міръ терялъ свое значеніе, такъ какъ религія непризнавала за нимъ самостоятельности: онъ созданъ для потребы человѣка. Психологія до того оставалась холодною къ этому міру, что въ XVII вѣкѣ могла явиться теорія, отрицавшая даже одушевленіе его (Декартъ). Но упразднивъ нѣкоторые вопросы въ нашей наукѣ, христіанство возбудило новые, которыхъ классическій міръ неподозрѣвалъ: напримѣръ, только въ христіанской Психологіи получаетъ должное значеніе вопросъ о свободѣ человѣческой воли, отношеніи ея къ благодатнымъ силамъ и т. д.

II.

Психологія патристической эпохи.

Относительно успѣховъ патристической и схоластической Психологіи мы должны быть кратки. Патристическая эпоха была занята преимущественно развитіемъ христіанскаго вѣроученія, опредѣленіемъ отношеній религіи къ Философіи вообще. Времена были слишкомъ полны важныхъ религіозныхъ заботъ, чтобы христіанскіе умы могли сосредоточенно заниматься психологическими вопросами. Поэтому за этотъ періодъ частію продолжались по преданію психологическія воззрѣнія классическихъ системъ: Стоиковъ, Платона, особенно Аристотеля, частію умы принимались за разработку тѣхъ понятій нашей науки, которыя, по необходимости, навязывались вниманію изслѣдователей, ходомъ ли общаго развитія, или внутренними потребностями христіанской жизни.

Гностическія системы не выработали своего самостоятельнаго взгляда на душу. Въ ученіи Василида о первоначальномъ омраченіи души сказываются стоическія и платоновскія вліянія. Страстныя движенія сердца, чувственныя пожеланія онъ именовалъ воздухоподобными силами (πνεύματα). Къ разумной душѣ присоединяются неразумныя существа: животныя, растительныя, даже матеріальныя души, чѣмъ порождаютъ омраченіе разумной души и производятъ зло. Въ наиболѣе развитой гностической

системѣ Валентина является различеніе душъ по степени совершенства ихъ: такъ, онъ говоритъ о трехъ родахъ людей, тѣлесныхъ, душевныхъ и духовныхъ, и вторымъ изъ нихъ приписываетъ свободу передвиженія въ сторону какъ тѣлесныхъ, такъ и духовныхъ людей. Это различеніе нѣсколько напоминаетъ аристотелевское предположеніе растительной, животной, и человѣческой душъ. И когда Валентинъ разсуждаетъ, что язычники одушевлены матеріальною душою, іудеи душевною и гностики духомъ, то это напоминаетъ также извѣстныя намъ платоновскіе обобщенія относительно Грековъ, сѣверныхъ варваровъ, Египтянъ и Финикіянъ.

Вообще христіанскіе писатели первой половины патристической эпохи принимали близко къ сердцу два главныхъ психологическихъ вопроса: о составѣ души и свободѣ. Послѣдній разбирается у апологетовъ (Іустинъ), оппонентовъ гностицизму (Иринея, Тертулліана), представителей александрійской огласительной школы (Климентъ, Оригенъ). Свобода доказывается какъ необходимое предположеніе отвѣтственности человѣка за его дѣйствія на будущемъ судѣ, порицанія и одобренія, примиренія съ Богомъ, по свободному влеченію. Для этихъ отцовъ Церкви еще не существуетъ недоумѣнія, какъ такая свобода возможна для человѣка. Но ученіе о ней уже ставится ясно и опредѣленно и оно принимается, какъ несомнѣнное предположеніе.

Вопросъ о составѣ души рѣшается различно. Нѣкоторая зависимость рѣшеній то отъ стоическихъ, то платоновскихъ и аристотелевскихъ взглядовъ видна, но они примѣняются къ христіанскому воззрѣнію на человѣка и преимущественно къ нравственному ученію о различныхъ степеняхъ нравственнаго совершенства.

Въ матеріалистическомъ ученіи Тертулліана (160—240) о человѣческой душѣ и самомъ Богѣ слышится вліяніе стоическаго пантеистическаго матеріализма. Душа отлична отъ тѣла, но она есть тонкій воздухообразный, подобный тѣлу, образъ, тѣсно соединенный съ нимъ: безтѣлесная душа не могла бы принимать вліянія отъ тѣла и сама дѣйствовать на него, — доказательство, съ которымъ мы встрѣчаемся у новѣйшихъ матеріалистовъ. Она есть дыханіе Бога, который самъ также тѣлесной природы (de anima, testimonio animae). Но такое мнѣніе о душѣ все же было исключительнымъ. Гораздо болѣе хода имѣли мнѣнія, предполагавшія различіе въ составѣ души—на подобіе Платона и Аристотеля. Александрійская богословская школа — предполагала въ чело-

вѣкѣ сочетаніе душъ: Климентъ — тѣлесной, разумной и духа, Оригенъ (185—254) — тѣла, разумной и неразумной душъ. Послѣдняя, способная къ ощущенію и движенію, одушевляетъ животный міръ и она есть какъ бы жизненный духъ, имѣющій мѣсто въ крови животныхъ. Въ человѣкѣ къ животной душѣ присоединяется еще разумный духъ, способный къ памятованію и наукѣ; онъ свободно избираетъ между добромъ и зломъ. Съ тѣломъ онъ связывается чувственною или неразумною душою (περὶ ἀρχῶν. Lib. II. Cap. VIII. Patr. curs. compl. Ed. Migne. T. XI).

Между этими двумя крайностями: матеріалистическимъ воззрѣніемъ на душу и различеніемъ нѣсколькихъ сторонъ въ ней, въ видѣ частей, души и духа, колеблятся воззрѣнія послѣдующихъ писателей патристической эпохи. Такъ, воззрѣніямъ Оригена Меѳодій Тирскій (290) противопоставляетъ свой взглядъ на души, какъ разумныя тѣла (σώματα νοερά). Тогда какъ Оригенъ въ ученіи о значеніи тѣла склонялся къ платоновскому мнѣнію, что оно есть темница души, Меѳодій признавалъ его безразличнымъ въ нравственномъ смыслѣ органомъ. Въ первоначальномъ состояніи, въ раю, человѣкъ былъ свободенъ и не имѣлъ страстей; уже потомъ, когда была дана Богомъ заповѣдь, явились страстныя движенія и пожеланія. Они составляютъ своего рода вторую природу, второй законъ, которому, впрочемъ, повиноваться или не повиноваться заключается въ нашей власти. (De libero arbitrio; de resurrectione. Patr. curs. complet. T. 18).

Болѣе въ сторону Оригена склоняется Григорій Нисскій (331—394). Онъ говоритъ о сверхчувственной душѣ, которая есть по преимуществу разумъ. Онъ созерцаетъ Бога и связанъ съ тѣломъ чрезъ зависимость отъ ощущеній. Въ человѣкѣ, въ его настоящемъ положеніи, есть примѣсь неразумнаго начала. Страстныя движенія сердца, пожеланія, все что неразумно, есть уже позднѣйшая примѣсь къ душѣ, явившаяся послѣ паденія и потери первоначальнаго блаженнаго состоянія: они къ существу духа не относятся. Свобода тѣсно связана съ разумностію и она осуществляется въ избраніи добродѣтели. (De anima. Patrol. curs. compl. T. 45; de anima et resurrectione. Ibid. T. 46).

Цѣнные психологическіе взгляды мы находимъ у Августина (353—430): нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались достояніемъ средневѣковой Психологіи и вошли въ позднѣйшую Психологію. Онъ не былъ все-таки психологомъ въ смыслѣ Аристотеля, или Плотина.

Изъ всей массы его сочиненій мы не находимъ ни одного, которое имѣло бы прямо психологическое значеніе и занималось душевными явленіями, по интересу къ нимъ. Августинъ былъ прежде всего и исключительно богословъ и на столько психологъ, на сколько это требовалось для новой постановки и рѣшенія богословскихъ вопросовъ. Поэтому психологическія воззрѣнія Августина мы находимъ изложенными въ его чисто богословскомъ трудѣ: De trinitate [Patrol. curs. Compl. T. 42]. De gratia et libero arbitrio, de anima et ejus origine [Patr. curs. complet. T. 44] хотя, повидимому, трактуютъ о психологическомъ вопросѣ, но имѣютъ въ виду все-таки богословскую цѣль: первое сочиненіе—отношенія свободы къ благодати, второе—догматъ о происхожденіи человѣка.

Августинъ установилъ различіе способовъ познанія душевныхъ явленій и физическихъ. Тогда какъ знаніе внѣшнихъ предметовъ дается намъ чрезъ тѣлесныя чувства, душу мы познаемъ внутреннимъ чувствомъ. Это различеніе сдѣлалось достояніемъ всей послѣдующей Психологіи. Нематеріальность души доказывается у него соображеніями, которыхъ классическая мысль не знала: тѣла познаются внѣшними чувствами, бываютъ видимы, осязаемы и т. д., тогда какъ душа есть субъектъ, видящій, осязающій и т. д.; при томъ, она проста и недѣлима, есть полное единство; впрочемъ, простота ея есть лишь относительная по сравненію съ тѣломъ: ибо она доступна измѣненіямъ, что было бы невозможно, если бы она была совершенно проста. Доказательство, что душа не матеріальна, потому что она познаетъ не матеріальные предметы, сходно съ подобнымъ плотиновскимъ.

Самостоятельное и отдѣльное отъ тѣла существованіе души доказывается фактомъ нашего сознанія. Мы непосредственно сознаемъ свое мышленіе, сомнѣніе, свою жизнь и должны допустить субъекта этихъ дѣятельностей, т. е. душу. Если бы она была тѣломъ, наприм. воздухомъ, или огнемъ, то она и сознавала себя таковою. Она несравненно выше и совершеннѣе тѣла, которое для нея есть только бремя. Вышеприведенная мысль о самодостовѣрности сознанія есть новое пріобрѣтеніе нашей науки, которое стало плодотворнымъ принципомъ какъ Психологіи, такъ и вообще Философіи, только чрезъ тысячу лѣтъ — у Декарта.

Духовная сторона человѣка слагается изъ души, неразумной, общей намъ съ животными, и разумной, образующихъ, однако, одно существо. Главнѣйшія дѣятельности души состоятъ въ па-

мятованіи, разумѣніи и волѣ. О первыхъ двухъ Августинъ ничего не говоритъ, что не было бы извѣстно изъ Платона, Аристотеля, или Плотина. Но по вопросу о волѣ, ея значеніи и свободѣ Августинъ даетъ нѣчто новое и самостоятельное. Имъ въ первый разъ высказывается мысль о первенствующемъ значеніи воли въ человѣкѣ: она условливаетъ вниманіе къ внѣшнимъ предметамъ и слѣдовательно, есть причина воспріятій. Люди сами по себѣ суть не что иное, какъ воли. Матеріальное тѣло подчиняется ей и она принимаетъ участіе въ образованіи его; тѣло, поэтому, есть только болѣе или менѣе послушный органъ души.

Августинъ различаетъ три вида свободы разумныхъ существъ: свободу, какъ возможность не грѣшить (posse non peccare), какъ возможность грѣшить и не грѣшить (posse peccare et non peccare), какъ невозможность грѣшить (non posse peccare). Перваго рода свобода была у перваго человѣка, второю обладаемъ мы въ настоящемъ своемъ положеніи, третья есть послѣдняя цѣль, къ которой мы должны стремиться и которой достигнемъ, вступивъ въ состояніе праведныхъ. Свобода грѣха есть только кажущаяся, не истинная; полная свобода состоитъ собственно въ выборѣ блага. Она не есть колебаніе или нерѣшительность, но своего рода автономность воли: послѣдняя всякое свое дѣйствіе признаетъ исходящимъ отъ себя, слѣдственно, не вынужденнымъ, свободнымъ.

Итакъ Августинъ даетъ нѣсколько чрезвычайно важныхъ для нашей науки мыслей: многіе взгляды его могли бы преобразовать ее и послужить основаніемъ широкаго дальнѣйшаго развитія. Но такова судьба цѣнныхъ мыслей, высказанныхъ мимоходомъ и для утвержденія другихъ истинъ. Августинъ самъ не систематизировалъ ихъ, не развивалъ обстоятельно, не интересовался ими самими, а искалъ въ нихъ подтвержденія другихъ философскихъ и богословскихъ положеній. И потому его взгляды не произвели должнаго впечатлѣнія на умъ; они почти безплодно прошли для психологической науки и должны были чрезъ тысячу лѣтъ въ разное время вновь открываться мыслителями.

На почвѣ платоновской, или лучше новоплатоновской, и аристотелевской Психологіи стояли всѣ остальные восточные и западные мыслители: изъ первыхъ (въ нач. V в.) Немезій, Эней Газа (487), Филопонъ (около полов. VI ст.), изъ вторыхъ Клав-

дій Мамертинецъ (около полов. V ст.) и Боэцій (470—526). Всѣ они придерживаются дѣленія души на разумную и неразумную части и свободу души понимали, какъ возможность для нея выбора путей, идущихъ къ высшему или тѣлесному мірамъ. Всѣ они защищаютъ безсмертіе души соображеніями, взятыми большею частію отъ Новоплатониковъ. Но относительно предсуществованія душъ одни (Немезій) допускаютъ его, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вѣчность души, другіе, напротивъ, отрицаютъ (Эней Газа и проч.). Чисто психологическаго интереса и стремленія къ самостоятельному изученію душевнаго міра мы ни въ комъ изъ упомянутыхъ лицъ не встрѣчаемъ. Какъ и всѣ представители мысли въ патристическомъ періодѣ, они были прежде всего богословами и потому для своего обсужденія избирали тѣ части Психологіи, которыя тѣсно связаны съ христіанскими догматами.

Рядомъ съ этими болѣе или менѣе учеными разсужденіями о душѣ и ея частяхъ, дѣятельно разработывалось знаніе душевныхъ состояній — практическое. Сокровища практическаго самонаблюденія собраны въ трудахъ аскетовъ и подвижниковъ, глубоко погружавшихся въ себя самихъ и тщательно изучавшихъ тайные изгибы сердца и желаній: таковы, напримѣръ, труды Исаака и Ефрема Сирянъ, Аввы Дорооея, Марка подвижника, Варсонофія и Іоанна учен. его, Іоанна Лѣствичника и друг. Наблюденія, въ нихъ изложенныя не методичны въ научномъ смыслѣ: ихъ прямое назначеніе было служить основаніемъ для практическихъ совѣтовъ въ дѣлѣ преуспѣянія въ духовной жизни, поднятія на высшую степень духовнаго совершенства и христіанскаго вѣдѣнія. Христіанскіе аскеты съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за корнями и гнѣздами грѣховныхъ наклонностей, помысловъ и способами борьбы съ ними. Основные взгляды на душу, отъ которыхъ, аскеты отправлялись въ своихъ наблюденіяхъ, были платоновскій и отчасти стоическій. Но теоретическая и систематическая стороны изученія души совсѣмъ мало разработывались и потому аскетическіе труды не имѣли вліянія на судьбы нашей науки. Психологія держалась вдали отъ этого движенія, и напрасно: она могла бы извлечь для себя весьма цѣнныя указанія. И теперь аскетическая литература имѣетъ для Психологіи прямой интересъ, какъ богатое собраніе фактовъ самонаблюденія, отъ которыхъ можно отправиться къ нѣкоторымъ обобщеніямъ. Но мы надѣемся изложить въ

главныхъ чертахъ ея содержаніе и указать значеніе для науки, въ приложеніяхъ къ нашему сочиненію.

III.

Психологія въ схоластическую эпоху.

Въ первой половинѣ схоластическаго періода умы интересовались почти исключительно вопросами объ универсаліяхъ и отношеніи разума къ откровенію. При чрезвычайной скудости классическаго преданія (извѣстно было ученымъ этого времени только семь классическихъ сочиненій, имѣвшихъ отношеніе къ Логикѣ) и большой умственной несмѣлости, мысль этого времени почти не бралась за изслѣдованіе психологическихъ вопросовъ. Изъ философской литературы первой половины схоластики мы не можемъ найти ничего, имѣющаго прямое отношеніе къ нашей наукѣ. Только въ XII столѣтіи и то въ средѣ мистиковъ, оживились психологическія наблюденія и изслѣдованія. И это понятно Мистицизмъ, имѣющій въ виду единеніе души съ Богомъ и глубокое погруженіе разума въ тайны высшаго бытія, естественно нуждается въ психологическомъ анализѣ и располагаетъ къ самонаблюденію. Тогда какъ во всѣхъ логическихъ школахъ, споривщихъ о значеніи родовъ и видовъ, никакой Психологіи не было, мистикъ изъ монастыря Св. Виктора, Гуго (1097—1141) пытался установить нѣчто въ родѣ мистической Психологіи.

Средневѣковый мистицизмъ имѣлъ теоретическій характеръ. Для Гуго послѣдняя цѣль, созерцаніе Бога, достигается чрезъ постепенное поднятіе разумной стороны человѣка до высочайшаго Существа. Душа имѣетъ три глаза для наблюденія: одинъ есть воображеніе; оно есть простое представленіе вещей, внѣ насъ находящихся; второй есть разумъ, дѣятельность котораго состоитъ въ размышленіи о сущности и отношеніяхъ вещей; третій глазъ души есть разсудокъ—интеллектъ: ему свойственно созерцаніе, непосредственно имѣющее дѣло съ идеальнымъ объектомъ. Такая душа и составляетъ исключительно сущность человѣка. Какъ разумъ, онъ есть лицо; тѣло есть нѣчто постороннее для него и когда въ моментъ смерти послѣднее разрушается, лицо продолжаетъ существовать. (De arca Noe morali. Patrol. curs. cmplet. T. 176). Въ такомъ же направленіи разсматривалъ душу

и ученикъ Гуго, Ричардъ († 1173). По нему, центръ души заключался въ созерцательной дѣятельности, въ интеллектѣ; стороны чувства и желаній имъ совершенно игнорировались, какъ случайныя и не должныя принадлежности души, которыя послѣдняя, возвращаясь сама въ себя, должна отложить и отринуть. Въ такомъ же смыслѣ смотрѣли на душевную дѣятельность и позднѣйшіе нѣмецкіе мистики, особенно XIII вѣка, какъ это мы увидимъ на самомъ яркомъ представителѣ ихъ, Экгардтѣ. (De preparatione animi ad contemplationem; de gratia contemplationis. Patr. Curs. compl. T. 196).

Мы пропускаемъ мимо арабскихъ философовъ, ни мало не оригинальныхъ въ своихъ психологическихъ воззрѣніяхъ: они преимущественно комментировали и повторяли сказанное Аристотелемъ и Новоплатоновцами. Весьма важный шагъ въ нашей наукѣ былъ сдѣланъ философами, приспособлявшими Философію, а вмѣстѣ и Психологію Аристотеля къ христіанскому ученію. Такъ, существенная перемѣна во взглядѣ на душу была произведена Албертомъ Великимъ (1193—1280). Во всемъ остальномъ будучи вѣренъ аристотелевской Психологіи, Албертъ дѣлаетъ важное отступленіе отъ нея въ одномъ пунктѣ. Тогда какъ Аристотель признавалъ три типа одушевленія: растительную, животную и человѣческую души, и человѣческое одушевленіе объяснялъ присоединеніемъ къ двумъ первымъ душамъ чисто Божественнаго разума, Албертъ, признавая эти стороны въ душѣ, утверждалъ, что это не отдѣльныя души въ человѣкѣ, но единая, нераздѣльная душа, способная къ отправленіямъ растительной, животной и разумной жизни. Съ тѣмъ вмѣстѣ рѣшался и вопросъ о безсмертіи. Хотя Аристотель не высказывался ясно объ этомъ предметѣ, однако, постановка ученію о душѣ была дана имъ такая, что человѣкъ могъ имѣть безсмертіе только родовое, а не личное. Умъ, составляющій сущность человѣческой души, есть начало тожественное во всѣхъ людяхъ, не индивидуальное, и по смерти тѣла возвращается къ своему источнику, изъ котораго произошелъ и сообщился человѣку; животная и растительная души, какъ тѣсно связанныя съ тѣломъ, органомъ ихъ, разрушаются и погибаютъ вмѣстѣ съ нимъ; слѣдовательно, индивидуальнаго безсмертія, по Аристотелю, нѣтъ. Но Албертъ усвоилъ безсмертному уму стороны животной и растительной душъ и такимъ образомъ сдѣлалъ возможнымъ безсмертіе всей души, по всѣмъ сторонамъ его одушевленія, слѣдовательно, какъ индиви-

дуума. Это весьма важное измѣненіе въ понятіи о душѣ осталось въ нашей наукѣ. Различеніе разумной и неразумной сторонъ въ человѣкѣ еще дѣлается философами, но подъ послѣднею разумѣется преимущественно тѣло и тѣлесная сторона нашего существованія. Отнынѣ большинство философовъ подъ душою подразумѣваютъ единое и цѣльное существо, съ высшими отправленіями соединяющее и нисшія. Указанное измѣненіе соотвѣтствовало интересамъ христіанства: оно учитъ о безсмертіи всего человѣка, а это возможно, когда душа будетъ продолжать по смерти тѣла пребывать со всѣми своими отправленіями.

У Альберта же устанавливается ученіе о свободной волѣ въ формѣ, въ которой оно оставалось въ наукѣ до позднихъ временъ. Въ насъ есть чувственное стремленіе и разумъ, обозначающій, къ чему должно стремиться и чего избѣгать. Между ними свободная воля (liberum arbitrium) рѣшаетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Намъ прирожденъ законъ разума и составляетъ то, что именуется совѣстію; послѣдняя можетъ быть и пріобрѣтена, какъ знаніе способа приложенія закона къ отдѣльнымъ случаямъ. (De natura et immortalitate animae. 1493. Ed. Hochfeder).

Полное приспособленіе аристотелевской Психологіи къ христіанскому ученію было сдѣлано ученикомъ Альберта, Ѳомою Аквинатомъ (1225—1274). Онъ рѣшительно отвергъ мнѣнія, которыя арабскіе ученые заимствовали изъ новоплатоновскихъ источниковъ. Взглядъ на душу у Ѳомы аристотелевскій: она есть первая энтелехія природно организованнаго тѣла, растительная душа для растеній, животная для животныхъ, человѣческая для людей. Но первыя двѣ суть матеріальныя формы, уничтожающіяся вмѣстѣ съ тѣлами, послѣдняя есть духовная сущность. Что человѣческая душа нематеріальна, доказывается тѣмъ, что умъ, главная сущность ея, дѣйствуетъ безъ органа и не нуждается въ немъ, слѣдовательно, не матеріаленъ. Съ другой стороны, человѣческая душа способна къ самосознанію, слѣдовательно, самоотраженію. Но тѣлесная дѣятельность не можетъ отражаться въ себѣ.

Душа существуетъ не отъ вѣка, но творится Богомъ въ тотъ моментъ, когда тѣло становится готовымъ принять ее. Аквинатъ рѣшительно отвергаетъ предсуществованіе души и пользуется доказательствомъ въ аристотелевскомъ духѣ. Все естественное и соотвѣтствующее природѣ существуетъ ранѣе, чѣмъ

противорѣчущее ей. Но душѣ свойственно по природѣ быть въ соединеніи съ тѣломъ; слѣдовательно, существованіе безъ тѣла можетъ быть только позже, и первою формою бытія души должно быть существованіе въ тѣлѣ.

Въ ученіи объ умѣ Аквинатъ слѣдуетъ Аристотелю. Есть умъ дѣятельный и возможный или страдательный. Ѳома, какъ и Албертъ, не отдѣляетъ растительной и животной душъ отъ ума, но считаетъ ихъ отправленіями единой и нераздѣльной души. Аквинатъ отрицаетъ выводъ Аверроеса изъ аристотелевскаго ученія объ умѣ, что интеллектъ одинъ и тотъ же во всѣхъ людяхъ. Онъ оспариваетъ, чтобы такое ученіе дѣйствительно можно было вывести изъ Аристотеля и сверхъ того, приводитъ доказательства contra. Во-первыхъ, если бы интеллектъ былъ тожественъ во всѣхъ людяхъ, то человѣкъ не имѣлъ бы права именоваться разумнымъ существомъ, между тѣмъ какъ именно разумность отдѣляетъ его отъ животныхъ. Во-вторыхъ, такой, отдѣлимый, отъ индивидуальности, умъ не могъ бы дѣйствовать въ непосредственной связи съ представленіями. Наконецъ, въ-третьихъ, тогда разныя лица составляли бы одно индивидуальное единство и въ нихъ явилась бы одинаковость помысловъ, чего въ дѣйствительности нѣтъ.

Воля свободна: она имѣетъ способность выбора. Она состоитъ въ самоопредѣленіи и можетъ избирать свободно между различными цѣлями. Безъ познанія не можетъ быть желанія, но разумъ самъ не приводитъ въ движеніе воли, а только указываетъ ей цѣли.

Человѣческая душа безсмертна со всѣми своими функціями. Во-первыхъ, она есть чистая форма и какъ таковая, разрушаться не можетъ, но можетъ существовать отдѣльно отъ тѣла. Во-вторыхъ, душѣ свойственно желаніе вѣчно продолжать свое бытіе и такъ какъ это желаніе естественно, то оно не можетъ быть тщетнымъ. (Opera Omnia. Comment. de anima. T. I; de veritate fid. cathol. T. 9. Antverpiae 1512).

Ѳома Аквинатъ имѣлъ существенное вліяніе на нашу науку. Его и Альберта Великаго слѣдуетъ считать главными установителями новѣйшаго понятія о душѣ, единомъ и нераздѣльномъ существѣ, дѣйствующемъ какъ разумъ, воля, какъ представляющемъ и ощущающемъ субъектѣ и какъ жизненномъ принципѣ, дѣйствующемъ въ тѣлѣ. Критика Аквината окончательно устранила изъ круга принятыхъ философскихъ предположеній ученіе о пред-

существованіи души и если не исторически, то въ принципѣ, лишила довѣрія аристотелевскій взглядъ на интеллектъ, какъ тожественное начало разума во всѣхъ людяхъ. Аквинатъ поставилъ и вопросъ о безсмертіи такъ, какъ его не ставила классическая древность и какъ онъ понимается современно: душа или безсмертна во всѣхъ своихъ отправленіяхъ, или уничтожается вмѣстѣ съ тѣломъ, но отвергается мысль, что душа въ одной своей сторонѣ безсмертна, а въ другой уничтожима. Альбертомъ и Аквинатомъ установлены понятія о волѣ, объ отношеніи разума къ ней и тѣмъ открыта новая глава въ Психологіи. Поэтому ихъ можно признать до нѣкоторой степени основателями новой Психологіи.

Дунсъ Скоттъ (1308 †), противникъ Ѳомы Аквината, стоялъ въ ученіи о душѣ на той же почвѣ, какъ и Аквинатъ. Его психологическіе взгляды опирались на Аристотеля: также какъ и послѣдній, какъ и Аквинатъ, онъ принимаетъ душу за существенную форму, соединяющую въ себѣ три рода функцій: растительную, животную и разумную. Такъ какъ разумъ непосредственно можетъ созерцать истину и въ этомъ созерцаніи состоитъ сущность его, то онъ не нуждается ни въ какихъ прирожденныхъ истинахъ и Дунсъ Скоттъ энергичнѣй, чѣмъ Аквинатъ, настаиваетъ на отсутствіи прирожденныхъ идей въ человѣкѣ: ихъ нѣтъ даже у Ангеловъ. Но что особенно выдвигаетъ Дунса Скотта изъ ряда всѣхъ психологовъ — схоластовъ, это его ученіе о волѣ. Для Аристотеля, какъ и всей схоластической Психологіи, главное отличіе человѣческой души отъ животной заключалось въ разумѣ и потому естественно ему приписывалось первенствующее значеніе предъ всѣми остальными душевными дѣятельностями. Дунсъ Скоттъ выступаетъ противъ этого предпочтенія разума и указываетъ на волю, какъ силу первенствующую въ душѣ: voluntas est superior intellectu. Она опредѣляетъ сама себя и всякое желаніе и хотѣніе зависитъ исключительно отъ нея. Не разумъ опредѣляетъ волю, а напротивъ, послѣдняя первый: она можетъ заставлять его думать или не думать о предметѣ (Сочиненій Скотта и Вильгельма Оккама, о которомъ говоримъ ниже, относящихся къ Психологіи, мы не нашли ни въ Университетской, ни въ Публичной библіотекахъ, а потому должны ограничиться ссылками на Ибервега. О Дунсѣ Скоттѣ см. Grundriss der Geschichte der Philosophie 1868 B. II 202 и слѣд.).

Такимъ образомъ у Скотта мы встрѣчаемъ двѣ мысли, изъ которыхъ каждая имѣла впослѣдствіи свое историческое значеніе и которыя послужили начальными пунктами для новыхъ философскихъ движеній. Мысль о неприрожденности идей легла въ основу эмпирической Психологіи въ Англіи, — о первенствѣ воли предъ разумомъ дала происхожденіе Философіи Шопенгауера и Гартмана. Мы сами думаемъ, что этотъ принципъ особенно плодотворенъ для психологическихъ изслѣдованій. Но обѣ мысли должны были быть переоткрыты вновь для того, чтобы принести пользу для науки и стать исходною точкою новыхъ направленій: первая потому, что явилась на почвѣ аристотелевской Психологіи, въ связи съ понятіемъ ея объ умѣ, вторая, намъ кажется, потому, что явилась въ оппозицію Ѳомѣ Аквинату, а не по какой либо дѣйствительной научной потребности въ новомъ принципѣ. Притомъ же, она, въ сущности, мало вязалась съ прочими подробностями ученія Скотта о душѣ: онѣ повторяли аристотелевскія мнѣнія и потому означенныя мысли не принесли ни какихъ замѣтныхъ плодовъ.

Въ лицѣ Вильгельма Оккама († 1347), ученика Дунса Скотта, ученіе о душѣ сдѣлало также нѣкоторый шагъ впередъ. Въ оппозицію Ѳомѣ Аквинату, онъ не соглашался усвоять функціи растительной и животной душъ интеллекту, сущности человѣческой души. Чувствующую душу Оккамъ отожествлялъ съ формою тѣла и отдѣлялъ ее отъ интеллекта: ибо первая смертна и уничтожается вмѣстѣ съ тѣломъ, а вторая безсмертна; при такихъ противоположныхъ качествахъ, обѣ они не могутъ составлять одно существо. Въ этомъ отношеніи ученіе Оккама есть шагъ назадъ. Но у него встрѣчаемъ въ первый разъ мысль о внутреннемъ и внѣшнемъ созерцаніи. Оно не есть только простое ощущеніе, но вмѣстѣ и признаніе существованія предмета, внѣшнее — внѣшнихъ, внутреннее, самое вѣрное и точное. нашихъ внутреннихъ состояній. Впослѣдствіи это ученіе выработалось въ понятія внутренняго и внѣшняго воспріятія. Внутреннимъ воззрѣніемъ мы познаемъ одни только свои состоянія; можно ли отъ нихъ заключать къ существованію не матеріальной и безсмертной души, остается сомнительнымъ. Безсмертіе души вообще не можетъ быть доказана силлогистическимъ способомъ. (Ueberweg. B. II 212 и слѣд.).

Движеніе, начатое Дунсомъ Скоттомъ и приведшее къ философскому номинализму, вообще было небезвыгодно для нашей

науки. Школа номиналистовъ, руководившаяся внутреннимъ созерцаніемъ, была въ состояніи нѣсколько углубить свой анализъ. Въ этой школѣ является ученіе о мотивахъ воли; хотя мы не раздѣляемъ его, но нельзя не признать его значенія для обобщенія одного изъ способовъ ея дѣятельности. По мнѣнію Іоанна Буридана († 1350), воля дѣйствуетъ по внушенію разума и изъ двухъ благъ избираетъ высшее и лучшее. Но что должно произойти, если воля встрѣчается съ двумя одинаковыми благами и должна рѣшаться на которое либо изъ нихъ? хотѣнія должны тогда уравновѣшивать одно другое и воля не можетъ ни на что рѣшиться. Отсюда извлеченъ былъ, вѣроятно, противниками Буридана, выводъ, что оселъ между двумя связками сѣна долженъ погибнуть отъ голода. Конечно, онъ былъ deductio ad absurdum и эта нелѣпость должна была бы навести психологовъ на несостоятельность самаго ученія; но и заблужденія имѣютъ свое значеніе въ наукѣ и даже до нѣкоторой степени временно приносятъ свою пользу.

И во вторую половину схоластики мистицизмъ продолжалъ основывать свои выводы на психологическомъ анализѣ. При этомъ выяснились два направленія. Французскій мистицизмъ сохранилъ свою связь съ направленіемъ Гуго и Ричарда изъ монастыря св. Виктора. Жерсонъ (1363—1429) повторяетъ, уже знакомое намъ по первымъ двумъ, дѣленіе теоретической стороны души на воображеніе, разумъ и разсудокъ или интеллигенцію. Но тогда какъ мистики 13-го столѣтія практическую дѣятельность считали несущественною, сравнительно съ познавательною, Жерсонъ принималъ ихъ за равноправныя и старался указать ихъ взаимное соотношеніе. Какъ и Гуго, онъ полагалъ, что дѣятельность воображенія состоитъ въ размышленіи (meditatio), разума въ мышленіи (cogitatio), разсудка въ созерцаніи (contemplatio). Каждому изъ этихъ видовъ теоретической дѣятельности соотвѣтствуетъ свой видъ практической: первому — удовольствіе или желаніе, второму — благочестивый аффектъ, третьему — любовь къ Богу. Какъ и всѣ мистики, онъ описываетъ ступени приближенія человѣка къ Высочайшему существу, т. е. рядъ необыкновенныхъ состояній, возникающихъ въ душѣ отъ этого сближенія: состоянія восхищенія, являющіяся при созерцаніи Его, единенія съ Нимъ и покоя, какъ окончательнаго удовлетворенія всѣхъ стремленій.

Нѣмецкая мистика 14-го и 15-го столѣтій, раздѣляя нѣ-

которыя идеи французской, стремилась опереться на самостоятельный психологическій анализъ и въ этомъ отношеніи представляетъ нѣчто оригинальное, сравнительно съ французскою. Она примыкала къ ученію Ѳомы Аквината и въ Психологіи, напримѣръ, отправляется отъ его понятій и взглядовъ. Какъ главнаго представителя нѣмецкаго мистицизма можно назвать Экгарта (1250—1329). Нѣмецкіе мистики, быть можетъ, въ соотвѣтствіе съ своимъ національнымъ характеромъ, старались соединить душу съ Богомъ, не чрезъ умъ и сердце, созерцаніе и любовь, какъ французскіе, а только чрезъ познаніе. Поэтому ихъ анализъ сосредоточивался преимущественно на теоретической дѣятельности и былъ одностороннимъ. По Экгарту, душа имѣетъ три рода духовныхъ силъ: внѣшнія чувства, нисшія и высшія силы. Къ нисшимъ силамъ онъ относитъ: эмпирическій разсудокъ, сердце и желаніе; къ высшимъ—память, разумъ и волю. Какъ простая форма тѣла, душа пребываетъ во всѣхъ его членахъ и сама не матеріальна; дѣйствуя въ пространствѣ и времени, сама имп не условливается. Сторона души, обнаруживающаяся въ высшихъ силахъ, есть духъ, въ нисшихъ—собственно душа; и тотъ и другая образуютъ одно цѣлое существо. Въ немъ есть самая внутренняя сторона, доступная лишь для одного высшаго существа, называемая у Экгарта искрою: ею она обращена къ Богу, тогда какъ другая сторона ея обращена къ міру и тѣлу. Центръ дѣятельности души Экгартъ видитъ въ познаніи и конечную цѣль послѣдняго въ познаніи Бога, или единеніи съ Нимъ чрезъ разумъ: познаніе, по этому философу, даетъ смыслъ любви и опредѣляющую силу волѣ. (Von der Edelkeit der Sêle; von der Sele Werdikeit und Eigenschaft; von dem Adel der Sele; von der Geburt des ewigen Wortes in der Sele. Meister Eckhart. Herausgeg. von Pfeiffer I Ab. 1857).

Вѣкъ схоластики нельзя считать временемъ коснѣнія нашей науки. Мы видѣли, что, отправившись отъ Аристотеля, схоластическая Психологія старалась выработаться изъ него. Въ это время сложился взглядъ на душу, который въ главныхъ чертахъ держится до настоящаго времени, постепенно развился вопросъ о волѣ и ея свободѣ и явилось нѣсколько психологическихъ обобщеній, которыя только въ позднѣйшее время послужили развитію особыхъ философско-психологическихъ направленій.

IV.

Психологія новаго времени.

Вѣкъ возрожденія прошелъ въ сущности безплодно для нашей науки. Онъ былъ временемъ пассивнаго возстановленія классическихъ системъ и потому представители его въ вопросахъ о душѣ и анализѣ ея дѣятельностей повторяли мнѣнія классическихъ психологовъ. Самая дѣятельная школа, платоновская, возстановила платоновское и новоплатоновское ученіе: подобныя мнѣнія мы находимъ у самаго крупнаго представителя этой школы, Марсилія Фичина (1433—1499). Аристотелевцы, дѣлившіеся на александристовъ (т. е. державшихся греческаго комментатора, Александра Афродисскаго, и греческаго текста Аристотеля) и аверроистовъ (слѣдовавшихъ Аверроесу, арабскому комментатору, и латинскимъ переводамъ Аристотеля), не дали ничего оригинальнаго, имѣвшаго вліяніе на послѣдующее развитіе нашей науки. Тоже слѣдуетъ замѣтить о возобновителяхъ стоицизма (Юстусъ Липсіусъ 1547—1606), эпикуреизма (Гассенди 1595—1655) и скептицизма (Мишель Монтань 1532—1592). Нѣкоторая самостоятельность психологическихъ взглядовъ сказалась лишь въ нѣмецкихъ мистикахъ XVI столѣтія. Мы разумѣемъ взгляды Парацельса (1493—1541) и Якова Бэма (1575—1624). Послѣдній находился подъ нѣкоторымъ вліяніемъ ученія перваго и потому въ его взглядѣ есть черты, напоминающія Парацельса.

Ученіе Парацельса о человѣкѣ было лишь приложеніемъ къ нему общихъ философскихъ его воззрѣній на природу. Въ человѣкѣ существуютъ три части: безсмертная душа, звѣздный духъ и земное тѣло. Послѣднее состоитъ изъ земныхъ элементовъ; звѣздный духъ есть невидимое и неосязаемое тѣло, оживляющее видимое и осязаемое; онъ занимаетъ среднее мѣсто между послѣднимъ и безсмертною душою. Въ душѣ главный центръ есть разумъ, истинный образъ Божій. Познаваніе Парацельсъ уподобляетъ свѣту и говоритъ о трехъ видахъ его: природномъ свѣтѣ, который есть животная мудрость или инстинктъ, разумномъ свѣтѣ или мірской мудрости и, наконецъ, божественномъ, въ которомъ мы познаемъ Бога и которому доступна бо-

жественная мудрость (Philosophia sagax, Paracelsi opera omnia. Geneva. 1558).

Бэмъ идетъ далѣе въ этомъ дѣленіи состава человѣка. Тогда какъ Парацельсъ дѣлилъ его на три части, изъ которыхъ двѣ представляли душу, а одна тѣло, Бэмъ подраздѣляетъ на столько же частей какъ душу, такъ и тѣло, и ставитъ ихъ во взаимное соотвѣтствіе. Одушевленная сторона человѣка слагается изъ огненной души, свѣтовой и животной; первая есть представительница въ немъ огненнаго или гнѣвнаго основанія въ Богѣ, вторая — начала свѣта въ Немъ и третья — совмѣщенія или объединенія свѣта съ Божественнымъ огнемъ. Лишь первыя двѣ души вдохнуты Богомъ въ человѣка, тогда какъ послѣдняя возникла вмѣстѣ съ тѣломъ. Оно состоитъ также изъ трехъ частей: существуетъ небесное тѣло, планетное и элементарное. Такъ какъ человѣкъ представляетъ въ себѣ сочетаніе трехъ принциповъ, то въ дѣятельности своей онъ можетъ вдаваться въ сторону каждаго изъ нихъ; они взаимно оспориваютъ господство надъ цѣлымъ человѣкомъ. Поэтому лицо можетъ быть человѣкомъ ада, или неба, или земли. (Psychologia vera. Jacob Böme's Sämmtliche Werke, hrs. von Schiebler. VI Band).

Баконъ Веруламскій. Гоббесъ.

Эпоха значительныхъ преобразованій въ психологической наукѣ наступила со времени Бакона Веруламскаго (1561—1626) и Декарта (1595—1650). Первый положилъ начало теоріи индукціи и указалъ на опытъ и наблюденіе, какъ единственныя основанія для расширенія знаній, въ томъ числѣ и психологическихъ; онъ положилъ начало сознательному эмпиризму въ нашей наукѣ, принесшему ей немаловажную пользу. Второй основалъ, такъ называемую, догматическую школу, создавшую свой типъ Психологіи, имѣвшій большое значеніе для судебъ науки въ нашемъ столѣтіи.

Баконъ имѣлъ вліяніе на психологическія изслѣдованія прежде всего своими совѣтами расширять знанія чрезъ опытъ и наблюденіе, путемъ правильной индукціи. Теорія послѣдней имѣла значеніе, конечно, для всѣхъ наукъ и въ томъ числѣ для Психологіи. Но сверхъ этого общаго вліянія, Баконъ далъ новый планъ психологическихъ изслѣдованій: онъ первый повелъ рѣчь

о томъ, что человѣческая дѣятельность можетъ быть правильно изслѣдуема и это было ново для умовъ, привыкшихъ построять системы Психологіи путемъ умозрѣнія и переставлявшихъ въ разныя сочетанія древнія наблюденія Аристотеля и Плотина. Баконъ не только сдѣлалъ призывъ къ изслѣдованіямъ души, но и начерталъ планъ ихъ, впослѣдствіи дѣйствительно осуществленный Гоббесомъ и Локкомъ. Такой планъ данъ имъ въ IV книгѣ первой части „Instauratio Magna,— de dignitate et augmentis scientiarum“.

Науку о человѣкѣ Баконъ раздѣляетъ на философію человѣчества и общества. Первая разсматриваетъ человѣка какъ индивидуума, независимо отъ общества. Она подраздѣляется на науки о тѣлѣ и о душѣ человѣка; имъ должна предшествовать наука о природѣ человѣка вообще.

Изслѣдуя послѣднюю, наука изучаетъ или индивидуумъ, т. е. человѣка какъ лицо, или связь души съ тѣломъ. Въ первомъ случаѣ она обращаетъ вниманіе или на слабыя стороны его, или на его совершенства, во второмъ она изучаетъ какъ обнаруженія духа въ тѣлѣ и тѣла въ духѣ, такъ и взаимодѣйствіе ихъ. Это послѣднее изученіе даетъ происхожденіе или Физіономикѣ и истолкованію сновъ, или наукѣ о вліяніи болѣзней на душу и страстей на тѣло.

Науки о тѣлѣ суть медицинскія; мы пропускаемъ ихъ здѣсь. Наука о душѣ подраздѣляется на науки о духѣ (разумной душѣ, исшедшей отъ божественнаго дуновенія) и о чувственной душѣ, органѣ разума, общей человѣку вмѣстѣ съ животными. Рядомъ съ этимъ дѣленіемъ Баконъ допускаетъ другое: существуютъ науки о сущности души и ея способностяхъ, равно какъ объ употребленіи и предметѣ способностей.

Наука о сущности души должна изслѣдовать природу разумной души: прирождена она или нѣтъ, отдѣлима или неотдѣлима отъ тѣла, смертна или безсмертна, насколько подлежитъ законамъ матеріи. Впрочемъ, эта часть души должна быть предметомъ скорѣе Богословія, чѣмъ науки. При изслѣдованіи чувственной души необходимо оставить nugas logicas, напримѣръ, что она есть форма тѣла, Баконъ предполагаетъ въ ней матеріальный составъ.

Главныя способности души суть разумъ, воображеніе, память, желаніе, воля; слѣдуетъ обратить вниманіе, прирождены они или нѣтъ. Объ употребленіи ихъ трактуютъ Логика и Этика. Наука

о способностяхъ души имѣетъ два дополненія: о прозрѣніи будущаго естественнымъ, или искусственнымъ путемъ и очарованіи или власти воображенія и воли одного лица на тѣло другаго. Изслѣдованіе способностей чувственной души должно обратить вниманіе на добровольное движеніе, чувствительность и ея условія, равно какъ на различіе ея отъ перцепціи или воспріятія.

Баконъ поставилъ лишь научные вопросы, далъ планъ психологическихъ изслѣдованій. Отвѣты и осуществленіе плана были сдѣланы уже другими. Прежде всего, Гоббесъ (1588—1679) пытался обосновать новый взглядъ на человѣка, независимо отъ классическихъ и схоластическихъ предположеній. Мнѣніе Бакона, что разумная душа есть предметъ скорѣе Богословія, а не науки, Гоббесъ принимаетъ до того вполнѣ, что совсѣмъ отрицаетъ существованіе такого начала въ человѣкѣ. Ему оставалось допустить только чувственную душу и объяснить происхожденіе душевныхъ дѣятельностей, признанныхъ Бакономъ за главныя. Безтѣлесная сущность невозможна: ибо существуетъ только матерія, могущая разлагаться на частицы. Слѣдовательно, невозможно предполагать безтѣлесную душу; она есть наше отвлеченіе дѣятельностей тѣла. Ощущеніе есть ничто иное, какъ движеніе, идущее отъ внѣшняго предмета къ внѣшнимъ чувствамъ, отъ нихъ къ мозгу, отсюда къ сердцу, которое съ своей стороны обнаруживаетъ воздѣйствіе. Ощущеніе есть только субъективный процессъ, наше состояніе. Воспоминаніе и воображеніе суть слѣды ощущеній; память облегчается тѣмъ, что съ представленіями мы соединяемъ извѣстные знаки, слова, которыя могутъ заразъ обозначать многіе подобные предметы. Воображеніе есть способность узнавать значеніе слова, т. е. представлять предметъ, соотвѣтствующій ему; то же самое дѣлаетъ и разсудокъ. Предметъ можетъ дѣйствовать на чувственные органы такъ, что его дѣйствіе соотвѣтствуетъ природѣ ихъ, или не соотвѣтствуетъ; въ первомъ случаѣ тѣло испытываетъ удовольствіе, во второмъ неудовольствіе; что̀ пріятно, того мы желаемъ, отъ противнаго отвращаемся. Когда желаніе или нежеланіе сопровождаются представленіемъ и сознаніемъ, они суть хотѣніе или нехотѣніе. (Leviathan, sive de materia, forma et potestate civitatis ecclesiasticae et civilis. Elementa philosophiae; sectio prima de corpore, secunda de homine, tertia de cive).

Взглядъ Гоббеса на душу и ея дѣятельности былъ начаткомъ матеріалистическихъ ученій новѣйшаго времени. Онъ положилъ

начало матеріализму, опирающемуся на Физику, и объясняющему душевную дѣятельность, какъ продолженіе движеній, начатыхъ внѣшними впечатлѣніями въ чувственныхъ органахъ. Эта мысль съ энтузіазмомъ была принята матеріалистами и сенсуалистами XVIII вѣка. особенно во Франціи, основавшими на ней всѣ психологическія объясненія.

Гоббесъ, отправившись отъ воззрѣній Бакона, не изслѣдовалъ психическихъ фактовъ, къ чему собственно призывалъ послѣдній; онъ объяснялъ ихъ съ своей общей матеріалистической точки зрѣнія, придерживаясь въ то же время баконовскаго плана. Истиннымъ продолжателемъ баконовскаго дѣла, спеціально въ нашей наукѣ, слѣдуетъ считать не его, а Локка (1632—1704). Его сочиненіе „Essay concerning human understanding“ положило начало новой эпохѣ въ развитіи нашей науки. Оно послужило точкою отправленія англійскаго эмпиризма, равно, французскаго сенсуализма и матеріализма XVIII вѣка и вообще преобразовало психологическія понятія на континентѣ Европы.

Локкъ.

Для насъ непосредственный интересъ имѣютъ первыя двѣ книги сочиненія Локка: въ первой онъ излагаетъ доказательства, что въ душѣ не можетъ быть прирожденныхъ идей, во второй онъ даетъ свой анализъ душевныхъ дѣятельностей.

Въ первой книгѣ Локкъ отправляется отъ принимаего многими мнѣнія, что существуютъ врожденныя идеи. Оно опирается на фактъ. что нѣкоторыя положенія и понятія имѣютъ характеръ всеобщности: такъ, существуютъ нѣкоторыя положенія теоретическія, наприм. одна и та же вещь не можетъ существовать и несуществовать въ одно и тоже время. Но такого всеобщаго согласія съ этимъ положеніемъ нѣтъ: ибо оно неизвѣстно дѣтямъ, идіотамъ. Вообще, никакихъ прирожденныхъ теоретическихъ положеній нѣтъ. Если душа способна познавать нѣкоторыя изъ нихъ, то это можно сказать о всѣхъ знаніяхъ и такихъ, прирожденность которыхъ не допускается. Притомъ, гораздо ранѣе отвлеченныхъ положеній мы познаемъ факты, наприм. что сладкое не горько и т. под. Если бы очевидность положенія служила доказательствомъ прирожденности его, тогда и всякое ариѳметическое уравненіе, въ родѣ $1 + 2 = 3$, должно считаться прирожденнымъ. Не прирож-

дены намъ и практическія положенія. Они вообще отстаютъ въ ясности отъ теоретическихъ и нѣтъ правила, въ которомъ всѣ люди сходились бы. Человѣку прирождено желаніе блаженства и отвращеніе отъ зла, но это не правило, а направленія желанія. Нѣкоторая одинаковость въ правилахъ объясняется сходствомъ обычаевъ, способовъ воспитанія и т. д. Не прирождена намъ идея Бога: не всѣ народы имѣютъ ее, да она не у всѣхъ людей одно и тоже. Наблюдая слѣды мудрости и всемогущества Божія въ мірѣ, люди естественно могли придти къ представленію Бога.

Задача второй книги, по словамъ Локка, показать, какъ разсудокъ приходитъ къ идеямъ. Душа, сама по себѣ будучи бѣлою хартіей, получаетъ всѣ идеи изъ опыта, который бываетъ внѣшнимъ и внутреннимъ; внѣшній опытъ есть ощущеніе, внутренній рефлексія или размышленіе по поводу внутреннихъ событій. Идеи могутъ быть простыя и сложныя. Простыя могутъ происходить отъ одного ощущенія, напр. цвѣта, звука, непроницаемости и твердости тѣлъ. Могутъ быть простыя идеи, возникшія изъ нѣсколькихъ ощущеній, наприм. пространство, протяженіе, фигура и т. д. Есть простыя идеи, идущія отъ рефлексіи, напр. представленія воспріятія, воли, — идущія отъ ощущенія и рефлексіи, наприм. удовольствіе и страданіе, бытіе и единство, сила, преемство. Что для насъ идея, то въ предметахъ есть качество и Локкъ различаетъ первыя качества, безъ которыхъ предметъ не можетъ быть представленъ существующимъ, и вторичныя или выводныя.

Анализуя рефлексію, Локкъ различаетъ идеи воспріятія, которое отличаетъ животныхъ отъ нисшихъ существъ, акты удерживанія (retention), которое сказывается преимущественно какъ память, различія, сравниванія, сочетаванія и отвлеченія. Только къ послѣднему акту животныя неспособны, тогда какъ они отчасти способны къ первымъ. Сложныя представленія образуются душою изъ простыхъ и притомъ свободно. Они имѣютъ предметомъ своимъ или modi, или сущность, или отношенія. Локкъ предпринимаетъ огромный трудъ разбора, какъ возникаютъ многочисленныя представленія, относящіяся къ этимъ категоріямъ. Онъ разбираетъ прежде всего образованіе простыхъ modi пространства протяженія, преемства, числа, безконечности, движенія, звуковъ, цвѣтовъ, мышленія, ощущенія, воспоминанія, созерцанія. Затѣмъ, онъ анализуетъ modi удовольствія и страданія, страсти, движимыя добромъ и зломъ: любовь, ненависть, желаніе, радость,

печаль, надежда, страхъ, отчаяніе, гнѣвъ, зависть, стыдъ. Локкъ подробно разсматриваетъ идею силы и основаніе ея въ дѣятельностяхъ ума и воли, источникъ нашихъ желаній и вообще дѣятельности, смѣшанныя идеи modi, сущностей, коллективныя идеи послѣднихъ, идеи отношеній: причины и дѣйствія, тожества и различія и проч., ясность и темноту идей, реальность и фантастичность ихъ, идеи adaequata et inadaequata, истинныя и ложныя и наконецъ ассоціацію идей. Локкъ только констатировалъ фактъ сочетанія представленій, но не пытался отыскивать способы воспроизведенія представленій.

Важность труда Локка заключалась, по моему мнѣнію, не въ томъ, что онъ дошелъ до новыхъ результатовъ, о какихъ не мечтала Психологія до него: съ многими изъ нихъ нельзя согласиться, но въ томъ, что въ немъ вѣетъ совсѣмъ новый духъ, что наука поставлена на почву опыта и наблюденія, что ей сразу открылась необозримая новая область изслѣдованія, скрывавшаяся отъ прежнихъ метафизиковъ природы и что на Локкѣ оборвался періодъ исключительно метафизическихъ и притомъ, преимущественно съ точки зрѣнія Платона и Аристотеля, умозрѣній въ Психологіи. Отнынѣ, хотя она безнаказанно и не можетъ отстраниться отъ Метафизики, она должна крѣпко держаться опыта и наблюденія.

Декартъ.

Англійская Психологія, въ лицѣ Бакона и Локка, порывала всякую связь съ Психологіей предшествующаго времени и давала обновленіе ей полнымъ преобразованіемъ понятій, метода, и самаго плана науки. На континентѣ Психологія также пыталась обновиться. Локкъ старался анализовать наблюдаемые факты душевной жизни; Декартъ, котораго слѣдуетъ признать также обновителемъ нашей науки, анализовалъ психологическія понятія уже данныя обыденнымъ мышленіемъ. Первый вездѣ въ своемъ анализѣ держался почвы наблюденія и въ немъ искалъ послѣднихъ доказательствъ; второй, имѣя дѣло съ понятіями, долженъ былъ опираться на логическія достоинства ихъ: ясность и раздѣльность.

Трудъ Декарта, прямо относящійся къ Психологіи, есть Passiones, sive affectus animae. Основное правило, котораго держится Декартъ, слѣдующее: что мы замѣчаемъ въ насъ подобнаго слу-

чающемуся въ неодушевленныхъ тѣлахъ, то должно приписывать одному своему тѣлу, и напротивъ, когда мы что-либо замѣчаемъ въ себѣ такое, что не можетъ быть приписано тѣлу, то должны приписывать это душѣ: такъ, тепло и движеніе исходятъ только отъ тѣла и не могутъ быть сообщаемы ему душою, помышленія же исходятъ отъ души.

Сущность ея заключается въ мышленіи, сущность тѣла въ протяженіи. Мышленіе (cogitatio) Декартъ разумѣетъ въ обширномъ смыслѣ и относитъ къ нему, какъ modi его: ощущеніе, представленіе и волю. Какъ мыслящей сущности, душѣ прирождены нѣкоторыя вѣчныя истины, ни гдѣ не существующія, кромѣ мышленія. Этимъ понятіемъ о душѣ Декартъ упразднилъ древнее различеніе души чувствующей отъ разумной: имъ допускалась только одна мыслящая душа. Процессы ощущенія въ физическомъ отношеніи, функціи питанія и движенія отнесены были имъ къ не мыслящей сущности, протяженному тѣлу, и перестали считаться дѣятельностями одушевляющаго начала.

По Декарту, кровь производитъ тонкіе матеріальные чрезвычайно подвижные духи (spiritus), которые движутся по нервамъ, мускуламъ, мозгу, входятъ и исходятъ чрезъ многочисленные въ нихъ поры. Чрезъ нихъ совершается возбужденіе нервовъ и мозга, а равно и движенія мускуловъ. Наши помыслы (cogitationes) двухъ родовъ: одни суть дѣйствія, другіе страстныя состоянія, первыя суть хотѣнія, вторыя пассивно воспринимаемыя душою состоянія. Сюда же относятся и воспріятія, одна часть которыхъ имѣетъ причиною своею душу, другая же тѣло. Къ перваго рода воспріятіямъ относятся представленія хотѣній и различныхъ воображаемыхъ предметовъ, ко вторымъ воспріятія, возникающія чрезъ нервы, и тѣ, въ которыхъ наша воля не принимаетъ участія. Участіемъ движущихся духовъ, направляемыхъ центромъ преимущественнаго дѣйствія души — glandula pinealis, Декартъ объясняетъ явленія воспоминанія, воображенія и произвольныхъ движеній тѣла. Страдательныя состоянія Декартъ перечисляетъ въ такомъ порядкѣ: удивленіе, уваженіе и презрѣніе, благородство и гордость, смиреніе, почтеніе и пренебреженіе, любовь и ненависть, желаніе, надежда, страхъ, увѣренность, отчаяніе, колебаніе духа, присутствіе духа, смѣлость, ревность, малодушіе, униженіе, угрызенія совѣсти, радость, печаль, насмѣшка, зависть, состраданіе, спокойствіе, раскаяніе, благосклонность и благодарность, негодованіе и гнѣвъ, слава и стыдъ, пре-

сыщеніе, желаніе, веселость. Первоначальными и основными аффектами, отъ которыхъ происходятъ всѣ остальные, Декартъ признаетъ только шесть: удивленіе, любовь, ненависть, желаніе, радость, печаль. Онъ даетъ опредѣленіе каждому аффекту, указываетъ различіе каждаго отъ другихъ, движенія крови и духовъ, вызывающія аффекты, выраженіе аффектовъ въ тѣлѣ, преимущественно въ глазахъ и лицѣ. Въ третьей части сочиненія Декартъ говоритъ о частныхъ аффектахъ, тѣхъ самыхъ, которые были указаны выше, и заключаетъ свою рѣчь указаніемъ на средство борьбы съ ними и значеніе ихъ для счастія нашей жизни.

Психологія Декарта была дуалистическая, ибо отправлялась отъ предположенія двухъ равноправныхъ началъ въ человѣкѣ: духа и матеріи Дуализмъ въ нашей наукѣ не былъ, конечно, дѣломъ новымъ. Классическіе представители его наприм. смотрѣли на тѣло, какъ на узы и темницу для души, и значеніе его видѣли только въ ограниченіи и стѣсненіи дѣятельности послѣдней. Мысль о равноправности двухъ началъ, соединенныхъ въ человѣкѣ, является въ первый разъ съ Декартомъ. Такъ какъ эти обѣ сущности противоположны, то естественно являлся вопросъ, какъ онѣ могутъ взаимодѣйствовать. Декартъ лишь затушевалъ его, указавъ, что есть своего рода harmonia compositionis тѣла и духа, въ силу которой по поводу состоянія духа развиваются состоянія тѣла, и на оборотъ. Но это было только resumé самаго вопроса, а не отвѣтъ на него: въ томъ онъ и заключался, какъ возможна такая гармонія между тѣломъ и духомъ. Онъ поставленъ былъ на очередь декартовскою школою.

Арнольдъ Гейлинксъ (1625—1669) признавалъ вмѣстѣ съ Декартомъ, что сущность тѣла заключается въ протяженіи, а сущность духа въ мышленіи, что между столь диспаратными субстанціями никакого взаимодѣйствія быть не можетъ. Мы не сознаемъ, какъ подъ вліяніемъ нашихъ желаній возбуждаются мозгъ, нервы, возникаетъ движеніе въ мускулахъ: нельзя же считать себя причиною движеній тѣла, когда своего участія въ нихъ не сознаемъ. Также мы не сознаемъ, что происходитъ въ органахъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, когда что либо ощущаемъ. Слѣдовательно, необходимо предположить чье либо постороннее содѣйствіе, чрезъ которое по поводу событій въ духѣ происходятъ соотвѣтствующія событія въ тѣлѣ и обратно. Конечно, такое содѣйствіе можетъ исходить только отъ всемогущаго существа, Бога. Эта теорія называется окказіонализмомъ: ибо соотвѣтствіе

между духовными и тѣлесными состояніями признается, по этому ученію, случайнымъ.

Малебраншъ.

И Малебраншъ, другой видный представитель декартовской школы, предполагалъ невозможность прямаго взаимодѣйствія между душою и тѣломъ, но объяснялъ фактъ согласнаго дѣйствія ихъ чрезъ непосредственное единеніе людей съ Богомъ въ познаніи и любви. Хотя онъ въ своемъ сочиненіи „De la recherche de la vérité“ имѣетъ въ виду преимущественно изслѣдованіе теоретической дѣятельности, направляющейся къ истинѣ, и какъ послѣднюю цѣль, — рѣшеніе проблеммы, оставленной Декартомъ, однако, онъ обращается въ этомъ случаѣ къ психологическому анализу, необходимому для первой цѣли. Поэтому его трудъ относится не только къ теоріи познанія, но и Психологіи, и имѣлъ несомнѣнное вліяніе на судьбы ея во всей, такъ называемой, догматической до-кантовской философской школѣ.

Малебраншъ признаетъ двѣ главныхъ душевныхъ способности: разумѣніе и волю. Всѣ остальныя состоянія души суть ея видоизмѣненія (модификаціи). Разумѣніе есть пассивная способность воспринимать различныя идеи и различныя модификаціи; воля есть влеченіе къ благу вообще и обнаруживается въ нашихъ наклонностяхъ. При анализѣ заблужденій ума, авторъ полагаетъ въ основу дѣленіе его на три главныхъ способности: чувствованіе, воображеніе и чистое разумѣніе. Воля подраздѣляется на собственно наклонности и страсти.

Въ чувственной дѣятельности авторъ различаетъ четыре, обыкновенно смѣшиваемыя, стороны: дѣйствіе объекта на внѣшнія чувства, страдательное состояніе органовъ, чувствованіе или воспріятіе души и наконецъ сужденіе, дѣлаемое душою о дѣйствующемъ предметѣ. Подъ воображеніемъ Малебраншъ разумѣетъ способность представлять образы и подраздѣляетъ ее на два вида: пассивную, зависящую отъ тѣла, и активную, зависящую только отъ души. Вторая зависитъ отъ воли, первая совершается подъ вліяніемъ животныхъ духовъ, начертывающихъ образы, и мозговыхъ фибръ, на которыхъ они изображаются. Пассивное воображеніе дѣйствуетъ между прочимъ какъ память,

когда оно возстановляетъ образы и мысли, уже бывшія въ душѣ; такое дѣленіе воображенія осталось на долго въ Психологіи. Третій видъ теоретической дѣятельности составляетъ разумѣніе, или чистый духъ; это есть способность мыслить. Анализуя наши идеи Малебраншъ приходитъ къ выводу, что ихъ не возбуждаютъ въ насъ внѣшніе предметы, не образуемъ ихъ мы сами, не напечатлѣваетъ намъ ихъ Богъ, но мы созерцаемъ всѣ вещи въ Богѣ. Изслѣдуя волю, авторъ находитъ, что души должны имѣть наклонности, подобно тому, какъ тѣла имѣютъ движеніе. Виновникъ природы, создавъ человѣка, напечатлѣлъ душѣ нѣкоторыя наклонности. Первая наклонность имѣетъ предметомъ своимъ благо; она есть начало всѣхъ естественныхъ склонностей, страстей и всѣхъ видовъ любви. Вторая стремится къ сохраненію нашего бытія или нашего благосостоянія. Третья есть склонность къ другимъ живымъ существамъ. Стремясь къ благу вообще, мы не удовлетворяемся конечными вещами и потому эта наклонность бываетъ главною причиною безпокойства воли. Наклонность къ самосохраненію подраздѣляется на два вида: одинъ состоитъ въ любви къ бытію, другой въ стремленіи къ благосостоянію; сюда же относятся влеченіе къ возвышенію себя предъ другими, къ удовольствіямъ. Склонность къ другимъ существамъ обнаруживается, какъ дружба.

Такія наклонности называются естественными: они суть движенія воли, свойственныя ей отъ природы. Но бываютъ въ ней движенія необыкновенныя, зависящія отъ животныхъ духовъ и крови: они зависятъ отъ естественныхъ наклонностей, но бываютъ обыкновенно сильнѣе послѣднихъ, имѣютъ другіе объекты и производятся другими причинами. Поэтому разсужденіе о нихъ Малебраншъ выдѣлилъ въ особую главу и, по примѣру Декарта, назвалъ ихъ особымъ именемъ, страстями. Онъ разсматриваетъ ихъ сравнительную силу и объемъ, измѣненія въ тѣлѣ и душѣ, сопутствующія имъ. Разбирая страсти въ подробности, онъ говоритъ объ удивленіи, любви и ненависти.

Хотя трудъ Малебранша былъ написанъ вовсе не съ психологической цѣлью, но онъ способствовалъ развитію нашей науки гораздо болѣе, чѣмъ сочиненія почти всѣхъ другихъ представителей декартовской школы. Онъ имѣлъ важное значеніе въ исторіи нашей науки. Послѣ Аквината и мистиковъ, Малебраншъ далъ новый планъ ея и какъ читатели могутъ судить по нашему краткому изложенію, онъ былъ шире, чѣмъ всѣ до него существовавшіе.

Конечно, взглядъ, измѣненіе и способъ изслѣдованія Локка были оригинальнѣй, чѣмъ Малебранша, но идеи перваго принялись только въ Англіи и мало имѣли вліянія на континентальныхъ психологовъ, тогда какъ второй былъ установителемъ формъ и методовъ нашей науки на долгое время, почти вплоть до послѣдняго времени. И нельзя не сожалѣть, что многія счастливыя догадки Малебранша, напримѣръ, его мысль о зависимости волненій отъ воли, забылись въ настоящемъ столѣтіи.

Спиноза.

Философское ученіе Спинозы (1632—1677) о человѣкѣ заключало въ себѣ новый и оригинальный взглядъ на происхожденіе человѣка, взаимоотношеніе въ немъ двухъ началъ, тѣлеснаго и духовнаго, но въ подробностяхъ анализа, въ планѣ и классификаціи душевныхъ дѣятельностей и состояній, оно зависѣло вполнѣ отъ декартовской школы. Спиноза давалъ новое рѣшеніе вопроса о взаимодѣйствіи духа и тѣла въ человѣкѣ. Душа есть видоизмѣненіе божественнаго аттрибута мышленія, тѣло божественнаго аттрибута—протяженія; они могутъ оказывать взаимное вліяніе, потому что событія въ тѣлѣ и духѣ суть дѣйствія и состоянія всеединой сущности.

Метафизика Психологіи изложена Спинозою во второй части его „Этики“, о сущности и происхожденіи человѣка; анализъ воли и аффектовъ въ третьей, о сущности и происхожденіи аффектовъ, и четвертой, о человѣческомъ рабствѣ по отношенію къ аффектамъ. Видоизмѣненія божественнаго протяженія суть тѣлесные предметы, божественнаго мышленія—идеи. Такъ какъ идеи имѣютъ прямое отношеніе къ объектамъ, то всякому тѣлу соотвѣтствуетъ идея и на оборотъ. Идея тѣла есть его душа. Слѣдовательно, всѣ тѣла во Вселенной имѣютъ своихъ душъ; по близкому ихъ соотношенію, онѣ совершенны въ мѣрѣ совершенства тѣлъ. Наиболѣе совершенному тѣлу человѣка соотвѣтствуетъ наиболѣе совершенная душа. Человѣкъ есть единство тѣла и идеи его, индивидуумъ, являющійся протяженнымъ или мыслящимъ, смотря потому, съ какой стороны мы его представляемъ. Изъ полнаго соотвѣтствія души тѣлу слѣдуетъ, что и первая также важна и состоитъ изъ многихъ частей, какъ и послѣднее, но что первая, какъ и тѣло, есть въ тоже время единый предметъ.

И такъ душа есть видоизмѣненіе божественнаго аттрибута, мышленія. Но всякое видоизмѣненіе, потому что оно конечное, опредѣляется другимъ видоизмѣніемъ, это другое третьимъ и т. д. до безконечности. Душа, какъ идея тѣла, опредѣляется другою идеей, и эта вторая, идея идеи, также тѣсно связана съ нею, какъ она съ тѣломъ. Идея идеи тѣла есть самосознаніе: человѣкъ не только представляетъ себя, но и знаетъ, что онъ представляетъ себя: онъ есть самосознающая душа.

Признавая душу идеей, Спиноза долженъ былъ отрицать различіе способностей въ ней. По примѣру декартовской школы, онъ признавалъ два главныхъ отправленія души: познаваніе и волю. Въ познаніи онъ различаетъ общее чувство, или воспріятіе своего тѣла, чувственное воспріятіе предметовъ, воображеніе съ памятью и воспоминаніемъ и наконецъ, интеллектъ. Воля, по существу своему, тожественна съ разумомъ. Познающая душа есть интеллектъ, отрицающая и утверждающая — есть воля; къ утвержденію и отрицанію сводятся хотѣнія и нехотѣнія. Человѣческое тѣло можетъ быть возбуждаемо различнымъ образомъ, при чемъ его способность къ дѣятельности можетъ увеличиваться или уменьшаться; такое же дѣйствіе могутъ имѣть идеи этихъ возбужденій. Подобнаго рода возбужденія составляютъ то, что называется страстями. Спиноза допускаетъ три главныхъ аффекта: удовольствіе, не удовольствіе и пожеланіе: первое есть переходъ человѣка отъ меньшаго къ большему совершенству, второе отъ большаго къ меньшему, третье есть состояніе самоопредѣленія къ дѣйствованію. Остальные аффекты выводятся изъ трехъ главныхъ; Спиноза говоритъ объ аффектахъ удивленія и презрѣнія, любви и ненависти, склонности и отвращенія, уваженія и пренебреженія, надежды, страха, увѣренности, отчаянія, радости, угрызеній совѣсти, сожалѣнія, благоволенія и неодобренія, раскаянія, высокомѣрія, боязливости, чести и стыда, соревнованія, благодарности, благожеланія, гнѣва, мщенія, жестокости, заботы, храбрости, малодушія, человѣкоугодливости, честолюбія, расточительности, пьянства, скупости, сластолюбія. Всякій аффектъ есть темное представленіе. Самымъ главнымъ желаніемъ человѣка Спиноза признаетъ хотѣніе продолженія своего бытія.

Гейлинксъ и Малебраншъ рѣшали вопросъ о взаимодѣйствіи тѣла и духа такъ, что превращали его въ непрерывное чудо, совершавшееся при постоянномъ содѣйствіи Бога. Спиноза, въ

своей пантеистической теоріи, призналъ состоянія тѣла и духа дѣйствіями единой сущности. Лейбницъ (1646—1716) объяснялъ согласіе между ними предустановленною отъ Бога гармоніей. Тѣло состоитъ изъ множества монадъ и сама душа есть центральная монада; состоянія всѣхъ ихъ согласованы Богомъ такъ, что, при всякомъ моментѣ развитія, каждая изъ нихъ дѣйствуетъ гармонично со всѣми другими. Въ большія подробности лейбницевской Психологіи мы входить не будемъ, но остановимся на окончательной формѣ, въ какой психологическіе взгляды Лейбница выразились въ его школѣ, такъ называемой, Лейбниц-Вольфовой. Мы познакомимся съ Психологіей Вольфа: Psychologia rationalis, methodo scientifica pertractata, которая была послѣднимъ словомъ нашей науки до Канта. Она совмѣстила въ себѣ всѣ успѣхи анализа, до какого достигла наша наука благодаря трудамъ декартовской школы, Спинозы и Лейбница.

Вольфъ.

Вольфъ раздѣляетъ Психологію на эмпирическую и раціональную. Первая основывается прямо на наблюденіи, вторая на доказательствахъ разума; послѣдняя доказываетъ то, что первая даетъ, какъ фактъ наблюденія. Основанія для своихъ доказательствъ и выводовъ раціональная Психологія заимствуетъ изъ Онтологіи, Космологіи и эмпирической Психологіи. Мы остановимся только на раціональной Психологіи, потому что она, въ сущности, трактуетъ о томъ же, о чемъ говоритъ и эмпирическая, хотя различается отъ нея въ своемъ методѣ.

Раціональная Психологія должна дать отчетъ о томъ, что присуще, или можетъ быть присуще душѣ. Прежде всего, она должна дать полное и всестороннее опредѣленіе природы и сущности души. Вольфъ отправляется отъ условій сознанія воспріятія (perceptio). Душа сознаетъ только то, что отличаетъ отъ себя и по стольку, по скольку она сознаетъ свои измѣненія, какъ дѣйствія. При темныхъ и смѣшанныхъ воспріятіяхъ она перестаетъ сознавать себя и свое различіе отъ внѣшнихъ предметовъ. Изъ ясныхъ воспріятій образуется сознательное воспріятіе (apperceptio). Послѣднее является изъ сравниванія воспріятій и предполагаетъ участіе памяти и вниманія; оно предваряетъ мысль и условливаетъ послѣднюю. Разныя мысли имѣютъ

разную скорость, изъ чего не слѣдуетъ, однако, заключать, что душа есть какая либо матерія: тѣло не можетъ мыслить. Душа есть субстанція простая, не имѣетъ частей, непротяжена, не имѣетъ фигуры, величины и т. д. Она одарена силою, которую не слѣдуетъ смѣшивать со способностями: ибо первая есть непрерывное стремленіе къ дѣйствію, послѣднія только возможности дѣйствованія; однако, онѣ осуществляются силою души. Такъ какъ частей въ ней быть не можетъ, то слѣдуетъ предполагать только одну силу. Какъ таковая, душа постоянно стремится къ измѣненію своего состоянія; всѣ ея дѣйствія производятся одною силою. Первоначальный поводъ къ измѣненіямъ заключается въ ощущеніяхъ. Сущность души Вольфъ полагаетъ въ силѣ представлять вселенную, ограниченной положеніемъ тѣла въ пространствѣ и строеніемъ чувственныхъ органовъ. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ сила подчиняется опредѣленнымъ законамъ. Относительно способностей души, Вольфъ настаиваетъ, что подъ ними слѣдуетъ разумѣть не болѣе, какъ возможности дѣйствованія въ извѣстномъ направленіи.

Ощущенія суть представленія чего либо сложнаго; чувственныя идеи имѣютъ подобіе съ своими объектами и они представляютъ фигуры, величину, положенія и движенія. Вольфъ разбираетъ условія ясныхъ и темныхъ, сложныхъ ощущеній, представленій пространства и протяженнаго порядка элементовъ, косности, двигательной силы, измѣненія въ тѣлѣ. Чувственнымъ идеямъ соотвѣтствуютъ въ мозгѣ напечатлѣнные образы; указываются условія тожества и различія ихъ, ошибочности, ясности, раздѣльности и темноты чувственныхъ образовъ, силы и слабости ощущеній, вліянія свободной воли на ощущенія, совершенство чувственныхъ идей, познаваніе линій, поверхностей, вогнутыхъ и выпуклыхъ, и ихъ различій, угловъ и ихъ видовъ, положеніе однихъ линій относительно другихъ, родовъ и видовъ вещей, величины и фигуры ихъ.

За ощущеніями слѣдуетъ анализъ воображенія и памяти. Воображеніе понимается Вольфомъ въ обширномъ смыслѣ, какъ аристотелевская φαντασία. Оно дѣйствуетъ какъ память и воспоминаніе: ибо состоитъ въ представленіи вещей, прежде наблюденныхъ внѣшними чувствами. Каждому представленію соотвѣтствуютъ матеріальные образы въ мозгѣ и разнообразію первыхъ соотвѣтствуетъ разнообразіе послѣднихъ. Вольфъ до такой степени предполагаетъ зависимость всякой душевной дѣятель-

ности отъ тѣла, что говоритъ даже о матеріальномъ воображеніи, находящемся въ мозгѣ. Памятью называется собственно признаніе представленія за повтореніе уже бывшаго въ душѣ; она подраздѣляется на два вида: на интеллектуальную и чувственную или животную, различающіяся тѣмъ, что первая признаетъ воспроизводимыя идеи раздѣльно, а вторая смутно. Авторъ разбираетъ разныя физіологическія условія хорошей и дурной памяти.

Дѣятельность разума условливается вниманіемъ. Вольфъ занимается разборомъ дѣйствія его на чувственную дѣятельность и воспріятіе, переходитъ затѣмъ къ анализу рефлексіи, въ смыслѣ наблюденія надъ чувственными вещами и послѣдовательными явленіями. Разумъ, или интеллектъ, признается за аттрибутъ души, не отдѣлимъ отъ нея и неизмѣненъ; онъ образуетъ понятія, сужденія, умозаключенія; всѣ его дѣйствія представляются въ мозгѣ матеріальными знаками словъ, выражающихъ мысли. Практическая дѣятельность представляется чувственнымъ желаніемъ, аффектами, хотѣніемъ и не хотѣніемъ. Во всякомъ воспріятіи есть стремленіе души измѣнить свое состояніе и когда она предвидитъ, что съ воспріятіемъ въ будущемъ связывается идея удовольствія, то стремленіе направляется къ нему, а если съ нимъ связано неудовольствіе, то стремленіе отвращается. Желаніе есть стремленіе замѣнить наличное воспріятіе предвидимымъ, и на оборотъ, отвращеніе есть стремленіе смѣнить настоящее воспріятіе на противоположное предвидимому. Аффекты суть сильныя стремленія осуществить или предотвратить предвидимыя воспріятія; они подраздѣляются на пріятные, и смѣшанные. Сила ихъ возникаетъ изъ многочисленныхъ стремленій къ разнымъ предвидимымъ воспріятіямъ, или отвращеній отъ нихъ. Имъ соотвѣтствуютъ сильныя сотрясенія въ тѣлѣ крови и нервныхъ жидкостей. Желаніе и отвращеніе могутъ быть разумны, иногда они являются какъ хотѣнія и не хотѣнія: предметъ перваго есть благо, втораго зло. По скольку душа разумна, по стольку она и свободна. Мы пропускаемъ отдѣлы, гдѣ Вольфъ разсуждаетъ о связи души съ тѣломъ: онъ критикуетъ ученіе окказіоналистическое, influxus physicus, предустановленной гармоніи. Но два отдѣла о духѣ вообще и духовности души въ частности имѣютъ для насъ интересъ. Человѣческая душа есть духъ, одаренный разумомъ и свободною волею; въ противоположность безконечному духу, она ограничена какъ

по разуму, такъ и по волѣ; она нерождается конечнымъ духомъ, но творится безконечнымъ Существомъ изъ ничего, не разрушима и не уничтожима, можетъ имѣть разныя степени мудрости. Вольфъ допускаетъ существованіе души у животныхъ; она сознаетъ свои воспріятія, безтѣлесна, проста, одарена воображеніемъ и памятью, чувственнымъ желаніемъ и отвращеніемъ, но лишена способности разума и всѣхъ его отправленій, не имѣетъ свободной воли, слѣдовательно, не есть духъ. Поэтому животныя не суть лица и не безсмертны.

Вольфовская Психологія имѣла два важныхъ недостатка. Одинъ касался пріема изслѣдованія: вниманіе Вольфа, направлялось преимущественно къ логическимъ опредѣленіямъ психическихъ состояній, къ построенію системы, а не къ углубленію психологическихъ понятій и наблюденій. Оттого, при строгой внѣшней логичности и систематичности изложенія, Психологія Вольфа поражаетъ своею поверхностностію. Притомъ, онъ съ величайшею самоувѣренностію, безъ предварительнаго анализа и не справляясь съ состояніемъ знаній вообще, рѣшаетъ догматично и безапелляціонно самые труднѣйшіе вопросы объ отношеніи психическихъ состояній къ физіологическимъ отправленіямъ. Второй недостатокъ тотъ, что Вольфъ, впрочемъ слѣдуя по стопамъ предшествовавшихъ психологовъ, не пытался совсѣмъ анализировать ни дѣятельность воображенія, какъ творческую способность, ни чувствованія, какъ состоянія сердца, и со всѣмъ упускалъ изъ виду связь представленій, обнаруживающуюся при воспроизведеніи ихъ.

Ученіе объ ассоціаціи представленій введено въ Психологію, какъ постоянный отдѣлъ въ ней, Давидомъ Юмомъ (1711—1776). Аристотель первый подмѣтилъ ее, но Юмъ указалъ на значеніе ассоціацій при образованіи абстрактныхъ понятій и онѣ стали прочнымъ достояніемъ науки. Онъ нашелъ, что идеи соединяются и воспроизводятся по сходству, связи въ пространствѣ и времени, по связи причины и дѣйствія. Въ сочетаніи идей и состоитъ познаніе. Въ остальныхъ подробностяхъ трудъ Юма (Enquiry concerning human understanding. Lond. 1748), основывался на сочиненіи Локка; его различеніе впечатлѣній (ощущеній) и идей (воспоминанія и воображенія), различающихся отъ первыхъ сравнительно меньшею живостію, ничего существеннаго не привнесло въ науку.

Сенсуализмъ и матеріализмъ 18-го вѣка.

Французское либеральное движеніе 18-го вѣка посвящало не мало вниманія вопросамъ нашей науки: можно сказать, что самое движеніе совершалось преимущественно на ея почвѣ. Направленія сенсуализма и матеріализма, двухъ послѣднихъ фазисовъ его, имѣли дѣло главнѣе съ психологическими вопросами. Исходными точками отправленія послужили для нихъ труды Локка и Юма. Но тогда какъ они признавали опытъ двухъ видовъ, внутренній и внѣшній, и воздерживались отъ рѣшительныхъ заключеній о существѣ души, французскіе сенсуалисты признавали только одинъ внѣшній опытъ и скоро пришли къ рѣшительнымъ заключеніямъ, что души, какъ самостоятельнаго существа, нѣтъ и психическія отправленія суть внутреннія физіологическія дѣятельности.

Глава французскихъ сенсуалистовъ, давшій основной тонъ и направленіе психологическимъ французскимъ работамъ 18-го вѣка, былъ Этьеннъ Бонно де-Кондильякъ (1715—1780). Главныя его сочиненія, насъ интересующія: Traité des animaux, Amst. 1775 и Traité des sensations. Lond. 1754. Онъ отступаетъ отъ Локка въ основномъ пунктѣ ученія послѣдняго. Нѣтъ необходимости допускать опытъ внутренній, т. е. рефлексію, какъ самостоятельный источникъ новыхъ знаній; дѣятельности сравниванія, абстрагированія, логическаго разсужденія объясняются легко, какъ разныя видоизмѣненія и случаи съ ощущеніями. Душа есть пассивное существо, которое въ качествѣ простаго зрителя присутствуетъ при измѣненіяхъ, въ ней совершающихся. Ощущеніе, по всей вѣроятности, есть отвѣтъ души на сотрясеніе волоконъ въ мозгѣ. По скольку оно есть впечатлѣніе, идущее отънѣ къ субъекту, оно именуется воспріятіемъ, по скольку замѣчается душою, какъ таковое, оно есть сознаніе. Между впечатлѣніями нѣкоторыя пріобрѣтаютъ особенную силу и принуждаютъ душу заниматься ими; это есть состояніе вниманія. Чрезъ послѣднее воспріятія отсутствующихъ предметовъ становятся какъ бы наличными и это есть дѣятельность воображенія. Исчезнувъ, оно можетъ снова явиться въ душѣ и воображеніе становится тогда памятью. Благодаря внѣшнему опыту, въ душѣ могутъ скопляться многія воспріятія и вниманіе можетъ направляться къ нимъ и переходить отъ одного къ другому;

это есть дѣятельность рефлексіи. Сравнивая предметы, судя о нихъ и умозаключая, мы доходимъ до разумѣнія вещей и это есть разсудокъ. Наши разсудочныя дѣйствія нуждаются въ регулированіи опредѣленными правилами и такое нормированіе ихъ называется разумомъ. Удовольствіе и неудовольствіе Кондильякъ признаетъ за первоначальные факты въ душѣ, какъ и ощущенія: воспоминая о нихъ, душа желаетъ пріятнаго и отвращается отъ непріятнаго. Эти чувствованія управляютъ всею духовною дѣятельностію. Хотя Кондильякъ и утверждалъ, что сама душа не матеріальна и безсмертна, но при зависимости отъ тѣла, какую предполагалъ онъ, и ея пассивности, такое утвержденіе являлось не естественнымъ выводомъ изъ понятія о душѣ, а скорѣе уступкою господствующимъ религіознымъ вѣрованіямъ. Взглядъ, плохо вязавшійся съ предположеніями психологическаго анализа, рано или поздно долженъ былъ быть признанъ лишнимъ, что и было исполнено послѣдующими либеральными философами.

Не останавливаясь на Ламетри (1709—1751 Histoire naturelle de l'ame, 1745, L'homme machine, 1748), Гельвеціи (1715—1771 De l'esprit, 1758; De l'homme, de ses facultés et de son education, 1772), мы упомянемъ о сочиненіи: Système de la nature, 1770. Ее можно назвать метафизикою матеріализма. Она занимается преимущественно общимъ вопросомъ о зависимости души отъ тѣла и рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что самостоятельной и отъ организма независимой души нѣтъ. Она только отвлеченіе, абстрактное различеніе дѣятельностей тѣла отъ него самаго. Душевныя отправленія суть органическія функціи; когда чувствующее тѣло разрушается, душа столь же мало существуетъ, какъ ходъ часовъ, послѣ того, какъ они разбиты. Не касаясь политическаго, общественнаго и вообще философскаго значенія упомянутаго либеральнаго движенія, мы, должны, однако, замѣтить, что оно не принесло какихъ либо значительныхъ плодовъ для нашей науки. Психологическій анализъ не обогатился ни однимъ счастливымъ наблюденіемъ и не коснулся какой либо новой области психическихъ фактовъ. Конечно, матеріалисты 18-го вѣка послужили образцами для подражанія и источникомъ мудрости матеріалистовъ 19-го, и въ этомъ отношеніи можно говорить о вліяніи первыхъ на современную мысль. Но какъ безплодны были работы первыхъ для нашей науки, такъ мало плодотворно и ихъ вліяніе.

Хотя Локкъ и Юмъ дали, особенно первый, тонъ и направленіе французской мысли, эмпиризмъ въ Англіи остерегался идти къ рѣшительнымъ метафизическимъ выводамъ о природѣ души и насильственно выводить изъ одной дѣятельности (ощущеній) всѣ многоразличныя душевныя отправленія. Англійскій эмпиризмъ ограничился скромною долею: онъ наблюдалъ, анализировалъ, обобщалъ и внесъ драгоцѣнные вклады въ нашу науку. О его судьбахъ, результатахъ, къ которымъ онъ пришелъ, скажемъ въ заключительной части обзора.

Психологія Канта.

Кантъ (1724—1804) имѣлъ большое вліяніе на судьбы континентальной Психологіи. Его трудъ прямо относящійся къ ней есть Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. Но также сокровища мѣткихъ и важныхъ психологическихъ взглядовъ и наблюденій заключались въ его трехъ критикахъ. Критика чистаго разума была новою и оригинальною теоріей познанія, измѣнившею существовавшіе взгляды на познавательныя способности и условія познаванія. Критика практическаго разума указывала на прирожденныя идеи долга и нравственнаго закона, и вмѣстѣ съ тѣмъ давала новыя указанія на отношенія воли къ разуму и происхожденіе нравственной совѣсти. Критика силы сужденія въ своей эстетической части раскрывала психологамъ значеніе и образъ дѣятельности чувства и воображенія, почти новый, доселѣ не принимавшійся ими во вниманіе, родъ психическихъ фактовъ. Одними только критическими трудами Кантъ долженъ былъ существенно измѣнить взгляды психологовъ и углубить ихъ анализъ.

Кромѣ не прямаго вліянія на нашу науку, критики имѣли и прямое. Въ критикѣ чистаго разума, въ отдѣлѣ трансцендентальной діалектики, Кантъ, разбирая паралогизмы чистаго разума, доказываетъ невозможность рациональнымъ путемъ доказать тожество и не измѣняемость личности, безсмертіе ея. Эти доказательства на долго устранили трансцендентную Метафизику изъ нашей науки, перемѣстили центръ тяжести ея въ сторону анализа фактовъ и обратили вниманіе психологовъ преимущественно къ области внутренняго опыта.

Антропологія несомнѣнно содѣйствовала улучшенію психо-

логическихъ понятій и расширенію психологическаго кругозора. По мысли Канта, она должна быть наукою о человѣкѣ, о томъ именно, что онъ, какъ свободное существо, изъ себя дѣлаетъ, или можетъ и долженъ дѣлать. Она основывается какъ на внутреннемъ, такъ и внѣшнемъ наблюденіи. Первая часть занимается изслѣдованіемъ психической дѣятельности и въ ней уже опредѣленно устанавливается дѣленіе способностей на познавательную, чувствованія удовольствія и способность желанія. Психологическій анализъ познавательной дѣятельности открывается разсужденіями о сознаніи, причемъ Кантъ затрогиваетъ вопросъ о темныхъ представленіяхъ, сознаваемыхъ нами только посредственно, и въ первый разъ въ нашей наукѣ заводитъ рѣчь объ узости сознанія. Познавательная способность въ обширномъ смыслѣ раздѣляется на два вида: когда субъектъ пассивно опредѣляется представленіями, то его познаніе имѣетъ чувственный характеръ, когда же онъ дѣйствуетъ въ нихъ, то это есть интеллектуальное познаніе. Кантъ защищаетъ чувственность отъ трехъ упрековъ: 1) что она есть причина безпорядочности въ познаніи, 2) вмѣсто того, чтобы подчиняться разсудку, она беретъ перевѣсъ надъ нимъ и 3) даже служитъ прямымъ источникомъ заблужденій для разума. Подъ чувственностію онъ разумѣетъ какъ внутреннія, такъ и внѣшнія чувства и воображеніе. Кантъ обращаетъ вниманіе на различныя особенности въ дѣятельности чувствъ: контрастъ, новость, смѣну, какъ условія оживленія вниманія, напряженіе, ослабленіе и даже уничтоженіе чувственной способности. Впервые въ нашей наукѣ у Канта является различеніе производительнаго (productiv) и воспроизводительнаго (reproductiv) воображенія. Творческая чувственность бываетъ трехъ родовъ: образовательная въ пространствѣ, пластическая во времени, связывающая и уподобляющая. Воспроизводительное воображеніе Кантъ опредѣляетъ, какъ обыкновенную ассоціацію представленій по послѣдовательности: она есть собственно память. Можетъ быть творчество не добровольное при здоровомъ состояніи субъекта, во снѣ.

Дѣятельность разсудка, въ обширномъ смыслѣ, Кантъ подраздѣляетъ на собственно разсудокъ, силу сужденія и разумъ. Первый есть способность правилъ, вторая — способность подводить частное подъ общее, третій — обсуждать частное по необходимымъ принципамъ. Кантъ изслѣдуетъ затѣмъ слабости и болѣзни души въ познавательномъ отношеніи и возможные умственные таланты. Чувствованія онъ принимаетъ за состоянія удовольствія и не

удовольствія; для объясненія эстетическаго дѣйствія впечатлѣній на душу, Кантъ допускаетъ особое чувство красоты или вкусъ. Желаніе опредѣляется, какъ само опредѣленіе силы субъекта чѣмъ либо будущимъ. Наклонность, не подчиняющаяся разуму, есть страсть; состоянія удовольствія и неудовольствія, подавляющія въ субъектѣ способность разсужденія, суть аффекты. При перечисленіи ихъ, упоминается о сильной радости, ужасѣ, гнѣвѣ, стыдѣ, удивленіи, смѣхѣ и плачѣ и они дѣлятся на аффекты силы и слабости. Страсти могутъ быть естественными и культурными. Первую группу составляютъ страсть къ свободѣ и половая, вторую честолюбіе, властолюбіе и скупость.

Вторая часть Антропологіи изслѣдуетъ вопросъ о характерѣ. Есть характеръ лица, пола, народа и рода. Въ первомъ отношеніи говорятъ объ естественномъ складѣ, темпераментѣ, образѣ мыслей, присутствіи характера и отсутствіи его. Онъ отражается въ лицѣ и потому въ этомъ отдѣлѣ Кантъ разсуждаетъ о началахъ физіономики: характерныхъ особенностяхъ въ складѣ лица, чертахъ его и минахъ. Послѣ разныхъ замѣтокъ о характерѣ двухъ половъ, Кантъ переходитъ къ характеристикѣ народа: онъ перечисляетъ свѣтлыя и темныя черты характера французовъ, англичанъ, испанцевъ, итальянцевъ, нѣмцевъ. Отличительныя черты человѣческой породы въ отличіе отъ другихъ существъ составляютъ способности техническія, прагматическія, т. е. къ культурѣ, и затѣмъ нравственныя.

Антропологія Канта представляетъ собраніе практическихъ замѣтокъ о способахъ дѣятельности человѣка. Она очевидно предназначена для практическаго объясненія разныхъ фактовъ духовной жизни. Ее нельзя назвать Психологіей, въ смыслѣ систематическаго обзора и анализа душевныхъ явленій: Психологію, по скольку она основывается на самонаблюденіи, Кантъ различалъ отъ Антропологіи, которая, кромѣ самонаблюденія, обращается еще къ простому наблюденію человѣка, какъ существа живущаго и дѣйствующаго въ обществѣ. Не смотря на отсутствіе системы въ подробностяхъ, и какъ будто случайность замѣтокъ, Антропологія, а равно критики, имѣли большое вліяніе на преобразованіе нашей науки. Кантъ измѣнилъ, господствовавшій въ догматической школѣ, взглядъ на познаніе и эта глава Психологіи была измѣнена въ самыхъ основахъ. Затѣмъ, нельзя не забыть и той существенной заслуги Канта для Психологіи, что онъ устранилъ изъ психологическаго анализа разныя физіологическія

объясненія, на которыя была щедра вся догматическая философія. Даже при настоящемъ несравненно болѣе развитомъ состояніи Анатоміи и Физіологіи, что̀ собственно достовѣрнаго мы знаемъ о физіологическихъ процессахъ въ нервахъ и мозгѣ, сопутствующихъ психическимъ дѣятельностямъ? Что же могли знать о нихъ во времена Декарта и Вольфа? И однако, и Декартъ и Малебраншъ съ увѣренностію говорили о нервныхъ духахъ, двигающихся въ мозгѣ и нервахъ, а Вольфъ методически указывалъ, какому частному душевному явленію какой процессъ въ мозгѣ соотвѣтствуетъ. Такимъ образомъ создавался миражъ ложнаго знанія, который ронялъ нашу науку въ глазахъ изслѣдователей природы, и главное, ни мало не объясняя фактовъ, отвлекалъ вниманіе психологовъ отъ изученіи послѣдовательности и зависимости психическихъ явленій одного отъ другаго.

Въ дальнѣйшемъ обзорѣ судебъ Психологіи, совершавшихся въ нашемъ столѣтіи, мы не будемъ строго держаться исторической послѣдовательности направленій. Почти всѣ они еще обнаруживаютъ жизненность и болѣе или менѣе сильно вліяютъ на современную разработку нашей науки. Упомянувъ о Фризѣ, какъ замѣчательномъ психологѣ, по капризу судьбы, оставшемся въ тѣни, мы ознакомимся съ идеалистическою Психологіей Фихте и гегелевской школы. Затѣмъ, обратимся къ такъ-называемой, реалистической Психологіи Гербарта, эмпирической Бенеке и къ попыткамъ обосновать идеально-реальную Психологію. Потомъ, скажемъ объ успѣхахъ англійскаго эмпиризма и современномъ вліяніи естествовѣдѣнія, преимущественно Физіологіи и Физики, на психологическую науку. Краткими замѣтками о русской психологической литературѣ мы заключимъ свое обозрѣніе.

Антропологія Фриза.

Антропологія Фриза (Handbuch der psychischen Anthropologie, oder der Lehre von der Natur des menschlichen Geistes 2 B. 1820) во многихъ отношеніяхъ примыкала къ Канту. Авторъ слѣдуетъ ему въ своемъ анализѣ познавательной и вообще психической дѣятельности, но передаетъ ихъ въ своей логической системѣ. Поэтому во многихъ отношеніяхъ трудъ Фриза долженъ быть признанъ продолженіемъ и развитіемъ психилогическихъ взглядовъ Канта.

Полное ученіе о человѣкѣ содержитъ въ себѣ три науки: Физіологію человѣческаго тѣла или медицинскую Антропологію, психическую Антропологію или Психологію и сравнительную Антропологію, имѣющую дѣло съ законами взаимныхъ отношеній тѣла и духа. Вторая должна дать описаніе и теорію человѣческаго духа со стороны его способностей; третья содержитъ ученіе о зависимости духа отъ внѣшнихъ условій и взаимодѣйствіи его съ тѣломъ, о душевныхъ болѣзняхъ, различіяхъ между людьми и развитіи духа.

Психическая Антропологія должна изслѣдовать законы, по которымъ разсудокъ осуществляетъ свои послѣднія цѣли: истину, красоту и добро. Она должна имѣть въ виду, что качественныя различія въ духовныхъ дѣятельностяхъ опредѣляются различіемъ основныхъ способностей. Въ нихъ сказывается дѣятельность разсудка, являющагося въ формѣ чувственно возбужденнаго разума. Отыскать формы обнаруженія его въ дѣятельности основныхъ способностей значитъ найти законы, управляющіе внутреннею жизнію. Затѣмъ, должны слѣдовать описаніе и анализъ душевныхъ качественно-различныхъ способностей и наконецъ, указаніе различныхъ степеней развитія духа.

Что касается до формы духовной жизни, то дѣятельность духа заставляетъ предполагать въ немъ разныя способности: онъ обнаруживается, какъ живое существо, чувственное, одаренное предрасположеніями къ извѣстнымъ дѣятельностямъ; въ своей жизни онъ руководится законами памяти, привычки, ассоціаціи и чистаго разума. Первоначальныя способности въ чувственно-разумномъ существѣ суть познавательная, чувствительная въ жизни сердца и дѣятельная, сказывающаяся въ желаніяхъ, въ дѣятельномъ разумѣ. Надъ ними высится способность по произволу усиливать ту или другую душевную дѣятельность: это есть сила самообладанія или разсудокъ. Слѣдовательно, развитіе духа совершается по слѣдующимъ тремъ ступенямъ: начало жизненнаго возбужденія составляетъ чувственное возбужденіе разума, далѣе, чувственная жизнь развивается по законамъ памяти, привычки и ассоціаціи; это есть низшій привычный ходъ мыслей. И наконецъ, духъ овладѣваетъ собою чрезъ самообладаніе разсудка, это высшій ходъ мыслей, управляемыхъ послѣднимъ.

Послѣдняя цѣль духовной жизни заключается въ развитіи ея; она достигается изслѣдованіемъ истины въ познавательной

области, творчествомъ религіознаго міросозерцанія, образуемаго сердцемъ, для котораго вспомогательнымъ средствомъ служитъ искусство, стремленіемъ къ идеѣ блага и справедливости, осуществляемымъ въ государствѣ. Въ такомъ порядкѣ Фризъ и разсматриваетъ духовныя явленія въ подробности. Прежде всего, онъ анализируетъ спекулятивную область, управляемую идеей истины: дѣятельность внѣшнихъ чувствъ, математическое представленіе и продуктивное воображеніе, нисшій ходъ мыслей въ познаваніи: факты памяти, силу воображенія, господствующаго надъ всѣмъ нисшимъ ходомъ мыслей, силу мышленія, обнаруживающуюся въ мыслящемъ разсудкѣ и разумѣ. Фризъ переходитъ къ разсмотрѣнію созерцательной области человѣческой жизни, управляемой сердцемъ или идеей красоты. Онъ разсматриваетъ роды удовольствія и стремленія: чувственныя, нравственныя, стремленія любви и развитіе ихъ, подъ вліяніемъ нисшаго хода мыслей и разсудка, и съ такихъ же точекъ зрѣнія онъ разсуждаетъ объ области вкуса. Есть еще практическая область человѣческой жизни, подъ вліяніемъ воли или идеи блага. Въ ней обнаруживаются: рѣшеніе, воля, мощь, дѣло, различныя движенія сердца и основные аффекты, страсти, продолжительныя настроенія, различные виды желаній, желанія развитія духа, соціальныя. Эта часть Антропологіи полна весьма цѣнныхъ замѣтокъ о наименѣе изслѣдованной области воли. Указанное содержаніе изложено въ первомъ томѣ Антропологіи.

Вторая часть занимается, прежде всего, вопросомъ о взаимодѣйствіи тѣла и духа. Подобно Канту, Фризъ различаетъ умопостигаемое существо души, вѣчной, безсмертной и безтѣлесной сущности и свободной воли, данное какъ предметъ вѣры, а не познанія. Эмпирическое существованіе души должно быть объясняемо независимо отъ идеальнаго взгляда. Мы наблюдаемъ его чрезъ внѣшнее и внутреннее чувство, не самое существо, а только дѣятельности, и притомъ, для перваго даны тѣлесныя, для втораго душевныя. Мы познаемъ двѣ стороны одного и того же существа, но столь различныя, что явленія въ одной никогда не могутъ служить объясненіемъ явленій въ другой. Поэтому Фризъ допускаетъ изслѣдованіе параллелизма между состояніями тѣла и духа и трактуетъ о волненіяхъ въ тѣлѣ, снѣ и бодрствованіи, здоровьѣ и болѣзни, не отказываясь разсматривать и странныя явленія въ нервной системѣ: сомнамбулизмъ и магнетизмъ, душевныя болѣзни. Послѣдній отдѣлъ второй части Антропологіи

составляетъ анализъ ступеней развитія душевной жизни и различій между людьми.

Этотъ трудъ Фриза полонъ самыхъ разнообразныхъ дѣльныхъ замѣчаній о духовной жизни. Задачи Антропологіи указаны имъ почти вполнѣ и анализъ воли имъ значительно углубленъ. Онъ понимаетъ ея большое значеніе для всей духовной дѣятельности. Примыкая къ Канту, Фризъ гораздо удачнѣе его систематизируетъ содержаніе антропологическихъ наблюденій, во многомъ дополняетъ и даже переработываетъ его взгляды на душевную жизнь. Но нѣкоторая неясность и сбивчивость въ изложеніи первой части Антропологіи, слишкомъ много требующей вниманія отъ читателя, были вѣроятными причинами, почему его скромное, но цѣнное научное дѣло осталось въ тѣни и теперь почти забыто.

Идеалистическая Психологія. Фихте, Гегель и его школа.

Идеализмъ, вышедшій изъ Канта и принимавшій различныя формы въ ученіяхъ Фихте, Шеллинга и Гегеля, основалъ особое направленіе въ нашей наукѣ и далъ ей оригинальную форму. Не признавая значенія опыта и не допуская возможности дѣйствованія внѣшнихъ впечатлѣній на субъектъ и даже самаго существованія внѣшнихъ предметовъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно предполагается обыкновенно, Фихте старался открыть первоначальные акты духа и порядокъ, въ какомъ они полагаются имъ, дабы изъ нихъ выяснить міръ явленій, какъ онъ данъ во внѣшнемъ и внутреннемъ опытѣ. Полагая принципъ Философіи въ сторонѣ интеллигенціи, въ „я“, этотъ философъ отъ первоначальнаго акта, которымъ „я“ полагаетъ себя, какъ таковое, и „не я“, какъ себѣ противоположное, послѣдовательно приходитъ къ актамъ, которыми полагается созерцаніе, категоріи, воображеніе и разумъ (Wissenschaftslehre). Фихте построяетъ самое тѣло человѣческое, какъ органъ дѣйствованія духа (Rechtslehre). Его построенія отвѣчаютъ на вопросъ, почему такой, а не другой порядокъ развитія духа, и изслѣдуютъ порядокъ, въ какомъ интеллигенція сама образуетъ себя. Отъ этихъ дедукцій психологическій анализъ ничего не пріобрѣлъ, но онѣ раскрываютъ смыслъ формъ, преимущественно познавательной, дѣятельности и доказываютъ, что даже въ тѣхъ состояніяхъ духа, которыя съ эмпи-

рической точки зрѣнія признаются пассивными, есть самодѣятельность и что принужденіе для духа, идущее, повидимому, отъ внѣшнихъ предметовъ, заставляющихъ его признавать внѣшнее, независимое отъ него, бытіе, есть, въ сущности, самопринужденіе и самоограниченіе интеллигенціи. Во второмъ періодѣ своей дѣятельности Фихте пытался ближе подойти къ содержанію опытной Психологіи и изслѣдовать значеніе способовъ и формъ теоретической и практической дѣятельности, не отказываясь, однако, отъ мысли, что въ нихъ обнаруживается самодѣятельность и самоограниченіе духа. Изъ этого періода мы имѣемъ сочиненіе его: „Thatsachen des Bewusstseins“ (1813), въ которомъ онъ изслѣдуетъ явленія въ областяхъ познанія и практической дѣятельности. Принимая ихъ какъ фактъ, данный во внутреннемъ чувствѣ, Фихте восходитъ къ сверхчувственнымъ его основамъ. Анализуя воспріятіе, онъ находитъ въ немъ фактъ опредѣленныхъ ощущеній и созерцанія пространства и доказываетъ, что въ немъ уже есть мышленіе: въ моментъ воспріятія мы не только ощущаемъ предметъ и созерцаемъ его, но мыслимъ его. Во всякомъ воспріятіи есть сознаніе, но не простое, а сложное: въ немъ есть, какъ мы сказали, мышленіе и самосозерцаніе, синтетически соединенныя въ одно цѣлое. Самосозерцаніе здѣсь тоже двойное: оно есть созерцаніе частію своего собственнаго состоянія, частію своей способности представлять (представленіе безконечнаго пространства). И въ рефлексіи есть созерцаніе и мышленіе; первое здѣсь сказывается, какъ знаніе своего знанія и знаніе принципа, второе полагаетъ свое собственное бытіе, какъ мыслящаго субъекта и объекта внѣшняго воспріятія. Такъ какъ рефлексія свободна, то въ ней является сила воображенія. Оно обращается къ воспроизведенію внѣшняго воспріятія и руководится правиломъ послѣдняго. Сравнительно съ ощущеніемъ, оно дѣйствуетъ свободно. Способность воспоминанія и есть свободное воображеніе, подчиненное волѣ и понятію; тогда какъ въ мышленіи состояніе представляется какъ необходимое вообще, въ воспоминаніи оно является какъ пережитое. Памятованіе есть необходимая составная часть сознанія: безъ него невозможно было бы сознаніе „я“, какъ чего-то постоянно пребывающаго въ смѣнѣ состояній.

Духовная жизнь, встрѣчаясь съ препятствіями, ограничивающими ее, обнаруживаетъ стремленіе. Она сознаетъ свое ограниченіе и это сознаніе есть чувство; способность его именуется внутреннимъ чувствомъ. По поводу противодѣйствія свободное во-

ображеніе создаетъ образъ противодѣйствія, являющееся „я“, какъ матерія, и такъ какъ она можетъ двигаться лишь чрезъ посредство матеріи же, то „я“ полагаетъ себя какъ матеріальный принципъ, или матеріальное организованное тѣло и затѣмъ, послѣдовательнымъ рядомъ умственныхъ актовъ, доходитъ до системы различныхъ духовъ и цѣлаго чувственнаго міра. Съ признаніемъ существованія другихъ существъ, полагается моральная связь между ними и является возможность нравственной дѣятельности. Свобода духа есть лишь средство для осуществленія высшаго нравственнаго закона; онъ является принципомъ жизни, конечною цѣлью всякаго индивидуума, становящагося нравственнымъ въ продолженіи этой земной жизни.

Для психологическаго анализа мы не встрѣчаемъ чего-либо новаго въ указанныхъ „фактахъ сознанія“ Фихте. Но они любопытны, какъ изслѣдованія внутренней связи между эмпирически найденными фактами сознанія. Данныя самонаблюденія представляются ему, какъ рядъ необходимыхъ, взаимно вытекающихъ и условливаемыхъ актовъ духа. Логическимъ мѣстомъ каждаго акта въ системѣ ихъ указывается смыслъ и значеніе его. Жизнь духа съ этой точки зрѣнія есть послѣдовательное полаганіе духомъ актовъ, логически необходимо слѣдующихъ одинъ за другимъ и направляющихся къ одной конечной цѣли.

Послѣднее слово этого раціоналистическаго направленія въ нашей наукѣ, превращающаго всю жизнь духа въ рядъ актовъ по преимуществу разума, или разумной интеллигенціи, мы встрѣчаемъ у Гегеля (1770—1831). Собственно Психологіей у него можетъ быть названа часть Философіи духа, ученіе о такъ называемомъ субъективномъ духѣ (Hegels Werke. B. VII). Она должна выполнить слѣдующія требованія: во-первыхъ, всѣ свойства и способности духа вывести изъ его понятія, такъ чтобъ они имѣли характеръ необходимости, а не случайности, какая усволяется имъ эмпирическою Психологіей; во-вторыхъ, такъ какъ духъ въ высшей степени подвиженъ и всѣ его опредѣленія суть моменты и ступени развитія, то обзоръ выраженій его природы должно дѣлать не по мертвымъ неподвижнымъ категоріямъ, какъ поступаетъ раціональная Психологія, а въ понятіяхъ, которыя въ себѣ самихъ заключаютъ требованія перехода къ другимъ высшимъ понятіямъ и выражаютъ подвижную натуру духа. Чтобы удовлетворить этимъ требованіямъ Психологія должна усвоить себѣ методъ, общій и прочимъ философскимъ наукамъ, діалектическій.

Въ гегелевской системѣ Психологія, какъ Философія духа въ обширномъ смыслѣ, занимаетъ мѣсто сряду за Философіей природы. Свое понятіе для дальнѣйшаго его развитія въ психологическую идею она беретъ изъ нея. Самый высшій моментъ развитія идеи, которая въ своемъ инобытіи стала природою, есть организмъ. Но именно потому, что понятіе организма осуществляется въ индивидуумахъ, а индивидуумъ есть конечное существо, каждый индивидуальный организмъ носитъ въ себѣ зародышъ смерти: ею уничтожается послѣдній моментъ инобытія природы. Она становится для себя, т. е. уничтожая свое инобытіе, она переходитъ въ противоположный моментъ развитія, становится для себя, духомъ. Онъ есть истина природы, высшій моментъ, въ которомъ исчезаетъ ея инобытіе. Его отличительное опредѣленіе заключается въ идеальности, или бытіи для себя, въ противоположность бытію въ себѣ логической идеи и инобытію идеи въ природѣ. Отношеніе духа къ природѣ заключается въ томъ, что онъ отрицаетъ внѣшность природы. Мы не должны думать о выхожденіи духа изъ природы такъ, какъ будто бы она имѣла фактическое prius предъ духомъ, производила бы его; онъ вовсе не результатъ ея: ибо сама природа, какъ и логическая идея, есть тоже духъ на извѣстной степени развитія. Слѣдовательно, и переходъ отъ природы къ духу, не есть переходъ къ чему-нибудь совершенно инородному, а какъ бы возвращеніе къ себѣ духа, совлекшагося инобытія природы.

Но въ началѣ духъ не имѣетъ еще никакихъ опредѣленій или признаковъ: онъ есть чистое отвлеченіе, нѣчто общее, не имѣющее въ себѣ никакихъ частностей. Развитіе духа въ томъ и состоитъ, что онъ съ каждымъ моментомъ своего движенія, даетъ себѣ опредѣленія, выясняющія его духовную натуру. Прежде всего, онъ устанавливаетъ свои отношенія къ себѣ же самому: онъ реализуетъ себя въ понятіи о себѣ, сознаніи самаго себя; это субъективный духъ. Но лишь только онъ сдѣлался для себя тѣмъ, что онъ есть по своей реальной натурѣ, онъ становится субъективнымъ духомъ. Онъ является здѣсь въ реальной формѣ, имъ созданномъ мірѣ, какъ лицо, обладающее реальною свободою, не идеальною только, какъ субъективный духъ. Наконецъ, высшая степень развитія духа есть абсолютный духъ, какъ въ себѣ и для себя существующее и вѣчно воспроизводящее себя единство объективности духа и его идеальности, т. е. понятія.

Итакъ природа служитъ предположеніемъ духа: послѣдній

исходитъ изъ первой, ибо каждому человѣку природа даетъ бытіе. На этой ступени развитія духъ находится въ непосредственномъ единствѣ съ природою. Онъ носитъ въ себѣ главнымъ образомъ естественныя опредѣленія (вліянія климата, почвы). Розенкранцъ, ученикъ Гегеля (его психологическій трудъ въ духѣ воззрѣній послѣдняго: Psychologie oder die Wissenschaft vom subjectiven Geiste) называетъ духъ въ этотъ моментъ физическою монадой, индивидуальною единицей. Всѣ духовные начатки его сущности характеризуются еще зависимостію отъ природы. Только на ступени сознанія онъ приходитъ, такъ сказать, въ себя и какъ субъектъ различаетъ себя отъ всего, что́ не онъ, и что̀ для него составляетъ объектъ. Но какъ субъективность, какъ „я“, онъ имѣетъ для себя границы въ объектѣ, „не я“, и только на степени личности духъ чувствуетъ себя свободнымъ, какъ въ своемъ познаніи, теоретически, такъ и въ своей волѣ, практически.

На этомъ основывается дѣленіе Психологіи на три части. Первую часть Гегель назвалъ Антропологіей, предметъ которой есть ученіе объ естественной индивидуальности. Вторая часть у него названа Феноменологіей, такъ какъ она занимается тѣми формами духа, въ которыхъ онъ является, когда противополагаетъ себя объекту, или дѣйствительности. Третья часть есть Психологія, или ученіе о духѣ свободномъ въ себѣ самомъ. Розенкранцъ находитъ названіе Пневматологіи для этой части болѣе идущимъ къ дѣлу.

И такъ задача Психологіи, по Гегелю, состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить всѣ формы развитія, начиная съ той поры, какъ человѣкъ только что рождается въ свѣтъ, выходитъ изъ природы, и до того момента, когда онъ является духомъ, свободнымъ теоретически и практически. Каждая черта, пріобрѣтаемая имъ въ своемъ развитіи, есть только моментъ его, ступень. Ненужно однакожь, представлять себѣ разныя состоянія и дѣятельности его, какъ разныя положенія, которыя онъ принимаетъ послѣдовательно въ разное время, или какъ формы, въ которыя онъ послѣдовательно облекается. Духъ есть все, чѣмъ онъ только можетъ дѣлаться въ разные моменты своего развитія, слѣдовательно, implicite ему присущи всѣ дѣятельности, по времени же, въ каждомъ моментѣ, онъ только то, чѣмъ онъ въ эту минуту дѣлается actu, слѣдовательно explicite, онъ всегда является подъ какой нибудь формой, въ которой открываетъ себя въ извѣстную минуту. Но временное преемство пред-

полагаетъ и логическое. Одна дѣятельность духа служитъ необходимымъ условіемъ другой, какъ бы ея предположеніемъ. Духъ долженъ осуществить все, таящееся въ немъ въ возможности; простѣйшіе моменты должны поэтому имѣть и въ наукѣ и въ дѣйствительности prius предъ сложнѣйшими, такъ какъ простѣйшіе уже потому, что не могутъ вполнѣ выразить природы духа, необходимо должны отрицать самихъ себя и вызывать требованіе болѣе сложныхъ моментовъ.

Какъ и слѣдуетъ наукѣ, построяемой діалектическимъ методомъ, Антропологія дѣлится на три части. (Въ изложеніи мы будемъ здѣсь слѣдовать Розенкранцу). Первая часть трактуетъ о духѣ въ его непосредственномъ единствѣ съ естественностію; вторая—о борьбѣ духа съ тѣлесностію; третья говоритъ о символическомъ явленіи духа въ его тѣлѣ: каждая изъ этихъ частей имѣетъ новыя троякія подраздѣленія. Часть, трактующая о духѣ въ его непосредственномъ единствѣ съ природою, подраздѣляется на трактаты: 1) объ естественныхъ качествахъ духа; 2) естественныхъ измѣненіяхъ его и 3) ощущеніи. Въ отдѣлѣ о борьбѣ духа съ тѣлесностію разсуждается объ явленіяхъ сна, самочувствіи какъ больномъ, такъ и здоровомъ, о привычкахъ. Подъ символическимъ явленіемъ духа въ его тѣлесности, Розенкранцъ разумѣетъ выраженія: мимическое, физіогномическое и краніологическое.

Феноменологія изслѣдуетъ разные моменты сознанія: чувственную увѣренность, воспринимающее и понимающее сознаніе, моменты самосознанія и разумнаго самосознанія. Пневматологія изслѣдуетъ теоретическій и практическій духъ: въ область перваго входятъ созерцаніе, представленіе (припоминаніе, воображеніе, память) и мышленіе. Практическій духъ обнаруживается въ практическомъ чувствованіи, сердцѣ (желаніе, склонность, страсть) и блаженствѣ.

Психологія, выработавшаяся въ гегелевской школѣ, есть характерный образецъ идеалистической Психологіи. Психологическая жизнь имѣетъ въ мірѣ особый смыслъ и не всѣ ея формы одинаково важны по отношенію къ этому смыслу; хотя всѣ явленія душевной жизни чрезвычайно перепутываются и представляютъ собою сложную систему, не всѣ они имѣютъ одинаковое значеніе по внутреннему богатству и полнотѣ раскрывшагося въ нихъ психическаго содержанія. Въ этомъ отношеніи цѣли и задачи Психологіи гегелевской школы имѣютъ для насъ особую цѣну.

Несомнѣнно, что она много сдѣлала для истолкованія душевныхъ явленій съ этой именно стороны. Діалектическій выводъ одного психическаго качества изъ другаго, одной дѣятельности изъ другой, предполагаетъ несомнѣнно цѣль, къ осуществленію которой духъ стремится чрезъ всѣ посредствующія формы своей дѣятельности; душевныя явленія получаютъ значеніе средствъ, необходимыхъ для осуществленія цѣли духа. Психологія была бы не полною наукою и главное, была бы лишена философскаго характера, если бы опустила изъ виду смыслъ и значеніе формъ психической жизни.

Реалистическая Психологія Гербарта.

Типъ реалистической Психологіи данъ Гербартомъ (1776 - 1841) и его школою. Наша наука должна основываться на опытѣ, Метафизикѣ и Математикѣ. (Herbarts sämmtliche Werke, hrs. Hartenstein B. V, VI). Тогда какъ Кантъ прямо выставляетъ внутренній опытъ, какъ исключительное основаніе Психологіи, Гербартъ критикуетъ значеніе и цѣнность свѣдѣній, доставляемыхъ имъ, и приходитъ къ выводу, что онъ не можетъ производиться намѣренно: только мимоходомъ мы становимся зрителями собственной духовной жизни. Притомъ, опытъ даетъ намъ факты, въ которыхъ много противорѣчій и неопредѣленности: необходимъ дополнительный пріемъ мышленія, который устранилъ бы противорѣчія. Гдѣ они неизбѣжны, тамъ легко дополнять и улучшать понятія посредствомъ указанія отношеній: мы имѣемъ право предполагать здѣсь, что въ противорѣчущихъ признакахъ есть связь, въ силу которой одинъ необходимо предполагаетъ другой и одинъ безъ другого не можетъ быть мыслимъ. Иныя отношенія очевидны и необходимо только указать ихъ; другія требуютъ нѣкотораго вниманія и логическихъ умозаключеній; третьи заключаютъ въ себѣ противорѣчія и тогда нужно отыскивать дѣйствительныя отношенія по методу, который Гербартъ называетъ методомъ отношеній. Вся Психологія есть ничто иное, какъ дополненіе фактовъ, пріобрѣтенныхъ путемъ внутренняго опыта, и въ этомъ только смыслѣ, для указанныхъ цѣлей, необходимо переступать опытъ.

Необходимость измѣнять и дополнять понятія внутренняго опыта ставитъ Психологію въ зависимость отъ Метафизики. Пси-

хологическіе факты указываютъ на множество опредѣленій, которыя должны быть приписаны единой душѣ, чѣмъ необходимо возбуждается вопросъ: въ какой мѣрѣ многое можетъ быть приписано единому? это можетъ быть рѣшено ученіемъ о субстанціи. Съ другой стороны, все, усмотрѣнное нами внутренно, имѣетъ чрезвычайно подвижной характеръ: оно указываетъ на измѣнчивую природу души и относится вообще къ области измѣняющагося; отсюда необходимость теоріи измѣненія. Поэтому, безъ Метафизики законченная Психологія не возможна. Связь Психологіи съ Метафизикой не противорѣчитъ тому, что первая должна быть основана, между прочимъ, на опытѣ: послѣдній служитъ почвой для обѣихъ наукъ.

Но, кромѣ опыта и Метафизики, можетъ оказать существенную пользу нашей наукѣ и Математика. Математическій характеръ Психологіи Гербарта существенно отличаетъ ее отъ ученія другихъ школъ. Душевныя состоянія постоянно измѣнчивы и ни одно изъ нихъ не бываетъ на продолжительное время въ одной степени силы. Слѣдовательно, необходимо допустить одно изъ двухъ: или въ фактахъ сознанія нѣтъ никакой правильности, или они имѣютъ совершенно математическій характеръ. Нѣкоторая количественная сторона въ нихъ, несомнѣнно, есть; представленія различныхъ степеней, такъ сказать, спорятъ между собою за сознаніе (ясность), взаимно вытѣсняютъ себя изъ него, ослабѣваютъ или усиливаются; есть разныя степени продолжительности ихъ, скорости въ смѣнѣ, силѣ и вѣрности, легкости или трудности воспоминанія и т. д.

Изслѣдованія должны начаться разборомъ чертъ какого нибудь наиболѣе постепеннаго и менѣе измѣнчиваго психологическаго явленія, чтобы затѣмъ синтетически дойти до психологическихъ началъ, изъ которыхъ должны быть объяснены всѣ другія душевныя явленія. Для начала изслѣдованій онъ избираетъ наше „я“, такъ какъ изъ него всего удобнѣй могутъ быть выводимы математически опредѣляемые законы сознанія.

Не передавая въ подробности анализа „я“, мы вкратцѣ укажемъ ходъ разсужденій Гербарта. Наше „я“, принимается за тожество субъекта и объекта; но если требовать точнаго опредѣленія, что̀ за субъектъ и объектъ мыслятся въ немъ, то мы получаемъ простой circulus in definiendo. По методу отношеній, слѣдуетъ заключить, что оно основывается на многихъ разнообразныхъ объективныхъ причинахъ, изъ которыхъ каждая,

взятая сама по себѣ только, совершенно случайна. Но такъ какъ въ душѣ объективныхъ причинъ, кромѣ представленій, быть не можетъ, то они должны находиться въ такомъ соотношеніи одно къ другому, что лицо освобождается отъ чисто предметныхъ представленій и представляетъ только само себя. Слѣдовательно, представленія должны какъ нибудь связывать одно другое, потемнять или уничтожать, чтобы представленіе „я“ могло быть свободнымъ и быть въ сознаніи, благодаря взаимному ослабленію прочихъ представленій. Отсюда два слѣдствія: 1) противоположныя представленія взаимно тѣснятъ, давятъ одно другое, слѣдовательно, потемняются; во 2) въ мѣрѣ своего потемнѣнія, представляющія дѣятельности превращаются въ стремленія. Значитъ, представленія дѣйствуютъ по отношенію другъ къ другу, какъ противодѣйствующія силы. Впрочемъ, они не могутъ быть названы въ реальномъ смыслѣ силами: ибо они становятся ими только при извѣстныхъ обстоятельствахъ, именно когда встрѣчаютъ препятствія въ другихъ представленіяхъ. Поэтому должна существовать мѣра этихъ силъ и притомъ, весьма измѣняющаяся, такъ какъ представленія въ разныхъ степеняхъ бываютъ противоположны одно другому.

Для Математики открывается обширное поле изслѣдованій. Она должна опредѣлить, какъ велики должны быть въ каждомъ данномъ случаѣ степень потемнѣнія, сила давленія и стремленія и остающаяся свободная часть силы представленія. Такъ какъ постепенное восхожденіе представленія отъ одной степени силы къ другой имѣетъ весьма близкое сходство съ движеніемъ, то Гербартъ создалъ теорію потемнѣнія и проясненія представленій, на подобіе физической теоріи паденія тѣлъ; онъ допустилъ и въ Психологіи подраздѣленія этой теоріи на статику и механику: первая имѣетъ дѣло съ равновѣсіемъ представленій; вторая есть ученіе о скорости, съ какою происходитъ потемнѣніе, и времени, какое проходитъ до его окончанія.

Психологическая статика должна имѣть въ виду двѣ цѣли: 1) опредѣлить общую сумму давленія и 2) пропорцію, въ какой распредѣляется это давленіе по представленіямъ. Въ этомъ случаѣ она можетъ опредѣлить статическій пунктъ каждаго представленія, т. е. степень его потемнѣнія при извѣстномъ равновѣсіи. Если представленія потемняютъ одно другое, потому что они противоположны, то сумма давленія должна зависѣть отъ степени силы и противоположности ихъ; представленіе должно

испытывать давленіе въ обратно пропорціональномъ отношеніи къ своей силѣ и взаимное ихъ дѣйствіе должно прямо соотвѣтствовать взаимной противоположности.

Механика имѣетъ предметомъ своимъ законы движенія представленій. Если ко многимъ представленіямъ, которыя были уже близки къ равновѣсію, присоединяется новое, то при этомъ происходитъ движеніе, при которомъ представленіе сначала спускается до своего статическаго пункта и затѣмъ быстро восходитъ. Здѣсь слѣдуетъ различать три случая: 1) какое нибудь старое представленіе можетъ быть совершенно вытѣснено на нѣкоторое время изъ сознанія новымъ гораздо слабѣйшимъ; оно не уничтожается, но борется съ представленіями, находящимися въ сознаніи; оно производитъ поэтому состояніе сознанія, хотя при этомъ самый предметъ его и не представляется, слѣдовательно, имѣетъ minimum сознанія или находится на порогѣ его. Это есть механическій порогъ сознанія; кромѣ его, есть еще статическій, когда представленія изъ состоянія полнаго потемнѣнія только что переходятъ въ сознаніе. 2) Время, въ продолженіе котораго одно или нѣсколько представленій находятся на механическомъ minimum сознанія, можетъ быть продолжено, если преемственно приходитъ рядъ новыхъ, хотя и слабыхъ, представленій; таково наприм. состояніе человѣка при продолжительномъ занятіи. 3) Если многія представленія одно за другимъ переходятъ на механическій minimum сознанія, то быстро возникаютъ, кажущіеся внезапными, измѣненія въ законахъ душевныхъ движеній.

Тогда какъ противоположныя представленія тѣснятъ одно другое, подобныя совершенно или въ нѣкоторой только степени должны соединяться одно съ другимъ. Основаніе для обоихъ процессовъ, т. е. взаимодавленія и соединенія представленій, заключается въ единствѣ души. Внѣшнія впечатлѣнія вызываютъ въ ней акты самосохраненія, которые должны бы слиться вмѣстѣ и представлять въ результатѣ одно интенсивное дѣйствіе, чего они не могутъ, однако же, сдѣлать, по противоположности своей, и потому соединяются, но не сливаются. Соединяющіяся представленія могутъ образовывать ряды и для нихъ Гербартъ пытался создать механику и статику.

Въ синтетической части Психологіи Гербартъ занимался основными началами и законами душевной жизни; въ аналити-

ческой онъ старается приложить добытые результаты къ явленіямъ душевной жизни въ частности.

Онъ разбираетъ въ ней факты чувства и воли. Такъ какъ Гербартъ отвергалъ существованіе какихъ либо способностей въ душѣ, за исключеніемъ способности самосохраненія, то онъ долженъ былъ признать ихъ выводными слѣдствіями взаимоотношеній между представленіями. Чувство является, когда на какомъ либо представленіи уравновѣшивается борьба другихъ представленій и оно пребываетъ въ сознаніи, потому что связано, наприм. по ассоціаціи, съ другими представленіями. Стремленіе, или желаніе, есть такое состояніе сознанія, при которомъ одно какое нибудь представленіе восходитъ къ болѣе и болѣе ясному сознанію, не смотря на всѣ препятствія со стороны другихъ представленій, и своимъ положеніемъ опредѣляетъ положеніе и отношенія всѣхъ другихъ представленій, такъ какъ съ каждымъ шагомъ его къ болѣе ясному сознанію, по необходимости, должны измѣняться взаимныя отношенія къ нему другихъ представленій. Такимъ образомъ воля и чувство не имѣютъ у Гербарта значенія самостоятельныхъ дѣятельностей: они только побочныя состоянія представляющаго сознанія. Эту точку зрѣнія удержала и школа Гербарта, какъ это видно изъ сочиненія Наловскаго (Nahlowsky: Das Gefühlleben, 1862): различные виды чувствованій послѣдній выводитъ изъ взаимоотношенія представленій. Гербартъ указываетъ далѣе, какъ образуются представленія пространства и времени, категорій.

Гербартъ стремился придать точный характеръ наукѣ о душѣ: онъ пользовался, какъ мы видѣли, тремя могущественными пособіями опыта, Метафизики и Математики. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что если когда суждено будетъ Психологіи сдѣлаться вполнѣ точною наукою, то, конечно, при помощи тѣхъ же, указанныхъ Гербартомъ, средствъ. Можно не соглашаться съ его Метафизикой, можно считать его приложеніе Математики къ Психологіи неудавшимся, но нельзя не согласиться, что правильная Метафизика можетъ дать вѣрныя начала для Психологіи и что математическая Психологія есть научная мечта.

Гербартъ — реалистъ въ Метафизикѣ и потому Психологія его имѣетъ реальный характеръ. Мы видѣли, что онъ душу считаетъ за одно изъ реальныхъ существъ и прилагаетъ къ ней тѣ же метафизическія предположенія, какія онъ нашелъ логически возможными по отношенію къ реальному существу вообще. Съ другой стороны, какъ реалистъ, Гербартъ преимущественно

имѣетъ въ виду указать причинную связь между душевными явленіями: классификація ихъ у него дѣло второстепенное, въ указаніе же значенія и смысла формъ душевной жизни онъ со всѣмъ не входитъ.

Сочетаніе идеализма съ реализмомъ: Фихте млад., Лотце. Ульрици.

Изъ сознанія односторонности направленій: идеальнаго и реальнаго, возникли различныя попытки соединить какъ то, такъ и другое въ Философіи вообще и въ Психологіи въ частности Идеально-реальная школа возникла изъ сознанія глубокаго разлада между послѣ-кантовскими идеальными направленіями въ Философіи и развитіемъ естественныхъ наукъ. Ея цѣль, вчитѣ съ идеальнымъ значеніемъ вещей и формъ жизни, указать реальную связь и порядокъ въ мірѣ явленій. Въ Психологіи это направленіе обнаруживается тѣмъ, что оно нигдѣ неопускаетъ изъ виду взаимодѣйствія души и тѣла, какъ идеальнаго, и реальнаго началъ въ человѣкѣ, и послѣдствій той связи между ними, которая направляетъ, препятствуетъ, способствуетъ и видоизмѣняетъ душевныя состоянія. Но за реальною связью между душевными состояніями и тѣлесными дѣятельностями, оно незабываетъ идеальнаго смысла и значенія формъ душевной жизни. Какъ представителей этого направленія, мы упоминаемъ Фихте, сына, Лотце и Ульрици.

Душа есть идеально-реальное существо, — въ этомъ положеніи согласны первые два ученые. Но въ чемъ состоитъ ея реальный характеръ, какія реальныя средства у нея подъ рукой, въ какихъ отношеніяхъ находится она къ реальному тѣлу, въ рѣшеніи этихъ вопросовъ они сильно разошлись.

Для Фихте (его сочиненія: Anthropologie. Die Lehre von der menschlichen Seele, 1860; Psychologie. Die Lehre von bewussten Geiste des Menschen, 1864) быть реальнымъ значитъ имѣть качественное, опредѣленное бытіе. Дѣйствительное же качество не мыслимо безъ того, чтобы оно не заключало въ себѣ еще количественной формы, опредѣляемой качественнымъ свойствомъ. Слѣдовательно. все реальное должно подлежать исчисленію, измѣренію, должно имѣть опредѣленный объемъ. т. е. должно полагать себя, какъ нѣчто пространственное и временно продолжю-

щееся. Въ приложеніи къ душѣ реальность имѣетъ особенный смыслъ. Количественное выраженіе въ пространствѣ и времени означаетъ ея тѣлесность: ибо въ тѣлѣ она выражаетъ свою реальную сторону, создавая въ немъ свой количественный, пространственный и временной образъ. Такимъ созданіемъ души нельзя считать обыкновенное тѣло, собраніе веществъ, управляющихся физическими и химическими законами. Фихте естественно пришелъ къ понятію внутренняго тѣла. Оно есть нѣчто среднее, посредствующее между душою и физическими элементами, составляющими видимое тѣло; оно есть произведеніе душевной фантазіи въ той мѣрѣ, въ какой душа даетъ выраженіе своимъ чувствамъ и стремленіямъ въ извѣстныхъ тѣлесныхъ органахъ. Внутреннее тѣло оказываетъ сильнѣйшее реальное дѣйствіе на физическія вещества, изъ которыхъ оно составляетъ себѣ внѣшнее тѣло; оно неразрушимо и смерть, постигающая послѣднее, не касается его. Всѣ факты зависимости души отъ тѣла объясняются перемѣннымъ распредѣленіемъ душевной силы на сознательныя и безсознательныя отправленія: чѣмъ болѣе душа тратитъ свои силы на первыя, тѣмъ менѣе остается у нея энергіи для вторыхъ.

Психологія должна обратить вниманіе и на ту сторону духа, которая связываетъ его съ вѣчностію. Общее чувство въ человѣкѣ неопровержимымъ образомъ указываетъ, что онъ есть странникъ въ этомъ мірѣ и что высшія не земныя стремленія составляютъ цѣль человѣческой дѣятельности. Психологія была бы не полною наукой, если бы она не усиливалась раскрыть смыслъ душевной жизни и разгадать загадку бытія. Фихте допускаетъ возможность ясновидѣнія, необыкновенныхъ состояній, сношеній съ другимъ міромъ и эти вѣрованія составляютъ отличительную черту психологическаго направленія, представляемаго Фихте. Настоящая жизнь понятна, только какъ отрывокъ будущей. Поэтому Психологія и Антропологія должны заканчиваться въ Теософіи и служить для нея основаніемъ. Человѣкъ долженъ знать вѣчное, но онъ можетъ найти его только въ Богѣ. Познавая въ себѣ самомъ элементъ вѣчнаго, онъ можетъ пользоваться самопознаніемъ, какъ источникомъ Богопознанія.

Вліяніе Гегеля и Гербарта очевидно въ Психологіи Фихте. Не усвоивъ себѣ ни діалектическаго метода, ни предпочтенія абстрактнаго мышленія, Фихте согласенъ, однако же, съ Гегелемъ, что все развитіе душевной жизни есть рядъ одинъ изъ дру-

того развивающихся моментовъ, что въ нихъ раскрывается вѣчное и необходимое содержаніе духа. Гербартовская мысль объ единствѣ и простотѣ души отразилась въ Психологіи понятіемъ влеченія, какъ основнаго качества души, изъ котораго могутъ быть выведены всѣ другія дѣятельности ея. Въ развитіи духа Фихте различаетъ три ступени: восхожденіе къ сознанію, сознаніе въ собственномъ смыслѣ и самосознаніе, какъ свободное выраженіе духа. На первой ступени — три основныхъ опредѣленія сознанія: чувство, воля и ощущеніе; они находятся въ нераздѣльномъ единеніи, такъ что нѣтъ чувственнаго ощущенія, которое не возбуждало бы въ душѣ извѣстнаго чувства и стремленія и т. д.

Состоянія первой ступени развитія чрезвычайно перемѣнчивы: душа ощущаетъ постоянно измѣняющіяся впечатлѣнія внѣшнихъ вещей и чувствуетъ, сообразныя съ внѣшними, внутреннія перемѣны чувства и стремленія. Но духъ начинаетъ замѣчать свое неизмѣнное единство при всѣхъ многообразныхъ состояніяхъ, различать себя отъ внѣшняго міра, отъ всего, что не онъ. Духъ дѣлается такимъ образомъ сознательнымъ, т. е. онъ вовсе не теряется въ каждомъ своемъ состояніи, а становится выше его, признавая его своимъ.

Наконецъ, душа возвышается до сознательнаго познанія, чувства и воли. Каждая изъ этихъ дѣятельностей становится отдѣльнымъ сознательнымъ отправленіемъ духа, не теряя, конечно, въ тоже время взаимныхъ тѣсныхъ отношеній между собою. На этой третьей ступени духъ достигаетъ формы свободнаго, въ своихъ противоположностяхъ властнаго „себя“, такъ какъ онъ непосредственное содержаніе сознанія снова дѣлаетъ предметомъ новой своей дѣятельности.

Фихте болѣе идеалистъ, чѣмъ реалистъ, хотя онъ хотѣлъ быть тѣмъ и другимъ въ одинаковой степени. Это можно видѣть изъ того, что главное вниманіе его устремлено на идеальное содержаніе душевной жизни (которое онъ называетъ ея содержаніемъ a priori) и главное усиліе его направлено къ тому, чтобы вывести изъ него какъ всѣ формы душевной дѣятельности, такъ и самое устройство тѣлесной стороны человѣка. О Лотце, къ которому мы переходимъ, по крайней мѣрѣ въ методическомъ отношеніи, должно сказать, что онъ болѣе реалистъ, чѣмъ идеалистъ. Вездѣ въ психологическихъ трудахъ своихъ онъ старается указать независимость идеальной души отъ реаль-

нихъ законовъ и средствъ ея дѣятельности. (Его сочиненія относящіяся до Психологіи: Medicinische Psychologie, oder Physiologie der Seele 1852: Mikrokosmus 1856).

Методологическое правило Лотце, котораго онъ строго держится въ психологическихъ изслѣдованіяхъ, состоитъ въ томъ, чтобы не смѣшивать двухъ способовъ изслѣдованія вещей: одинъ представляется намъ въ практикѣ естественныхъ наукъ, другой обыкновенно употребляется философами. Наши усилія, при изслѣдованіи вещей, могутъ быть направлены: или къ пониманію явленію и уразумѣнію ихъ существеннаго смысла, или къ точному познанію внѣшнихъ формъ, связи и взаимной ихъ измѣряемости. Изслѣдованія перваго рода ведутъ къ познанію только самыхъ общихъ формъ жизни; дѣйствительность же представляетъ намъ не общія формы и не преемственный рядъ психическихъ существъ и явленій, а безчисленное множество разныхъ состояній, которыми совершенно не систематически разныя психическія существа отвѣчаютъ на разнообразныя внѣшнія вліянія. Во вторыхъ, чѣмъ далѣе мы удаляемся отъ фактовъ, чтобы во всеобщемъ сравненіи ихъ найти послѣднія основанія, отъ которыхъ мы должны снова снизойти къ нимъ, тѣмъ болѣе опасности допустить ошибки. Въ третьихъ, примѣненіе высшихъ началъ въ частныхъ изслѣдованіяхъ всегда служитъ причиной неясности: ибо въ этомъ случаѣ намъ пришлось бы устранить изъ научной практики всѣ научныя вспомогательныя понятія, которыя, хотя и не объясняютъ сущности обозначаемаго ими содержанія, тѣмъ не менѣе полезны или какъ сокращенія, или какъ общепонятныя названія въ сущности непонятныхъ дѣйствій.

Вниманіе Лотце особенно устремлено къ изслѣдованію реальныхъ причинъ и законовъ душевной жизни и къ установленію такихъ точекъ зрѣнія, которыя, до времени полнаго разрѣшенія послѣднихъ метафизическихъ вопросовъ, представляли бы полезныя въ научной практикѣ исходныя понятія. При такомъ методѣ, Лотце долженъ былъ весьма разойтись съ Фихте во многихъ психологическихъ взглядахъ. Прежде всего, методъ повелъ къ совершенно другому способу рѣшенія главнаго, разрѣшающаго ихъ, вопроса,— вопроса объ отношеніи души къ тѣлу. Фактъ взаимодѣйствія между ними очевиденъ, но способъ, какъ оно происходитъ, не понятенъ. Хотя метафизически мы должны допустить, что всякое взаимодѣйствіе возможно только при единой субстанціи, которой состоянія суть физическія и психическія явле-

нія, но въ Психологіи мы должны, для цѣлей изслѣдованія, удовольствоваться лишь констатированіемъ факта: что тѣло вліяетъ на душу и обратно; это неподлежитъ сомнѣнію, но допытываться до внутренней механики, чрезъ которую это вліяніе осуществляется, Психологія не можетъ и усилія ея въ этомъ отношеніи будутъ безплодны.

Для Лотце особенно важно знать, какія душевныя состоянія за какими тѣлесными явленіями неизмѣнно слѣдуютъ и какіе законы управляютъ ихъ отношеніями. Онъ предполагаетъ, что для всякой пары соединенныхъ состояній души и тѣла существуетъ свой особенный законъ. Есть особый законъ, по которому, за измѣненіемъ свѣтовыхъ волнъ слѣдуетъ измѣненіе ощущеній цвѣтовъ; по другому закону возрастаетъ высота тоновъ съ увеличеніемъ колебанія звука и т. д. Каждый изъ этихъ особенныхъ законовъ выражаетъ тотъ фактъ, что между однимъ тѣлеснымъ состояніемъ и другимъ душевнымъ есть взаимодѣйствіе.

Обращаясь затѣмъ къ ученію о самой душѣ, Лотце выражаетъ мысль, что душевныя явленія сами по себѣ суть самыя понятныя и самыя извѣстныя явленія. Что значитъ чувствовать, стремиться, любить и ненавидѣть — это намъ извѣстно самымъ непосредственнымъ образомъ и наука не въ состояніи открыть намъ что либо новое. Если душевные факты кажутся намъ наиболѣе непонятными явленіями, то это происходитъ отъ того, что мы или мало цѣнимъ познанія, достающіяся намъ безъ труда, или желаемъ знать формальныя отношенія, принимая ихъ за самое существо вещи. Тогда какъ мы можемъ видѣть пространственное положеніе, указать продолжаемость во времени и фигуру вещества, душа является намъ, если не безпространственною, то все таки находящеюся въ неизвѣстномъ намъ мѣстѣ организма, притомъ, скоропреходящимъ явленіемъ, и совершенно недоступною для выраженія въ какомъ нибудь образѣ. Въ познаніяхъ нашихъ о душѣ недостаетъ именно знанія такихъ формальныхъ внѣшнихъ отношеній. Оттого они кажутся намъ чрезвычайно малыми. На этотъ обманъ наука не должна обращать особенное вниманіе. Ея задача не разъяснять и безъ того понятную сущность душевныхъ явленій, а группировать ихъ, разъяснять ихъ смыслъ и формы взаимныхъ отношеній ихъ.

Сводя разнообразныя явленія душевной жизни въ группы, мы замѣчаемъ три разныхъ рода явленій: явленія мышленія,

чувства и стремленій. Можно ли далѣе пытаться свести ихъ къ одному какому либо качеству, чтобы избѣжать такимъ образомъ множества качествъ въ единой душѣ? Прежняя Психологія признавала эту задачу невозможною и ученіемъ о способностяхъ души рѣшала этотъ вопросъ отрицательно. Лотце въ нѣкоторой мѣрѣ одобряетъ понятіе способностей, хотя и не скрываетъ его недостатковъ: онъ называетъ способности души качествами, обозначающими возможность дѣйствій и состояній, какія душа можетъ развить при извѣстныхъ на нее впечатлѣніяхъ.

Лотце многое признаетъ въ принципѣ, чего не допускаетъ въ научной практикѣ, и на оборотъ, признавая практическую пригодность нѣкоторыхъ понятій, онъ не одобряетъ ихъ въ принципѣ. Такое отношеніе къ дѣлу составляетъ характеристическую сторону Психологіи Лотце. Такъ, практически онъ слѣдуетъ окказіоналистической теоріи, хотя непонятность дѣйствія одного предмета на другой даетъ ему поводъ развить понятіе единства всеобщаго основанія, въ нѣдрахъ котораго совершается взаимодѣйствіе. Равнымъ образомъ, онъ признаетъ въ принципѣ справедливость требованій Гербарта относительно выводимости разнообразныхъ способностей души, практически же отказывается ему слѣдовать. На практикѣ онъ реалистъ въ полномъ значеніи этого слова; идеализмъ его выражается только въ требованіи, кромѣ реальнаго, иного основанія, иного способа отношенія къ душевнымъ явленіямъ. Но фактически онъ не дѣлаетъ попытокъ осуществить эти требованія. Онъ признаетъ, что въ мірѣ существуетъ только бытіе, имѣющее опредѣленный смыслъ, представляющее въ себѣ цѣнную идею, составляющую сущность всего сущаго. Посему онъ убѣжденъ, что душа есть идея, въ каждомъ отдѣльномъ субъектѣ развивающаяся въ многообразныхъ различныхъ дѣятельностяхъ: главная сущность души заключается въ смыслѣ, какой она осуществляетъ разнообразными способами и разными формами своего развитія. Поэтому основаній для законовъ, которыми она руководится въ своей дѣятельности, должно искать не въ такъ называемой, субстанціальности души, а въ томъ призваніи, какое возложено на нее. Она дѣятельна не потому, что она субстанція, сущность, а потому что дѣятельность есть возложенный на нее долгъ. Но и тутъ Лотце признается, что мы вѣрно собственно не знаемъ, въ чемъ состоитъ это призваніе, и что нельзя потому a priori опредѣлить, какіе существуютъ законы дѣятельности души; они могутъ быть выведены только изъ опыта.

Въ принципѣ онъ допускаетъ и свободу воли и возможность необыкновенныхъ дѣйствій души, независимо отъ механизма, управляющаго міромъ. Онъ согласенъ, что могутъ быть психическія причины дѣйствій, вовсе не условленныя какими нибудь физическими, тѣлесными причинами, и что могутъ быть въ душѣ состоянія свободныя, никакими причинами не условленныя, которыя могутъ быть начальными звенами рядовъ событій. Но и тутъ Лотце ограничиваетъ свою мысль: всякое такое состояніе можетъ дѣйствовать въ механизмѣ міра только въ мѣрѣ, въ какой оно является могуществомъ, способнымъ оказать дѣйствіе на механическія силы міра. Слѣдовательно, воля можетъ быть свободна сама въ себѣ, но въ образѣ своего проявленія должна подчиняться механическимъ законамъ и условіямъ всякаго дѣйствія. Равнымъ образомъ онъ признаетъ въ принципѣ возможность необыкновенныхъ сношеній между психическими существами. Связь между ними динамическая и механика вовсе не заключаетъ въ себѣ положительныхъ доказательствъ, по которымъ можнобъ было отвергать предположеніе непосредственнаго дѣйствія отдаленныхъ существъ другъ на друга. Допустивъ въ принципѣ возможность такихъ дѣйствій, Лотце выражаетъ убѣжденіе, что существующій порядокъ въ мірѣ, на сколько мы знаемъ его изъ опыта, исключаетъ возможность осуществленія упомянутыхъ дѣйствій.

Очевидно глубокое различіе, какое раздѣляетъ Лотце отъ родственнаго ему по направленію мыслителя Фихте. Оба они стремятся совмѣстить въ своихъ трудахъ выгоды идеальнаго и реальнаго направленія. Но тогда какъ Фихте по преимуществу идеалистъ и всего болѣе обращаетъ вниманіе на идеальное содержаніе душевной жизни, Лотце по преимуществу реалистъ. Признавая въ принципѣ убѣжденія идеализма, въ научной практикѣ онъ обращаетъ вниманіе по преимуществу на реальную сторону, на механическія условія и законы осуществленія въ мірѣ всякой идеальной дѣятельности. Направленіе Фихте болѣе соотвѣтствуетъ нашимъ нравственнымъ и эстетическимъ потребностямъ; за то психологическіе труды Лотце сообразны съ духомъ современнаго развитія естественныхъ наукъ и могутъ найти большее распространеніе между естествоиспытателями.

И третій представитель идеально-реальной Психологіи, Германъ Ульрици, стоитъ на той же почвѣ, какъ Фихте и Лотце. (Leib und Seele. Grundzüge einer Psychologie des Menschen. II Th.). Связь души съ тѣломъ такова, что особенности первой отпечат-

лѣваются на второмъ, и обратно, устанавливаются качествами тѣла. Отъ сохраненія, правильнаго образованія и развитія здоровья и крѣпости тѣла зависитъ психическая жизнь и духовное развитіе индивидуума, и на оборотъ, отъ наклонностей, стремленій, дѣятельностей души зависитъ сохраненіе, здоровье, образованіе и развитіе тѣла. До нѣкоторой степени мы должны, однако, на основаніи многихъ фактовъ, приписать душѣ преобладаніе надъ тѣломъ. Она признается относительно самостоятельнымъ центромъ, имѣющимъ и свою собственную жизнь; эта жизнь состоитъ въ отношеніи взаимодѣйствія между психическимъ центромъ и периферіей, между центральною и многими частными силами души. Она аналогична жизни организма: какъ въ послѣднемъ, такъ и въ душѣ существуетъ двоякое теченіе отъ центра къ периферіи и обратно. Ульрици проводитъ такую аналогію между жизнію тѣла и души еще далѣе. Принимая старинное дѣленіе души на три главныхъ способности, этотъ психологъ признаетъ центральною силою способность различенія, представленія и сознанія, потому что на ней основывается, построяющая тѣло, дѣятельность души, равно какъ ею опредѣляется отношеніе послѣдней къ внѣшнему міру, слѣдовательно, направленіе, ходъ и ритмъ какъ центростремительнаго, такъ и центробѣжнаго движенія души.

Анализъ чувствованій подробенъ: онъ касается нисшихъ чувственныхъ удовольствій и неудовольствій, чувствованій, производимыхъ представленіями: плача и смѣха, радости и печали, симпатіи и антипатіи, состраданія, страха, горя и т. д. Затруднительнаго вопроса о классификаціи чувствованій Ульрици не касается и какихъ либо попытокъ систематизаціи ихъ не дѣлаетъ. Слѣдуетъ анализъ воспоминанія, ассоціаціи идей, воображенія и фантазіи, области стремленій. Говоря о стремленіяхъ, Ульрици указываетъ, что каждое стремленіе имѣетъ предметомъ своимъ самосохраненіе, осуществленіе данныхъ въ субъектѣ способностей; слѣдовательно, столько стремленій, сколько силъ и способностей въ живомъ существѣ: чувственныя побужденія, сердечныя, побужденія въ представленіяхъ. Анализъ стремленій, желаній и воли очень кратокъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ разбору отношеній человѣка къ другимъ одушевленнымъ существамъ и здѣсь разсматриваетъ половое стремленіе, соціальныя, личныя, соціальную сторону жизни представленій, и стремленія къ изображенію, какъ источника искусства. Это суть естественно-соціальныя побужденія и чувствованія, за которыми у него слѣдуютъ

этическія чувствованія и стремленія. Къ этому же отдѣлу авторъ отнесъ замѣтки о воспитаніи и образованіи человѣка. Въ послѣднемъ отдѣлѣ Ульрици разбираетъ отношенія души къ Богу. Богъ открывается душѣ въ ея чувствѣ долга и есть предметъ религіознаго чувствованія; онъ можетъ дѣйствовать на нее непосредственно. Мы дали краткій обзоръ содержанія 2-й части упомянутаго выше сочиненія.

Но душа есть и реальное существо, дѣйствующее въ связи и соприкосновеніи съ тѣломъ. Поэтому необходимо разсмотрѣть ее въ отношеніи къ послѣднему. Вся первая часть труда Ульрици посвящена установкѣ понятій о тѣлѣ и его функціяхъ, ихъ значеніи для души. Отправляясь отъ общихъ понятій о веществѣ и силѣ, онъ переходитъ къ понятію организма и послѣ критики различныхъ воззрѣній знаменитыхъ натуралистовъ на него, старается обосновать собственное. Недостатокъ его воззрѣнія на организмъ тотъ, что онъ возстановляетъ отвергнутое въ естествовѣдѣніи понятіе жизненной силы. Разсматривая отношенія тѣла къ психическимъ функціямъ, Ульрици доказываетъ между прочимъ, что психическія явленія не могутъ быть выяснены изъ физіологическихъ и что не только сознаніе и ощущеніе, но даже и нервное раздраженіе Физіологія не въ состояніи объяснить; въ этомъ смыслѣ онъ говоритъ объ отношеніяхъ души къ нервной системѣ. Затѣмъ, авторъ переходитъ къ анализу чувственныхъ органовъ и ихъ функцій въ психологическомъ отношеніи: глаза, уха, осязанія, мускульныхъ ощущеній, чувствъ давленія и теплоты, обонянія и вкуса, общаго чувства, настроенія побужденія и инстинкта. При этомъ обнаруживается обширное знакомство автора съ естествовѣдною литературою, имѣющею отношеніе къ психологическимъ вопросамъ.

Бенеке.

Въ зависимости отчасти отъ англійскихъ психологовъ, а отчасти и отъ понятій положительной науки, развилось психологическое ученіе Бенеке и его школы. Какъ физіологи склонны думать, что всякое впечатлѣніе извнѣ вносится внутрь человѣка и воспринимается имъ, какъ нѣчто готовое, такъ и Бенеке полагаетъ, что душа есть своего рода tabula rasa, на которой отпечатлѣвается внѣшній міръ. Какъ натуралисты склонны выводить

всякія качества изъ сложенія и сочетанія какихъ нибудь простыхъ качествъ въ веществахъ, такъ и Бенеке думаетъ, что качества развитой души составляютъ плодъ сочетаній и соединеній весьма простыхъ, первичныхъ качествъ души. Методъ естественныхъ наукъ, наведеніе, онъ признаетъ главнымъ и исключительнымъ методомъ Психологіи. Главное отличіе Психологіи Бенеке отъ натуралистическихъ направленій заключается въ томъ значеніи, какое онъ даетъ внутреннему самонаблюденію: оно составляетъ главный источникъ, откуда наука о душѣ заимствуетъ свои свѣдѣнія. Въ философскомъ отношеніи школа Бенеке можетъ быть отнесена къ разряду сенсуалистическихъ: ибо она, какъ и послѣднія, всѣ дѣятельности души выводитъ изъ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ.

Изъ массы сочиненій Бенеке, имѣющихъ вообще психологическое значеніе, мы упомянемъ здѣсь объ имѣющихъ прямое отношеніе къ Психологіи: Lehrbuch der Psychologie, 3-e Aufl. 1861; Die neue Psychologie. Erläuternede Aufsätze zur 2-en Auflage meines Lehrbuches der Psychologie, als Naturwissenschaft. 1845; Psychologische Skizzen, 1828.

По взгляду Бенеке, Психологія есть основная наука для Логики, Этики, Философіи права, Философіи религіи и т. д.: понятія всѣхъ этихъ наукъ образуются въ душѣ, составляютъ психологическія образованія и слѣдовательно, могутъ быть глубже поняты только по законамъ психическаго развитія. Каждое понятіе, нравственное, или религіозное, есть психическій фактъ, имѣющій извѣстную психическую форму, а такъ какъ прирожденныхъ понятій нѣтъ, то и какое-нибудь психическое происхожденіе. Для всѣхъ философскихъ наукъ необходимо знаніе процессовъ образованія и формъ организаціи всякихъ психическихъ продуктовъ.

Душа не есть существо простое; она имѣетъ многія первичныя опредѣленія: качественныя и количественныя, ибо качества ея имѣютъ опредѣленныя степени воспріимчивости, крѣпости и живости. Бенеке не находитъ ничего страннаго въ утвержденіи, что развитая человѣческая душа состоитъ изъ милліоновъ внутреннихъ силъ, которыя коренятся въ разнообразныхъ психическихъ соединеніяхъ. Всѣ онѣ суть слѣдствія развитія и вліянія внѣшняго міра на душу. Въ ней нѣтъ никакихъ прирожденныхъ способностей, съ которыми она могла бы вступать въ міръ. Съ особенною страстностью Бенеке высказывается противъ при-

рожденныхъ понятій и способностей, предполагавшихся лейбницевскою и кантовскою Психологіей, и въ этомъ отрицаніи онъ поставляетъ главное достоинство своей Психологіи. Но такъ какъ необходимо было допустить въ душѣ какія-либо способности, дабы сдѣлать возможнымъ ея развитіе, то Бенеке изобрѣлъ своеобразныя первичныя силы — Urvermögen. силы вообще, безъ всякаго опредѣленнаго признака, или безпредѣльныя стремленія, которыя стремятся къ какому нибудь занятію. Какимъ же образомъ столь скудно одаренная душа можетъ произвести этотъ громадный міръ явленій, который мы называемъ душевнымъ? Бенеке различаетъ четыре основныхъ процесса развитія душевной жизни.

Во 1-хъ, вслѣдствіе впечатлѣній, приходящихъ извнѣ, образуются въ душѣ чувственныя ощущенія и воспріятія. Бенеке не допускаетъ въ этомъ случаѣ простаго напечатлѣванія отъ вещей; посредствомъ впечатлѣній душа получаетъ питаніе и какъ случается при всякомъ питаніи, воспринятыя вещества теряютъ свои качества и принимаютъ свойства и природу того, кого питаютъ. Во 2-хъ, у души постоянно образуются новыя первичныя силы; по мѣрѣ того, какъ первичныя силы истощаются дѣйствующими извнѣ впечатлѣніями, нарождаются новыя. Въ 3-хъ, части однихъ психическихъ продуктовъ могутъ переноситься на другіе и такимъ образомъ возникаетъ связь между психическими состояніями. Связь между впечатлѣніями и силами бываетъ болѣе и менѣе тѣсная. При менѣе тѣсномъ соединеніи, остается свободная часть психическихъ элементовъ, которые, по своей подвижности, могутъ быть переносимы съ одного психическаго продукта на другой. Въ 4-хъ, подобныя и одинаковыя образованія человѣческой души притягиваются одно другимъ, смотря по мѣрѣ своего подобія, или стремятся вступить въ болѣе близкія соединенія другъ съ другомъ.

Указанные четыре процесса служатъ, по Бенеке, основаніями происхожденія и связи душевныхъ продуктовъ. Онъ присоединяетъ къ нимъ пять рядовъ отношеній силъ къ впечатлѣніямъ, чтобы на нихъ основать *происхожденіе формъ* психической дѣятельности. Отношенія эти, въ сущности, чисто количественныя и они должны служить причинами различія чисто качественныхъ формъ душевной жизни. 1) Впечатлѣніе весьма мало для воспринимающей его силы: поэтому она бываетъ только отчасти наполнена, такъ что образуется недовольство, стремленіе къ боль-

шему наполненію, чувство неудовольствія. 2) Впечатлѣніе соразмѣрно съ силою: это отношеніе служитъ основною формою для внѣшнихъ воспріятій и представленій. 3) Впечатлѣніе бываетъ вполнѣ избыточно для силы, но не чрезмѣрно — основаніе для чувствъ удовольствія. 4) Впечатлѣніе по немногу возрастаетъ до чрезмѣрности — основныя формы печали. 5) Впечатлѣніе дается вдругъ въ чрезмѣрной степени, основныя формы чувства боли.

Разнаго рода сложеній и сочетаній ощущеній достаточно, чтобы изъ нихъ вывести всѣ формы мышленія. Нѣтъ основаній допускать особую мыслительную способность души. Бенеке различаетъ четыре рода соединенія представленій, изъ которыхъ происходятъ извѣстныя намъ формы мышленія: остроумное соединеніе, уподобленіе, образованіе понятій, образованіе сужденій. Понятіе качественно проще представленій, а количественно сложнѣй ихъ, такъ какъ они многократно содержатъ въ себѣ послѣднія; понятіе есть тонкое, болѣе ясное и духовное представленіе; сужденія и умозаключенія суть также сочетанія представленій. Разсудкомъ называются всѣ, достигшія сознанія слѣды отъ впечатлѣній и образовавшихся затѣмъ представленій, и самый разумъ есть ничто иное, какъ сумма всѣхъ высшихъ, безукоризненно составленныхъ продуктовъ человѣческаго духа во всѣхъ его формахъ.

Какъ разсудокъ, такъ и воля, внутреннее чувство, сознаніе нашего „я“ должны образовываться изъ разныхъ слѣдовъ и образовавшихся связей между представленіями. Сначала образуются частныя желанія и только изъ слѣдовъ ихъ со временемъ возникаетъ то, что мы называемъ способностію воли. Порицая Канта за предположеніе особой способности внутренняго чувства, Бенеке допускаетъ лишь понятія психическихъ качествъ, формъ и отношеній. Присоединяясь къ психическимъ продуктамъ, эти понятія усиливаютъ сознаніе ихъ. Эти понятія образуются какъ и обыкновенныя.

Изъ краткаго, сдѣланнаго нами, изложенія началъ Психологіи Бенеке, можно видѣть и теперь двѣ главныхъ ошибки ея. Одна состоитъ въ томъ, что, по нему, изъ количественныхъ отношеній между впечатлѣніемъ и силами, ихъ воспринимающими, изъ сложенія ощущенія и представленія можетъ возникнуть многосторонняя дѣятельность души, данная въ опытѣ; другая — во взглядѣ, на душу, какъ страдательный пріемникъ разныхъ образованій, которыя слагаются и разлагаются въ ней почти безъ ея

рѣдома. Хотя онъ самъ не признаетъ за своей теоріей сенсуалистическаго характера, въ сущности, онъ, однако, сенсуалистъ. Душа у него tabula rasa, автоматъ, въ которомъ, исключительно подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, совершаются многосложныя операціи.

Бенеке обращается съ представленіями, ощущеніями и психологическими продуктами, какъ самостоятельными существами. Всѣ его процессы возможны при одномъ только предположеніи, что психическіе продукты имѣютъ самостоятельное бытіе и потому свободно вступаютъ въ разныя соединенія и выходятъ изъ нихъ. Такимъ образомъ придается самостоятельное значеніе тому, что̀ можетъ существовать только въ видѣ свойства, качества или состоянія, т. е. никакъ не отдѣльно отъ существа, которому они принадлежатъ. Оттого душевнымъ явленіямъ придается смыслъ, какого они никогда имѣть не могутъ, и имъ усвояются процессы, которые, очевидно, для нихъ невозможны.

Психологія Бенеке не оказала замѣтнаго вліянія на развитіе науки о душѣ. Слабость ея теоретическихъ основаній, невѣроятность многихъ предположеній отбиваютъ отъ нея многихъ послѣдователей. Однако, она нашла себѣ сочувствіе въ средѣ педагоговъ и называется иногда педагогическою. Это слѣдуетъ объяснять простотою ея предположеній, множествомъ тонкихъ и вѣрныхъ замѣчаній о разныхъ душевныхъ фактахъ, богатствомъ наблюденій и полнотою классификаціи.

Психологія шотландской школы. Ридъ. Дюг. Стюартъ.

Мы должны теперь перейти къ успѣхамъ психологическаго анализа въ Англіи. Онъ имѣлъ безспорное вліяніе на континентальныя работы по нашей наукѣ: Психологія Бенеке сложилась, какъ отчасти можно видѣть изъ нѣкоторыхъ признаній его, подъ вліяніемъ Рида и Дюгальда Стюарта. Психологія вообще привлекала и до сего времени привлекаетъ къ себѣ въ Англіи много ученыхъ силъ; она дала много интересныхъ новыхъ результатовъ и въ послѣднія два десятилѣтія болѣе чѣмъ когда либо оказываетъ вліяніе на французскихъ и нѣмецкихъ психологовъ.

Скептицизмъ Юма послужилъ, какъ извѣстно, точкою отправленія двухъ различныхъ философскихъ направленій въ Англіи. Одни мыслители признали взгляды Юма на познаніе и способъ

его происхожденія въ человѣческой душѣ правильными и продолжали психологическія изслѣдованія въ его духѣ и направленіи. Эта эмпирическая школа, давшая блестящія работы по Психологіи, и теперь довольно распространена въ Англіи. Но были и такіе умы, которыхъ устрашилъ скептицизмъ Юма; они признали его одностороннимъ и старались отыскать опору противъ него. Таковая найдена была въ здравомъ смыслѣ. Это была, такъ называемая, шотландская школа, которой главными представителями были Томасъ Ридъ, Дюгальдъ Стюартъ и Уильямъ Гамильтонъ. Въ здравомъ смыслѣ они видѣли главный регуляторъ человѣческаго познанія: изъ него Философія заимствуетъ свои принципы и съ нимъ должна соображаться въ своихъ выводахъ. Здравый смыслъ убѣждаетъ насъ въ существованіи внѣшняго міра, бытія нашего „я“ и Бога.

Общее философское значеніе шотландской школы не можетъ быть оцѣниваемо здѣсь. Мы должны имѣть въ виду результаты ея работъ для нашей науки. Тогда какъ Гамильтонъ сосредоточивался преимущественно на вопросахъ болѣе или менѣе общефилософскихъ, Ридъ, основатель самой школы, и Д. Стюартъ достигли немаловажныхъ успѣховъ въ Психологіи и несомнѣнно далѣе подвинули анализъ Локка и Юма. Высота и полнота психологическаго анализа современныхъ англійскихъ психологовъ достигнуты, благодаря трудамъ двухъ даровитыхъ шотландцевъ. На нихъ-то мы остановимся.

Съ Ридомъ, какъ психологомъ, мы познакомимъ читателя по сочиненію: „Essays on the intellectual powers of man, Edinb. 1785“. Ридъ указываетъ на значеніе языка для психологическаго анализа и внимательное размышленіе, отличаемое имъ однако отъ сознанія вообще, какъ средства для изученія душевныхъ фактовъ. Свое изслѣдованіе онъ ограничиваетъ лишь слѣдующими предметами: 1) силы или способности, образующіяся чрезъ внѣшнія чувства; 2) память; 3) понятіе; 4) способности анализа сложныхъ предметовъ и связыванія простыхъ; 5) сужденіе; 6) умозаключеніе; 7) вкусъ; 8) нравственное воспріятіе и наконецъ, 9) сознаніе.

Анализъ начинается съ тѣхъ силъ, которыя мы пріобрѣтаемъ чрезъ внѣшнія чувства. Послѣ замѣчаній объ органахъ чувства, о впечатлѣніяхъ на органы, нервы и мозгъ, Ридъ даетъ мѣткій анализъ воспріятія или перцепціи: онъ различаетъ въ ней три элемента: 1) нѣкоторое понятіе о воспринимаемомъ объ-

ектѣ; 2) крѣпкое и непреоборимое убѣжденіе и вѣра въ его наличное существованіе, и 3) это убѣжденіе есть непосредственное, а не слѣдствіе умозаключенія. Отъ ощущеній слѣдуетъ отличать чувствованія удовольствія и неудовольствія, которыя суть субъективныя состоянія духа; одни изъ нихъ принадлежатъ къ чувственной сторонѣ нашей природы, другія къ разумной и нравственной. Благодаря Риду, мысль Беркли о различіи чувствованій отъ ощущеній дѣлается прочнымъ достояніемъ нашей науки. По примѣру Локка, нашъ авторъ останавливается на различеніи первичныхъ и вторичныхъ качествъ тѣлъ; кромѣ ихъ, мы замѣчаемъ и другія свойства предметовъ, какъ-то: 1) разныя состоянія нашего тѣла; 2) механическія силы; 3) химическія; 4) врачебныя, и 5) растительныя и животныя.

Мы памятуемъ и воспоминаемъ прошлое. Память есть первоначальная способность души; на ней основываются наши представленія продолжительности, тожества. Ридъ изслѣдуетъ далѣе процессъ представленій вообще и оспориваетъ два главныхъ предразсудка философовъ: что при всякомъ разсудочномъ дѣйствіи происходитъ общеніе духа съ объектомъ и что при всякомъ размышленіи слѣдуетъ предполагать особый объектъ, соотвѣтствующій мысли. Авторъ анализуетъ движеніе и признаетъ заслугу за Юмомъ, указавшимъ значеніе ассоціаціи идей,—отвлеченіе, при чемъ останавливается на общихъ именахъ, общихъ понятіяхъ, образуемыхъ чрезъ анализъ объектовъ, чрезъ сочетаніе аттрибутовъ. Сужденіе есть актъ духа, специфически различный отъ простаго воспріятія или пониманія вещи; многія понятія происхожденіемъ своимъ обязаны сужденіямъ; въ зрѣлыхъ лицахъ сужденіе сопутствуетъ всякому ощущенію, воспріятію, сознаванію и памятованію. Поскольку сужденія касаются вещей, очевидныхъ для всѣхъ, они представляютъ, такъ называемый, здравый смыслъ. Съ большою подробностію Ридъ разбираетъ первые принципы, что́ мы опустимъ, такъ какъ этотъ предметъ относится болѣе къ теоріи познанія, чѣмъ къ нашей наукѣ. Восьмой опытъ занимается вопросами вкуса: новостію, величіемъ, красотою. Эти изслѣдованія положили начало новой главѣ въ Психологіи: объ эстетическихъ чувствованіяхъ.

Душа есть то, что̀ въ человѣкѣ мыслитъ, воспоминаетъ, умозаключаетъ, желаетъ. Сущность ея намъ неизвѣстна и мы можемъ описывать ее только по состояніямъ. Ридъ различаетъ въ душѣ способности и силы: первыя составляютъ природу ея и

суть первоначальныя особенности ея; вторыя пріобрѣтаются упражненіемъ. Душевныя состоянія познаются чрезъ сознаніе ихъ, которое можетъ относиться только къ наличнымъ состояніямъ, а не прошедшимъ.

Заслуга Рида состояла въ болѣе глубокомъ анализѣ перцепціи: онъ указалъ, что одно ощущеніе и представленіе, какъ результатъ его, не могутъ вполнѣ покрыть того, что мы называемъ внѣшнимъ объектомъ; весь психологическій анализъ его установленъ на мысли, что душа отнюдь не есть tabula rasa, а напротивъ, одарена способностями и первоначальными убѣжденіями, возникшими не изъ опыта.

Дѣло Рида было продолжено Д. Стюартомъ въ его „Elements of the philosophy of human mind. Edinb. 1792“ (за невозможностію достать подлинникъ, мы пользовались нѣмецкимъ переводомъ С. Ланге, изд. въ Берлинѣ, въ 1794 г., подъ заглавіемъ: „D. Stewart's Anfangsgründe der Philosophie ueber die menschliche Seele“). Онъ признаетъ за Ридомъ ту заслугу относительно анализа перцепціи, что онъ прежде всего основательно изложилъ фактическую сторону дѣла Невозможно допустить, чтобы душа относилась въ ней къ внѣшнимъ предметамъ, какъ tabula rasa: внѣшнія чувства даютъ намъ поводы къ образованію понятій, а не напечатлѣваютъ образовъ на душѣ. Такъ какъ вниманіе имѣетъ огромное значеніе во всей душевной дѣятельности, то Стюартъ подробно останавливается на немъ и даетъ образцовый анализъ его. Многіе факты подтверждаютъ существованіе процессовъ въ душѣ, къ которымъ она относится безъ вниманія, а потому и не замѣчаетъ ихъ. Многіе мыслители полагали даже, что дѣйствія памяти прямо условливаются вниманіемъ; однако, они не обратили вниманія, что при воспоминаніи главное заключается въ усиліи или напряженіи, съ которымъ душа что-либо принимаетъ, а не въ степеняхъ вниманія. Въ чемъ оно состоитъ, объяснить трудно. Мы имѣемъ ряды другаго рода фактовъ: многіе механизмы сложныхъ дѣйствій въ началѣ трудно усвояются нами, въ послѣдствіи же не требуютъ отъ насъ почти совсѣмъ вниманія. Гертли полагалъ, что первоначально свободныя дѣйствія потомъ становятся автоматическими. По Стюарту, свободныя дѣйствія и остаются свободными, хотя при дѣйствіяхъ, обратившихся въ привычку, мы не можемъ припомнить каждый импульсъ нашей воли. Нашъ авторъ рѣшительно противъ мнѣнія, что душа можетъ сосредоточиваться

вниманіемъ болѣе, чѣмъ на одномъ предметѣ. Отрицаніе такой возможности стало съ тѣхъ поръ общепринятымъ въ Англіи и составляетъ характеристичное отличіе англійскихъ психологовъ отъ континентальныхъ. Концепціей или представленіемъ Стюартъ называетъ силу души образовывать понятіе объ отсутствующемъ предметѣ воспріятія. Это есть представленіе вообще, безъ всякаго отношенія къ времени, чѣмъ оно отличается отъ припоминанія, въ которомъ предметъ признается бывшимъ въ воспріятіи. Тогда какъ Ридъ почти смѣшивалъ концепцію или представленіе съ воображеніемъ. Стюартъ признаетъ его за особую душевную силу, посредствомъ которой представленія видоизмѣняются, соединяются и даже составляются вновь. Авторъ дѣлаетъ рядъ цѣнныхъ замѣчаній объ эмпирической сторонѣ дѣятельности представленія и ея отличіи отъ воображенія.

Абстракціей называется способность души отвлекать качества отъ предметовъ и обобщать ихъ; на ней основывается способность языка; по примѣру Локка и Рида, Стюартъ подробно занимается анализомъ ея. Въ вопросѣ о родахъ и видахъ онъ называетъ себя номиналистомъ; основаніе всякаго познанія онъ видитъ въ изслѣдованіи отдѣльныхъ предметовъ и фактовъ и всякія общія истинныя положенія должны разрѣшаться въ эти первые элементы. Въ ученіи объ ассоціаціяхъ Стюартъ ограничивается воспроизведеніемъ обобщенія Юма. Хотя обыкновенное теченіе мыслей условливается законами ассоціаціи, но душа, несомнѣнно, съ своей стороны, оказываетъ могущественное вліяніе на мысль чрезъ вниманіе и логическое мышленіе. Послѣднее подчиняетъ себѣ ассоціацію: Стюартъ разсматриваетъ эти вліянія обнаруживающіяся въ остроуміи, стихосложеніи, поэтической фантазіи, творчествѣ въ искусствахъ и наукахъ. Добытыя обобщенія авторъ прилагаетъ къ объясненію разныхъ сторонъ сновидѣній.

Ассоціаціи оказываютъ большое вліяніе какъ на умъ, такъ и на волю. Онѣ служатъ причинами многихъ теоретическихъ заблужденій: соединяя различныя вещи, онѣ заставляютъ насъ часто смѣшивать ихъ, пріучаютъ отъ прошедшаго заключать къ будущему, связываютъ истинное съ ложнымъ вмѣстѣ. Онѣ имѣютъ значеніе и для нашего вкуса: предметы нравятся намъ потому, что они совпадаютъ съ ассоціаціями, или общими намъ со всѣми остальными людями, или образовавшимся въ силу мѣстныхъ и случайныхъ обстоятельствъ. Ассоціаціи сказываются на

основныхъ законахъ нашего поведенія и нашихъ нравственныхъ сужденіяхъ.

Авторъ останавливается на разъясненіи памяти, въ ея отличіи отъ воспоминанія и ассоціацій. Она означаетъ способность души сохранять знанія; воспоминаніе же — способность оживлять представленіе намѣренно или не намѣренно. Мы припоминаемъ или вещи и отношенія ихъ, или событія; послѣднія мы всегда пріурочиваемъ къ извѣстному времени. Воспоминаніе есть актъ сложный: при немъ образуется концепція и дѣлается заключеніе ко времени. Связь памяти съ ассоціаціями очевидна, но обѣ дѣятельности не тожественны; послѣднія предполагаютъ первую, иначе нечего было бы соединять. Признавая возможность различій въ объемахъ памяти разныхъ людей, не должно считать ее безконечною и нѣкоторую долю ихъ необходимо относить къ разнымъ степенямъ вниманія и различія самихъ предметовъ памяти. Достоинства хорошей памяти состоятъ въ томъ, чтобы она легко усвояла, долго удерживала, легко и быстро воспроизводила; на различіи способовъ, какими усвоиваются представленія, основывается различіе философскаго и простаго порядка идей. Д. Стюартъ подробно анализуетъ начала, на основаніи которыхъ память можетъ быть культивируема.

Въ заключеніе Стюартъ устанавливаетъ опредѣленное понятіе о воображеніи, въ главныхъ чертахъ остающееся доселѣ въ нашей наукѣ. Оно есть сложная сила и заключаетъ въ себѣ концепцію, дающую матеріалъ для него, абстракцію, силу сужденія и вкусъ, упорядочивающіе комбинацію, и сверхъ того особую силу ассоціаціи, фантазію. Воображеніе имѣетъ значеніе для искусствъ и поэзіи, есть условіе геніальности, многихъ особенностей характера и человѣческаго благополучія. Безпорядочное воображеніе можетъ быть причиною ложно направленнаго энтузіазма, силы нѣкоторыхъ страстей и т. д.

У Дюгальда Стюарта уже ясно сказывается стремленіе, почти методическое, выводить сложныя и развитыя состоянія души изъ болѣе простыхъ. Анализъ его дробнѣй, чѣмъ у Рида, и что у послѣдняго еще было смѣшиваемо, то, съ пользою для нашей науки, было расчленено первымъ. Такъ Стюартъ выдѣлилъ воображеніе отъ концепціи, далъ надлежащую оцѣнку вниманію; различилъ память, воспоминаніе и ассоціацію идей совершенно ясно и удовлетворительно. Психологическій анализъ сдѣлалъ въ

лицѣ Стюарта несомнѣнный шагъ впередъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ теоретической дѣятельности души.

Итакъ шотландская школа, въ лицѣ двухъ главныхъ своихъ представителей, хотя въ общихъ взглядахъ на познаніе и старалась найти исходъ изъ скептицизма Юма, но въ отношеніи къ нашей наукѣ собственно продолжила дѣло Локка. Оппонируя ему во многихъ психологическихъ вопросахъ, Ридъ стоитъ также на почвѣ опыта и борется съ нимъ его же оружіемъ, именно лучшимъ, по его мнѣнію, анализомъ душевныхъ состояній. Еще тверже держится этой же почвы Д. Стюартъ и обогащаетъ науку многими счастливыми объясненіями.

Англійская эмпирическая школа. Гертли, Т. Броунъ, Д. Милль, А. Бэнъ.

Прямыми продолжателями дѣла Юма должны быть признаны Гертли и (1704 — 1757) врачъ-философъ, Томасъ Броунъ, (1778—1820) Джемсъ Милль, сынъ его Джонъ Стюартъ Милль и современный наиболѣе извѣстный англійскій психологъ, Бэнъ. Послѣдніе три суть главные представители эмпиризма въ Англіи. Отвергая по принципу всякую Метафизику, какъ переступающую предѣлы опыта, они послѣдовательно отвергаютъ ее и въ Психологіи. Наблюденіе и анализъ, вѣрность духу и методамъ естествовѣдѣнія — вотъ что написано на знамени этой школы. Задача науки, по ея взгляду, состоитъ въ томъ, чтобы сложныя психическія образованія свести къ простымъ элементамъ и сложные процессы объяснить изъ простѣйшихъ. Такимъ простымъ и основнымъ процессомъ, къ которому должны быть сводимы, по возможности, всѣ душевныя дѣятельности и изъ котораго выясняется образованіе сложныхъ психическихъ продуктовъ, школа считаетъ ассоціацію идей.

Первый, кто обобщенію Юма старался придать универсальное психологическое значеніе, былъ упомянутый Гертли. Онъ приводитъ эту мысль въ своемъ сочиненіи: „Observations on man, his frame, his duty and his expectations. Lond. 1749“. По его мнѣнію, въ ассоціаціи идей мы имѣемъ ключъ къ разъясненію самыхъ сложныхъ духовныхъ явленій: изъ ощущеній, идей ихъ и ассоціаціи могутъ быть выводимы главныя осложненія нашей духовной природы. Но, по замѣчанію Д. С. Милля

(Analysis of the mind. Preface XI см. ниже), Гертли сдѣлалъ скорѣе намеки, чѣмъ изслѣдованія, а главное, обременилъ свой трудъ преждевременными гипотезами относительно механизма ощущеній и мысли. Въ сущности, Гертли былъ матеріалистъ: имъ даны разныя матеріалистическія объясненія душевныхъ явленій. Отчасти это обстоятельство, отчасти же фактъ, что обнародованіе труда Гертли совпало съ временемъ реакціи направленію Юма, оказавшейся въ шотландской школѣ, были причиною, что трудъ Гертли въ свое время произвелъ малое впечатлѣніе на умы. Томасъ Броунъ въ своемъ сочиненіи: Lectures on the Philosophy of human mind, 1820, рѣшительно высказалъ мысль, что въ душевномъ мірѣ встрѣчается постоянная, вѣчно мѣняющаяся сложность и нѣтъ такого чувства, мысли, ощущенія, которыя не были бы, по закону ассоціаціи, связаны съ другими чувствованіями, мыслями, ощущеніями, и какъ въ химическомъ мірѣ сочетанія, повидимому, ни чѣмъ не напоминаютъ элементовъ, изъ которыхъ они состоятъ, такъ и въ духовномъ мірѣ, сложныя чувствованія, мысли далеко отстоятъ отъ первоначальныхъ простыхъ, изъ которыхъ они сложились. Психологическій анализъ долженъ разрѣшать сложные процессы и продукты въ простѣйшіе.

Фактически анализъ былъ значительно двинутъ впередъ Джемсомъ Миллемъ въ сочиненіи: Analysis of the phenomena of the human mind. Это сочиненіе было издано въ послѣдній разъ въ 1869 году съ примѣчаніями корифеевъ эмпирической англійской школы, Д. Стюарта Милля, сына Джемса Милля, Бэна, Г. Грота и Финдлетера, издателя Энциклопедіи. По этимъ примѣчаніямъ можно судить, какъ великъ успѣхъ анализа, достигнутый въ теченіи сорока лѣтъ, отъ года появленія сочиненія Милля (1829) до года послѣдняго изданія (1869).

Д. Милль желаетъ дать полный обзоръ дѣятельностей духа, доступныхъ наблюденію. Въ ученіи о внѣшнихъ чувствахъ онъ вводитъ два новыхъ рода ощущенія, не обращавшихъ на себя вниманія прежнихъ философовъ: это мускульныя и органическія чувствованія. Существуетъ только два рода связи представленій: одновременности и послѣдовательности; ассоціаціи причины и дѣйствія и даже сходства, допущенныя Юмомъ, исключаются. Милль отмѣчаетъ здѣсь фактъ, такъ называемой, не разрывной ассоціаціи: нѣкоторыя идеи такъ часто и такъ постоянно соединяются между собою, что не могутъ быть отдѣлены одна отъ

другой. Ученіемъ о неразрывной ассоціаціи англійская школа отвѣчаетъ на мнѣніе Лейбница, приведенное имъ противъ Локка, что есть истины съ характеромъ необходимости, котораго опытъ не можетъ дать положеніямъ, выведеннымъ изъ него. Джемсъ Милль показываетъ, какимъ образомъ невозможность для насъ разъединять нѣкоторыя идеи можетъ быть произведена опытомъ.

При объясненіи логической дѣятельности, Милль разсуждаетъ о главныхъ логическихъ дѣйствіяхъ: именованіи и здѣсь анализуетъ умственные процессы, соотвѣтствующіе главнымъ частямъ рѣчи: существительнымъ, прилагательнымъ и глаголамъ, сужденія, значеніе предлоговъ и союзовъ. О сознаніи Д. Милль думаетъ, что оно не означаетъ какого либо новаго факта, а есть выраженіе, показывающее, что въ субъектѣ существуетъ извѣстное состояніе, такъ что ощущать запахъ и сознавать ощущеніе суть тожественныя выраженія; отъ этого взгляда школа въ послѣдствіи нѣсколько отступилась. Концепція означаетъ только то, что субъектъ имѣетъ сложную идею, воображеніе же означаетъ какой либо частный ходъ представленій, или возможность хода. Слѣдуетъ анализъ процессовъ классификаціи и отвлеченія: первая разсматривается, какъ образованіе союза между многочисленными идеями, обозначаемаго однимъ именемъ; процессъ отвлеченія есть въ сущности способность образовывать абстрактные термины для качествъ и свойствъ предметовъ, дѣйствующихъ на наши чувства. Милль пытается свести фактъ памяти къ ассоціаціямъ, дѣйствующимъ въ сложной формѣ.

Заключительная глава перваго тома трактуетъ о вѣрѣ, т. е. увѣренности въ существованіи внѣшняго независимаго отъ насъ міра. Д. Милль начинаетъ положеніемъ, что, кромѣ нашихъ ощущеній, мы ничего не знаемъ о внѣшнихъ предметахъ: что мы называемъ розою есть союзъ ощущеній цвѣта, фигуры, запаха и т. д. Предметъ имѣетъ для насъ лишь тотъ смыслъ, что если на извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время будутъ находиться ощущающіе органы, то получатся извѣстныя ощущенія. Слѣдовательно, съ одной стороны, мы имѣемъ правильный рядъ возможностей ощущенія (т. е. предметовъ), съ другой отдѣльный рядъ образовъ умственныхъ или воображаемыхъ. Почему же мы рѣшаемъ, принадлежитъ ли впечатлѣніе къ внѣшнему міру или нѣтъ. Въ большей части случаевъ, мы отличаемъ ощущенія отъ идей по сравнительной живости и силѣ. Такъ

думалъ Юмъ, но этотъ признакъ измѣняетъ человѣку во время сна и при нѣкоторыхъ формахъ безумія. Джемсъ Милль признаетъ различіе между ощущеніемъ и идеей, какъ окончательный фактъ, не допускающій никакихъ дальнѣйшихъ разсужденій: потому они и различны, что мы такъ чувствуемъ.

Вѣру Д. Милль признаетъ чисто интеллектуальнымъ явленіемъ. Вѣра есть одинъ изъ случаевъ ассоціаціи идей: наприм. разстоянія мы не видимъ, а между тѣмъ намъ кажется, что мы его наблюдаемъ; это убѣжденіе своимъ существованіемъ обязано ассоціаціи идей; тоже самое во всѣхъ другихъ случаяхъ.

Во второмъ томѣ разъясняется смыслъ именъ, относительныхъ терминовъ, времени, движенія, тожества. Рефлексія есть общее обозначеніе частныхъ состояній сознанія.

Теоретическая дѣятельность души основывается на фактѣ существованія въ ней ощущеній и идей, практическая на томъ, что идеи и ощущенія возбуждаютъ человѣка къ дѣйствію. Задача анализа и здѣсь таже самая, какая ставится относительно теоретической дѣятельности.

Милль занимается пріятными и непріятными ощущеніями, ихъ идеями, причинами, ближайшими и отдаленными. Чувствованія онъ перечисляетъ въ довольно случайномъ порядкѣ: 1) вызываемыя богатствомъ, силою, достоинствомъ и ихъ противоположностями, 2) возбуждаемыя въ насъ ближними: дружба, добродушіе, семейное чувство, патріотическое, кастовое, любовь человѣчества, 3) вызываемыя высокимъ и прекраснымъ и ихъ противоположностями. Ученіе о волѣ сводится къ ученію о мотивахъ, которыми бываютъ удовольствіе, какъ слѣдствіе извѣстнаго дѣйствія, или причина какого либо удовольствія. Милль разсматриваетъ, какимъ образомъ вышеупомянутыя удовольствія и неудовольствія и причины ихъ могутъ, въ качествѣ мотивовъ, опредѣлять волю. Говоря о нравственномъ чувствѣ, авторъ прилагаетъ анализъ къ происхожденію въ насъ этого чувства. Онъ выбираетъ четыре основныя добродѣтели: благоразуміе, храбрость, справедливость, благожеланіе. Первыя двѣ болѣе индивидуальны и къ другимъ существамъ имѣютъ только косвенное отношеніе; вторыя двѣ имѣютъ въ виду благо ближняго. Съ обоими этими родами добродѣтелей соединяются два вида ассоціацій: 1) когда добродѣтельныя дѣйствія совершаются нами лично, 2) когда они совершаются другими. Благоразуміе и храбрость имѣютъ высокую цѣну, какъ средства къ достиженію удовольствія. Когда извѣстныя похвальныя дѣйствія

совершаются другими, наши ассоціаціи преимущественно стремятся въ сторону удовольствія: эти дѣйствія намъ ничего не стоятъ, а удовольствія доставляютъ много. Хвала и осужденіе не имѣютъ отношенія къ происхожденію моральнаго чувства, но много значатъ, какъ мотивы нашихъ дѣйствій. Первоначально мы относимся равнодушно къ похвалѣ, но постепенно становимся чувствительнѣе къ ней ради многихъ, проистекающихъ отъ нея, пріятныхъ послѣдствій.

Анализомъ воли заключается трудъ Милля. Онъ дѣлитъ человѣческія дѣйствія на принадлежащія тѣлу и духу. Какого рода состоянія души предшествуютъ дѣйствіямъ тѣла? или ощущенія, или идеи. Множество фактовъ убѣждаютъ насъ, что въ однихъ случаяхъ причины движеній заключаются въ ощущеніяхъ, въ другихъ — въ идеяхъ и что движеніе, сначала производившееся чрезъ ощущенія, потомъ начинаетъ производиться чрезъ идеи. Когда дѣйствіе возникаетъ изъ идеи, возбужденной путемъ обыкновенной ассоціаціи, мы называемъ его недобровольнымъ; когда же есть идея удовольствія или неудовольствія въ связи съ идеей нашего дѣйствія, какъ причины послѣднихъ. тогда дѣйствіе имѣетъ характеръ добровольнаго. Здѣсь могутъ быть два случая: мы представляемъ по ассоціаціи удовольствіе и рядъ причинъ его, кончая нашимъ собственнымъ дѣйствіемъ, и можемъ идти отъ перваго чрезъ промежуточныя звенья къ послѣднему, или на оборотъ; въ первомъ случаѣ ассоціація является какъ мотивъ, во второмъ какъ воля. Милль разсматриваетъ далѣе вліяніе ея на умственныя дѣйствія и въ заключеніе анализуетъ фактъ намѣреній.

Если Гертли только мечталъ о томъ, чтобы всѣ духовныя дѣятельности выяснялись изъ осложненія ассоціацій, то Д. Милль осуществилъ эту мечту de facto: она проходитъ чрезъ весь его трудъ, какъ основной принципъ. И дѣйствительно, много любопытнаго найдено имъ въ этомъ направленіи, многое въ духовной жизни имъ объяснено. Существенные вопросы, могущіе быть рѣшены эмпирическимъ путемъ, имъ подняты. Но съ точки зрѣнія той же школы, къ которой принадлежалъ Милль, были существенные недостатки въ его трудѣ. Во-1-хъ, у него мало выдѣлены отъ волевыхъ процессовъ и недостаточно анализованы состоянія сердца, которыя для эмпирика должны имѣть такую же самостоятельность, какъ дѣятельности ума и воли: этотъ недостатокъ сказался тѣмъ въ трудѣ Милля, что онъ волевой процессъ смѣшиваетъ съ чув-

ствительнымъ. 2) При томъ значеніи, которое давалъ онъ ассоціаціямъ, какъ принципу объясненія душевной дѣятельности, явно недостаточно было его предположеніе только двухъ родовъ ихъ: одновременности и послѣдовательности: потому то Миллю по неволѣ приходилось не признавать особеннаго характера дѣятельности воображенія. 3) Отказываясь разсуждать о душѣ, какъ особомъ существѣ, и признавая только душевныя дѣятельности, развивающіяся въ тѣлесномъ организмѣ, Психологія типа Д. Милля должна стремиться болѣе или менѣе сближаться съ Физіологіей и никакъ не опускать изъ виду значенія физіологическихъ условій и процессовъ для развитія и характера душевныхъ процессовъ. Но у Д. Милля физіологическая сторона душевныхъ явленій почти игнорировалась. Эти недостатки устранены и совокупность научнаго матеріала, указаннаго Д. Миллемъ, переработана и дана въ новой классификаціи Алекс. Бэномъ въ его двухъ большихъ психологическихъ трудахъ: „The Senses and the Intellect“, „The Emotions and the Will“ и краткомъ resumé ихъ: „Mental and Moral Science“.

Бэнъ разсматриваетъ душевныя явленія въ такомъ порядкѣ: сначала чувствованія и волю въ ихъ зародышѣ и также ощущенія, съ которыми онъ связываетъ одну изъ интеллектуальныхъ функцій, различеніе, или—движеніе, ощущеніе и инстинктъ; затѣмъ слѣдуетъ анализъ интеллекта, волненій и воли.

Признавая отношенія души къ тѣлу таинственными, Бэнъ ставитъ, однакожъ, духовные процессы въ тѣсную зависимость отъ физіологическихъ: эти отношенія не есть союзъ въ пространствѣ, а просто зависимость однихъ отъ другихъ. Поэтому необходимо изучать тѣ стороны тѣла, съ которыми тѣсно связана душа, слѣдовательно: 1) мозгъ и нервы, 2) органы движенія или мускулы, 3) органы ощущенія, 4) внутренніе органы. Бэнъ, какъ и другіе психологи подобнаго направленія, входятъ въ большія подробности Анатоміи и нервной Физіологіи, дѣлая изъ нихъ своего рода введеніе въ Психологію; нечего и говорить, что далѣе популярной передачи содержанія учебниковъ Анатоміи и Физіологіи они не идутъ, да и не могутъ идти.

Въ ученіи объ ощущеніяхъ Бэнъ принимаетъ классификацію Джемса Милля, подробнѣе, однако, останавливается на анализѣ мускульныхъ и органическихъ ощущеній. Къ нимъ онъ присоединяетъ еще ощущенія нуждъ организма, подъ названіемъ аппе-

титовъ: таковы сонъ, дѣятельность, голодъ, жажда и т. д. Инстинктами называетъ онъ органическія приспособленія, находящіяся въ тѣсной связи съ духовными дѣйствіями, и сюда относитъ: рефлексы, комбинированныя и гармоническія движенія, первоначальныя выраженія чувствованій, начатки воли, напримѣръ, въ самопроизвольности мускульнаго движенія.

Первоначальными аттрибутами интеллекта признаются различеніе, уподобленіе и удерживаніе однажды пережитаго. Способность удерживанія выражается въ дѣйствованіи закона смежности, или ассоціаціи смежности. Здѣсь анализъ Бэна, можно сказать, истощаетъ свой предметъ: онъ разбираетъ ассоціаціи движеній, ихъ идей, ощущеній одного и того же чувства и различныхъ чувствъ, удовольствій и страданій, хотѣній, различныхъ преемствъ и объясняетъ этимъ закономъ механическія пріобрѣтенія въ познаніи, пріобрѣтенія языка, память наукъ, пріобрѣтенія въ промышленной жизни, высшихъ искусствахъ, исторіи, воспоминанія о прошлой жизни. Уподобленіе, какъ функція интеллекта, управляется ассоціаціей сходства. На ней основывается обобщеніе, что поясняется различными примѣрами, собранными изъ разныхъ областей духовной дѣятельности. Бэнъ слѣдитъ за осложненіями ассоціацій и сочетаніемъ смежности и сходства: ассоціацію контраста онъ признаетъ несамостоятельною. Чтобы объяснить воображеніе, Бэнъ допускаетъ построительную ассоціацію и указываетъ многіе и разнообразные примѣры ея. Разбирая дѣятельность отвлеченія, впрочемъ, болѣе въ полемическихъ цѣляхъ, онъ идетъ противъ школъ, предполагающихъ самородную дѣятельность ума и существованіе въ немъ прирожденныхъ принциповъ.

Подъ чувствованіями Бэнъ разумѣетъ состоянія удовольствія и неудовольствія и возбужденія: они имѣютъ двѣ стороны, физическую и психическую; въ послѣднемъ отношеніи можно изучать ихъ качества, степень и спеціальный характеръ. Они имѣютъ отношенія къ уму, волѣ и потому могутъ давать факты смѣшаннаго характера: напримѣръ, предчувствіе, вѣру. Отказываясь дать логическое дѣленіе чувствованій, Бэнъ старается въ классификаціи ихъ соблюсти одинъ принципъ: переходъ отъ простѣйшаго къ болѣе сложному. Онъ анализуетъ ихъ въ такомъ порядкѣ: чувствованія относительности (новость, удивленіе, свобода), страхъ, нѣжныя волненія, личныя (самоуваженіе и любовь хвалы), волненіе силы, гнѣвъ, волненія дѣйствія, интел-

лектуальныя, симпатическія, идеальныя, эстетическія. Анализъ вездѣ имѣетъ въ виду прослѣдить физическую и психическую стороны чувствованій и богатъ счастливыми и вѣрными замѣчаніями.

Первоначальными элементами воли Бэнъ признаетъ самопроизвольность движенія и возбужденіе въ силу закона самосохраненія. Они растутъ въ зрѣлыя хотѣнія и Бэнъ слѣдитъ за постепеннымъ физіологическимъ ростомъ ихъ; по нему, контроль надъ чувствомъ и умомъ прямо или не прямо производится чрезъ мускульную систему. Ученіе о мотивахъ у Бэна разработано подробно; состоянія въ связи съ мотивизаціей воли: размышленіе, рѣшимость, усиліе. Вопросъ о вѣрѣ или убѣжденіи, поднятый Д. Миллемъ, у Бэна рѣшается въ томъ смыслѣ, что въ ней есть существенный элементъ воли, ассоціація (что одно только допускалъ Д. Милль) и участіе чувства. Бэнъ анализуетъ ростъ моральныхъ привычекъ, вліянія въ сторону долга и благоразумія и наконецъ, вопросъ о свободѣ, которая, при его постановкѣ ученія о мотивахъ, оказывается невозможною.

Нѣтъ сомнѣнія, что труды Бэна далеко подвинули описаніе, классификацію и анализъ душевныхъ явленій. Онъ говоритъ почти послѣднее слово англійскаго эмпиризма въ томъ отношеніи, что весь ростъ и развитіе духа относитъ къ росту ассоціацій, какъ процессу внутреннему, и къ дѣйствію внѣшнихъ впечатлѣній, какъ общей причинѣ развитія духа. Гдѣ дѣло идетъ о началахъ духовной дѣятельности, онъ вездѣ выводитъ ее изъ работы организма. Однако, Бэнъ только эмпиристъ, а не матеріалистъ: ибо онъ признаетъ сознаніе, какъ особый источникъ свѣдѣній о душевныхъ явленіяхъ, и говоритъ о душѣ, зависимой отъ тѣла, но не отождествляетъ ее съ одною физіологическою дѣятельностію.

Французская Психологія въ первую половину нашего столѣтія.

Прежде чѣмъ говорить о современной литературѣ Психологіи, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣтокъ о судьбахъ этой науки во Франціи въ теченіи первой половины нынѣшняго столѣтія. Въ ней продолжались изслѣдованія частію въ духѣ сенсуализма XVIII вѣка,

частію же какъ реакція матеріализму того времени, однако не самостоятельно, а подъ вліяніемъ преимущественно шотландской школы. Къ перваго рода направленію относится Кабанисъ (1757—1808): „Rapport du physique et du moral de l'homme. 1802". Сочиненіе состоитъ изъ 12-ти мемуаровъ; въ нихъ трактуется объ ощущеніи и вліяніи возраста, половъ, темперамента, болѣзней, климата, инстинктовъ, сна и нравственности на организмъ. Душа, по нему, не есть существо, а только способность. Мозгъ отдѣляетъ мысль, подобно тому, какъ желудокъ перевариваетъ пищу. Это сочиненіе, переведенное и на нашъ русскій языкъ П. Бибиковымъ, имѣло большое вліяніе на физіологическія понятія въ нашемъ столѣтіи, а позднѣйшій матеріализмъ, въ нѣкоторыхъ своихъ представителяхъ (Молешоттъ), повторялъ нетолько мысли, но даже и выраженія Кабаниса. Ларомигьеръ (Laromiguiere) слѣдовалъ Локку въ объясненіи душевныхъ дѣятельностей: „Leçons de philosophie, ou essais sur les facultés de l'ame" Paris 1815—18.

Оригинальнѣе и самостоятельнѣе другихъ изъ представителей этого направленія былъ Галль (1828 †): „Anatomie et physiologie du systeme nerveux en general et du cerveau en particulier. Des dispositions innées de l'ame et de l'esprit. 1812. Галль былъ основателемъ Френологіи и Краніоскопіи Мозгъ, по нему, есть сочетаніе независимыхъ и отдѣльно дѣйствующихъ частей и съ каждою изъ нихъ неразрывно и нераздѣльно связана опредѣленная психическая сила. Объемъ послѣдней соотвѣтствуетъ объему части мозга, съ которою она соединена. Поверхности его соотвѣтствуетъ поверхность черепа и большій или меньшій объемъ каждой части мозга отражается на черепныхъ выпуклостяхъ, такъ что по послѣднимъ можно судить о выдающихся дарованіяхъ каждаго индивидуума. Въ дѣленіи душевныхъ способностей Галль отступаетъ отъ принятаго психологами. Онъ различаетъ первоначальныя и производныя психическія силы: первыхъ онъ насчитываетъ 27, подраздѣляя ихъ на стремленія и интеллектуальныя силы. Каждая изъ первоначальныхъ силъ имѣетъ мѣстопребываніе въ опредѣленной части мозга. Къ стремленіямъ Галль относитъ, напримѣръ, стремленія къ единству, привязанности, борьбѣ, разрушенію, къ чувствованіямъ — самочувствіе, заботливость и т. д. Выводныя силы суть частію отвлеченныя понятія объ основныхъ силахъ, частію степени ихъ, или результаты совмѣстнаго дѣйствія нѣсколькихъ основныхъ силъ. Такъ какъ всякая основная сила соединена съ извѣстною частію мозга и

безъ нея дѣйствовать не можетъ, то, очевидно, невозможно говорить о душѣ, какъ существѣ отдѣльномъ отъ мозга и самобытномъ. Поэтому воззрѣнія Галля многими причислялись къ матеріалистическимъ, хотя во второмъ вышеприведенномъ сочиненіи онъ положительно отвергалъ свою солидарность съ матеріализмомъ.

Реакція сенсуализму и матеріализму примкнула къ извѣстному уже намъ ученію шотландской школы, главнѣе всего, основателя ея, Рида. Первый изъ французовъ-философовъ, примкнувшій къ шотландской школѣ, былъ Ройе-Кольяръ (Royer-Collard) (1763—1845), настаивавшій на различіи между перцепціей и ощущеніемъ (Fragments въ Traduction трудовъ Рида).

Менъ-де-Биранъ (Maine de Biran 1766—1824). Въ „Memoires sur l'habitude (1803) имъ высказываются цѣнныя мысли о различіи перцепціи отъ ощущенія: послѣднее есть раздраженіе, произведенное внѣшними причинами; перцепція (воспріятіе) есть результатъ нашей добровольной дѣятельности. Поэтому элементъ его въ ощущеніи прямо пропорціоналенъ степени подвижности чувственнаго органа. Подобнымъ же образомъ онъ различаетъ память и воображеніе. Существуетъ два рода привычекъ: активныя и пассивныя; онѣ ослабляютъ ощущеніе и усиливаютъ перцепцію. Сочиненія Бирана: „Rapports du physique et du moral“ и „Essai sur le fondement de la psychologie“ были обнародованы Навилемъ лишь въ 1859 году. Въ нихъ рѣшительнѣй развивается понятіе души, какъ существа, различающаго себя въ сознаніи отъ способовъ своего дѣйствія. Первоначальный фактъ сознанія есть добровольное усиліе, заключающее въ себѣ какъ волю, такъ и противодѣйствіе собственнаго тѣла. Въ противодѣйствіи душа имѣетъ случай для сознанія какъ себя, такъ и внѣшняго міра, не—я; отсюда она доходитъ до понятія причины. Я не буду останавливаться на В. Кузенѣ, потому что хотя онъ своими историческими трудами много содѣйствовалъ распространенію Психологіи шотландской школы, но самостоятельныхъ сочиненій по нашей наукѣ не писалъ.

Психологія старыхъ нѣмецкихъ философскихъ школъ.

Мы довели свой историческій обзоръ развитія нашей науки до современной намъ эпохи: Лотце, Ульрици, Бэнъ, которыхъ

взгляды изложены выше, суть наши современники. Мы остановились на нихъ сравнительно подробно для того, чтобы дать читателю понятіе о послѣдней формѣ, въ которую выработалась Психологія у видныхъ представителей болѣе или менѣе философской Психологіи. Теперь мы обратимся къ изложенію современнаго положенія нашей науки и обзору ея современной литературы. Само собою понятно, что въ послѣднемъ отношеніи мы не можемъ исчерпать ее всю; да въ этомъ и нѣтъ, думаемъ, надобности: достаточно будетъ, если мы укажемъ важнѣйшіе психологическіе труды.

Старыя философскія школы въ Германіи послѣ нѣкоторой дѣятельности на пользу нашей науки, стали замѣчательно безплодны въ послѣднія два десятилѣтія. Трудно указать хотя одинъ серіозный трудъ, обнимающій нашу науку, въ школахъ Гербарта, Гегеля, Бенеке, послѣ 1860 года.

Въ частности, гербартовская школа, отличающаяся единствомъ воззрѣній и вѣрностію духу своего учителя, дала серіозные труды по Психологіи до пятидесятыхъ годовъ. Такъ, имѣютъ значеніе, съ точки зрѣнія школы и вообще науки, труды Дробиша: „Empirische Psychologie nach naturwissenschaftlicher Methode“. 1842; „Erste Grundlehre der mathematischen Psychologie“. 1850. Будучи самъ профессоромъ Математики, Дробишъ развилъ далѣе мысль своего учителя о приложеніи ея къ Психологіи. Вайцъ, извѣстный антропологъ, далъ цѣнные труды: „Grundlegung der Psychologie“. 1846; „Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft“. 1849. По ясности и доступности изложенія замѣчательны труды Фолькмана: „Die Lehre von den Elementen der Psychologie als Wissenschaft“. 1850; „Grundriss der Psychologie vom Standpuncte des philosophischen Realismus, nach genetischer Methode“. 1856; и Шиллинга: „Lehrbuch der Psychologie“. 1851. Отчасти примыкаетъ къ Гербарту составитель учебника Психологіи Г. Линднеръ: „Lehrbuch der empirischen Psychologie, als inductiver Wissenschaft. 2-te Ausgabe.“ 1868. Есть довольно цѣнный трудъ, спеціально касающійся чувствованій, важный не столько для анализа, сколько классификаціи ихъ,— Наловскаго: „Das Gefühlsleben“. 1862.

Въ школѣ Гегеля, кромѣ сочиненія Розенкранца: „Psychologie“, о которомъ мы уже упоминали (1-е изд. 1877, 2-е— 1843, 3-е — 1863), имѣютъ цѣнность еще: G. Biedermann:

„Die Wissenschaftslehre III B. 1856—60; Мишлета: „Anthropologie und Psychologie". 1840; Юл. Шиллера: „Psychologie". B. I. „Das Seelenleben des Menschen. 1860; Эрдмана: „Leib und Seele nach ihrem Begriff und Verhaltniss zu einander. 1837. „Grundriss der Psychologie fur Vorlesungen. 1840; Psychologische Briefe. 1854.

Между бенекіанцами особенно потрудился для распространенія ученія Бенеке І. Г. Дрессперъ: „Beitrage zu einer bessern Gestaltung der Psychologie und Padagogik." 1840—46. Его же статьи въ „Padagogische Jahrbucher Дистервега". Обзоры развитія душевной жизни и замѣтки о ней въ духѣ Бенеке разсѣяны въ разныхъ педагогическихъ сочиненіяхъ.

Школа Шопенгауера сосредоточивалась до сихъ поръ почти исключительно на метафизическихъ вопросахъ и ни самъ Шопенгауеръ, ни извѣстнѣйшій его послѣдователь, Ю. Фрауенштедтъ, спеціально Психологіей и ея вопросами не занимались. Изъ этой школы мы имѣемъ единственное серіозное психологическое сочиненіе, хотя спеціально трактующее вопросъ о характерахъ, но имѣющее и общее значеніе, Ю. Банзена: „Beitrage zur Charakterologie". 1867. 2 В. И Гартманъ, имѣвшій столь большой успѣхъ въ Германіи, занятъ болѣе обстановкою главныхъ метафизическихъ сторонъ своего ученія. Но какъ за Шопенгауеромъ, такъ и Гартманомъ, нельзя не признать заслугъ, что они снова возстановили старую мысль Дунса Скотта о первенствѣ воли предъ интеллектомъ, хотя у послѣдняго эта мысль имѣла только психологическое значеніе, у нихъ же получила преимущественно метафизическое.

Современный матеріализмъ и его литература.

Самая главная по объему и важная часть современной психологической литературы развилась и продолжаетъ развиваться подъ вліяніемъ естествовѣдѣнія и вообще точныхъ наукъ. Психологія есть нетолько философская дисциплина, но и положительная наука. Душевныя явленія, предметъ ея, суть факты, столь же положительные, какъ и всякіе, наблюдаемые во внѣшней природѣ. Они должны наблюдаться, изучаться, истолковываться и объясняться также точно, какъ это дѣлается реальными науками относительно внѣшнихъ фактовъ. Поэтому наша

наука, какъ сестра послѣднихъ, по необходимости, находится въ связи съ ними и испытываетъ на себѣ вліяніе ихъ. Психологи стараются усвоить себѣ методы и пріемы точныхъ наукъ, и сверхъ того, идеи и понятія, нарождающіяся съ теченіемъ времени въ послѣднихъ, особенно понятія, имѣющія принципіальное значеніе въ нихъ, неизбѣжно отражаются и на судьбахъ развитія Психологіи. Руководясь убѣжденіемъ въ единствѣ природы и подчиненіи всякаго рода явленій общимъ законамъ ея, умы, воспитавшіеся на изученіи внѣшняго міра, естественно приходятъ къ предположенію, что и міръ душевныхъ фактовъ управляется тѣми же законами и что за наружнымъ различіемъ ихъ отъ внѣшнихъ явленій кроется родство и тожественность по существу. При необыкновенно быстромъ ростѣ естествовѣдѣнія за послѣднее время и многихъ поразительныхъ результатахъ изслѣдованія природы, надобно особенное самообладаніе и трезвость ума, чтобы не питать надеждъ, что современной наукѣ удастся, наконецъ, то, чего не смогла совершить наука прежняго времени: втиснуть душевныя явленія въ одну рамку съ внѣшними фактами и превратить Психологію въ одну изъ главъ Физики и Физіологіи.

Такія мечтанія, конечно, несбыточныя, объясняютъ нѣкоторое оживленіе матеріалистическаго направленія въ нашей наукѣ въ послѣднія три десятилѣтія. Какъ доктрина, матеріализмъ есть метафизическое ученіе о бытіи вообще и попытка свести разнообразіе какъ душевныхъ, такъ и физическихъ фактовъ къ одной матеріальной причинѣ. Сводя все многоразличіе жизни къ механизму, онъ отрицательно относится къ вопросу религіозному, своеобразно долженъ смотрѣть на нравственность, отрицать присутствіе духа въ мірѣ. Для насъ въ матеріализмѣ интересна только та сторона, которая имѣетъ отношеніе къ Психологіи. Своею Метафизикою онъ обязывается свести душевныя явленія къ физическимъ, внѣшнимъ, доказать тожество первыхъ съ послѣдними, доказать не только полную обусловленность ихъ тѣлеснымъ организмомъ но и исключительное господство механизма надъ ними. Но въ этомъ отношеніи современный матеріализмъ, какъ и прежнихъ временъ, всегда занимался болѣе Метафизикою, чѣмъ наблюденіемъ, анализомъ, объясненіемъ. Можно сказать, что въ послѣднемъ отношеніи онъ ничего не далъ истинно научнаго, прочнаго и цѣннаго.

Рѣшительными матеріалистами нашего времени слѣдуетъ считать Карла Фохта, Як. Молешотта и Бюхнера, а моментомъ

выступленія матеріализма на борьбу съ идеализмомъ—1854 г., годъ собранія натуралистовъ въ Гёттингенѣ. Руд. Вагнеръ (физіологъ и извѣстный издатель словаря „Handwörterbuch der Physiologie“; въ немъ много статей, касающихся психологическихъ вопросовъ, не потерявшихъ значенія и въ настоящее время) читалъ на этомъ собраніи лекцію: „Ueber Menschenschopfung und Seelensubstanz“, во второй части которой онъ доказывалъ, что естествовѣдѣніе еще не достигло степени зрѣлости, при которой оно могло бы рѣшить вопросъ о природѣ души, и что, ради спасенія началъ нравственности, необходимо вѣрить въ существованіе индивидуальной безсмертной духовной сущности. Ту же мысль между прочимъ онъ развивалъ и въ двухъ позже явившихся брошюрахъ: „Ueber Wissen und Glauben mit besonderer Beziehung auf die Zukunft der Seelen“, 1854, и въ „Kampf um die Seele“, 1857. Лекція Вагнера вызвала оживленную полемику, въ которой принимали участіе многіе философы и натуралисты. Съ особенною рѣзкостію отвѣчалъ Вагнеру К. Фохтъ, противъ котораго собственно была направлена лекція, въ сочиненіи „Köhlerglaube und Wissenschaft“, 1854. Это есть наиболѣе видный представитель воинствующаго матеріализма. Свои взгляды на душевную жизнь человѣка онъ изложилъ въ „Physiologische Briefe“, 1845; „Bilder aus dem Thierleben“, 1852 и „Vorlesungen über den Menschen, seine Stellung in der Schöpfung und in der Geschichte der Erde“, 1863. Всѣ способности, извѣстныя подъ названіемъ душевной дѣятельности, суть только отправленія мозговаго вещества; мысль находится почти въ такомъ же отношеніи къ головному мозгу, какъ желчь къ печени, или моча къ почкамъ. Молешоттъ („Kreislauf des Lebens“, 1852), считаетъ мысль за фосфорное свѣтлѣніе мозга. Популярнѣйшій между матеріалистами, Бюхнеръ („Kraft und Stoff, empirische naturphilosophische Studien in allgemein verständlichen Darstellung“, 1855; „Natur und Geist“, 1857; Aus Natur und Wissenschaft“, 1862), принимаетъ мысль за результатъ дѣйствія многихъ веществъ; мозгъ есть мыслительная машина; какъ паровикъ производитъ результатъ, отличный отъ пара, которымъ онъ дѣйствуетъ, такъ и мозгъ производитъ новый результатъ—мысль. Объ этихъ трехъ представителяхъ современнаго матеріализма слѣдуетъ замѣтить, что они не дали ничего новаго сравнительно съ французскими матеріалистами: мысль Фохта есть дословное повтореніе мысли Кабаниса, высказанной имъ въ упомянутомъ выше сочиненіи.

Къ матеріалистическому направленію принадлежитъ часть трудовъ извѣстнаго Цольбе (1819—1873): „Neue Darstellung des Sensualismus“, 1855; „Entstehung des Selbstbewusstseins, eine Antwort an Lotze“, 1856. Цольбе въ этихъ сочиненіяхъ пытается изъ физическихъ движеній матеріи вывести ощущенія и чувствованія, какъ элементы души; самосознаніе есть процессъ круговаго движенія въ душѣ. Въ трудѣ: „Uber die Grenzen und den Ursprung der menschlichen Erkenntniss“, 1865, Цольбе отступается отъ этой попытки и предполагаетъ скрытыя въ пространствѣ ощущенія и чувствованія, или міровую душу; вибраціи мозга не могутъ возбуждать ихъ, но чрезъ нихъ эти состоянія вызываются въ міровой душѣ. Способъ вызова есть первоначальный необъяснимый фактъ.

Современный матеріализмъ имѣетъ, конечно, свое значеніе въ общемъ философскомъ движеніи и быть можетъ, его слѣдуетъ признать естественнымъ уклоненіемъ мысли, погруженной исключительно въ область внѣшнихъ фактовъ. Въ нашей наукѣ онъ имѣетъ значеніе полезнаго предостереженія психологамъ — не отклоняться отъ здраваго реализма, при изученіи душевныхъ явленій, и идеалистическія гипотезы не принимать за дѣйствительныя фактическія объясненія. Какъ ученіе, онъ несамостоятеленъ, не имѣетъ блеска и оригинальности матеріализма 18-го вѣка и осужденъ своею Метафизикою на научное безплодіе.

Взглядъ позитивистовъ на Психологію.

Вліяніе естествовѣдѣнія на Психологію слѣдовало бы признать поверхностнымъ, если бы оно ограничилось порожденіемъ только матеріалистическаго ученія. Это вліяніе гораздо глубже. Столь развитая методологія точныхъ наукъ, неизбѣжно вызываетъ стремленіе у психологовъ, по возможности, примѣнять методы и пріемы ихъ къ изученію душевныхъ явленій. Явилась цѣлая школа, полагающая какъ принципъ, что не слѣдуетъ въ Психологіи идти далѣе наблюдаемыхъ явленій и что наблюденіе не должно основываться на внутреннемъ чувствѣ, на самосознаніи, а быть объективнымъ, какъ объективно наблюденіе внѣшнихъ чувствъ. Такова мысль позитивизма. Успѣхъ Физики отражается въ нашей наукѣ многими изслѣдованіями по методамъ ея, равно какъ развитіе современной Физіологіи породило

рядъ изысканій по многимъ спеціальнымъ вопросамъ и сверхъ того, вызвало къ жизни цѣлую физіолого-психологическую школу. Принципіальныя понятія, господствующія въ современномъ естествовѣдѣніи стремятся такъ или иначе примѣниться къ области душевныхъ явленій.

Позитивизмъ основанъ Огюстомъ Контомъ (1798—1857). Его отрицательная идея состоитъ въ упраздненіи всякой Метафизики и изслѣдованій какъ первыхъ, такъ и конечныхъ причинъ; положительная сторона состоитъ въ опредѣленіи закона развитія, классификаціи и резюмированіи положительныхъ результатовъ наукъ, въ ихъ стройной цѣлостности. Контъ признаетъ шесть основныхъ наукъ: Математику, Астрономію, Физику, Химію, Біологію и Соціологію. Въ этомъ перечнѣ Психологіи не дается самостоятельнаго мѣста; мало того, онъ вездѣ говоритъ о ней съ пренебреженіемъ. Онъ допускаетъ изученіе интеллектуальныхъ и нравственныхъ отправленій, и признаетъ его частью Физіологіи, одной изъ составныхъ наукъ Біологіи. Контъ отвергаетъ самонаблюденіе, какъ основаніе нашего знакомства съ душевными явленіями, и предлагаетъ, такъ называемый у него, объективный методъ: онъ состоитъ въ изученіи другихъ людей, жизни животныхъ и отправленій мозга. Область послѣднихъ онъ подраздѣляетъ на три области: склонностей, чувствъ, и ума. Самый анализъ ихъ нельзя признать удачнымъ: Контъ рѣшительно не принялъ во вниманіе успѣховъ въ изученія душевной жизни, достигнутыхъ англійскими психологами. Cours de Philosophie positive, 1830—1832; Systeme de Politique positiviste 4 vol. 1851—2.

Психологія подъ вліяніемъ Физіологіи. Г. Спенсеръ, Маудсли, Карпентеръ, Вундтъ.

Несравненно шире смотритъ на Психологію Гербертъ Спенсеръ. Онъ ставитъ ее въ связь съ Физіологіей, но не сливаетъ съ нею, какъ Контъ. Она изслѣдуетъ соотношенія между соотношеніями, между тѣмъ какъ Физіологія имѣетъ въ виду только отношенія. Психологія должна обнять всѣ явленія одушевленія, во всемъ живомъ мірѣ и по скольку изучаетъ конкретныя явленія, есть объективная наука. Какъ часть ея, Спенсеръ выдѣляетъ субъективную Психологію, доставляющую объективной

существенныя понятія, служащія для нея точками отправленія. Прежде всего Спенсеръ обращается къ индукціи Психологіи. Признавъ субстанцію духа не познаваемою, онъ говоритъ только о составныхъ частяхъ его, которыя по нему суть: чувствованія и отношенія между чувствованіями. Первыя онъ опредѣляетъ на периферическія и центральныя; между ними могутъ быть различныя степени взаимнаго ихъ теченія и связности. Отъ простыхъ состояній духъ постепенно восходитъ къ болѣе сложнымъ, по объему и содержанію; развитіе духа есть прогрессивная интеграція. Самое ощущеніе есть интегрированный рядъ нервныхъ толчковъ или единицъ чувствованія; сложныя ощущенія образуются посредствомъ интеграціи двухъ или болѣе такихъ рядовъ и т. д. до образованія обширныхъ и сложныхъ аггрегатовъ въ разумѣ. Чувствованія могутъ оживать, равно какъ и отношенія между ними. Анализуя эти процессы, Спенсеръ старается вездѣ ставить ихъ въ связь съ результатами нервной Физіологіи. Отдѣлъ индукціи кончается анализомъ удовольствій и страданій, возникающихъ изъ приспособленія организма къ окружающей средѣ.

Далѣе, Спенсеръ переходитъ къ объективной Психологіи, которую дѣлитъ на три части: общій синтезъ, разсматривающій соотвѣтствіе между организмами и окружающею ихъ средою, между органическими и психическими дѣятельностями и постепенное ихъ развитіе. Онъ слѣдитъ чрезъ все животное царство за прогрессомъ постоянныхъ приспособленій спеціальныхъ внутреннихъ дѣйствій къ спеціальнымъ внѣшнимъ дѣйствіямъ. Во второмъ отдѣлѣ онъ слѣдитъ, какъ прогрессъ соотвѣтствія между организмомъ и его средою имѣетъ своимъ послѣдствіемъ приведеніе чувственныхъ перемѣнъ въ рядовую послѣдовательность, изъ чего развивается ясное, раздѣльное сознаніе, получающее болѣе высокій характеръ, по мѣрѣ того, какъ послѣдовательность становится болѣе быстрою, а соотвѣтствіе болѣе полнымъ. Общій законъ психической дѣятельности, по Спенсеру, состоитъ въ томъ, что сила стремленія, со стороны всякаго предыдущаго психическаго состоянія, вызывать послѣдующее психическое состояніе пропорціональна постоянству союза между внѣшними явленіями, изображаемыми этими психическими состояніями. Законъ развитія духовной дѣятельности состоитъ въ слѣдующемъ: когда два какія нибудь психическія состоянія происходятъ непосредственно одно за другимъ, то результатъ этого бываетъ

таковъ, что когда впослѣдствіи первое изъ этихъ состояній снова является въ сознаніи, то въ сознаніи оказывается стремленіе вызвать и второе. Спенсеръ дѣлаетъ далѣе обобщенія относительно рефлекса, инстинкта, памяти, разума, чувства и воли. Въ третьемъ отдѣлѣ, физическомъ синтезѣ, Спенсеръ доказываетъ параллелизмъ психическаго развитія, нервовъ и нервныхъ системъ.

Для рѣшенія вопроса о познаніи внѣшняго міра, Спенсеръ предпринимаетъ спеціальный анализъ мыслительной и познавательной дѣятельности. Онъ начинаетъ съ самаго сложнаго факта— сложнаго количественнаго разсужденія и отъ него идетъ къ несовершенному и простому количественному разсужденію и количественному разсужденію вообще, совершенному и несовершенному качественному. Спенсеръ изслѣдуетъ затѣмъ разсужденіе вообще, классификацію, наименованіе, узнаваніе, различные роды воспріятій, установку отношеній и сознаніе вообще. Общій результатъ, къ которому онъ приходитъ, таковъ: сознаніе не можетъ ни возникнуть, ни поддерживаться безъ постояннаго появленія различій въ его состояніи; оно должно переходить изъ одного состоянія въ другое; здѣсь должна имѣть мѣсто непрерывная дифференціація его состояній. Но послѣдовательно возникающія состоянія сознанія могутъ становиться элементами мысли лишь по стольку, по скольку они познаются, какъ сходныя съ нѣкоторыми прежде испытанными состояніями, т. е. всякое состояніе сознанія должно интегрироваться съ прежними. И вообще всякое душевное дѣйствіе можетъ быть опредѣлено, какъ непрерывная дифференціація и интеграція состояній сознанія.

Пріобрѣтенные результаты Спенсеръ доказываетъ отрицательно и положительно. Субъектъ и объектъ суть антитеза непознаваемаго и это положеніе онъ защищаетъ какъ противъ идеалистовъ, такъ и скептиковъ, и анализомъ дифференціированія субъекта и объекта устанавливаетъ свое реалистическое предположеніе непознаваемой реальности. Послѣднюю восьмую часть Спенсеръ посвящаетъ резюмированію выводовъ изъ всего анализа. Устанавливая классификацію душевныхъ состояній, онъ дѣлитъ ихъ на двѣ главныхъ группы: чувствованія и отношенія между ними, или познаванія. Послѣднія подраздѣляются на представляющіяся, представительно произведенныя, просто воспроизведенныя и перевоспроизведенныя познаванія. Чувствованія дѣлятся на такія же категоріи, подъ тѣми же самыми названіями, какъ и познаванія. Вслѣдъ за симъ разсматривается по-

рядокъ интеллектуальнаго развитія; предъ изложеніемъ порядка эмоціональнаго развитія, Спенсеръ останавливается на языкѣ душевныхъ волненій, при чемъ различаетъ два вида эффектовъ: расплывчатаго или общаго нервнаго разряженія и эффекта ограниченнаго разряженія, которые въ свою очередь подраздѣляются на эффекты не направленные, или происходящіе безъ всякой цѣли, и направленныя, происходящіе съ нѣкоторою цѣлію. При разборѣ чувствованій Спенсеръ останавливается на эгоистическихъ, эгоальтруистическихъ, альтруистическихъ и эстетическихъ. (Principles of Psychology, 1855; есть русскій переводъ: Основанія Психологіи, 1876).

Трудъ Спенсера есть серіозная попытка провести чрезъ весь психологическій анализъ идею развитія душевныхъ состояній чрезъ дифференціированіе и интегрированіе ихъ. Онъ ставитъ свой анализъ и синтезъ въ связь съ данными сравнительной Анатоміи и Физіологіи; не сливая Психологіи съ ними, онъ превращаетъ ее въ самостоятельную науку объ одушевленіи животнаго міра.

Попыткамъ сблизить Физіологію съ Психологіей мы обязаны появленіемъ особаго класса трудовъ, физіологическихъ Психологій. Изъ нихъ заслуживаютъ почетнаго упоминанія: Маудсли: Физіологія и Патологія души. Русск. пер. 1871, Карпентера: Mental Physiology, 1874 и Вундта: Grundzüge der physiologischen Psychologie, 1874.

Маудсли признаетъ необходимость соединенія физіологическаго метода съ психологическимъ, но первенство должно принадлежать первому. Послѣдній даетъ противоположные результаты, о многихъ душевныхъ явленіяхъ не сообщаетъ ни какихъ свѣдѣній, равно какъ ничего не говоритъ о тѣлесныхъ условіяхъ, лежащихъ въ основѣ всякаго душевнаго явленія и органическомъ вліяніи на мозгъ другихъ органовъ тѣла. Маудсли ставитъ душу въ столь тѣсную зависимость отъ послѣднихъ, что трудно сказать, чѣмъ собственно онъ отличается въ этомъ отношеніи отъ матеріалистовъ. Мозгъ есть органъ души, а нервныя клѣтки непосредственные дѣятели душевныхъ состояній; душевная сила (или душа) есть организированный результатъ въ соотвѣтственныхъ центрахъ. Въ основаніе объясненія ощущеній, Маудсли, подобно Спенсеру, полагаетъ уподобленіе и дифференціированіе. Идея есть постепенная организація. Въ тѣсную связь съ нервною дѣятельностію авторъ ставитъ развитіе чувствованій,

т. е. состояній сердца. И воля есть постепенная организація: она слагается изъ многочисленныхъ центровъ волевыхъ реакцій. Память существуетъ во всякомъ органическомъ элементѣ, какъ органическое усвоеніе впечатлѣній. Для пониманія дѣйствія ея необходимо помнить, что она основывается на физіологическомъ уподобленіи и дифференцированіи.

У Маудсли граница между физіологическими и духовными дѣятельностями человѣка такъ неопредѣленна, не ясно очерчена, что трудно сказать, гдѣ кончается, по нему, физіологическая функція и начинается психическая. Психическій методъ самосознанія онъ терпитъ скорѣе, какъ необходимое зло, и отнюдь не признаетъ его первымъ и не замѣнимымъ средствомъ для ознакомленія съ душевными явленіями. Иного направленія Карпентеръ. Различіе между дѣятельностями тѣла и духа ясно сознается имъ. Отвергая матеріалистическую гипотезу, онъ говоритъ только о соотвѣтствіи духа и силы, и физическому механизму даетъ значеніе лишь средства для дѣятельности духа. Послѣ довольно подробныхъ замѣтокъ о нервной системѣ и ея функціяхъ, онъ чрезвычайно мѣтко и главное, какъ намъ кажется, совершенно вѣрно опредѣляетъ психическую сторону различныхъ душевныхъ дѣйствій: такъ, онъ трактуетъ о вниманіи, ощущеніи, перцепціи и инстинктѣ, образованіи разнообразныхъ идей, волненіяхъ, привычкѣ, волѣ и ея вліяніи на тѣлесныя движенія, умственныхъ дѣйствіяхъ, образованіи убѣжденій, направленіи поведенія. Эти разсужденія составляютъ у Карпентера общую Физіологію духа; спеціальная—трактуетъ о памяти, здравомъ смыслѣ, воображеніи, безсознательной дѣятельности мозга, мечтательности и отвлеченіи, снѣ, сновидѣніи и сомнамбулизмѣ, месмеризмѣ и спиритуализмѣ, опьяненіи и безуміи, вліяніи духовныхъ состояній на органическія функціи и наконецъ, объ умѣ и волѣ въ природѣ.

Вундтъ, давшій, по Психологіи, цѣнный трудъ: Vorlesungen über Menschen- und Thierseele, въ которомъ онъ въ первый разъ популяризировалъ результаты изслѣдованій Фехнера надъ возрастаніемъ ощущеній, въ новомъ, упомянутомъ выше, сочиненіи даетъ точное опредѣленіе физіологической Психологіи. Наука изслѣдующая тѣ жизненные процессы, которые, занимая средину между внѣшнимъ и внутреннимъ опытомъ, допускаютъ приложеніе того и другаго метода называется физіологическою Психологіей; самое названіе указываетъ что главный

предметъ ея есть Психологія, но принимающая во вниманіе и данныя Физіологіи. Душа есть субъектъ состояній, познаваемыхъ внутреннимъ чувствомъ. Ученіе о физіологическихъ свойствахъ нервной системы дано Вундтомъ въ большой подробности. Анализъ ощущеній также обширенъ, при чемъ полно излагается физіологическая сторона процесса ихъ. Чувствованія — удовольствія и страданія — разсматриваются, какъ процессъ, данный отчасти въ ощущеніяхъ. Въ главѣ о представленіяхъ Вундтъ указываетъ физіологическія условія образованія представленій осязательныхъ качествъ, движенія, слуховыхъ и зрительныхъ, воображенія, сложныхъ представленій, общихъ представленій и наглядныхъ формъ пространства и времени; при этомъ разбирается образованіе эстетическихъ чувствованій. Вундтъ указываетъ физіологическія условія сознанія и вниманія, теченіе и ассоціацію представленій, движенія сердца. Послѣдній отдѣлъ занятъ анализомъ движеній: рефлективныхъ и произвольныхъ, выраженій чувствъ. Вундтъ убѣжденъ въ повсюдномъ взаимодѣйствіи души и тѣла: нѣтъ душевнаго состоянія, которое не имѣло бы соотвѣтствующаго процесса въ тѣлѣ. Душа есть внутреннее бытіе того самаго единства, которое мы внѣшнимъ образомъ созерцаемъ, какъ тѣло.

Между нѣмецкими Психологіями, которыя хотя и не ставятъ нашей науки въ прямую связь съ Физіологіей, но имѣютъ въ виду усвоеніе ей естествовѣдной методологіи, слѣдуетъ упомянуть: Psychologie vom empirischen Standpuncte, von Brentano, 1874, замѣчательная по строгой опредѣленности понятій и ясности изложенія.

Литература спеціальныхъ психологическихъ вопросовъ.

Кромѣ трудовъ, обнимающихъ Психологію въ цѣломъ, существуетъ еще масса спеціальныхъ изслѣдованій, имѣющихъ предметомъ своимъ нѣкоторые отдѣлы ея, или частные вопросы. Такъ, есть труды, касающіеся вопроса объ измѣненіи ощущеній, анализа чувствованій, какъ состояній сердца, выраженія ихъ въ тѣлѣ, наслѣдственности вообще, сна и сновидѣній, воображенія, особенно духовной жизни животныхъ, душевныхъ болѣзней.

Процессъ ощущенія дѣятельно изслѣдуется въ настоящее время. Фехнеръ въ своихъ Elemente der Psychophysik, 1860,

старался установить методы изслѣдованія возрастанія ощущеній и пришелъ къ опредѣленнымъ результатамъ, съ которыми мы познакомимся въ своемъ мѣстѣ. Кромѣ Гельмгольца (Physiologische Optik, 1867), Обера (Aubert, Physiologie der Netzhaut, 1865), касающихся вопросовъ, поднятыхъ Фехнеромъ между прочимъ, спеціально о нихъ разсуждаютъ: Бернштейнъ (Zur Theorie des Fechnerschen Gesetzes der Empfindung—статья въ Archiv, 1868; uber den Erregungsvorgang im Nerven- und Muskelsysteme); Плато (Plateau, Bulletin de l'Acad. de Belgique, T. XXXII, 1872), Дельбефъ (Delboeuf, Etude psychophysique, 1873; La loi psychophysique — статья въ Revue philosophique, par Ribot, 1877; Theorie generale de la sensibilité, 1876), Герингъ (Ueber Fechners psychophysisches Gesetz въ Wien. Berichten, 72 Bd. 1875), Лангеръ (Grundlagen der Psychophysik, eine kritische Untersuchung, 1876). Любопытенъ отвѣтъ Фехнера своимъ противникамъ, сдѣланный въ сочиненіи: In Sachen der Psychophysik, 1877, изъ котораго мы заимствовали вышеприведенныя указанія литературы вопроса.

По поводу чувствованій есть нѣсколько монографій: Летурно (Physiologie des passions), Мажи (Magy: Les passions, 1878), особенно Дюмона (Theorie de la sensibilité, 1875), Булье (Du plaisir et de la douleur), Горвица (Zur Naturgeschichte der Gefühle, 1876), Рише (Recherches experimentales et cliniques sur la sensibilité, 1877).

Для выраженія чувствованій въ тѣлѣ, кромѣ „Механизма человѣческой физіономіи“ Дюшеня, явились блестящія работы Грасіоле: „De la physionomie et des mouvements d'expressions“ и Дарвина: The expression of the emotions in man and animals. 1872 (есть русскіе переводы).

По вопросу о психологической наслѣдственности есть классическіе труды французовъ: Рибо: L'heredité, étude psychologique, 1873, и доктора Вуазена: L'heredité, 1873, и англійскаго ученаго Фрэнсиса Гальтона: Hereditary Genius, an Inquiry in to its Laws and Consequences, 1869.

А. Мори, членъ Французскаго Института, далъ серіозный и обстоятельный анализъ явленій сна и сновидѣній въ книгѣ: „Сонъ и сновидѣнія. Психологическія изслѣдованія и наблюденія“. Перев. Пальховскаго, 1867.

Цѣнная работа по анализу воображенія представлена Мишо (Michaud, De l'imagination. Etude psychologique, 1876).

Для знакомства съ душевною жизнію животныхъ, можно рекомендовать два чрезвычайно важныхъ сочиненія: Etudes sur les facultés mentales des animaux comparées à celles de l'homme, par un voyageur naturaliste, Houseau, 2 тома. Гузо даетъ уже сводъ своихъ наблюденій, группируя ихъ подъ заглавіями: 1) жизнь автоматическая, куда онъ относитъ ощущенія, инстинкты, привычки, 2) разумное существованіе (чувствованія, страсти, идеи), 3) соціальное бытіе (языкъ, семья, общественность). Другое сочиненіе, тоже весьма цѣнное, принадлежитъ Жоли (Henri Joly, Psychologie comparée. L'homme et animal, 1877). Разсуждая о животной жизни вообще, авторъ анализуетъ понятія жизни, ощущенія, воображенія, нужды, желанія и стремленія, добровольныя движенія; далѣе идетъ рѣчь объ особенностяхъ животной жизни: инстинктѣ, естественномъ складѣ животныхъ, ихъ архитектурѣ, природѣ инстинктовъ. Въ животныхъ есть свое психическое развитіе и чтобы опредѣлить его, Жоли разсматриваетъ языкъ и ассоціацію идей, послѣднюю сравнительно съ разумомъ. разумъ и наслѣдственность, сознаніе въ животныхъ и людяхъ. Наконецъ, онъ опредѣляетъ принципъ животной жизни и мысли и заключаетъ свою книгу историческимъ обзоромъ взглядовъ на животныхъ въ древнія времена, средніе и новые вѣка. Кромѣ этихъ сочиненій, масса весьма точныхъ наблюденій надъ животнымъ міромъ разсѣяна въ сочиненіяхъ Дарвина (между прочимъ въ его трудахъ о человѣкѣ), Валласа и друг.

Огромный цѣнный психологическій матеріалъ собранъ въ сочиненіяхъ, касающихся душевныхъ болѣзней. Онѣ составляютъ особую спеціальную область медицинской литературы. Въ работахъ Гризингера, Маудсли, Эскироля, особенно во многихъ журналахъ, посвященныхъ описанію, объясненію и лѣченію душевныхъ болѣзней, психологъ найдетъ множество мѣткихъ и вѣрныхъ замѣчаній о процессахъ духовной жизни. По обширности этого рода литературы, мы не можемъ брать на себя обязанность перечислять ее здѣсь, тѣмъ болѣе, что къ вопросу о душевныхъ болѣзняхъ мы думаемъ обратиться въ третьемъ томѣ этого сочиненія и тамъ надѣемся упомянуть о важнѣйшихъ трудахъ по этой спеціальности.

Русская психологическая литература.

Заключаемъ обзоръ психологической литературы замѣтками о русскихъ психологическихъ трудахъ. Мы не будемъ упоминать о сочиненіяхъ давно прошедшаго времени, большею частію компилятивнаго характера, теперь уже справедливо забытыхъ. Въ послѣднее время наша психологическая литература обогатилась многими переводными и болѣе или менѣе самостоятельными сочиненіями. У насъ есть переводы: Учебника Психологіи — Дресслера; Чтеній о душѣ человѣка и животныхъ—Вундта, Микрокозма—Лотце; Основаній Психологіи—Спенсера; Физіологіи и Патологіи души — Маудсли; Выраженія чувствованій — Дарвина. Слѣдуетъ лишь радоваться тому, что наша литература усвоетъ себѣ зрѣлыя наблюденія западно-европейской науки надъ жизнію духа. Болѣе или менѣе самостоятельная литература по Психологіи у насъ очень не велика.

Во главѣ всѣхъ русскихъ современныхъ трудовъ, по нашей наукѣ, слѣдуетъ поставить сочиненіе Ушинскаго: Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической Антропологіи. 2 тома. 1868—1869. Анализъ душевныхъ дѣятельностей очень подробенъ, особенно чувствованій и явленій воли. Авторъ почти вездѣ старается устанавливать свой взглядъ путемъ критики чужихъ мнѣній.

Педагогическая Психологія для народныхъ учителей, воспитателей и воспитательницъ, 1877, П. Каптерева. Это опытъ скорѣе физіологической Психологіи англійскаго типа. Послѣ замѣтокъ о строеніи и отправленіяхъ нервной системы, авторъ даетъ подробный и очень удовлетворительный анализъ ощущеній. Ученіе о представленіяхъ изложено сообразно выработаннымъ англійскою Психологіей результатамъ. Воображеніе разбирается попреимуществу, какъ эстетическое творчество. Чувствованія и воля излагаются по Бэну. Анализъ изъясняется на многихъ примѣрахъ, взятыхъ изъ эстетической литературы. Сочиненіе стоитъ въ уровень съ наукою и есть весьма полезное пріобрѣтеніе для нашей небольшой психологической литературы.

Опытъ обозрѣнія и біологико-психологическаго изслѣдованія способностей человѣческаго духа. Христ. Экеблада. 1872. Авторъ отличаетъ духъ отъ души, разумъ отъ ума и убѣжденъ, что духъ человѣческій въ своемъ развитіи и обнаруженіяхъ не про-

изводитъ ничего новаго противъ того, что имѣется въ вещественной сферѣ человѣческаго организма. Человѣкъ имѣетъ и долженъ имѣть разныя духовныя способности и число ихъ соотвѣтствуетъ числу главныхъ явленій общей природы и вещественной стороны человѣческаго организма. Экебладъ самъ сознается, что часть перваго отдѣла (обозрѣніе основныхъ и постоянныхъ способностей человѣческаго духа) заимствована изъ лекцій Велланскаго; остальная часть перваго отдѣла, затѣмъ второй (о мышленіи, какъ результатѣ дѣйствій духовныхъ способностей человѣка), третій (обозрѣніе нѣкоторыхъ явленій человѣческаго духа, которыя или принимаются неправильно за самостоятельныя способности, или заслуживаютъ почему-либо особеннаго вниманія) и четвертый (о дѣйствительности бытія духа человѣческаго вообще и различіи его отъ души) принадлежатъ исключительно ему. Авторъ шеллингистъ и занятъ не столько анализомъ, сколько разъясненіемъ смысла разныхъ видовъ душевной дѣятельности.

Курсъ опытной Психологіи. И. Чистовича. 1868 и послѣд. изданія. Это есть учебникъ Психологіи, принятый въ семинаріяхъ духовнаго вѣдомства. Ясно и сжато эта книга передаетъ главнѣйшія и болѣе существенныя понятія нашей науки. Авторъ принялъ во вниманіе нѣкоторыя работы гербартовской, бенекинской школъ и разныхъ представителей идеально реальнаго направленія и далъ по Психологіи книгу, какой до него у насъ въ Россіи не существовало. Ее можно рекомендовать для самообученія и первоначальнаго знакомства съ нашею наукою.

Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ. Николая Грота. 1880. Авторъ представляетъ исторію классификаціи психологическихъ феноменовъ и взглядовъ на отношеніе чувствованій къ прочимъ явленіямъ психической жизни въ теченіи древняго періода, средневѣковаго и до Канта, исторію ученій объ удовольствіи и страданіи и различныхъ способовъ классификаціи чувствованій и аффектовъ. Третью часть сочиненія составляетъ критическій опытъ о значеніи чувствованій въ связи съ классификаціей психическихъ явленій, объ условіяхъ образованія чувствованій и объ основахъ ихъ классификаціи. Въ своемъ положительномъ ученіи о чувствованіи авторъ примыкаетъ къ эмпирической положительной школѣ, особенно къ Спенсеру.

Задачи Психологіи. Соображенія о методахъ и программѣ психологическихъ изслѣдованій. К. Кавелина. 1872. Это сочиненіе, въ сущности, есть критика ходячихъ психологическихъ по-

нятій. Рекомендуя положительный методъ, авторъ отрицательно относится къ матеріализму: наука должна параллельно и сравнительно изучать душевныя и матеріальныя явленія. Душа есть самостоятельный и самодѣятельный организмъ. Авторъ защищаетъ свободу воли. Живой языкъ, ясность мысли и сочувственность направленія, по нашему мнѣнію, даютъ сочиненію г. Кавелина весьма почетное мѣсто между русскими трудами по Психологіи.

Для ознакомленія съ современными направленіями Психологіи можно рекомендовать слѣдующія сочиненія:

Нѣмецкая Психологія въ текущемъ столѣтіи. Историческое и критическое изслѣдованіе съ предварительнымъ очеркомъ успѣховъ Психологіи со временъ Бэкона и Локка. М. Троицкаго. 1867. Довольно подробенъ обзоръ успѣховъ психологическаго метода и анализа въ Англіи и неуспѣховъ ихъ въ Германіи. За нимъ слѣдуетъ критическое обозрѣніе Психологіи нѣмецкаго идеализма, кантовской школы, Фриза, гербартовской школы, Бенеке, нѣмецкаго эклектизма: сочиненіе заканчивается замѣтками о матеріализмѣ и „Физіологіи“ духа въ Германіи. Первая половина даетъ хорошія свѣдѣнія о постепенномъ развитіи англійской Психологіи, вторая есть критика не только нѣмецкой Психологіи, но и вообще послѣ-кантовскихъ и самаго кантовскаго направленій въ Философіи. Замѣтки автора остроумны, во многихъ отношеніяхъ вѣрны, но, къ сожалѣнію, нѣсколько страстны.

Современныя направленія въ наукѣ о душѣ. 1866. М. Владиславлева. Это есть критическій обзоръ направленія нѣмецкой Психологіи.

Какимъ образомъ единая нераздѣльная душа можетъ обнаруживать многоразличіе дѣятельностей, можетъ ли она имѣть многія способности и какія изъ нихъ суть первоначальныя, какія вторичныя, какъ понимать вообще способность души—такіе вопросы мы теперь должны оставить въ сторонѣ: попытка рѣшенія ихъ теперь была бы преждевременна. Мы обратимся прежде всего къ фактамъ и разъясненію ихъ. Несмотря на все разнообразіе душевныхъ явленій, ихъ можно раздѣлить на три главнѣйшихъ группы: факты познавательной дѣятельности, состоянія сердца и акты воли. Слѣдуетъ ли признавать ихъ тремя самостоятельными и равноправными группами,—это мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ. Такъ какъ упомянутая классификація психическихъ фактовъ представляетъ удобство для анализа, то мы и разсмотримъ ихъ въ указанномъ порядкѣ.

Теоретическая дѣятельность начинается съ ощущеній, возрастаетъ и крѣпнетъ на основѣ памяти и принимаетъ формы рефлексіи и воображенія. Поэтому мы сначала займемся анализомъ преимущественно психической стороны ощущеній, а потомъ послѣдовательно изслѣдуемъ память, рефлексію и воображеніе.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ГЛАВА I.

Ощущенія.

Мы обыкновенно полагаемъ, что у насъ есть способность издалека, на разстояніи, замѣчать, присущія предметамъ, свойства и качества. Мы видимъ красную крышу дома и незадумываемся приписывать красноту самой крышѣ: намъ кажется, что она за-

мѣчается въ извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ, именно на верху дома; слыша рѣчь оратора мы также полагаемъ, что наблюдаемъ звуки непосредственно, по выходѣ ихъ изъ устъ говорившаго; при осязаніи предмета, намъ кажется, что шероховатость или гладкость, холодъ или тепло принадлежатъ самому ему и выслѣживаются нами въ самомъ предметѣ. Простое сознаніе не задаетъ себѣ вопроса, какимъ образомъ издалека можно замѣчать вещь, какъ она есть, и вообще, какъ и чѣмъ возможно охватывать въ познаніи предметъ.

Но уже издавна люди, не довольствовавшіеся первыми пришедшими на умъ предположеніями, пытались объяснить себѣ, какимъ образомъ возможно для насъ наблюденіе окружающихъ предметовъ. Греческій философъ Эмпедоклъ (за пять столѣтій до Р. Хр.) утверждалъ, что познаваніе вещей основывается на вліяніи ихъ на познающее лицо; онъ говорилъ объ истеченіяхъ изъ предметовъ, направляющихся отъ нихъ къ человѣку и въ немъ встрѣчающихся съ подобными же истеченіями; отъ встрѣчи ихъ и происходятъ ощущенія. Демокритъ (одинъ изъ основателей школы атомистовъ, жилъ въ V вѣкѣ до Р. Хр.), пришелъ къ предположенію, что отъ вещей отдѣляются по всѣмъ направленіямъ образы (εἴδωλα), доходятъ до нашего глаза и тѣмъ доставляютъ намъ познаніе. Аристотель, хотя Физіологія и Анатомія въ его время не существовали, какъ науки, полагалъ, что ощущеніе есть процессъ сложный, предполагающій среду, чрезъ которую предметъ дѣйствуетъ на наши чувства *). Со времени Аристотеля утверждается въ Психологіи та истина, что ощущеніе не есть непосредственное наблюденіе внѣшнихъ предметовъ, но посредственное; нѣкоторыя вліянія передаются чрезъ извѣстную среду къ соотвѣтственному органу. Съ успѣхами наукъ въ новое время стало выясняться, при какихъ условіяхъ происходитъ ощущеніе, изъ ряда какихъ событій слагается процессъ его.

Мы считаемъ излишнимъ входить здѣсь въ большія анатомическія и физіологическія подробности, съ которыми желающіе могутъ ознакомиться изъ учебниковъ частію Анатоміи, частію Физіологіи. Мы остановимся на нихъ лишь на столько, на сколько это необходимо для нашей главной цѣли, выясненія чисто психологической стороны ощущенія.

---

*) Подробности ученія Аристотеля объ ощущеніяхъ, равно какъ и взгляды другихъ классическихъ философовъ на этотъ предметъ см. въ очеркѣ историческаго развитія Психологіи.

Условія процесса ощущенія.

Физика и Физіологія говорятъ намъ, что ощущеніе не есть простой процессъ, но сложный, что онъ обставляется разными физическими и физіологическими условіями и, при отсутствіи котораго либо изъ нихъ, не появляется. Но одни физическія и физіологическія процессы не въ состояніи образовать ощущенія. По соображеніямъ, которыя мы приведемъ ниже, необходимо допустить, что собственно качественная сторона ощущенія есть дѣйствіе души, состояніе, которымъ она отвѣчаетъ на физіологическія возбужденія, передаваемыя ей мозгомъ. Поэтому мы принимаемъ, что это душевное явленіе возникаетъ вслѣдствіе 1) физическаго процесса, 2) физіологическаго, происходящаго въ нервѣ и мозгѣ и 3) психическаго въ душѣ.

Физическое условіе. Внѣшнія и внутреннія впечатлѣнія.

1) Первое условіе для образованія ощущенія есть физическое впечатлѣніе; когда ничто не дѣйствуетъ на насъ, понятно, мы ничего и не ощущаемъ. Еслибы рѣчь шла только о такъ называемыхъ, внѣшнихъ чувствахъ, то мы сказали бы, что для возбужденія въ нихъ ощущеній необходимъ внѣшній физическій дѣятель. Но такъ какъ современная Психологія не можетъ въ своей классификаціи уже довольствоваться лишь пятью внѣшними чувствами, то, кромѣ внѣшнихъ возбудителей, необходимо упомянуть о разныхъ внутреннихъ органическихъ, дающихъ поводъ къ разнымъ органическимъ ощущеніямъ. Поэтому говоря о впечатлѣніяхъ, какъ причинахъ ощущеній, необходимо дѣлить ихъ на двѣ категоріи: внѣшнія и внутреннія.

Вникая въ сущность внѣшнихъ процессовъ, дающихъ поводъ къ ощущеніямъ, мы видимъ, что собственно внѣшнія впечатлѣнія суть разные виды движенія. На органы могутъ дѣйствовать: 1) механическое давленіе или ударъ; 2) движенія электричества; 3) колебанія теплоты, и 4) химическія дѣйствія. По всей вѣроятности, каждое изъ пяти внѣшнихъ чувствъ можетъ возбуждаться каждымъ изъ упомянутыхъ видовъ движенія и потому они называются общими впечатлѣніями. Но, кромѣ ихъ, есть

еще впечатлѣнія спеціальныя для нѣкоторыхъ внѣшнихъ чувствъ, преимущественно способныя вызывать въ нихъ извѣстнаго рода ощущенія. Для глаза — свѣтъ, для слуха — звукъ, для вкуса — химическое дѣйствіе растворимыхъ въ слюнѣ тѣлъ, для обонянія — запахи. Значеніе давленія тѣлъ, тепла и холода, какъ спеціальныхъ впечатлѣній на осязаніе, оспоривается нѣкоторыми физіологами (Grundzüge der phys. Psychol. von Wundt. p. 278). Изъ Физики извѣстно, что всѣ эти впечатлѣнія также суть виды движенія. Свѣтъ, какъ и теплота, есть дрожаніе эѳира; звукъ — колебаніе воздуха; запахи — разныя летучія химическія соединенія, окисляющіяся на поверхности слизистой оболочки носа; вкусъ также возбуждается химическимъ процессомъ, совершающимся на поверхности языка и близълежащихъ частей гортани.

Внутреннія впечатлѣнія кроются въ самомъ организмѣ и заключаются въ состояніяхъ какъ органовъ чувствъ, такъ и различныхъ частей нашего тѣла: наприм. ощущеніе боли въ глазѣ, ушахъ, носѣ, можетъ происходить отъ болѣзненнаго состоянія какихъ-либо частей ихъ, или боль въ мускулѣ отъ чрезмѣрнаго вытяженія его и т. д. Въ такихъ случаяхъ, ненормальныя условія, въ которыя поставленъ функціонирующій органъ, служатъ источникомъ разнородныхъ возбужденій нервовъ, передающихъ ихъ центральнымъ частямъ нервной системы.

Физіологическое условіе. Нервы, нервныя клѣтки и процессы въ нихъ.

2) Для возбужденія ощущенія необходимо далѣе, чтобъ впечатлѣніе подѣйствовало (раздражило) на нервъ и послѣдній передалъ раздраженіе центральнымъ частямъ нервной системы.

Основные элементы, изъ которыхъ слагается нервная система, суть: во-первыхъ, нервные стволы, во-вторыхъ, клѣточки различныхъ формъ и различнаго строенія, такъ-называемыя, нервныя клѣтки или ганглііи. Нервные центры, въ родѣ головнаго и спиннаго мозга, состоятъ изъ собранія огромнаго количества нервныхъ клѣтокъ и волоконъ, повидимому, имѣющихъ цѣлію служить средствомъ передачи раздраженія отъ одной къ другой.

а) Нервъ, представляющій видъ болѣе или менѣе толстаго шнурка, состоитъ изъ нервныхъ волоконъ, связанныхъ между собою въ пучки посредствомъ соединительной ткани. Это перво-

начальныя волокна и они идутъ изолированно каждое отъ мѣста своего возникновенія до периферіи, гдѣ развѣтвляются. Каждое волокно состоитъ изъ осеваго цилиндра, слабо обрисованной полоски, которая окружается мякотью, и затѣмъ оболочки, въ видѣ трубки, облегающей мякоть. Предполагаютъ, что изъ центральныхъ частей исходятъ одни осевые цилиндры, и по выходѣ только, они получаютъ оболочку. Волокна, изъ которыхъ состоитъ нервъ, въ центральномъ своемъ окончаніи часто, въ периферическомъ же всегда, развѣтвляются на многочисленныя болѣе тонкія волокна: въ первомъ случаѣ послѣднія исходятъ изъ нервныхъ клѣтокъ, во второмъ — развѣтвляются въ мускулахъ, или внѣшнихъ чувствахъ.

Нервныя клѣтки имѣютъ иногда круглую, иногда многоугольную фигуру; онѣ весьма различны по своей величинѣ, начиная съ доступныхъ лишь микроскопу и кончая замѣтными для простаго глаза. По изслѣдованіямъ Рейтера (Сѣченовъ, Физіол. нервн. сист., стр. 127, 1866), всѣ онѣ представляютъ неправильныя по формѣ скученія протоплазмы съ зерномъ и зернушкомъ внутри послѣдняго. Масса эта богата пигментомъ, который то распредѣляется по ней равномѣрно, то сосредоточивается въ какомъ-нибудь пунктѣ ея. Отростки, которыми часто снабжены нервныя клѣтки, принимаютъ въ себя осевой цилиндръ нервнаго волокна, т. е. служатъ концомъ (или началомъ) послѣдняго.

Кромѣ того, нервная клѣтка служитъ исходнымъ пунктомъ для множества очень тонкихъ нервныхъ нитей, которыя, можетъ быть, служатъ нервною связью между клѣтками.

Физіологи согласны, что въ нервѣ самая важная часть суть осевые цилиндры, составляющіе сердцевину нервныхъ волоконъ. Имъ приписывается значеніе проводовъ для процессовъ, идущихъ или отъ нервныхъ клѣтокъ и центровъ къ окружности тѣла, или, наоборотъ, отъ периферіи къ центрамъ. Нервная клѣтка, по предположенію, наиболѣе принятому теперь въ Физіологіи, служитъ элементнымъ центромъ для нервнаго провода. Но всегда-ли и вездѣ-ли нервная клѣтка есть лишь передаточный пунктъ для раздраженій въ дальнѣйшіе нервные центры, или иногда сама бываетъ независимымъ и абсолютнымъ центромъ— это наукою еще не рѣшено (Wundt, Grundzüge der phys. Psych. 36).

Процессъ, возбуждаемый въ нервѣ внѣшнимъ впечатлѣніемъ, называется раздраженіемъ. Въ чемъ онъ состоитъ, на этотъ счетъ существуютъ лишь одни предположенія. Существуютъ двѣ теоріи

относительно этого предмета: физическая и химическая. Первая предполагаетъ, что физіологическій процессъ состоитъ въ колебаніяхъ, возбуждаемыхъ въ нервной системѣ внѣшними впечатлѣніями (Фехнеръ—Elemente der Psychophysik. II B. cap. 42, а также In Sachen der Psychophysik. 1872. 117—121). Эта теорія опирается главнымъ образомъ на фактахъ слуха и осязанія. Ощущенія слуха возбуждаются несомнѣнно колебаніями воздуха; при осязаніи давленія, впечатлѣніе состоитъ, по всей вѣроятности, во временномъ сжатіи окончаній нервовъ, или насильственномъ замедленіи колебаній ихъ молекулъ. Во всякомъ случаѣ, при ощущеніяхъ слуха и осязанія, даны внѣшнія движенія, которыя возбуждаютъ въ нервной системѣ также движенія.

Химическая теорія утверждается на фактахъ зрѣнія (Герингъ), вкуса и обонянія. При ощущеніяхъ этихъ чувствъ физіологическіе процессы состоятъ въ измѣненіяхъ химическаго характера въ самомъ составѣ нерва. Подъ дѣйствіемъ внѣшнихъ впечатлѣній молекулы нерва разлагаются, т. е. атомы ихъ изъ сложныхъ и слабыхъ сочетаній переходятъ въ болѣе твердыя и простыя. Атомы, изъ которыхъ состоятъ нервные молекулы, находятся въ непрерывномъ движеніи: соединяются, разъединяются и снова соединяются; тѣ атомы, которые приэтомъ образуютъ соединенія болѣе простыя, чѣмъ нервные молекулы, удаляются изъ нерва и на мѣсто ихъ являются новые, — матеріалъ для образованія нервныхъ молекулъ. Жидкое существо нерва, слѣдовательно, только повидимому, находится въ состояніи покоя: оно скорѣе есть жидкость, движущіеся атомы которой постоянно приходятъ въ состояніе равновѣсія и выходятъ изъ него, такъ что нѣтъ постоянства въ атомахъ, составляющихъ молекулы нерва, а сохраняется лишь общій типъ химическихъ соединеній, составляющихъ его существо.

Переходъ атомовъ молекулъ изъ слабыхъ и сложныхъ сочетаній въ болѣе крѣпкія и простыя служитъ источникомъ живой свободной силы и въ этомъ состоитъ, по химической теоріи, положительное возбужденіе нерва Но съ другой стороны, дѣйствіе внѣшняго впечатлѣнія возбуждаетъ дѣятельность нерва въ противоположномъ направленіи: именно, свободная живая сила поглощается и связывается: дисассоціировавшіеся атомы, снова вступая въ прежнія слабыя и сложныя сочетанія, поглощаютъ

при этомъ часть свободной силы, образовавшейся при разложеніи молекулъ. Значитъ, впечатлѣнія, съ одной стороны, вызываютъ въ нервѣ положительную работу и эти дѣйствія ихъ могутъ быть названы *возбуждающими*, съ другой стороны, — отрицательную и эти дѣйствія могутъ быть названы связывающими (препятствующими). Что мы называемъ раздраженіемъ нерва, въ сущности, есть ускореніе или увеличеніе какъ положительной, такъ и отрицательной работы нерва. На отрицательной работѣ нерва, т. е. на возстановленіи сложныхъ молекулъ его, основывается что́ мы называемъ укрѣпленіемъ, отдыхомъ нерва; положительная работа, т. е. разложеніе молекулъ, называется утомленіемъ и истощеніемъ его (Wundt, ibid. 237—259).

Подобнаго же рода процессъ, по всей вѣроятности, происходитъ и въ нервныхъ клѣткахъ, въ которыя вступаетъ нервъ въ своемъ центральномъ окончаніи. Молекулы ихъ находятся въ такомъ же состояніи непрерывнаго процесса сочетанія и разложенія атомовъ; чрезъ впечатлѣніе въ нихъ также увеличивается какъ положительная, такъ и отрицательная работа, но съ тѣмъ различіемъ отъ процесса въ нервѣ, что въ нервной клѣткѣ, при дѣйствіи впечатлѣнія, увеличивается прежде всего отрицательная работа, на первое время даже перевѣшивающая положительную. Поэтому мгновенное впечатлѣніе и не производитъ раздраженія и таковое является лишь при повторенныхъ впечатлѣніяхъ, увеличивающихъ положительную работу до такой степени, что она наконецъ перевѣшиваетъ отрицательную Въ каждой нервной клѣткѣ физіологи различаютъ центральную и периферическія части; факты погашенія (интерференціи) возбужденій въ клѣткѣ, когда она раздражается съ разныхъ сторонъ, показываютъ, что возбужденіе центральной части ея сопровождается распространеніемъ, происходящихъ при этомъ, молекулярныхъ процессовъ на периферическія части и обратно, отъ послѣднихъ раздраженіе передается первымъ. Посему Вундтъ (ibid. 269) процессъ въ нервной клѣткѣ уподобляетъ взрыву, начинающемуся съ ничтожной части взрывной массы и быстро передающемуся цѣлой массѣ.

Таковы въ общихъ чертахъ предположенія относительно процессовъ, возбуждаемыхъ въ нервахъ и нервныхъ центрахъ (что происходитъ въ нервной клѣткѣ, то, конечно, происходитъ и въ собраніяхъ ихъ называемыхъ нервными центрами).

Условія дѣятельности нерва и нервной клѣтки.

Что касается условій, которыя необходимы для дѣятельности нерва и нервной системы, т. е. чтобы они возбуждались въ отвѣтъ на внѣшнія впечатлѣнія, то обыкновенно указываютъ таковыхъ три: (Сѣченовъ, Физіологія нервной системы. 1866, стр. 72).

1) Притокъ артеріальной крови. Опыты надъ животными доказываютъ, что нервъ, къ которому доступъ артеріальной крови прекращенъ, парализуется, т. е. теряетъ свою раздражительность, и снова пріобрѣтаетъ ее, если притокъ возобновляется, впрочемъ подъ условіемъ не долгаго перерыва (5, 10 минутъ).

2) Перемежки дѣятельности и покоя. Какъ непрерывная дѣятельность нерва, такъ и совершенная бездѣятельность его одинаково оканчиваются потерею въ немъ раздражительности. Въ первомъ случаѣ происходитъ что̀ мы называемъ усталостію нерва, во второмъ жировое перерожденіе или атрофія его. Подобное нѣчто происходитъ и съ головнымъ мозгомъ: и онъ не способенъ къ непрерывной дѣятельности, равно какъ полная бездѣятельность притупляетъ его и дѣлаетъ неспособнымъ быть органомъ напряженной умственной дѣятельности. Фактъ этотъ важенъ для объясненія многихъ явленій душевной жизни.

3) Цѣлость связи нерва съ нервными центрами. Фактъ общеизвѣстный, что, въ случаѣ перерѣза чувствительнаго нерва, части тѣла, которыя снабжены вѣтвями, идущими отъ отрѣзанной части его, дѣлаются нечувствительными ко всякому раздраженію. Онъ доказывается опытами надъ животными, различными случаями при неудачныхъ операціяхъ, или при болѣзненныхъ страданіяхъ нерва, сопровождающихся разрушеніемъ части его между периферическимъ и центральнымъ окончаніями. Въ этомъ отношеніи справедливо нервъ уподобляется телеграфной проволокѣ, дѣйствующей лишь подъ условіемъ непрерывности по всей длинѣ ея.

Психическій процессъ въ ощущеніи.

Наконецъ, раздраженіе, произведенное внѣшнимъ впечатлѣніемъ въ нервѣ и нервномъ центрѣ (въ головномъ мозгѣ), дѣй-

ствуетъ на душу и въ ней вызываетъ выстояніе, нами сознаваемое какъ ощущеніе: душа видитъ, слышитъ, осязаетъ, обоняетъ и т. д.

Мы предполагаемъ такимъ образомъ, что ощущенія цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ и т. под. суть акты чисто психическіе, и что они въ сущности, суть реакціи, которыми душа отвѣчаетъ на возбужденія мозга. Остановимся нѣсколько на этомъ утвержденіи, что ощущенія должно считать чисто душевными дѣйствіями.

Въ наше время никто, конечно, хотя нѣсколько знакомый съ Физикою и Физіологіей, не станетъ утверждать, что цвѣта, тоны, вкусы, вообще качества ощущеній, суть принадлежности внѣшнихъ предметовъ. Физика знаетъ лишь дрожанія свѣтоваго эѳира, служащія поводомъ къ возникновенію въ насъ ощущеній того или другого цвѣта,—колебанія воздуха, какъ поводы ощущеній звуковъ; предметы служатъ лишь поводомъ, причиною ощущеній, но нѣтъ въ нихъ ни сладости, ни горькости, ни шероховатости, ни теплоты. Для научнаго сознанія нашего времени предположеніе о субъективномъ характерѣ качествъ ощущенія сдѣлалось уже аксіомою. Посему остается искать причины ихъ въ насъ самихъ, и вотъ тутъ то оказываются разногласія между нѣкоторыми физіологами и большинствомъ психологовъ.

На рѣшеніе вопроса о субъектѣ ощущенія огромное вліяніе имѣетъ общая точка зрѣнія, какой держится изслѣдователь относительно душевныхъ фактовъ. Кто полагаетъ исключительную производящую ихъ причину въ мозгѣ, въ нервной системѣ вообще, тотъ естественно полагаетъ ее, какъ субъектъ и ощущенія; изслѣдователь, предполагающій душу, какъ особую самостоятельную причину душевныхъ явленій, въ ней видитъ и причину ощущеній. Одни считаютъ ихъ за фактъ физіологическій, другіе фактомъ психологическимъ. Кто же изъ нихъ имѣетъ за себя болѣе основаній?

Изъ элементовъ нервной системы производящею причиною ощущеній, конечно, не могутъ считаться собственно нервы. Если нервъ есть причина ощущенія, то слѣдуетъ предположить, что окончанія его, особенно имѣющія сложное устройство, какъ напр. концы зрительнаго, слуховаго, обонятельнаго и вкусоваго, вырабатываютъ качество ощущенія, что самый нервъ проводитъ его по всей своей длинѣ и представляетъ готовымъ головному мозгу,

гдѣ оно и сознается. Это предположеніе, если бы оно и было вѣрно, не рѣшаетъ, однакоже, вопроса уже потому, что, судя по строенію нерва, передача ощущенія въ видѣ готоваго качества мозгу немыслима; если бы окончанія нерва и производили ощущеніе, все же оно можетъ передаться мозгу лишь въ видѣ какого-либо молекулярнаго процесса, слѣдовательно, въ самый моментъ перехода оно должно изчезнуть, какъ качество. Фактъ, что возбужденіе нерва должно доходить до мозга, и это есть condicio sine qua non ощущенія, показываетъ, что для объясненія его можетъ имѣть значеніе дѣятельность лишь мозга, т. е. неизвѣстный процессъ, происходящій въ немъ.

Есть-ли, однакоже, хотя нѣкоторая вѣроятность полагать, что ощущеніе есть продуктъ дѣятельности мозга?

То, что мы знаемъ фактическаго относительно процесса, происходящаго въ нервной клѣткѣ, въ которую вступаютъ волокна нерва, а слѣдовательно, по аналогіи, и въ собраніи такихъ клѣтокъ, называемомъ головнымъ мозгомъ, не даетъ намъ ни какого намека на то, чтобъ онъ могъ производить ощущеніе. Ибо что мы знаемъ объ этомъ предметѣ? Мы предполагаемъ, что нервное раздраженіе, основывающееся или выражающееся въ молекулярномъ процессѣ, вступаетъ въ клѣтку и возбуждаетъ въ ней положительную и отрицательную работу. Но какъ далеко еще отсюда до актовъ видѣнія цвѣтовъ, слышанія тоновъ и т. д.! Если молекулярная дѣятельность внутри клѣтки есть процессъ, въ сущности, химическій, то невѣроятно, чтобъ онъ-то именно и былъ ощущеніемъ. Конечно, мы должны сознаться, что наши знанія о процессахъ, происходящихъ въ мозгѣ, еще въ младенчествѣ. Но какъ бы они ни расширились въ будущемъ, мы никогда не въ состояніи будемъ подмѣтить, какъ нервная клѣтка ощущаетъ: ощущеніе—процессъ внутренній, видимою дѣятельностію оно никогда стать не можетъ. Слѣдовательно, экспериментальнымъ путемъ какъ и въ будущемъ, такъ и особенно теперь, мы не имѣемъ никакой надежды вывести ощущеніе прямо изъ процесса, происходящаго въ головномъ мозгѣ.

Остается думать, что ощущенія суть дѣйствія нашей души, которыми она отвѣчаетъ на различныя нервныя возбужденія или состоянія нашего мозга, вызываемыя въ немъ разными внѣшними впечатлѣніями. Какъ нервное раздраженіе мозга можетъ стать впечатлѣніемъ для души и какимъ образомъ вызывается въ ней реакція ему — это, конечно, остается совершенно неизвѣстнымъ.

Не будемъ сѣтовать на такое свое незнаніе, какъ причина произведитъ дѣйствіе и какимъ образомъ одинъ предметъ вліяетъ на другой, возбуждаетъ въ этомъ другомъ какія-либо состоянія. Мы также не знаемъ, *почему* извѣстная причина производитъ это, а не другое дѣйствіе, въ этой, а не другой формѣ. Наши опытныя знанія сводятся къ тому, что мы замѣчаемъ лишь порядокъ слѣдованія одного явленія за другимъ. И въ вопросѣ объ ощущеніяхъ мы знаемъ, что физическіе внѣшніе процессы производятъ извѣстные эффекты въ нервной системѣ, а раздраженіе частей послѣдней сопровождается ощущеніями: но самые modi procedendi остаются намъ совершенно неизвѣстными.

Анализъ ощущеній.

Теперь мы приступимъ къ анализу ощущеній. Мы обратимъ вниманіе, во-первыхъ, на качественную сторону ихъ: здѣсь мы укажемъ различные роды ощущеній, соотвѣтственно чувственнымъ органамъ, и затѣмъ виды ощущеній въ каждомъ родѣ. Во-вторыхъ, мы обратимъ вниманіе на количественную сторону, на сторону напряженія или силы, т. е. на отношеніе ощущеній и впечатлѣній по ихъ напряженію.

Качественный анализъ ощущеній.

Разбирая роды ощущеній, Аристотель *) говорилъ лишь о такъ называемыхъ, пяти внѣшнихъ чувствахъ: зрѣніи, слухѣ, обоняніи, вкусѣ и осязаніи. Благодаря безграничному его авторитету, въ Психологіи на долгое время установилось ученіе о пяти внѣшнихъ чувствахъ, какъ исчерпывающее всю область ощущеній. Дѣйствительно, если ихъ разсматривать только съ познавательной точки зрѣнія, какъ источникъ нашихъ знаній о внѣшнемъ мірѣ, то классификація ихъ на пять родовъ, соотвѣтственно пяти внѣшнимъ органамъ, можетъ быть до нѣкоторой степени удовлетворительна. Но если имѣть въ виду полноту классификаціи ихъ какъ состояній, то упомянутое дѣленіе ока-

*) См. выше, въ историческомъ очеркѣ развитія Психологіи.

зывается недостаточнымъ: къ пяти внѣшнимъ чувствамъ слѣдуетъ присоединить еще классъ органическихъ и мускульныхъ ощущеній. Введеніемъ ихъ въ классификацію ощущеній и вообще пополненіемъ древняго ученія о пяти внѣшнихъ чувствахъ мы обязаны трудамъ англійскихъ психологовъ: Джемса Милля (Analysis of the mind) и особенно Бэна, давшаго весьма подробный анализъ вообще ощущеній.

Итакъ, мы будемъ разсматривать ощущенія въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) ощущенія органическія; 2) мускульныя; 3) вкуса; 4) обонянія; 5) осязанія; 6) слуха, и 7) зрѣнія.

Органическія ощущенія. Виды ихъ.

1) *Органическія ощущенія* весьма разнообразны. Почти отъ всѣхъ важнѣйшихъ системъ нашего тѣла мы получаемъ впечатлѣнія, особенно при ненормальномъ ходѣ дѣятельности ихъ. Такъ, ощущенія возбуждаются различными органическими состояніями нервовъ, системъ дыханія и кровообращенія, питанія. Сюда слѣдовало бы отнести и ощущенія, идущія отъ органическихъ состояній мускульной системы; но мы разсмотримъ ихъ въ отдѣлѣ мускульныхъ ощущеній.

Посредствомъ нервовъ впечатлѣнія доводятся до общаго чувствилища, головнаго мозга, равно какъ чрезъ нихъ же идутъ возбужденія отъ нервныхъ центровъ къ мускуламъ. Но кромѣ этой спеціальной дѣятельности ихъ, они могутъ возбуждать въ насъ характерныя ощущенія своими органическими состояніями. Почти исключительно одни ненормальныя состоянія ихъ бываютъ источникомъ ощущенія. Такъ, послѣ чрезмѣрно долгой работы внѣшняго чувства — зрѣнія, слуха и т. д., или послѣ долгаго мускульнаго упражненія мы чувствуемъ утомленіе. Послѣ длиннаго концерта мы теряемъ охоту и способность слушать музыку, хотя можемъ и не чувствовать утомленія зрѣнія, или другаго какого чувства; этотъ фактъ показываетъ, что утомленъ нервъ слуха, а не вообще головной мозгъ. То же происходитъ съ зрительнымъ нервомъ послѣ долгой внимательной работы глазомъ, напримѣръ, послѣ долгаго разсматриванія картинной галлереи, музеевъ, долгаго чтенія корректуръ, работы микроскопомъ. Также мы можемъ ощущать острыя боли въ нервахъ, такъ называемыя, невралгическія страданія, могущія быть слѣдствіемъ чрезмѣрнаго

физическаго или духовнаго напряженія, потрясеній и т. п. Послѣднія состоянія суть уже явленія патологическаго характера.

Процессъ дыханія можетъ возбуждать въ насъ ощущенія. Въ удушливой атмосферѣ мы чувствуемъ, что задыхаемся, или иногда подъ вліяніемъ аффектовъ, нервныхъ разстройствъ, или болѣзней въ легкихъ, человѣкъ чувствуетъ стѣсненіе въ груди и затрудненное дыханіе. Вышедши на свѣжій воздухъ, мы чувствуемъ свѣжесть его, возбужденную и живую дѣятельность своихъ легкихъ.

Система кровообращенія можетъ быть также источникомъ ощущеній: наприм. сердце, особенно въ случаѣ какихъ либо органическихъ въ немъ пороковъ, можетъ по временамъ быть причиною мучительныхъ ощущеній; подъ вліяніемъ сильнаго нервнаго раздраженія, душевныхъ аффектовъ, человѣкъ можетъ чувствовать тяжесть (тяжко на сердцѣ), легкость, или ноющую боль (сердце ноетъ), или острыя колющія боли (сердце колетъ, разрывается): это органическія ощущенія. Упомянутыя выраженія указываютъ на дѣйствительное физіологическое состояніе сердца, служащее въ этихъ случаяхъ источникомъ впечатлѣній. Чувство неудобства, когда мы долго сидимъ или лежимъ въ одномъ положеніи, можетъ быть отнесено къ замедленію въ нѣкоторыхъ кровеносныхъ сосудахъ движенія крови; это замедленіе вызываетъ различныя органическія состоянія въ нихъ, служащія поводомъ къ органическому ощущенію.

Различныя состоянія питательнаго канала возбуждаютъ ощущенія. Сюда могутъ быть отнесены: чувство жажды, голода, ощущенія тошноты, полноты желудка, равно какъ различныя ощущенія, вызываемыя разстройствомъ пищеваренія.

Значеніе органическихъ ощущеній для познанія внѣшняго міра почти ничтожно. Лишь тѣ изъ нихъ, которыя развиваются въ связи съ дыханіемъ, могутъ давать нѣкоторыя указанія на качество вдыхаемаго воздуха; остальныя всѣ свидѣтельствуютъ намъ только о личныхъ субъективныхъ состояніяхъ. Слѣдовательно, эти ощущенія имѣютъ значеніе только субъективное. Благодаря имъ, мы имѣемъ постоянныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ отправленіяхъ нашего тѣла; всякое уклоненіе въ нихъ отъ нормы сейчасъ же даетъ намъ о себѣ знать тѣмъ или другимъ ощущеніемъ. Сознаніе нашего бытія весьма многимъ обязано имъ и на нихъ отчасти утверждается. Справедливо по этому ихъ можно назвать барометромъ нашего жизненнаго процесса.

Мускульныя ощущенія.

Мускулъ состоитъ собственно изъ весьма тонкихъ веретенообразныхъ фибръ, собранныхъ въ массы самой разнообразной формы. Веретенообразныя клѣтки, изъ которыхъ состоитъ мускулъ, способны, подъ вліяніемъ нервныхъ возбужденій, сокращаться, т. е. уменьшаться по длинѣ, увеличиваясь въ толщинѣ. Нервъ предъ вступленіемъ въ мускулъ развѣтвляется на болѣе тонкія нити, которыя и распредѣляются по пучкамъ мускула.

Мускульныя ощущенія дѣлятся на два вида: 1) органическія мускульныя ощущенія, т. е. связанныя съ тѣмъ или другимъ органическимъ состояніемъ мускуловъ: напримѣръ, можно чувствовать боль отъ судорожнаго сокращенія ихъ, пораненія, чрезмѣрнаго утомленія. Эти ощущенія совершенно однородны съ прочими органическими чувствованіями. Боль, вызванная глубокими ранами въ мускулахъ, или чрезмѣрнымъ напряженіемъ ихъ, можетъ, при случаѣ, быть очень мучительна.

2) Ощущенія напряженія мускуловъ. Въ сущности подъ ними слѣдуетъ разумѣть ощущеніе степени возбужденія (иннерваціи), идущаго отъ центральныхъ частей нервной системы въ мускулы. Ощущеніе, конечно, происходитъ отъ возбужденія мозга, но, какъ это бываетъ и съ прочими органическими ощущеніями, локализируется въ мускулахъ. По качеству своему, эти ощущенія весьма однообразны: одно и тоже чувство напряженія сознается нами, двигается ли рука, нога, или повертываемъ голову въ сторону и т. д. По степени силы своей, мускульныя ощущенія въ высшей степени разнообразны: мы чувствуемъ напряженіе въ рукѣ двигая значительную тяжесть, но можно чувствовать напряженіе въ пальцахъ и въ то время, когда дѣлаемъ карандашемъ тонкій штрихъ на бумагѣ. Между этими двумя предѣлами могутъ быть безконечно различныя ощущенія напряженія. Какъ мы увидимъ ниже, они имѣютъ важное значеніе при осязаніи и вообще знакомствѣ съ фигурою предметовъ.

Обоняніе.

Органъ обонянія есть слизистая оболочка носовой полости. Окончанія обонятельнаго нерва (Nervus olfactorius) вступаютъ

въ клѣтки оболочки, въ которой онѣ перемѣшиваются съ эпителіальными клѣтками цилиндрической формы. Упомянутыя обонятельныя клѣтки овальной формы и съ задней стороны онѣ переходятъ въ тонкую нервную нить, составляющую окончаніе обонятельнаго нерва, впередъ же отпускаютъ длинные и тонкіе отростки, имѣющіе тупой конецъ у млекопитающихъ. Обонятельный нервъ развѣтвляется преимущественно въ верхней части носовой полости, въ нижней же развѣтвляется преимущественно вѣтвь пятой пары нервовъ, тройничнаго или трехвѣтвеннаго (Nervus trigeminus) нерва.

Нервное раздраженіе возбуждается, по всей вѣроятности, процессомъ окисленія, которому подвергаются летучія соединенія разныхъ тѣлъ на поверхности обонятельной оболочки.

Ощущенія, получаемыя чрезъ обонятельный органъ, бываютъ разныхъ видовъ: во-1-хъ, слѣдуетъ различать собственно обоняніе, во-2-хъ, обоняніе въ связи съ возбужденіемъ осязательнаго нерва и наконецъ, въ-3-хъ, обоняніе въ связи съ органическими ощущеніями дыханія.

Къ первому виду слѣдуетъ отнести запахи въ собственномъ смыслѣ, наприм. пріятные запахи розы, жасмина, фіалки, апельсина и т. д., непріятные — гнилостный запахъ. Ко второму — могутъ быть отнесены запахи освѣжающіе, напр. одеколонь, и удушающіе (сѣрнистый водородъ). Подъ третью категорію подойдутъ, такъ-называемые, острые запахи, дѣйствующіе какъ на осязательный, такъ и обонятельный нервы (напр. нашатырный спиртъ, запахъ горчицы, уксусная кислота и т. под.).

Вкусъ.

Вкусовой нервъ есть вѣтвь нерва glossopharyngeus (языкоглоточнаго), окончанія котораго, вкусовыя клѣтки веретенообразной формы, на поверхности языка покрыты эпителіальными клѣтками той же формы. Внѣшній отростокъ клѣтки оканчивается тонкимъ волоскомъ, на который и дѣйствуетъ впечатлѣніе; внутренній же образуетъ тонкую нить. Кромѣ окончаній вкусоваго нерва, на поверхности языка развѣтвляются также и окончанія осязательнаго нерва пятой пары.

Такъ-называемыя, ощущенія вкуса могутъ быть раздѣлены на два рода: 1) чисто вкусовыя, напр. сладкій вкусъ (сахаръ)

и горькій вкусъ (хининъ), 2) вкусовыя въ связи съ осязательными, наприм. мы можемъ ощущать вкусъ соли, кислаго, щелочнаго, жгучій вкусъ (горчица, алькоголь, камфора и т. д.).

Несомнѣнно, что многіе предметы мы различаемъ по ихъ вкусу и запаху; и представленія послѣднихъ ассоціируются съ образомъ предметовъ, полученнымъ чрезъ зрѣніе и осязаніе. Но, по своему значенію, вкусъ и обоняніе не могутъ равняться съ высшими чувствами: осязаніемъ, слухомъ и зрѣніемъ. Тогда какъ не возможно и представить себѣ, къ какому роду знаній мы были бы способны, еслибъ были лишены послѣднихъ, легко понять, что міръ человѣческаго познанія не потерпѣлъ бы особеннаго ущерба, еслибъ мы не имѣли ни вкуса ни обонянія. Однако, практическое значеніе ихъ велико: вкусъ связанъ съ весьма важнымъ органическимъ процессомъ питанія, обоняніе съ дыханіемъ. Мы инстинктивно отвергаемъ пищу, имѣющую непріятный запахъ, равно какъ намъ непріятно дыханіе зараженнымъ, имѣющимъ дурной запахъ, воздухомъ Въ этихъ чувствахъ мы имѣемъ почти безошибочныхъ руководителей при выборѣ пищи и воздуха для дыханія. Слѣдовательно, они служатъ животной сторонѣ нашего существа. Неудивительно поэтому, что въ животныхъ и дикаряхъ, живущихъ преимущественно животною жизнію, они достигаютъ изумительнаго развитія.

Вкусъ и обоняніе, конечно, могутъ дѣйствовать отдѣльно другъ отъ друга, напр. можно ощущать одинъ запахъ и не имѣть при этомъ никакого вкуса, равно какъ можно чувствовать вкусъ безъ всякаго сопутствующаго запаха. Но такъ какъ пища, кромѣ вкуса, имѣетъ еще и запахъ, то большею частію оба упомянутыя чувства дѣйствуютъ вмѣстѣ. Мы обыкновенно неясно различаемъ, что̀ въ данномъ вкусѣ пищи слѣдуетъ отнести собственно на вкусъ и что на обоняніе, и ощущенія послѣдняго рода смѣшиваемъ съ ощущеніями перваго. За то, въ случаѣ сильнаго насморка, когда дѣятельность обонянія прекращается, мы нерѣдко удивляемся, что извѣстный вкусъ пищи измѣняется, или что она кажется намъ безвкусною; такъ, вкусъ тонкихъ винъ измѣняется, когда мы примемъ мѣры, чтобъ они дѣйствовали лишь на одинъ вкусъ, а не на обоняніе вмѣстѣ.

Осязаніе.

Органъ осязанія — кожа, составляющая поверхность нашего тѣла, или вообще покровы его. Она состоитъ изъ трехъ слоевъ, весьма различныхъ между собою въ анатомическомъ отношеніи: снаружи верхняя кожица, затѣмъ собственно кожа и наконецъ подкожная соединительная ткань. Для осязанія имѣютъ значеніе второй и третій слои, въ которыхъ помѣщаются окончанія нервовъ. Микроскопическая анатомія различаетъ нѣсколько видовъ, похожихъ на сосочки, тѣлецъ, въ которыхъ помѣщаются окончанія осязательныхъ нервовъ: сосочки, осязательныя тѣльца и Пачиніевскія тѣла; они разсѣяны частію въ собственной кожѣ частію по слизистой оболочкѣ, а частію даже и въ подкожной соединительной ткани. Всѣ они похожи одни на другихъ въ томъ отношеніи, что состоятъ изъ грушевидной сумочки, въ которую входятъ одна или нѣсколько нервныхъ нитей; какъ, однакожъ, онѣ оканчиваются въ этихъ тѣлахъ — это еще остается точно неизвѣстнымъ. Однако, эти тѣла не имѣютъ значенія, подобнаго тому, какимъ обладаютъ напр. обонятельныя или вкусовыя клѣточки, т. е. не суть собственно *органы* осязанія: вѣроятно, они лишь облегчаютъ внѣшнему впечатлѣнію доступъ къ нерву; многія мѣста кожи, не лишенныя вообще осязательной способности, не имѣютъ, однакожъ, вышеуказанныхъ тѣлъ. Можно по этому предположить, что на осязательныя нервы впечатлѣнія могутъ дѣйствовать прямо, непосредственно, и этою особенностію чувство осязанія отличается отъ другихъ внѣшнихъ чувствъ.

Ощущенія, получаемыя чрезъ осязаніе, могутъ быть раздѣлены на два рода: ощущенія давленія на кожу и ощущенія температуры (тепла и холода). На основаніи первыхъ, мы говоримъ о мягкости, твердости, гладкости и шероховатости тѣлъ. Вторыя англійскій психологъ, Бэнъ (Mental and moral Science 1868, p. 33), относитъ къ органическимъ ощущеніямъ, Вундтъ (Grundzüge der phys. Psych. 339) къ осязанію. Казалось бы, что ощущенія давленія и прикосновенія тѣлъ къ кожѣ и ощущенія тепла и холода качественно слишкомъ различны, чтобъ относить ихъ къ одному внѣшнему чувству. Но тотъ фактъ, что весьма слабыя давленія и слабыя дѣйствія тепла и холода могутъ быть принимаемы одни за другихъ, показываетъ, что оба рода впечатлѣній возбуждаютъ одни и тѣ же первы.

Осязаніе часто дѣйствуетъ въ связи съ мускульнымъ чувствомъ: напримѣръ, изслѣдуя рукою въ темнотѣ какой-нибудь предметъ, мы получаемъ ощущенія шероховатости или гладкости его, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по размѣру движеній руки, опредѣляемъ фигуру, величину его. Въ языкѣ мы часто смѣшиваемъ оба рода ощущеній: напримѣръ, говоримъ, что мы осязаемъ фигуру или величину стола, хотя собственно тутъ дѣйствуетъ лишь мускульное чувство. Совмѣстная дѣятельность послѣдняго и осязанія поэтому иногда называется активнымъ осязаніемъ въ отличіе отъ простаго или пассивнаго осязанія.

Слухъ. Органъ его. Ощущенія, имъ доставляемыя. Значеніе слуха.

Только малая и несущественная часть этого органа видна на поверхности головы; наиболѣе важныя части его скрыты въ полостяхъ височной кости. Различаютъ наружную и внутреннюю части органа слуха. Внутренняя состоитъ изъ двухъ отдѣленій: барабанной полости и лабиринта. Наружная часть уха называется ушною раковиною и ея назначеніе аналогично назначенію слуховой трубы. Эта часть соединяется съ внутреннею чрезъ хрящевую трубку, составляющую продолженіе ушнаго хряща, и соединенную съ ней, костяную. Послѣдняя приводитъ къ барабанной перепонкѣ, переносящей волны звука отъ наружнаго слуховаго прохода на цѣпь слуховыхъ косточекъ. Отъ этой перепонки далѣе во внутрь начинается барабанная полость, наружную стѣнку которой составляетъ барабанная перепонка, а задняя ведетъ въ камеры сосцевидной части височной кости; эти стѣнки соединяются тремя слуховыми косточками, образующими суставчатую цѣпь, чрезъ которую сотрясенія барабанной перепонки отчасти передаются лабиринту.

Въ такъ называемой, каменистой части височной кости заключаются многія полости и ходы, которые еще древними анатомами названы лабиринтомъ. Такъ какъ попытка дать о немъ понятіе чрезъ описаніе была бы совершенно безполезною для читателя, то мы прямо перейдемъ къ замѣткамъ объ окончаніяхъ слуховаго нерва. Во внутреннемъ слуховомъ проходѣ онъ дѣлится на Nervus vestibuli и Nervus cochleae. Въ бутылковидныхъ проходахъ (Ampullae) вѣтви нерва переходятъ частію

въ цилиндрическія, частію овальныя клѣтки; послѣднія снабжены отростками, прикасающимися къ водѣ лабиринта; движенія послѣдней должны сообщаться и окончаніямъ нерва. Такъ оканчивается Nervus vestibuli. Концы улитковой части слуховаго нерва (Nervus cochleae) состоятъ также въ связи съ клѣтками, изъ которыхъ каждая имѣетъ пучекъ щетиноподобныхъ отростковъ. Вступивъ изъ внутренняго слуховаго прохода въ улитку, эти нервныя нити чрезъ спиральный гребешокъ (crista spiralis) вступаютъ въ органъ Корти, въ которомъ и оканчиваются клѣтками съ пучками щетинообразныхъ отростковъ.

Относительно способа воспринимания впечатлѣній окончаніями слуховаго нерва существуютъ разныя предположенія. Физіологи вообще предполагаютъ, что чувство слуха есть аналитическое чувство (Wundt. Grund. d. phys. psych. 284). Своимъ слухомъ мы различаемъ массу звуковъ, слѣдовательно, можно бы было предполагать, что каждый составной звукъ находитъ въ ухѣ какъ бы свое спеціальное окончаніе нерва, на которое и дѣйствуетъ. Основываясь на томъ фактѣ, что струны фортепіано начинаютъ звучать, если поющій станетъ брать тоны, соотвѣтствующіе ихъ тону, Гельмгольцъ полагалъ, что къ окончаніямъ слуховаго нерва примыкаютъ настроенныя на различные тоны концевые аппараты (Endgebilde), такъ что каждый тонъ возбуждаетъ указаннымъ путемъ сначала этотъ аппаратъ и за тѣмъ связанное съ нимъ окончаніе нерва, и предполагалъ, что таковыя находятся въ дугахъ (Bogen) Корти. Но потому, что эти дуги прямо не соединены съ нервными нитями, что ихъ нѣтъ даже у птицъ и амфибій, Гельмгольцъ отказался отъ своей гипотезы. Клѣтки съ волосками, составляющія окончанія слуховаго нерва, къ подобной аналитической дѣятельности не способны уже потому, что, во-первыхъ, число ихъ ничтожно сравнительно съ количествомъ воспринимаемыхъ тоновъ, а съ другой стороны, ихъ волоски, плавая въ водѣ лабиринта, естественно должны всѣ приходить въ движеніе, при волненіи лабиринтной воды. Поэтому нѣкоторые изъ физіологовъ предполагаютъ, что анализъ звуковъ происходитъ при посредствѣ основной перепонки (membrana basilaris), имѣющей въ разныхъ мѣстахъ различную широту и могущей представлять какъ бы собраніе множества струнъ различной длины и, слѣдовательно, настроенныхъ на различные тоны.

Процессъ раздраженія слуховаго нерва въ улиткѣ Вундтъ

представляетъ слѣдующимъ образомъ (ibid. 326—17). Движеніе лабиринтной воды, возбужденное волнами воздуха, сообщается волоскамъ клѣтокъ, составляющихъ окончанія слуховаго нерва, причемъ форма движенія легко подвижныхъ волосковъ близко подходитъ къ формѣ движенія лабиринтной воды; но затѣмъ различно настроенныя части основной перепонки (Grundmembran) выдѣляютъ изъ суммы общаго движенія окончаній нерва тѣ именно, которыя соотвѣтствуютъ ихъ тоновому строю, приходятъ въ движеніе сами и передаютъ его затѣмъ уже отдѣльнымъ нервнымъ нитямъ. Есть слуховые органы (у низшихъ животныхъ), которые помянутаго анализа не производятъ и, слѣдовательно, весь процессъ слуховаго раздраженія ограничивается въ этомъ случаѣ лишь приведеніемъ окончаній слуховаго нерва въ движеніе, такъ что такіе органы могутъ, по поводу сложныхъ звуковъ, давать одно общее ощущеніе, похожее на то, какое получается обоняніемъ и вкусомъ. У высшихъ животныхъ слуховой органъ снабженъ такими частями, которыя могутъ выдѣлять изъ массы движеній отдѣльныя, соотвѣтствующія своему строю, и посылать ихъ чрезъ нервъ къ первному центру, какъ отдѣльныя возбужденія. Такой органъ способенъ, съ одной стороны, и къ слышанію совокупности звуковъ, какъ единаго нераздѣльнаго звука, и съ другой —къ произведенію до нѣкоторой степени анализа отдѣльныхъ звуковъ въ общей слышимой массѣ ихъ.

Слухомъ мы ощущаемъ звуки. Но „звукъ“ есть только общее названіе для ощущеній этого чувства. Необходимо анализировать, какія получаются нами простѣйшія слуховыя ощущенія и какія стороны въ звукахъ могутъ быть предметомъ ощущенія.

Самое простое и элементарное ощущеніе слуха есть то, что мы называемъ *тономъ*. Внѣшнимъ впечатлѣніемъ для чувства слуха, какъ мы выше неоднократно упоминали, служатъ колебанія воздуха. Простыя, неосложненныя другими, колебанія его возбуждаютъ въ насъ ощущенія тоновъ. Однако, абсолютно чистыхъ тоновъ мы фактически почти не слышимъ. Устройство окончаній слуховаго нерва, по всей вѣроятности, служитъ причиною того, что, кромѣ ощущеній простаго тона, соотвѣтствующаго простой волнѣ воздуха, мы одновременно слышимъ, хотя и

слабые, верхніе тоны. Изъ музыкальныхъ звуковъ тоны флейты и органа всего болѣе приближаются къ простымъ.

Что́ мы обыкновенно слышимъ — это не простые, а сложные тоны, которые мы назовемъ звуками. Обыкновенно они соотвѣтствуютъ періодически правильнымъ, но сложнымъ колебаніямъ воздуха. И какъ это сложное движеніе можетъ быть разложено на простыя, такъ и звукъ, — общее ощущеніе, можетъ въ свою очередь быть разложенъ на частные, простые тоны. Въ каждомъ музыкальномъ звукѣ различается *основной* тонъ, имѣющій наибольшую силу и высотою своею опредѣляющій высоту звука, и затѣмъ, извѣстное количество *верхнихъ* тоновъ, которымъ соотвѣтствуетъ двойное, тройное, четверное и т. д. количество колебаній воздуха, сравнительно съ числомъ колебаній, соотвѣтствующихъ основному. Отъ силы и числа первыхъ зависитъ то, что мы называемъ звучностію тона. Ухо такимъ образомъ разлагаетъ сложное колебаніе воздуха на простыя и совокупность простыхъ тоновъ, данныхъ одновременно, ощущаетъ какъ звукъ. Въ извѣстномъ смыслѣ, слухъ можнобъ было назвать аналитическимъ чувствомъ. Ненужно забывать, что мы тоны и звуки ощущаемъ какъ непрерывное качество; поднятіе и опущеніе частицъ волнующагося воздуха не ощущаются какъ таковыя. И хотя ощущеніе звука слагается изъ ощущеній простыхъ тоновъ, однако, мы ощущаемъ звукъ, какъ нѣчто простое, несложное и и требуется большой навыкъ, дабы умѣть въ немъ различать составныя простыя ощущенія.

Какъ соединеніе тоновъ образуетъ звукъ, такъ и соединеніе многихъ звуковъ даетъ *сложный звукъ*. Таково сочетаніе многихъ звуковъ, называемое аккордомъ; отличается онъ отъ простаго звука тѣмъ, во-первыхъ, что въ послѣднемъ основной тонъ превосходитъ своею силою верхніе тоны, тогда какъ въ аккордѣ составные тоны имѣютъ почти одинаковую силу, и затѣмъ, что въ звукѣ верхніе тоны имѣютъ значительную высоту сравнительно съ основнымъ, тогда какъ въ аккордѣ большая часть составныхъ тоновъ не имѣютъ большой сравнительной высоты. Слѣдовательно, сложный звукъ отличается отъ простаго вообще большею ровностію силы составныхъ звуковъ. Понятно, что сложные звуки, особенно при ровности составныхъ своихъ звуковъ, могутъ давать поводъ къ различнымъ видоизмѣненіямъ въ ощущеніи, о чемъ мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ.

Такъ, при сложеніи, могутъ образовываться комбинаціонные,

или вторичные тоны; причина ихъ заключается въ различныхъ соотношеніяхъ различныхъ волнъ воздуха, встрѣчающихся вмѣстѣ. Двѣ комбинирующіяся волны воздуха могутъ или слагаться вмѣстѣ и образовать тонъ, равняющійся суммѣ ихъ колебаній, или могутъ вычитаться одна изъ другой и тогда тонъ будетъ равняться разности ихъ колебаній. Первый называется суммарнымъ, второй — разностнымъ. Такіе тоны могутъ быть произведены какъ основными, такъ и верхними тонами. И такъ какъ первые вообще бываютъ сильнѣе послѣднихъ, то ихъ комбинаціонные тоны обыкновенно сильнѣе такихъ же тоновъ, происходящихъ отъ сочетанія верхнихъ. При достаточной силѣ комбинаціонныхъ тоновъ, они въ свою очередь съ основными тонами могутъ образовать вторичные комбинаціонные, но обыкновенно эти, по своей слабости, едва слышимы. Замѣтимъ приэтомъ, что поводъ къ таковымъ тонамъ можетъ возникать и внѣ уха, т. е. въ такомъ случаѣ слагаются и вычитаются колебанія самыхъ волнъ воздуха, но можетъ образоваться и въ самомъ ухѣ, въ тѣхъ частяхъ его, которыя, сами подъ вліяніемъ внѣшняго впечатлѣнія, приходятъ въ состояніе дрожанія. Но хотя означенные тоны и слабы, тѣмъ не менѣе они имѣютъ большое вліяніе на гармоничность звука. Когда отношеніе колебаній, соотвѣтствующихъ тонамъ, простое, и даетъ гармоническій интервалъ, то и отношеніе комбинаціонныхъ къ первоначальнымъ будетъ также простое и оно будетъ давать также гармоническій интервалъ. Такъ, когда берется на инструментѣ октава, т. е. когда колебанія тоновъ относятся какъ 1 : 2, то суммарный тонъ представляетъ 3, разностный — 1, и слѣдовательно, первый составляетъ дуодециму къ нижнему первоначальному тону. Квинта къ первому тону октавы относится какъ 3 : 2, слѣдовательно, суммарный тонъ равняется 5, разностный — 1; послѣдній составляетъ октаву съ нижнимъ первоначальнымъ тономъ (1 : 2), суммарный большую терцію *(2 : 5)*.

Но комбинаціонные тоны могутъ усиливать дисгармонію первоначальныхъ тоновъ: напр. если колебанія послѣднихъ соотносятся какъ 10 : 23, то образуется суммарный тонъ, который будетъ относиться къ нижнему первоначальному, какъ 33 : 10 и — разностный, относящійся къ нему, какъ 13 : 10; эти тоны, данные вмѣстѣ, уже не могутъ быть гармоничными; въ такихъ случаяхъ возникаютъ такъ называемые перерывчатые тоны.

Перерывчатые тоны образуются вслѣдствіе интерференціи

волнъ воздуха, поводъ къ чему можетъ давать сочетаніе какъ основныхъ и верхнихъ тоновъ, такъ и комбинаціонныхъ. Волны двухъ тоновъ могутъ быть совершенно сходны, тогда, понятно, онѣ производятъ одинаковое впечатлѣніе, но если онѣ будутъ находиться въ такомъ между собою отношеніи, что высота волны одного тона будетъ приходиться на глубину колебаній другаго, то въ этомъ случаѣ интерференція волнъ будетъ полная и тонъ ощущаться не будетъ. Но можетъ быть такой случай, что двѣ волны будутъ не вполнѣ различны, т. е. различаться на нѣсколько колебаній въ секунду, и тогда въ тѣ моменты колебанія, въ которые обѣ волны противодѣйствуютъ одна другой, будутъ происходить временныя интерференціи между ними и ощущеніе, вмѣсто того, чтобъ быть непрерывнымъ, станетъ перерывчатымъ. Такъ какъ перерывчатыя раздраженія всякаго чувствительнаго нерва сопровождаются ощущеніемъ боли, то и перерывы въ ощущеніяхъ тоновъ сопровождаются непріятнымъ чувствомъ. Такими перерывами объясняется непріятное чувство диссонанса и послѣдній бываетъ именно тамъ, гдѣ между составными частями вмѣстѣ раздающихся звуковъ есть частые перерывы. Maximum дисгармоніи бываетъ при 30 перерывахъ въ секунду: при немъ мы почти уже не въ состояніи ясно замѣтить высоту тона, звукъ становится похожимъ на шумъ; за предѣлами этого (in minus и plus) максимума, ощущеніе перерывовъ и диссонанса уменьшается, и наконецъ, при 60 перерывахъ въ секунду, ощущеніе дѣлается непрерывнымъ. Диссонансъ можетъ быть между основными тонами и тогда онъ очень чувствителенъ; затѣмъ, основные тоны могутъ быть согласны, верхніе могутъ взаимно прерывать одинъ другой: диссонансъ здѣсь тѣмъ сильнѣе, чѣмъ они значительнѣе по силѣ и чѣмъ ниже; наконецъ, диссонансъ можетъ образоваться между комбинаціонными тонами и чѣмъ сложнѣе звуки, чѣмъ большія массы звуковъ различныхъ инструментовъ вводятся въ дѣло, тѣмъ обильнѣй могутъ быть перерывы въ ихъ ощущеніи.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда впечатлѣніемъ для слуха служатъ непериодическія движенія воздуха, при чемъ ощущенія быстро смѣняются, мы ощущаемъ *шумъ*. Это бываетъ большею частію тогда, когда многочисленные слышимые тоны не выдаются предъ другими, ни по своей силѣ, ни по высотѣ. По разнообразію составныхъ тоновъ, шумы могутъ быть весьма разнообразны и качественно различаемы одинъ отъ другого, что мы и дѣлаемъ

на опытѣ постоянно: такъ, различаемъ шумъ листьевъ, колеблемыхъ въ лѣсу вѣтромъ, шумъ говора, топотъ лошадиныхъ копытъ и т. под.

Въ тонахъ и звукахъ мы различаемъ, по ощущенію, разныя степени высоты. Она основывается на количествѣ колебаній воздуха въ секунду, или извѣстной продолжительности времени, протекающаго между повтореніями колебанія. Чѣмъ меньше количество колебаній въ секунду, тѣмъ ниже тонъ, и чѣмъ больше колебаній, тѣмъ тонъ выше. Трудно опредѣлить, какое наименьшее количество колебаній требуется, дабы могъ быть ощущаемъ наименьшей высоты тонъ. Обыкновенно полагаютъ, что мы начинаемъ слышать тонъ уже при 26 колебаніяхъ въ секунду. Maximum колебаній, доступныхъ нашему слуху, одни полагаютъ до 16,000, другіе до 26,000 и даже болѣе. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи чувствительность разныхъ людей бываетъ различна. Замѣчательно, что требуются огромная опытность и большой навыкъ, чтобъ по слуху опредѣлить абсолютную высоту тона, тогда какъ мы легко и безъ особаго навыка можемъ опредѣлять интервалы между двумя тонами, т. е. ихъ относительную высоту. Ухо легко можетъ опредѣлить, насколько выше одинъ тонъ въ отношеніи къ другому, но тоже ухо можетъ не замѣтить, высокъ или низокъ вообще строй извѣстнаго инструмента и вѣроятно, нѣкоторыя измѣненія въ общемъ строѣ музыкальныхъ инструментовъ проходятъ не замѣченными для слуха многихъ. Здѣсь какъ и во всѣхъ другихъ ощущеніяхъ, мы встрѣчаемъ общій законъ, что мы всего чувствительнѣе къ относительнымъ разностямъ между ощущеніями, а не къ абсолютнымъ.

Значеніе слуха. Слухъ самъ по себѣ не даетъ намъ никакихъ свѣдѣній о протяженныхъ вещахъ, какъ тѣлахъ. Уже послѣ того, какъ разовьются въ душѣ пространственныя представленія, слѣдовательно, уже при значительномъ общемъ развитіи, она становится способною различать мѣста, откуда идутъ звуки, т. е. локализировать ихъ. Тѣмъ не менѣе, слухъ имѣетъ огромное значеніе для нашего познанія внѣшняго міра. Разнообразнѣйшій міръ звуковъ даетъ намъ безконечный рядъ признаковъ, которые мы усвояемъ внѣшнимъ предметамъ, по которымъ различаемъ и классифицируемъ послѣдніе: наприм. по звукамъ голоса мы узнаемъ различныхъ лицъ, животныхъ, по звукамъ различаемъ разные роды движеній въ природѣ, по звукамъ ударяемыхъ тѣлъ

узнаемъ ихъ самихъ. Безконечная способность звуковъ входить въ разнообразныя взаимныя сочетанія и принимать различные оттѣнки, смотря по сочетаніямъ, сдѣлала возможнымъ употребленіе ихъ для выраженія живыми существами разнообразныхъ внутреннихъ состояній. У человѣка слухъ служитъ между прочимъ основаніемъ языка, какъ средства обмѣна мыслей и чувствованій. Такъ какъ въ звукахъ мы выражаемъ внутреннія свои состоянія, то привыкаемъ во всякомъ звукѣ вообще видѣть выраженіе внутренней дѣятельности и съ нимъ неразрывно ассоціируемъ представленіе движенія, измѣненія, жизни. Поэтому безмолвіе есть символъ смерти, безжизненности, остановки жизни. Въ звукахъ, исходящихъ отъ тѣлъ, мы видимъ откровеніе внутреннихъ состояній ихъ и заключаемъ по нимъ къ нѣжности или грубости, эластичности ихъ существа. Чрезъ звуки мы проникаемъ въ самую внутреннюю жизнь мертвыхъ, повидимому, предметовъ.

На томъ фактѣ, что нѣкоторыя сочетанія звуковъ возбуждаютъ въ насъ ощущенія гармоніи и доставляютъ удовольствіе, основывается музыкальное творчество, дающее бытіе цѣлой самостоятельной художественной области. Въ музыкальные звуки мы также влагаемъ смыслъ, слышимъ въ нихъ движеніе, жизнь, понимаемъ ихъ, какъ выраженіе мысли и чувства, и такимъ образомъ въ музыкальномъ мірѣ мы имѣемъ источникъ новыхъ, развивающихъ и укрѣпляющихъ нашу духовную жизнь впечатлѣній.

Такое значеніе слуха въ нашей душевной жизни дѣлаетъ понятнымъ общеизвѣстный фактъ, что лишеніе способности слуха сопровождается болѣе важными послѣдствіями, чѣмъ лишеніе какого либо другого чувства, даже зрѣнія. Слѣпые, лишаясь возможности замѣчать цвѣты, конечно, много теряютъ въ живости, наглядности своихъ образовъ и не могутъ съ такою рѣзкостію представлять различіе предметовъ, какъ зрячіе. Но такъ какъ осязаніе до нѣкоторой степени восполняетъ зрѣніе, (при помощи исключительно перваго одного, мы можемъ составить себѣ представленіе о всѣхъ трехъ измѣреніяхъ тѣлъ) то отсутствіе зрѣнія и не сопровождается особенно вредными послѣдствіями для душевнаго развитія. Мало того, слѣпые, какъ бы неразвлекаемые зрѣніемъ, имѣя возможность развить до замѣчательной тонкости другія чувства, и особенно слухъ, достигаютъ глубины развитія, недоступной для многихъ зрячихъ. Они способны къ ощущенію тонкихъ различій звуковъ, гармоній и мелодій; сосредоточенные въ себѣ, они развиваютъ

разнообразнѣйшую жизнь сердца. Обладая даромъ слова, они способны къ усвоенію всѣхъ даровъ науки и цивилизаціи; глухіе же бываютъ большею частію и нѣмые, слѣдовательно, лишены языка, какъ средства обмѣна мыслей и чувствъ. Въ умственномъ развитіи они естественно должны стоять далеко позади слѣпыхъ. Но неспособность слышать и выражать самимъ въ звукахъ движенія сердца дѣлаетъ глухихъ отсталыми и въ нравственномъ отношеніи: всѣ, близко наблюдавшіе ихъ, согласны въ томъ, что они обыкновенно бываютъ чёрствы и жестки сердцемъ, склонны къ грубымъ аффектамъ. Нравственное развитіе ихъ по необходимости должно искажаться въ несравненно большей степени, чѣмъ развитіе слѣпыхъ.

Зрѣніе. Органъ его. Ощущенія зрительныя. Значеніе зрѣнія.

Въ устройствѣ глаза, какъ и слуха, мы видимъ два рода приспособленій; одни предназначены для проведенія внѣшнихъ впечатлѣній къ периферическимъ окончаніямъ нерва, другія для воспринимания возбужденій развѣтвленными окончаніями его.

Глазъ имѣетъ почти шарообразную форму и потому называется анатомами луковицей глаза (bulbus oculi). Онъ состоитъ изъ концентрическихъ оболочекъ, заключающихъ въ себѣ прозрачныя жидкости. 1) Наружная, или твердая бѣлковая, придаетъ глазу извѣстную неизмѣняемую форму; она мало растяжима. Не весь, однако, глазъ охватывается ею; въ ней есть два отверстія: одно сзади, гдѣ входитъ зрительный нервъ, на который она отчасти и переходитъ, образуя около него оболочку; другое спереди, закрываемое прозрачною роговою оболочкою. 2) Роговая, прозрачная (cornea); она, защищаетъ содержимое глаза отъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ вліяній, удерживаетъ въ извѣстномъ положеніи части, ею окружаемыя, и пропускаетъ внутрь глаза лучи свѣта. По строенію своему, она плотна, мало эластична, но прозрачна. 3) Подъ бѣлковою оболочкою находится сосудисто-пигментная (choroidea). Наружный слой ея состоитъ изъ густой сѣти кровеносныхъ сосудовъ, между которыми находится рыхлая соединительная клѣтчатка. Сосудистая оболочка выстлана внутри пигментомъ, правильными шестиугольными клѣточками, наполненными чернымъ пигментомъ.

Передняя часть сосудистой оболочки переходитъ въ радужную оболочку или раекъ, состоящій изъ тѣхъ же тканей, какъ и сосудистая оболочка.

4) Самая внутренняя и въ физіологическомъ отношеніи самая важная часть глаза есть, такъ называемая, ретина, или сѣтчатка. Въ ней развѣтвляется зрительный нервъ. Она состоитъ изъ цѣлаго ряда слоевъ и не смотря на многочисленность ихъ, остается тонкою и прозрачною. Наружный слой состоитъ изъ палочекъ и колбочекъ, имѣющихъ также сложное строеніе и отграничивается отъ слѣдующаго слоя тонкою и рыхлою оболочкою. Къ ней примыкаетъ зернистый миллеровскій слой далѣе слѣдуетъ междузернистый, за нимъ—внутренній зернистый, потомъ мелкозернистый и наконецъ слой нервныхъ клѣтокъ. Послѣднія соединены съ тонкими волоконцами, находящимися въ зернистыхъ слояхъ и кромѣ того, съ лучеобразными развѣтвленіями зрительнаго нерва, образующими также отдѣльный слой. Сѣтчатая оболочка отграничивается отъ стекловиднаго тѣла внутреннею оболочкою.

Кромѣ оболочекъ, глазъ имѣетъ еще прозрачныя среды, дабы проводить свѣтовыя лучи внутрь глаза и направлять ихъ на сѣтчатую оболочку. 1) Передняя глазная камера, состоящая изъ мѣшечка, наполненнаго водянистою жидкостію; 2) хрусталикъ, весьма сложный по строенію, способный въ сильной степени преломлять лучи свѣта; 3) стекловидное тѣло, полустуденистая жидкость, заключенная въ особую стекловидную оболочку; спереди оно имѣетъ выемку, къ которой прилегаетъ задняя выпуклая поверхность хрусталика.

Изъ всѣхъ частей глаза воспринимаетъ впечатлѣнія свѣта одна сѣтчатая оболочка. Впрочемъ, не всѣ части ея воспріимчивы къ впечатлѣніямъ: есть мѣсто въ ней, гдѣ входитъ зрительный нервъ, совершенно нечувствительное къ лучамъ свѣта и потому называемое слѣпымъ пятномъ. Изъ элементовъ сѣтчатой оболочки только колбочный и палочный слои воспринимаютъ свѣтовыя впечатлѣнія. Когда лучи свѣта падаютъ на то мѣсто сѣтчатки, гдѣ есть нервныя волокна, но нѣтъ колбочекъ и палочекъ, то возбужденіе не происходитъ (слѣпое пятно сѣтчатой оболочки).

Зрительныя ощущенія можно различать въ трехъ отношеніяхъ: 1) по качеству, 2) по степени чистоты и безпримѣсности и наконецъ 3), по степени или силѣ ощущенія. Такъ какъ обзоръ интенсивной стороны, или напряженія ощущеній, въ томъ числѣ и зрительныхъ, составитъ особый отдѣлъ главы объ ощущеніяхъ, то мы на этотъ разъ ограничимся анализомъ лишь первыхъ двухъ сторонъ зрительныхъ ощущеній.

1) Что касается до классификаціи зрительныхъ ощущеній по качеству, то вопросъ здѣсь состоитъ собственно въ томъ, какія мы можемъ указать качества ощущеній, простѣйшія и неразложимыя на другія, болѣе простыя. Извѣстно, что Физика всѣ разнообразнѣйшіе оттѣнки цвѣтовъ сводитъ къ первоначальнымъ самимъ цвѣтамъ, получаемымъ чрезъ разложеніе бѣлаго солнечнаго свѣта призмою. Эти семь спектральныхъ цвѣтовъ въ физическомъ отношеніи суть различныя количества колебаній свѣтоваго эѳира и ни чѣмъ одинъ отъ другого не отличаются, какъ только извѣстнымъ количествомъ колебаній. Слѣдовательно, качественное, въ видѣ цвѣтовъ, различіе между спектральными лучами свѣта, не можетъ принадлежать имъ самимъ, а есть дѣйствіе лучей свѣта на нашу душу и имѣетъ субъективный источникъ происхожденія. Такъ какъ всякій спектральный цвѣтъ нашему сознанію представляется вполнѣ самостоятельнымъ, то на вопросъ о первоначальныхъ простыхъ зрительныхъ ощущеніяхъ мы отвѣчаемъ, что ихъ дано въ опытѣ семь, т. е. столько же, сколько и составныхъ спектральныхъ цвѣтовъ: ощущенія—краснаго, оранжеваго, желтаго, зеленаго, синяго, голубаго и фіолетоваго цвѣтовъ.

Если руководиться, при классификаціи зрительныхъ ощущеній исключительно однимъ сознаніемъ, то, рядомъ съ вышеупомянутыми простыми состояніями, мы должны поставить и ощущенія бѣлаго, чернаго и сѣраго цвѣтовъ. Хотя, по происхожденію своему, они и не самостоятельны, но сопоставляя ихъ съ спектральными цвѣтами, мы находимъ ихъ по нашему ощущенію столь же самостоятельными, какъ и послѣдніе. Слѣдовательно, въ качественномъ отношеніи, какъ спектральные, такъ и послѣдніе, цвѣта представляются сознанію совершенно одинаково самостоятельными. Совсѣмъ въ другомъ видѣ дѣло представится намъ, если мы обратимъ вниманіе на условія ихъ возникновенія: оказывается, что въ этомъ отношеніи есть дѣйствительно первоначальныя свѣтовыя ощущенія и производныя, возникающія изъ

смѣшенія впечатлѣній, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности возбуждаетъ самостоятельное первоначальное ощущеніе.

Относительно того, какіе изъ семи спектральныхъ цвѣтовъ считать первоначальными, физіологи не согласны между собою. Гельмгольцъ и Юнгъ основными цвѣтами признаютъ лишь слѣдующіе три: красный, зеленый и фіолетовый; изъ сочетанія впечатлѣній, вызывающихъ эти основныя цвѣтовыя ощущенія, могутъ возникать всѣ ощущенія, къ какимъ только глазъ способенъ. (Щіонъ курсъ физіологіи Т. II 315). Вундтъ значеніе основныхъ ощущеній придаетъ цвѣтамъ: красному, желтому, зеленому и синему; фіолетовый есть по нему производный цвѣтъ (Wundt, Grundzüge der phys. Psychol. p. 379).

Нельзя считать самостоятельнымъ въ вышеупомянутомъ смыслѣ и ощущеніе бѣлаго свѣта. Какъ извѣстно, обыкновенный бѣлый солнечный свѣтъ разлагается призмою на семь различныхъ цвѣтовъ; слѣдовательно, ощущеніе его вызывается весьма сложною комбинаціей видовъ дрожанія свѣтоваго эѳира. Но оно можетъ быть вызываемо и болѣе простыми комбинаціями: смѣшенія разныхъ паръ цвѣтовъ даютъ бѣлый цвѣтъ. Тѣ цвѣта (т. е. впечатлѣнія), которые при смѣшеніи возбуждаютъ ощущеніе бѣлаго свѣта, называются, въ отношеніи одинъ къ другому, дополнительными. Таковыми цвѣтами признаются слѣдующіе:

Красный и зеленовато-синій
Оранжевый и синій
Желтый и синій
Зеленовато-желтый и фіолетовый.

Дополнительные цвѣта имѣютъ важность въ эстетическомъ отношеніи: законъ дополнительныхъ цвѣтовъ опредѣляетъ эстетическій характеръ комбинацій ихъ. Но объ этомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Зрѣніе имѣетъ исключительное, преимущественное предъ всѣми прочими чувствами, значеніе въ нашемъ познаніи внѣшняго міра. Наибольшая часть изъ всѣхъ знаній, пріобрѣтаемыхъ нами чувственнымъ путемъ, пріобрѣтается чрезъ зрѣніе: почти $^9/_{10}$ нашихъ ощущеній принадлежитъ ему. Но и въ качественномъ отношеніи оно имѣетъ преимущество предъ прочими чувствами. Знанія, доставляемыя имъ, отличаются ясностію. Оттого термины для обозначенія хорошихъ качествъ знанія взяты изъ области зрительной дѣятельности. такъ мы говоримъ объ оче-

видныхъ выводахъ, ясныхъ понятіяхъ, наглядныхъ представленіяхъ, объ идеяхъ, взглядахъ и т. п., какъ будто бы нашему уму всего понятнѣй то, что дѣлается въ области зрѣнія.

Въ заключеніе нашего обзора качественной стороны ощущеній сдѣлаемъ одно замѣчаніе.

Различные роды ощущеній представляютъ ряды душевныхъ фактовъ, не сравнимыхъ между собою качественно. Невозможно качественно сравнивать свѣтъ со звукомъ, ощущеніе горькаго съ свѣтомъ или звукомъ, шероховатости, тепла и холода съ запахами и т. под. Если и можно сопоставлять ощущенія, одно съ другимъ, то не со стороны ихъ качества, а со стороны характера дѣйствія впечатлѣній на организмъ и нашу душу. Въ послѣднемъ отношеніи мы уподобляемъ дѣятельность чувствъ осязанію и названія характера осязательныхъ ощущеній переносимъ на прочія: мы говоримъ о нѣжныхъ или рѣзкихъ цвѣтахъ, тонахъ, запахахъ, вкусахъ, бархатномъ или грубомъ звукѣ, грубыхъ запахахъ и вкусахъ. Осязаніе такимъ образомъ стоитъ въ центрѣ всѣхъ ощущеній и этотъ фактъ указываетъ, что на всѣ роды ощущеній мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на виды осязанія въ обширномъ смыслѣ: и зрѣніе и слухъ и вкусъ и обоняніе суть собственно спеціальные виды осязанія, различные одинъ отъ другого, вслѣдствіе различія спеціальныхъ органовъ, чрезъ которые впечатлѣнія имѣютъ доступъ къ мозгу и душѣ.

Изслѣдованіе напряженія ощущеній.

До сихъ поръ мы говорили лишь о родахъ и видахъ ощущеній, т. е. разсматривали ихъ съ качественной стороны. Можно ли изслѣдовать ощущенія въ количественномъ отношеніи, т. е. со стороны степени ихъ напряженія, и какъ они увеличиваются сравнительно съ увеличеніемъ впечатлѣній?

Прежде всякаго отвѣта на предложенные вопросы, мы должны сказать о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ при изслѣдованіи количественной стороны ощущеній. Во-1-хъ, изъ трехъ процессовъ, составныхъ частей общаго процесса ощущенія, намъ доступны для сравниванія: размѣры внѣшняго впечатлѣнія съ одной стороны, съ другой — лишь психическій актъ, составляющій собственно ощущеніе. Посредствующее физіологическое звено между ними нашему наблюденію совершенно недоступно. Мы видимъ свѣчу,

стоящую на столѣ; мы можемъ измѣрять силу свѣта ея, увеличивать и уменьшать его, отодвигая или приближая ее къ себѣ; при этомъ мы можемъ слѣдить за увеличеніемъ и уменьшеніемъ зрительнаго ощущенія. Но что дѣлается при этомъ съ нервами, мозгомъ, это намъ остается неизвѣстнымъ: надъ физіологическимъ процессомъ мы не можемъ экспериментировать. Строго говоря, изученіе количественной стороны ощущенія должно было бы начаться съ вопроса: въ какомъ отношеніи степени ощущенія находятся къ увеличенію или уменьшенію физіологическаго процесса, а этотъ послѣдній къ увеличенію и уменьшенію физическаго впечатлѣнія? Но такъ какъ посредствующее звено недоступно наблюденію, то остается изучать отношенія между физическимъ впечатлѣніемъ и прямо психическимъ актомъ. Это обстоятельство лишаетъ выводы точности и оттого обобщенія, какія могутъ быть здѣсь получены, имѣютъ значеніе лишь эмпирическихъ законовъ.

Во-2-хъ, изслѣдовать прямо, въ какомъ отношеніи ощущеніе находится къ возбуждающему его впечатлѣнію невозможно: только по ощущенію мы знаемъ, что нѣчто внѣ насъ существуетъ, но мимо его, нѣтъ у насъ никакихъ другихъ средствъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Слѣдовательно, вопросъ о напряженіи ощущеній нельзя ставить и въ такомъ видѣ: какъ увеличиваются они вслѣдъ за увеличеніемъ внѣшнихъ впечатлѣній. Мы можемъ сравнивать ощущенія лишь съ ощущеніями же и наблюдать, при какихъ условіяхъ, то есть, при какой силѣ или какомъ объемѣ впечатлѣній, ощущенія едва замѣтно отличаются другъ отъ друга. Руководствуясь сознаніемъ, мы можемъ рѣшать: равна ли сила свѣта двухъ лампъ, или одна горитъ яснѣе, другая тусклѣе, равны ли тоны по силѣ и высотѣ, равны ли тяжести, которыя мы держимъ въ рукахъ, или одна больше, другая меньше.

Уже съ половины прошлаго столѣтія, Буге (Bouguer), въ своемъ Traité d'optique, 1761, дѣлалъ опыты съ цѣлію опредѣлить, при какихъ условіяхъ болѣе сильный свѣтъ поглощаетъ въ нашихъ глазахъ слабый, то есть, говоря языкомъ не Физики, а Психологіи, Буге изслѣдовалъ, при какихъ условіяхъ ощущеніе сильнаго свѣта дѣлаетъ не сознаваемымъ ощущеніе слабаго. Онъ нашелъ, что мы способны замѣчать разницу между степенями свѣта, когда она простирается до 1/64; когда она менѣе, то одинъ свѣтъ, или его ощущеніе, погашаетъ другой. Буге былъ астрономъ, и такъ какъ при сужденіи о видимой величинѣ звѣздъ, опирающемся на ощущеніи силы свѣта ихъ, необходимо знать,

какъ велика ошибка, дѣлаемая при сравненіи ихъ по ощущенію, то понятно, что астрономы обратили вниманіе на указанный фактъ. Вслѣдъ за Буге, имъ занимались Араго. Масонъ и Штейнгейль, въ первой половинѣ нашего столѣтія. Но ихъ изслѣдованія, хотя имѣли несомнѣнное значеніе для Психологіи, велись исключительно для цѣлей Астрономіи. Выяснить значеніе открытія Буге для Психологіи и прослѣдить его въ отношеніи ощущеній вообще — была заслуга ученыхъ уже новѣйшаго времени, Вебера и Фехнера.

Вполнѣ научное и методическое изслѣдованіе напряженія ощущенія началось съ того времени, какъ Веберъ, профессоръ Физіологіи въ Лейпцигѣ, обнародовалъ результаты своихъ работъ въ Handwörterbuch der Physiologie, изданномъ Руд. Вагнеромъ, въ статьѣ «Tastsinn und Gemeingefuhl». Онъ изслѣдовалъ собственно то, при какихъ условіяхъ впечатлѣнія кажутся различными на ощущеніе: напримѣръ, какія наименьшія различія между тяжестями, положенными на нашу руку, могутъ быть замѣчаемы осязаніемъ, какія наименьшія различія между линіями могутъ быть замѣчаемы зрѣніемъ, какія различія между тонами — слухомъ. Только этими ощущеніями занимался Веберъ, коего работы дали новый методъ, до него неупотреблявшійся ни въ Психологіи, ни въ Физіологіи, методъ едва замѣтныхъ различій ощущенія.

Мы не можемъ, по сознанію, точно опредѣлять: при данной разности впечатлѣній, въ какомъ взаимномъ отношеніи находятся соотвѣтствующія имъ ощущенія: наприм. если взять свѣтъ свѣчи и лампы, то, по сознанію, невозможно судить, во сколько разъ свѣтъ послѣдней болѣе свѣта первой, или если обратиться къ звуку человѣческаго голоса и значительнаго колокола, то также невозможно, руководясь сознаніемъ, сказать, во сколько разъ звукъ послѣдняго превышаетъ звукъ перваго. Поэтому, при изслѣдованіи возрастанія ощущеній сравнительно съ возрастаніемъ впечатлѣній, невозможно брать произвольныя величины послѣднихъ, дабы, по соотвѣтствующимъ имъ ощущеніямъ, рѣшать о взаимномъ ихъ отношеніи. Но мы, какъ каждый знаетъ изъ собственнаго опыта, можемъ судить, болѣе ли одно ощущеніе сравнительно съ другимъ, или менѣе. Посему изслѣдователь долженъ ставить для себя вопросъ: при какихъ вообще условіяхъ одно ощущеніе превосходитъ другое, или кажется нашему сознанію чуть замѣтно бо́льшимъ, чѣмъ другое. Эта мысль

лежитъ въ основѣ метода едва замѣтныхъ отличій ощущеній, впервые приложеннаго къ изслѣдованію ощущеній упомянутымъ выше Веберомъ.

Этотъ методъ состоитъ въ слѣдующемъ. Какъ мы выше уже сказали, мы въ состояніи судить: равны ли два ощущенія по своей силѣ, или одно едва замѣтно отъ другого. Такъ какъ внѣшнія впечатлѣнія находятся въ нашей власти — мы можемъ дѣлать ихъ равными, или одно болѣе, другое менѣе, то задача Вебера состояла въ тщательномъ опредѣленіи, какія наименьшія различія между впечатлѣніями ощущаются нами. Веберъ производилъ опыты главнѣйше надъ осязаніемъ: двѣ совершенно равныя тяжести производятъ два одинаковыя ощущенія, но оказалось вмѣстѣ съ тѣмъ, что не всякая разность между тяжестями была замѣтна на ощущеніе; разница между ними становилась замѣтна для экспериментируемаго лица только въ томъ случаѣ, когда она простиралась на извѣстную опредѣленную долю другой: напримѣръ, когда одна тяжесть отличалась отъ другой, по крайней мѣрѣ, на $^1/_4$ долю послѣдней. Если одна тяжесть, положенная на руку, вѣситъ 10 лотъ, то другая, положенная рядомъ, дабы не казалась равною первой, должна быть въ $7^1{}_2$ или въ $12^1/_2$; если же другая тяжесть при первой будетъ въ 9-ть или въ 11-ть, то обѣ будутъ казаться одинаковыми. Значитъ, мы чувствительны не къ абсолютнымъ разностямъ между впечатлѣніями, а только относительнымъ. *Различіе между двумя, произвольно взятыми, впечатлѣніями будетъ всегда казаться намъ одинаково великимъ, если отношеніе между ними остается неизмѣннымъ.*

Фехнеръ приложилъ методъ Вебера къ родамъ ощущеній, которыхъ послѣдній не касался, и ввелъ въ науку два новыхъ метода. Съ 1860 года, когда явился трудъ Фехнера: „Elemente der Psychophysik“, вопросъ о напряженіи и возрастаніи ощущеній привлекъ къ себѣ вниманіе какъ физіологовъ, такъ и психологовъ.

Методъ едва замѣтныхъ отличій имѣетъ слабыя стороны. При немъ все изслѣдованіе основывается на сужденіи экспериментируемаго лица. Но это лицо, особенно если относительное различіе между впечатлѣніями будетъ мало, часто можетъ затрудняться въ опредѣленіи разности между соотвѣтствующими имъ ощущеніями, и чѣмъ большая потребуется точность вывода, тѣмъ затруднительнѣй изслѣдованія по этому пріему.

Фехнеръ дѣлалъ опыты съ двумя тяжестями, различіе между которыми весьма мало, гораздо менѣе упомянутаго выше. При частомъ повтореніи такихъ опытовъ, экспериментируемое лицо ошибалось: въ иныхъ случаяхъ болѣе легкую въ дѣйствительности тяжесть оно принимало за болѣе тяжелую, въ другихъ— на оборотъ. Однако, оказалось, что чѣмъ болѣе перевѣсъ въ одной тяжести надъ другою, или чѣмъ сильнѣе чувствительность субъекта, тѣмъ значительнѣе перевѣсъ правильныхъ сужденій надъ ложными, или тѣмъ большій процентъ первыхъ, т. е. правильныхъ сужденій изъ всего числа сдѣланныхъ сужденій. Въ этомъ состоитъ *методъ правильныхъ и ложныхъ случаевъ*.

Второй методъ, найденный Фехнеромъ, названъ имъ *методомъ среднихъ ошибокъ*. Положимъ, вѣсъ воды въ сосудѣ точно опредѣленъ посредствомъ вѣсовъ; берется другой сосудъ и экспериментируемое лицо, по одному ощущенію, пытается приравнивать къ тому сосуду другой; при этомъ дѣлается обыкновенно ошибка, которая открывается при точномъ взвѣшиваніи послѣдняго. При неоднократномъ повтореніи подобнаго опыта, получается нѣсколько ошибокъ и опредѣляется средняя ошибка. Это и есть методъ среднихъ ошибокъ.

Общій результатъ метода едва замѣтныхъ отличій оказался у Фехнера слѣдующій: прибавка къ данному впечатлѣнію, производящая едва замѣтное отличіе ощущенія, находится всегда въ опредѣленномъ отношеніи къ цѣлому впечатлѣнію: напримѣръ, къ тяжести, положенной на кожу, должно прибавить $^1/_4$ ея, дабы ощущеніе едва замѣтно увеличилось. Результатъ метода правильныхъ и ложныхъ случаевъ оказался такой: при сравненіи двухъ мало замѣтно различныхъ впечатлѣній, отношеніе правильныхъ рѣшеній къ общему количеству сужденій о нихъ остается неизмѣннымъ, если отношеніе между двумя сравниваемыми впечатлѣніями не мѣняется. Изслѣдованія по методу среднихъ ошибокъ дали такой выводъ, что средняя ошибка, допускаемая, при сравненіи одного впечатлѣнія съ другимъ, мало замѣтно различнымъ отъ него, всегда бываетъ на одну постоянную дробь цѣлаго впечатлѣнія. Общій выводъ изъ изслѣдованій по указаннымъ методамъ тотъ, что различіе между двумя, какими угодно, впечатлѣніями кажется намъ на ощущеніе одинаково великимъ, если взаимное отношеніе ихъ остается неизмѣннымъ.

Этотъ общій выводъ названъ Фехнеромъ основнымъ психофизическимъ или веберовымъ закономъ. Смыслъ его тотъ, что разности между впечатлѣніями ощущаются нами одинаковыми, какъ скоро ихъ взаимное отношеніе остается неизмѣннымъ.

Въ частности, что касается до зрѣнія, то еще Буге, старался опредѣлить, при какихъ условіяхъ глазъ нашъ способенъ наблюдать различія между впечатлѣніями. Буге нашелъ, что для сего требуется различіе между ними на $^1/_{64}$, Фолькманъ — на $^1/_{100}$, Масонъ даже на $^1/_{120}$. Однако, по изслѣдованіямъ Гельмгольца, оказалось (W. Wundt, Grundzuge der physiolog. Psychol. p. 311), что это отношеніе, выражаемое упомянутыми дробями, не всегда остается постояннымъ; напротивъ, при малыхъ и сильныхъ освѣщеніяхъ, оно измѣняется. Вундтъ (ibid.) объясняетъ это тѣмъ, что нервный процессъ, основа ощущенія, по достиженіи maximum'а развитія, и даже при приближеніи къ нему, увеличивается далѣе весьма медленно. Отступленіе отъ закона въ нисшихъ степеняхъ ощущенія объясняется вліяніемъ постояннаго, свойственнаго сѣтчатой оболочкѣ, ощущенія, даже при отсутствіи внѣшнихъ впечатлѣній. Оберъ въ своей Physiologie der Netzhaut (Wundt, ibid. 312—313), пришелъ къ любопытнымъ выводамъ, что тогда какъ, при обыкновенномъ дневномъ свѣтѣ, могутъ быть замѣчаемы различія на $^1/_{186}$, при уменьшающемся освѣщеніи, чувствительность падаетъ до $^1/_3$ разности въ силѣ освѣщенія предметовъ. Вундтъ полагаетъ, что психофизическій законъ не обнаруживаетъ здѣсь своего полнаго дѣйствія оттого, что при опытахъ быстро мѣняются степени освѣщенія предметовъ и глазъ не успѣваетъ приспособиться къ впечатлѣніямъ. Тотъ же Оберъ нашелъ, что при болѣе продолжительномъ дѣйствіи впечатлѣній, къ различію которыхъ глазъ вначалѣ былъ чувствителенъ, только когда оно простиралось на $^1/_4$, чувствительность глаза скоро поднималась до $^1/_{25}$. Эти факты доказываютъ, что различіе условій, при которыхъ дѣйствуетъ глазъ, можетъ имѣть сильное вліяніе на его чувствительность къ различіямъ между впечатлѣніями.

Сказанное нами относится къ обыкновенному ощущенію бѣлаго обыкновеннаго свѣта. Что же касается до ощущеній различныхъ цвѣтовъ, то опыты показываютъ, что различія между впечатлѣніями разныхъ цвѣтовъ должны у каждаго цвѣта достигать своей опредѣленной нормы, дабы она могла быть замѣтна на ощущеніе. Нашъ глазъ всего чувствительнѣе къ раз-

личіямъ въ желтомъ и зеленомъ цвѣтахъ. По изслѣдованіямъ Ламанскаго, глазъ замѣчаетъ разность между цвѣтовыми впечатлѣніями, когда она достигаетъ слѣдующихъ размѣровъ:

для фіолетоваго цвѣта $^1/_{109}$
„ голубаго „ $^1/_{212}$
„ зеленаго „ $^1/_{286}$
„ желтаго „ $^1/_{286}$
„ оранжеваго „ $^1/_{78}$
„ краснаго „ $^1/_{70}$ (Ціонъ. Курсъ Физіол. Т. II, 322).

По изслѣдованіямъ Мандельштама, указанныя данныя значительно измѣняются. (W. Wundt: Grundzuge d. physiolog. Psychol p. 378). Такъ, по нему, требуются слѣдующія различія между впечатлѣніями, дабы для глаза стала замѣтна разность въ тонѣ цвѣта:

для краснаго	$^1/_{19}$	для зеленаго	$^1/_{214}$
„ желтаго	$^1/_{465}$	„ зеленосиняго	$^1/_{400}$
„ желтозеленаго	$^1/_{205}$	„ синяго	$^1/_{410}$
		„ голубаго	$^1/_{270}$

Изслѣдованія обоихъ ученыхъ сходятся въ одномъ результатѣ, что всего чувствительнѣй мы къ измѣненіямъ желтаго цвѣта. Затѣмъ, тогда какъ по изслѣдованіямъ Ламанскаго, по степени чувствительности, желтому совершенно равняется зеленый, по Мандельштаму, за желтымъ слѣдуетъ синій, зеленый же уступаетъ въ этомъ отношеніи даже голубому. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что и для каждаго цвѣта въ отдѣльности существуетъ особая норма, т. е. мы чувствительны къ цвѣтовымъ разностямъ въ различной степени, смотря по количеству цвѣта.

Сверхъ того, слѣдуетъ замѣтить, что вышеуказанныя данныя относятся собственно къ цвѣтамъ при обыкновенномъ дневномъ освѣщеніи. Извѣстно, что яркость цвѣтовъ неодинакова при разныхъ освѣщеніяхъ: напр. при дневномъ свѣтѣ голубой цвѣтъ кажется менѣе яркимъ, чѣмъ красный; въ сумеркахъ, наоборотъ, когда красный кажется уже чернымъ, то голубой цвѣтъ можетъ еще быть ясно различаемъ (Ціонъ, Курсъ Физіол., Т. II, 322). По всей вѣроятности, при уменьшенныхъ освѣщеніяхъ, и цвѣтовыя разности, чтобъ быть замѣтными на ощущеніе, должны быть значительно болѣе, чѣмъ при освѣщеніяхъ сильныхъ, что, какъ мы выше замѣтили, несомнѣнно имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ бѣлому свѣту.

Относительно осязанія, Фехнеръ и Вундтъ нашли, что тяжести, положенныя на кожу, тогда ощущаются какъ различныя, когда разность между ними достигаетъ $^1/_4$. Для мускульнаго чувства, обнаруживающагося при поднятіи тяжестей, найдено, что ощущаемая разность между ними должна достигать до $^6/_{100}$. Однако, опыты Левитта и Бидерманна, сообщенные Герингомъ, совсѣмъ расходятся съ упомянутымъ обобщеніемъ: они нашли, что чувствительность къ различіямъ между впечатлѣніями не для всѣхъ тяжестей одинакова и что съ увеличеніемъ давленія она возрастаетъ, достигнувъ же извѣстнаго предѣла, она затѣмъ уменьшается (при 10 граммахъ требовалась надбавка 0,7 гр. или $^1/_{14}$, при 50 — $^1/_{29}$, 100 — $^1/_{42}$, 200 — $^1/_{56}$, 300 — $^1/_{65}$, 400 — $^1/_{79}$, 450 — $^1/_{69}$, 500 — $^1/_{22}$).

Въ отношеніи ощущеній температуры, изслѣдованіе впечатлѣній тепла привело Фехнера къ выводу, что различіе температуръ свыше 14 или 15° на $^1/_{10}$ долю градуса уже замѣчается по ощущенію; но относительно впечатлѣній холода, оказываются такія отступленія отъ закона, что сомнительно, имѣетъ ли онъ тутъ вообще примѣненіе. По изысканіямъ Ренца и Вольфа, съ которыми согласуются и наблюденія Фолькмана, ухо наше не въ высокой степени чувствительно относительно силы звуковъ, такъ что въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ разницу между ними, только когда она простирается, по крайней мѣрѣ, на $^1/_4$, или даже на $^1/_3$.

Законъ, что мы вообще чувствительны къ разностямъ между впечатлѣніями лишь въ томъ случаѣ, когда онѣ достигаютъ извѣстной опредѣленной нормы, объясняетъ намъ множество случаевъ изъ практики ощущенія, которые безъ упомянутаго закона казались бы необъяснимыми.

Такъ, мы легко замѣчаемъ разность въ освѣщеніи комнаты, когда къ двумъ свѣчамъ, ее освѣщавшимъ, присоединяется третья: новое впечатлѣніе отъ трехъ свѣчей превосходитъ на $^1/_3$ впечатлѣніе отъ двухъ. Но если къ освѣщенію залы въ 1,000 свѣчей прибавить еще свѣтъ одной свѣчи, то эта надбавка останется незамѣтною: она равняется $^1/_{1000}$, слѣдовательно, значительно менѣе $^1/_{100}$, т. е. нормальной. Сидя въ театрѣ, мы и не замѣчаемъ уменьшенія въ освѣщеніи, если случайно погаснутъ семь, восемь или десять свѣчей, тогда какъ отсутствіе двухъ свѣчей изъ освѣщенной десяткомъ свѣчъ залы сейчасъ же станетъ замѣтнымъ на ощущеніе. При сравненіи яркихъ одинако-

выхъ цвѣтовъ, разность между ними (объективная) должна быть бо́льшая, дабы мы могли замѣтить ее, чѣмъ при сравниваніи нѣжныхъ: ибо въ первомъ случаѣ требуемая $^1/_{100}$ относительной разницы должна быть абсолютно болѣе, чѣмъ во второмъ. Фехнеръ въ своемъ сочиненіи, Elemente der Psychophysik, разсказываетъ любопытный случай: въ лѣтній солнечный день онъ наблюдалъ два легкихъ облака, разность въ освѣщеніи которыхъ едва казалось замѣтною для глаза. Взявъ затѣмъ тусклое стекло и наблюдая чрезъ него, Фехнеръ нашелъ, что разность въ освѣщеніи упомянутыхъ облаковъ сдѣлалась значительно замѣтнѣй. Фактъ этотъ легко объясняется психофизическимъ закономъ: положимъ, освѣщеніе одного облака относилось къ освѣщенію другого, какъ 200 : 201; при разности на $^1/_{200}$ они должны казаться глазу одинаково освѣщенными. Но тусклое стекло уменьшило силу освѣщенія обоихъ облаковъ, положимъ, на 100; отношеніе въ упомянутой пропорціи совершенно измѣнилось и освѣщенія стали относиться одно къ другому какъ 100 : 101, т. е. разность между ними достигла $^1/_{100}$, т. е. той нормы, при которой глазъ способенъ замѣчать разность между двумя освѣщеніями.

Многіе факты изъ области слуха объясняются также психофизическимъ закономъ. Малый звукъ, какъ говорятъ, заглушается большимъ: при легкомъ шумѣ мы слышимъ шепотъ, при стукѣ ѣдущихъ каретъ, или звонѣ огромнаго колокола, мы не слышимъ громкаго разговора, даже звука собственнаго голоса. Объективно, большой звукъ, за исключеніемъ пунктовъ интерференціи, не уничтожаетъ слабаго; но субъективно, для наблюдающаго субъекта, онъ уничтожается: ибо, если одинъ звукъ слабѣе другого менѣе, чѣмъ на $^1/_3$, наприм. на $^1/_5$ или $^1/_6$, то надбавка слабаго звука къ сильному не бываетъ замѣтна на ощущеніе.

Когда мы несемъ тяжесть въ 7 или 8 фунтовъ, то надбавка одного фунта бываетъ замѣтна; но когда у насъ на рукахъ тяжесть въ 30 фунтовъ, то прибавленный одинъ фунтъ совершенно не замѣтенъ: онъ составляетъ менѣе $^1/_{17}$, или $^6/_{100}$, указанной нами нормы для мускульнаго чувства: такъ, носильщикъ кулей не замѣчаетъ разности въ вѣсѣ ихъ на нѣсколько фунтовъ, хотя объективно кули несомнѣнно имѣютъ небольшія разницы въ вѣсѣ, одинъ противъ другого.

Для органическихъ чувствованій, для вкуса, обонянія не найдены опредѣленныя нормы, при которыхъ могутъ быть замѣчаемы

разности въ ощущеніяхъ, но несомнѣнно, что общій психофизическій законъ имѣетъ и къ нимъ приложеніе. Только дѣйствіемъ его можно объяснить, почему одна сильная боль заглушаетъ малыя, наприм. сильная зубная боль заставляетъ насъ забывать о головной боли; почему рѣзкій запахъ заглушаетъ запахи слабые, не уничтожая ихъ на самомъ дѣлѣ, почему рѣзкій вкусъ дѣлаетъ несознаваемымъ слабый и т. под. Будущему предстоитъ изслѣдовать дѣйствіе психофизическаго закона въ области упомянутыхъ родовъ чувствъ, хотя нельзя не сказать, что въ этомъ пунктѣ изслѣдованія дадутся не легко; въ органическихъ ощущеніяхъ многія впечатлѣнія совсѣмъ не находятся въ нашей власти. Съ другой стороны, трудно найти единицы для измѣренія впечатлѣній обонянія, вкуса и органическихъ ощущеній, такъ что пока чего въ этихъ случаяхъ мы не можемъ опредѣлять, насколько одно впечатлѣніе превосходитъ другое, когда они возбуждаютъ ощущенія едва замѣтно отличныя одно отъ другого. Притомъ, эти низшія ощущенія болѣе, чѣмъ высшія, зрѣніе, слухъ, осязаніе, оставляютъ послѣ себя, даже при средней силѣ впечатлѣній, продолжительные слѣды въ ощущающемъ субъектѣ, въ видѣ субъективныхъ ощущеній, слѣдовательно изслѣдованіе по всѣмъ тремъ методамъ Фехнера не можетъ привести здѣсь къ рѣшающимъ результатамъ.

Указанныя нами данныя касались собственно чувствительности къ впечатлѣніямъ. Но есть еще другая сторона въ ощущеніяхъ—это размѣры воспріимчивости къ впечатлѣніямъ. Что не каждое впечатлѣніе можетъ возбуждать ощущеніе — это извѣстно каждому изъ опыта. Есть такія слабыя впечатлѣнія, которыя не способны производить въ насъ какія либо дѣйствія, и есть такія сильныя, которыя могутъ только разрушать органъ ощущенія. Изслѣдованіе maximum'а впечатлѣнія, способнаго производить ощущеніе, уже потому трудно, что связано съ опасностію для экспериментируемаго лица. Но и изслѣдованіе minimum'а имѣетъ также важныя неудобства (Wundt, Grundzuge p. 288). Во 1-хъ, невозможно удалить отъ нашихъ органовъ всѣ впечатлѣнія: нѣкоторыя чувства, напримѣръ, глазъ и ухо, вслѣдствіе внутреннихъ впечатлѣній, находятся постоянно въ состояніи дѣятельности; во 2-хъ, воспріимчивость нашихъ органовъ къ впечатлѣніямъ измѣнчива при разныхъ обстоятельствахъ: наприм., послѣ пребыванія въ темнотѣ глазъ дѣлается въ значительной степени чувствительнѣе къ впечатлѣнію свѣта. Нако-

нецъ, въ 3 хъ, нѣкоторые органы чувствъ до такой степени воспріимчивы къ впечатлѣніямъ, что трудно найти достаточно тонкую единицу для измѣренія minimum'а ихъ воспріимчивости.

Относительно зрѣнія, дѣйствительно, невозможно формулировать занимающій насъ вопросъ въ такомъ видѣ: какая наименьшая степень свѣта требуется для того, чтобъ въ глазѣ произошло ощущеніе. Закрывая глазъ, мы видимъ темное поле, ощущаемъ темноту; она есть положительное ощущеніе, а не просто отсутствіе всякаго возбужденія: оно есть слѣдствіе дѣятельности глазнаго нерва и ретины, раздражаемой сжимающимъ ее глазнымъ яблокомъ. Слѣдовательно, вопросъ нужно поставить иначе: при какомъ впечатлѣніи ощущеніе, имъ возбуждаемое, ничѣмъ не отличается отъ субъективнаго, возбуждаемаго въ насъ самодѣятельностію глаза, ощущенія темноты. Фолькманъ старался опредѣлить, на какомъ разстояніи отъ обыкновенной стеариновой свѣчи поверхность чернаго бархата кажется столь темною, что глазъ, находящійся около него, не въ состояніи отличить тѣни предмета, помѣщеннаго между бархатомъ и свѣчою; онъ нашелъ, что это бываетъ, когда разстояніе бархата отъ свѣчи не менѣе 9-ти футовъ. Слѣдовательно, наименьшій предѣлъ свѣтоваго впечатлѣнія, потребнаго для возбужденія ощущенія свѣта, равняется, по Фолькману, количеству свѣта, падающаго отъ обыкновенной стеариновой свѣчи на предметъ, удаленный отъ нея на 9-ть футовъ. По опредѣленію Обера (W. Wundt, Grundzuge d. phys. Psych. 289) этотъ предѣлъ для бѣлой бумаги находится на 400 футахъ разстоянія; по другому методу, онъ же нашелъ, что упомянутый предѣлъ, находится на 5,5 метрахъ, т. е. на $2^1/_2$ саженяхъ разстоянія, если взята будетъ полоса бѣлой бумаги, освѣщаемая источникомъ свѣта въ 300 разъ слабѣйшимъ, чѣмъ свѣтъ полной луны.

Подобное же затрудненіе оказывается и при опредѣленіи minimum'а впечатлѣнія, потребнаго для ощущенія температуры. Нельзя ставить здѣсь вопросъ въ такой формѣ: какая наименьшая температура способна возбуждать вообще едва замѣтное ощущеніе теплоты; ибо градусы температуры отъ 15 in minus возбуждаютъ чувство холода и тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ ниже температура дѣйствующаго предмета. Наименьшее ощущеніе теплоты мы ощущаемъ въ томъ случаѣ, когда отдаваемая воздуху теплота какъ разъ возстановляется дѣятельностью организма, иначе говоря, когда расходъ теплоты покрывается ея прихо-

домъ. Это происходитъ при температурѣ воздуха около 15° Реомюра. Впечатлѣніе температуры 15° Р. можетъ быть признано minimum, при которомъ мы получаемъ наименьшее ощущеніе какъ тепла, такъ и холода; затѣмъ всякое увеличеніе впечатлѣнія или уменьшеніе его на $^1/_{10}{}^0$ производитъ соотвѣтствующее ощущеніе. Впрочемъ, указанный minimum установленъ собственно для поверхности рукъ. Для другихъ частей тѣла подобныхъ обобщеній еще не сдѣлано; несомнѣнно, что разные пункты тѣла въ различной степени чувствительны къ впечатлѣніямъ температуры.

Относительно осязанія вопросъ представляется въ такомъ видѣ: какая наименьшая тяжесть, положенная на кожу, можетъ быть ощущаема? Что не всякая тяжесть ощущается нами, это доказывается общеизвѣстнымъ фактомъ, что летающая въ комнатахъ пыль, хотя и падаетъ на лицо, руки, однако, нами вовсе не замѣчается. По опытамъ Обера и Каммлера, на чувствительнѣйшихъ мѣстахъ кожи: на лбу, вискахъ и передней части рука, можетъ быть ощущаемо давленіе тяжестей въ 2 милигр. (Wundt, Grundzuge der. phys. Psychol. 290); на мѣстахъ менѣе чувствительныхъ (наприм. ногтяхъ, пяткѣ тяжести, чтобъ быть едва замѣтными, должны быть не сравненно болѣе (до 1 грам.)

Всего легче опредѣленіе minimum'а для слуха. Задача собственно состоитъ въ опредѣленіи того, какой наименьшей силы звукъ въ состояніи возбудить ощущеніе. Но силу звука можно произвольно уменьшать двумя путями: или отдаляя звучащій предметъ на такое разстояніе, что звукъ будетъ производить лишь едва замѣтное ощущеніе, или избирая малаго вѣса предметъ и кидая его съ малой высоты, при чемъ условія опыта могутъ быть такъ установлены, что будетъ получаться лишь едва ощущаемый звукъ. Такимъ образомъ Шафгейтль нашелъ, что здоровое ухо начинаетъ слышать звукъ отъ пробковаго шарика въ 1 милигр. вѣсу, падающаго съ 1 милиметра высоты, съ 91 метра разстоянія (W. Wundt. Grundzüge. 290).

Нѣтъ сомнѣнія также, что есть свои подобные предѣлы и для всѣхъ остальныхъ чувствъ И запахъ и вкусъ должны быть извѣстной силы, дабы быть ощущенными. Но таковой предѣлъ не найденъ еще, да и сомнительно, чтобы онъ нашелся въ скоромъ времени. Главнымъ препятствіемъ здѣсь служитъ то, что предѣлы весьма различны, смотря по различію запаховъ и вкусовъ: иные запахи и вкусы въ малыхъ дозахъ производятъ ощу

щенія большой силы, тогда какъ другіе, въ большихъ количествахъ, даютъ лишь слабыя ощущенія. Повидимому, для каждаго вкуса и запаха долженъ быть найденъ свой предѣлъ; но относительно нѣкоторыхъ запаховъ опредѣлить его, по всей вѣроятности, окажется окончательно невозможнымъ: есть столь интенсивные запахи, что наименьшая доза вещества, способнаго возбуждать ощущеніе, не можетъ быть опредѣлена существующими способами количественнаго измѣренія.

Фехнеръ и Вундтъ полагаютъ, что зная minimum впечатлѣнія, способнаго возбуждать ощущеніе, и то, при какихъ условіяхъ мы способны замѣчать разность между впечатлѣніями, можно сдѣлать заключеніе къ тому, въ какомъ отношеніи возрастаніе впечатлѣній находится къ возрастанію ощущенія. Для примѣра обратимся къ осязанію; возмемъ тяжесть въ 1 граммъ и станемъ наблюдать постепенное возрастаніе ощущенія. Мы знаемъ, что ощущеніе едва замѣтно увеличится лишь въ томъ случаѣ, когда впечатлѣніе будетъ увеличено на $^1/_4$ своей величины; слѣдовательно, чтобъ ощущеніе, соотвѣтствующее давленію тяжести въ 1 граммъ на кожу, едва замѣтно увеличилось, эта тяжесть должна быть увеличена на $^1/_4$ часть, или она должна быть въ $^5/_4$ гр.; чтобъ далѣе поднять ощущеніе на едва замѣтную степень, тяжесть должна быть въ $^{25}/_{16}$ грам., затѣмъ $^{125}/_{64}$ или $2^{125}/_{256}$, слѣдующая тяжесть должна быть $3^{53}/_{1024}$; $3^{3337}/_{4096}$ и т. д. Такимъ образомъ мы получаемъ двѣ прогрессіи, изъ которыхъ одна представляетъ рядъ степеней ощущенія, другая рядъ увеличивающихся количествъ впечатлѣнія. Сопоставляя ихъ вмѣстѣ, мы находимъ, что тогда какъ ощущеніе увеличивается абсолютно только на едва замѣтную степень или надбавку, впечатлѣніе, соотвѣтствующее ему, увеличивается на одну и туже относительную величину, или абсолютному измѣненію ощущенія соотвѣтствуетъ относительное, на извѣстную относительную величину, измѣненіе впечатлѣній. То же самое мы находимъ и въ другихъ родахъ ощущеній: зрѣнія, слуха мускульныхъ.

Но это отношеніе между впечатлѣніями и ощущеніями есть именно то отношеніе, какое существуетъ между логариѳмами и основными числами, которыхъ они служатъ показателями: между тѣмъ какъ первые увеличиваются на абсолютную величину, вторые увеличиваются на относительную, напр. логар. 1; 2; 3 и т. д. соотв. 10; 100; 1000 и т. д. Поэтому Фехнеръ полагалъ, что математическое выраженіе психофизическаго закона

будетъ такое: *ощущеніе пропорціонально логариѳму впечатлѣнія:* Elemente der Psychophysik II B. 1 — 39. См. также Wundt, Grundzüge, 302—309.

Смыслъ фехнеровскаго закона. Возраженіе противъ него.

Если принять этотъ выводъ Фехнера за достовѣрный, то возникаетъ недоумѣніе, что онъ собственно значитъ. Мы уже знаемъ, что процессъ ощущенія слагается изъ физическаго впечатлѣнія, физіологическаго раздраженія и психическаго возбужденія: предположивъ, что послѣднее слѣдуетъ за впечатлѣніемъ по фехнеровскому закону логариѳма, можемъ недоумѣвать, на долю котораго, физіологическаго или психическаго звена, слѣдуетъ отнести причину, что ощущеніе не прямо пропорціонально впечатлѣнію. Здѣсь можетъ быть представлено нѣсколько возможностей: 1) физіологическое возбужденіе возрастаетъ прямо пропорціонально впечатлѣнію, но психическое возбужденіе слѣдуетъ за физіологическимъ по закону логариѳма; 2) органическое возбужденіе возрастаетъ вслѣдъ за впечатлѣніемъ по закону логариѳма, тогда какъ ощущеніе растетъ прямо пропорціонально возбужденію. Самъ Фехнеръ держится перваго мнѣнія, тогда какъ наприм. Бернштейнъ (In Sachen der Psychophys. XV. p. 138) склоняется ко второму. Причину, почему физіологическое впечатлѣніе отстаетъ отъ физическаго, Бернштейнъ, полагаетъ въ томъ, что, возбуждаясь на периферическихъ концахъ нервовъ прямо пропорціонально силѣ впечатлѣнія, нервное раздраженіе, при вступленіи своемъ въ нервные центры, подвергается разсѣянію (irradiation) въ разныхъ нервныхъ клѣткахъ и слѣдовательно, ослабленію въ своей интенсивности.

Фехнеръ думаетъ, что физіологическое возбужденіе возрастаетъ прямо пропорціонально физическому впечатлѣнію, но отношеніе перваго къ психическому возбужденію управляется закономъ логариѳма. По нему, невозможно ожидать, чтобы отношенія между физіологическимъ возбужденіемъ и психическимъ были просто пропорціональны: эти отношенія не суть отношенія преемства или послѣдовательности, а одновременности; не то они означаютъ, что за физіологическимъ, или какъ называетъ его Фехнеръ, психофизическимъ движеніемъ слѣдуетъ ощущеніе, но — всегда, какъ

скоро дано первое, есть и послѣднее. Отношенія прямой пропорціональности бываютъ въ явленіяхъ послѣдующихъ одно за другимъ, но въ одновременно бывающихъ — пропорціональности не бываетъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда оба явленія, одновременно случающіяся, имѣютъ однородную природу.

Вопреки мнѣнію Фехнера, нѣкоторые физіологи полагаютъ, что отношенія между впечатлѣніемъ и ощущеніемъ прямо пропорціональны (Gruenhagen, Otto Funke's Lehrbuch der Physiologie 1878. II B. p. 5) и такимъ образомъ ниспровергаютъ все ученіе Фехнера объ этомъ предметѣ. Возражатели (Герингъ) основываются преимущественно на телеологическихъ соображеніяхъ и говорятъ, что если между ощущеніемъ и впечатлѣніемъ нѣтъ прямой пропорціональности, то наши представленія и свѣдѣнія о физическомъ мірѣ не соотвѣтствовали бы тогда дѣйствительности. Фехнеръ справедливо отвѣчаетъ, что ничѣмъ нельзя доказать такой фактъ, что впечатлѣніе, увеличенное вдвое, производитъ двойное ощущеніе; послѣднее только вообще увеличивается, но далеко не вдвое; таковы же факты въ области слуха и осязанія. Впрочемъ, объективное достоинство можетъ быть сохранено за ощущеніями и въ томъ случаѣ, если окажется, что ощущеніе возрастаетъ вообще правильно вслѣдъ за впечатлѣніями, хотя и не прямо пропорціонально. Между тѣмъ это положеніе, послѣ приведенныхъ выше фактовъ, можно считать совершенно доказаннымъ.

Вообще изслѣдованія Фехнера нашли себѣ много противниковъ между физіологами и психологами. Оберъ, Махъ, Бернштейнъ, Плато, Дельбефъ, Брентано, Герингъ, Лангеръ, Гельмгольцъ (сочиненія и статьи сюда относящіяся упомянуты нами при обзорѣ психологической литературы) представили разныя замѣчанія на выводы Фехнера. Груенгагенъ, въ новомъ изданіи учебника Физіологіи Функе, замѣчаетъ вообще, что фехнеровскій законъ (относительно равнымъ надбавкамъ впечатлѣнія соотвѣтствуютъ равныя ощущенія) ни въ какомъ случаѣ не требуется фактами и нерѣдко стоитъ съ ними въ противорѣчіи. (B. II p. 8).

Противники Фехнера приводятъ собственно два главныхъ возраженія противъ его ученія: 1) что, такъ называемый, веберовскій законъ неправильно выведенъ изъ опытовъ и 2) что онъ противорѣчитъ многимъ фактамъ.

Первое возраженіе (Брентано, Герингъ, Лангеръ) состоитъ въ слѣдующемъ: опыты говорятъ только о томъ, что ощущеніе различія между впечатлѣніями остается постоянно едва замѣтнымъ, если относительное различіе между ними остается неизмѣннымъ, но что едва замѣтныя различія ощущеній, при различныхъ величинахъ впечатлѣній, постоянно разны между собою, это есть произвольное предположеніе; а между тѣмъ на этомъ предположеніи основываются всѣ формулы Фехнера. Опыты производятся въ разные моменты времени, при разныхъ обстоятельствахъ, разныхъ настроеніяхъ экспериментаторовъ, и потому нѣтъ никакой гарантіи, что найденныя различія въ ощущеніяхъ, дѣйствительно, равны между собою. Фехнеръ отвѣчаетъ на это, что какъ бы разнообразны не были побочныя обстоятельства, вліяющія на сужденіе экспериментатора, они могутъ быть до нѣкоторой степени устранены пріобрѣтаемою съ экспериментами опытностію экспериментатора, навыкомъ его къ сужденіямъ и разнообразною обстановкою опытовъ. Притомъ, кромѣ метода едва замѣтныхъ различій, есть для повѣрки выводовъ еще два другихъ и наконецъ, неизбѣжныя при такихъ изслѣдованіяхъ ошибки бываютъ не больше, чѣмъ при всякихъ другихъ опытахъ. Поэтому, если послѣ всѣхъ предосторожностей опыты будутъ указывать, что ощущенія различія между впечатлѣніями остаются постоянно едва замѣтными, какъ скоро относительное различіе между ними остается неизмѣннымъ, то можно заключить и къ равенству самыхъ ощущеній.

Второе возраженіе гораздо важнѣе перваго. Изслѣдователи (Оберъ, Герингъ, Дельбефъ, Лангеръ) нашли, что опыты не подтверждаютъ веберовскаго закона относительно возрастанія ощущенія сравнительно съ возрастаніемъ впечатлѣній. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ данные Обера, Гельмгольца относительно свѣта, учениковъ Геринга о мускульномъ чувствѣ. Что касается до зрѣнія, то Фехнеръ признаетъ для него предѣлы (нижній и верхній) закона. Физіологическое возбужденіе не можетъ возрастать безконечно вслѣдъ за возрастаніемъ впечатлѣнія, но только до извѣстнаго предѣла, за которымъ самый чувственный органъ долженъ уже разрушаться. Законъ терпитъ нарушеніе еще задолго до приближенія къ предѣлу. Нижній предѣлъ долженъ быть потому, что глазъ имѣетъ свое психофизическое возбужденіе, даже когда свѣтъ на него не дѣйствуетъ (ощущеніе темноты). Относительно опытовъ Бидермана и Левита, упомянутыхъ

нами въ своемъ мѣстѣ, Фехнеръ замѣчаетъ, что и въ мускульномъ чувствѣ должны быть обстоятельства, вліяющія на измѣненіе ощущеній различія слишкомъ малыхъ и большихъ тяжестей, что при опытахъ съ ними слѣдуетъ принимать во вниманіе какъ собственную тяжесть поднимающей руки, такъ и присоединеніе чисто осязательныхъ ощущеній къ мускульнымъ. Во всякомъ случаѣ, Фехнеръ признаетъ за веберовскимъ закономъ значеніе только приблизительнаго обобщенія.

Нельзя не сознаться, что хотя во многихъ отношеніяхъ работы Вебера и Фехнера пролили новый свѣтъ на вопросъ объ интенсивности ощущеній, но эта область изслѣдованія требуетъ еще многихъ новыхъ работъ, дабы получить безспорныя обобщенія. Во всякомъ случаѣ, строгій приговоръ Груенгагена о теоріи Фехнера преждевременъ и пока чего несовсѣмъ справедливъ.

Изъ всего сказаннаго нами по поводу силы ощущеній можно принять съ достовѣрностію только слѣдующіе выводы:

1) Что наша чувствительность къ разностямъ между впечатлѣніямя зависитъ не отъ абсолютной разности между ними, а отъ относительной, для разныхъ чувствъ не одинаковой. Мы видѣли, что въ этомъ отношеніи для всякаго чувства существуетъ своя норма, т. е. должно существовать извѣстное отношеніе между впечатлѣніями, дабы разность между ними могла быть замѣчена на ощущеніе.

2) Что возрастаніе силы ощущеній, соотвѣтственно силѣ впечатлѣній, совершается правильно, но не прямо пропорціонально, т. е. если впечатлѣніе увеличилось вдвое, то и ощущеніе, соотвѣтствующее ему, вообще увеличилось, но не вдвое. Разныя чувства имѣютъ въ этомъ отношеніи различныя достоинства; глазъ точнѣе всѣхъ прочихъ чувствъ слѣдитъ за измѣненіями впечатлѣній; за нимъ слѣдуетъ мускульное чувство и чувство температуры, далѣе осязаніе и наконецъ, что касается собственно силы впечатлѣнія, слухъ.

3) Наконецъ, такъ какъ мы чувствительны къ разностямъ между впечатлѣніями лишь тогда, когда онѣ достигаютъ опредѣленной нормы, то очевидно, мы болѣе чувствительны къ разностямъ между впечатлѣніями средней и незначительной силы, чѣмъ большихъ размѣровъ. Относительная разность между малыми впечатлѣніями, взятая абсолютно, конечно, будетъ малая,

тогда какъ, при впечатлѣніяхъ большихъ размѣровъ, она будетъ сама по себѣ большая.

Два заключительныхъ замѣчанія объ ощущеніяхъ.

Въ заключеніе своей рѣчи объ ощущеніяхъ, мы должны остановиться на двухъ очень важныхъ вопросахъ: что собственно дѣйствуетъ на душу во внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, прямо ли возбуждаетъ ее впечатлѣніе въ силу своего опредѣленнаго положительнаго качества, или чувствуется ею только различіе между впечатлѣніями, и во вторыхъ, въ сознательномъ ощущеніи дается ли сознаніе ощущенія, какъ положительнаго состоянія, или оно есть сознаніе различія душевныхъ возбужденій?

Дѣйствуетъ ли при ощущеніи на душу только разность между впечатлѣніями?

Отвѣтъ на первый вопросъ можетъ быть данъ общеизвѣстными фактами. Монотонно и постоянно дѣйствующее на душу впечатлѣніе перестаетъ обыкновенно замѣчаться ею: мельникъ не слышитъ стука мельничныхъ колесъ, артиллеристъ—грома привычныхъ выстрѣловъ и т. д.; глазъ перестаетъ наконецъ примѣчать цвѣтъ, непрерывно на него дѣйствующій, тѣло не чувствуетъ прикосновенія одежды и т. д. Съ другой стороны, извѣстно, какъ смѣна впечатлѣній, особенно контрастъ ихъ, способствуетъ болѣе живому и глубокому дѣйствію послѣднихъ на душу, какъ выигрываютъ въ живости и глубинѣ дѣйствій цвѣтъ, тонъ, вкусъ, запахъ, когда они смѣняются другими различными, особенно противоположными, цвѣтами, тонами, вкусами, запахами и т. д. Если теперь предположить, что на душу всегда и постоянно, безъ всякой смѣны, дѣйствовало бы только одно какое либо впечатлѣніе, то справедливо можно думать, что душа его не замѣчала бы: напримѣръ, давленіе воздуха выносится нами, какъ говорятъ физики, огромное, но, претерпѣвая его отъ самаго рожденія своего, мы не замѣчаемъ и не подозрѣваемъ его существованія. Слѣдовательно, на душу дѣйствуетъ собственно разность между впечатлѣніями. Съ этимъ заключеніемъ нельзя, однако, согласиться. Нельзя думать, что разность

впечатлѣній, какъ таковая, дѣйствуетъ на душу: нѣтъ объективно различныхъ и сходныхъ вещей, а таковыми онѣ становятся только для сравнивающаго, уподобляющаго и различающаго субъекта. Разность или подобіе внѣшнихъ предметовъ не могутъ составлять самостоятельнаго объективнаго впечатлѣнія. Каждое впечатлѣніе должно прежде всего подѣйствовать на душу, чтобы могло казаться ей сходнымъ, или различнымъ отъ другого. Съ другой стороны, процессъ впечатлѣванія есть процессъ причинности, въ которомъ внѣшнія впечатлѣнія служатъ причиною, а физіологическое возбужденіе дѣйствіемъ. Но при всякомъ дѣйствованіи причины предполагается фактъ, явленіе, за которымъ слѣдуетъ другое явленіе, и нельзя указать ни одного случая, въ которомъ положительною причиною явленія было бы сходство или различіе какихъ либо событій. Если бы существовало въ мірѣ только одно впечатлѣніе, то и оно не преминуло бы оказать вліяніе на душу и вызвало бы состояніе въ ней; было ли бы оно замѣтно для сознанія—это конечно другой вопросъ. Слѣдовательно, строго говоря, дѣйствуютъ на душу положительныя внѣшнія явленія и никакъ не разность между ними. Если же говорятъ, что именно она дѣйствуетъ на душу и ощущается ею, то это въ непрямомъ смыслѣ, какъ о томъ мы скажемъ ниже.

Ощущеніе есть ли сознаніе разности субъективныхъ возбужденій?

Полный отвѣтъ на первый поставленный нами вопросъ можетъ быть данъ, если мы обратимся ко второму: когда мы видимъ, слышимъ и т. д., что собственно происходитъ въ насъ: возбуждается ли въ насъ извѣстное состояніе, которое и сознается нами, или мы сознаемъ только разность между своими состояніями. Различіе между этими двумя взглядами на ощущеніе то, что по второму выходитъ: ощущеніе есть не что иное, какъ сознаніе различія субъективныхъ возбужденій (что и утверждается англійскими психологами), по первому же: ощущеніе есть положительное состояніе, могущее становиться предметомъ сознанія.

Очевидно, рѣшеніе этого вопроса, будетъ зависѣть отъ того, что мы будемъ понимать подъ сознаніемъ. Нѣтъ надобности теперь же входить во всѣ подробности трудной проблеммы сознанія; впослѣдствіи мы займемся ею. Мы надѣемся доказать,

что сознаваніе есть усвоеніе себѣ собственныхъ состояній и что оно тѣсно связано съ чувствомъ напряженія, усилія. Оно можетъ вызываться въ душѣ силою и глубиною развиваемаго состоянія, такъ какъ на переживаніе его душа употребляетъ всѣ свои силы, или значительную часть ихъ. Но при слабыхъ степеняхъ состояній, чувство усилія или напряженія можетъ даваться и тѣмъ однимъ обстоятельствомъ, что состояніе мѣняется въ своей энергіи въ разные моменты, особенно же тѣмъ, что состоянія переживаются разныя по качеству, быстро мѣняющіяся и т. д. Въ смѣнѣ различныхъ состояній, въ перемѣнѣ силы при началѣ, возрастаніи и окончаніи состояній, въ самой интенсивности ихъ душа имѣетъ указанія, руководствуясь которыми, она можетъ усвоить себѣ различныя состоянія

Поэтому сознаніе ощущеній есть усвоеніе ихъ себѣ, признаніе ихъ собственными состояніями. Душа усвояетъ то или другое сильное ощущеніе себѣ уже потому, что оно сильно, требуетъ отъ нея большой траты силъ; слабыя ощущенія она относитъ къ себѣ потому, что они мѣняются, т. е. что она принуждена переходить отъ одного состоянія къ другому, и новое состояніе, при своемъ наступленіи, вызываетъ свѣжее усиліе въ ней. Разнообразіе внѣшнихъ чувствъ, дающее душѣ возможность переживать быстро, въ смежномъ порядкѣ, различныя ощущенія, также облегчаетъ ей процессъ усвоенія ихъ себѣ.

Съ этой точки зрѣнія легко отвѣтить на поставленный выше вопросъ. Ощущеніе есть первичное состояніе, вызываемое въ душѣ внѣшними извѣстными впечатлѣніями, въ силу причинной связи установленной природою. Это состояніе усвояется ею себѣ и такъ какъ самоусвоеніе ощущенія душою идетъ одновременно съ самымъ процессомъ его, то мы имѣемъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ сознательныя ощущенія: я усвояю себѣ, по разнымъ признакамъ, зрительное ощущеніе и говорю „я вижу и т. д. Сознательное ощущеніе есть нечто иное, какъ состояніе, возбуждаемое въ душѣ внѣшнимъ впечатлѣніемъ и присвоенное ею себѣ. Съ тѣмъ взглядомъ, что ощущеніе есть сознаніе различія субъективныхъ возбужденій, мы потому согласиться не можемъ, что онъ отождествляетъ два разныхъ процесса: сознаваніе и ощущеніе, и условіе сознаванія относитъ къ ощущенію. Различіе субъективныхъ возбужденій есть условіе для сознанія ощущенія, условіе же ощущенія есть физическій впечатлитель и физіологическое раздраженіе. Впрочемъ, и этотъ взглядъ

признаетъ, что субъективныя возбужденія предшествуютъ сознанію различія: ихъ то, по нашему мнѣнію, и слѣдуетъ называть ощущеніями въ собственномъ смыслѣ, а не сознаніе различія.

Мы думаемъ, что процессъ сознаванія есть фактъ отдѣльный отъ ощущенія: послѣднее можетъ быть и не усвоено душою себѣ и тогда оно будетъ безсознательнымъ; душа будетъ претерпѣвать возбужденіе, но не сознавать его. Безсознательность ощущенія является, когда нѣтъ на лицо условій для усвоенія его душою себѣ; наприм. возбужденіе можетъ быть слишкомъ слабо, слѣдовательно, и чувство усилія, напряженія, съ нимъ данное,—можетъ оно быть монотоннымъ, привычнымъ, слишкомъ однообразнымъ, такъ что превращается въ привычку, не требующую усилія, и потому не будетъ сознаваться; наконецъ, вниманіе можетъ быть поглощено, занято, какимъ либо другимъ состояніемъ, и тогда процесса усвоенія тоже не будетъ, а слѣдовательно, и сознаванія. Мы допускаемъ существованіе безсознательныхъ ощущеній, какъ и вообще прочихъ душевныхъ состояній: мы многое видимъ, слышимъ, обоняемъ и осязаемъ, не сознавая того, т. е. не присвоивая себѣ этихъ состояній.

Безсознательныя ощущенія могутъ быть слабыя, не достигшія minimum'а напряженія, котораго они должны достигнуть, дабы могли усвояться душою себѣ. Эта слабость ихъ можетъ происходить отъ слабости внѣшнихъ впечатлѣній, дѣйствующихъ на нервную систему и душу, но можетъ она быть отъ притупленія нервной системы къ извѣстнымъ постоянно и долговременно на него дѣйствующимъ впечатлѣніямъ. Что существуютъ такія, назовемъ ихъ терминомъ Фехнера, отрицательныя ощущенія, это доказывается наприм. тѣмъ, что мы не замѣчаемъ прикосновенія одежды къ тѣлу, давленія воздуха на тѣло, хотя несомнѣнно чувствуемъ ихъ. Но ощущенія могутъ быть очень сильны и несомнѣнно существовать, но не присвоиваться душою себѣ и потому быть безсознательными: напр. мы иногда, такъ сказать, спохватываемся о вопросѣ, обращаемомъ къ намъ, уже послѣ того, какъ онъ сказанъ; мы его слышали, но процессъ усвоенія, сознаванія, является послѣ; мельникъ не слышитъ шума мельничныхъ колесъ, т. е. онъ ощущаетъ, но не сознаетъ ихъ и т. д. Сюда же относятся многочисленные случаи, когда субъектъ не слышитъ, не видитъ, не обоняетъ и т. д., потому что погруженъ въ мысль, или волнуется чувствомъ

и т. под. Мы имѣемъ несомнѣнныя ощущенія при этомъ, но не усвояемъ ихъ себѣ и потому не сознаемъ.

Теперь понятно, въ какомъ смыслѣ можно говорить, что на душу дѣйствуетъ разность между впечатлѣніями и что, ощущая, она сознаетъ различіе между своими возбужденіями. Внѣшній впечатлитель дѣйствуетъ на душу прямо и непосредственно, но такъ какъ разнообразіе впечатлѣній, періодичность и перемѣнность колебаній суть, между прочимъ, условія дѣйствованія ихъ на нервную систему, то можно сказать, что раздражаетъ нервную систему и душу разность между впечатлѣніями. Съ другой стороны, можно говорить, что душа, при ощущеніи, сознаетъ различіе между своими возбужденіями въ томъ смыслѣ, что для сознаванія ощущенія, и слѣдовательно, замѣчанія его, необходимо между прочимъ различіе возбужденій. Но было бы совершенно неправильно утверждать какъ то, что дѣйствуетъ на нервную систему именно разность между впечатлѣніями, такъ и то, что ощущеніе есть сознаніе различія между возбужденіями.

ГЛАВА II.

Память.

Воспоминаніе и забвеніе.

Если бы духовная жизнь наша ограничивалась ощущеніями, которыя исчезали бы, какъ скоро устраняется причина, произведшая ихъ, то ни о какомъ душевномъ развитіи не могло бы быть и рѣчи. Мы походили бы на зеркало, въ которомъ не остается никакого слѣда отъ всего, что̀ въ немъ отражается. Развитіе духовныхъ силъ, накопленіе умственнаго и нравственнаго богатства душою было бы тогда совершенно невозможно.

Ощущеніе есть только начало, первый шагъ нашего духовнаго развитія; послѣ него слѣдуютъ многочисленные акты духов-

ной дѣятельности. Мы представляемъ прошлое, уже не существующее, но что̀ въ свое время мы замѣтили глазомъ или ухомъ; душа волнуется разнообразными чувствованіями, по поводу видѣннаго и слышаннаго; она стремится къ овладѣнію нѣкоторыми, нужными ей, предметами внѣшняго міра, или принимаетъ мѣры къ устраненію себя отъ нихъ; голова работаетъ по поводу собранныхъ отъ видимыхъ предметовъ свѣдѣній: сравниваетъ, обобщаетъ и т. д. Но возможность этихъ духовныхъ актовъ основывается на томъ, что состоянія, возбужденныя въ душѣ внѣшними впечатлѣніями, не исчезаютъ безслѣдно и что всякое новое состояніе, пробужденное въ ней, продолжается въ какомъ бы то ни было видѣ.

Что мы сохраняемъ слѣдъ отъ прошедшихъ своихъ состояній, это мы узнаемъ прежде всего изъ воспоминанія: по тому факту, что мы можемъ припоминать бывшее съ нами, мы судимъ, что отъ него остался въ насъ какой то слѣдъ; по тому, что иногда мы бываемъ безсильны припомнить прошлое, что мы забываемъ его, мы заключаемъ, что иное изъ прошедшей нашей жизни и не сохраняется. Для психолога представляются такимъ образомъ два факта: одинъ, что душа воспоминаетъ бывшее, другой — что она забываетъ его.

Обратимся прежде всего къ изложенію фактической стороны процессовъ воспоминанія и забвенія. Когда мы ознакомимся съ нею, то въ состояніи будемъ приняться и за объясненіе ихъ.

Воспоминаніе.

Историческія замѣчанія. Ученіе Бэна объ ассоціаціяхъ. Терминологія.

Подъ воспоминаніемъ мы разумѣемъ собственно оживленіе прежде бывшихъ въ душѣ состояній. Оживленіе это не совершается на удачу, но управляется извѣстными законами, т. е. оно совершается по извѣстному опредѣленному способу. Modi воспроизведенія были еще подмѣчены Аристотелемъ, и онъ уже въ сочиненіи о памяти и воспоминаніи (περὶ μνήμης καὶ ἀναμνήσεως), правда, весьма коротко, указывалъ, что успѣхъ нашихъ поисковъ за представленіями зависитъ отъ связи между движеніями, какъ бы тѣлесною причиною представленій. Связь

же бываетъ по смежности (ἀπὸ τοῦ συνεγγύς), по сходству и противоположности. Слѣдовательно, онъ уже намѣтилъ главные способы, такъ называемой, ассоціаціи представленій. Послѣ Аристотеля, это столь важное психологическое открытіе было совсѣмъ забыто и нельзя не удивляться, что ни одинъ изъ многочисленныхъ древнихъ и средневѣковыхъ комментаторовъ, такъ внимательно изучавшихъ текстъ его, не обратилъ должнаго вниманія на четыре строки, въ которыхъ содержится замѣтка о связи воспоминаній. Фактъ ассоціаціи былъ открытъ во второй разъ, чрезъ двадцать два вѣка, англійскимъ философомъ Юмомъ, который къ способамъ воспроизведенія, указаннымъ Аристотелемъ, присоединилъ законы причины и дѣйствія и послѣдовательности (не подразумѣвалъ ли Аристотель подъ смежностію и послѣдовательность?) Со временъ Юма терминъ ассоціація идей получилъ полное право гражданства въ Психологіи и ученіе о сочетаніи представленій заняло видное мѣсто въ наукѣ о душѣ. Англійская эмпирическая школа даже особенно направляла свой анализъ на разработку этого вопроса и въ лицѣ Джемса Милля (отца Джона Стюарта Милля) пыталась свести всю интеллектуальную дѣятельность къ факту ассоціаціи и выяснить ее изъ него. Въ такомъ направленіи англійскій эмпиризмъ разработываетъ Психологію и въ настоящее время. Извѣстнаго психолога Бэна можно считать современнымъ представителемъ этого направленія въ нашей наукѣ. Онъ признаетъ ассоціацію по контрасту, которая обыкновенно ставится рядомъ съ ассоціаціей по сходству, какъ полноправная, не самостоятельною. Сверхъ того, онъ вводитъ новый родъ ассоціаціи, подъ названіемъ построительной, которая должна, по его мнѣнію, объяснить дѣятельность воображенія. Такимъ образомъ, по Бэну, существуетъ три рода ассоціацій: по смежности, по сходству и построительная. Всѣ интеллектуальныя дѣятельности: воспоминаніе, воображеніе, разсудочная дѣятельность или рефлексія должны быть выяснены изъ трехъ упомянутыхъ законовъ ассоціаціи.

Прежде всего мы считаемъ нужнымъ здѣсь же заявить свое полное несогласіе съ Бэномъ по вопросу о построительной ассоціаціи. Она обозначаетъ дѣятельность воображенія, т. е. фактъ интеллектуальнаго творчества. Но рядъ душевныхъ дѣятельностей, обозначаемыхъ этимъ терминомъ, никакъ не можетъ быть подводимъ подъ понятіе ассоціаціи. Подъ послѣднею мы разумѣемъ пассивную дѣятельность души, страдательно воспроизво-

дящую, возбужденныя прежде, состоянія. Воспоминая прошедшую жизнь свою, я ничего отъ себя не присоединяю къ ряду своихъ представленій; чѣмъ онъ ближе будетъ къ совершившимся со мною фактамъ, чѣмъ меньше будетъ личныхъ съ моей стороны прибавокъ, тѣмъ цѣннѣй ассоціація; дѣятельностію же воображенія мы создаемъ новые образы, новыя сочетанія образовъ,— близость къ объекту познанія насъ ни мало не связываетъ; новость и оригинальность ихъ только возвышаетъ цѣну и значеніе самой дѣятельности. Притомъ, душевная дѣятельность по ассоціаціи не методична; она исключаетъ всякій планъ, пріемъ, она столь же случайно переходитъ отъ одного представленія къ другому, какъ случайны были впечатлѣнія, возбудившія въ душѣ представленія. Воображеніе, напротивъ, дѣйствуетъ, по извѣстнымъ пріемамъ; не чуждое элемента случайности, оно какъ бы само располагаетъ ею; въ его дѣятельности есть случайность внутренняя, капризъ интеллекта, тогда какъ въ ассоціаціи она внѣшняя, зависящая отъ каприза внѣшнихъ обстоятельствъ. Намъ кажется поэтому, что воображеніе вообще слѣдуетъ отдѣлять отъ пассивной дѣятельности души и относить его къ активной, куда мы причисляемъ и рефлексію.

Итакъ у насъ остаются лишь двѣ главныхъ ассоціаціи: законъ смежности и сходства. Теперь мы ограничимся замѣчаніемъ, что послѣднюю ассоціацію мы считаемъ не самостоятельною: она можетъ быть объяснена изъ закона смежности и нѣкоторыхъ другихъ причинъ. Слѣдовательно, мы признаемъ исключительно одну ассоціацію по смежности.

Нѣсколько словъ относительно терминологіи. Говоря о воспоминаніи, мы употребляемъ термины: ассоціація, законъ ея, способъ воспроизведенія представленій. Выяснимъ себѣ ихъ смыслъ. Ассоціація (associatio) значитъ союзъ, сочетаніе. Этотъ терминъ не говоритъ прямо о воспоминаніи, о воспроизведеніи представленій, но ихъ связи, въ силу которой одно представленіе, оживляясь въ сознаніи, вызываетъ за собою другое, съ которымъ связано. Онъ образованъ въ предположеніи, что одно душевное состояніе можетъ связываться съ другимъ, многія душевныя состоянія могутъ образовывать цѣпь, каждое звено которой, двигаясь, тянетъ за собою другое, съ нимъ связанное. О такой связи собственно дѣлается догадка на томъ основаніи, что одна идея служитъ поводомъ для воспроизведенія другой. И такъ какъ ассоціація обнаруживается только при воспоминаніи, то въ Пси-

хологіи, какъ и практикѣ, эти термины (ассоціація и воспоминаніе) употребляются одинъ вмѣсто другого. Законъ ассоціаціи означаетъ собственно modus воспоминанія, способъ его. Конечно, здѣсь этотъ терминъ употребляется не совсѣмъ въ томъ значеніи, въ какомъ онъ прилагается въ естественныхъ наукахъ: въ нихъ онъ означаетъ математически опредѣлимый способъ обнаруженія силы, ея дѣйствованія (законъ тяжести, распространенія свѣта и т. д.), или обобщеніе постояннаго слѣдованія одного явленія за другимъ (причина и дѣйствіе). Законы ассоціаціи ничего не говорятъ о математическомъ способѣ дѣйствованія души при воспоминаніи, равно какъ представленіе вызывающее не разсматривается, какъ причина вызываемаго. Они подходятъ скорѣй къ такъ называемымъ, эмпирическимъ обобщеніямъ, устанавливающимъ лишь слѣдованіе фактовъ одного за другимъ, безъ обозначенія причины ихъ возникновенія. Строго говоря, слѣдовало бы говорить не о законахъ воспоминанія, а о способахъ его.

Обратимся теперь къ закону смежности.

Законъ смежности.

Законъ смежности можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: движенія, ощущенія, мысли, состоянія чувства и воли, возникающія въ душѣ одновременно или въ тѣсномъ преемствѣ, соединяются такъ, что когда одно изъ нихъ повторяется въ сознаніи, то и другія стремятся повториться вмѣстѣ. Къ разъясненію этого закона считаемъ нужнымъ замѣтить слѣдующее:

1) Говоря: *„движенія, ощущенія и состоянія чувства...* стремятся соединиться вмѣстѣ“ мы желали замѣтить, что законъ смежности простирается на всѣ душевныя состоянія. И представленія и состоянія сердца, стремленія — всѣ психическія дѣйствія могутъ воспроизводиться, равно какъ могутъ быть поводами для воспроизведенія другихъ состояній. Въ этомъ между прочимъ и состоитъ заслуга англійской эмпирической школы, что она законы ассоціаціи распространила на всѣ состоянія души, тогда какъ Психологія континентальная, и особенно нѣмецкая, ограничивала дѣйствіе ихъ только одними представленіями.

2) Мы говоримъ объ ассоціаціи не представленій, а самыхъ душевныхъ состояній. Мы понимаемъ представленіе нѣсколько иначе, чѣмъ это принято въ психологіяхъ, о чемъ скажемъ ниже.

Мы не отвергаемъ существованія представленій, возможности ассоціацій между ними, но конечно, потому и возможны союзы ихъ что связываются самыя реальныя состоянія: ассоціація представленій есть только одинъ изъ частныхъ случаевъ смежности.

3) Въ формулѣ закона мы упомянули о соединеніи состояній, возникающихъ одновременно или въ тѣсномъ преемствѣ. Мы различаемъ два вида смежности: — въ собственномъ смыслѣ и послѣдовательности. Къ первому относятся всѣ случаи сочетанія состояній, возникающихъ одновременно или даже преемственно, но такихъ, которыя разсматриваются субъектомъ, какъ данныя вмѣстѣ Мы допускаемъ возможность для души имѣть неопредѣленное множество состояній, думаемъ, что нѣсколько ихъ разомъ могутъ возбуждаться въ ней и затѣмъ воспроизводиться вмѣстѣ, хотя въ сознаніи она являются въ смежной послѣдовательности: Воспроизводя ихъ, хотя и послѣдовательно, субъектъ сопровождаетъ свои воспоминанія мыслію, что они касаются событій, могущихъ быть, или дѣйствительно бывающихъ одновременно. Другой видъ смежности есть послѣдовательность. Воспоминающій сопровождаетъ свои воспоминанія мыслію, что они касаются предметовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ извѣстномъ порядкѣ.

Законъ смежности въ собственномъ смыслѣ.

Прослѣдимъ теперь на различныхъ душевныхъ состояніяхъ дѣйствіе закона смежности.

1) Движенія нашего тѣла даютъ поводъ къ различнымъ ассоціаціямъ по смежности; наприм. мы запоминаемъ порядокъ танцевъ, т е. рядъ движеній; гимнастъ — рядъ самыхъ сложныхъ и разнообразныхъ движеній рукъ, ногъ, туловища при исполненіи гимнастическихъ упражненій; граверъ, плотникъ, столяръ и т. д. запоминаютъ порядокъ движеній, нужныхъ для исполненія работъ гравернихъ, плотничныхъ, столярныхъ. Въ какомъ порядкѣ заучивались движенія, въ такомъ они потомъ и воспоминаются.

2) Могутъ ассоціироваться ощущенія одного и того же чувства. Въ той связи и въ томъ порядкѣ, въ какомъ ощущенія одного чувства возбуждаются въ насъ; въ такомъ порядкѣ они оживляются въ нашемъ воспоминаніи. Остановимся нѣсколько на примѣрахъ изъ разныхъ видовъ ощущенія.

Мы запоминаемъ ряды органическихъ ощущеній и потомъ воспроизводимъ ихъ. Кто часто страдаетъ зубною болью, тотъ можетъ себѣ вспомнить постепенное возрастаніе мучительной боли или ея временное ослабленіе, усталость, головную боль и прочія органическія ощущенія, сопровождающія страданія зубныхъ нервовъ. Больной тифомъ или холерою, по выздоровленіи, можетъ воспроизвести свои страданія въ томъ порядкѣ, въ какомъ они дѣйствительно происходили. Можно припоминать различныя чувствованія голода и жажды, тошноты, какія возникали въ насъ и достигали значительной степени развитія. Впрочемъ, объ органическихъ чувствованіяхъ слѣдуетъ замѣтить, что они запоминаются вообще слабо, не ясно и не отчетливо припоминаются. Подъ свѣжими впечатлѣніями болѣзни, человѣкъ еще довольно живо припоминаетъ бывшія болѣзненныя ощущенія: но по прошествіи нѣкотораго и не долгаго времени, особенно когда всякіе слѣды болѣзни уже изгладились, представленія блѣднѣютъ, ассоціація дѣлается съ перерывами. Наиболѣе слабыя ассоціаціи образуются по поводу органическихъ ощущеній.

Могутъ возникать ассоціаціи ощущеній запаха и вкусовъ. Нѣсколько разъ осматривая оранжерею, богатую пахучими цвѣтами, мы становимся въ состояніи, наконецъ, припоминать запахъ за запахомъ, въ порядкѣ расположенія цвѣтовъ, и при частыхъ посѣщеніяхъ, переходя отъ одного къ другому, за ранѣе представлять себѣ, какой запахъ встрѣтимъ, подвигаясь впередъ. Мы запоминаемъ также рядъ вкусовъ: наприм. парадный обѣдъ припоминается, какъ рядъ ощущеній вкуса, и несомнѣнно, что иной гастрономъ вспоминаетъ вкусные обѣды исключительно съ этой стороны.

Гораздо чаще образуются ассоціаціи по смежности по поводу ощущеній осязанія. По одному осязанію мы распознаемъ въ темнотѣ свои вещи; осязая наприм. книгу, мы припоминаемъ тяжесть, величину, гладкость переплета, бумаги и т. д.; это всѣ различныя осязательныя ощущенія, воспроизводящіяся въ смежномъ порядкѣ, какъ мы ихъ получали. Примѣръ слѣпыхъ показываетъ, до какой сложности могутъ достигать ассоціаціи осязательныхъ ощущеній: для нихъ всѣ что касается величины, вѣса фигуры, теплоты, шероховатости предметовъ, протяженія міра, есть рядъ представленій, воспоминаемыхъ по смежности; точность у нихъ ассоціаціи видна изъ того, что они отлично знаютъ расположеніе предметовъ, самые предметы, находящіеся въ комна-

тахъ, ими занимаемыхъ, и даже мѣстность, ближайшую къ дому, въ которомъ они живутъ. Въ этомъ случаѣ пассивныя осязательныя ощущенія сочетаваются съ активными мускульно-осязательными.

Приведемъ примѣры ассоціаціи звуковъ. Мы запоминаемъ пѣсню, арію и потомъ поемъ ее въ памяти, воспроизводимъ рядъ музыкальныхъ звуковъ т. е. слуховыхъ ощущеній. Такимъ образомъ частый посѣтитель церковной службы запоминаетъ церковные напѣвы, пѣвица цѣлую оперу, которую ей приходится пѣть на сценѣ. Могутъ вспоминаться и воспроизводиться ряды членораздѣльныхъ звуковъ, наприм. можно запомнить цѣлую фразу на чужомъ незнакомомъ языкѣ и звукъ будетъ воспроизводиться за звукомъ. При заучиваніи наизустъ часто случается, что образуется ассоціація только звуковая, и выучившій повторяетъ цѣлыя тирады, ни сколько не вникая въ смыслъ того, что онъ говоритъ. Посему, какъ скоро такая ассоціація обрывается, сама ли собою, вслѣдствіе ли вопроса, замѣчанія со стороны слушающаго, то усвоившій одни звуки становится неспособнымъ продолжать свой отвѣтъ, и ему необходимо или снова всю ассоціацію начать сначала, или подсказать, какія слова слѣдуютъ далѣе. Понятно, что такая ассоціація чисто случайная и не прочная: всего легче забывается то что выучено механически и лишено всякаго логическаго значенія и смысла. Но такъ какъ память легко пріучается образовывать ассоціаціи въ направленіи, въ которомъ мы ее развиваемъ, то, при преподаваніи и обученіи, должно быть поставлено за правило, не дозволять обучающемуся усвоять себѣ только звуки, а не значеніе словъ и предложеній, и прекращать всякое поползновеніе съ его стороны ограничиваться однимъ только механическимъ усвоеніемъ уроковъ.

Ощущенія зрѣнія раздѣляются на чисто зрительныя и мускульныя, исходящія отъ дѣятельности мускуловъ глаза. Оба рода ощущеній могутъ ассоціироваться по смежности. Примѣры перваго рода ассоціаціи можно видѣть въ представленіи какого нибудь большаго разноцвѣтнаго зданія, большой картины, цвѣта, оттѣнки и тѣни которой живописецъ твердо запоминаетъ и воспроизводитъ мысленно. По этой же ассоціаціи путешественникъ припоминаетъ виды тропическихъ лѣсовъ, пейсажи, видѣнные имъ въ живописныхъ мѣстахъ при закатѣ солнца, коверъ разнообразныхъ цвѣтовъ степи, по которой приходилось ему проѣзжать. По ассоціаціи зрительно-мускульныхъ ощущеній мы при-

поминаемъ архитектурный видъ зданій, геометрическія фигуры, вообще формы различныхъ предметовъ, нами гдѣ либо замѣченныхъ и т. под.

3) Ощущенія различныхъ чувствъ, возбуждаясь въ душѣ въ тѣсномъ преемствѣ, воспроизводятся потомъ также вмѣстѣ.

Движенія ассоціируются съ зрительными и слуховыми ощущеніями. Жестами напоминаютъ забывчивымъ людямъ, что̀ слѣдуетъ имъ сказать, такъ что у нихъ видъ движенія (жесты) вызываетъ рядъ словъ, или предложеніе, которое должно быть сказано. Словами иногда обозначаемъ движенія, наприм. при приказаніяхъ подать, принести какую-нибудь вещь; ребенка учатъ ѣсть, держаться прямо, ходить, давать непринужденное положеніе головѣ, рукамъ, туловищу и т. под., указывая на словахъ, что онъ долженъ дѣлать. Когда приказанія понимаются, то при этомъ у слушающаго происходитъ воспроизведеніе въ такомъ порядкѣ: слуховое ощущеніе вызываетъ движеніе, съ которымъ у него уже образовалась ассоціація. Въ иныхъ случаяхъ зрительныя ощущенія вызываютъ движенія: знаками, символами даются приказанія дѣлать то или другое движеніе: напр. при смотрѣ флота поднимаются флаги для отдачи приказаній: видъ флага вызываетъ у моряковъ движенія (маневровъ), которыя имъ приходится совершать.

Представленія, возникшія изъ мускульныхъ ощущеній, сочетаваются съ зрительными представленіями, такъ что одни служатъ поводами къ возбужденію другихъ. Изъ ежедневныхъ наблюденій надъ вещами мы выносимъ ассоціаціи ощущеній зрѣнія — внѣшняго вида, объема предметовъ, ихъ тяжести, вѣса; затѣмъ, въ силу образовавшейся ассоціаціи, видъ предмета возбуждаетъ мысль о его тяжести, наприм. смотря на глыбу камня, на громадное дерево, на большой памятникъ, мы представляемъ себѣ ихъ вѣсъ.

Ощущенія осязанія могутъ вызывать, по ассоціаціи смежности, слуховыя и зрительныя: дотрогиваясь до колокола, мы представляемъ знакомый намъ звукъ его, касаясь рукою двери, думаемъ о шумѣ, съ какимъ она захлопывается, держа въ рукахъ мѣдную или серебряную монету, представляемъ звонъ, какой она издаетъ, упавъ на полъ и т. д. Осязаніе возбуждаетъ представленія, возникшія изъ зрительныхъ ощущеній: въ темнотѣ осязая свое платье, мы представляемъ себѣ его видъ, узнаемъ, есть ли оно сюртукъ, шуба и т. д., и вообще, когда

по шероховатости, или гладкости, по извѣстной степени твердости, теплотѣ и холоду поверхности, мы догадываемся, какой именно предметъ подвернулся подъ руку, мы пользуемся ассоціаціей ощущеній осязанія съ ощущеніями зрѣнія. Часто также мы отъ ощущеній зрѣнія переходимъ къ представленіямъ, возникшимъ чрезъ осязаніе: напр. мы говоримъ, что видимъ вещь шероховатую или гладкую, твердую или мягкую, сухую или влажную. Видѣть шероховатость, твердость, сухость предметовъ невозможно: ибо эти качества могутъ быть намъ даны только осязаніемъ. Слѣдовательно, процессъ происходитъ здѣсь такъ: видъ вещи вызываетъ осязательныя ощущенія; у насъ уже образовалось знаніе (ассоціація), какія особенности въ поверхности и цвѣтѣ тѣлъ (ощущенія зрѣнія) съ какими осязательными качествами обыкновенно соединяются.

Ощущенія слуха вызываютъ представленія протяженія, образовъ предметовъ. Намъ кажется иногда, что мы слышимъ разстояніе между собою и звучащимъ тѣломъ, хотя слышать разстояніе невозможно, ибо оно есть идея, возникшая при помощи зрѣнія и осязанія; наоборотъ, видъ нотъ напоминаетъ намъ звуки, ими представляемые: хорошій музыкантъ пробѣгаетъ глазами піесу и безъ помощи музыкальнаго инструмента опредѣляетъ, хороша ли она, или нѣтъ. Это было бы невозможно, если бы у него видъ нотъ (ощущенія зрѣнія) не вызывалъ представленія звуковъ.

4) Какъ на особый родъ примѣровъ ассоціаціи по смежности, слѣдуетъ указать на сочетанія ощущеній съ абстрактными продуктами рефлексіи или мыслями. Въ языкѣ мы имѣемъ органъ для выраженія своихъ мыслей: каждое понятіе, представленіе обозначается словомъ, т. е. собраніемъ извѣстныхъ звуковъ. Было бы невозможно цѣлесообразно пользоваться языкомъ, если бы слово не вызывало въ умѣ мысли и наоборотъ, мысль не вызывала слова. Связь между ними образуется самая тѣсная и крѣпкая изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ ассоціацій: до того быстро слово возбуждаетъ мысль и мысль возбуждаетъ слово, что обыкновенно кажется, будто бы мысль есть слово и мыслимъ мы словами. Посему, когда мы выражаемъ свою мысль въ словахъ, то это значитъ, что она, по ассоціаціи смежности, вызываетъ рядъ словъ, соотвѣтствующихъ ей по своему значенію; когда мы слушаемъ говорящаго, слова возбуждаютъ мысль, имъ соотвѣтствующую, и мы говоримъ тогда, что понимаемъ выска-

занную рѣчь. Что, дѣйствительно, при пользованіи языкомъ, все дѣло въ ассоціаціи смежности, видно изъ тѣхъ случаевъ, когда кто пытается говорить на языкѣ, которымъ не совершенно владѣетъ: сейчасъ же говорящій чувствуетъ, что хотя мысль и есть для выраженія, но нѣтъ словъ, т. е. ассоціація безсильна скоро и безошибочно воспроизводить подходящія слова.

5) Ассоціація по смежности распространяется и на чувствованія, состоянія удовольствія и неудовольствія. Мы можемъ оживлять свои прежнія удовольствія и страданія также, какъ мы оживляемъ прошедшія состоянія слуха, зрѣнія и проч. Чувствованія подлежатъ ассоціаціи по смежности и воспроизводятся по поводу представленія предметовъ, служившихъ причиною или поводомъ ихъ возникновенія. Всѣ роды чувствованій подлежатъ этому закону. Имѣли мы удовольствіе отъ охоты, отъ какого либо физическаго труда, освѣжившаго и укрѣпившаго насъ среди умственныхъ работъ, мы долго потомъ, припоминая свою охоту, трудъ, припоминаемъ и свое удовольствіе; намъ понравилась быстрая и удобная ѣзда по желѣзной дорогѣ, мы связываемъ представленіе вагона съ удовольствіемъ. Такъ можно съ удовольствіемъ помышлять объ удобной каретѣ, уютномъ кабинетѣ, хорошемъ обѣдѣ или вкусномъ блюдѣ, не имѣя въ наличности ни одного изъ этихъ удовольствій. Мы воспоминаемъ пѣсню, арію, красивый цвѣтокъ, изящный бюстъ, статую, художественное зданіе, красивую личность и вмѣстѣ эстетическое удовольствіе, ими доставленное. Воспоминая впечатлѣнія, удовлетворившія нашему стремленію къ новому, оригинальному, дни, въ которые мы ожидали пріятныхъ или непріятныхъ событій, мучились сомнѣніями, мы оживляемъ въ себѣ всѣ эти чувства. Мать представляя образъ сына, припоминаетъ и свое чувство нѣжности къ нему, съ образомъ любимаго человѣка могутъ навсегда соединиться чувства любви и дружбы, которыя мы питали въ отношеніи къ нему. Кто часто возбуждаетъ въ комъ-либо чувство гнѣва, тотъ рискуетъ образовать ассоціацію въ душѣ гнѣвающагося между представленіемъ личности обидчика и чувствомъ гнѣва, имъ возбуждавшагося. Слѣдовательно, какъ отрицательныя, такъ и положительныя чувствованія одинаково могутъ ассоціироваться по смежности съ представленіемъ предметовъ и событій, служившихъ для нихъ поводомъ.

Наконецъ 6), желанія и стремленія связываются съ различными душевными состояніями. Мы представляемъ себѣ положе-

ніе, извѣстную почесть и наше желаніе, съ которымъ мы стремились къ нимъ, представляемъ себѣ трудъ и то напряженіе воли, съ какимъ производили его; мы связываемъ съ представленіемъ дѣйствія, хотѣнія удовольствіе или неудовольствіе, за ними слѣдовавшее.

Примѣчаніе. На указанномъ фактѣ сочетанія чувствованій съ представленіемъ дѣйствій, ими сопровождавшихся, основывается искусство дрессировки животныхъ. Охотничью собаку ласкаютъ и даютъ ей подачку, когда она сдѣлаетъ свое дѣло какъ слѣдуетъ, и бьютъ арапникомъ за излишнюю горячность, или за непослушаніе приказаніямъ охотника; также точно ласки, угрозы, наказанія употребляются при обученіи лошадей, собакъ, обезьянъ разнымъ дѣйствіямъ. Дрессёры добиваются того, чтобы въ умѣ животнаго образовалась твердая ассоціація между представленіями потребнаго дѣйствія и чувствомъ удовольствія, дабы оно охотно дѣлало что нужно, чувствомъ неудовольствія, наприм. страха или страданія, и представленіемъ дѣйствія ненужнаго, дабы оно избѣгало его.

Воспоминаніе по послѣдовательности.

Изъ случаевъ ассоціаціи послѣдовательности мы остановимся на слѣдующихъ трехъ важнѣйшихъ: 1) на ассоціаціи хронологической или исторической, 2) логической и 3) ассоціаціи причины и дѣйствія.

1) Историческая ассоціація сказывается въ послѣдовательномъ воспроизведеніи событій въ томъ порядкѣ времени, въ какомъ они совершались. Въ какой временной послѣдовательности факты замѣчаются, разсказываются намъ, вычитываются нами изъ книгъ, въ такомъ и воспоминаются. Такъ, мы запоминаемъ обыкновенный порядокъ дневныхъ занятій своихъ, событія своей жизни въ порядкѣ ихъ совершенія, событія въ жизни цѣлаго народа, какъ мы узнали о нихъ изъ исторіи: посему знаніе, напримѣръ, греческой исторіи вообще, пелопонезской войны, событій въ жизни Платона, въ сущности, есть рядъ представленій, понятій, могущихъ воспроизводиться по ассоціаціи послѣдовательности.

2) Къ роду воспомнинанія по послѣдовательности мы относимъ воспроизведеніе мыслей, слѣдующихъ одна за другою въ логической связи. Это такъ называемая логическая ассоціація.

Конечно, мы далеки отъ того, чтобы сводить къ ней всю работу мышленія, устанавливающаго соотношеніе между мыслями и поставляющаго ихъ во взаимную связь; это дѣятельность души активная, тогда какъ въ ассоціаціи обнаруживается лишь пассивная. Но не всѣ логическіе ряды мыслей мы пріобрѣтаемъ самодѣятельно, многіе мы усвояемъ пассивно, памятью, слѣдовательно, чрезъ ассоціацію; тѣ ряды мыслей, которые построяемъ самостоятельно, запоминаются нами, конечно, чрезъ ассоціацію и когда приходится намъ повторять ихъ, то мы обращаемся болѣе къ содѣйствію памяти, чѣмъ къ самодѣятельности ума. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ ассоціація послѣдовательности. Логическое основаніе А предшествуетъ слѣдствію В, слѣдовательно, мысли А В слѣдуютъ одна за другою и должны запоминаться по ассоціаціи. Выслушавъ оратора, его логически выработанное доказательство и затѣмъ воспроизведя его, мы въ огромномъ большинствѣ случаевъ не повторяемъ самостоятельно логически весь ходъ мыслей, а припоминаемъ по порядку послѣдовательности одну мысль за другою. Тоже происходитъ, когда прочитавъ какой либо логически обработанный трактатъ, мы отдаемъ себѣ отчетъ въ прочитанномъ и пытаемся представить себѣ мысли въ порядкѣ. Мы обдумываемъ доказательство какого либо положенія, планъ сочиненія, приводимъ въ логическій строй свои соображенія о какомъ либо вопросѣ; возвращаясь къ неконченной своей работѣ, мы уже не повторяемъ прежней своей логической работы, но только припоминаемъ сдѣланное, по ассоціаціи послѣдовательности. Понятно, сколько услугъ оказываетъ намъ она, сберегая наши свободныя силы: онѣ тратятся лишь на образованіе новыхъ мыслей, но разъ сдѣланное возстановляется одними силами памяти.

3) Ассоціацію причины и дѣйствія мы считаемъ самостоятельнымъ случаемъ ассоціаціи послѣдовательности. Англійскій философъ, Юмъ, первый изъ философовъ новаго времени обратившій вниманіе вообще на фактъ сочетаванія представленій, считалъ ассоціацію причины и дѣйствія даже самостоятельною и поставилъ ее рядомъ съ ассоціаціей послѣдовательности и сходства. Что касается психологической основы связыванія явленій по упомянутому закону, то несомнѣнно, что она есть ассоціація. Мы не можемъ a priori, по однимъ логическимъ соображеніямъ знать, что тѣло должно падать, что холодъ превращаетъ воду въ ледъ и т. д. Знакомясь съ окружающими явленіями, мы за-

мѣчаемъ что нѣкоторыя изъ нихъ неизмѣнно предшествуютъ другимъ, а эти другія неизмѣнно слѣдуютъ за первыми: твердое тѣло, ударяясь о стекло, разбиваетъ его; мы говоримъ, что ударъ есть причина разбитія стекла. Но вѣдь, въ сущности, того, какъ одинъ фактъ есть причина другого, мы не видимъ, а замѣчаемъ лишь слѣдованіе одного явленія за другимъ. Слѣдовательно, здѣсь дается намъ послѣдовательность явленій, т. е. представленій, идей, и онѣ должны запоминаться по ассоціаціи послѣдовательности. Отъ хронологической или исторической упомянутая ассоціація отличается не по существу, а по сопровождающему ее убѣжденію, что между явленіями, соотвѣтствующими нашимъ представленіямъ, есть внутренняя, а не внѣшняя, связь и только по этому обстоятельству, мы говоримъ о ней, какъ самостоятельномъ случаѣ ассоціаціи послѣдовательности.

Ассоціаціи сходства и противоположности.

Прежде, чѣмъ перейдемъ къ общимъ замѣчаніямъ объ ассоціаціи смежности, остановимся на такъ называемой ассоціаціи сходства и противоположности. Еще Аристотель считалъ ее за самостоятельную и поставилъ ее рядомъ съ способомъ смежности. Такое же значеніе ей и до сего времени приписывается въ нѣмецкой Психологіи. Въ англійской Психологіи въ послѣднее время противъ ассоціаціи контраста уже стали подниматься голоса и Бэнъ успѣшно старался свести ее къ ассоціаціи по смежности и сходству, а нѣкоторыя явленія ея вывести изъ дѣйствія чувствованій. Но ассоціацію по сходству и Бэнъ признаетъ совершенно самостоятельною наряду съ смежностію. Намъ кажется, что ассоціаціи сходства отнюдь нельзя давать такого значенія; скажемъ даже болѣе, такой ассоціаціи вовсе нѣтъ: ибо всѣ дѣйствія ея могутъ быть сведены главнѣйше на ассоціацію смежности.

Ассоціація сходства. Изложеніе общепринятаго ученія о ней.

Сначала изложимъ общепринятое ученіе объ ассоціаціи сходства. Въ наиболѣе разработанной формѣ оно предложено Бэномъ. По нему, принципъ ея можетъ быть выраженъ слѣдую-

щимъ образомъ: настоящія дѣйствія, ощущенія, мысли и волненія стремятся возбудить подобныя себѣ состоянія между прежде случившимися.

1) Ощущенія движенія вызываютъ въ воспоминаніи идеи подобныхъ движеній. Употребляя при разговорѣ нѣсколько разъ одну и туже фразу, мы чувствуемъ, что повторяемся, т. е. ощущенія движеній, потребныхъ для произнесенія фразы, вызываютъ въ насъ представленіе той же фразы, произнесенной нами ранѣе при разговорѣ.

2) Ощущенія органическія также вызываютъ одно другое по ассоціаціи сходства. Страданія наступающей зубной боли напоминаютъ прежде бывшія подобныя же боли; испытывая припадокъ сердцебіенія, больной припоминаетъ случаи подобныхъ состояній, бывавшія съ нимъ прежде.

3) Мы отождествляемъ въ воспоминаніи различные вкусы, наприм. пьющій новое для него вино припоминаетъ, что оно ему напоминаетъ вкусъ другого вина, уже извѣстнаго, или гастрономъ, по поводу вкуса какого либо блюда, припоминаетъ подобный вкусъ другого блюда, который онъ зналъ прежде.

4) Въ области осязанія мы отождествляемъ въ своихъ воспоминаніяхъ разныя поверхности, напр. деревянныя, не смотря на разнообразіе ихъ формъ. По мнѣнію Бэна, фактъ, что мы классифицируемъ ощущенія мягкости, твердости, шероховатости и гладкости различныхъ предметовъ и въ этомъ же отношеніи располагаемъ предметы по классамъ, возможенъ только при томъ условіи, что, въ силу ассоціаціи сходства, представленіе поверхности одного предмета вызываетъ представленія подобныхъ поверхностей другихъ предметовъ.

5) Могутъ быть отождествляемы подобныя ощущенія слуха. Такъ, мы уподобляемъ голоса разныхъ людей, напѣвы пѣсенъ, арій, узнаемъ тотъ или другой провинціальный выговоръ въ рѣчи нашего собесѣдника и т. д.; здѣсь наличныя ощущенія слуха вызываютъ представленія другихъ подобныхъ ощущеній.

6) Наконецъ, ассоціація сходства простирается и на зрительныя ощущенія. Мы припоминаемъ подобныя вещи по цвѣту, объему, по фигурѣ, напр. одна физіономія напоминаетъ намъ другую подобную, т. е. одно ощущеніе вызываетъ по ассоціаціи представленіе подобнаго ощущенія.

Несамостоятельность ассоціаціи сходства.

Таково ученіе объ ассоціаціи сходства въ изложеніи Бэна, наиболѣе виднаго въ настоящее время представителя эмпирической Психологіи. Противъ самостоятельности ея представляется прежде всего слѣдующее общее соображеніе. Мы спрашиваемъ: въ силу чего въ упомянутой ассоціаціи одно представленіе вызываетъ въ душѣ другое? намъ отвѣчаютъ—въ силу сходства ихъ. Но какого сходства? ему можно давать или объективный, или субъективный смыслъ. Въ первомъ случаѣ, говоря, что представленія вызываютъ другъ друга въ сознаніи вслѣдствіе своего сходства, мы утверждали бы собственно слѣдующее: самое сходство предметовъ есть причина вызова сходныхъ представленій. Но тутъ возникаетъ недоумѣніе. Что такое предметъ самъ въ себѣ, независимо отъ нашихъ представленій, мы не знаемъ и знать не можемъ; онъ доступенъ намъ, лишь по скольку мы познаемъ его, т. е. мы знаемъ одни только субъективныя состоянія, возбуждаемыя въ насъ внѣшними предметами. Сходны или не сходны предметы сами въ себѣ, это намъ совершенно неизвѣстно, слѣдоват. и разсуждать о сходствѣ или не сходствѣ *предметовъ* невозможно. Остается поэтому допустить, что одни представленія, какъ состоянія души, могутъ вызывать другія въ силу своего сходства. И здѣсь также слѣдуетъ замѣтить, что нѣтъ представленій сходныхъ, если таковыми они не признаны душою: они могутъ быть сходными только для насъ, для нашего сознанія. Признаки сходства и несходства прилагаются нами къ своимъ душевнымъ состояніямъ вслѣдствіе сравниванія, сопоставленія ихъ. Логика намъ говоритъ, что признаніе сходства между представленіями есть дѣйствіе рефлексіи. При сравниваніи и сопоставленіи образовъ необходимо представлять ихъ рядомъ, въ быстромъ преемствѣ одинъ за другимъ. Слѣдовательно, прежде, чѣмъ представленія, признанныя сходными, могли бы воспроизводиться по мнимой ассоціаціи сходства, они должны уже вступить въ союзъ по ассоціаціи смежности. Положимъ, видъ извѣстнаго дома напоминаетъ другой, на него похожій. Такъ какъ признаніе сходства между ними есть актъ рефлексіи, а этотъ актъ не могъ состояться безъ предварительнаго умственнаго сравниванія обоихъ домовъ, то представленія ихъ должны были прежде уже представляться въ нашей душѣ одно за дру-

гимъ въ тѣсномъ преемствѣ. Какъ скоро же они разъ смѣнились въ нашей душѣ въ такомъ порядкѣ, они должны воспроизводиться по закону смежности. Это соображеніе указываетъ намъ, къ чему слѣдуетъ прежде всего свести случаи, обыкновенно приводимые, какъ примѣры ассоціаціи сходства: они должны быть объяснены главнѣйше дѣйствіемъ аесоціаціи смежности. Впрочемъ, кромѣ послѣдней, есть и другія причины, вызывающія въ насъ сходныя представленія одно за другимъ.

Выводъ ассоціаціи сходства изъ дѣйствія смежности.

Огромное большинство случаевъ ассоціацій по сходству можетъ быть объяснено изъ ассоціаціи по смежности. Можно выводить первыя изъ дѣйствія послѣдней двоякимъ путемъ: или прямо, непосредственно, или не прямо. Прямой выводъ возможенъ относительно тѣхъ случаевъ, когда сходныя представленія прямо возникли въ тѣсномъ преемствѣ и слѣдовательно, вступили въ союзъ смежности. Не прямой выводъ мы дѣлаемъ относительно тѣхъ случаевъ, въ которыхъ ассоціація смежности между сходными представленіями возникла при помощи языка, рефлексіи и чувствованій.

1) Прежде всего слѣдуетъ указать на множество случаевъ воспроизведенія сходныхъ представленій, вступившихъ въ союзъ по ассоціаціи смежности. Въ опытѣ мы часто наблюдаемъ рядомъ предметы, которые нашей рефлексіей признаются сходными; мы запоминаемъ ихъ вмѣстѣ по ассоціаціи смежности, одно представленіе затѣмъ вызывается въ насъ другимъ и намъ кажется что они воспоминаются въ силу своего сходства. Такъ, мы наблюдаемъ часто подобные дома, стоящіе рядомъ, похожіе голоса разныхъ людей, съ которыми встрѣчаемся въ одномъ обществѣ, замѣчаемъ подобныя физіономіи, похожихъ одно на другое, животныхъ и т. д.; что же удивительнаго, что полученныя одновременно представленія сходныхъ предметовъ воспроизводятся потомъ одно за другимъ, не по мнимому закону сходства, какъ это кажется намъ, а просто по закону смежности. Съ другой стороны, большое число группъ сходныхъ представленій усвояется нами уже готовыми изъ чтенія книгъ и бесѣдъ съ другими людьми. Вспомнимъ, какое количество готовыхъ сравненій, уподобленій выносится образованнымъ человѣ-

комъ изъ уроковъ, лекцій, слышанныхъ имъ, прочитанныхъ книгъ, сколько на лету запоминаются сравненій, слышанныхъ при разговорахъ. Такъ какъ большею частью мы забываемъ, при какихъ обстоятельствахъ мы усвоили группы сходныхъ представленій, то впослѣдствіи намъ кажется, что одно изъ нихъ въ силу своего сходства съ другимъ напоминаетъ намъ его. Между тѣмъ здѣсь воспоминаніе производится по способу смежности: мы выслушивали, вычитывали сходные образы, понятія въ тѣсномъ преемствѣ и въ этомъ порядкѣ они потомъ и припоминаются.

2) Не мало группъ сходныхъ представленій образуется логическимъ путемъ, причемъ они запоминаются собственно по смежности. По поводу многихъ частныхъ представленій наше мышленіе образуетъ одно общее представленіе или понятіе. Такъ какъ послѣднее слагается изъ признаковъ, общихъ многимъ предметамъ, входящимъ въ объемъ его, то очевидно, въ послѣднемъ должны *одновременно*, или въ тѣсномъ преемствѣ, представляться многіе сходные предметы. Группы сходныхъ предметовъ должны представляться какъ въ томъ случаѣ, когда мы обдумываемъ, образуемъ общее понятіе, т. е. когда сравниваемъ и умственно сопоставляемъ частныя представленія и понятія, такъ и въ томъ, когда, разчленяя понятіе чрезъ логическое дѣленіе, мы перечисляемъ части его. Хотя въ извѣстныхъ отношеніяхъ эти части должны взаимно исключать себя, но онѣ должны быть въ существенныхъ чертахъ сходны: иначе онѣ не содержались бы подъ однимъ понятіемъ. Понятно, что должно происходить въ нашей душѣ, когда мы умственно представляемъ одну часть понятія за другою, когда мы умственно перебираемъ предметы, представленія, частныя понятія, содержащіяся подъ родомъ: они должны подпадать подъ дѣйствіе закона смежности и слѣдовательно, запоминаться вмѣстѣ. Потомъ, когда одно изъ нихъ оживетъ въ нашемъ воспоминаніи, то оно вызоветъ въ сознаніи и другое—сходное, т. е. намъ будетъ казаться, что дѣйствуетъ ассоціація сходства, между тѣмъ какъ на дѣлѣ работаетъ ассоціація смежности. Указаннымъ фактомъ объясняется, какимъ образомъ мысль объ одномъ видѣ напоминаетъ намъ другой видъ, съ нимъ сходный: напр. взглянувъ на растеніе, ботаникъ припоминаетъ другія съ нимъ сходныя растенія; у него по смежности одинъ видъ вызываетъ представленіе другого вида; зоологъ по поводу одного животнаго припоминаетъ другое; уже прежде онъ думалъ о нихъ вмѣстѣ, когда усвоялъ себѣ готовое

понятіе, или вновь образовывалъ его. Оттого, обширность опыта, логическая зрѣлость, пріобрѣтенная годами усиленной мыслительной дѣятельности, имѣютъ важное значеніе для количества и качества представляющихся аналогій, сравненій, вообще для ассоціацій сходныхъ представленій. Кто много обобщалъ и анализировалъ свои общія понятія, у того успѣли образоваться по смежности многія группы сходныхъ представленій.

3) Особенно важную услугу для вызова сходныхъ представленій оказываетъ языкъ. Дѣйствующею причиною и въ этомъ случаѣ оказывается законъ смежности. Слова, какъ извѣстно, имѣютъ общее значеніе и служатъ именами для многихъ предметовъ; особенно же обширенъ кругъ приложенія именъ, имѣющихъ общее или родовое значеніе. Произнося имя и представляя предметъ, имъ называемый, мы даемъ поводъ образоваться ассоціаціи по смежности между представленіемъ извѣстнаго слова (имени) и представленіемъ предмета. Когда имя имѣетъ общій характеръ и идетъ ко многимъ предметамъ, то представляя себѣ каждый изъ этихъ предметовъ и называя его, мы образуемъ ассоціацію между все однимъ и тѣмъ же именемъ и каждымъ предметомъ. Такія ассоціаціи образуются независимо одна отъ другой въ разныя времена, при различныхъ обстоятельствахъ. Наглядно эти ассоціаціи можно представить себѣ слѣдующимъ образомъ: назовемъ общее имя A, предметы къ которымъ оно прилагается b, c, d, e, въ разное время возникаютъ ассоціаціи Ab, Ac, Ad, Ae; они могутъ нѣкоторое время быть независимыми, самостоятельными одна по отношенію къ другой и не состоять ни въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Какъ скоро представилось уму общее имя, вслѣдъ за ними по закону смежности должны представляться и предметы, съ представленіями которыхъ оно сочеталось; возбудилось въ сознаніи A, за нимъ должны оживляться представленія b, c, d, e. Но эти bcde суть сходныя представленія. Такимъ образомъ мы будемъ въ сознаніи своемъ переходить отъ одного сходнаго представленія къ другому и намъ будетъ казаться, что въ насъ дѣйствуетъ ассоціація сходства.

Поясним сказанное на примѣрахъ. Мы запоминаемъ изъ чтенія въ разное время, что новоплатоновцы аѳинской школы были пантеисты, Джіордано Бруно былъ пантеистъ, были ими Спиноза, Шеллингъ; между представляемымъ названіемъ и именами философовъ образовались ассоціаціи по смежности. Когда

мы думаемъ о пантеистахъ новоплатоновцахъ, то названіе пантеистъ вызываетъ по смежности имя Бруно, Спинозы, Шеллинга, и намъ кажется, что мысль о Бруно напоминаетъ намъ имя, сходнаго съ нимъ по направленію, Спинозы. Еще примѣръ: зимній дворецъ напоминаетъ царскосельскій, павловскій и т. д., конечно, потому что, смотря на каждое изъ этихъ зданій, мы называли его дворцомъ и между словомъ и представленіемъ предметовъ образовалась смежная ассоціація, которая и вызываетъ въ нашемъ сознаніи идеи одного дворца за другимъ. Нева широкая рѣка напоминаетъ мнѣ Волгу—широкую рѣку: здѣсь causa movens есть названіе широкая рѣка. Эти примѣры можно было бы умножить до безконечности.

Безспорно, большая часть ассоціацій по сходству можетъ быть сведена къ сейчасъ указанному случаю смежности. Такъ какъ слова имѣютъ общее значеніе и обозначаютъ многіе сходные предметы, свойства, дѣйствія, то чрезъ ассоціацію смежности мы отъ представленія одного предмета, дѣйствія, свойства переходимъ къ представленію другихъ предметовъ, дѣйствій, свойствъ—сходныхъ съ первыми, обозначаемыхъ тѣми же именами и названіями. Отсюда открывается важное значеніе языка для умственнаго сравниванія и сопоставленія предметовъ. Анализируя какой либо предметъ и умственно бесѣдуя о немъ съ самимъ собою, мы чрезъ представленіе названій его, свойствъ, дѣятельности его вызываемъ по закону смежности, обозначаемыя такими же названіями, предметы, дѣйствія, свойства, дѣятельности и умственно собираемъ матеріалы для обобщеній и выводовъ. Мы полагаемъ что, если память даетъ мышленію вообще богатый матеріалъ, болѣе или менѣе годный для рефлективныхъ построеній, то это вслѣдствіе услугъ языка, дѣйствующаго чрезъ законъ смежности. Если бы человѣкъ не обладалъ языкомъ, его мышленіе не могло бы имѣть и сотой доли столь широкой и разнообразной помощи памяти, какую имѣетъ теперь. Вотъ почему люди всегда инстинктивно видѣли въ языкѣ главнѣйшее преимущество свое предъ животными, инстинктивно понимали громадность услугъ, оказываемыхъ имъ для нашей интеллектуальной жизни. Съ помощію языка и закона смежности мы, при обдумываніи вопроса и анализѣ предмета, какъ бы перебираемъ въ различныхъ направленіяхъ весь запасъ своихъ представленій и понятій. Названіе предмета напоминаетъ намъ многіе сходные предметы, имѣющіе тоже родовое или видовое названіе;

останавливаясь умственно на свойствѣ и дѣятельностяхъ предмета, мы чрезъ имена ихъ припоминаемъ другія подобныя дѣятельности, свойства, могущія встрѣчаться въ самыхъ разнообразныхъ предметахъ; сосредоточившись на одномъ изъ нихъ, мы чрезъ его имя вызываемъ въ себѣ также именуемыя представленія, снова можемъ сосредоточиваться на какой либо чертѣ одного изъ нихъ и чрезъ названіе вызвать въ воспоминаніи другія дѣятельности, еще разъ обратиться къ предметамъ и т. д. Конечно, въ этомъ оживленіи сходныхъ представленій есть много случайности, нелогичности. Но каждый думавшій долго о чемъ либо знаетъ, какъ безпорядочно, и, повидимому, безтолково вызываются въ памяти представленія и мысли; изъ этой смѣны мыслей мы критически выбираемъ, что нужно для нашей задачи, отбрасывая не относящееся къ дѣлу.

Наконецъ, сходныя представленія могутъ возбуждаться въ насъ, по смежности же, и чрезъ чувствованія. Мы уже знаемъ, что послѣднія могутъ ассоціироваться съ представленіями предметовъ, давшихъ поводъ къ ихъ возбужденію: мысль о предметѣ, возбудившемъ гнѣвъ, радость, стыдъ, страхъ возбуждаетъ и эти чувствованія. Изъ опыта мы знаемъ, что, и на оборотъ, чувствованія весьма часто могутъ возбуждать мысль о предметѣ, нѣкогда ихъ возбудившемъ: человѣкъ въ гнѣвѣ припоминаетъ всѣ обиды и оскорбленія, какія прежде возбуждали подобные по степени и качеству взрывы гнѣва; въ минуты радости, стыда припоминаются случаи, прежде служившіе поводомъ также радостныхъ или стыдливыхъ возбужденій. Фактъ возбужденія представленій чрезъ состоянія чувства даетъ намъ ключъ къ разъясненію оживленія нѣкоторыхъ сходныхъ представленій. Положимъ, извѣстный предметъ возбудилъ въ насъ какое либо состояніе чувства и между представленіемъ перваго и послѣднимъ образовалась ассоціація смежности; мы встрѣчаемся съ другимъ впечатлѣніемъ, которое возбуждаетъ въ насъ такое же состояніе чувства; по смежности, послѣднее возбуждаетъ въ насъ представленіе предмета, прежде также его возбудившаго. Такимъ образомъ по поводу дѣйствующаго впечатлѣнія возбуждается въ насъ представленіе другихъ впечатлѣній, возбуждавшихъ одно и тоже чувство. Эти впечатлѣнія признаются нашею рефлексіей сходными, хотя бы въ томъ отношеніи, что они возбуждаютъ одинаковое волненіе.

Напримѣръ: мы встрѣтили личность, поразившую насъ, (т.

е. возбудившую чувство удивленія) своимъ умомъ, или своею странною физіономіей, или уродливостію тѣла: между представленіемъ этой личности и чувствомъ удивленія образовалась ассоціація по смежности; затѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, мы встрѣчаемъ иную личность, которая возбуждаетъ такое же чувство удивленія нѣкоторыми своими особенностями. По ассоціаціи смежности мы припоминаемъ во второмъ случаѣ и первое лицо, которое тутъ же признается нашимъ сравнивающимъ умомъ сходнымъ со второю личностію; по быстротѣ процесса намъ кажется, что встрѣча съ однимъ предметомъ возбудила въ насъ идею другого, прежде видѣннаго, въ силу именно сходства ихъ, въ сущности же, здѣсь произошелъ процессъ возбужденія представленій по смежности, а не по ассоціаціи сходства. Также точно, въ состояніи гнѣва, стыда, радости, боли, нѣжности, эстетическаго удовольствія, думая о причинахъ ихъ, мы вспоминаемъ о дѣйствіяхъ, лицахъ, фактахъ, возбуждавшихъ въ насъ такія же состоянія, но не въ силу особой ассоціаціи сходства, а по закону смежности. Состоянія чувства, возбуждаясь въ насъ, приводятъ на память другіе случаи, служившіе поводами къ ихъ возникновенію, рефлексія признаетъ ихъ сходными и намъ думается, что сходныя представленія вызываютъ въ сознаніи другъ друга.

И такъ мы не думаемъ, чтобъ ассоціація сходства была столь же самостоятельнымъ закономъ воспроизведенія представленій, какъ и ассоціація смежности. Иначе приходится допустить, что представленіе вызываетъ другое въ силу сходства, душою еще не признаннаго, слѣдовательно, для нея не существующаго. Оно явится тогда какою то таинственною причиною, способною пробуждать сходныя состоянія въ насъ, сводить ихъ вмѣстѣ. Для гипотезы такой особой причины не представляется никакого основанія тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли выше, всѣ дѣйствія такой ассоціаціи легко выводятся изъ закона смежности.

Первоначальное возникновеніе смежныхъ союзовъ сходныхъ представленій.

Примѣчаніе: Психологи, намъ кажется, слишкомъ поверхностно смотрятъ на происхожденіе уподобленій, полагая, что есть своего рода механическій процессъ, выкидывающій на поверхность сознанія готовыя аналогіи. Если бы существовала само-

стоятельная ассоціація сходства, тогда человѣчество давно бы открыло всѣ сходства въ представляемыхъ имъ предметахъ и всѣ подобныя представленія сблизило бы между собою. И отчего эта ассоціація дѣйствуетъ далеко не такъ постоянно, какъ ассоціація смежности: иногда по поводу предмета придетъ на умъ подобный ему, иногда не придетъ и большею частію не приходитъ. Какъ часто мы сожалѣемъ, что въ должную минуту не пришла мысль о сходномъ явленіи, предметѣ, поступкѣ и т. д.!

Но если нѣтъ самостоятельной ассоціаціи сходства, то спрашивается, откуда первоначально берутся уподобленія. Положимъ, теперь, съ помощію языка и логическаго мышленія, мы можемъ по ассоціаціи смежности припоминать сходныя вещи, но вѣдь языкъ, именующій сходные предметы однимъ именемъ, мышленіе, перечисляющее въ понятіи рода сходные виды, предполагаютъ большую предварительную работу: кто нибудь первый распространялъ одно имя на многіе предметы и подбиралъ ихъ къ одному имени, кто нибудь первый считалъ виды въ родѣ и они стали потомъ припоминаться по смежности. Мы и желаемъ сказать, что теперь мы пользуемся плодами огромнаго долговременнаго труда предшествовавшихъ поколѣній.

Иныхъ источниковъ уподобленія предметовъ не можетъ быть, кромѣ рефлексіи и воображенія. Для первой аналогизированіе давалось не вдругъ, накопленіе сходствъ совершалось медленно. Она доходила до уподобленія или случайно или методическ̀и: напримѣръ, многія уподобленія были сдѣланы и дѣлаются потому, что кто либо имѣлъ случай видѣть два сходныхъ предмета вмѣстѣ, рядомъ, или скоро одинъ послѣ другого; его рефлексія признала ихъ сходными и онъ перенесъ названіе съ одного предмета на другой. Иныя уподобленія возникали (и возникаютъ) оттого, что занятый извѣстнымъ представленіемъ, человѣкъ случайно встрѣчалъ предметъ, который его рефлексія сейчасъ же признавала сходнымъ съ представляемымъ; этими способами постепенно происходило распространеніе однихъ и тѣхъ же именъ на многіе предметы. Равнымъ образомъ субъектъ могъ въ случайно встрѣтившихся предметахъ поразиться какимъ либо качествомъ, или дѣятельностію ихъ, и уподобить ихъ съ этой стороны, или занятый мыслію объ удивившемъ его качествѣ или дѣйствіи могъ случайно встрѣтить ихъ въ новомъ предметѣ и закрѣпить акты своего уподобленія перенесеніемъ имени качества или дѣйствія на новый предметъ. Этими способами постепенно собира-

лись сокровища готовыхъ аналогій и сопоставленій сходныхъ предметовъ въ каждомъ языкѣ. Я допускаю даже, что при этомъ имѣли значеніе даже ошибки отождествленія предметовъ: субъектъ поспѣшно признавалъ встрѣтившійся предметъ за извѣстный ему, но потомъ, при внимательномъ разсмотрѣніи его, оказывалось, что онъ не тотъ же, а только сходный; и этимъ способомъ образовались многія аналогіи, получившія одно и тоже названіе.

Въ указанныхъ случаяхъ рефлексія уподобляла предметы не намѣренно, въ зависимости отъ разныхъ случайныхъ встрѣчъ съ ними. Но съ возникновеніемъ точной науки, она добываетъ новыя аналогіи методически и намѣренно. Отовсюду нынѣ собираются коллекціи, составляются музеи и кабинеты, дѣлаются выставки для того, чтобы научная или просто любознательная рефлексія могла сдѣлать уподобленія, слѣдовательно, говоря психологическимъ языкомъ, пріобрѣсть смежныя ассоціаціи сходныхъ предметовъ и эти ассоціаціи потомъ сдѣлать всеобщимъ достояніемъ образованныхъ людей. Въ Филологіи есть научный ad hoc сравнительный методъ: отыскиваются по лексиконамъ и сопоставляются сходныя слова, флексіи и такимъ образомъ собираются ассоціаціи сходныхъ словъ. Въ существующихъ наукахъ собрана огромная масса подобныхъ фактовъ, предметовъ, они уже уподоблены методически; мы обыкновенно пользуемся ими, какъ готовымъ матеріаломъ, изощряемъ свой анализъ надъ ними и идемъ въ своихъ уподобленіяхъ долѣе. Научному уму приходитъ на память множество сходныхъ предметовъ, потому что онъ ихъ имѣлъ уже случай усвоить по смежности.

Другой источникъ уподобленій есть воображеніе: оно дѣйствуетъ не методически, а случайно, по вдохновенію, открываетъ въ различныхъ предметахъ сходство и какъ скоро уподобитъ ихъ, то аналогизованныя представленія припоминаются потомъ по смежности. Объ этомъ процессѣ у насъ будетъ рѣчь ниже.

Не механическимъ процессомъ достаются человѣчеству сопоставленія и припоминанія сходныхъ предметовъ; въ большинствѣ случаевъ чрезъ намѣренный трудъ, чрезъ благопріятный случай, а главное, чрезъ работу рефлексіи образуются соединенія сходныхъ представленій, потомъ припоминающіяся по смежности.

Несамостоятельность ассоціаціи противоположности. Выводъ ея.

Не представляется основаній считать самостоятельною и ассоціацію контраста или противоположности. Обычное ученіе о ней состоитъ въ слѣдующемъ: представленія могутъ вызывать въ воспоминаніи другія представленія, имъ противоположныя: напримѣръ, представленіе богача напоминаетъ о бѣднякѣ, хижина напоминаетъ о дворцѣ, черное о бѣломъ и т. д. Но противъ этой ассоціаціи слѣдуетъ сказать тоже, что̀ мы сказали объ ассоціаціи по сходству. Вслѣдствіе *какой* противоположности одно представленіе вызываетъ другое? Нельзя думать, что они напоминаютъ другъ друга въ силу объективной противоположности. Каковы предметы сами въ себѣ, мы того не знаемъ; сходны они, или противоположны сами по себѣ, это намъ неизвѣстно. Они могутъ быть таковыми лишь для насъ, представляться намъ противоположными. Это возможно только тогда, когда мы умственно сопоставимъ и сравнимъ свои представленія: ибо признаніе сходства и противоположности между ними есть актъ рефлексіи. Если мы воспроизводимъ противоположныя представленія одно за другимъ, то отнюдь не въ силу ихъ противоположности, а вслѣдствіе какихъ либо иныхъ причинъ. Соображая, что признанію этого качества за представленіями должно предшествовать умственное сравниваніе ихъ, что̀ должно вести за собою образованіе между ними ассоціаціи по смежности, мы должны и этотъ мнимо самостоятельный родъ сочетанія представленій вывести главнѣйше изъ закона смежности. Въ противномъ случаѣ намъ приходится предположить, что противоположность представленій есть какая то невѣдомая, скрывающаяся отъ нашего сознанія, сила, движущая нашими представленіями и вызывающая ихъ къ сознанію.

Несамостоятельность этой ассоціаціи уже была признана извѣстнымъ англійскимъ психологомъ Бэномъ: онъ вывелъ ее изъ дѣйствія законовъ смежности и сходства и вліянія волненій на представленія. Мы вполнѣ согласны съ его мнѣніемъ, за однимъ только исключеніемъ: не признавая ассоціаціи сходства самостоятельною, мы не можемъ выводить изъ нея ассоціацію контраста. Поэтому мы признаемъ собственно двѣ главныя причины, ведущія къ воспоминанію контрастовъ: во 1-хъ, законъ смежно-

сти и во 2-хъ, вліяніе волненій на возбужденіе въ насъ представленій.

Ассоціація по смежности вызываетъ въ насъ противоположныя представленія или прямо или посредственно: первоначальное появленіе ихъ въ сознаніи можетъ происходить по требованіямъ логическаго мышленія, а затѣмъ они могутъ воспроизводиться одно послѣ другого по одной смежности.

Нѣкоторые случаи воспроизведенія контрастовъ могутъ быть выведены прямо изъ дѣйствія закона смежности. Мы постоянно наблюдаемъ кругомъ себя контрасты, т. е. говоря психологическимъ языкомъ, ежедневное наблюденіе даетъ намъ одновременно представленія, которыя наша рефлексія признаетъ противоположными: мы видимъ роскошныя палаты рядомъ съ хижинами, встрѣчаемъ на улицѣ богачей и бѣдняковъ, видимъ господъ и слугъ, контрасты цвѣтовъ, свѣта и тѣни, красивыхъ и безобразныхъ личностей, наблюдаемъ твердыя и мягкія, сухія и влажныя, холодныя и теплыя тѣла. По закону смежности между этими представленіями, одновременно вызываемыми въ сознаніи, должна образоваться ассоціація смежности и какъ скоро она образовалась, впослѣдствіи одно представленіе станетъ возбуждать другое: мысль о богачѣ возбудитъ представленіе бѣдняка и т. д.

Съ другой стороны, по закону же смежности могутъ воспроизводиться противоположныя представленія и понятія, мыслимыя нами въ одномъ объемѣ общаго или родоваго понятія. Съ помощію различныхъ пріемовъ сравниванія и сопоставленія мы образуемъ общія понятія и представленія, которыя подъ собою содержатъ нѣсколько противоположныхъ видовыхъ. Общее понятіе цвѣта предполагаетъ чистые противоположные цвѣта, бѣлый и черный, понятіе имущественнаго положенія личности логически предполагаетъ богатство и бѣдность, сухость и мокрота суть степени влажности, красота и безобразіе степени эстетическаго достоинства и т. д. Но мысля виды въ родѣ, мы умственно представляемъ ихъ одинъ за другимъ и слѣдовательно, эти представленія должны сочетаваться и воспроизводиться по закону смежности.

Вообще мы имѣемъ не мало поводовъ образовывать ассоціаціи контрастовъ по закону смежности. Мы усвояемъ ихъ себѣ чрезъ чтеніе поэтическихъ сочиненій, гдѣ часто мысль поэта выясняется въ контрастахъ. Мы выносимъ ихъ изъ болѣе или менѣе одушевленныхъ разговоровъ. Слыша одно противоположное представле-

ніе за другимъ, мы по закону смежности повторяемъ ихъ въ томъ же самомъ порядкѣ.

Наконецъ, контрасты возникаютъ въ насъ иногда подъ вліяніемъ волненій, т. е. состояній нашего сердца. Это особенно часто случается съ такъ называемыми отрицательными чувствованіями. Удручаемый ими, человѣкъ представляетъ себѣ противоположное пріятное состояніе, думаетъ о средствѣ, которое можетъ избавить его отъ тягостнаго положенія и которое противоположно причинѣ его страданія. Такъ, голодный человѣкъ думаетъ о состояніи сытости, озябшій о теплѣ, томящійся лѣтнимъ жаромъ думаетъ не только объ угнетающемъ жарѣ, но и о холодѣ, который ему на этотъ разъ былъ бы пріятенъ; помышляя о тяжкой работѣ, которою нужда заставляетъ заниматься, человѣкъ думаетъ о покоѣ, отдыхѣ. Здѣсь есть смѣна контрастовъ, но не по какой либо особой самостоятельной ассоціаціи; противоположныя представленія вызываются вслѣдствіе взаимодѣйствія и взаимовозбужденія психическихъ силъ.

И такъ, основною и единственною ассоціаціей мы признаемъ смежность. Мы соблюдаемъ здѣсь, рекомендуемое логической теоріей индукціи, правило, что многія причины слѣдуетъ замѣнять немногими, какъ скоро явленія могутъ быть изъ нихъ выведены. Всѣ, что психологи относили къ ассоціаціямъ сходства и контраста, оказывается объяснимымъ одною смежностію. Какая же надобность осложнять объясненіе введеніемъ излишнихъ, слѣдовательно, безполезныхъ причинъ?

Степени воспоминаемости состояній.

Запоминаніе прошлаго совершается по ассоціаціи смежности. Сама по себѣ она дѣйствуетъ всегда и во всѣхъ случаяхъ съ правильностію и постоянствомъ механизма, т. е. состоянія неизмѣнно соединяются и потомъ вызываютъ одно другое въ сознаніи именно по ассоціаціи. Но такъ какъ состоянія не всѣ бываютъ одинаковой силы, при первомъ своемъ возбужденіи, и не въ одинаковой степени теряютъ свою энергію, при забвеніи, то сознательное воспоминаніе не всегда бываетъ одинаково успѣшно. Оно имѣетъ свои степени.

Таковыхъ степеней мы различаемъ пять. Первая самая совершенная степень та, при которой мы вполнѣ бываемъ властны

надъ своими воспоминаніями. Впослѣдствіи мы будемъ говорить о вліяніи воли на процессъ воспроизведенія; теперь замѣтимъ только, что воля есть главная распорядительница надъ нимъ: она можетъ, по произволу, вызывать нужное ей бывшее состояніе и можетъ мгновенно лишать его энергіи, погружая его въ забвеніе. Оказывается однако же, что ея власть не надъ всѣми воспоминаніями равная. Наилучше помнимъ мы то, что̀ можемъ когда угодно, въ какомъ намъ надобно размѣрѣ, воспроизвести себѣ. Таковы всѣ точныя и твердыя знанія, глубокія впечатлѣнія, вынесенныя изъ жизни, или слишкомъ недавнія и свѣжія въ насъ событія: надъ ними мы имѣемъ полную власть и легко воспроизводимъ ихъ, когда и какъ хотимъ. Воля сразу возстановляетъ въ сознаніи прошлое состояніе и пользуется ассоціаціей, какъ совершенно послушнымъ ей орудіемъ.

Вторая степень запоминанія бываетъ тогда, когда для возстановленія прошлыхъ состояній въ сознаніи мы нуждаемся въ припоминаніи разныхъ подробностей мѣста, времени, при которыхъ первоначально возбудилось состояніе, или вообще можемъ добраться до него не иначе, какъ возобновивъ въ сознаніи предшествующія ему состоянія. Въ этомъ случаѣ воля бываетъ безсильна прямо воспомянуть требуемое представленіе или мысль, но она можетъ найти къ нему доступъ чрезъ ассоціацію. Воспроизводя другія представленія, данныя вмѣстѣ съ требуемымъ, она доходитъ до послѣдняго. Здѣсь одно воспоминаніе будитъ въ сознаніи другое. Эта степень еще довольно высокая и важная. При ней мы хотя и не прямо, но распоряжаемся своими знаніями, во множествѣ подробностей и знаній отыскиваемъ надобныя намъ и съ нѣкоторымъ усиліемъ успѣваемъ воспроизводить всё, что намъ нужно, почти вполнѣ.

Третья степень воспоминанія — когда для воспроизведенія представленія требуется повторить во всей реальной полнотѣ состоянія и дѣятельности, предшествовавшія ему въ первый разъ, при самомъ образованіи его. На второй степени воспоминаніе вызывается чрезъ воспоминаніе же, на разбираемой нами—душа безсильна возобновить его этимъ способомъ; она нуждается въ повтореніи реальнаго состоянія, предшествовавшаго воспоминаемому, дабы послѣднее явилось въ сознаніи: наприм. извѣстное лицо возбудило въ насъ гнѣвъ и потомъ было забыто нами, но встрѣтивъ его снова, мы припоминаемъ и свой гнѣвъ на него; танцоръ можетъ забыть порядокъ танцевъ и быть не въ состоя-

ніи разсказать его, но начавъ реально танцовать, можетъ припомнить движеніе за движеніемъ, по мѣрѣ дѣйствительнаго выполненія ихъ; иной граверъ, столяръ не съумѣетъ передать, въ какомъ порядкѣ и какія движенія руки дѣлаются при рѣзьбѣ на стали или столярной работѣ, но исполнитъ самую работу. Можно забыть напѣвъ и слова пѣсни, аріи, гимна, но услышавъ самое пѣніе ихъ, или попытавшись пѣть, часто можно припомнить, что̀ за началомъ слѣдуетъ далѣе и такъ благополучно дойти до конца. Читая въ нѣсколько пріемовъ съ длинными промежутками времени книгу, мы иногда не въ состояніи бываемъ, принимаясь снова за чтеніе, припомнить прочитанное, но пробѣжавъ нѣсколько строкъ, вдругъ припоминаемъ, что̀ существеннаго вычитали. Во всѣхъ этихъ случаяхъ только полное реальное повтореніе состояній вызываетъ воспоминанія и этотъ фактъ указываетъ на меньшую припоминаемость бывшихъ дѣятельностей нашихъ, чѣмъ какая бываетъ во второй степени.

Существуетъ еще болѣе низшая степень воспоминанія, когда реальное повтореніе состояній и дѣятельностей едва напоминаетъ намъ тожественное, бывшее прежде: напримѣръ, перечитывая книгу, мы едва едва припоминаемъ, что ее читали, или смутно догадываемся, что въ ней встрѣчаемъ кое что знакомое; встрѣчаясь во второй разъ съ человѣкомъ, вещію, только возобновивъ свои впечатлѣнія отъ нихъ, мы сознаемъ, что когда то и гдѣ то мы ихъ видѣли. Припоминаемость состояній падаетъ въ этихъ случаяхъ столь ниско, что мы едва бываемъ въ состояніи отождествить новое впечатлѣніе съ прежнимъ.

Но я думаю, что въ виду многихъ фактовъ слѣдуетъ допустить еще болѣе низменную степень запоминанія, — ту, при которой субъектъ воспроизводитъ бывшее состояніе, но безсиленъ припомнить, что оно повторяется, слѣдовательно, отождествить его съ прежнимъ. Онъ принимаетъ повторившееся состояніе или за новое, или за случайно явившееся въ сознаніи. Несомнѣнно, что множество мелькаетъ у насъ мыслей, которыя были вычитаны, выслушаны, или образованы нами самими, но которыя принимаются нами за новыя, никогда прежде не приходившія въ голову, что многія вещи, лица, наши хотѣнія и чувствованія кажутся новыми, тогда какъ прежде, и можетъ быть, не одинъ разъ мы имѣли съ ними дѣло. Въ сущности, все это воспоминанія, но которыя мы безсильны отождествлять съ прежними состояніями и потому сопровождать ихъ мыслію, что они уже были.

Мы указываемъ только главныя степени воспоминанія, хотя въ каждой изъ нихъ могутъ быть наслѣжены многія видоизмѣненія припоминаемости: наприм. на второй степени можно легко и скоро по поводу одного воспоминанія припоминать другое и можно это дѣлать съ усиліемъ, можно припоминать всѣ или большую часть подробностей, или только двигаться по главнымъ, крупнымъ звеньямъ ассоціаціи. На третьей степени можно нуждаться въ повтореніи только начальнаго звена ассоціаціи и затѣмъ быстро воспроизвести все остальное, или идти шагъ за шагомъ, повторяя реальнымъ образомъ одно состояніе и припоминая слѣдующее за нимъ. На четвертой — можно сразу и быстро, при повтореніи состоянія, отождествить его съ прежнимъ, или едва догадаться, что оно было и т. д.

Замѣтимъ еще, что высшая степень припоминаемости предполагаетъ нижнюю, но не наоборотъ. Произвольно распоряжаясь знаніемъ, субъектъ легко припоминаетъ его и по поводу другаго знанія, съ которымъ оно было пріобрѣтено вмѣстѣ. Кто можетъ быть наведенъ на воспоминаніе чего либо реальнымъ повтореніемъ состоянія, предшествовавшаго ему, тотъ легко отождествитъ свое воспоминаніе съ прежде бывшимъ состояніемъ, причиною воспоминанія. Но при нижней степени припоминаемости субъектъ безсиленъ обнаружить высшую.

Забвеніе.

Трудности анализа этого факта.

Обратимся теперь къ анализу факта забыванія.

Изученіе факта забыванія представляетъ большія трудности. О существованіи сознаваемыхъ состояній мы узнаемъ чрезъ самонаблюденіе. Этотъ источникъ свѣдѣній ничего не даетъ намъ въ настоящемъ случаѣ. Невозможно наблюдать, какъ мы что либо забываемъ: ибо наблюдая мы думали бы о забываемомъ, постоянно вызывали бы его въ сознаніи и слѣдовательно, препятствовали бы совершиться забвенію. Попытки наблюдать его походили бы на попытки замѣтить, какъ мы засыпаемъ: извѣстно каждому, дѣлавшему съ собою такой опытъ, что, думая какъ это засыпая мы начинаемъ терять сознаніе, мы будимъ

себя своею думою. Съ другой стороны, мы не сознаемъ въ себѣ, что нами забыто и что продолжаетъ быть нашимъ достояніемъ. Лишь изъ самаго опыта, т. е. изъ сознаваемаго безсилія воспроизвести какую либо подробность, мы убѣждаемся, что она забыта нами. Этимъ фактомъ объясняется, отчего никогда нельзя поручиться, что навѣрно помнишь извѣстную подробность, равно какъ нельзя сказать, что̀ именно въ той или другой области знанія помнится или забыто нами.

Но хотя по самонаблюденію и невозможно сдѣлать прямое заключеніе о сущности забыванія, можно, по сравненію нѣкоторыхъ обстоятельствъ этого процесса, указать на нѣкоторыя особенности его.

Виды забвенія. Объясненіе перваго вида.

Необходимо различать два вида забвенія. Мы припоминаемъ подробности своего путешествія, мысленно переходимъ отъ одного представленія къ другому, третьему и т. д. и когда переходимъ къ послѣдующему, то забываемъ предъидущее. Съ другой стороны, многія наши представленія съ теченіемъ времени воспроизводятся всё слабѣе и слабѣе, такъ что наконецъ исчезаютъ изъ насъ совершенно: напримѣръ, мы забываемъ тысячи подробностей, которыя читали, обдумывали, слышали, видѣли назадъ тому два года, пять лѣтъ. Очевидно, въ двухъ этихъ случаяхъ даны два вида забвенія. Въ первомъ — мы не теряемъ представленій и состояній, когда переходимъ къ другимъ: въ данный моментъ, думая о занимающемъ насъ дѣлѣ, мы забываемъ о всемъ, что занимало насъ въ предшествующіе моменты, но временно теряясь изъ сознанія, оно можетъ, по желанію, снова быть воспроизведено нами. Во второмъ случаѣ, постепенно ослабѣваютъ ясность и сила представленій и состояній, такъ что, по прошествіи извѣстнаго времени, мы становимся неспособны воспроизводить ихъ. Забвеніе перваго рода бываетъ быстрое, мгновенное, второе — можетъ быть и быстрое, но обыкновенно совершается не вдругъ.

Забвеніе перваго рода происходитъ, очевидно, подъ вліяніемъ воли. Интересуясь представленіемъ или состояніемъ, она воспроизводитъ ихъ, быстро усиливая ихъ до степени сознанія; когда же она не интересуется ими, то лишаетъ ихъ всякой

энергіи и они исчезаютъ изъ сознанія: представленія забываются, потому что въ нихъ нѣтъ надобности, интереса. Я думаю, объясненія этого рода забыванію нѣтъ нужды искать ни въ узости сознанія или вниманія, ни въ невозможности для души двухъ одновременныхъ состояній, какъ это можнобъ было предполагать. Что касается послѣдней невозможности, то мы прямо отрицаемъ ее: сама по себѣ душа можетъ имѣть и дѣйствительно имѣетъ неопредѣленное множество состояній. Но сознавать и сосредоточиваться она можетъ въ данный моментъ только на одномъ: но не по узости сознанія или вниманія, а потому, что сосредоточивать свою энергію воля можетъ только на одномъ объектѣ и энергично хотѣть можетъ только чего либо одного, т. е. фактъ узости вниманія и сознанія оттого происходитъ, что воля дѣятельно поддерживаетъ въ данный моментъ только то представленіе или состояніе, которое ей надобно и которымъ она интересуется.

Первый родъ забвенія происходитъ отъ нехотѣнія заниматься тѣмъ или другимъ представленіемъ: нехотящая воля мгновенно отнимаетъ всю или большую часть энергіи его и тѣмъ заставляетъ его исчезать изъ сознанія, забываться. Причиною втораго рода забыванія бываетъ безсиліе воспроизвести прошлое. Не смотря на всѣ усилія воли, мы оказываемся безсильны вспомнить, что мы видѣли, или слышали, читали и т. д. Само собою возникаетъ вопросъ, откуда же берется это безсиліе? На него, какъ и на вопросъ о послѣдней основѣ воспоминанія, мы попытаемся дать отвѣтъ въ концѣ этой главы.

Степени забыванія.

Судя по тому, что въ разное время мы не въ одинаковой полнотѣ воспроизводимъ свои представленія, можно заключить, что забвеніе вообще совершается не вдругъ, а имѣетъ свои ступени. Не вдругъ мы отъ полнаго представленія всѣхъ подробностей факта переходимъ къ совершенному забвенію его до того, что бываемъ не въ состояніи, при имени его, ничего представить себѣ. Степени забвенія, повидимому, суть слѣдующія:

1) Мы забываемъ подробности, касающіяся обстоятельствъ времени и мѣста, при которыхъ образовалось представленіе и вообще всякое состояніе. Свѣжая и воспріимчивая память при-

поминаетъ, когда ею пріобрѣтено новое знаніе, гдѣ приходилось вычитать, выслушать или наблюсти усвоенное. Но такъ какъ вниманіе главнѣйше сосредоточивается на содержаніи знанія, событія и т. под., а подробности мѣста и времени, когда онѣ въ прямой связи съ усвоиваемымъ содержаніемъ не состоятъ, нашего вниманія особенно не занимаютъ, то обыкновенно на нихъ прежде всего простирается забвеніе. Существенной потери въ знаніяхъ оттого мы не терпимъ: ибо главное, интересующее насъ, содержаніе остается при насъ. Однако, такъ какъ степень воспоминаемости его зависитъ отъ подробностей, съ которыми оно ассоціировалось въ насъ, то отъ забвенія упомянутыхъ обстоятельствъ воспоминаемость знанія уменьшается.

2) За исчезновеніемъ изъ памяти обстоятельствъ мѣста и времени, при которыхъ представленія были усвоены нами, часто слѣдуетъ забвеніе связи между ними, слѣдовательно порядка, въ какомъ были переживаемы состоянія. Часто забываешь, когда и гдѣ вычиталъ новую мысль, свѣдѣніе, но помнишь самую мысль или свѣдѣніе въ связи съ другими представленіями, съ которыми оно было дано. Съ теченіемъ времени, однако, мы забываемъ эту мысль: напримѣръ, помнимъ образъ церкви, хотя забываемъ, какими зданіями она окружена; припоминаемъ интересную мысль, поразившее насъ замѣчаніе, но безсильны бываемъ воспроизвести всю статью, книгу, въ которыхъ ихъ встрѣтили. Если отъ забвенія случайныхъ подробностей воспоминаемость представленія значительно ослабляется, то, конечно, этого слѣдуетъ ожидать въ большей степени, когда разрушается связь его съ другими представленіями, съ которыми оно состоитъ въ какой либо связи. Оставшись изолированнымъ, оно можетъ быть воспомянуто только случайно: правильный путь къ нему чрезъ ассоціацію въ такомъ случаѣ бываетъ закрытъ.

3) Забвеніе постигаетъ и самое изолированное представленіе. При этомъ слѣдуетъ различать забвеніе простыхъ душевныхъ состояній и сложныхъ. Подъ первыми мы разумѣемъ ощущеніе цвѣта, вкуса, запаха и т. под., чувствованія удовольствія или неудовольствія, желаніе, простую мысль о подобіи, противоположности, равенствѣ предметовъ и т. под. Огромное большинство душевныхъ состояній должно быть названо сложнымъ; наприм. представленія дома, человѣка, состоянія гнѣва, страха и т. д. суть сложныя, а не простыя. Забвеніе сложныхъ знаній совершается тѣмъ путемъ, что нѣкоторыя подроб-

ности ихъ, части, признаки, исчезаютъ изъ воспоминанія, хотя образъ цѣлаго продолжаетъ припоминаться: помня, что есть какая то забытая подробность въ предметѣ, но не зная точно, какова она, мы иногда, по догадкѣ, восполняемъ ее отъ себя. Такимъ способомъ теряется изъ памяти черта за чертою, пока отъ цѣлаго останутся какіе то обрывки, которые въ свою очередь скоро забываются.

Простыя состоянія забываются постепенно. Нѣкоторое время они имѣютъ едва едва достаточную энергію, чтобы воспроизводиться въ сознаніи, причемъ каждое воспоминаніе ихъ стоитъ большихъ или меньшихъ усилій. На основаніи нѣкоторыхъ фактовъ слѣдуетъ полагать, что степени безсознательности забытыхъ состояній бываютъ не одинаковы: есть менѣе и болѣе глубокія и даже глубочайшія. Изъ анализа степеней запоминаемости мы видѣли, что иныя состоянія хотя забываются, но такъ мало теряютъ своей энергіи, что небольшое усиліе воли восполняетъ ихъ до степени сознаваемости; другія забываются глубже, но могутъ быть воспроизведены механизмомъ ассоціаціи; третьи для своего воспоминанія нуждаются въ повторенномъ тожественномъ состояніи, чтобы стать предметомъ сознанія, и наконецъ, есть такое глубочайшее забвеніе, что даже повторенное тожественное состояніе не можетъ напомнить забытое.

Говоря о ступеняхъ забвенія, мы, конечно, не предполагаемъ, что всегда и при всѣхъ случаяхъ оно происходитъ въ указанномъ нами порядкѣ. До нѣкоторой степени оно капризно. Бываетъ такъ, что забывается связь одного представленія съ другимъ по содержанію, но припоминаются обстоятельства мѣста и времени, при какихъ мы усвоили ихъ: напримѣръ, мы забываемъ порядокъ мыслей, но помнимъ, кто гдѣ и когда ихъ высказалъ, или гдѣ, на какой страницѣ вычитали. Иногда забываемъ даже самое представленіе, но помнимъ, что нѣчто интересное было слышано нами, или вычитано въ такой то книгѣ и т. под.

Разбирая ступени забвенія, можно бы было, повидимому, заключить, что оно есть послѣдовательное и постепенное разрушеніе связи или союза представленій и затѣмъ самыхъ подробностей ихъ. На первой ступени забвеніи исчезаетъ связь между представленіями содержанія, мѣста и времени, при которыхъ оно было усвоено. На второй ступени рушится связь между представленіями, образующими одно цѣлое: мы забываемъ

ихъ соотношеніе и порядокъ. Наконецъ, процессъ разрушенія переходитъ на самыя представленія: связь частей ихъ становится сомнительною, исчезаютъ подробности. Но въ чемъ сущность этого процесса? О разрушеніи связи и союзовъ между состояніями собственно не можетъ быть и рѣчи. Въ душѣ ничего нѣтъ, кромѣ дѣятельностей и состояній, и никакихъ узъ и связей предполагать невозможно. Притомъ, забываются и простыя состоянія, въ которыхъ нѣтъ частей и слѣдовательно, нечему разрушаться. Очевидно, надобно искать объясненія не въ разрушеніи союзовъ, а въ чемъ либо иномъ.

Измѣненія въ ассоціаціяхъ.

Ниже мы будемъ поддерживать положеніе, что изъ всѣхъ, когда либо возбужденныхъ въ душѣ, состояній ни одно не исчезаетъ; оно теряетъ энергію до minimum'а, когда забывается, но можетъ восполнять ее до степени сознаваемости и воспоминаться. Слѣдовательно, можетъ казаться страннымъ предположеніе, что ассоціація, т. е. разъ установившаяся смежность или послѣдовательность состояній, можетъ подлежать какимъ либо измѣненіямъ. Но однѣ перемѣны ни мало не противорѣчатъ нашему предположенію, а другія—только кажущимся образомъ.

Всѣ измѣненія въ ассоціаціяхъ можно подвести подъ двѣ категоріи: измѣненія объема и силы, крѣпости.

Измѣненія въ объемѣ ассоціацій. Осложненіе и сокращеніе ихъ.

Измѣненія въ объемѣ ассоціацій состоятъ въ осложненіи и сокращеніи ихъ.

Къ первоначальнымъ парамъ состояній съ теченіемъ времени присоединяются новыя. Осложненіе ассоціаціи идетъ въ двухъ направленіяхъ. Во 1-хъ, совершается какъ бы наростаніе представленія къ представленію въ разныхъ направленіяхъ; этимъ путемъ получаются сложные *группы*. Во 2-хъ, осложненіе можетъ происходить чрезъ соединеніе многихъ представленій въ одинъ *рядъ*. Наконецъ, группы и ряды ихъ могутъ различнымъ

образомъ сочетаваться вмѣстѣ: въ этомъ случаѣ образуются смѣшанныя ассоціаціи.

Первое осложненіе ассоціаціи есть сложное группированіе состояній по закону смежности въ собственномъ смыслѣ. Нельзя указать опредѣленнаго направленія, которому бы слѣдовало въ этомъ случаѣ сочетаніе ихъ. Здѣсь все предоставлено на произволъ случайности; группы составляются самымъ прихотливымъ способомъ. Такъ, иногда мы припоминаемъ лица и обстановку ихъ окружающую: домъ, въ которомъ они живутъ, лица, которыми они окружены, ихъ положеніе, занятія и т. д. Наши воспоминанія идутъ случайно въ разныя направленія, группируясь около одного какого либо центральнаго представленія. Въ иныхъ случаяхъ мы припоминаемъ вещи, ихъ фигуру, практическое значеніе, способъ ихъ производства, мѣста, гдѣ можно ихъ получить и т. д. Таковы же сложныя группы представленій у зоолога объ изучавшихся имъ животныхъ, ботаника объ извѣстныхъ ему растеніяхъ, историка о выдающихся историческихъ дѣятеляхъ. Группировка представленій можетъ достигать значительныхъ размѣровъ, но, конечно, требуется слишкомъ большая духовная сила, чтобъ удерживать въ памяти всѣ мелкія случайныя подробности; у людей, имѣющихъ среднюю память, осложненныя группы представленій непрерывно измѣняются: однѣ подробности забываются, другія пріобрѣтаются вновь. У одного и того же лица одна и таже сложная группа можетъ временно разростаться, затѣмъ сокращаться, и снова осложняться; наприм. спеціалистъ, работая надъ какимъ нибудь предметомъ, по поводу его, образуетъ значительную по объему и сложную группу представленій, мыслей, связанныхъ по смежности; отвлекшись къ другому предмету, онъ забываетъ нѣкоторыя подробности, снова возвратившись къ занятіямъ прежними предметами, возстановляетъ старыя и пріобрѣтаетъ новыя знанія.

Второе осложненіе есть образованіе болѣе или менѣе длинныхъ рядовъ состояній въ извѣстномъ послѣдовательномъ порядкѣ. Здѣсь ассоціація развивается по тому виду смежности, который мы назвали послѣдовательностію. Такъ, мы запоминаемъ ряды историческихъ событій; событія нашей личной жизни представляются намъ въ послѣдовательномъ порядкѣ; вспоминая свое долгое путешествіе, мы припоминаемъ приключенія его, одно за другимъ, это также рядъ воспоминаній. Такіе же ряды слагаются въ нашей памяти послѣ каждаго дня; стараясь вспомнить

какой либо забытый случай, съ нами бывшій въ продолженіи извѣстнаго дня, мы начинаемъ по порядку умственно перебирать событія того дня и часто этимъ способомъ отыскиваемъ затерявшееся въ памяти звено въ ряду воспоминаній.

Впрочемъ, вообще говоря, въ нашемъ воспоминаніи мало существуетъ чистыхъ группъ или рядовъ. Большею частію тѣ и другіе перемѣшиваются, переплетаются между собою, такъ что въ каждой сложной группѣ представленій можно встрѣтить и ряды, и въ каждомъ сложномъ рядѣ воспоминаній можно найти группы. Мы припоминаемъ видѣнный древній городъ, разнообразныя древнія зданія его, историческія улицы и площади: въ главныхъ чертахъ это, конечно, группы представленій; но нѣкоторыя изъ нихъ въ отдѣльности ассоціированы съ цѣлыми рядами историческихъ воспоминаній, такъ что воспоминанія образованнаго человѣка о такомъ городѣ суть группы представленій, перемѣшанныя съ рядами ихъ. Таковы воспоминанія историка, посѣтившаго наши историческіе города, наприм. Новгородъ, Псковъ, Москву и т. под. Въ этого рода воспоминаніяхъ основою служитъ смежность въ собственномъ смыслѣ, ряды же, или связь представленій по послѣдовательности, имѣютъ второстепенное значеніе. Но можетъ быть и такой видъ воспоминаній, въ которомъ основою служитъ собственно послѣдовательность, къ нѣкоторымъ же звеньямъ ряда присоединяются группы представленій, нисколько не нарушая тѣмъ послѣдовательности его. Такъ историкъ, припоминая рядъ событій, вспоминаетъ мѣста, гдѣ они совершались, и если его географическія познанія обширны, то подробно оживляетъ въ себѣ многія топографическія подробности исторической сцены. Уходя въ своемъ воспоминаніи въ глубь прошедшаго, мы возстановляемъ ряды прошедшихъ событій, при нѣкоторыхъ событіяхъ останавливаемся на лицахъ, въ нихъ участвовавшихъ, припоминая ихъ обстановку, характеръ, — на мѣстахъ, гдѣ событія развивались и т. д.

Указанныя нами измѣненія въ ассоціаціяхъ состояли въ осложненіи ихъ, разростаніи въ разныхъ направленіяхъ. Онѣ могутъ подвергаться измѣненіямъ совсѣмъ иного рода. Нѣкоторыя посредствующія звенья въ ряду представленій могутъ, повидимому, выпадать, теряться, крайнія же вступать въ союзъ, такъ что группы представленій сокращаются. Типически этотъ фактъ можетъ быть представленъ такъ: A соединилось съ B+C+D; съ теченіемъ времени изъ этого ряда представленій вы-

падаетъ B, иногда вмѣстѣ съ C; тогда A сочетавается съ однимъ D и эта простая группа остается постояннымъ достояніемъ души. Примѣры указанныхъ сокращеній можно видѣть на ассоціаціяхъ представленій предметовъ съ чувствованіями. Сочетавшись первоначально съ представленіемъ предмета, возбудившаго въ насъ извѣстное чувствованіе, оно соединяется потомъ съ представленіями посторонніхъ вещей, имѣющихъ самое отдаленное отношеніе къ тому предмету. Этимъ процессомъ объясняется, почему мы придаемъ значеніе знакамъ дружбы и печали. Отъ любимаго человѣка мы получаемъ какую либо вещь на память; она дорога для насъ, но не сама по себѣ, а потому, что подарена дорогимъ лицомъ. Здѣсь порядокъ ассоціаціи такой: чувство благодарности, любви, или дружбы соединяется съ представленіемъ лица, ихъ возбуждавшаго; послѣднее же сочетавается съ представленіемъ предмета, даннаго намъ на память. Съ теченіемъ времени ассоціація сокращается: чувствованія прямо связываются съ идеей предмета, такъ что взгляда на послѣдній или мысли о немъ достаточно, чтобы оживить въ насъ чувство благодарности, любви, дружбы, безъ представленія лица, возбудившаго ихъ въ насъ. Такъ, одежда, въ которой умирало дорогое намъ лицо, первоначально возбуждаетъ въ насъ мысль о самомъ умершемъ лицѣ, за идеей котораго слѣдуетъ мысль о горькомъ чувствѣ, возбужденномъ понесенною потерею. Въ послѣдствіи видъ одежды можетъ возбуждать мысль о горестномъ чувствѣ прямо, не оживляя представленія умершаго лица; слѣдовательно, послѣднее выпадетъ, а ассоціація образуется непосредственно между предметомъ и чувствомъ. Такое явленіе почти неизбѣжно встрѣчается во всѣхъ случаяхъ, когда, при частомъ повтореніи ряда идей, посредствующія звенья его быстро проходятъ въ воспоминаніи и вниманіе почему либо сосредоточивается лишь на крайнихъ звеньяхъ его.

Упрощеніемъ и сокращеніемъ ассоціацій возможно объяснить и тѣ случаи, когда чувствованіе вмѣсто того, чтобъ продолжать состоять въ связи съ представленіемъ первоначальнаго повода къ нему, сочетавается съ идеей посторонніхъ и часто неимѣющихъ никакого отношенія къ тому поводу предметовъ. Такъ, забывается иногда лицо, возбудившее гнѣвъ, но мѣсто, гдѣ получено было оскорбленіе, представляется какъ что то ненавистное. Первоначально всякое священное мѣсто, всякій обрядъ, священныя лица, одежды и символы имѣютъ только тотъ смыслъ

для молящихся, что служатъ поводами для возбужденія въ нихъ мыслей о Верховномъ Существѣ, и собственно послѣднее имѣетъ право на наше благоговѣніе. Чувство благоговѣнія первоначально сочетавается въ насъ съ представленіемъ Высочайшаго Существа, къ послѣднему же присоединяются идеи храма, обряда, лица, которое участвовало въ Богослуженіи, т. е. подробностей, при которыхъ возбуждалась въ насъ мысль о Богѣ. Но затѣмъ идея Верховнаго Существа перестаетъ воспроизводиться и представленія храма, обряда, священнаго лица непосредственно связывается съ чувствомъ благоговѣнія, такъ что эти предметы являются въ нашемъ умѣ окруженными ореоломъ святости. Тѣмъ же процессомъ упрощенія и сокращенія можно объяснить и тотъ фактъ, что интересъ, значеніе, цѣна, придаваемыя нами цѣли, съ теченіемъ времени забываются и прямо переносятся на средства, которыми цѣль достигается. Многимъ напримѣръ, деньги сами по себѣ представляются какъ нѣчто дорогое пріятное, т. е. у нихъ представленіе денегъ сочетавается съ состояніемъ удовольствія. Конечно, невозможно, чтобъ эта ассоціація была первоначальною: мы видимъ на дѣтяхъ, что они денегъ не цѣнятъ и если иногда удѣляютъ имъ свое вниманіе, то лишь интересуясь ихъ видомъ, формою. Она есть остатокъ нѣкогда болѣе сложной ассоціаціи, но съ теченіемъ времени упростившейся. Мы начинаемъ цѣнить деньги, давать имъ значеніе, когда узнаемъ, что чрезъ нихъ могутъ пріобрѣтаться удобства жизни, что чрезъ нихъ достигаются многія удовольствія и т. д., т. е. мы цѣнимъ ихъ, какъ средство къ достиженію удовольствія. Поэтому первоначально у насъ образуется ассоціація въ слѣдующемъ видѣ: мы представляемъ себѣ деньги какъ средства для обладанія предметами и вещами, возбуждающими въ насъ чувство удовольствія; представленіе денегъ связывается съ представленіемъ предметовъ, которое сочетавается съ пріятнымъ чувствомъ. Въ этомъ ряду два крайнія звена постоянно остаются неизмѣнными, среднее же мѣняется, смотря потому, какое именно удовольствіе было доставлено намъ чрезъ деньги. Мѣняющееся при разныхъ случаяхъ звено, современемъ перестаетъ воспроизводиться и чувство удовольствія прямо сочетавается съ представленіемъ денегъ. Этимъ фактомъ объясняется процессъ, какимъ скупецъ доходитъ до того, что въ своей мысли окружаетъ почтеніемъ и уваженіемъ предметъ своей страсти,

представляетъ себѣ деньги, какъ дорогой и неприкосновенный предметъ*).

Измѣненія въ силѣ и крѣпости союзовъ.

Мы говорили объ измѣненіяхъ въ объемѣ ассоціацій, скажемъ теперь объ измѣненіяхъ, происходящихъ въ крѣпости сочетаній. Съ одной стороны, отъ постояннаго повторенія представленій въ одномъ и томъ же порядкѣ образуются неразрывныя ассоціаціи, съ другой, образовавшаяся уже связь между ними, вслѣдствіе различныхъ причинъ, можетъ ослабляться и исчезать; тогда происходятъ дисассоціаціи.

Фактъ различныхъ степеней крѣпости сочетанія между разными состояніями достаточно извѣстенъ и на немъ нѣтъ нужды долго останавливаться. Какъ объ этомъ скажемъ ниже, различіе въ силѣ сочетанія зависитъ отъ того, какъ часто мы имѣемъ случай возобновлять въ себѣ представленія въ извѣстномъ порядкѣ. Тѣ изъ представленій, которыя возникаютъ въ насъ всегда въ извѣстномъ порядкѣ, должны вступать въ крѣпкій союзъ, и когда опытъ не представляетъ намъ ни одного случая, въ которомъ мы принуждены были бы нарушить этотъ порядокъ, то крѣпкій союзъ между ними можетъ перейти въ неразрывный. Движеніе земли для нашего глаза не примѣтно: мы постоянно наблюдаемъ ее неподвижною и оттого образуется ассоціація между идеями земли и неподвижности столь крѣпкая, почти неразрывная, что требуется особое соображеніе, дабы убѣдить себя въ возможности противнаго. Такъ, мы представляемъ себѣ снѣгъ неизбѣжно бѣлымъ, негра—

---

*) Можно указать много и другихъ примѣровъ подобнаго упрощенія въ ассоціаціяхъ. Разныя формальности и занятія, потерявшія иногда весь свой смыслъ, многимъ представляются, какъ нѣчто неприкосновенное. Всякая формальность, напр. канцелярская, первоначально вводилась съ какою нибудь опредѣленною цѣлію и имѣла смыслъ, какъ средство достиженія послѣдней. Слѣдовательно, въ умѣ вводившихъ ее и тѣхъ, кто съ разумѣніемъ выполняли ее, слагалась такого рода ассоціація: представленіе формальности связывалось съ представленіемъ цѣли, которое вызывало чувства уваженія, почтенія. Но съ теченіемъ времени представленіе цѣли можетъ забыться, исчезнуть изъ ряда и тогда идея формальности связывается съ идеей чувства. Эта ассоціація и остается уже навсегда въ душѣ. Оттого мы видимъ, заматерѣвшихъ въ канцелярскихъ формальностяхъ, чиновниковъ, которымъ представляется нарушеніе самой неважной изъ нихъ своего рода святотатствомъ, хотя бы обстоятельства, дававшія въ свое время имъ смыслъ и значеніе, уже измѣнились, а въ новыхъ условіяхъ жизни не представлялось никакихъ основаній къ удержанію ихъ.

чернымъ и т. д. Убѣжденіе наше въ достовѣрности и необходимости аксіомъ психологически, несомнѣнно, основывается на неразрывныхъ ассоціаціяхъ: ибо опытъ никогда не представлялъ намъ случая contra: всегда и вездѣ мы имѣли и имѣемъ случай убѣдиться, что прямая линія есть кратчайшій путь между двумя пунктами, что на плоскости между двумя пунктами можетъ быть только одна прямая и т. д. Конечно, такія неразрывныя ассоціаціи могутъ образоваться какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда психологическая неразрывность совпадаетъ съ логическою или реальною необходимостію въ отношеніяхъ фактовъ, такъ и въ тѣхъ, когда, по недостаточности опыта и отсутствію наблюдательности или по предрасположности, образуются неразрывныя лишь для извѣстнаго лица или поколѣнія ассоціаціи. Въ нравственныхъ, религіозныхъ, космологическихъ воззрѣніяхъ средневѣковаго человѣка можно найти не мало примѣровъ такихъ союзовъ, въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ, впрочемъ, разрушившихся. Живущій въ какомъ нибудь забытомъ уголкѣ, въ искуственной обстановкѣ, безъ широкаго опыта и сношеній съ людьми другихъ воззрѣній, привыкаетъ многія вещи сочетавать неразрывно, тогда какъ для человѣка болѣе широкаго опыта эти ассоціаціи кажутся странными Кто не припомнитъ не рѣдкихъ случаевъ въ своей жизни, когда. къ удивленію, приходилось убѣждаться, что казавшееся намъ неразрывно, а потому и необходимо соединеннымъ, въ другихъ кружкахъ, въ другой средѣ далеко не неразрывно соединяется!

Тогда какъ одни представленія вступаютъ въ неразрывный союзъ, другія выступаютъ изъ образовавшихся сочетаній. Мы разумѣемъ фактъ, такъ называемой, дисассоціаціи. Забываніе сложныхъ группъ и рядовъ представленій происходитъ вообще тѣмъ путемъ, что связь между ними ослабляется и память становится неспособною переходить отъ одного представленія къ другому. Распадаются также и не сложныя группы представленія, простыя пары; при этомъ часто бываетъ, что представленія, въ отдѣльности взятыя, не исчезаютъ изъ памяти, но теряется способность воспроизводить ихъ смежно, или одно послѣ другого. Разъединеніе представленій можетъ происходить какъ непроизвольно, такъ и подъ вліяніемъ воли. Непроизвольная дисассоціація — это самый обыкновенный случай ненамѣреннаго забвенія ихъ. Произвольной въ собственномъ смыслѣ дисассоціаціи, конечно, нѣтъ: мы не можемъ усиліемъ своей воли заставить не воспроизводиться

вмѣстѣ представленія, вступившія въ союзъ между собою. Но мы можемъ намѣренно избѣгать случаевъ воспроизводить ихъ вмѣстѣ, или намѣренно припоминать каждое изъ нихъ въ связи съ такимъ, съ какимъ, по нашему мнѣнію, оно должно воспроизводиться. Такъ, мы избѣгаемъ разъ сдѣланныхъ ошибокъ: перестаемъ ихъ воспроизводить въ связи съ представленіями и понятіями, съ которыми мы въ первый разъ ихъ допустили, и наконецъ достигаемъ того, что онѣ исчезаютъ изъ нашей памяти, а на мѣсто ихъ утверждается то, что̀ должно быть. Болѣе разнообразный опытъ, зрѣлое размышленіе, указанія науки часто заставляютъ насъ дисассоціировать невѣрныя ассоціаціи и на мѣсто ихъ усваивать новыя. Поэтому каждый человѣкъ имѣетъ множество случаевъ намѣренной въ указанномъ смыслѣ дисассоціаціи.

Условія успѣшнаго запоминанія.

Несомнѣнно, что вниманіе есть первое условіе успѣшнаго запоминанія, что чрезъ повтореніе усвоиваемое дѣлается болѣе крѣпкимъ нашимъ достояніемъ, что подмѣченная логическая связь въ усвоенномъ содержаніи много помогаетъ намъ не теряться среди множества заученныхъ или вычитанныхъ свѣдѣній. Эти условія находятся болѣе или менѣе въ нашей власти, а потому разсмотрѣніе ихъ можетъ имѣть педагогическое значеніе.

Во главѣ условій успѣшнаго запоминанія и припоминанія слѣдуетъ поставить вниманіе, или сосредоточенность души на томъ, что слѣдуетъ запомнить. Каждый изъ насъ по опыту знаетъ, что факты, наблюдаемые безъ вниманія, тотчасъ и забываются; книга, читанная безъ вниманія, не оставляетъ почти никакихъ слѣдовъ въ памяти читавшаго; напротивъ, къ чему мы относимся со вниманіемъ, сосредоточиваясь на читаемомъ, слышимомъ или наблюдаемомъ, то̀ дѣлается болѣе или менѣе прочнымъ достояніемъ памяти. Этотъ фактъ указываетъ на значеніе воли для воспоминанія: вниманіе основывается на волѣ. Состоянія возбуждаются энергичнѣй и потомъ легче возстановляютъ свою энергію до степени сознаваемости, т. е. воспоминаются, когда на нихъ есть въ душѣ спросъ, воля хочетъ ихъ.

Такъ какъ вниманіе имѣетъ важность въ дѣлѣ запоминанія, то понятно, какую заботливость долженъ прилагать педагогъ къ тому, чтобы его питомецъ усвоялъ себѣ образователь-

ный матеріалъ со вниманіемъ. Не можетъ быть въ ученикѣ настроенія болѣе вреднаго для его образованія, какъ привычки пропускать мимо ушей все, что ему ни говорится. Отчасти, вниманіе можетъ явиться прямо вслѣдствіе намѣреннаго усилія воли, поэтому въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно можетъ быть и вынуждено въ воспитанникѣ силою авторитета, или быть результатомъ укоренившейся привычки относиться ко всякому дѣлу внимательно. Но привычка ко вниманію предполагаетъ уже предшествовавшую не малую практику въ немъ, авторитетъ часто бываетъ безсиленъ, особенно для юнаго дѣтскаго возраста. Необходимо поэтому дѣйствовать на вниманіе учащагося интересомъ передаваемаго матеріала: чѣмъ мы интересуемся, къ тому и относимся со вниманіемъ. Оттого все интересное прочно запоминается: книга, путешествіе, разговоръ, интересные для насъ, оставляютъ въ памяти неизгладимые слѣды.

Затѣмъ, для прочнаго запечатлѣнія въ памяти какого либо матеріала необходимо неоднократное его повтореніе. Repetitio est mater studiorum, говоритъ латинское присловье. Лишь рѣдкія, составляющія исключеніе, головы запоминаютъ разъ воспринятое навсегда. Громадное большинство, чтобъ сдѣлать твердыя и вѣрныя пріобрѣтенія въ памяти, нуждается въ неоднократномъ возобновленіи усваиваемаго. Такъ, какъ бы ученикъ ни былъ даровитъ, онъ учитъ свой урокъ, т. е. нѣсколько разъ сряду повторяетъ его, дабы воспроизводить его потомъ въ памяти легко и вѣрно. Мало того, такъ какъ съ теченіемъ времени воспринятыя представленія теряютъ ясность и мы становимся неувѣренными въ нихъ, то чтобы знанія не терялись безплодно, приходится ихъ оживлять новыми повтореніями. Съ каждымъ повтореніемъ образъ предмета и мысль какъ будто глубже и глубже напечатлѣваются въ душѣ. Какъ неоднократное дѣйствованіе воли въ извѣстномъ одномъ направленіи порождаетъ наклонность, привычку къ такой дѣятельности и облегчаетъ ей послѣдующія усилія, такъ и въ дѣлѣ памяти, повтореніе создаетъ какъ бы привычку представлять извѣстныя идеи и облегчаетъ ихъ воспроизведеніе.

Фактъ повторенія объясняетъ намъ, почему нѣкоторыя вещи, не особенно останавливающія на себѣ наше вниманіе, тѣмъ не менѣе запоминаются нами твердо и воспроизводятся отчетливо: напримѣръ, мы запоминаемъ навсегда домашнюю обстановку, среди которой живемъ. Стулья и столы, расположеніе мебели,

не возбуждаютъ въ насъ интереса къ себѣ и однако, бросая на нихъ бѣглые взгляды, когда находимся въ своихъ комнатахъ, мы неоднократно каждый день повторяемъ въ себѣ представленія ихъ и такимъ образомъ невольно глубоко напечатлѣваемъ ихъ въ своей душѣ. Такъ, навсегда запоминаемъ мы лицъ, съ которыми ежедневно встрѣчались впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, мѣстоположеніе, среди котораго долго жили, содержаніе книгъ, которыя прочитывали нѣсколько разъ, и т. д. Повтореніе до нѣкоторой степени можетъ замѣнить даже вниманіе: сколько запоминается нами ненужнаго, неинтереснаго, и именно оттого, что невольно приходится часто слышать о немъ или видѣть въ окружающей насъ жизненной обстановкѣ.

Понятно значеніе повторенія, какъ образовательнаго условія. Нѣтъ твердыхъ пріобрѣтеній для обыкновенной памяти, если она не будетъ имѣть возможности неоднократно возобновить ихъ въ себѣ. Воспитатель и образователь юношества долженъ помнить, что безполезно и вредно идти съ воспитанниками впередъ, не обращаясь по временамъ къ пройденному прежде, и даже, чѣмъ чаще онъ будетъ возобновлять въ памяти ихъ прежде выученное, тѣмъ прочнѣе будетъ почва для усвоенія новаго. Самый наилучшій методъ преподаванія тотъ, въ которомъ учебный матеріалъ такъ расположенъ, что движеніе впередъ есть вмѣстѣ и повтореніе стараго. Да и каждый образованный человѣкъ долженъ, въ своемъ чтеніи, остерегаться загромождать свою память множествомъ свѣдѣній, которыя ему никогда не прійдется возобновить въ себѣ. Широкое, но случайное чтеніе, безполезно: мысли и представленія, никогда не повторяющіяся, забываются весьма скоро. Всѣ, читающіе ежедневныя газеты, сознаются, что случайныя и разнообразныя извѣстія ихъ сейчасъ же по прочтеніи и забываются. Кто въ состояніи разсказать, что̀ было напечатано въ газетахъ недѣли двѣ, или даже три четыре дня тому назадъ?

Вниманіе къ дѣлу, повтореніе усвоеннаго суть первоначальныя и главныя условія успѣшнаго запоминанія и припоминанія. Но кромѣ ихъ, можно указать еще на одно второстепенное, но тоже имѣющее свою важность, условіе для вѣрнаго и твердаго припоминанія.

Несомнѣнно, что логическая связность запоминаемаго матеріала значительно облегчаетъ воспроизведеніе его памятью. Только при необыкновенныхъ размѣрахъ ея, возможно запоминать рядъ

именъ, названій, не состоящихъ ни въ какой между собою логической связи, для обыкновенной же памяти такой подвигъ почти невозможенъ. Но когда можно отыскать въ усвоиваемомъ какой либо логическій порядокъ, то припоминаніе значительно облегчается. Въ такомъ случаѣ память не предоставляется своимъ лишь собственнымъ усиліямъ, но мы ей помогаемъ, указывая направленіе, въ которомъ она должна напрягать свои усилія, иногда сами логически возстановляя ея пробѣлы. Такъ, намъ легко припоминать подробности сложнаго предмета, когда въ описаніи его соблюдена строгая система и порядокъ: логическія дѣленія и подраздѣленія, въ которыхъ видно отношеніе частей къ цѣлому, запоминаются обыкновенно очень легко. Еще легче запоминать рядъ мыслей, расположенныхъ въ послѣдовательномъ порядкѣ основаній и слѣдствій, общаго и частнаго, причины и дѣйствія. Извѣстно, какъ облегчается трудъ усвоенія длиннаго историческаго разсказа, когда онъ передаетъ не простой рядъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою фактовъ, но событія поставленныя въ соотношеніе между собою, одни какъ причины, другія какъ дѣйствія.

Отсюда очевидна важность извѣстнаго педагогическаго правила, что не слѣдуетъ обременять память учащагося наборомъ фактовъ, а по возможности облегчать ее, внося въ нихъ логическій смыслъ. Педагогъ долженъ заботиться, чтобъ учащійся не заучивалъ только, а усвоялъ, т. е. дѣлалъ передаваемый матеріалъ достояніемъ какъ памяти, такъ и ума. Память легко можетъ измѣнить: ни за одну мысль нельзя поручиться, что ее не забудешь, особенно если она возникла въ насъ или усвоена нами случайно и осталась изолированною. Но мысли, составляющія часть логическаго строя, не только чаще имѣютъ возможность воспроизводиться, такъ какъ онѣ связаны со многими другими, но до нихъ мы можемъ, въ крайнемъ случаѣ, сами дойти, руководясь логическою нитью основаній и слѣдствій. Поэтому вездѣ, гдѣ только можно дать памяти учащихся логическую помощь, она должна быть непремѣнно доставляема имъ.

Физіологическія вліянія на память.

Душевная дѣятельность по ассоціаціи смежности подчинена разнообразнымъ физіологическимъ вліяніямъ. Иныя изъ этихъ

вліяній почти предопредѣляютъ направленіе, въ которомъ по преимуществу работаетъ память, другія содѣйствуютъ или препятствуютъ оживленію въ насъ представленій.

Если установить фактъ, что ни одна духовная дѣятельность не совершается безъ соотвѣтствующаго пособія со стороны нервной системы, и что всякій духовный помыслъ при своемъ появленіи вызываетъ раздраженіе мозга и сопровождается извѣстною тратою нервной силы, то и дѣятельность воспоминанія и памятованія должна совершаться въ зависимости отъ нервной системы и душевное усиліе и напряженіе въ этомъ случаѣ должны идти параллельно нервному напряженію и усилію. Обращаясь къ фактамъ, мы видимъ, что они безспорно доказываютъ зависимость дѣятельности по ассоціаціи отъ дѣятельности мозга: наприм. сновидѣній иначе нельзя объяснить, какъ допуская указанную зависимость. Необыкновенная живость образовъ, принимаемыхъ нами во снѣ за дѣйствительные предметы, безпорядочность ихъ смѣны и явно ни съ чѣмъ не сообразная въ иныхъ случаяхъ безсмысленность ихъ, скрывающаяся тѣмъ не менѣе отъ нашего ума, могутъ быть объяснены лишь тѣмъ, что, въ продолженіи нашего сна, возбужденная нервная система получаетъ преобладаніе и душа, лишенная возможности наблюдать за собою, контролировать себя, повѣрять разсудкомъ свои представленія, отдается случайности мозговыхъ возбужденій. Затѣмъ, извѣстно, что существуетъ цѣлый рядъ разныхъ веществъ, которыя, бывъ приняты въ организмъ, оказываютъ вліяніе на смѣну представленій. Они переходятъ въ кровь, и чрезъ нее дѣйствуютъ на мозгъ, въ свою очередь дѣйствующій на душу. Такъ, нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствуютъ возбудительно на смѣну представленій: наприм. умѣренный пріемъ алькогольныхъ напитковъ оживляетъ фантазію, т. е. въ сущности дѣлаетъ болѣе живою смѣну воспоминаній; въ веселомъ обществѣ, возбужденный виномъ, разскащикъ дѣлается живѣе, легко припоминаетъ слышанные анекдоты, комическія свои приключенія. На этомъ дѣйствіи извѣстныхъ веществъ на мозгъ и чрезъ него на ассоціаціи основывается употребленіе въ разныхъ странахъ разныхъ возбуждающихъ и одуряющихъ средствъ: хашишана Востокѣ, опіума въ Китаѣ, чая и кофе въ Европѣ и т. под. Психологическій мотивъ ихъ употребленія заключается, конечно, въ возбудительномъ ихъ вліяніи чрезъ мозгъ на оживленіе представленій. Большая часть этихъ возбудительныхъ средствъ,

бывъ приняты организмомъ въ большомъ количествѣ, дѣйствуютъ на него угнетающимъ образомъ: наприм. чрезмѣрный пріемъ алькоголя, опіума усыпляетъ мозгъ, смѣна представленій теряетъ всякую живость и почти останавливается. И эти факты иначе нельзя объяснить, какъ въ томъ смыслѣ, что въ однихъ случаяхъ возбужденный мозгъ слишкомъ возбуждаетъ психологическую дѣятельность души, тогда какъ въ другихъ угнетенная нервная система не въ состояніи оказать съ своей стороны какое либо пособіе душѣ, такъ что дѣятельность ея вслѣдствіе того прекращается.

Отъ какихъ бы причинъ ни происходило возбужденіе или угнетеніе нервной системы, во всѣхъ случаяхъ ея состоянія сказываются на смѣнѣ представленій по ассоціаціи. Это особенно нужно замѣтить о ненормальныхъ состояніяхъ, которыя происходятъ вслѣдствіе болѣзненныхъ измѣненій самаго организма или частей его. Иныя болѣзни сообщаютъ смѣнѣ представленій неестественную живость, другія угнетаютъ ее, лишаютъ ее всякой энергіи, третьи даютъ ей направленіе въ извѣстномъ тонѣ. Такъ называемыя, лихорадочныя состоянія организма, отъ чего бы они ни происходили, всегда почти дѣйствуютъ возбудительнымъ образомъ на воспоминанія. Навѣрное можно сказать, что при 38° въ тѣлѣ человѣкъ иначе смѣняетъ свои представленія, чѣмъ при нормальной его температурѣ 37°. Когда лихорадочное возбужденіе организма достигаетъ своего maximum'а, какъ это бываетъ при горячкахъ, представленія смѣняются безъ всякаго порядка, даже безпорядочнѣй, чѣмъ въ сновидѣніяхъ. Также точно горячечный бредъ обнаруживается въ нѣкоторыхъ фазисахъ душевныхъ болѣзней, особенно при, такъ называемомъ, маніакальномъ состояніи. Больные непрерывно бредятъ. Этотъ бредъ имѣетъ свои характеристическіе признаки, на которыхъ мы нѣсколько остановимся.

Во 1-хъ, въ бреду представленія быстро смѣняются. Обыкновенный тактъ смѣны ихъ совершенно теряется въ этомъ случаѣ и становится неестественно скоръ. Быстрота эта иногда доходитъ до того, что больной не успѣваетъ выговаривать мѣняющіяся мысли свои, говоритъ лишь одни начальные слоги, и потому его фразы часто бываютъ непонятны. Отъ чрезвычайной скорости смѣны представленій теряется возможность контроля надъ нею, ни о какой критикѣ ея тутъ рѣчи быть не можетъ и оттого фразы теряютъ логическій, а иногда и грам-

матическій смыслъ Въ такомъ случаѣ кажется, что не больной смѣняетъ свои мысли, а въ немъ послѣднія сами смѣняются какъ попало, наудачу, безъ всякой попытки со стороны его остановить прорвавшійся потокъ образовъ. Во 2-хъ, представленія становятся неестественно живы, наглядны до такой степени, что больной субъектъ придаетъ имъ полную реальность; ему кажется, что онъ дѣйствительно видитъ, слышитъ, обоняетъ, осязаетъ, хотя на дѣлѣ онъ только представляетъ. Это состояніе галлюцинаціи и больной, хотя онъ остается въ мірѣ однихъ образовъ, дѣйствительно переживаетъ представляемыя состоянія и положенія, какъ бы онъ дѣйствовалъ въ средѣ дѣйствительныхъ предметовъ. Въ этомъ отношеніи горячечный бредъ имѣетъ большое сходство съ сновидѣніями: какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднихъ, субъектъ вѣритъ, хотя не всегда въ одинаковой степени, въ реальную дѣйствительность своихъ субъективныхъ образовъ. Наконецъ, въ 3-хъ, смѣна представленій исключительно подчиняется одной ассоціаціи смежности. Въ нормальномъ бодромъ состояніи человѣкъ почти никогда не отдается воспоминаніямъ по одной лишь ассоціаціи; болѣе или менѣе онъ контролируетъ ее своимъ разсудкомъ: онъ иногда останавливаетъ теченіе представленій, поправляетъ его, не теряетъ сознанія безсмыслія или фантастичности мѣняющихся образовъ. Въ горячечномъ бреду этого вмѣшательства здраваго смысла въ воспоминанія по ассоціаціи не бываетъ: отсюда—самые неестественные въ логическомъ отношеніи переходы отъ одной мысли къ другой, самая чудовищная связь между представленіями, самое случайное появленіе одного образа за другимъ. Въ сущности, и тутъ все дѣлается по неизмѣннымъ психологическимъ законамъ, по той же ассоціаціи смежности, по которой смѣняетъ свои воспоминанія и здоровый человѣкъ; но неестественнымъ кажется безграничное преобладаніе и ничѣмъ не стѣсняемая дѣятельность ея, даже на перекоръ здравому смыслу.

Другія болѣзни дѣйствуютъ на смѣну представленій угнетающимъ образомъ. Такое явленіе замѣчается, напримѣръ, при катарральныхъ разстройствахъ желудка: является апатическое настроеніе, падаетъ интересъ ко всему, представленія смѣняются чрезвычайно вяло и медленно. То же самое встрѣчается и при томъ фазисѣ душевныхъ болѣзней, который именуется стадіемъ меланхоліи. Ходъ представленій также замедляется. Такъ какъ меланхолики вообще недоступны для разспросовъ и ихъ внутрен-

няя духовная жизнь мало извѣстна, то нельзя сказать, бываютъ ли представленія ихъ ярки и живы. О больныхъ катарральными разстройствами почти навѣрно можно сказать, что у нихъ ни одна мысль и ни одно представленіе не достигаютъ значительной силы и живости. У меланхоликовъ, объектъ ихъ тоски — idée fixe, — по всей вѣроятности, представляется довольно живо, но за то на немъ только и сосредоточивается ихъ вниманіе. Оба эти состоянія сходны въ томъ отношеніи, что въ обоихъ случаяхъ смѣна мыслей застаивается, дѣлается медленною; но въ одномъ случаѣ медленность происходитъ оттого, что вообще интересъ къ чему бы то ни было падаетъ и вялость простирается на всѣ духовныя состоянія; тогда какъ въ другомъ случаѣ медленность происходитъ отъ неестественной силы, которую получаетъ одно представленіе предъ всѣми прочими, такъ что вниманіе больнаго на немъ лишь одномъ и сосредоточивается.

Наконецъ, есть такія разстройства организма, которыя сообщаютъ извѣстное направленіе смѣнѣ представленій, таковы хроническія страданія печени, сердца, отравленія нѣкоторыми ядами. Въ этихъ случаяхъ смѣна представленій не только подвергается вообще вліянію со стороны организма, но и направляется въ извѣстномъ тонѣ, какъ бы наклоняется въ одну сторону. Пессимистическое настроеніе желчнаго человѣка тѣмъ между прочимъ и отличается, что изъ запаса воспоминаній особенную получаютъ силу грустныя; невеселыя стороны жизни представляются съ большою живостію. Какъ будто подъ вліяніемъ ненормальнаго состоянія организма, нервная система оказываетъ душѣ содѣйствіе въ вызовѣ лишь только нѣкоторыхъ группъ представленій. Такъ какъ случаи вызова такихъ воспоминаній бываютъ у этого рода больныхъ не рѣдки, то отъ повторенія они получаютъ перевѣсъ передъ другими ассоціаціями, являются привычные ряды и группы ихъ. При нѣкоторыхъ болѣзняхъ сердца, съ живостью возникаютъ тѣ группы представленій, которыя идутъ въ тонъ трусливому, боязливому настроенію больнаго. При отравленіяхъ бѣленою, дурманомъ, при dilirium tremens, съ особенною силою оживаютъ страшные фантастическіе образы, какіе когда либо приходили на умъ больному, и они достигаютъ такой степени ясности и наглядности, что онъ принимаетъ ихъ за нѣчто дѣйствительное: подъ вліяніемъ отравленной крови, мозгъ содѣйствуетъ оживленію въ воспоминаніяхъ преимущественно страшнаго, возбуждающаго ужасъ, безобразнаго.

Говоря о вліяніи тѣлеснаго организма на смѣну воспоминаній, или на память вообще, нельзя не упомянуть о цѣломъ разрядѣ необыкновенныхъ случаевъ, въ которыхъ потеря памяти только нѣкоторыхъ знаній, или напротивъ, оживленіе давно забытыхъ, даже такихъ, о которыхъ въ здоровомъ состояніи субъектъ не имѣлъ никакого сознанія, могутъ быть объяснены лишь прямымъ вліяніемъ мозга на воспоминательную дѣятельность.

Сюда могутъ быть прежде всего отнесены тѣ случаи, въ которыхъ вслѣдствіе общаго лихорадочнаго возбужденія возстановлялись воспоминанія, повидимому, о давно забытыхъ вещахъ. Такъ у Карпентера (Principles of Mental Physiology. 1874. 437) разсказывается про служанку, которая во время лихорадки вдругъ стала произносить латинскія, греческія и еврейскія фразы. Оказалось, что она когда то жила у одного ученаго пастора, который имѣлъ обыкновеніе, прогуливаясь по дорожкѣ около дома, громко читать книги на упомянутыхъ языкахъ; служанка имѣла случай слышать фразы, при болѣзни, воспоминаніе о нихъ оживилось, хотя въ здоровомъ состояніи она и не подозрѣвала, что хранитъ ихъ въ своей памяти. У него же разсказывается нѣсколько такихъ примѣровъ оживленія давно забытыхъ знаній, подъ вліяніемъ лихорадочнаго возбужденія.— Сильные удары въ голову иногда сопровождаются возстановленіемъ въ памяти давно забытаго (Карпентеръ, Ibid. 438, приводитъ разсказъ Аберкромби, что одинъ больной, оправившись нѣсколько отъ состоянія оцѣпененія, причиненнаго ударомъ въ голову, сталъ говорить на валлійскомъ нарѣчіи, которое когда то было ему знакомо, но потомъ было уже совершенно забыто имъ; оправившись же совершенно больной снова забылъ валлійскій языкъ и сталъ говорить, какъ и прежде, по англійски), но большею частію потерею памяти вообще или нѣкоторыхъ только знаній.

Бываютъ случаи, что, теряется память только нѣкоторыхъ предметовъ, между тѣмъ какъ въ остальныхъ отношеніяхъ она остается неповрежденною. Есть примѣры, что исчезаетъ память лицъ, но остается память мѣстъ, и на оборотъ, т. е. теряется способность воспоминанія не названій только, а самыхъ предметовъ.

Любопытны особенно случаи, когда теряется память словъ до такой степени, что больной субъектъ становится неспособнымъ выражать свои мысли. Здѣсь дѣло не въ томъ, что теряется способность выражать въ членораздѣльныхъ звукахъ пред-

ставляемыя слова, т. е. болѣзнь состоитъ не въ разстройствѣ говорильнаго аппарата, а въ томъ, что больной забываетъ самыя слова. Эти случаи въ медицинѣ извѣстны подъ названіемъ афазіи. Иногда больной способенъ понимать всё, что̀ ему говорится, но не можетъ отвѣчать въ словахъ, развѣ только да, нѣтъ или утвердительными и отрицательными жестами. Въ этомъ видѣ афазіи теряется способность оживлять ассоціаціи словъ и употреблять ихъ для выраженія мыслей, т. е. происходитъ диссоціація мысли съ словомъ, да и группировка словъ въ ряды, обыкновенно дѣлаемая по ассоціаціи, становится невозможною. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ теряется память только нѣкоторыхъ классовъ словъ, наприм. существительныхъ именъ или глаголовъ. Иногда больной бываетъ неспособенъ понимать что̀ ему говорятъ, но можетъ узнавать написанное и напечатанное слово, такъ что видъ его возбуждаетъ воспоминаніе по ассоціаціи, звуки же оказываются для того безсильными; на оборотъ, можетъ быть утрачена способность понимать читаемое, хотя сохраняется способность понимать говоримое.

Несомнѣнно вообще, что не только все нарушающее болѣе или менѣе сильно равновѣсіе въ нашей физіологической жизни, дѣйствуетъ возбудительно или угнетающе на смѣну нашихъ представленій по ассоціаціи, но даже разныя степени нормальнаго напряженія силъ организма сказываются также на ней. Иначе смѣняются наши представленія когда мы сидимъ, чѣмъ когда ходимъ; въ иномъ тактѣ воспоминаются они, когда мы лежимъ, и въ иномъ, когда мы бѣжимъ или заняты поглощающимъ насъ мускульнымъ трудомъ. Замѣчательно, что абсолютный покой тѣла, какъ и мускульное напряженіе, одинаково оказываютъ неблагопріятное вліяніе на смѣну нашихъ мыслей. Покой тѣла, наприм. при лежаніи, производитъ усыпляющее на него дѣйствіе, нервная система перестаетъ возбуждаться и оказываетъ душѣ весьма мало содѣйствія въ дѣлѣ смѣны представленій: поэтому они смѣняются вяло и медленно. Какъ извѣстно, трудно лежа обдумывать задачи и вообще въ этомъ положеніи дѣлать какія либо усиленныя припоминанія, какъ говорятъ, собираться съ ними. Съ другой стороны, неудобно также вести длинныя воспоминанія въ продолженіи сильнаго бѣга, какой либо тяжелой мускульной работы. Когда вся свободная и нервная сила уходятъ на возбужденіе мускульной энергіи, мозгъ отказывается возбуждаться для психической дѣятельности вообще, а

также и для ассоціаціи. Оттого люди, которымъ приходится тяжелымъ физическимъ трудомъ заработывать себѣ дневное пропитаніе, имѣютъ скудныя ассоціаціи и мало способны къ продолжительнымъ воспоминаніямъ, особенно въ продолженіи своего труда. Какъ и во всѣхъ случаяхъ умственной дѣятельности, умѣренное возбужденіе организма оказывается самымъ благопріятнымъ условіемъ для воспоминательной дѣятельности (мы ходимъ въ раздумьѣ, ведемъ дѣятельный разговоръ на прогулкѣ, смолкаемъ въ концѣ ея, когда мы чувствуемъ себя утомленными).

И такъ организмъ чрезъ нервную систему многосторонне вліяетъ на наши воспоминанія. Въ чемъ сущность этого вліянія, невозможно сказать, даже трудно отвѣтить, какое прямое заключеніе слѣдуетъ изъ вышеприведенныхъ фактовъ. Можно колебаться между двумя гипотезами: отъ возбужденій и раздраженій мозга, сопутствующихъ душевнымъ состояніямъ, остаются слѣды и возбужденное состояніе ихъ есть одно изъ необходимыхъ условій воспоминанія прежнихъ духовныхъ состояній. Конечно, эти слѣды невозможно представлять себѣ, какъ отпечатки фигуръ на воскѣ, или что либо подобное: они могутъ быть оставшимися видоизмѣненіями нѣкоторыхъ частицъ его, которыя, при случаѣ, могутъ приходить снова въ состояніе раздраженія и служить поводомъ для души оживлять прежде бывшія состоянія. Но возможно думать, что хотя раздраженія мозга, при духовной дѣятельности, и происходятъ, но что отъ нихъ не остается постоянныхъ слѣдовъ: вещество мозга непрерывно возобновляется, и вліяніе его на духовную дѣятельность, и въ частности, на воспоминаніе состоитъ въ томъ, что возбужденіе нервныхъ центровъ или частей его есть вообще condicio, sine quanon духовная дѣятельность: быть можетъ, для воспоминательной дѣятельности требуется раздраженіе нѣкоторыхъ частей головнаго мозга. Какъ въ фактѣ произвольныхъ движеній мы имѣемъ примѣръ того что состоянія души могутъ служить начальнымъ поводомъ возбужденія головнаго мозга и т. д., такъ и въ процессѣ воспоминанія рѣшимость души припоминать что либо можетъ служить поводомъ для раздраженія нѣкоторыхъ частей мозга. Въ этомъ случаѣ онъ собственно ничѣмъ не служитъ для оживленія качественной стороны прежнихъ состояній (они и безъ того продолжаются въ душѣ), но его возбужденіе есть условіе только для развитія психической энергіи и слѣдовательно, силы состояній.

Необходимо, однако, сознаться, что вышеприведенные случаи

вліянія мозга на воспоминаніе, заставляютъ держаться болѣе перваго предположенія, чѣмъ второго. Исчезновеніе только одного рода воспоминаній въ нѣкоторыхъ патологическихъ случаяхъ легче объяснимо гипотезою слѣдовъ. Разныя случайности съ частями мозга, гдѣ они находятся, то принудительно возбуждаютъ душу къ воспоминаніямъ, на подобіе того, какъ идущія отъ внѣшнихъ чувствъ раздраженія принудительно вызываютъ въ ней ощущенія, то парализуютъ воспоминаніе вообще или нѣкоторыхъ подробностей только, и душа ставится въ положеніе музыканта, безсильнаго вызвать звуки на порванныхъ струнахъ. Отчасти мы возвратимся къ этимъ вопросамъ еще въ главѣ о взаимодѣйствіи души и тѣла.

Достоинства и недостатки памяти.

Дѣятельность воспоминанія у разныхъ людей совершается съ различными успѣхами. По результатамъ ея, мы различаемъ достоинства и недостатки въ объемѣ памяти (экстенсивные) и въ качествахъ ея напряженія (интенсивные).

Въ первомъ отношеніи мы говоримъ о широкой и узкой памяти. Размѣры памяти, дѣйствительно не у всѣхъ людей одинаковы. У каждаго есть своя какъ бы емкость, т. е. свой запасъ ея силъ и энергіи. Кардиналъ Меццофанти зналъ до 60 языковъ, память Гумбольдта обнимала громадное число свѣдѣній почти по всѣмъ отраслямъ естествовѣдѣнія. Судя по философскимъ и біологическимъ сочиненіямъ Аристотеля, можно заключить, что онъ, сверхъ другихъ дарованій, отличался и необыкновенною памятью. Осмотрѣвшись въ кругѣ своихъ знакомыхъ, каждый можетъ найти примѣры памяти и широкой и узкой: можно найти людей, которые чтеніемъ, размышленіемъ и наблюденіемъ собрали огромное количество свѣдѣній и которые не смотря на то постоянно увеличиваютъ и могутъ умножать ихъ; память у такихъ людей, очевидно широкая. Съ другой стороны, можно найти и такихъ личностей, которыя не въ состояніи справляться съ разнообразными познаніями, у которыхъ одни свѣдѣнія могутъ усвояться только на счетъ другихъ: есть личности, которыя много и долго учились и продолжаютъ учиться, но у которыхъ объемъ свѣдѣній въ данный моментъ всегда оказывается малымъ. Объемъ памяти, повидимому можно уподобить

объему мускульной силы: одинъ человѣкъ поднимаетъ до 9-ти пудовъ тяжести, другой до 6-ти, а иной безсиленъ справиться съ 2-мя пудами: такъ и память одного лица справляется съ двойнымъ или тройнымъ количествомъ фактовъ, доступныхъ для памяти другого.

Во второмъ отношеніи мы различаемъ качества воспріимчивости, вѣрности и быстроты памяти. Качество воспріимчивости означаетъ собственно легкость, съ какою память усвояетъ себѣ новый матеріалъ; вѣрность, что память точно передаетъ въ воспоминаніи усвоенное содержаніе; быстрота памяти, или собственно припоминанія, есть скорость, съ какою она вызываетъ одинъ образъ за другимъ.

Эти три качества памяти въ различныхъ людяхъ встрѣчаются не въ одинаковой степени. Одинъ воспринимаетъ памятью весьма легко: достаточно ему одинъ разъ прочесть что либо, посмотрѣть, услышать, и все это сдѣлается его произвольнымъ достояніемъ; другой воспринимаетъ чрезвычайно трудно: если онъ заучиваетъ что либо, то для усвоенія ему требуется многократное повтореніе одного и того же; наблюденія и пережитыя состоянія онъ забываетъ скоро, если ему не представляется случая повторить ихъ; вообще такому человѣку, какъ говорятъ, все туго дается. Между этими двумя крайностями существуетъ много посредствующихъ степеней воспріимчивости. Также и вѣрность памяти имѣетъ не мало степеней въ разныхъ людяхъ. Иной, разъ усвоивъ себѣ что либо, на долгое время остается способенъ воспроизводить такъ точно, какъ оно первоначально было воспринято. На такую память время не дѣйствуетъ разрушительно; образовавшіяся ассоціаціи не разлагаются и даже сложныя группы ихъ и ряды сохраняются въ томъ видѣ, въ какомъ возникли. У многихъ, напротивъ, по прошествіи небольшаго времени послѣ усвоенія, забывается порядокъ содержанія, сложнымъ группамъ ихъ начинаетъ недоставать нѣкоторыхъ членовъ, въ воспоминаніяхъ является неувѣренность. Человѣкъ, въ такомъ случаѣ, сознаетъ свое безсиліе вспомнить усвоенное памятью, онъ иногда дополняетъ недостающее на удачу, по догадкѣ, и всё таки не увѣренъ, правильно ли онъ догадывается или нѣтъ. Это память не вѣрная, не точная. Наконецъ, люди различаются и по быстротѣ памяти или скорости воспоминанія. Нѣкоторые припоминаютъ мгновенно и безъ малѣйшаго усилія все, что они знаютъ: ихъ память можетъ припоминать много и

быстро. Для другихъ, напротивъ, воспоминаніе вообще есть трудъ, требующій усилія, иногда не малаго. Не особенно даровитый ученикъ утомляется, отвѣчая свой урокъ, потому что онъ припоминаетъ его съ нѣкоторымъ усиліемъ. Усилія вспомнить забытое могутъ сдѣлаться мучительными, когда мы сознаемъ, что забытое, въ сущности, извѣстно намъ, а между тѣмъ вспомнить его никакъ не можемъ.

Три указанныя качества памяти могутъ встрѣчаться вмѣстѣ, но отнюдь не предполагаютъ себя взаимно. Можетъ быть память воспріимчивая, вѣрная и быстрая. Изрѣдка встрѣчаются даровитыя въ этомъ отношеніи личности, которыя запоминаютъ все, что имъ приходится учить, наблюдать, слышать, которыя не перепутаютъ своихъ свѣдѣній, и наконецъ, безъ всякаго затрудненія для себя, припомнятъ ихъ когда угодно. Такая память дозволяетъ счастливцу, владѣющему ею, безъ труда пріобрѣсть широкое и многостороннее образованіе и достигать возможной основательности его. Она была бы неоцѣнимымъ духовнымъ дарованіемъ, если бы обладаніе ею предполагало широкій самостоятельный и творческій умъ, что не только не всегда бываетъ, но, напротивъ, очень рѣдко встрѣчается. Мы видимъ личностей съ громадною памятью, но безъ остраго сужденія, безъ всякихъ задатковъ самостоятельности. Какъ будто нѣкоторая доля слабости памяти должна быть, дабы умъ могъ сохранять свою самостоятельность и чтобы каждый шагъ его не запинался воспоминаніями о томъ, что было вычитано, слышано гдѣ нибудь, по поводу интересующаго вопроса. Но когда сила ума столь велика, что огромная память не лишаетъ его самостоятельности и не уничтожаетъ его самодѣятельности, то мы прямо признаемъ такихъ личностей геніальными, но разумѣется, какъ и всякія необыкновенныя произведенія природы, онѣ весьма рѣдко встрѣчаются.

Цѣнныя качества памяти рѣдко встрѣчаются въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Часто мы видимъ, что лицо легко воспринимаетъ читаемое, слышимое, сейчасъ по усвоеніи готово точно передать воспринятое, но по прошествіи недолгаго времени забываетъ до небольшихъ отрывковъ, или перепутываетъ содержаніе. Это память воспріимчивая, но невѣрная. Недостатокъ этотъ самый прискорбный: потому что, хотя съ такою памятью и легко, наприм. ученику, учиться, но основательнаго и широкаго образованія такой человѣкъ достигнуть не можетъ: что̀ приме-

сетъ ему пользы школа, чтеніе, если отъ пріобрѣтеннаго, по прошествіи нѣкотораго времени, ничего не останется въ памяти, или останутся обрывки, не имѣющія никакой цѣны. Но съ этимъ недостаткомъ ея можно бороться и до нѣкоторой степени успѣшно. Если свѣдѣнія легко пріобрѣтаются, но мало удерживаются въ памяти, то необходимо ихъ по возможности чаще возобновлять. Чрезъ неоднократное повтореніе они могутъ такъ утвердиться въ памяти, что она станетъ, когда нужно, точно припоминать ихъ.

Память можетъ быть вѣрною, быстрою, но не воспріимчивою. Извѣстенъ типъ людей, которымъ всякая наука туго дается, но что разъ ими выучено и усвоено, то дѣлается ихъ всегдашнимъ достояніемъ. Кто изъ учившихся не имѣлъ товарищей, которые вѣчно долѣе всѣхъ сидѣли за ученьемъ урока, которымъ учитель долженъ былъ всякій разъ неоднократно повторять свои объясненія, но которые, усвоивъ себѣ читанное и слышанное, потомъ уже на долгое время, даже навсегда, не забывали его. Этотъ недостатокъ памяти прискорбенъ въ томъ отношеніи, что требуетъ большаго труда и терпѣнія при ученьи и самообразованіи. Съ нимъ не легко, но все таки возможно, бороться. И здѣсь также необходимо *многократное* повтореніе усвоиваемаго. Средство для борьбы съ этимъ недостаткомъ памяти то же самое, которое мы указывали для борьбы съ малою воспріимчивостію ея, и цѣль употребленія его въ обоихъ случаяхъ также самая. Разность состоитъ собственно въ томъ, что въ первомъ случаѣ повтореніе должно быть употребляемо часто чрезъ извѣстные періоды времени, тогда какъ во второмъ — оно имѣетъ приложеніе лишь при самомъ началѣ знакомства съ новымъ матеріаломъ. Сравнивая невыгоды обоихъ указанныхъ недостатковъ, мы должны сказать; что нѣсколько тупая память, но вѣрная и точная, гораздо лучше неточной, хотя и легко воспринимающей. Тупая память въ короткое время мало успѣетъ пріобрѣсть новаго, но если она разъ усвоенное сохраняетъ и передаетъ въ точности, то въ продолженіи долгаго времени она будетъ обладать большими, а главное, точнѣйшими свѣдѣніями, чѣмъ память воспріимчивая, но невѣрная. Послѣдняя можетъ имѣть лишь временный, кажущійся перевѣсъ надъ первою. По этому, если бы дѣло было предоставлено нашему выбору, то изъ двухъ родовъ памяти мы предпочли бы выбрать память тупую, но точную. Что для самообразованія и развитія она имѣетъ

перевѣсъ надъ быстровоспронимающей, но не твердою, это доказывается тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что скромные труженики, усвояющіе себѣ знанія въ потѣ лица, въ концѣ концовъ идутъ далеко, успѣваютъ собрать значительный запасъ ихъ, тогда какъ блестящіе на классныхъ урокахъ и экзаменахъ ихъ товарищи, оказываются съ теченіемъ времени круглыми невѣждами, именно въ тѣхъ самыхъ вещахъ, о которыхъ, сряду послѣ заучиванія блистательно отвѣчали.

Указанные два вида памяти встрѣчаются наиболѣе часто; въ нихъ качество воспріимчивости не сочетавается вмѣстѣ съ качествомъ точности. Но и быстрота ея можетъ также встрѣчаться отдѣльно отъ двухъ другихъ свойствъ. Этотъ типъ памяти не особенно распространенъ. Память быстро и легко припоминающую, но не воспріимчивую и неточную можно предполагать наприм. у людей, склонныхъ къ лжи. Случаи, когда человѣкъ лжетъ намѣренно для какихъ нибудь особыхъ цѣлей, сюда, конечно, не относятся. Но нерѣдко бываетъ, что первоначальный поводъ къ ней заключается въ крайней неточности памяти; человѣкъ лжетъ потому, что ни одного событія не можетъ разсказать, чтобъ не забыть какихъ либо подробностей и не быть потому вынужденнымъ нѣчто дополнить отъ себя. У такихъ людей память бываетъ мало воспріимчива, не точна, но припоминаніе имъ не стоитъ ни какого усилія: такіе лгуны иногда говорятъ плавно, безъ затрудненія, т. е. ассоціація развертывается у нихъ легко.

Какъ видно изъ примѣчанія, *) комбинаціи качествъ памяти разнообразны. Выше мы ограничились указаніемъ лишь на самые главные, наиболѣе встрѣчающіеся типы ея. Было бы утомительно для нашего читателя слѣдить за подробнымъ анализомъ

---

*) Принимая, что основныя качества памяти—воспріимчивость, точность и быстрота (припоминанія) и что они могутъ встрѣчаться вмѣстѣ и не встрѣчаться, мы получаемъ слѣдующія возможныя сочетанія ихъ, которыми исчерпываются всѣ типы памяти. Память можетъ быть:

1) воспріимчива точна быстра	2) не воспріимчива не точна не быстра	3) воспріимчива не точна не быстра
4) воспріимчива точна не быстра	5) точна не воспріимчива не быстра	6) точна не воспріимчива быстра
7) быстра не воспріимчива не точна	8) быстра воспріимчива не точна	

остальныхъ видовъ ея. Но считаемъ все таки нужнымъ сказать нѣсколько словъ относительно неравномѣрной встрѣчаемости нѣкоторыхъ сочетаній свойствъ памяти, ихъ значенія и соотношенія между собою.

Во 1-хъ, наблюдая общество, мы не можемъ не замѣтить, что качество воспріимчивости памяти встрѣчается чаще, чѣмъ свойство точности. Всякій въ своемъ кругѣ знакомыхъ, можетъ насчитать не мало людей съ усвойчивою памятью, но много ли найдется отличающихся точностію ея?

Во 2-хъ, качество воспріимчивости наиболѣе часто соединяется съ быстротою, такъ часто, что, кажется, само собою разумѣется, что воспріимчивый человѣкъ легко и быстро припоминаетъ усвоенное. Какъ мы уже замѣтили выше, гораздо рѣже замѣчается сочетаніе воспріимчивости съ точностію. Быстрота также рѣдко соединяется съ точностію безъ воспріимчивости: обыкновенно, кто мало воспріимчивъ, но точенъ въ воспоминаніяхъ, припоминаетъ пріобрѣтенное памятью съ нѣкоторымъ усиліемъ. Всего же рѣже типъ памяти невоспріимчивой, неточной, но быстро припоминающей: понятно, что кому нечего почти припоминать и кто не въ состояніи вспомнить точно, тому не на чемъ обнаружить быстроту припоминанія. Поэтому одна легкость и быстрота его мало имѣетъ значенія.

Въ 3-хъ, типы памяти опредѣляются главнѣйше сочетаніями свойствъ ея: воспріимчивости и точности. Присутствіе или отсутствіе ихъ даютъ рѣшительный характеръ ей въ томъ или другомъ смыслѣ. Быстрота не имѣетъ рѣшающаго значенія. Отсутствіе всѣхъ достоинствъ памяти, конечно, не есть особый типъ ея, да оно, въ сущности, и невозможно, развѣ въ случаѣ крайняго идіотизма. Однако, встрѣчаются нерѣдко бездарныя личности, не отличающіяся ни воспріимчивостію, ни точностію, ни быстротою памяти, и ихъ то мы собственно подразумѣваемъ подъ 2-мъ типомъ; онъ есть слабая во всѣхъ отношеніяхъ память.

Объясненіе воспоминанія.

Ознакомившись съ фактическою стороною процессовъ воспоминанія и забвенія, мы можемъ перейти къ объясненію ихъ. Какія суть самыя вѣроятныя причины воспоминанія и забвенія?

Чтобы придти къ болѣе или менѣе удовлетворительному отвѣту, прежде всего сравнимъ воспоминаніе съ дѣйствительно переживаемымъ состояніемъ.

Воспоминаемое состояніе мы противополагаемъ дѣйствительно переживаемому. Чѣмъ отличается первое отъ послѣдняго? Мы припоминаемъ бывшія ощущенія, волненія, стремленія и мысли, т. е. продукты рефлексіи. Чѣмъ же отличается ощущеніе дѣйствительное отъ припоминаемаго только? Въ точномъ и вѣрномъ воспоминаніи видѣннаго или слышаннаго заключается все, что̀ было въ дѣйствительности видѣно и слышано; чего же недостаетъ? Во 1-хъ, въ воспоминаемомъ состояніи нѣтъ полноты дѣйствительно переживаемаго состоянія: никакая память не въ состояніи воспроизвести пережитое до малѣйшихъ подробностей, какія только были въ дѣйствительности; во 2-хъ, нѣтъ яркости и живости дѣйствительнаго ощущенія: мы воспоминаемъ зеленую поверхность, но слабо, тускло, совсѣмъ далеко отъ того, чѣмъ какъ мы ее видимъ на самомъ дѣлѣ; и наконецъ, въ 3-хъ, при воспоминаніи ощущеннаго нѣтъ такого развитія энергіи, работы, степени усилія и напряженія, которыя бываютъ, когда мы дѣйствительно видимъ или слышимъ что либо. Эти же черты отличаютъ воспоминаемыя волненія и акты воли отъ дѣйствительно переживаемыхъ. Припоминаемое волненіе страха или гнѣва, радости, горя никогда не имѣетъ полноты дѣйствительныхъ волненій, нѣтъ въ первомъ живости послѣднихъ и тогда какъ мы тратимъ въ огромномъ размѣрѣ свою энергію на переживаніе волненія, въ воспоминаніи оно почти не стоитъ намъ труда. Справедливо говорятъ, что воспоминаніе сильнѣйшей боли ничто сравнительно съ реальнымъ уколомъ булавки. Третья черта особенно рѣзко выступаетъ въ воспоминаемыхъ и реальныхъ состояніяхъ воли. Иное дѣло припоминать усиліе хотѣнія или желанія и иное de facto дѣлать эти усилія.

Такими же признаками отличается припоминаемая мысль отъ дѣйствующей, новообразующейся. Воспоминаемому понятію обыкновенно недостаетъ большихъ или меньшихъ подробностей противъ той совокупности мыслей, которыя нами образуются, когда мы дѣятельно обдумываемъ его. Особенно же, при дѣйствительномъ мышленіи мы переживаемъ самый трудъ мысли, тогда какъ припоминаніе ея дается намъ сравнительно безъ усилія. Конечно, въ воспоминаніи ряда мыслей нѣтъ и живости, какую имѣетъ активная мысль.

Сверхъ трехъ упомянутыхъ пунктовъ различія, можно указать еще и то, что припоминаемое состояніе всегда сопровождается мыслію, что оно уже было, есть прошлое, тогда какъ переживаемое принимается нами за наличное. Кромѣ того, въ наличномъ состояніи мы имѣемъ непосредственный интересъ; мы живо имъ интересуемся, тогда какъ воспоминаніе прямаго интереса обыкновенно не возбуждаетъ въ насъ.

Сравнивая всѣ эти отличительныя черты воспоминаемыхъ состояній и дѣйствительно переживаемыхъ, мы замѣчаемъ, что, въ сущности, существуетъ одно главное различіе, изъ котораго могутъ быть объяснены другія отличія. Именно, первымъ недостаетъ энергіи вторыхъ. Въ воспоминаніи можно возобновить почти всѣ подробности пережитаго событія, но невозможно дать ему такую силу и энергію, какую имѣютъ дѣйствительное ощущеніе, чувство, хотѣніе, активная мысль. Оттого, нѣтъ въ немъ и полноты послѣднихъ: оно какъ будто безсильно стать снова такимъ полнымъ, со всѣми подробностями, какимъ было нѣкогда. Какъ безсильное и неэнергичное, воспоминаніе не имѣетъ живости реальнаго состоянія и не можетъ стоить нашей душѣ такихъ усилій и такой работы, какихъ требуетъ отъ нея послѣднее. Конечно, имѣя относительно столь ничтожную силу, припоминаніе не можетъ вызывать даже приблизительно такого же интереса, какъ дѣйствительно переживаемое состояніе.

Слѣдовательно, воспоминаемое состояніе не есть ли тоже самое душевное состояніе, которое пережито душою, только лишившееся энергіи, или потерявшее наибольшую долю ея? Какъ велика эта потеря, каждый можетъ себѣ представить, если сравнить боль реальную и припоминаемую, страхъ, гнѣвъ, усиленное желаніе въ дѣйствительности и воспоминаніи. Потеря такъ бываетъ велика, что, повидимому, состояніе теряетъ всю свою качественную сторону; почему и говорятъ, что въ представленіяхъ желтаго цвѣта, вкуса, запаха, боли, чувствъ мы не повторяемъ качественной стороны ихъ (хотя это кажется только). Что, дѣйствительно, въ этомъ одномъ обстоятельствѣ состоитъ разница между воспоминаемымъ и переживаемымъ состояніями, доказываетъ фактъ, что какъ скоро воспоминаніе возстановитъ отъ какихъ либо причинъ прежнюю свою энергію, оно становится реальнымъ состояніемъ. Галлюцинируетъ тотъ, кто своимъ представленіямъ, по физіологическимъ или другимъ условіямъ,

даетъ энергію, равную силѣ реальныхъ состояній. На этомъ фактѣ и основывается возможность галлюцинацій.

Что одно и тоже душевное состояніе можетъ имѣть разныя степени энергіи, это извѣстно. Звукъ, т. е. ощущеніе тона, одинъ и тотъ же, можетъ быть сильный и слабый, равно какъ и образъ предмета можетъ быть свѣтлый, яркій и темный. Одно и тоже хотѣніе можетъ быть и сильнымъ и слабымъ, равно какъ могутъ быть разныя степени энергіи страха, гнѣва и т. д. Понятно, что тоже самое бываетъ и съ мыслію. Значитъ, необходимо различать въ каждомъ душевномъ состояніи сторону энергіи, какъ измѣнчивую, и сторону содержанія или качества, какъ неизмѣнную: первая можетъ видоизмѣняться до безконечности, вторая измѣняться не можетъ: она можетъ или быть тѣмъ, что есть, или совсѣмъ не быть. Представимъ же себѣ, что какое либо наличное душевное состояніе средней силы постепенно или вдругъ теряетъ столь значительную часть ея, что энергія его доходитъ до minimum'а; такъ какъ сознаніе всякаго душевнаго состоянія связано съ энергіей его, то оно перестаетъ сознаваться, т. е. усиліе или душевная работа на него такъ ничтожна, что душа не можетъ уже усвоять его себѣ, какъ таковое, а слѣдовательно, и сознавать; съ качественною стороною же состоянія никакихъ измѣненій не произойдетъ: она останется тѣмъ что есть: напримѣръ, я видѣлъ зданіе Университета: образъ его, пока имѣлъ достаточную энергію, былъ мною сознаваемъ, какъ въ тотъ моментъ, когда я видѣлъ самое зданіе, такъ и въ тотъ, когда я намѣренно думалъ о немъ. Какъ скоро намѣренно или ненамѣренно я лишу представленіе наибольшей части энергіи, представленіе перестанетъ сознаваться. Если бы лишить его всей энергіи, тогда оно исчезло бы совершенно, было бы совершенно забыто; но по разнымъ соображеніямъ и между прочимъ въ виду факта, что все таки, повидимому, исчезнувшія состоянія тѣмъ не менѣе снова могутъ воспоминаться, нельзя допустить, что душа можетъ отнять всю энергію, до послѣдняго остатка, отъ представленія и потому, хотя не сознается мною представленіе Университета, но оно есть во мнѣ со всею полнотою содержанія, съ малою только долею энергіи. Совершенно тоже должно происходить съ мыслію, всякимъ актомъ воли, волненіемъ сердца. Лишившись большей части энергіи, они не теряютъ своей глубины и своего качественнаго содержанія и переставая сознаваться, они тѣмъ не менѣе могутъ съ minimum силы продолжаться въ душѣ.

Очевидно, что здѣсь мы приходимъ къ двумъ предположеніямъ, могущимъ казаться многимъ психологамъ странными. Во 1-хъ, что всякое состояніе, забываясь и исчезая изъ сознанія, тѣмъ не менѣе не уничтожается совершенно, а напротивъ, сохраняется душою, и во 2-хъ, что въ ней одновременно существуетъ огромное количество безсознательныхъ состояній. Но именно эти предположенія мы и намѣрены защищать теперь.

Прежде всего считаемъ нужнымъ обратиться ко второму нашему положенію: ничего нѣтъ страннаго, что душа одновременно находится во множествѣ состояній. Она не можетъ развивать въ одинъ моментъ энергію по разнымъ направленіямъ, или лучше, энергія ея, развивавшаяся въ одномъ направленіи, не можетъ въ тотъ же моментъ быть направлена и на другія совсѣмъ различныя состоянія, но это не значитъ, чтобы она вообще не могла имѣть многихъ состояній, имѣющихъ minimum энергіи. Относительно сознательной жизни мы знаемъ, что въ одно и то же время душа не можетъ имѣть нѣсколькихъ сознательныхъ состояній: если намъ кажется противное, то въ этомъ случаѣ мы быструю послѣдовательность ихъ принимаемъ за одновременность. Но фактъ сознаванія связанъ съ развитіемъ значительной энергіи воли и слѣдовательно, уже по этому нельзя ожидать, чтобы душа могла сознавать нѣсколько состояній за разъ. Не думаемъ, чтобы изъ невозможности одновременнаго сознаванія нѣсколькихъ состояній, слѣдовало, что душа не можетъ имѣть вообще нѣсколько ихъ въ одинъ и тотъ же моментъ. Когда мы волнуемся гнѣвомъ или страхомъ, въ одно и тоже время мы заняты разнообразными мыслями по поводу ихъ, имѣемъ волненіе страха или гнѣва, развиваемъ нѣсколько хотѣній: мы имѣемъ одновременно нѣсколько состояній. Мы не можемъ сознать ихъ вдругъ и при попыткѣ сознаванія всегда будемъ останавливаться вниманіемъ на каждомъ послѣдовательно. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мы и переживаемъ ихъ только по одному, а не вдругъ, всѣ вмѣстѣ.

Если душа можетъ имѣть одновременно нѣсколько энергическихъ состояній (напр. въ моменты чувствованія, или хотѣнія), то тѣмъ возможнѣе для нея имѣть множество состояній съ minimum'омъ энергіи, каковы безсознательныя забытыя состоянія. Въ одно и тоже время тѣло можетъ имѣть движеніе поступательное, вращательное, можетъ колебаться или дрожать въ своихъ частяхъ; оно можетъ имѣть цвѣтъ, вкусъ, запахъ, производить

звукъ, вступать въ химическія соединенія, быть тяжелымъ и т. д., т. е. имѣть множество состояній, быть въ отношеніяхъ съ разнообразными предметами и т. п.; одинъ и тотъ же атомъ можетъ имѣть многія дѣятельности и развивать свою энергію вообще въ различныхъ отношеніяхъ. Для чисто динамической монады, какова душа, множество одновременныхъ состояній тѣмъ возможнѣе что она въ несравненной степени могущественнѣй всякаго атома, и безсознательныя состоянія требуютъ отъ нея только minim'альныхъ усилій.

Но, спрашивается, есть ли какія либо основанія думать, что душа, дѣйствительно, продолжаетъ въ себѣ состоянія, когда либо пробуждавшіяся въ ней.

Во 1-хъ, это есть самое естественное предположеніе для объясненія воспоминанія. Какъ иначе могла бы душа воспроизводить прошлыя состоянія? Предположить, что они исчезаютъ на время совершенно, но что она потомъ развиваетъ ихъ идеально? Но чѣмъ руководится душа, развивая новое состояніе, хотя въ идеѣ подобное прежнему. Говорятъ, остается въ душѣ и нервной системѣ слѣдъ отъ бывшаго состоянія. Что касается до нервныхъ слѣдовъ, то мы охотно допускаемъ ихъ существованіе, но они одни не могутъ объяснить правильнаго и цѣлесообразнаго дѣйствованія воспоминанія и особенно при нихъ трудно объяснить намѣренное припоминаніе. Неужели душа при каждомъ случаѣ его отыскиваетъ подходящіе слѣды, знаетъ ихъ расположеніе и, главное, чѣмъ руководится, когда опредѣляетъ какой именно слѣдъ ей нуженъ. Слѣды въ душѣ, если могутъ имѣть какой либо смыслъ, то лишь какъ мало энергичные остатки прежнихъ состояній, т. е. то самое, что мы утверждаемъ. При нашемъ же предположеніи, всякое состояніе, вслѣдствіе разныхъ причинъ, о которыхъ скажемъ ниже, лишившееся энергіи и потому забытое, можетъ легко пріобрѣтать часть ея и вновь сознаваться.

Въ 2-хъ, предположеніемъ сохраненія состояній въ душѣ всего легче объясняется фактъ умственнаго и нравственнаго развитія индивидуумовъ. Человѣкъ пріобрѣтаетъ знанія, ухудшается или улучшается нравственно вслѣдствіе такъ или иначе проведенныхъ молодыхъ лѣтъ—это фактъ. Если предположить, что пріобрѣтенныхъ знаній въ немъ, въ сущности, нѣтъ, а всегда онъ обладаетъ лишь тѣми, которыя сознаетъ, если хотѣній и волненій прошлой жизни въ немъ не существуетъ, а

только одни наличныя, то спрашивается, въ чемъ заключаются реальныя пріобрѣтенія его? Кромѣ наличныхъ сознаваемыхъ состояній, онъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ есть tabula rasa безсодержательное существо, или игрушка нервовъ, и въ чемъ же, въ сущности, состоятъ слѣды прошлаго въ немъ? Для каждаго лица прошлое не есть мертвое, нигдѣ не существующее, а настоящее, наличное. Мы носимъ на себѣ какъ благословеніе, такъ и проклятіе прошлой жизни; сдѣланное въ ней добро, какъ и зло, не умираетъ въ насъ, а продолжаетъ быть живымъ факторомъ въ нашей жизни. Отъ несознаваемыхъ прошлыхъ, но продолжающихся въ дѣйствительности состояній, исходятъ содѣйствіе и противодѣйствіе нашимъ наличнымъ дѣятельностямъ, намѣреніямъ, хотѣніямъ и т. д.

Въ 3-хъ, нашего предположенія требуютъ разныя случайности припоминанія. Всякій знаетъ, что въ разное время мы вовсе неодинаково бываемъ способны припоминать одни и тѣже свои знанія. При всемъ усиліи иногда припомнишь требуемое свѣдѣніе только въ половину, иногда болѣе, иногда вполнѣ. Чѣмъ объяснить это? Если бы душа развивала бы его совсѣмъ вновь каждый разъ, то она давала бы его или всегда въ одинаковомъ объемѣ, или послѣдовательно съ каждымъ разомъ уменьшала подробности. Тоже самое должнобъ было происходить, если бы воспоминаніе было простымъ оживленіемъ слѣдовъ въ мозгу, принуждающимъ душу къ припоминанію: или она воспоминала бы всегда въ одинаковомъ размѣрѣ, такъ какъ оживлялся бы весь слѣдъ всегда одинаково, или постепенно уменьшала бы его, съ постепеннымъ блѣднѣніемъ слѣда. Но давать большіе объемы воспоминанія послѣ меньшихъ душа можетъ только при томъ условіи, если она всегда держитъ его на готовѣ всецѣло, и если по случайнымъ причинамъ когда либо она оживитъ его не вполнѣ до высоты сознанія, то все таки можетъ потомъ при случаѣ оживить болѣе и даже вполнѣ.

4) Хотя принято въ психологіяхъ утверждать, что въ воспоминаемыхъ состояніяхъ не сохраняется качественная сторона ихъ, наприм. въ представленіи боли нѣтъ чувства боли, или страха—ничего страшнаго, но я думаю, что это вѣрно только до нѣкоторой степени. Становясь безсознательнымъ, состояніе въ огромной степени теряетъ энергію и послѣ, какъ бы живо ни воспоминалось, уже не возвращаетъ ея вполнѣ, такъ какъ всѣхъ реальныхъ условій для воспроизведенія его уже нѣтъ. Поэтому можно сказать, что припоминаемое представленіе и дѣйствительное ощу-

щеніе, чувство, хотѣнія соотносятся, какъ блѣдная копія и оригиналъ: въ первомъ исчезаютъ всѣ яркія и живыя краски послѣднихъ. Но не справедливо утверждать, что въ припоминаемомъ состояніи нѣтъ никакихъ качествъ реально переживаемаго. На воспоминаемыхъ ощущеніяхъ это не особенно замѣтно, но кто не скажетъ, что въ воспоминаніи мучительной боли нѣтъ ничего непріятнаго, страшнаго приключенія чего то похожаго на возбужденіе страха, или огромнаго удовольствія — чего-то пріятнаго? Мы бѣжимъ отъ мучительныхъ и горькихъ воспоминаній и охотно отдаемся пріятнымъ, конечно потому, что въ нихъ до нѣкоторой степени повторяются удовольствіе или неудовольствіе дѣйствительно пережитаго состоянія. А это возможно лишь въ томъ случаѣ, если пережитыя разъ состоянія постоянно пребываютъ въ насъ и по временамъ пріобрѣтаютъ большую силу.

5) Такое предположеніе легче, чѣмъ всякое другое, можетъ объяснить акты отождествленія, постоянно сопровождающія воспоминанія. Припоминать значитъ не только оживлять прежде бывшія состоянія, но и признавать ихъ прежде бывшими: слѣдовательно, воспоминая душа съ одной стороны, имѣетъ возможность различить новое свое состояніе отъ прежняго, а съ другой стороны признать ихъ тожественными. Но какъ же объяснить этотъ процессъ? Надобно сознать тщетность всѣхъ попытокъ сдѣлать это, если не допускать нашего предположенія. Если полагать, что при забвеніи въ душѣ исчезаютъ состоянія, то станетъ не понятнымъ, какъ душа можетъ свое наличное состояніе сравнивать съ прежде бывшимъ, котораго уже нѣтъ. Если искать спасенія въ остаткахъ, слѣдахъ, оставляемыхъ всякимъ душевнымъ состояніемъ въ нервной системѣ, то и въ этомъ случаѣ является недоумѣніе: какъ душа разыскиваетъ подходящіе, все же болѣе или менѣе матеріальные, слѣды въ мозгу, какъ она можетъ знать о положеніи ихъ, и главное, сравнивать нервные слѣды съ своими состояніями? Невозможное вообще невозможно и для души: она можетъ сравнивать слѣды со слѣдами, состоянія съ состояніями, но не состоянія съ слѣдами. Предположивъ же, что существуютъ психическіе слѣды, служащіе душѣ для сравниванія съ наличными состояніями, мы опять должны будемъ подъ слѣдами разумѣть такъ или иначе продолжающіяся душевныя состоянія. Выходъ изъ затрудненій одинъ — въ признаніи, что всякое состояніе души продолжается, даже и тогда, когда забы-

вается, и когда по обстоятельствамъ энергія его увеличивается до того, что оно становится сознательнымъ, то душа естественно признаетъ его все однимъ и тѣмъ же; такъ какъ наличное состояніе для нея есть сознательное и энергичное, а прежде оно было безсознательнымъ и слабымъ, то ей легко и различать два фазиса одного и того же состоянія.

Наконецъ 6) философскія соображенія не допускаютъ исчезновенія и возстановленія душевныхъ состояній. Когда мы говоримъ о состояніи, что оно забылось, то предполагаемъ обыкновенно его исчезновеніе; когда же говоримъ о воспоминаніи, то думаемъ, что оно снова возстановилось. Въ основаніи предположеній лежитъ понятіе времени: воспоминаемъ мы прошлое и дѣлаемъ его настоящимъ. Но съ философской точки зрѣнія времени въ формѣ, намъ обычной, собственно быть не можетъ. Мысль о немъ является въ насъ со смѣною представленій и невозможна безъ этой смѣны: внѣ насъ даются только событія; какъ протекаетъ время, этого мы не можемъ услѣдить никакимъ своимъ внѣшнимъ чувствомъ. Слѣдовательно, нѣтъ ни настоящаго, ни прошедшаго, ни будущаго, а есть только послѣдовательность состояній данныхъ одновременно, какъ есть слѣдованіе слѣдствія изъ основанія, которыхъ однако не раздѣляетъ никакое время. Но если нѣтъ времени, можно ли сказать, что какое либо состояніе кануло въ прошедшее, или сдѣлалось прошлымъ, или вновь стало настоящимъ? Всякое состояніе, какъ наличное для сознанія, такъ и прошлое, есть настоящее и вся разность между ними, въ сущности, та, что одно имѣетъ достаточную энергію, чтобы сознаваться, а другое не имѣетъ ея; лишенное энергіи не существуетъ для сознанія и кажется забытымъ, а потому и прошлымъ, энергичное сознается и представляется настоящимъ.

Могутъ сказать, неужели душа сохраняетъ всѣ состоянія, начиная съ самаго явленія своего въ свѣтъ, и почему же мы ничего не помнимъ изъ случившагося съ нами въ дѣтствѣ? Что мы забыли свою дѣтскую жизнь, это не доказываетъ, что всѣ дѣтскія состоянія исчезли изъ нашей души, доказываетъ только, что мы перестали сознавать ихъ. Многія изъ впечатлѣній дѣтства продолжаются и теперь въ сознаніи, только мы не пріурочиваемъ ихъ къ времени своего дѣтства: состоянія его продолжаются въ воспоминаніяхъ о лицахъ, вещахъ, мѣстности, которыя окружали насъ въ младенческомъ возрастѣ, и нашимъ предположеніемъ

легко объясняется, почему намъ пріятно возвращаться сознаніемъ на эти первыя и глубокія впечатлѣнія. Съ другой стороны, въ насъ продолжаются состоянія первыхъ двухъ лѣтъ дѣтства, только столь слабыя по силѣ, а можетъ быть, физіологическіе слѣды которыхъ въ нервной системѣ столь ничтожны, что, по психической и физіологической причинамъ, эти состоянія никогда уже не могутъ возстановиться въ энергіи на столько, чтобы быть сознаваемыми.

И такъ, съ нашей точки зрѣнія, разъ возбужденное въ душѣ состояніе продолжается постоянно, только въ разное время имѣетъ разныя степени энергіи. Сторона качества или содержанія состоянія остается вѣчно неизмѣнною, но энергія можетъ разнообразиться, такъ что состояніе то сознается и воспоминается, то не сознается и забывается. Измѣненіе силы продолжающагося въ душѣ состоянія можетъ происходить отъ различныхъ причинъ. Во 1-хъ, она можетъ зависѣть отъ воли, истиннаго источника всякой энергіи въ душѣ. Воля наша можетъ сосредоточиваться на представленіяхъ, переходить отъ одного къ другому (вниманіемъ) и мы знаемъ какъ велика въ этихъ случаяхъ власть ея. Она мгновенно лишаетъ энергіи представленія, дѣлая его безсознательнымъ, и такъ же быстро придаетъ ему ее (при намѣренномъ воспоминаніи). Кромѣ сознательныхъ желаній и хотѣній, имѣютъ вліяніе на оживленіе представленій и безсознательныя стремленія и влеченія. Этимъ объясняется, почему каждое лицо припоминаетъ изъ прошлаго то, что соотвѣтствуетъ его вкусамъ и привычкамъ, основнымъ хотѣніямъ, составляющимъ его природу. Изъ массы пережитыхъ состояній безсознательная воля придаетъ нѣкоторымъ энергію и они занимаютъ тогда сознаніе.

Затѣмъ, во 2-хъ, состояніе, ставшее безсознательнымъ, можетъ оживиться помимо вліянія воли, путемъ ассоціаціи. Объ этомъ способѣ возстановленія прежнихъ состояній въ сознаніи мы уже говорили. Здѣсь можно только поставить вопросъ: въ чемъ заключается причина, что одно состояніе заставляетъ до нѣкоторой степени оживляться другое, по крайней мѣрѣ на столько, что послѣднее снова начинаетъ сознаваться? Она можетъ быть психологическая и физіологическая. Вѣроятно, что наклонность воспроизводить прошлое по смежности зависитъ частію отъ того, что слѣды нервной дѣятельности, или измѣненія въ молекулахъ мозга, сопутствующія работѣ души, сохраняютъ тотъ же порядокъ, въ какомъ они образовывались. Разумѣется,

если существуютъ какіе либо слѣды въ мозгу, то они должны располагаться въ немъ, въ порядкѣ своего образованія. Съ другой стороны, послѣдовательность состояній, какъ актовъ души, должна сама собою сохраняться и въ послѣдней, если нѣтъ обстоятельствъ, принуждающихъ ее отступить отъ нея или нарушить ее. Указанныя причины объясняютъ намъ, почему воспоминанія совершаются въ порядкѣ смежности, но изъ нихъ не видно, почему воспоминаемое состояніе оживляетъ энергію смежнаго съ нимъ. Объясненія слѣдуетъ искать въ фактѣ, о которомъ будетъ у насъ рѣчь впереди, въ подвижности энергіи; состояніе получившее особую силу стремится сообщить ее всѣмъ другимъ, съ которыми оно вмѣстѣ или было или есть смежно. Такъ, извѣстно, что энергичное волненіе даетъ особую силу мыслямъ, ему сопутствующимъ, и тоже дѣлаетъ сильное хотѣніе, сильныя ощущенія оживляютъ представленія и т. д. Достигшее степени сознанія, оживленное состояніе придаетъ энергію другому, съ которымъ оно дано было нѣкогда вмѣстѣ. а другое — третьему и т. д.

Наконецъ, въ 3-хъ, исчезнувшее для сознанія состояніе можетъ получить энергію и отъ случайныхъ возбужденій извнѣ: наприм. мы наблюдаемъ предметы, сталкиваемся съ другими людьми, читаемъ книги и при этомъ возобновляемъ всѣ тожественныя мысли, ощущенія, представленія, какія имѣли въ прошломъ. Взглядъ падаетъ на столъ, уже знакомый, новый зрительный образъ придаетъ энергію и доводитъ до сознанія прежде неоднократно возбуждавшееся представленіе его и такъ же дѣйствуетъ на насъ чтеніе, всякое напоминаніе извнѣ. Вновь появившееся энергичное состояніе придаетъ энергію тожественному, уже существующему въ душѣ состоянію, съ которымъ и соединяется.

Главная дѣятельность при возобновленіи (конечно, далеко не полномъ) энергіи прежняго состоянія принадлежитъ волѣ. Она явно и особенно тайно орудуетъ нашими воспоминаніями. Вліяніе воли можетъ ослабѣвать или усиливаться отъ практики. Многое забытое не можетъ припомниться, не смотря ни на какія усилія воли: оно такъ много потеряло энергіи, что сознательный импульсъ со стороны ея уже не можетъ придать ему силы, достаточной для того, чтобы сознаваться. Чѣмъ менѣе силы забываемое теряетъ, тѣмъ оно доступнѣй сознательнымъ

распоряженіямъ воли (это и бываетъ, когда состояніе часто повторяется и слѣдовательно, пріобрѣтаетъ устойчивую энергію).

Однако, изъ существованія разныхъ патологическихъ случайностей съ памятью должно заключить, что, кромѣ воли, т. е. чисто психической причины, въ воспоминаніи дѣйствуетъ и физіологическая причина, и что не малое значеніе для него имѣютъ слѣды нервной системы, т. е. остатки или послѣдствія возбужденій ея при всякихъ видахъ психической дѣятельности.

Объясненіе забвенія.

Сказанное нами относилось преимущественно къ главному вопросу: на чемъ основывается воспоминаніе и въ чемъ оно состоитъ. Но за нами остается долгъ — выяснить основу и сущность забыванія.

Говоря о двухъ видахъ его, мы выяснили, что одинъ основывается на нехотѣніи заниматься какимъ либо состояніемъ, второй на безсиліи воспроизвести прошлое состояніе. Остановившись на степеняхъ забвенія мы видѣли, что всѣ они означаютъ постепенное увеличеніе состоянія безсилія воспроизводить прошлое. Сначала разрушается связь между представленіями и состояніями, а затѣмъ глубже и глубже погружается въ забвеніе и каждое представленіе въ отдѣльности. Фактъ, такъ называемой, дисассоціаціи, конечно, нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что въ самомъ дѣлѣ рушатся связи между состояніями; въ душѣ не можетъ быть ничего, кромѣ ея дѣятельности и состояній. Но такъ какъ онъ не сомнѣненъ, то его должно понять иначе: онъ не можетъ означать ничего другого, какъ постепеннаго обезсиливанія группъ и рядовъ состояній. Пока энергія ихъ не падаетъ ниже извѣстнаго уровня, при которомъ она легко можетъ быть восполнена волею, мы обладаемъ способностію вполнѣ и когда угодно повторять въ сознаніи прошлыя состоянія; какъ скоро же группа или рядъ состояній теряютъ энергію далѣе упомянутаго уровня, то душа оказывается безсильною придать имъ всѣмъ энергію, потребную для сознаванія ихъ. Эта участь должна прежде всего и болѣе всего постигать тѣ подробности воспоминанія, которыми душа всего менѣе интересовалась, на которыхъ мало сосредоточивалась и которыя, при самомъ возникновеніи, были наименѣе энергичны: а таковы обстоятель-

ства мѣста и времени, при которыхъ возникли состоянія и дѣятельности души. Когда мы запоминаемъ рядъ мыслей и вообще сложные предметы, то прежде всего и болѣе всего интересуемся содержаніемъ ихъ, а не порядкомъ расположенія, цѣлымъ, а не отношеніемъ частей. Наибольшую энергію, при первомъ возникновеніи, должны, слѣдовательно, имѣть мысли и представленія въ отдѣльности, представленія общаго въ предметѣ, или частей въ отдѣльности, а не мысли о расположеніи подробностей, или отношеніи ихъ. Отъ этого происходитъ, что, при дальнѣйшемъ обезсиленіи ряда такихъ представленій, мыслей, страдаетъ всего болѣе памятованіе расположенія, порядка и отношенія частей: воля можетъ заставить вспомнить многія подробности, каждую отдѣльно, но не можетъ добавить на столько энергіи всему ряду прошлыхъ состояній, чтобы вспомнился порядокъ, расположеніе ихъ. Дѣйствительно, когда мы, при первомъ знакомствѣ съ сложными предметами, особенно интересуемся порядкомъ и расположеніемъ частей и останавливаемся на нихъ, то мы долго помнимъ и подробности и связь ихъ и даже знаніе системной стороны иногда переживаетъ знаніе подробностей. При дальнѣйшемъ пониженіи энергіи состояній, *всякое усиліе воли*, т. е. всякая добавка энергіи отъ нея обезсилѣвшимъ состояніямъ, не можетъ поднять ихъ до сознаванія и они забываются совершенно, превращаясь въ безсознательныя состоянія.

Естественно являются вопросы, откуда происходитъ это безсиліе, почему оно постигаетъ не всѣ состоянія въ одинаковой степени.

Первый вопросъ въ иной формѣ можетъ быть поставленъ такъ: почему разнообразныя состоянія души, когда либо возбудившіяся въ ней, не сохраняютъ своей первоначальной энергіи, но неизбѣжно теряютъ большую часть ея, хотя и продолжаются въ душѣ. На это можно сказать, что таковъ фактъ, что онъ цѣлесообразенъ. Если бы всякое состояніе, разъ пробудившись въ душѣ, не уменьшалось въ своей силѣ, то скоро по рожденіи всѣ духовныя силы субъекта были бы затрачены на наличныя состоянія и дальнѣйшая дѣятельность души была бы не возможна. Забываніе, т. е. обезсиленіе состояній, дозволяетъ ей сосредоточиваться на интересующемъ и занимающемъ ее и освобождаться отъ неинтереснаго и ненадобнаго ей въ наличный моментъ. Сохраненіе всѣхъ состояній въ одинаковой значительной степени энергіи дѣлало бы не возможнымъ и самосознаніе. Реальную

причину потери энергіи въ состояніяхъ слѣдуетъ искать, конечно, въ ограниченности нашихъ духовныхъ силъ и вытекающій отсюда необходимости сосредоточенія ихъ лишь на необходимомъ и потребномъ для души въ наличную минуту.

Но почему обезсиленіе постигаетъ не всѣ состоянія въ одинаковой степени и чѣмъ объяснить въ свое время упомянутыя нами капризы забыванія. Повидимому, можно бы было отвѣчать, что причина того заключается въ энергіи и силѣ, съ какою возбуждаются въ первый разъ состоянія въ душѣ, слѣдовательно, въ энергіи и силѣ впечатлѣній, дѣйствующихъ на нее: первоначально сильнѣйшее состояніе имѣетъ всѣ шансы долго сохранить свою энергію и менѣе забыться, чѣмъ слабѣйшее. Но этимъ отвѣтомъ удовлетвориться нельзя. Чѣмъ же объяснить, что мы скоро забываемъ громъ и помнимъ всю жизнь слова, сказанныя шепотомъ, не помнимъ ослѣпительнаго свѣта, а не забываемъ скромной, но дорогой намъ фигуры лица, помнимъ мимоходомъ сказанное слово, а забываемъ блестящія громкія ораторскія рѣчи? Тѣмъ, что громкими рѣчами и блескомъ мы не интересуемся и потому ихъ забываемъ, а шепотомъ, словомъ, лицомъ интересуемся и потому помнимъ. Но что же это значитъ? Не то ли, что память легко хранитъ все интересующее насъ и забываетъ не интересное и не нужное, что на одно воспоминанія есть серіозный спросъ и потребность въ душѣ, на другія нѣтъ. Въ главѣ о волѣ мы возвратимся къ этому предмету снова, теперь же скажемъ, что объясненія, почему одинъ субъектъ помнитъ хорошо одни факты, другой—другіе, почему одинъ легко собираетъ въ памяти свѣдѣнія по интересующему его вопросу, другой этихъ свѣдѣній удержать у себя не можетъ, почему мы одно помнимъ твердо, другое исчезаетъ легко у насъ изъ памяти, слѣдуетъ искать въ хотѣніяхъ, влеченіяхъ и стремленіяхъ, составляющихъ натуру каждаго человѣка. Смотря по силѣ ихъ, воля безсознательно для насъ переноситъ энергію на потребныя для нея состоянія, интересовавшія ее такъ или иначе, или интересующія и лишаетъ своей энергіи состоянія, ей ненужныя. Потому что на первыя есть спросъ въ душѣ, т. е. существуетъ хотѣніе ихъ, они возбуждаются несравненно энергичнѣй, чѣмъ такія, въ которыхъ потребности нѣтъ. Этимъ мы объяснимъ себѣ, почему воспоминанія такъ бываютъ индивидуальны у каждаго, почему каждый имѣетъ память спеціально способную на какой либо родъ фактовъ, почему изъ массы пережитыхъ

состояній воспоминается только болѣе или менѣе интересовавшія насъ. Первоначальная энергія состоянія имѣетъ вліяніе на меньшую забываемость его сравнительно съ первоначально слабѣйшимъ. Но различіе и въ первоначальной энергіи состояній существенно зависитъ отъ того, въ какой степени каждое изъ нихъ требовалось душою, хотѣлось ею. Первыя впечатлѣнія дѣтства глубоко удовлетворяли нашимъ хотѣніямъ и влеченіямъ — личнымъ, соціальнымъ; въ дѣтствѣ мы жадно ловили впечатлѣнія и при огромной потребности въ нихъ переживали ихъ съ особою силою. Оттого состоянія, пережитыя въ дѣтствѣ, сохраняются до глубокой старости, т. е. сохраняютъ свою энергію на столько, что легко вызываются волею къ сознанію, между тѣмъ какъ, утомленная (ослабѣвшая въ стремленіяхъ) и почти насыщенная обыденными житейскими впечатлѣніями, душа старца ничего не помнитъ изъ своей вседневной жизни. Она мало его интересуетъ, т. е. не великъ у него спросъ на нее, мало глубоки впечатлѣнія, малосильны состоянія, при первомъ своемъ возбужденіи, и потому совсѣмъ забываются.

Надѣемся, что противъ нашего взгляда не будетъ приведенъ, какъ возраженіе, фактъ, что многое воспоминается иногда противъ воли: преступнику представляются подробности преступленія, хотя онъ старается подавить воспоминаніе о нихъ, напѣвается въ умѣ арія иногда до того, что надоѣдаетъ, потеря вертится на умѣ, хотя субъектъ желалъ бы позабыть ее. Мы думаемъ, что всѣ эти факты совершенно аналогичны тому, какъ субъектъ одного желаетъ, а другое дѣлаетъ, или часто дѣлаетъ то, чего не желаетъ и т. под. Если духовная жизнь исчерпывается областію сознанія, и за нею нѣтъ никакой безсознательной области, то упомянутые факты необъяснимы. Но невозможно не допускать, что сознательная жизнь есть небольшая только часть жизни индивидуума и что основаніемъ и почвою для нея служитъ обширнѣйшая безсознательная область. Какъ мы докажемъ ниже, помимо сознательныхъ желаній и хотѣній, есть множество безсознательныхъ влеченій и стремленій, только случайно становящихся иногда сознательными. Поэтому возможны случаи, что одно дѣйствіе требуется сознательною волею и совсѣмъ другое—безсознательною, такъ какъ хотѣнія послѣдней часто глубже желаній первой, то будутъ исполняться хотѣнія, а не желанія. И относительно недобровольныхъ воспоминаній слѣдуетъ замѣтить, что они могутъ казаться невольными только для сознательной воли, тогда какъ они требуются безсознательною. Этимъ объяс-

няются тѣ случаи, когда человѣкъ въ сознаніи борется съ безнравственными или пошлыми представленіями и воспоминаніями. Другіе случаи, наприм. невольныя грустныя воспоминанія, не произвольное воспроизведеніе подробностей преступленія, объясняются также изъ вліянія возбужденной воли, но съ участіемъ еще чувства грусти и горестнаго раскаянія въ прошломъ. Въ основѣ чувствъ, какъ это мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, находятся тоже волевыя возбужденія, хотѣнія и стремленія безсознательной воли, и отъ нихъ идетъ энергія, поддерживающая представленія на уровнѣ сознанія. Сознательная воля можетъ не желать ихъ, противиться имъ, но побѣда, по крайней мѣрѣ, въ теченіи нѣкотораго времени, остается за безсознательною.

Объясненіе фактовъ сокращенія ассоціацій, достоинствъ и недостатковъ памяти и значенія повторенія.

Мы должны теперь объяснить, въ чемъ должно полагать сущность процесса измѣненія въ ассоціаціяхъ, какъ смотрѣть съ нашей точки зрѣнія на достоинства и недостатки памяти и выяснить значеніе повторенія состояній для воспоминанія. Говоря объ этихъ предметахъ выше, мы ограничивались лишь фактами и излагали ихъ съ обще принятой точки зрѣнія на память, какъ на способность, усвоивающую себѣ представленія состояній. Такъ какъ указанные факты могутъ казаться говорящими противъ нашего взгляда, то мы должны нѣсколько заняться ими.

Прежде всего, что касается вообще до измѣненій въ ассоціаціяхъ, то одни изъ нихъ легко объясняются при нашемъ взглядѣ, напримѣръ, осложненіе, образованіе неразрывныхъ ассоціацій и о нихъ нѣтъ надобности толковать болѣе. Но сокращеніе ихъ, разложеніе или дисассоціація могутъ приводиться даже какъ доказательства противъ насъ. Всякое, разъ возбужденное въ душѣ состояніе, продолжается въ ней, слѣдовательно, казалось бы невозможно, чтобы порядокъ и численность состояній подлежали сокращенію, еще менѣе возможно, чтобы они могли разъединяться, какъ это предполагается фактомъ дисассоціаціи. Однако, мы утверждаемъ снова, что ни одно состояніе въ душѣ не исчезаетъ, никакого разъединенія въ состояніяхъ быть не можетъ. Только для сознанія можетъ казаться, что изъ нихъ одни исчезаютъ, другія разъединяются. Созна-

тельное воспоминаніе возможно, только когда обезсилѣвшее состояніе возвратитъ часть своей потерянной энергіи, что дѣлаетъ въ большинствѣ случаевъ наша воля. Она можетъ съ разною быстротою и силою оживлять состоянія, сосредоточиваться на болѣе для нея интересномъ въ ряду ихъ, такъ сказать, скользить по мало интересному, или даже ради сбереженія энергіи останавливаться только на крайнихъ звеньяхъ ряда, минуя или поверхностно оживляя промежуточныя. Послѣ неоднократнаго подобнаго дѣйствованія воли можетъ въ ней самой образоваться привычка оживлять въ ряду воспоминаній только нѣкоторыя звенья; съ другой стороны, оживлявшіяся состоянія должны получать въ отношеніи своей энергіи перевѣсъ предъ неоживлявшимися, такъ какъ послѣднія остаются при одной и той же степени ея или даже теряютъ ее отъ времени, между тѣмъ какъ первыя, нѣсколько разъ воспоминавшіяся, могли пріобрѣсть нѣкоторую новую часть ея. Рядъ воспоминаній, при такихъ условіяхъ, долженъ становиться короче и слѣдовательно, обнаружится сокращеніе ассоціаціи. Что дѣйствительно въ ней повинна бываетъ часто воля, это доказывается фактами: наприм. взглядъ на книгу шевелитъ чувство, потому что она подарена на память другомъ, но послѣдняго я не припоминаю. Почему? не потому, что я забылъ его и его даръ, а потому, что при взглядѣ на книгу, торопился перейти на конечное звено—чувство дружбы: будь времени больше, или охоты заниматься воспоминаніями, я припомнилъ бы и имя друга и обстоятельства, при которыхъ онъ подарилъ мнѣ книгу. Въ этомъ случаѣ, сокращеніе ассоціаціи получается отъ торопливости воли, или ея небрежности. Но оно можетъ быть и не произвольнымъ и зависѣть отъ не одинаковой первоначальной энергіи разныхъ состояній, пережитыхъ смежно, или послѣдовательно. Это несомнѣнно, что въ ряду переживаемыхъ состояній не всѣ имѣютъ одну и туже степень энергіи, уже потому одному, что не на всѣхъ сосредоточивается одинаково вниманіе, не всѣ затрогиваютъ чувство, имѣютъ отношеніе къ нашему лицу, т. е. интересъ для насъ. Но забываясь, каждое изъ нихъ теряетъ одинаковую долю энергіи и значитъ, послѣдствія забвенія должны быть различны, смотря потому, какъ велика была первоначальная энергія каждаго. Наиболѣе энергичныя состоянія будутъ всегда относительно сильнѣй первоначально слабѣйшихъ и тогда какъ для первыхъ требуется малое усиліе воли, чтобы ихъ довести до сознанія, для вто-

рыхъ нужно большое усиліе со стороны ея, или даже всѣ усилія оживить ихъ будутъ безплодны. Послѣднія вновь сознаваться не будутъ, а первыя, сознаваясь при воспоминаніи, съ каждымъ разомъ будутъ усиливаться относительно и слѣдовательно, легко припоминаться. И этимъ путемъ можетъ образоваться сокращеніе ряда воспоминаній. Припоминая длинный и сложный рядъ представленій, мы одни изъ нихъ, поинтереснѣй, воспроизводимъ легко, другія съ усиліемъ, третьи смутно· проходить нѣсколько времени, третьи перестаютъ вспоминаться, вторыя приходятъ на память смутно, а первыя также легко помнятся, какъ и прежде; еще проходитъ время и остаются для сознанія доступны только первыя. Это обыкновенная исторія съ нашими сложными знаніями.

Подобнымъ образомъ мы объясняемъ и фактъ, такъ называемой, дисассоціаціи. Подъ нимъ подразумѣвается или то, что два воспроизводившіяся для сознанія состоянія перестаютъ вспоминаться, или что одно воспроизводится, но съ теченіемъ времени перестаетъ вызывать другое. Первое явленіе объясняется тѣмъ, что оба состоянія слишкомъ много потеряли энергіи и потому не могутъ быть оживлены до степени сознаваемости. Второе—можетъ быть объяснено тѣмъ, что первоначально два состоянія имѣли разныя степени энергіи и потому, послѣ равной потери ея, одно еще можетъ быть доводимо до сознанія, другое нѣтъ. Мнѣ представляли разныхъ лицъ и называли ихъ имена: одни имѣютъ незамѣчательную фигуру и громкое извѣстное имя, другія обыкновенную часто встрѣчающуюся фамилію и замѣчательно красивую или безобразную наружность; затѣмъ, прошло нѣсколько времени и оба впечатлѣнія потеряли по равной части энергіи; впечатлѣніе отъ незамѣчательной фигуры уже не можетъ быть усилено до сознаваемости, такъ какъ оно было слабо первоначально, но имя можетъ, и потому оно помнится, а первое забывается; во второмъ случаѣ, по такой же причинѣ, я помню впечатлѣніе отъ фигуры, а забываю имя.

Существованіе экстенсивныхъ и интенсивныхъ достоинствъ и недостатковъ памяти получаетъ съ нашей точки зрѣнія слѣдующій смыслъ. Несомнѣнно, что разные субъекты имѣютъ не одинаковой энергіи волю: болѣе сильная воля способнѣе подчинять себѣ всѣ остальныя дѣятельности души, чѣмъ слабая. Затѣмъ, мы также считаемъ несомнѣннымъ, что у разныхъ субъектовъ пережитыя состоянія въ весьма неодинаковой степени теряютъ энергію, т. е. у одного забытое состояніе бываетъ менѣе

слабо, чѣмъ у другого. И наконецъ, первоначальная энергія переживаемыхъ состояній, даже когда они сознаются, бываетъ далеко неодинаковая. Съ помощію этихъ трехъ положеній мы въ состояніи объяснить себѣ всѣ разновидности памяти.

Названія „обширная и узкая память“ образовались въ предположеніи, что память есть какъ будто своего рода вмѣстилище для духовныхъ пріобрѣтеній и что размѣры его могутъ быть различны у людей. Такъ какъ мы предполагаемъ, что каждое состояніе продолжается въ душѣ, то, при равныхъ условіяхъ и равномъ количествѣ впечатлѣній, разные индивидуумы должны имѣть одинаковое количество состояній и въ этомъ отношеніи не можетъ быть ни широкой, ни узкой памяти. Конечно, отъ разной обширности опыта, чтенія, размышленія можетъ скопляться у лицъ неодинаковая сумма знаній и въ этомъ необходимо видѣть отчасти причину факта, что у людей обнаруживается неодинаковая обширность свѣдѣній, и повидимому, памяти. Но насъ занимаетъ преимущественно то явленіе, что при равныхъ обстоятельствахъ разные субъекты обнаруживаютъ не одинаковую обширность памяти. Мнѣ кажется, что этотъ фактъ происходитъ отъ различія энергіи воли. Объ узости или обширности памяти мы узнаемъ изъ обширности или малости воспоминаній, къ которымъ субъекты способны, слѣдовательно, заключаемъ изъ того, въ какой степени они располагаютъ своими пріобрѣтенными познаніями и вообще пережитыми состояніями; богатство или бѣдность памяти, въ сущности, означаютъ размѣры способности оживлять бывшія состоянія. Такъ какъ оживленіе это дѣлается преимущественно усиліями намѣренной воли, то богатство или бѣдность памяти могутъ происходить или отъ неравенства энергіи воли, слѣдовательно, ея способности подчинять себѣ состоянія и добавлять ихъ силу до степени сознаваемости, или отъ неодинаковой у разныхъ субъектовъ потери энергіи пережитыхъ состояній: субъектъ, у котораго они теряютъ при забвеніи много силы, даже если бы онъ обладалъ энергіей воли, равною съ другимъ субъектомъ, но у котораго потеря силы пережитыхъ состояній, при выходѣ изъ сознанія, бываетъ меньшая, будетъ менѣе способенъ оживлять прошлыя состоянія и будетъ располагать меньшимъ количествомъ ихъ, чѣмъ второй субъектъ. Память перваго будетъ казаться бѣднѣе, чѣмъ послѣдняго.

Воспріимчивость памяти означаетъ, конечно, не то, что она съ легкостію усвояетъ себѣ содержаніе, равно какъ и вѣрность

ея не можетъ означать того, что она неизмѣнно сохраняетъ состоянія въ томъ видѣ, въ какомъ получала ихъ. О воспріимчивости памяти мы узнаемъ изъ того, что человѣкъ, немного трудившійся надъ усвоеніемъ знанія, потомъ легко передаетъ его, т. е. воспоминаетъ, и о точности мы узнаемъ, что человѣкъ передаетъ знаніе такъ, какъ онъ усвоилъ его себѣ, слѣдовательно, объ этихъ обоихъ качествахъ мы знаемъ изъ способа воспоминанія. Первый фактъ можетъ происходить отъ особой энергіи воли, легко овладѣвающей пережитыми состояніями и дополняющей ихъ энергію, и съ другой стороны, можетъ зависѣть отъ малой потери энергіи въ состояніяхъ, когда они перестаютъ сознаваться, отчего воля легко ихъ снова оживляетъ. Слѣдовательно, сильная воспріимчивость памяти можетъ быть у сильнаго энергичнаго характера, т. е. воли, подчиняющей, себѣ все душевное содержаніе, и можетъ быть у обыкновеннаго характера, но у котораго вышеозначенная потеря бываетъ небольшая.

Не точность воспоминаній можетъ происходить отъ неравной первоначальной силы переживаемыхъ состояній, что бываетъ слѣдствіемъ неравномѣрности вниманія, или интереса къ усвоиваемому содержанію. Переставъ сознаваться, рядъ такихъ состояній потеряетъ энергію, но менѣе сильныя будутъ ослаблены болѣе, чѣмъ первоначально болѣе сильныя и слѣдоват. тогда какъ послѣднія припомнятся, первыя останутся несознаваемыми. Субъектъ такимъ образомъ воспроизведетъ, напримѣръ, знаніе не вполнѣ, съ пробѣлами, будетъ восполнять ихъ уже догадками и воображеніемъ, что и есть источникъ не точныхъ воспоминаній. Такъ какъ неравенство въ первоначальной силѣ состояній можетъ варіироваться у разныхъ людей и даже у одного и того же человѣка, то понятно, что могутъ быть разные размѣры точности воспоминаній у разныхъ людей и даже у одного и того же лица, смотря потому, какъ оно первоначально переживало состоянія.

Наконецъ, быстрота воспоминанія можетъ происходить и отъ большой энергіи воли, быстро оживляющей своею силою пережитыя состоянія, и отъ малой потери энергіи ихъ, при выступленіи изъ сознанія, вслѣдствіе чего воля легко ихъ оживляетъ. Оба эти условія могутъ тоже видоизмѣняться у субъектовъ и понятно отсюда различіе въ быстротѣ воспоминаній разныхъ лицъ. Любопытно, что быстрота памяти объясняется тѣми же причинами, какъ и воспріимчивость, и отъ этого происходитъ,

въ своемъ мѣстѣ подмѣченное нами, явленіе, что оба качества памяти обыкновенно встрѣчаются вмѣстѣ.

Скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какой процессъ происходитъ, когда чрезъ повтореніе укрѣпляется знаніе. Мы уже говорили, что неоднократное повтореніе укрѣпляетъ въ памяти знанія, не только тѣ, которыя мы желали бы усвоить себѣ, но и такія, которыхъ обладанію мы не придаемъ значенія. Съ нашей точки зрѣнія невозможно утверждать, что повтореніе представленій укрѣпляетъ ихъ въ душѣ: всякое состояніе и безъ того не исчезаетъ изъ нея. Процессъ, происходящій при этомъ, можетъ быть объясненъ однимъ изъ вышеприведенныхъ положеній. Забытыя, т. е. не сознаваемыя состоянія, не всѣ имѣютъ одинаковую степень безсилія: существуетъ глубокое и глубочайшее забвеніе и, судя вообще по степенямъ его, различныя состоянія, сходясь между собою въ томъ, что, переставая сознаваться, теряютъ большую часть своей энергіи, теряютъ ее въ различной мѣрѣ. Они могутъ, однако, постепенно увеличивать свою энергію чрезъ повтореніе, т. е. повторяясь и забываясь, они будутъ съ каждымъ разомъ менѣе забываться и наконецъ, могутъ достигать столь высокой степени энергіи, что малое усиліе воли легко дополнить силу ихъ до степени сознаваемости. Такимъ образомъ даже не интересныя вещи, но постоянно напоминаемыя, могутъ достигнуть, какъ представленія, такой силы, что будутъ припоминаться наравнѣ съ самыми точными интересными знаніями. Повтореніе устраняетъ невыгодныя послѣдствія неравенства первоначальной энергіи состояній, сказывающіяся, какъ мы сказали выше, не точностію памяти: оно доводитъ относительно слабыя изъ нихъ до той степени силы, при которой они не могутъ глубоко забываться и легко дополняются до сознаваемости наравнѣ съ первоначально сильными. Поэтому точность знаній является изъ неоднократнаго повторенія ихъ и люди, у которыхъ переживаемыя состоянія, переставая сознаваться, слишкомъ обезсиливаются и глубоко забываются, инстинктивно ищутъ въ повтореніи средства пріобрѣсть точныя воспоминанія.

Представленія съ нашей точки зрѣнія на память.

Намъ остается выяснить значеніе нашего предположенія для ученія о представленіяхъ. Если воспоминаніе основывается на

продолженіи состояній въ душѣ и самое воспоминаніе есть только возобновленіе части прежней энергіи состоянія, то спрашивается, какой же смыслъ имѣютъ, такъ называемыя, представленія? Очевидно, ихъ нельзя признавать образами, или копіями пережитыхъ состояній. Что же они такое?

Весьма часто мы именуемъ представленіемъ состояніе, только возобновляющее свою энергію: напримѣръ, что мы называемъ представленіями зеленаго и краснаго цвѣтовъ, тона, соленаго или сладкаго вкусовъ, шероховатости, гладкости, хотѣнія и желанія, волненій страха, гнѣва и всякихъ чувствованій, то въ основѣ своей есть не идеи ихъ, а самыя ощущенія, хотѣнія и чувствованія, только возвратившія нѣкоторую долю энергіи и потому вновь сознаваемыя. Но къ нимъ могутъ присоединяться еще различные акты и результаты нашей рефлексіи: напримѣръ, актовъ сравниванія, сопоставленія, обобщенія. Первичныя состоянія служатъ поводомъ для вторичной дѣятельности духа, для новыхъ актовъ и состояній. Собственно говоря, нѣтъ ни одного состоянія, которое было бы чисто отъ прибавокъ и дополненій со стороны субъекта. Въ зрѣломъ возрастѣ ни одно ощущеніе не совершается безъ одновременнаго возбужденія рефлексіи. Въ томъ, что мы видимъ, только стороны цвѣта и фигуры принадлежатъ ощущенію, но что видимое нами есть предметъ, такого то рода, подобный или различный отъ другого — этого мы не видимъ, это есть рефлективная добавка, образовавшаяся при этомъ же ощущеніи, или сдѣланная прежде, но въ данномъ случаѣ воспроизведенная. Сочетаніе ощущеній съ рефлективными добавленіями начинается въ раннемъ возрастѣ; по закону смежности, вслѣдствіе частаго повторенія, они образуютъ одно неразрывное цѣлое, что обыкновенно мы и называемъ представленіемъ. Оно подлежитъ также общему закону потери и возстановленія энергіи: можетъ терять ее и забываться, можетъ возстановлять ее и припоминаться.

Какъ состояніе или актъ души, оно продолжается въ ней вѣчно и отличается отъ простыхъ первичныхъ состояній тѣмъ, что въ немъ къ первичному состоянію всегда присоединяется еще рефлективная прибавка. Положимъ, мы беремъ представленіе краснаго цвѣта: какъ абстрактное, оно признается продуктомъ рефлексіи, но оно не совсѣмъ рефлективнаго происхожденія: основа его есть ощущеніе красной поверхности и это ощущеніе всякій разъ восходитъ къ сознанію, какъ скоро мы предста-

вляемъ красный цвѣтъ, но къ ощущенію въ этомъ случаѣ присоединяются еще рефлективныя мысли о признакѣ, цвѣтѣ, какъ общемъ родѣ, какъ самостоятельномъ цѣломъ и т. п.

Что мы называемъ представленіемъ — это есть весьма сложное сочетаніе рефлективныхъ актовъ съ различными другими состояніями. Въ представленіяхъ предметовъ сочетаваются ощущенія съ рефлективными мыслями о цѣломъ, родѣ или видѣ, подобіи и сходствѣ, величинѣ и т. под. Въ представленіяхъ качествъ, свойствъ, дѣятельностей тоже соединяются ощущенія съ рефлективными общими мыслями. Въ понятіяхъ о душевныхъ состояніяхъ даются какъ рефлективныя состоянія, возбужденныя сравниваніемъ послѣднихъ, такъ и самыя душевныя состоянія, нами испытанныя. Поэтому психологи ошибаются, считая представленія совершенно новымъ актомъ, или состояніемъ души, остающимся въ ней послѣ первичнаго состоянія (напр. ощущенія); въ немъ всегда есть самое то состояніе, котораго оно представленіе, новое же въ немъ берется отъ рефлексіи и оно есть слѣдствіе сравниванія и сопоставленія первичнаго состоянія съ другими.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ГЛАВА I.

Рефлексія.

И такъ память означаетъ собственно неопредѣленное продолженіе состояній, разъ начавшихся въ душѣ, и воспоминаніе тотъ фактъ, что состояніе, потерявшее значительную долю своей энергіи и потому переставшее сознаваться, можетъ по временамъ, подъ вліяніемъ воли и другихъ обстоятельствъ, снова дѣлаться энергичнымъ и сознаваться. Если бы душа ограничилась такимъ собираніемъ различныхъ состояній, то она затерялась бы въ хаосѣ ихъ, не опозналась бы въ нихъ, а главное, она имѣла бы множество субъективныхъ состояній и никакого дальнѣйшаго результата: изъ этихъ состояній не могло бы явиться то, что мы

называемъ предметнымъ знаніемъ. Но—это есть одна изъ характерныхъ особенностей души—она не только имѣетъ состоянія, но и возбуждается ими къ новымъ актамъ дѣятельности. Состоянія сравниваются и сопоставляются, по поводу ихъ являются мысли о подобіи, сходствѣ или противоположности, соотносимости, взаимной связи ихъ и т. д. Къ нѣкоторымъ группамъ состояній присоединяется мысль о болѣе, чѣмъ субъективномъ, значеніи ихъ, о внѣшней причинѣ, ихъ возбуждающей и имъ соотвѣтствующей. Различныя мысли въ свою очередь возбуждаютъ новыя и т. д. На основѣ первоначальныхъ ощущеній нараждается цѣлый новый міръ состояній, имѣющій своимъ назначеніемъ познаніе сущаго. Это есть дѣятельность рефлексіи, къ анализу которой мы теперь и обратимся.

Названія мыслительной дѣятельности.

Прежде всего сдѣлаемъ замѣчанія о названіяхъ рефлексіи. Одни изъ нихъ обозначаютъ ее какъ дѣятельность, другія именуютъ ее собственно какъ способность къ извѣстной характерной работѣ. Въ первомъ смыслѣ, мыслительная дѣятельность называется рефлексіей, мышленіемъ. Способность, изъ напряженія которой она возникаетъ, именуется разсудкомъ, умомъ, разумомъ. Остановимся нѣсколько на этихъ названіяхъ.

Рефлексія, отъ reflecto — отражать, собственно значитъ отраженіе. Это названіе умственной дѣятельности возникло по аналогіи: мысль уподоблена отраженному свѣту. Различаются свѣтъ прямой, первоначальный, наприм. отъ солнца, и отраженный, наприм. отъ луны. Подобно явленіямъ свѣта, и знаніе бываетъ первоначальнымъ или вторичнымъ. Предполагается, что знаніе, исходящее отъ ощущеній, есть первональное; возникающее потомъ, на основаніи ощущеній, есть знаніе вторичное, по значенію своему столь же второстепенное и зависимое, какъ не самостоятеленъ свѣтъ отраженный. Значитъ, имя рефлексія обозначаетъ дѣятельность, создающую знаніе вторичнаго характера.

Названіе „мышленіе“ есть имя самой дѣятельности, которая стремится къ познанію предметовъ. Оно производитъ мысли, ставитъ ихъ въ разнообразныя отношенія и образуетъ изъ нихъ сложное цѣлое. Оно называется логическимъ, по скольку въ

своей дѣятельности сознательно слѣдуетъ логическимъ законамъ и правиламъ, составляющимъ condicio sine qua non достовѣрность познанія.

Слово „разсудокъ“ есть названіе общепринятое лишь для одной изъ сторонъ умственной дѣятельности, той, которая преимущественно судитъ о предметахъ познанія; мы разсуждаемъ, т. е. приводимъ въ порядокъ, разбираемъ свои мысли, каждому предмету какъ бы отдаемъ должное, что принадлежитъ ему въ дѣйствительности. Слѣдовательно, упомянутый терминъ есть названіе главнѣйше для аналитической дѣятельности ума. Даже и въ томъ случаѣ, если не ограничиваться такимъ толкованіемъ разбираемаго названія, а принять кантовское, именно, что разсудокъ есть способность, образующая правила, которыя прилагаются нами въ возможномъ опытѣ, то и въ этомъ случаѣ означенное имя будетъ лишь односторонне обозначать рефлективную дѣятельность, лишь ту, которая обращена къ одному опыту *).

„Умъ, разумъ“ древнѣйшіе термины, давно уже установившіеся въ наукѣ. Введенный первоначально въ Философіи, въ качествѣ перводвижущей причины, еще Анаксагоромъ, терминъ „умъ“ получилъ со времени Платона и Аристотеля право гражданства въ Психологіи. Для обоихъ этихъ философовъ умъ обозначалъ высшую теоретическую дѣятельность души, обращенную къ созерцанію вѣчнаго и неизмѣннаго бытія, т. е. идей (у Платона), или вѣчныхъ неизмѣнныхъ принциповъ всякого познанія (у Аристотеля). У латинскихъ переводчиковъ νοῦς Аристотеля превратился въ intellectus „разумъ“ и это послѣднее имя утвердилось въ наукѣ со времени Альберта В. и Ѳомы Аквината. Въ нашемъ столѣтіи ему данъ былъ ходъ Кантомъ въ его „Критикахъ“. По нему, разумъ вообще есть способность принциповъ, теоретическій — принциповъ, руководящихъ разсудкомъ при опытѣ, практическій — формальныхъ принциповъ нравственности. Какъ по Аристотелю умъ, такъ по Канту разумъ, обозначаетъ самую высшую, слѣдовательно, благороднѣйшую и, по своему значенію, важнѣйшую сторону духовной дѣятельности. По этому разумъ всегда признавался за главное и существенное отличіе человѣка отъ животныхъ.

---

*) Такое значеніе односторонней и средней способности между мнѣніемъ и высшимъ умомъ имѣло διάνοια у Платона (она познаетъ математическій міръ) и у Плотина, новоплатоновца.

Говоря о познавательной дѣятельности человѣка, мы будемъ всего чаще называть ее рефлексіей. Названіе „разумъ“, по установившемуся словоупотребленію, обозначаетъ лишь одну высшую дѣятельность познанія, образующую принципы; равно, подъ разсудкомъ подразумѣвается преимущественно аналитическая умственная дѣятельность; мышленіе, какъ терминъ логическій неудобенъ для насъ здѣсь, гдѣ мы желаемъ анализировать эту дѣятельность не съ логической, а психологической точки зрѣнія. Всѣ указанныя названія болѣе или менѣе односторонне обозначаютъ предметъ нашего изученія. Поэтому теперь мы отдаемъ предпочтеніе термину „рефлексія“, потому что онъ именуетъ дѣятельность умственную, какихъ бы высотъ созерцанія она не достигала; но потомъ, окончивъ анализъ рефлексіи и воображенія, мы найдемъ основанія принять терминъ „разумъ“, только въ обширномъ смыслѣ.

Роды дѣятельности рефлексіи.

Въ какихъ же дѣйствіяхъ рефлексія обнаруживаетъ свою дѣятельность? Въ 1-хъ, она образуетъ представленія, 2) образуетъ абстракты, 3) отожествляетъ, уподобляетъ ихъ и вообще психическія состоянія, 4) ставитъ умственные продукты въ различныя соотношенія и разъединяетъ ихъ и наконецъ 5) разчленяетъ общее на частное, цѣлое на части.

Образованіе представленій.

И такъ первая функція рефлексіи состоитъ въ томъ, что она образуетъ представленія.

Вопроса о представленіяхъ мы касались выше и замѣтили, что въ нихъ основою служатъ постоянно продолжающіяся состоянія въ душѣ. Къ нимъ присоединяются еще рефлективные элементы, которые и образуютъ изъ многихъ состояній, наприм. ощущеній, то, что̀ мы называемъ въ собственномъ смыслѣ представленіемъ. Мы постараемся теперь разъяснить нашу мысль.

Что такое представленіе и что въ немъ новаго, сравнительно съ состояніями, изъ которыхъ оно возникаетъ? Удовольствоваться такимъ опредѣленіемъ его, что оно есть образъ предмета, оставшійся послѣ его наблюденія, невозможно: оно еще идетъ до нѣкоторой

степени къ представленіямъ, возникшимъ изъ зрительныхъ ощущеній, но будетъ невѣрно и неясно относительно возникшихъ изъ слуховыхъ, вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущеній; какой, далѣе, оно будетъ имѣть смыслъ относительно представленій волненій, хотѣній и т. под. И даже въ зрительныхъ представленіяхъ что̀ собственно значитъ образъ предмета: всякій образъ исходитъ изъ ощущеній зрѣнія и образъ предмета не можетъ означать чего либо иного, какъ слѣдъ отъ зрительныхъ ощущеній. Но слѣдъ, какъ и всякого рода слѣды отъ психическихъ состояній, имѣетъ лишь тотъ смыслъ, что онъ есть продолжающееся состояніе, только потерявшее значительную долю своей энергіи. Если зрительное представленіе легко принять за образъ предмета, то это потому, что большая часть его содержанія составляютъ продолжающіяся зрительныя ощущенія, служащія основой ему. Въ упомянутомъ опредѣленіи указывается только одна важная для насъ черта, которая можетъ навести на разрѣшеніе занимающаго насъ вопроса.

Именно, опредѣленіе говоритъ, что представленіе есть образъ *предмета,* оставшійся въ насъ послѣ его наблюденія. Дѣйствительно, представленіе всегда говоритъ намъ о предметѣ, относится къ какому либо предмету. Онъ можетъ быть реальною дѣйствительною вещію и можетъ быть только мыслимою: но чего бы ни касалось представленіе —дѣйствительно сущихъ субстанцій, свойствъ, качествъ, дѣятельностей, или воображаемыхъ вещей, во всѣхъ случаяхъ представленіе трактуетъ ихъ какъ предметъ, т. е. когда мы представляемъ ихъ себѣ, то относимся, какъ къ предметамъ. Это значитъ, что, во первыхъ, мы содержаніе представленія отдаляемъ отъ себя, противополагаемъ себѣ, разсматриваемъ его какъ объектъ, могущій принимать различныя опредѣленія и характеризоваться различными чертами; во вторыхъ, мы разсматриваемъ предметъ представленія какъ цѣлое, само по себѣ, какъ будто самостоятельное сущее, — и этотъ взглядъ распространяемъ не только на предметы общаго характера, конечно, нигдѣ, кромѣ нашего ума не существующіе, но и на свойства, дѣятельности, представляемыя абстрактно.

Этотъ фактъ, что въ представленіи мы мыслимъ предметъ, какъ цѣлое, и ставимъ его предъ собою какъ бы въ отдаленіи, есть нѣчто новое, своего рода плюсъ, невыяснимый изъ однихъ ощущеній. Послѣднія сами по себѣ суть субъективныя наши

состоянія и могутъ свидѣтельствовать только о происходящемъ въ насъ, о томъ, что дѣлается съ нами, никакъ не о видимыхъ предметахъ. Притомъ, извѣстно, что предмета, какъ чего-либо цѣлаго, мы не видимъ, не слышимъ, не обоняемъ, не осязаемъ: ощущенія отрывочны, идутъ отъ частей предмета, даются въ разное время, слѣдовательно, вещь, какъ цѣлое, недоступна для ощущенія и на основаніи его одного не могла бы познаваться какъ предметъ. Этотъ плюсъ въ познаніи противъ ощущеній, служащихъ ему основой, исходитъ отъ рефлексіи. Она сопровождаетъ ихъ мыслію о цѣломъ, какъ причинѣ ихъ, и объединяя ихъ въ цѣлостномъ единствѣ, противопоставляетъ себѣ, какъ нѣчто независимое и по себѣ существующее, какъ предметъ. Такъ она поступаетъ со всякимъ содержаніемъ, надъ которымъ приходится ей работать, даже и съ тѣмъ, которое она сама добываетъ, наприм. съ качествами и свойствами, открываемыми рефлективнымъ путемъ.

Посему, даже и, такъ называемыя, конкретныя представленія мы считаемъ продуктомъ рефлексіи. По нашему взгляду, въ нихъ основы суть ощущенія, непрерывно продолжающіяся въ душѣ послѣ впечатлѣній отъ предметовъ: но что́ дѣлаетъ ихъ ассоціацію представленіемъ, такъ это мысль о ихъ цѣлостномъ единствѣ, ихъ предметномъ значеніи. Представленіе и начинается въ моментъ, когда группа ощущеній, до того бывшая только собраніемъ субъективныхъ состояній, начинаетъ казаться субъекту чѣмъ то предметнымъ, внѣшнимъ для него. Конкретныя представленія суть только начало рефлективной работы, за которымъ слѣдуетъ разнообразная дальнѣйшая дѣятельность: съ нею мы ознакомимся въ послѣдствіи.

Отожествленіе, уподобленіе и различеніе.

Вторая функція рефлексіи состоитъ въ признаніи тожества, сходства и различія между психическими состояніями, представленіями и вообще умственными продуктами.

Одинъ и тотъ же предметъ многократно дѣйствуетъ на душу въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ и при различныхъ обстоятельствахъ. Каждый разъ возбуждаются имъ ощущенія и мысль о немъ, какъ предметѣ, слѣдовательно, представленіе. Такъ какъ состоянія въ душѣ не исчезаютъ, то, конечно, слѣдуетъ

предполагать, что вновь возбуждаемыя ощущенія и прежде возбужденныя и хранимыя душою соединяются вмѣстѣ, даже сливаются болѣе или менѣе вполнѣ. Полнота сліянія зависитъ отъ степени сходства объективныхъ и субъективныхъ обстоятельствъ, при которыхъ получаются ощущенія. Что полноты сліянія обыкновенно не бываетъ, доказывается тѣмъ, что мы можемъ до нѣкоторой степени судить, вторично или въ третій разъ и т. д. видимъ предметъ, слышимъ выраженіе и т. под., помнимъ, когда и гдѣ видали или слыхивали о вещи, что было бы невозможно, если бы происходило полное слитіе не однократно возбуждаемыхъ тожественныхъ состояній. Сами по себѣ, они могли бы слиться совершенно, какъ тожественныя, но тому препятствуютъ побочныя, пріурочивающіяся къ нимъ, состоянія и отъ того происходящее не полное тожество ихъ. Психологическое сліяніе тожественныхъ состояній не есть еще достаточная причина отождествленія предмета. Сліяніе могло бы совершаться, но рефлексія могла бы каждый разъ обманываться и принимать новыя ощущенія за новые предметы, или просто не помышлять о предметѣ, какъ постоянномъ нѣчто, и не думать вовсе о томъ, что въ наблюденіи встрѣчается всё одинъ и тотъ же предметъ. Чтобы изъ психологическаго сліянія получилось отожествленіе предметовъ, необходимъ особый ad hoc актъ рефлексіи. Такъ какъ опредмечиваніе (sit venia verbo) субъективныхъ состояній исходитъ отъ нея, то ею же дѣлается признаніе, что разныя тожественныя субъективныя состоянія означаютъ тожественные предметы, или одинъ и тотъ же предметъ. Само собою разумѣется, что основою отожествленія служитъ для рефлексіи означенное выше сліяніе тожественныхъ состояній.

Однако, не смотря на тожество своихъ состояній, субъектъ не можетъ отожествлять предметъ, когда онъ встрѣчаетъ въ опытѣ показанія contra: наприм. когда нѣсколько тожественныхъ предметовъ встрѣчаются одновременно, или въ разныхъ мѣстахъ. Ему также невозможно отожествлять своихъ состояній и предметовъ, когда оказывается, кромѣ совершенно тожественныхъ сторонъ, присутствіе и не тожественныхъ. Въ такихъ случаяхъ рефлексія только уподобляетъ предметы; когда же между ними она усматриваетъ отсутствіе всякого тожества, то различаетъ ихъ. Въ объективномъ смыслѣ предметъ ни сходенъ съ другими, ни различенъ отъ нихъ: онъ есть то, что есть. Даже если допустить, что качества сходства и различія существуютъ

въ самыхъ предметахъ, то всё равно о нихъ, каковы они сами въ себѣ, мы ничего знать не можемъ: сходными или различными они становятся, когда на насъ подѣйствуютъ и когда мы сравнимъ ихъ и сопоставимъ вмѣстѣ. На основаніи одинаковости своихъ возбужденій мы признаемъ предметы, имъ соотвѣтствующіе, сходными, по неодинаковости — различными. Съ укрѣпленіемъ рефлексіи уподобленіе и различеніе между предметами становится глубже и глубже: сначала не зрѣлый умъ поверхностно уподобляетъ и различаетъ предметы, болѣе по внѣшней сторонѣ, за тѣмъ, онъ начинаетъ принимать во вниманіе внутреннія ихъ черты, далѣе, признавая сходство, научается находить въ предметахъ различіе и на оборотъ.

Образованіе абстрактовъ.

Третья функція рефлексіи состоитъ въ образованіи абстрактовъ. Они образуются вслѣдствіе сосредоточенія ума на отдѣльныхъ сторонахъ представленій. Какъ является такое сосредоточеніе—это вопросъ, за который мы возьмемся въ главѣ о волѣ. Теперь же мы устанавливаемъ фактъ, что умъ можетъ, подъ вліяніемъ воли, сосредоточиваться исключительно на одной какой либо сторонѣ представленій, или одномъ какомъ либо своемъ состояніи и представлять ихъ отдѣльно, какъ нѣчто само по себѣ существующее, не какъ субъективное состояніе, а тоже зауряд съ предметными представленіями, какъ нѣчто полагаемое внѣ субъекта. Термины „абстрактный, абстрактъ“ и образовались по тому поводу, что признаки въ предметахъ представляются нами не слитно съ ними (конкретно), но отдѣльно отъ нихъ. Сосредоточеніе ума можетъ идти въ двухъ направленіяхъ.

Съ одной стороны, онъ можетъ сосредоточиваться на отдѣльныхъ признакахъ представленій, или однихъ своихъ состояніяхъ, или даже въ цѣломъ рядѣ представленій на одномъ какомъ либо признакѣ и представлять ихъ отдѣльно сами по себѣ, т. е. сопровождать мыслію о цѣломъ и внѣ субъекта существующемъ. Такъ является у насъ отвлеченныя представленія бѣлизны, желтизны, шероховатости, и т. д. Это абстрактныя представленія въ собственномъ смыслѣ.

Съ другой стороны, умъ можетъ сосредоточиваться исключительно на сходствѣ многихъ представленій, различныя сходныя

черты ихъ объединять вмѣстѣ и сопровождать ихъ мыслію, какъ единствѣ, цѣломъ и опредмечивать его, какъ вообще онъ поступаетъ при всякихъ представленіяхъ. Такъ возникаютъ общія представленія: по поводу многихъ наблюденныхъ домовъ возникаетъ представленіе дома вообще, характеризующееся общими т. е. абстрактными, признаками, которыхъ единство въ немъ собственно представляется.

Оба вида отвлеченія даютъ происхожденіе многимъ рядамъ мыслей. Первый — представленіямъ, или понятіямъ свойствъ, качествъ, дѣятельностей и отношеній между предметами: всѣ имена прилагательныя, глаголы, числительныя, отглагольныя существительныя, равно какъ образованныя отъ прилагательныхъ суть названія абстрактовъ этого перваго рода. Второй видъ отвлеченія образуетъ представленія предметовъ общаго рода: сюда относятся всѣ общія представленія, родовыя и видовыя понятія до самыхъ отвлеченныхъ категорій, составляющихъ крайнюю грань, доступнаго человѣку, отвлеченія; въ языкѣ этотъ родъ абстрактовъ называется именами существительными.

Связываніе мыслей.

Четвертая функція рефлексіи состоитъ въ томъ, что она поставляетъ умственные продукты въ различныя отношенія. Она не терпитъ никакой изолированности между своими произведеніями, но связываетъ ихъ разнообразными способами. Всѣ виды связей, устанавливаемыхъ рефлексіей между мыслями могутъ быть, по нашему мнѣнію, сведены къ слѣдующимъ тремъ.

1) Связь цѣлаго съ частями. Этотъ типъ связи можно прослѣдить на двоякаго рода сочетаніяхъ мысли. Съ одной стороны, мы можемъ представлять предметъ, какъ объемъ, подраздѣляемый на составныя части и съ другой, какъ цѣлый предметъ, обладающій многоразличными свойствами, слѣдовательно, какъ сущность, въ которой объединяются многія качества. Такъ, наблюдая по частямъ смежную вещь, мы не дѣлаемъ изъ нихъ самостоятельныхъ предметовъ, но ставимъ ихъ въ ближайшее соотношеніе, какъ части одного цѣлаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы представляемъ, отношенія цѣлаго къ частямъ, какъ связь чисто внѣшнюю, т. е. представляемъ послѣднія возникшими чрезъ простое дѣленіе; въ другихъ — мы мыслимъ соотно-

шеніе цѣлаго къ частямъ тѣснымъ и внутреннимъ, такъ что послѣднія представляются образовавшимися не чрезъ дѣленіе, а расчлененіе, причемъ отношеніе ихъ одной къ другой не индифферентное, а напротивъ, одна предполагаетъ другую, всѣ вмѣстѣ—цѣлое, которое, въ свою очередь предполагаетъ ихъ. Также, мы мыслимъ вещь со многими признаками; она для насъ—цѣлое, объединяющее въ себѣ разныя качества, свойства, дающее имъ единство характера. Качества, свойства, суть тоже своего рода части сущности, только не количественныя; они мыслятся пребывающими въ ней.

2) Связь частнаго съ общимъ. Абстрактныя образованія, порождаемыя рефлексіей, не всѣ имѣютъ одинаковую степень всеобщности: одни болѣе, другія менѣе общи. Въ понятіяхъ мы различаемъ роды и виды, общія и частныя понятія: въ сужденіяхъ также есть всеобщія и частныя положенія. Какъ понятія, такъ и сужденія, не остаются изолированными, но въ силу различныхъ степеней своей всеобщности, поставляются во взаимное соотношеніе. Въ Логикѣ оно называется отношеніемъ подчиненія. Общее мыслится подчиняющимъ себѣ частное, послѣднее подчиненнымъ первому. Такъ, понятія подчиняютъ себѣ соотвѣтствующія представленія, родовыя понятія подчиняютъ видовыя; равно общія сужденія подчиняютъ себѣ частныя. Когда нѣсколько частныхъ понятій и сужденій подчиняются одному общему понятію или сужденію, они признаются состоящими между собою въ отношеніяхъ соподчиненія. Такія отношенія мыслей служатъ для рефлексіи основаніемъ для установленія солидарности между ними: какъ извѣстно изъ Логики, признаніе достовѣрности общаго положенія влечетъ за собою признаніе частныхъ мыслей, подчиненныхъ ему; ложность частныхъ есть поводъ къ признанію ложности подчиняющаго ихъ общаго.

3) Связь послѣдовательности между мыслями. Она состоитъ въ томъ что между мыслями рефлексія признаетъ связь не вообще, а въ извѣстномъ, неизмѣнномъ порядкѣ:, цѣлое, конечно, предполагаетъ части, и на оборотъ, части, предполагаютъ цѣлое, такъ что рефлексія признаетъ здѣсь лишь связь вообще; также общее понятіе состоитъ въ связи съ частнымъ, но ни первое, ни послѣднее не полагается неизмѣнно предшествующимъ другому. При установленіи послѣдовательности между мыслями рефлексіей признается связь между ними опредѣленнаго вида, такъ что по-

лагается слѣдованіе ихъ одной за другою въ извѣстномъ порядкѣ. Такимъ образомъ.

а) Рефлексія признаетъ послѣдовательность между представленіями по времени, т. е. чисто хронологическую. Она устанавливается на основаніи преемства впечатлѣній, даннаго въ наблюденіи, и преемства представленій въ ассоціаціи по смежности. Въ связи съ этимъ признаніемъ послѣдовательности развиваются наши представленія времени; безъ него не возможна была бы исторія; ибо послѣдняя можетъ быть лишь тамъ, гдѣ есть преемство событій, преемство же ихъ существуетъ для насъ лишь при условіи признанія рефлексіей послѣдовательности въ смѣнѣ представленій. Въ этомъ актѣ рефлексія ставитъ одну мысль за другою, не сопровождая ихъ предположеніемъ о взаимной зависимости, не выводя одной изъ другой: какъ мы говоримъ, это связь чисто внѣшняя, временная.

б) Рефлексія признаетъ послѣдовательность между мыслями чисто логическую, связь основанія съ слѣдствіемъ. Она полагается мышленіемъ съ характеромъ необходимости: если допущено основаніе, необходимо должно быть допущено и вытекающее изъ него слѣдствіе. Строго говоря, такая связь полагается рефлексіей лишь между общимъ положеніемъ и частнымъ, такъ что условливаемое собственно выводится изъ условливающаго. Здѣсь послѣдовательность между мыслями полагается съ неизмѣннымъ характеромъ. Иногда, въ своемъ мышленіи, мы можемъ восходить отъ слѣдствія къ основанію, но это есть лишь извѣстный порядокъ субъективнаго перехода мысли, а не слѣдованіе самой ея: мы не можемъ представить себѣ, чтобъ когда либо отъ слѣдствія зависѣло основаніе.

в) Рефлексія признаетъ реальную зависимость явленій одного отъ другого, послѣдовательность причины и дѣйствія. Между явленіями, наблюдаемыми въ природѣ, одни, всегда неизмѣнно предшествующія другимъ, представляются нами какъ причины, тѣ же, которыя неизмѣнно слѣдуютъ за другими, принимаются за слѣдствія ихъ. И здѣсь послѣдовательность мыслится съ характеромъ необходимости, но тогда какъ необходимость связи между основаніемъ и слѣдствіемъ понимается умомъ какъ нѣчто само собою разумѣемое, необходимость слѣдованія дѣйствія за причиною представляется намъ лишь фактически данною: ибо изъ понятія причины ни какъ не можетъ быть выведено дѣйствіе, производимое ею. Далѣе, этотъ видъ послѣдовательности

имѣетъ тоже неизмѣнный опредѣленный характеръ: причина всегда предшествуетъ дѣйствію и условливаетъ его, никогда на оборотъ. Наконецъ

г) Рефлексія признаетъ послѣдовательность цѣли и средствъ. Это особый видъ зависимости реальныхъ явленій, одного отъ другого, возникающій изъ наблюденія дѣятельности живыхъ существъ. Стремясь осуществить въ мірѣ явленій свои желанія, и поставленныя въ необходимость достигать желаемыхъ результатовъ опредѣленными реальными средствами, живыя существа нарочно избираютъ причины и осуществляютъ ихъ, дабы получилось желаемое дѣйствіе ихъ. И такъ какъ результатъ и былъ собственно опредѣляющимъ условіемъ, къ осуществленію котораго подыскивались условія и причины, то здѣсь порядокъ послѣдовательности явленій представляется въ обратномъ видѣ, чѣмъ въ слѣдованіи причины и дѣйствія: здѣсь дѣйствіе мыслится опредѣляющимъ причину, которой raison d'etre заключается въ произведеніи желаемаго дѣйствія.

Всѣ эти виды послѣдовательности и связи мыслей психологически основываются на послѣдовательности по времени. Если бы мы не понимали, что значитъ вообще преемство между представленіями, то не были бы въ состояніи представить связи причины и дѣйствія; когда мы представляемъ цѣль и средства, то первую непремѣнно предполагаемъ предшествующею послѣднимъ, слѣдовательно, — по типу временной послѣдовательности. Даже чисто логическое слѣдованіе слѣдствія за основаніемъ намъ понятно, какъ временное слѣдованіе: мы приписываемъ prius (хотя и логическое, но въ сущности тѣсно связанное съ понятіемъ временнаго предшествованія) основанію и posterius слѣдствію.

Разъединеніе мыслей.

Наконецъ, пятая и послѣдняя функція рефлексіи состоитъ въ разъединеніи мыслей. Мышленіе не только поставляетъ въ связь и сочетаніе разнообразныя свои произведенія, но и выдѣляетъ ихъ одно отъ другого. Эту дѣятельность можно прослѣдить въ двухъ направленіяхъ, съ одной стороны, по скольку она прямо отрицаетъ всякую связь между извѣстными мыслями, съ другой стороны, по скольку она расчленяетъ мыслимое вмѣстѣ, въ одномъ цѣломъ, на отдѣльныя составныя части.

Дѣятельность отрицанія состоитъ собственно въ противоположеніи одного умственнаго содержанія другому. Въ Логикѣ опредѣляются самыя степени противоположности однихъ мыслей другимъ: такъ, она говоритъ о противорѣчивости, противности, противоположности ихъ и указываетъ, до какой степени противорѣчивыя, противныя и противоположныя мысли не совмѣстимы вмѣстѣ. Разъединеніе мыслей путемъ отрицанія происходитъ или непосредственно чрезъ прямое сравненіе ихъ, на основаніи прямой очевидности, или посредственно: мы отрицаемъ одну мысль отъ другой, потому что послѣдняя не имѣетъ отношеній и связи къ какою нибудь третьей мысли, съ которою первая состоитъ въ прямой связи. Всякого рода отрицаніе есть произведеніе исключительно рефлексіи: въ опытѣ невозможно наблюдать, какъ одинъ признакъ или свойство *не* принадлежитъ извѣстному предмету, или какъ онъ *не* имѣетъ отношенія къ другой вещи. Отрицаніе есть слѣдствіе нашей догадки, вывода, что такъ какъ вещь наблюдается таковою, то въ ней нѣтъ свойствъ и признаковъ, наблюдаемыхъ въ другихъ вещахъ, т. е. оно основывается исключительно на сопоставленіи нашихъ мыслей о предметахъ.

Съ другой стороны, мы разъединяемъ мысли, расчленяя ихъ. Есть продукты рефлексіи очень сложные; чтобы ясно и раздѣльно мыслить ихъ, бываетъ необходимо расчленить ихъ на составныя части, каждую представить отдѣльно. Такъ, бываютъ мысли общаго характера, понятія, сужденія и для раздѣльнаго и отчетливаго ихъ мышленія, необходимо выдѣлить частныя понятія и сужденія, въ нихъ заключающіяся; бываютъ понятія о чрезвычайно сложныхъ предметахъ и въ нихъ приходится выдѣлять части, дабы понять соотношеніе ихъ въ цѣломъ предметѣ; наконецъ, во всякомъ даже и многосложномъ предметѣ бываетъ надобно выдѣлять признаки, черты, одну отъ другой. Такое обособленіе элементовъ мысли, содержащихся въ сложномъ представленіи, понятіяхъ, сужденіяхъ, требуется въ интересахъ ясности и раздѣльности мысли.

Указанныя нами функціи рефлексіи слѣдуетъ понимать, какъ роды дѣйствій души, развивающихся по поводу различныхъ душевныхъ состояній. Необходимо при этомъ какъ можно далѣе держаться отъ представленія грубыхъ матеріальныхъ манипуляцій. Мы должны помнить общую руководящую мысль, что въ душѣ, кромѣ состояній и дѣйствій, ничего иного быть не можетъ, слѣдовательно, нѣтъ въ ней образовъ, продуктовъ, кото-

рые она могла бы передвигать, переставлять, сочетавать и т. д., что всякій новый фактъ умственной жизни, осложненіе или упрощеніе умственныхъ продуктовъ, есть осложненіе или упрощеніе дѣйствій актовъ духа. Поэтому, когда мы говоримъ, что умъ отожествляетъ предметы, это не значитъ, что онъ изъ многихъ образовъ дѣлаетъ одинъ, сливая ихъ вмѣстѣ, но что онъ признаетъ предметъ продолжающимся и равнымъ самому себѣ, сопровождаетъ новые образы его мыслію о тожествѣ ихъ; когда умъ признаетъ представленія предметовъ сходными или различными, это значитъ, что сосредоточиваясь на нихъ, думаетъ о сходствѣ или различіи ихъ. Далѣе, когда мы говоримъ, что умъ образуетъ абстракты, общія представленія и понятія, это не значитъ, чтобъ въ нѣдрахъ его являлись какія то новыя отложенія, но что конкретныя представленія и вообще однѣ мысли служатъ для души впечатлѣніями, возбуждающими въ ней другія мысли, представленія и понятія болѣе общаго характера. Сущность третьей функціи рефлексіи мы полагали въ томъ, что она поставляетъ въ взаимную связь и соотношеніе различныя свои образованія, что же это значитъ? Во всякомъ случаѣ не то, что, когда напр. она сочетаваетъ одно съ другимъ, какъ часть съ цѣлымъ, или какъ основаніе и слѣдствіе, или просто предшествующее съ послѣдующимъ, на самомъ дѣлѣ связываетъ умственные продукты, какъ бы тонкою и невидимою ни представлять эту связь. Всѣ эти сочетанія и соединенія означаютъ, что душа, сосредоточиваясь на своихъ продуктахъ, сопровождаетъ ихъ мыслію о цѣломъ и частяхъ и въ этой формѣ мыслитъ себѣ ихъ соотношеніе, или объ основаніи и слѣдствіи, причинѣ и дѣйствіи и въ этого рода формахъ представляетъ себѣ ихъ связь. Равно, когда она сочетаваетъ что либо въ хронологическомъ порядкѣ, это значитъ: простое преемство представленій и вообще психическихъ состояній по ассоціаціи смежности она сопровождаетъ мыслію о послѣдовательности ихъ. Наконецъ, когда говорится, что рефлексія одно разъединяетъ, другое расчленяетъ, это не значитъ, что она реально что либо отставляетъ отъ чего либо, или отрываетъ одно отъ другого, или нѣкоторымъ образомъ разрываетъ на части и т. под. И здѣсь, какъ и во всѣхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ, рефлексія, представляя мысли, сопровождаетъ свой актъ отриканіемъ взаимной связи и соотношенія, или сосредоточивается на частностяхъ, содержимыхъ въ общемъ.

Такимъ образомъ функціи рефлексіи знаменуютъ ряды мыслительныхъ актовъ, развивающихся по поводу другихъ актовъ души. Ничего въ умѣ нашемъ не нарастаетъ реально, не осложняется, не упрощается или утончается; ни какихъ продуктовъ въ смыслѣ интелектуальныхъ предметовъ не образуется въ ней. Въ этомъ отношеніи не совсѣмъ умѣстно употребленіе выраженій, въ родѣ: умственный продуктъ, образованіе: ибо кромѣ актовъ, однихъ чисто динамическихъ напряженій, въ умѣ т. е. въ душѣ быть не можетъ: нельзя отдѣлять мысли отъ мыслящей души и разсматривать ихъ, какъ нѣчто самостоятельное и самобытное, развивающееся, возрастающее, вступающее въ разнообразныя отношенія и многоразличную связь съ другими мыслями. „Сложная мысль, сложный умственный продуктъ“ эти выраженія означаютъ, что умственные акты могутъ осложняться и имѣть внутреннюю солидарность между собою.

Постепенное развитіе рефлективныхъ актовъ.

Прослѣдимъ теперь кратко исторію развитія рефлексіи, начиная съ первыхъ простѣйшихъ ея актовъ и кончая наиболѣе сложными. Было бы невѣрно утверждать, что функціи рефлексіи вступаютъ одна за другою въ дѣйствіе и что не прежде, какъ разовьетъ свои дѣйствія одна, начинаетъ свою дѣятельность другая. Исторія развитія ея есть исторія осложненія актовъ ея, такъ что, начиная съ простыхъ пріемовъ, она постепенно выработываетъ сложные пріемы и формы логическаго мышленія.

Конкретныя представленія.

Рефлексія не даетъ сама себѣ матеріала для своей дѣятельности. Содержаніемъ для нея служатъ психическія состоянія и лишь сравнивая и сопоставляя, наблюдая и замѣчая ихъ, она полагаетъ новые акты, и по поводу своихъ же актовъ послѣдовательно идетъ къ новымъ и новымъ. Взятая въ цѣломъ, она есть вторичная дѣятельность духа, развивающаяся на основѣ какихъ либо уже возбужденныхъ въ немъ состояній, есть своего рода вторичное зрѣніе, обращенное къ явленіямъ происходящимъ въ душѣ.

Первый актъ рефлексіи мы видимъ въ образованіи конкретныхъ представленій. Безъ нея субъективныя состоянія остались бы таковыми, безъ всякого предметнаго значенія. Рефлексія именно придаетъ имъ значеніе предметовъ тѣмъ, что по позоду ассоціировавшихся ощущеній развиваетъ мысль о нихъ, какъ цѣломъ, противополагая ихъ себѣ, какъ нѣчто внѣшнее. Въ раннемъ дѣтствѣ, при отсутствіи способности сосредоточиваться на личныхъ состояніяхъ, какъ таковыхъ, умъ имѣетъ дѣло исключительно съ ощущеніями, слѣдовательно, съ внѣшними предметами, ихъ возбуждающими. Посему конкретными представленіями начинается развитіе ума и они въ этотъ періодъ развитія должны преобладать предъ прочими умственными продуктами.

Сравниваніе предметовъ по ихъ сходству и различію, по величинѣ, явленій — по послѣдовательности.

Дальнѣйшею ступенью мыслительнаго развитія, намъ кажется, слѣдуетъ считать акты признанія представленій тожественными, сходными или различными, равно какъ образованія различныхъ признаковъ относительно объема предметовъ и слѣдованія представленій одного за другимъ. Въ сущности, въ этотъ моментъ мышленія не развивается новыхъ образованій, но конкретные образы испытываютъ нѣкотораго рода измѣненія: они обогащаются рефлективными чертами, чѣмъ нѣсколько измѣняется ихъ чистая конкретность.

Конечно, первый изъ упомянутыхъ рефлективныхъ актовъ, логически и хронологически условливающій всѣ другіе, есть признаніе тожества между конкретными представленіями, возбуждаемыми въ насъ однимъ и тѣмъ же предметомъ. Безъ отожествленія предметовъ, т. е. безъ признанія многихъ представленій, вызываемыхъ въ насъ въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ однимъ и тѣмъ же предметомъ, тожественными, не мыслимы никакія дальнѣйшія умственныя дѣйствія. Ни какая мысль не имѣла бъ ни малѣйшей устойчивости, ничего нельзя было бъ сравнивать и сопоставлять, если бы всякій актъ представленія казался намъ новымъ фактомъ.

Когда умъ научился уже отожествлять свои представленія, онъ, пріучаясь сравнивать и сопоставлять ихъ, начинаетъ на-

ходить ихъ сходными или различными, т. е. совершаетъ акты признанія сходства или различія между своими представленіями. Хотя и не совсѣмъ раздѣльно, умъ начинаетъ уподоблять лица и предметы, похожіе одни на другихъ. Смотря на отца, мать, свою няню, дитя находитъ, что они похожи другъ на друга, но что зеркало, шкафъ, цвѣтокъ, наблюдаемые имъ въ комнатахъ, не похожи на мать или отца, не похожи и одинъ на другого. Онъ не въ состояніи раздѣльно представить себѣ черты, въ которыхъ предметы эти различаются или сходятся: ясное и отчетливое знаніе чертъ сходства и различія явится у него впослѣдствіи (и зрѣлый человѣкъ иногда довольствуется смутнымъ представленіемъ различія лицъ и предметовъ); но не опредѣленная какъ бы догадка о сходствѣ или различіи несомнѣнно является у него.

Признаки сходства и различія — одно изъ первыхъ пріобрѣтеній рефлексіи, имѣющее большое значеніе для развитія души; ихъ появленіе знаменуетъ уже начало, такъ называемаго, качественнаго мышленія о вещахъ. Изъ этихъ попытокъ различать и уподоблять предметы разовьется впослѣдствіи умѣнье различать подробности въ нихъ, ясно опредѣлять, чѣмъ именно одна вещь различается отъ другой, или въ чемъ онѣ сходятся, т. е. то самое, что въ Логикѣ называется качественнымъ анализомъ. Мыслительное дѣйствіе зрѣлаго ума, сказывающееся въ послѣднемъ, въ сущности, тоже самое, какое пробуждается въ дѣтствѣ: оно возрастетъ въ силѣ, глубинѣ, объемѣ, подвижности и гибкости, но сущность его не измѣнится.

Слѣдующій шагъ въ развитіи рефлексіи состоитъ въ различеніи предметовъ по ихъ величинѣ. Актъ этотъ возникаетъ, несомнѣнно, позже сравнительно съ актами отожествленія, аналогизированія и противоположенія предметовъ. Ниже мы еще встрѣтимся съ вопросомъ, что̀ служитъ намъ первоначальною мѣрою, по которой мы судимъ объ объемѣ предметовъ: мы увидимъ, что начальнымъ пунктомъ, отъ котораго мы отправляемся въ своихъ сужденіяхъ о величинѣ, служитъ съ одной стороны наше тѣло, съ другой мускульное чувство, развивающееся при движеніяхъ рукъ. Пріобрѣтенный навыкъ въ отожествленіи, уподобленіи и противоположеніи предметовъ прилагается къ дѣлу и при сравниваніи ихъ по величинѣ. Одни предметы мы находимъ большими, другіе малыми, третьи равными, одинъ и тотъ же пред-

метъ кажется намъ великимъ и малымъ, смотря потому, съ чѣмъ мы его сравниваемъ.

Съ этого сравниванія вещей по величинѣ начинается рефлексія о количественныхъ сторонахъ дѣйствительности. Съ одной стороны, вмѣсто смутнаго различенія предметовъ по ихъ величинѣ, мы постепенно пріучаемся различать, *въ какой мѣрѣ* одинъ предметъ болѣе или менѣе другого. Мы не довольствуемся сужденіями, что одинъ предметъ вообще великъ или малъ, но опредѣляемъ его величину по обще принятой мѣрѣ, съ возможною точностію. Съ другой стороны, мы начинаемъ находить, что и свойства въ вещахъ бываютъ не равны по степени своего напряженія: одинъ предметъ кажется намъ зеленѣе, краснѣе, соленѣе, слаще, звучнѣй, шероховатѣй и пр., чѣмъ другой. Въ этихъ первоначальныхъ попыткахъ сравниванія предметовъ по объему и силѣ ихъ качествъ нельзя не видѣть начатковъ того мышленія, которое въ полномъ своемъ развитіи получаетъ названіе математическаго. При сравненіи малаго предмета съ большимъ мысль можетъ направляться или отъ большого къ малому или отъ малаго къ большому. Стараясь опредѣлить, на сколько одинъ изъ нихъ болѣе другого, мы думаемъ, сколько необходимо подбавить къ малому, чтобъ получить большой предметъ; опредѣляя, на сколько одна вещь болѣе другой, мы думаемъ, сколько надобно отбавить отъ большой, чтобъ вышла равная малой. Въ первомъ случаѣ мы мысленно увеличиваемъ, удвояемъ, утрояемъ и т. д. малый предметъ, чтобъ сравнять его съ большимъ; во второмъ случаѣ мы также мысленно уменьшаемъ вдвое, втрое и т. д., чтобы сравнять большой съ малымъ; первое умственное дѣйствіе есть тоже, что̀ сложеніе, второе — вычитаніе, основныя математическія дѣйствія. Дѣтскія попытки слагать и вычитать суть начатки сложнаго математическаго анализа и синтеза, т. е. всего математическаго мышленія.

Пока дитя не въ состояніи запомнить порядокъ окружающихъ его явленій, т. е. пока оно не въ состояніи подмѣтить порядокъ своихъ представленій, оно живетъ лишь настоящею, наличною минутою, вовсе не думая о томъ, что она настоящая; у него есть смѣна представленій, но нѣтъ мысли объ этой смѣнѣ. Съ укрѣпленіемъ ассоціаціи представленій, съ образованіемъ нѣкотораго навыка къ сравненію ихъ, оно начинаетъ обращать вниманіе на послѣдовательность событій. Это начало рефлексіи надъ порядкомъ представленій есть начало образованія пред-

ставленій времени. Крѣпнущая рефлексія доходитъ до мысли, что одно представленіе предшествуетъ другому, послѣднее слѣдуетъ за первымъ.

И это начало мыслительной работы, очевидно, имѣетъ большое значеніе въ нашемъ умственномъ развитіи. Съ него начинается какъ историческое, такъ и индуктивное мышленіе. Лишь только дитя стало замѣчать какой либо порядокъ въ смѣнѣ окружающихъ его явленій, стало думать о смѣнѣ ихъ, оно до нѣкоторой степени уже сдѣлалось историкомъ. Станетъ оно впослѣдствіи, сдѣлавшись зрѣлымъ человѣкомъ, заниматься точнымъ опредѣленіемъ порядка и времени историческихъ событій, его дѣло, конечно, усложнится, но, въ сущности, онъ также будетъ представлять послѣдовательность и смѣну ихъ, какъ онъ подумалъ о томъ въ первый разъ, замѣтивъ, еще ребенкомъ, дневной порядокъ домашней жизни. Съ этого же момента рефлексіи начинается индуктивная дѣятельность ума. Главнѣйшій видъ ея, изслѣдованіе причинъ и дѣйствій ихъ въ природѣ, есть дѣло весьма развитой и зрѣлой рефлексіи. Видѣть причины и дѣйствія въ опытѣ, какъ таковыя, невозможно: о причинной зависимости явленій можно только догадываться, заключать. Прежде нежели мы начнемъ одно явленіе понимать какъ причину, другое какъ дѣйствіе, мы замѣчаемъ порядокъ, въ какомъ событія слѣдуютъ одно за другимъ. Ничего, кромѣ порядка событій, смѣны представленій, намъ не дано, и еслибы наша рефлексія не додумалась до мысли объ этой смѣнѣ, никогда не моглобы возникнуть идеи связи явленій по закону причинности.

Разобранные нами акты рефлексіи означаютъ первое по времени пробужденіе мыслительной дѣятельности и суть первые ея шаги. Ихъ огромное значеніе видно изъ того, что они служатъ начатками всѣхъ главныхъ видовъ логическаго мышленія: качественнаго, математическаго, историческаго и индуктивнаго. Какъ въ первыхъ нерѣшительныхъ попыткахъ ребенка ходить, нельзя не видѣть начала всего имѣющаго потомъ развиться искусства управлять своими движеніями, такъ первые пріемы мысли, нами указанные, составляютъ краеугольный камень всего знанія, создаваемаго нашею рефлексіей.

Образованіе общихъ представленій.

Новая ступень развитія рефлексіи состоитъ въ образованіи общихъ представленій. Неокрѣпшій умъ подмѣчаетъ, какъ мы уже говорили, предметы сходные и не сходные: дитя находитъ, что отецъ, мать, няня его похожи другъ на друга, что также сходны видѣнныя имъ лошади, что много предметовъ имѣютъ одинъ и тотъ же цвѣтъ, что предметы хотя и различные, но движутся и т. под. По поводу сопоставленныхъ сходныхъ предметовъ, у него образуются представленія общаго характера, относящіяся не къ одному какому нибудь предмету, а цѣлому ряду вещей. Какъ показываетъ Логика, эта дѣятельность развивается въ слѣдующихъ трехъ направленіяхъ:

1) По поводу сходныхъ предметовъ образуется представленіе, относящееся вообще къ цѣлому ряду ихъ, а ни какъ ни къ одному которому либо изъ нихъ. По поводу видѣнныхъ домовъ образуется въ душѣ представленіе *дома* вообще, которое относится ко всѣмъ наблюдаемымъ домамъ и ни къ одному въ отдѣльности: такъ возникаютъ представленія лошади, коровы, овцы, дерева, книги, стѣны, крыши и т. д.

2) Сравнивая предметы между собою, умъ находитъ, что многіе имѣютъ сходные, почти тождественные признаки или свойства. На многихъ предметахъ онъ замѣчаетъ одинъ цвѣтъ, по крайней мѣрѣ, сходные цвѣта, одинаковую угловатость, шероховатость; многія вещи кажутся ему одинаково горькими, или сладкими, пріятно или не пріятно пахнущими; многіе тоны кажутся одинаково сильными или слабыми, пріятными или не пріятными. Онъ останавливается на этихъ качествахъ, начинаетъ выдѣлять ихъ отъ предметовъ и представлять отдѣльно: такъ возникаютъ представленія красноты, желтизны, цвѣта вообще, тоновъ, запаховъ, шероховатости вообще и т. д. Ни къ какому предмету въ частности мы ихъ не относимъ: мы представляемъ въ нихъ качества, отрѣшенныя отъ предметовъ, чего въ дѣйствительности нѣтъ и быть не можетъ. Они суть представленія также общія, но, конечно, другого порядка, чѣмъ перваго рода.

3) Сопоставляя предметы, развивающійся умъ замѣчаетъ въ нихъ измѣненія, дѣйствія, также сходныя между собою. Онъ замѣчаетъ, что окружающія его лица говорятъ, ходятъ, сидятъ,

спятъ, что предметы передвигаются, ломаются, трещатъ и т. д., онъ останавливается на этомъ умственно: у него возникаетъ мысль о ходьбѣ, разговорѣ, спаньѣ, движеніи, трескѣ и т. п. Онъ представляетъ дѣйствія и измѣненія отрѣшенно отъ предметовъ, въ которыхъ онъ замѣчалъ ихъ. Такимъ образомъ является новый рядъ общихъ представленій, отличныхъ отъ первыхъ и вторыхъ.

Общія представленія суть произведенія исключительно рефлексіи. Никакихъ реальныхъ предметовъ, имъ соотвѣтствующихъ, нѣтъ. Въ природѣ не существуетъ дома вообще, тона, цвѣта вообще, ходьбы, движенія, сидѣнія и т. п., но есть извѣстный, опредѣленный домъ на извѣстномъ мѣстѣ, есть звучащій опредѣленнымъ образомъ тонъ, ходящія, сидящія, движущіяся лица. Эта черта существенно отличаетъ общія представленія отъ конкретныхъ; тогда какъ каждое изъ послѣднихъ прямо относится къ извѣстнымъ отдѣльнымъ предметамъ, общія, напротивъ, представляютъ мысль о цѣломъ рядѣ ихъ.

Образованіе общихъ представленій есть плодъ первой попытки ума найтись среди необозримаго множества частныхъ фактовъ. Вмѣсто множества конкретныхъ образовъ, умъ создаетъ представленіе, которое одинаково относится къ каждому предмету, принадлежащему къ извѣстному разряду. Оно имѣетъ значеніе какъ бы краткаго конспекта, съ которымъ мы подходимъ къ хаосу явленій и чрезъ который мы до нѣкоторой степени уразумѣваемъ его. Съ другой стороны, появленіе общихъ представленій есть начало абстракціи, отвлеченія. Образуя ихъ, мы отвлекаемъ и превращаемъ въ самостоятельную мысль то, что въ наблюденіи намъ представлялось въ связи съ цѣлымъ предметомъ. Такимъ образомъ мы становимся на путь, который, повидимому, удаляетъ насъ отъ дѣйствительности, но за то даетъ намъ возможность связать въ общемъ disjecta membra ея, отыскать связь и соотношеніе между ними.

Появленіе въ умѣ общихъ представленій есть важный для нашего умственнаго развитія фактъ еще и потому, что съ ними является возможность для насъ пользоваться языкомъ для обозначенія своихъ мыслей. Языкъ есть собраніе словъ — знаковъ, имѣющихъ общее значеніе; на этомъ общемъ характерѣ ихъ основывается способность его служить гибкимъ орудіемъ выраженія нашихъ разнообразныхъ мыслей: при конкретномъ значеніи словъ потребовалось бы такое же необозримое количество

ихъ, сколько существуетъ и предметовъ; въ такомъ случаѣ никакая память не въ состояніи была бы ихъ запомнить; съ другой стороны, слова имѣли бы неподвижный, навѣки установившійся смыслъ и языкъ не могъ бы съ легкостію слѣдовать за извитіями индивидуальнаго мышленія и быть живымъ выраженіемъ развивающейся мысли. Мы не отрицаемъ того факта, что при первоначальномъ употребленіи словъ въ младенчествѣ имъ дается конкретное значеніе. Но пока умъ понимаетъ и способенъ понимать слова лишь въ этомъ значеніи, онъ еще не обладаетъ логическою стороною языка и только выражаетъ звуками нѣкоторыя, особенно привычныя ему, мысли. Съ развитіемъ въ немъ общихъ представленій, онъ поднимается до уровня языка: представленія предметовъ онъ обозначаетъ существительными и мѣстоимѣніями; представленія качествъ и свойствъ прилагательными; представленія дѣйствій глаголами. Такимъ образомъ умъ становится причастнымъ логической сторонѣ языка; для словъ теперь уже есть въ его умѣ подходящее содержаніе, онъ въ состояніи комбинировать ихъ по духу языка и такимъ образомъ постепенно овладѣваетъ духовнымъ организмомъ его. Съ этого момента начинается взаимодѣйствіе языка и мышленія: умъ постепенно развивается, овладѣвая духовнымъ строемъ языка, на комбинаціяхъ отдѣльныхъ словъ въ цѣлыя предложенія пріучаясь анализировать и синтезировать свои мысли по манерѣ и пріемамъ народа, языкомъ котораго онъ овладѣваетъ; съ другой стороны, и онъ самъ, по мѣрѣ своего развитія, начинаетъ вліять на языкъ, вводя въ него различныя измѣненія, обогащая его новыми словами и выраженіями, прилаживая его къ своимъ умственнымъ вкусамъ и потребностямъ.

Развитіе сужденій.

Параллельно развитію общихъ представленій идетъ и развитіе сужденій, по крайней мѣрѣ, самаго простѣйшаго вида ихъ. Не будемъ входить здѣсь въ споры о томъ, дѣйствительно ли сужденія, здѣсь нами подразумѣваемыя, суть логическія сужденія. Понимая этотъ пріемъ, какъ умственное обозначеніе предмета съ извѣстной опредѣленной стороны, въ извѣстномъ опредѣленномъ значеніи, мы должны признать сужденіемъ всякую попытку обозначить предметы съ какой либо стороны. Во всякомъ

случаѣ несомнѣнно, по нашему мнѣнію, что еще въ дѣтскомъ возрастѣ появляются начатки логическихъ сужденій. Какъ скоро способность образовывать общія представленія уже явились въ ребенкѣ, онъ въ состояніи бываетъ отдѣльно отъ предмета думать о состояніяхъ, дѣйствіяхъ, качествахъ, принадлежностяхъ его. Онъ можетъ думать, что нѣкоторые изъ такихъ признаковъ могутъ прилагаться къ предметамъ, другіе же не могутъ, т. е. что предметы можно обозначать какъ положительнымъ признакомъ, такъ и отрицательнымъ, т. е. тѣмъ, что онъ не имѣетъ качества, замѣченнаго на другихъ вещахъ.

Достигнувъ этой ступени развитія, умъ бываетъ въ состояніи сознательно пользоваться работою, сдѣланною имъ нѣсколько ранѣе, именно когда онъ рефлектировалъ о предметахъ со стороны ихъ сходства и ихъ противоположности, величины, послѣдовательности событій. Онъ судитъ о нихъ съ этой стороны: сходство и различіе становятся для него признаками наравнѣ съ другими наблюдаемыми въ предметахъ, могущими обозначать ихъ. Рядомъ съ сужденіями сходства и различія являются сужденія объема и величины, послѣдовательности явленій: вещь *признается* большею или меньшею сравнительно съ другою; явленія не только располагаются въ извѣстномъ порядкѣ, но одно обозначается умомъ, какъ бывшее, другое какъ будущее, третье какъ настоящее.

Такимъ образомъ кругъ сужденій, на разбираемой ступени развитія, бываетъ довольно обширенъ. Умъ можетъ уже слѣдить за дѣйствіями и измѣненіями въ окружающихъ предметахъ, за сходствомъ и различіемъ, величиною ихъ и временнымъ порядкомъ явленій. Конечно, эти сужденія не имѣютъ научнаго характера; они мало абстрактны, опираются на одни представленія, а не понятія о вещахъ, но они суть настоящія сужденія.

Понятія.

Въ сужденіяхъ умъ пріобрѣтаетъ главное средство для дальнѣйшаго своего развитія. Всякое дальнѣйшее пріобрѣтеніе его совершается въ видѣ сужденій и конечная цѣль всего движенія рефлексіи впередъ, въ сущности, составляютъ твердыя и основательныя сужденія. Умственная работа надъ улучшеніемъ знаній есть работа надъ улучшеніемъ качества сужденій. По

этому они занимаютъ центральное положеніе между формами и пріемами нашего мышленія: въ нихъ реализуется знаніе и на основѣ ихъ возникаютъ новыя его формы.

Сужденіе мы назвали обозначеніемъ предмета съ какой либо стороны, въ какомъ либо опредѣленномъ значеніи. Поэтому, когда мы разбираемъ, какіе признаки содержатся въ предметѣ, то мы судимъ о немъ: сколько найдено нами признаковъ въ немъ, столько дѣлается нами и сужденій. Не довольствуясь случайными и измѣнчивыми признаками представленій, путемъ обширнаго сравниванія и сопоставленія мы доискиваемся признаковъ неизмѣнныхъ, существенныхъ и общихъ. Выражая найденные результаты въ сужденіяхъ, мы пріобрѣтаемъ знанія, которыхъ главное достоинство состоитъ въ раздѣльности. Если бы на этомъ мы останавливались, мы имѣли бы огромное число раздѣльныхъ сужденій, но они ничѣмъ не были бы связаны и ничего цѣльнаго изъ этихъ знаній не получалось бы. Въ этомъ отношеніи представленія всякого рода имѣютъ явное преимущество предъ сужденіями, потому что, хотя въ нихъ есть недостатокъ раздѣльности, они даютъ знаніе цѣльное, говорятъ намъ о цѣломъ предметѣ, въ которомъ признаки соединены. Но мы стремимся соединить въ одной формѣ знанія качество раздѣльности съ цѣлостностію его, и изъ этой потребности возникаютъ понятія. Въ нихъ, дѣйствительно, мы думаемъ о неизмѣнныхъ, существенныхъ и общихъ чертахъ раздѣльно отъ предмета, и съ другой стороны, въ понятіяхъ мы мыслимъ законъ, управляющій соединеніемъ признаковъ, такъ что центръ предмета, объединяющій содержаніе, не оставляется нами темнымъ и невѣдомымъ x, какъ это бываетъ въ конкретныхъ представленіяхъ, но разъясняется по мѣрѣ возможности, и иногда (напр. въ математическихъ понятіяхъ) разрѣшается въ формообразующій законъ. Таково понятіе въ своей идеѣ.

Въ дѣйствительности только наука, и то не въ большинствѣ случаевъ, въ состояніи приблизиться къ идеалу понятія. Одна лишь Математика въ состояніи указать неизмѣнныя, существенныя и общія черты своихъ предметовъ и дать законъ, управляющій соотношеніемъ ихъ и внутреннимъ строемъ содержанія предметовъ. Другія науки только стремятся къ упомянутому идеалу и часто даютъ понятія, далеко не удовлетворяющія ему. Еще менѣе можетъ осуществить идеалъ понятія практическая жизнь. Различные люди различныхъ профессій, классовъ, поло-

женій, возрастовъ, разныхъ временъ имѣли и имѣютъ разныя понятія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ. Истинное понятіе о вещи можетъ быть только одно, приближающихся къ нему или совсѣмъ невѣрныхъ можетъ быть безчисленное множество и такія то болѣе или менѣе истинныя, болѣе или менѣе ложныя понятія мы часто встрѣчаемъ въ практичной жизни.

Въ понятіи, каково оно должно быть, двѣ стороны: содержаніе, т. е. признаки, черты и форма его, т. е, способъ, modus, законъ, объединяющій содержаніе, выражающій внутреннее строеніе предмета, управляющій дѣленіемъ его на части, отношеніемъ частей къ цѣлому и между собою и т. д. Та и другая стороны понятія образуются чрезъ наблюденіе предметовъ, и потому различіе въ пониманіи вещей можетъ простираться или на содержаніе, или форму ихъ. Такъ, въ различныя времена, смотря по обстоятельствамъ, кругъ понятій о небѣ, о растительномъ и животномъ царствахъ у разныхъ народовъ былъ весьма различенъ. Халдеи, при ясномъ небѣ и прозрачномъ воздухѣ, имѣли сносную карту неба, тогда какъ греки не имѣли никакого точнаго понятія о положеніи звѣздъ на небѣ. Послѣ завоеваній Александра Македонскаго понятія грековъ о животныхъ и растеніяхъ совершенно измѣнились, такъ что въ лицѣ Аристотеля и Θеофраста стали возможными науки: Зоологія и Ботаника. Съ открытіемъ Америки, Европѣ пришлось измѣнить снова свои понятія о животныхъ и растеніяхъ, иначе стали пониматься роды и виды ихъ и т. д. Можно прослѣдить различіе понятій по географическимъ широтамъ. На крайнемъ Сѣверѣ, гдѣ человѣкъ окруженъ стелящимися березами, у него совсѣмъ иное понятіе о деревѣ, чѣмъ у живущихъ въ умѣренномъ климатѣ, окруженныхъ хвойными и лиственными лѣсами; послѣднее отличается отъ понятій о немъ же жителей тропическаго климата, окруженныхъ тропическими растеніями. Въ нѣдрахъ одного и того же народа высшіе классы имѣютъ свои понятія о людяхъ, о долгѣ, обязанностяхъ, удовольствіяхъ, нисшіе—другія, ибо матеріалъ, по поводу котораго они образуются, у каждаго класса свой. Занятія опредѣленнымъ родомъ дѣятельности также кладутъ свою печать на понятія лицъ. Иныя понятія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ у лицъ духовнаго званія, иныя у дипломатовъ, государственныхъ людей, промышленниковъ, литераторовъ, ремесленниковъ, ученыхъ и т. д. Различія простираются не на одно содержаніе понятій, но и на форму ихъ. О многомъ, неотносящемся къ

своей профессіи, промышленникъ, чиновникъ, ремесленникъ образуютъ понятія по аналогіи предметамъ своихъ занятій: напр. привыкши представлять Божественное дѣйствіе въ мірѣ, какъ вмѣшательство въ порядокъ теченія событій, богословы дѣйствіе законовъ природы мыслятъ также, какъ вмѣшательство посторонннихъ управляющихъ силъ въ жизнь элементовъ природы. Иному, всю жизнь свою проведшему за прилавкомъ, никакъ не могутъ даться понятія безкорыстныхъ героическихъ подвиговъ, или же всякое благородное дѣло онъ понимаетъ какъ выгодную операцію; есть ремесленное пониманіе либеральныхъ профессій не тогда только, когда представители ихъ оскудѣваютъ духомъ, идеями, теряютъ сознаніе призванія своего, но и когда человѣкъ, занятый одною техническою выработкой, на всё на свѣтѣ смотритъ какъ на искусную манипуляцію, и не признавая значенія геніальнаго почина, понимаетъ дѣло науки и искусства какъ простую своего рода технику.

Понятія находятся вообще въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ сужденіямъ. Какъ мы уже говорили, безъ нихъ невозможно было бы образованіе понятій: они возникаютъ вслѣдствіе сравниванія и сопоставленія предметовъ (т. е. представленій о нихъ), при всякомъ же сравниваніи, когда мы находимъ общую или существенную черту въ нихъ, мы, конечно, дѣлаемъ актъ сужденія. Посему достоинства и недостатки такихъ актовъ сужденія отражаются и на понятіяхъ: зрѣлыя и основательныя сужденія о предметахъ порождаютъ зрѣлыя и основательныя понятія. Слѣдовательно, по отношенію къ сужденіямъ они могутъ быть, названы какъ бы resumé ихъ, какъ бы сосредоточеніе ихъ въ одномъ цѣломъ. Въ этомъ отношеніи понятія завершаютъ развитіе рефлексіи и составляютъ вѣнецъ усилій ума, конечное слово всякихъ актовъ сужденія. Но какъ матеріальныя сокровища дороги не тѣмъ, что они собраны, лежатъ подъ замкомъ, а тѣмъ, что во всякую минуту могутъ быть употреблены на дѣло, что ихъ покупательная способность можетъ быть, по желанію, утилизована, такъ и сокровища знаній, сосредоточенныя въ понятіяхъ, могутъ быть, когда угодно, реализованы въ сужденіяхъ. Мы можемъ судить на основаніи понятій и зрѣлость, основательность ихъ не могутъ не сказаться въ сужденіяхъ. Въ томъ и состоитъ научное образованіе, чтобы, усвоивъ себѣ здравыя научныя понятія о предметахъ, мы были въ состояніи свои сужденія о вещахъ основывать на нихъ. Для ума, составившаго

себѣ понятіе о какомъ либо предметѣ, нѣтъ никакого затрудненія всесторонне обсуждать его. Если въ чемъ здѣсь состоитъ трудность, то именно въ выборѣ надлежащаго понятія, годнаго къ обсуждаемому дѣлу, идущаго къ случаю. Пригодно ли извѣстное понятіе, чтобы служить основою для обсужденія даннаго факта, должно ли въ немъ произвести нѣкоторыя измѣненія въ смыслѣ нѣкотораго приспособленія къ факту, этотъ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ на основаніи одного понятія: для того требуются особое ad hoc сопоставленіе данныхъ наблюденія съ понятіемъ и соображеніе, подходятъ ли подъ него эти данныя. Когда указанная предосторожность не соблюдена, безукоризненному понятію можетъ не соотвѣтствовать достоинство сужденія. Въ абстрактномъ отношеніи каково понятіе, таково же будетъ и сужденіе, но когда требуется практичность его, то понятіе, превосходное само по себѣ, можетъ быть непригоднымъ къ дѣлу. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что у иныхъ людей понятія прекрасны, но сужденія очень дурны.

Такимъ образомъ наши понятія состоятъ въ живомъ взаимодѣйствіи съ сужденіями. Всякій успѣхъ въ наблюденіи или размышленіи сейчасъ же сказывается на нашихъ понятіяхъ, и на оборотъ, все развитіе, достигнутое нами въ понятіяхъ, отражается на сужденіяхъ. Они суть сокровищницы знаній, куда мы слагаемъ все добытое вѣчно живымъ и дѣятельнымъ нашимъ сужденіемъ, и откуда мы черпаемъ полною рукою матеріалъ для своихъ актовъ сужденія.

Умозаключеніе.

Въ понятіяхъ мы имѣемъ одну форму объединенія разнообразныхъ мыслей: что въ сужденіяхъ мы мыслимъ раздѣльно, то, собранное и сосредоточенное въ понятіи, становится многосторонним цѣлымъ. Но столь же существенна потребность и въ обосновываніи сужденій: основательными они становятся, когда видно, на чемъ они опираются, когда можно указать ихъ логическое основаніе. Является настоятельная нужда въ такого рода сочетаніи сужденій, при которомъ одно могло бы служить основаніемъ для другого. Съ другой стороны, есть потребность установить связь и между понятіями, чтобы возможно было отъ однихъ переходить къ другимъ и сознавать солидарность между

ними; безъ взаимной связи они были бы похожи на множество точекъ, не связанныхъ между собою никакими линіями. Соединяя понятія въ сужденіяхъ, мы, конечно, можемъ дать группамъ ихъ нѣкоторую связь. Но тогда не будетъ связи между группами, каждое сужденіе мыслилось бы тогда изолированно отъ другого. Многочленнаго организованнаго цѣлаго изъ многихъ понятій и сужденій тогда получиться не могло бы. Мысль требуетъ строя, должна занимать свое мѣсто въ ряду другихъ мыслей. Поэтому мышленіе пытается соединять сужденія и понятія въ одно цѣлое и это дѣлается имъ въ умозаключеніяхъ.

Хотя raison d'etre умозаключеній заключается въ потребности дать связность сужденіямъ и понятіямъ, мы не думаемъ, однакожъ, утверждать, что они являются въ рефлексіи уже послѣ того, какъ возникнутъ и выработаются вполнѣ послѣднія, всего менѣе, что умозаключеніе является уже послѣ развитія въ умѣ понятій: о нихъ скорѣе мы готовы утверждать, что они возникаютъ гораздо позже умозаключеній, такъ какъ для своего образованія требуютъ обширнаго опыта, основательнаго и зрѣлаго мышленія. Эти три формы рефлективной дѣятельности: представленія, сужденія и умозаключенія возникаютъ почти одновременно. Можно указать, какая изъ этихъ формъ передъ какою имѣетъ логическое prius, но опредѣлить, какое время раздѣляетъ появленіе каждой изъ нихъ, совершенно невозможно. Невозможно судить о чемъ либо, не имѣя никакого представленія о предметѣ сужденія, слѣдовательно, представленіе и логически и по времени имѣетъ prius предъ сужденіемъ. Казалось бы, что невозможно умозаключать, не обладая никакими сужденіями, и поскольку дѣло шло бы о чисто логическихъ силлогизмахъ, состоящихъ изъ развитыхъ по формѣ логическихъ сужденій, было бы основательно думать, что первые безъ послѣднихъ невозможны, слѣдовательно, сужденія имѣютъ и временное и логическое prius предъ умозаключеніями. Также о простыхъ заключеніяхъ отъ одного факта къ другому, отъ одной мысли къ другой вѣрнѣе всего было бы думать, что они возникаютъ послѣ того, какъ душа начнетъ обозначать предметы, слѣдовательно, когда бываетъ въ состояніи сводить одинъ предметъ съ другимъ по сходнымъ обозначеніямъ ихъ, или обозначенія сводить вмѣстѣ по сходству предметовъ. Такія заключенія являются, вѣроятно, очень скоро послѣ возникновенія фактическихъ сужденій. Нѣкоторое же подобіе умозаключеній (analogon ихъ) является ранѣе даже и

такихъ сужденій. Это своего рода чаянія, догадки, опирающіяся не на сознанную мысль или сужденіе, а скорѣе на ассоціацію представленій. Къ подобнымъ заключеніямъ, несомнѣнно, способны и животныя, не только высшія, относительно которыхъ и сомнѣнія въ томъ быть не можетъ, но даже сравнительно низшія. Всѣ тѣ животныя, которыя хитрятъ, избѣгая опасности, подстерегаютъ свою добычу, нападаютъ, избирая слабую сторону своего противника, безъ всякого сомнѣнія, дѣлаютъ заключенія. Во всякомъ случаѣ въ очень раннемъ возрастѣ человѣкъ доходитъ до заключеній: что если есть одно, то есть и другое, или если есть одно, то нѣтъ другого. Конечно, онъ не можетъ мыслить этихъ заключеній въ абстрактной формѣ, но онъ сопоставляетъ такъ свои представленія, что какъ будто руководится такимъ умозаключеніемъ. Основаніемъ для него въ этомъ случаѣ служитъ ассоціація, на которой первой онъ учится понимать слѣдованіе одной мысли за другою. О такихъ заключеніяхъ мы не рѣшаемся утверждать, что они развиваются непремѣнно *послѣ* образованія сужденій. Фактъ, что ребенокъ выучивается размѣщать тѣла въ пространствѣ, узнавать ихъ объемъ и разстояніе отъ себя, замѣчать движеніе, комбинировать показанія осязанія съ ощущеніями зрѣнія и т. под. показываетъ, что пріемъ заключеній развивается въ немъ чрезвычайно рано, до развитія сознательной жизни и даже активной рефлексіи, во всякомъ случаѣ ранѣе, чѣмъ обыкновенно то предполагается.

Пріемъ умозаключеній помогаетъ рефлексіи ставить въ логическую связь сужденія, понятія и представленія. Умъ сознаетъ солидарность между своими мыслями: утвержденіе одной ведетъ за собою утвержденіе другой и отрицаніе одной предполагаетъ отрицаніе другой и утвержденіе третьей. Какъ положенія чрезъ силлогизмъ соединяются логическими узами, такъ и представленія и понятія, входящія въ составъ ихъ, вступаютъ во взаимную связь. Слѣдовательно, этотъ пріемъ вноситъ въ случайно и разрозненно возникшіе умственные элементы порядокъ, поставляетъ ихъ въ соотношенія, стремится изъ нихъ создать одно цѣлое, солидарное въ своихъ частяхъ.

Методическое мышленіе: индукція и дедукція.

У многихъ умственное развитіе и останавливается на этой ступени развитія. Они навыкаютъ въ образованіи разнообраз-

ныхъ сужденій, достигаютъ большей или меньшей гибкости въ умозаключеніяхъ, успѣваютъ образовать довольно полныя и разносторонніе понятія. Оставаясь чуждыми наукѣ и той высшей культурѣ ума, которая достигается только научнымъ образованіемъ, они не въ состояніи подняться до высотъ методическаго мышленія: не то, чтобъ они оставались совершенно чужды всѣмъ благамъ послѣдняго, до нѣкоторыхъ результатовъ его они доходятъ, но это дѣлаютъ случайно, не отдавая себѣ отчета, почему они такъ или иначе мыслятъ, почему такой выводъ, а не другой долженъ быть сдѣланъ.

Итакъ послѣдняя и самая высокая ступень развитія рефлексіи есть методическое мышленіе. Въ сущности, оно не есть какой либо особый родъ умственной дѣятельности; такъ же оно стремится къ образованію понятій, составляетъ сужденія, поставляетъ ихъ во взаимную логическую связь, какъ и обыкновенное мышленіе. Но въ послѣднемъ нѣтъ метода, пріема. Методическое мышленіе не только идетъ къ своей цѣли, но и сознаетъ пути, по которымъ оно движется, не просто обладаетъ мыслію, но и знаетъ способы, какими эта мысль могла бы быть снова найдена, какъ бы возстановлена. Тогда какъ обыкновенное мышленіе довольствуется понятіями, образованными случайно, методическое старается достигнуть понятія, всесторонне исчерпывающаго свой предметъ. Сужденія и выводы его также не случайны, а дѣлаясь по опредѣленнымъ и яснымъ методамъ, достигаютъ, возможной для человѣческаго разума, основательности. Наконецъ, опираясь на силлогизмъ, методическое мышленіе каждой мысли, а понятію и сужденію, даетъ свое опредѣленное мѣсто, соотвѣтствующее ихъ значенію, и построяетъ изъ нихъ органическое цѣлое.

Методическое мышленіе раздѣляется на двѣ главныхъ вѣтьви: индукцію и дедукцію. Образованіе понятій и новыхъ сужденій на основаніи опыта и наблюденія относится къ области индуктивнаго мышленія, выведеніе частныхъ сужденій изъ общихъ, обобщеніе, логическое связываніе ихъ въ одно цѣлое—все это есть дѣло дедукціи.

Индуктивное мышленіе направляется къ обобщенію частныхъ фактовъ наблюденія и опыта; оно открываетъ порядокъ въ сосуществованіи и преемствѣ явленій. Такъ какъ одни явленія неизмѣнно предшествуютъ другимъ, а эти слѣдуютъ за первыми, то оно старается опредѣлить постоянную связь между ними.

Оно пользуется при этомъ разнообразными методами: согласія, различія, сопутствующихъ измѣненій, остатковъ, пріемами: гипотезъ, приблизительныхъ обобщеній и аналогій. Съ помощью такихъ разнообразныхъ средствъ оно приходитъ къ первообразнымъ и эмпирическимъ законамъ, т. е. къ общимъ положеніямъ, выражающимъ способы дѣйствованія силъ природы при извѣстныхъ условіяхъ. Такія обобщенія дѣйствительно расширяютъ область знанія; ибо кромѣ того, что чрезъ наблюденіе и опытъ постоянно увеличивается сумма извѣстныхъ фактовъ, индукція отъ подмѣченнаго въ извѣстномъ мѣстѣ и времени дѣлаетъ шагъ къ мысли о томъ, что бываетъ всегда и вездѣ при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Какъ элементарные логическіе пріемы ума постоянно и притомъ цѣлесообразно употребляются умомъ, вовсе несознающимъ, почему и какъ онъ логически дѣйствуетъ, такъ и пріемы индуктивнаго мышленія также могутъ безсознательно прилагаться къ дѣлу некультурнымъ умомъ. Простой человѣкъ, никогда не слыхавшій о Логикѣ, объ индукціи, тѣмъ не менѣе можетъ индуктивно заключать, на основаніи своего наблюденія, къ причинной связи явленій. И практическіе умы пользуются пріемами согласія, различія и сопутствующихъ измѣненій для своихъ догадокъ о причинахъ явленій; они употребляютъ также въ дѣло, когда нужно, гипотезы, приблизительныя обобщенія и аналогіи. Различіе между ненаучнымъ и методическимъ употребленіемъ индукціи то, что первое пользуется пріемами, не отдавая себѣ отчета, какіе это пріемы, и что оно обыкновенно употребляетъ ихъ безъ всякихъ предосторожностей, такъ что, рядомъ съ цѣнными выводами, получаются и нелѣпые. По индуктивнымъ методамъ ненаучный умъ подтверждаетъ фактами свои заблужденія и предразсудки, онъ дѣлаетъ предположенія, ни на чемъ не основанныя, и аналогіи на основаніи случайнаго сходства предметовъ. Возможностію безсознательнаго употребленія индуктивныхъ методовъ и пріемовъ объясняется, почему еще до развитія точныхъ индуктивныхъ наукъ человѣческій умъ приходилъ къ нѣкоторымъ обобщеніямъ связи въ явленіяхъ, почему сдѣлано было, конечно на основаніи наблюденія, не малое количество полезныхъ открытій. Баконъ не былъ изобрѣтателемъ индукціи, какъ таковой: онъ первый далъ теорію ея, указалъ способы и правила ея употребленія и тѣмъ далъ толчокъ развитію научныхъ изслѣдованій. Defacto индукція существовала и до него, какъ и до

Аристотеля существовалъ силлогизмъ въ смыслѣ безсознательно употребляемаго рефлексіей способа сочетанія мыслей, хотя теорія его въ первый разъ дана была этимъ философомъ.

Чрезъ индукцію умъ идетъ отъ частнаго къ общему и пріобрѣтаетъ рядъ положеній, выражающихъ общіе способы дѣйствованія силъ природы. Возникаетъ двоякая потребность: во-первыхъ — воспользоваться индуктивными обобщеніями для объясненія частныхъ фактовъ и во вторыхъ — поставить выводы во взаимную связь.

Сами по себѣ индуктивныя обобщенія не содержатъ прямого указанія на частные опредѣленные факты. Они говорятъ лишь о томъ, что бываетъ при извѣстныхъ условіяхъ, обстоятельствахъ, но что произошло вчера, есть сегодня, или будетъ завтра, на это они не указываютъ. Тѣмъ не менѣе смыслъ ихъ въ томъ и состоитъ и для того они и дѣлаются, чтобы съ помощію ихъ объяснять связь и зависимость явленій. Какъ же пользоваться ими для разъясненія частныхъ фактовъ? только чрезъ дедукцію. Для нея они составляютъ какъ бы общія посылки, изъ которыхъ мы выводимъ частные факты, какъ заключенія. Дедуктивно физикъ съ помощію общихъ индуктивныхъ положеній своей науки объясняетъ разнообразные факты паденія тѣлъ, движенія ихъ, увеличенія въ объемѣ отъ повышенія температуры и т. д., физіологъ изъ положеній Физіологіи выводитъ частные наблюдаемые имъ случаи мускульной дѣятельности, пищеваренія. Въ этихъ случаяхъ мы пользуемся силлогистическимъ пріемомъ, на которомъ единственно основывается дедукція. Съ другой стороны, сама индукція, образуя общія положенія, не обладаетъ никакими средствами ставить ихъ во взаимную связь, подводить ихъ подъ болѣе общіе принципы, такъ чтобы изъ разнообразныхъ положеній образовалось систематическое цѣлое, одна наука. Такую задачу беретъ на себя дедукція. Она дѣлаетъ обобщенія, она ведетъ ихъ далѣе, доходя до общихъ принциповъ не чрезъ опытъ и наблюденіе (въ нихъ принциповъ и быть не можетъ), но чрезъ силлогизмы. Между разнообразными познаніями она образуетъ связь, соединяя ихъ въ одну систему, и въ ней каждому понятію и положенію дается свое мѣсто, соотвѣтствующее значенію каждаго.

Мы прослѣдили постепенное развитіе рефлексіи, начиная съ самыхъ малыхъ ея зачатковъ и кончая зрѣлыми плодами ея развитія. Методическое и систематическое мышленіе, вѣнецъ

всего рефлективнаго роста, достигается довольно поздно; сознательнымъ оно становится, когда человѣкъ уже усвоитъ себѣ содержаніе науки и до нѣкоторой степени самъ начнетъ самодѣятельно работать надъ нимъ. Но простые элементарные пріемы, за исключеніемъ понятій, являются въ умѣ весьма рано: при малыхъ умственныхъ потребностяхъ, текущія нужды познаванія вполнѣ покрываются ими. Самое развитіе рефлексіи совершается не такъ, что одинъ пріемъ является за другимъ, форма за формою, раздѣляясь приблизительно равными промежутками времени. Почти одновременно съ общими представленіями возникаютъ пріемы сужденій и заключеній, сразу такимъ образомъ залагаются первоначальныя основы знанія. Дальнѣйшій прогрессъ рефлексіи состоитъ въ томъ, что каждый изъ этихъ познавательныхъ пріемовъ улучшается и углубляется: они становятся разнообразными по своей формѣ и содержанію. Съ наступленіемъ зрѣлости умъ уже не довольствуется случайнымъ собираніемъ знаній, но усиливается вести это дѣло правильно и методически, не ограничивается случайными общими представленіями, но пытается сосредоточивать свои знанія о вещахъ въ одну цѣлую мысль и дать имъ систематическій порядокъ. Въ этомъ періодѣ развитія возникаютъ въ умѣ понятія, являются методы и пріемы индуктивнаго и дедуктивнаго мышленія.

Послѣднія цѣли ума и смыслъ его дѣятельности.

Умъ проходитъ долгую и трудную школу, подготовляясь къ методическому и систематическому мышленію. Его существованіе есть непрерывный трудъ, дѣятельность безъ конца. Спрашивается, какой смыслъ во всей умственной работѣ и какія послѣднія цѣли, къ которымъ болѣе или менѣе инстинктивно движется умъ?

Послѣднія цѣли для умственной дѣятельности и слѣдовательно, перводвижущія его причины не могутъ ставиться самимъ умомъ. Онъ, какъ глазъ, видитъ, различаетъ, сравниваетъ то, что находится предъ нимъ, но почему глазъ глядитъ сюда или туда, вблизь или вдаль, это зависитъ не отъ него, а отъ мускуловъ, дающихъ ему направленіе и переводящихъ его съ одного предмета на другой. Мы докажемъ впослѣдствіи что движущая умомъ сила исходитъ отъ воли, которая лежитъ въ основаніи

даже нѣкоторыхъ, повидимому, чисто умственныхъ дѣйствій. Она же ставитъ и послѣднія цѣли для ума, дающія смыслъ и опредѣленное значеніе его дѣятельности. Однѣ изъ этихъ цѣлей ближайшія и поверхностныя, другія болѣе отдаленныя.

Ближайшія цѣли ума заключаются въ познаваніи окружающей субъекта дѣйствительности. Каждое существо призвано къ дѣятельности на извѣстномъ болѣе или менѣе широкомъ поприщѣ. Всѣ существа жаждутъ умножить бытіе свое чрезъ дѣятельность. Но успѣхъ ея зависитъ отъ степени знанія окружающихъ существъ и вещей. Чтобы достигать ближайшихъ цѣлей, надобно знать и представлять себѣ ихъ, равно какъ знать, какими средствами онѣ могутъ быть осуществляемы. Знаніе средствъ и цѣлей предполагаетъ знакомство съ реальною зависимостію явленій, т. е. связью причинъ и дѣйствій. Воля не можетъ быть равнодушна къ вопросу о степени знакомства души съ окружающимъ міромъ, мѣстомъ ея дѣятельности. Отъ него идутъ впечатлѣнія, потрясающія душу страхомъ, угрожающія самому существованію человѣка; отъ него исходятъ различныя противодѣйствія, возбуждающія гнѣвъ души, въ немъ встрѣчаются разныя громадныя энергіи, грандіозныя явленія. Особенно же въ окружающемъ насъ мірѣ размѣщена Іерархія духовъ, въ которой каждое существо занимаетъ свое мѣсто и къ судьбамъ своего положенія въ которой мы неравнодушны въ высокой степени. Какъ мы увидимъ на состояніяхъ сердца, разныя перипетіи въ отношеніяхъ къ ней сильнѣйшимъ образомъ насъ интересуютъ и возстанія и паденія въ ней возбуждаютъ глубокія чувствованія. Чтобы стоять твердою ногою на почвѣ реальности и зорко слѣдить за своимъ положеніемъ среди подобныхъ существъ, требуется неустанная дѣятельность ума и она постоянно возбуждается и поддерживается волею.

Но кромѣ служенія текущимъ нуждамъ и потребностямъ воли, умъ имѣетъ болѣе благородное назначеніе удовлетворять глубокимъ и высшимъ ея стремленіямъ и наклонностямъ. Въ послѣдствіи намъ придется не разъ говорить, что есть глубокое стремленіе воли къ цѣнному и значительному бытію. Отъ сосѣдства съ нимъ и близости къ нему душа сама чувствуетъ себя лучше и совершеннѣе, счастливѣе. Она влечется къ нему, жаждетъ соединиться съ нимъ. Поэтому душа придаетъ значеніе истинному бытію въ отличіе его отъ бытія только мнимаго, кажущагося, она стремится къ истинѣ, отвращается отъ лжи: ибо

первая есть бытіе настоящее, реальное, а послѣдняя мнимое, фальшивое, принимающее только форму бытія. Достиженіе истины, устраненіе лжи и суть существенныя задачи ума, поставляемыя ему волею.

Въ этой цѣли, поставленной волею, и слѣдуетъ искать отвѣта на вопросъ, почему человѣческій умъ неуклонно движется къ раскрытію сокровеннѣйшихъ сторонъ бытія, почему онъ не удовлетворяется внѣшними примѣтами вещей, чего было бы достаточно для практической дѣятельности, но стремится заглянуть за предѣлы явленій, проникнуть въ вещи, каковы онѣ суть сами въ себѣ. Она же объясняетъ, почему онъ старается достигнуть истины извѣстными формами и пріемами.

Умъ не останавливается на множествѣ конкретныхъ существованій, на мірѣ измѣнчивыхъ текущихъ явленій, но ищетъ бытія неизмѣннаго и притомъ типическаго, родоваго. Въ этомъ множествѣ окружающихъ насъ предметовъ дѣйствуютъ законодательныя нормы, какъ типы ихъ. Онѣ опредѣляютъ почему предметъ таковъ, а не другой, почему въ немъ такъ, а не иначе соединены признаки, существуетъ такое, а не другое дѣленіе на части и при томъ на извѣстныя части. Умъ стремится схватить такіе общіе типы, какъ законодательныя идеи, опредѣлявшія бытіе предметовъ. Съ другой стороны, подъ измѣнчивостію и текучестію явленій онъ стремится открыть неизмѣнные и вѣчные законы, опредѣляющіе связь и зависимость вещей, возникновеніе и теченіе событій и измѣненій ихъ. Такъ какъ истинно сущее не просто существуетъ только, но есть вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто цѣнное, имѣющее значеніе, какъ цѣль или какъ средство, то, стремясь къ истинѣ, умъ усиливается открыть смыслъ и значеніе совершающагося кругомъ его въ мірѣ: онъ хочетъ понять его, какъ міръ цѣнностей безконечно различныхъ степеней, указать взаимное ихъ соотношеніе, изъ этого смысла вывести содержаніе главныхъ въ немъ событій.

Эти стремленія даютъ происхожденіе наукѣ. Она культивируется умами, какъ органъ истины; къ ней влекутся умы, потому что надѣются чрезъ нее сблизиться съ истинно-сущимъ. У кого это стремленіе сильно и дѣйственно, тотъ и есть ученый по призванію. Какъ далеко можетъ быть осуществлено такое стремленіе ума, это другой вопросъ. Но чего люди хотятъ, въ то вѣрятъ и надѣются то осуществить. Человѣкъ работаетъ для науки въ надеждѣ когда-либо въ отдаленномъ будущемъ если недостиг-

нуть истины, то быть ближе къ ней: отъ одного приближенія къ ней онъ надѣется стать лучше и совершеннѣе.

Главное и существенное стремленіе ума есть влеченіе къ истинѣ: оно одушевляетъ и окрыляетъ его въ неустанномъ познаваніи вещей. Но было бы несправедливо не упомянуть еще о важныхъ вѣтвяхъ его дѣятельности, являющихся тоже подъ вліяніемъ стремленій воли. Не съ одною только истиною старается она сблизиться, но также и съ красотою, благомъ: она влечется къ красивому и изящному и отвращается безобразія, въ дѣятельности своей она хочетъ осуществить должное, благое, справедливое, и не хочетъ зла. Чтобы осуществить эти влеченія, необходимо различать въ вещахъ красивое отъ безобразнаго, доброе отъ злаго, справедливое отъ незаконнаго. Умъ является существеннымъ помощникомъ воли при реализаціи указанныхъ явленій. На основѣ ихъ онъ созидаетъ цѣлыя области эстетическихъ и нравственныхъ понятій, стремится обобщать эстетическія и нравственныя явленія, открыть законы, управляющіе ими, дать отчетъ, на чемъ основывается вкусъ, одобряя или порицая формы предметовъ, и почему одни поступки нравственны, а другіе безнравственны. Развивая себя и укрѣпляя въ дѣятельности по обоимъ указаннымъ направленіямъ, рефлексія является какъ эстетическій и нравственный умъ. Такъ какъ благо и красота суть единственныя возможныя цѣнности въ мірѣ и онѣ суть истинно сущее въ прямомъ смыслѣ, то познаніе красоты и и блага становится существенною цѣлію ума, влекущагося къ истинѣ. Въ концѣ концовъ влеченіе къ истинѣ должно совпасть съ стремленіями къ благу и красотѣ.

Достоинства и недостатки ума.

Различіе умовъ по объему: широта, обширность и узость ихъ.

Разсмотримъ теперь возможныя достоинства и недостатки ума. Языкъ, весьма наблюдательный въ этомъ отношеніи, очень подробно обозначаетъ различныя сильныя и слабыя стороны его. Съ одной стороны, онъ называетъ разныя степени напряженія

его, съ другой — оцѣниваетъ размѣры, объемъ его, и наконецъ, обозначаетъ различныя достоинства ума по результатамъ, къ которымъ онъ приходитъ.

Подъ объемомъ ума мы разумѣемъ способность его справляться съ обширнымъ мыслительнымъ содержаніемъ. Въ этомъ отношеніи умственныя силы различныхъ людей бываютъ весьма различны: такъ мы говоримъ о широкихъ и обширныхъ умахъ и противополагаемъ имъ узкіе. Первые умы обладаютъ способностію широкаго умственнаго кругозора и умѣютъ найтись среди разнообразнаго логическаго матеріала. И хотя оба упомянутыя названія въ общемъ смыслѣ значатъ одно и тоже, тѣмъ не менѣе широта ума имѣетъ свой оттѣнокъ, отличный отъ обширности его. Широкій умъ способенъ входить въ разнообразные умственные интересы, понимать различныя точки зрѣнія на предметы; ему доступны многія области знаній и разнообразныя направленія въ нихъ; онъ отличается широтою пониманія. Обширный умъ способенъ къ широкимъ соображеніямъ: онъ можетъ овладѣть чрезвычайно разнообразнымъ и обильнымъ умственнымъ содержаніемъ, сопоставить его, не опуская изъ виду ничего существеннаго, сообразить соотношеніе частей его, принять во вниманіе доказательства pro и contra возможнаго рѣшенія задачи.

Умамъ широкимъ и обширнымъ противополагаются узкіе. Они обнаруживаютъ узость въ своихъ понятіяхъ и сужденіяхъ. Какъ будто вмѣстимость нѣкоторыхъ умовъ бываетъ очень ограниченная и они не способны широко понимать и обсуживать предметы. Многихъ точекъ зрѣнія, особенно далекихъ отъ привычнаго воззрѣнія ихъ на вещи, они не въ состояніи понять. такъ что, кромѣ собственнаго міросозерцанія, другіе взгляды для нихъ недоступны. Многія понятія, иного характера, болѣе высокія и обширныя, чѣмъ какими они обладаютъ, для нихъ на вѣки остаются terra incognita. Къ этому присоединяется еще неспособность вникать въ разнообразное содержаніе, соображать разныя стороны дѣла, сопоставлять представленія и понятія, дабы обнять предметъ съ разныхъ сторонъ. Такіе умы никогда не господствуютъ надъ областію мысли и распорядителями въ умственномъ дѣлѣ не бываютъ: сложность содержанія или подавляетъ ихъ, такъ что они чувствуютъ свое безсиліе справиться съ нимъ, или, схватывая лишь часть его, болѣе подходящую къ ихъ кругозору, они остаются при убѣжденіи, что усвоенное ими

и есть все, на что слѣдуетъ въ данномъ случаѣ обратить вниманіе. Поэтому напрасный трудъ просвѣщать такихъ людей въ какомъ бы то ни было сложномъ вопросѣ; они или совсѣмъ не поймутъ говоримаго имъ, будучи не въ состояніи обнять сложное умственное содержаніе, или остануться при своемъ убѣжденіи и никогда не постигнутъ, что они могутъ ошибаться и что есть многихъ другихъ, кромѣ извѣстныхъ имъ, сторонъ въ предметѣ. Это и есть настоящіе ограниченные умы.

Различіе умовъ по степенямъ напряженія.

Различны бываютъ умы и по степени своего напряженія. Въ этомъ отношеніи мы говоримъ объ умахъ гибкихъ, острыхъ, проницательныхъ и быстрыхъ.

Тѣ умы называются гибкими, въ которыхъ мы находимъ свойства, подобныя качествамъ эластичныхъ тѣлъ. Послѣднимъ можно дать какую угодно форму. они уступятъ всякому давленію; растягиваясь, они примутъ большой сравнительно съ обыкновеннымъ объемъ; будучи сдавливаемы, они становятся по объему меньше. Способныя ко всякимъ измѣненіямъ, они, однакожъ, представленныя самимъ себѣ, тотчасъ принимаютъ свою обыкновенную форму и возвращаются въ прежній обычный объемъ. Подобныя этимъ свойства могутъ встрѣчаться и въ нѣкоторыхъ умахъ. Есть умы чрезвычайно подвижные, во всякое время готовые дѣятельно работать; съ другой стороны, они способны примѣняться къ разнымъ потребностямъ и нуждамъ познаванія: они найдутъ исходъ изъ всякого умственнаго затрудненія: всякій вопросъ найдетъ ихъ готовыми отвѣчать: смотря по обстоятельствамъ и предмету познаваемому, по цѣли познанія, они найдутъ въ себѣ соотвѣтствующія умственныя средства; въ веселой бесѣдѣ, разсуждая о комическихъ сторонахъ жизни, они готовы развивать свои соображенія о ней въ этомъ направленіи, съ серіозными людьми, трактуя о важныхъ вопросахъ, такіе умы входятъ въ ихъ содержаніе и развиваютъ соображеніе въ этомъ духѣ. Всякій тонъ, оттѣнокъ, всякое направленіе въ содержаніи, съ которымъ они встрѣчаются, находитъ въ нихъ отголосокъ и соотвѣтствующія умственныя усилія. Примѣняясь ко всему, такіе умы остаются, однакожъ, вѣрными самимъ себѣ: при всѣхъ случаяхъ они обнаруживаютъ силу и энергію въ бо-

лѣе или менѣе равной степени. Эти умы называются эластическими. Какъ эластичнымъ тѣломъ мы противополагаемъ грубыя лишенныя упругости, такъ гибкимъ умамъ противополагаются грубые. По природѣ своей не способные примѣняться къ обстоятельствамъ и содержанію задачъ, они остаются неподвижно при однихъ и тѣхъ пріемахъ, хотя бы обстоятельства иногда требовали ихъ измѣненія; ихъ способъ отношенія къ дѣлу и задачамъ остается одинъ и тотъ же: отзвукъ и сочувствіе находятъ въ нихъ лишь то, къ чему они привыкли, надъ чѣмъ обыкновенно они работаютъ. Отсюда ихъ неспособность найти тонъ, соотвѣтствующій обстоятельствамъ дѣла, видоизмѣнить пріемъ, когда задачи ставятся болѣе сложными, чѣмъ къ какимъ они привыкли; отсюда измѣриваніе всего на одинъ и тотъ же аршинъ, обсужденіе всего по одному и тому же шаблону. Это рутинные умы, привыкшіе ходить всегда по одной и той же дорогѣ, однимъ и тѣмъ же путемъ.

Далѣе, по степени напряженія, мы различаемъ умы острые и проницательные. Мы уподобляемъ ихъ въ томъ случаѣ острымъ рѣжущимъ орудіемъ. Острый ножъ наприм. легко проникаетъ въ предметъ: онъ можетъ дѣлить его на тонкія части. Такъ, мы называемъ умъ острымъ, когда онъ легко вникаетъ во всякій предметъ, съ которымъ ему приходится имѣть дѣло, чрезъ видимую его форму легко доходитъ до внутренней его сущности, самымъ тонкимъ образомъ анализируетъ его, во всякой задачѣ сразу видитъ въ чемъ дѣло. Въ предметахъ, большинству людей кажущихся сходными, онъ открываетъ различіе, и въ предметахъ, обыкновенно идущихъ за различные, онъ находитъ сходство. Съ чѣмъ бы онъ не имѣлъ дѣло, острый умъ пойдетъ всегда далѣе обыкновенныхъ умовъ: трактуя о сходствѣ вещей, онъ прослѣдитъ за нимъ глубже, чѣмъ обыкновенно это дѣлается, и разбирая различіе ихъ, онъ укажетъ болѣе тонкое. Открывая въ сходныхъ предметахъ различіе и въ различныхъ сходство, умъ возвышается до остроумія: неожиданностію своихъ сближеній и различеній онъ поражаетъ и удивляетъ, такъ что дѣятельность такого ума кажется игрою; дѣйствительно, остроуміе всегда кажется игривымъ настроеніемъ и расположеніемъ ума. Когда мы желаемъ означить, что отъ остраго ума не укрывается ничего существеннаго въ предметѣ и что онъ легко входитъ во всѣ частности его, мы называемъ его *проницательнымъ*.

Качество ума, противоположное остротѣ его, есть тупость.

Тупой умъ не способенъ къ аналитической дѣятельности: онъ не въ состояніи дать себѣ отчетъ ни въ сходствѣ ни въ различіи предметовъ и безсиленъ раздѣльно прослѣдить признаки ихъ. Не способный къ вниканію въ дѣло, онъ проходитъ мимо особенныхъ и характерныхъ подробностей: для него нѣтъ ни великаго, ни смѣшнаго, ни страннаго: ко всему онъ безразлично тупо относится. Этотъ умъ, слѣдовательно, во 1-хъ, апатиченъ ко всякимъ впечатлѣніямъ и во 2-хъ, не способенъ къ различенію и уподобленію предметовъ. Но такъ какъ обстоятельства жизни все таки вынуждаютъ и тупые умы составлять себѣ взгляды, образовывать убѣжденія, то разъ пришедши къ какому нибудь мнѣнію, они уже упорно держатся его. Такъ какъ въ дѣлѣ анализа они слабы вообще, то эти умы не могутъ сами открыть, что въ ихъ воззрѣніяхъ есть фальшивое, односторонняго, и легко слѣдовать указаніямъ другихъ. По этому всякія тонкія соображенія съ цѣлію переубѣдить тупаго человѣка совершенно потерянный трудъ: изъ близорукихъ въ умственномъ отношеніи они не могутъ стать, хотя бы и желали того, дальнозоркими.

По сторонѣ своего напряженія различаются умы быстрые. Этимъ именемъ мы называемъ тѣ умы, которые скоро и съ успѣхомъ совершаютъ логическіе акты. Они не нуждаются въ большомъ времени, чтобъ усвоить себѣ мысль, наприм. сложное понятіе; они, такъ сказать, ловятъ ее на лету; они быстро соображаютъ, т. е. скоро находятъ связь данной мысли съ другими, опредѣляютъ ея значеніе и т. д. и наконецъ, всякій вопросъ скоро находитъ у нихъ отвѣтъ себѣ. Конечно, само по себѣ это достоинство ума чрезвычайно цѣнное: оно сообщаетъ блескъ прочимъ достоинствамъ его. Но къ сожалѣнію, рѣдко оно соединяется съ основательностью. При скорой работѣ легко дѣлаются промахи, ошибки, лишающія ее иногда всякого достоинства. Быстрымъ умомъ противополагаются медленные, съ трудомъ и не скоро подвигающіеся въ своей дѣятельности. Они нуждаются во времени, иногда значительномъ, чтобъ совершить самое обыкновенное логическое дѣйствіе: пониманіе чужой мысли дается имъ не легко, соображеніе слѣдствій съ основаніями, данныхъ съ заключеніемъ изъ нихъ, дѣлается, у нихъ медленно, и на вопросъ надобно долго иногда ждать отъ нихъ отвѣта. Медленность ума, сама по себѣ, не есть еще недостатокъ: она неудобна, когда требуется спѣшная умственная работа, она лишаетъ человѣкъ всякого блеска. Но она нерѣдко соединяется

съ основательностію ума: медленные умы тихо подвигаются въ умственной работѣ, но она ведется у нихъ методически, правильно, съ осмотрительностію. Въ концѣ концовъ можетъ оказаться, что медленный умъ скорѣе придетъ къ цѣли, создастъ болѣе основательный и цѣнный результатъ, чѣмъ умъ быстрый, но опрометчивый. Послѣднему легко дается торжество, но часто на минуту, тогда какъ первому оно дается трудно, но за то бываетъ заслуженнымъ и прочнымъ. Въ практической жизни, на научномъ поприщѣ, гдѣ успѣхъ доставляется трудолюбіемъ, методичностію работы, основательностію дѣйствій медленные умы берутъ перевѣсъ надъ быстрыми и легкими, и скорѣе создадутъ себѣ положеніе, чѣмъ послѣдніе.

Вообще умы, способные къ продолжительной и напряженной дѣятельности, называются умами энергичными, дѣятельными, противоположные имъ апатичными и вялыми. Есть умы, которые постоянно сохраняютъ способность оживляться и возбуждаться: находятъ живой интересъ въ томъ, къ чему обыкновенные умы относятся вяло, они постоянно заняты какимъ нибудь вопросомъ, недоумѣніемъ, надъ чѣмъ нибудь работаютъ. Когда для ихъ работъ оказывается цѣль, поставленная ими ли самими или кѣмъ другимъ, они неустанно трудятся для нея. Напрягая въ высокой степени свои силы, они могутъ работать въ продолженіи значительнаго времени. На такіе умы всегда можно положиться: если требуется скорая работа, они болѣе всѣхъ другихъ къ ней способны, они легко выносятъ трудныя, продолжительныя занятія. Подвиги въ науки, въ родѣ Лексикона Дюканжа, дѣлаются именно такими умами. Апатичные и вялые умы съ трудомъ возбуждаются: у нихъ нѣтъ интересовъ, которые одушевляли бы ихъ къ труду. Принявшись за работу, они ведутъ ее какъ бы нехотя, легко отстаютъ отъ нея, на долгое время не могутъ заниматься ею: они неспособны развить энергію и поддерживать ее непрерывно во время работы. Мы называемъ ихъ лѣнивыми, потому что за всякую умственную дѣятельность они берутся не охотно и продолжаютъ ее только при сильномъ принужденіи.

Различіе умовъ по результатамъ ихъ дѣятельности.

Наконецъ, достоинства умовъ оцѣниваются по результатамъ ихъ дѣятельности. Въ языкѣ мы находимъ длинный рядъ на-

званій, которыя качества произведеній переносятъ на ихъ причину. Такъ, умы называются оригинальными, глубокими, логичными, тонкими, основательными и зрѣлыми.

Называя умъ оригинальнымъ, мы подразумѣваемъ, что такой умъ не только способенъ къ самостоятельному размышленію, но и приходитъ къ результатамъ, которые ни откуда имъ не были заимствованы и потому новы. Такіе умы своеобразны въ своихъ понятіяхъ, въ которыхъ всегда найдется что либо, только имъ принадлежащее; въ сужденіяхъ своихъ они съумѣютъ затронуть какую нибудь новую сторону предмета; размышляя о наблюдаемыхъ фактахъ, они придутъ къ обобщенію, о которомъ до нихъ никто не догадывался; въ развитіи мыслей, въ доказательствахъ они сопоставятъ и сочетаютъ мысли въ своеобразной формѣ; имъ представляются новыя идеи, которыя открываютъ новыя точки зрѣнія и новые умственные кругозоры. Степень оригинальности ихъ, конечно, можетъ быть различна: одни, при всѣхъ случаяхъ своей дѣятельности, обнаруживаютъ самобытность, наприм. какъ геніальные умы, на всё, къ чему ни прикасаются, налагающіе печать своего генія; другіе бываютъ оригинальны лишь въ извѣстномъ ограниченномъ кругу своей спеціальности и въ другихъ отношеніяхъ не обнаруживаютъ ни малѣйшей самостоятельности; у третьихъ оригинальности достаетъ только на нѣсколько идей, имѣющихъ при томъ частное значеніе; у четвертыхъ является въ умѣ одна общая идея, на проведеніе которой они и посвящаютъ всю свою дѣятельность. Отчего зависитъ оригинальность ума — этотъ вопросъ мы разберемъ впослѣдствіи. Теперь же замѣтимъ, что, по нашему мнѣнію, она не есть первоначальное свойство ума, но собственно зависитъ отъ оригинальности воображенія, которое дѣйствуя совмѣстно съ умомъ, способствуетъ новости и своеобразности его произведеній.

Неоригинальные умы носятъ названія пошлыхъ, рутинныхъ, не самостоятельныхъ. Въ путяхъ своего мышленія они идутъ по стезямъ, проложеннымъ другими. Не имѣя довѣрія къ своимъ силамъ, они мыслятъ чужимъ умомъ, живутъ не своими мыслями. Крайняя степень неоригинальности есть рабство ума, плѣнъ мысли. Такіе люди думаютъ всегда подъ впечатлѣніемъ послѣдней вышедшей книжки журнала, послѣдняго разговора, послѣдней прочитанной книги. Безсильные къ оригинальному сужденію, къ комбинаціямъ положеній, къ обобщеніямъ, они не могутъ стать своеобразными ни на добро ни на зло. Въ нихъ, какъ въ зер-

калѣ, отражается все, что ни приближается къ нимъ. Конечно, никакихъ пріобрѣтеній, цѣнныхъ въ наукѣ, отъ этихъ умовъ ожидать невозможно. Несамостоятельность ума невсегда, однакожъ, соединяется со слабостію: иногда умъ можетъ быть и довольно энергиченъ, но несамостоятеленъ, можетъ развивать удачно мысли, взятыя на прокатъ, оставаясь въ рабскомъ отношеніи къ нимъ. Не отваживаясь на новое, несамостоятельные умы придерживаются старыхъ, избитыхъ колей; усвоивая себѣ взгляды и мнѣнія большинства окружающихъ лицъ, они становятся рутинными и даже пошлыми, особенно если при слабости своей они, выбравъ изъ встрѣчающихся мнѣній тѣ, которыя имъ по плечу и подходятъ подъ ихъ вкусы, всегда и вездѣ упорно держатся ихъ.

Когда мы встрѣчаемъ умъ, способный къ изслѣдованіямъ, досягающимъ самыхъ глубокихъ внутреннихъ сторонъ предметовъ, мы называемъ его глубокимъ. Такой умъ не станетъ довольствоваться первымъ представившимся отвѣтомъ на вопросъ, но вникаетъ въ *сутъ* дѣла, и на немъ постарается обосновать отвѣтъ; при обсужденіи предмета онъ углубится въ сущность его: анализъ такого ума будетъ проникать до самыхъ внутреннихъ признаковъ, лежащихъ глубоко подъ поверхностію предмета; при доказываніи онъ обоснуетъ свой выводъ на такихъ доказательствахъ, которыя самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ доказываемою мыслію. Не позволяя себѣ случайныхъ мнѣній, онъ каждую мысль обосновываетъ на всей совокупности данныхъ, имѣющихъ къ ней отношеніе. Поэтому цѣнность и значеніе каждой мысли не могутъ укрыться отъ глубокаго ума: онъ прослѣживаетъ ее въ самыхъ отдаленныхъ основаніяхъ, равно какъ и въ далекихъ выводахъ, которые могутъ быть дѣлаемы изъ нея: онъ вполнѣ понимаетъ, какая мысль съ какими другими мыслями солидарна. Такая глубина пониманія недоступна для ума обыкновеннаго. Она предполагаетъ способность, съ одной стороны, полнаго умственнаго сосредоточенія на мыслимомъ содержаніи и съ другой — обширнаго сопоставленія мыслей.

Умамъ глубокимъ противополагаются легкіе, поверхностные. Они ни надъ чѣмъ не задумываются, такъ сказать, скользятъ мыслію по каждому предмету. Не сосредоточиваясь ни надъ чѣмъ, они не проникаютъ далѣе поверхности его: внутреннія и глубокія стороны его остаются для такихъ умовъ скрытыми. Въ своихъ понятіяхъ о предметахъ они довольствуются не суще-

ственными и видимыми признаками ихъ; они не могутъ слѣдить за отдаленными основаніями или слѣдствіями мысли. Эти умы не въ состояніи серіозно относиться ни къ какому дѣлу и такъ какъ ничто не можетъ на долго приковать къ себѣ ихъ вниманіе, то они не могутъ вдумываться во что либо. Быстро переходя отъ одного вопроса къ другому и въ порядкѣ случайномъ, какой дается ассоціаціей, они иногда могутъ производить впечатлѣніе даровитости, энергіи, хотя, въ сущности, подъ нею скрывается одна только неспокойность и суетливость мысли.

Когда мы называемъ умъ логичнымъ, то подъ этимъ названіемъ подразумѣваемъ способность его во всей своей дѣятельности оставаться вѣрнымъ правиламъ Логики. Въ связываніи своихъ мыслей онъ всегда соблюдаетъ условія логической послѣдовательности: онъ соединяетъ ихъ не какъ попало, а по силлогистическимъ правиламъ. Въ умственныхъ дѣйствіяхъ такого ума замѣчается вообще стремленіе къ методичности: при всякомъ обдумываніи онъ соблюдаетъ опредѣленный порядокъ. Такое качество ума предполагаетъ полное обладаніе логическою техникою. Чтобы сдѣлать свой умъ логичнымъ, необходимо воспитать его такимъ; путемъ методическаго правильнаго обученія и строгой дисциплины надъ самимъ собою надобно добиваться того, чтобы умъ, наконецъ, поступалъ всегда логично, даже не отдавая себѣ въ томъ отчета. Такъ какъ путь къ этой цѣли долгій и состоитъ въ продолжительныхъ трудахъ надъ собою, то понятно, что лишь въ рѣдкихъ случаяхъ логичность въ упомянутомъ смыслѣ отличаетъ молодой умъ. Но не одна только непродолжительность труда служитъ молодому уму препятствіемъ къ достиженію этого достоинства. Постоянная правильность дѣйствованія ума предполагаетъ самообладаніе, невозмутимость духа, контроль надъ собою Когда страсти вмѣшиваются въ дѣло мышленія, вліяютъ на умъ, человѣкъ теряетъ логическое чутье къ связности и основательности мыслей: безпорядочность порывовъ страстей становится причиною безпорядочности мысли. Но въ молодыхъ людяхъ страсти еще не укрощены, чувство сильно вліяетъ на умъ, спокойствія и равновѣсія духа нѣтъ. Намъ кажется, что и вообще люди съ слишкомъ живымъ темпераментомъ и съ неукрощеннымъ сердцемъ не способны быть строго логичными: нѣкоторая холодность настроенія, наклонность къ спокойствію духа составляютъ самую благопріятную почву, на которой качество логичности ума можетъ возрости.

Не логичность ума состоитъ въ безпорядочности его дѣйствій, отсутствіи опредѣленнаго пріема въ его дѣятельности. Такіе умы неспособны блюсти за собою, критиковать себя въ логическомъ отношеніи. Отсутствіе логической чуткости можетъ простираться до того, что, совершая явные логическіе грѣхи, напр. безпорядочно развивая свои мысли, они не замѣчаютъ ихъ. Нелогичность можетъ происходить и отъ преобладанія чувства надъ умомъ, когда всякое движеніе сердца отвлекаетъ помыслы въ сторону отъ логической нити, но всего чаще она происходитъ отъ отсутствія культуры ума, правильнаго и методическаго воспитанія, особенно же умственнаго самовоспитанія. Въ сущности, некультурность ума есть неумѣнье господствовать надъ ассоціаціей представленій. Мы знаемъ, какъ случайно и логически безтолково бываетъ воспроизведеніе по смежности: если отдаться ей на произволъ, то мысли будутъ припоминаться самымъ чудовищнымъ въ логическомъ отношеніи образомъ. Развитый умъ постоянно контролируетъ его, не позволяетъ вниманію уклоняться въ сторону, выбираетъ изъ нея что пригодно для цѣлей мышленія, превращаетъ ее въ послушное орудіе для своей цѣли. Этого то умѣнья и нѣтъ въ нелогическомъ умѣ. Сдѣлавъ нѣсколько вѣрныхъ шаговъ въ мышленіи, онъ подпадаетъ подъ власть ассоціаціи, отклоняется ею въ сторону отъ цѣли, психологическую смежность принимаетъ за логическую послѣдовательность и безпорядочно перебѣгаетъ отъ одной мысли къ другой. Иногда онъ забываетъ, въ теченіи воспоминанія, принимаемаго имъ за мышленіе, даже цѣль, къ которой онъ стремится, и отъ того, работая головою долго и говоря много, онъ, въ сущности, ни къ какому логически цѣнному заключенію не приходитъ.

Умъ основателенъ, когда онъ свои соображенія, выводы, заключенія основываетъ на твердыхъ и общепризнанныхъ истинахъ. Это качество присвояется уму какъ за результаты, къ которымъ онъ приходитъ въ своей дѣятельности, такъ и за способъ его дѣйствій. Въ первомъ отношеніи основательный умъ не позволяетъ себѣ никакихъ рѣшительныхъ сужденій, которыхъ онъ не могъ бы подтвердить фактами, или положеніями, несомнѣнно твердыми, ни выводовъ, которые не опирались бы на рядъ основательныхъ соображеній: такой умъ въ состояніи сказать, не только что онъ думаетъ, но и *почему* слѣдуетъ такъ, а не иначе, думать о разсматриваемомъ предметѣ. Съ другой стороны, такой умъ, прежде чѣмъ давать какое либо рѣшеніе

дѣла, выбрать рѣшительный способъ дѣйствія, старательно изучить обстоятельства, среди которыхъ ему приходится дѣйствовать, — предметъ, о которомъ онъ берется судить; при самомъ изученіи его, онъ отдаетъ себѣ отчетъ, почему онъ держится такого, а не другого метода, почему принятый имъ всего болѣе соотвѣтствуетъ изслѣдываемому предмету и т. д. Въ дѣлѣ науки такіе люди суть настоящіе ученые, способные всесторонне и глубоко обслѣдовать предметъ, обосновать новое положеніе и новую идею такъ, что они уже становятся прочнымъ научнымъ достояніемъ. Въ практическомъ мірѣ эти люди отличаются ясностію плановъ своей дѣятельности, устойчивостію принятыхъ рѣшеній; отъ нихъ исходятъ наиболѣе правильныя, практичныя рѣшенія запутанныхъ вопросовъ и они способнѣе другихъ указывать надлежащій выходъ изъ жизненныхъ затрудненій.

Когда умъ принимаетъ на себя лишь внѣшній видъ основательности, будучи безсиленъ стать таковымъ въ сущности, то онъ становится резонёрнымъ. Во всемъ должно соблюдать мѣру, также и при требованіи основаній. Иной человѣкъ не понимаетъ, когда и гдѣ слѣдуетъ добиваться ихъ: ставитъ вопросъ тамъ, гдѣ онъ совершенно безсмысленъ, — не ко времени, наприм. какъ извѣстный метафизикъ въ ямѣ, не къ мѣсту, наприм. когда, очевидно, нѣтъ надобности въ основаніи, да и невозможно указать его. Не ко времени бываетъ требованіе основаній, когда необходимо дѣйствовать, рѣшиться на что либо, или исполнять приказаніе власти, а человѣкъ тратитъ безплодно время на разсужденія, почему надобно дѣйствовать такъ, а не иначе; не къ мѣсту оно, когда требованіе прилагается къ фактамъ первоначальнымъ, причинъ которыхъ и знать не возможно. Резонерство можетъ сказываться и въ томъ, что, безтолку ставя вопросы, умъ самъ даетъ на нихъ не основательные отвѣты, такъ что въ нихъ повторяется въ другой формѣ вопросъ, довольствуется фразами вмѣсто дѣла, спрашиваетъ и отвѣчаетъ не по мотивамъ истинной любознательности, а какъ бы для препровожденія времени. По этому резонерный умъ легко относится ко всякому вопросу, не способенъ къ серіозному умственному труду, пустъ и безсодержателенъ внутри. Для истинно основательнаго ума резонеръ рѣшительно не выносимъ, какъ каррикатура или пародія на него. Этотъ недостатокъ можетъ быть развитъ неправильнымъ воспитаніемъ: оно можетъ укрѣпить наклонность къ праздному раздраженію ума, что особенно нравится молодымъ, безсодержатель-

нымъ еще, умамъ. Хотя нерѣдки примѣры взрослыхъ резонеровъ, но всего чаще они встрѣчаются между юношами, и особенно дѣтьми. Первые большею частію бываютъ теоретическіе резонеры, разсуждающіе кстати и не кстати, всюду ставящіе вопросы, вторые бываютъ больше практическіе резонеры, которые разсужденіе свое ставятъ на мѣсто послушанія.

Резонеръ всегда не основателенъ; но можетъ быть умъ, не склонный къ резонированію, тѣмъ не менѣе не основательный. Онъ слишкомъ скоръ на рѣшенія: поэтому, не обсудивъ предварительно дѣла, произноситъ надъ нимъ рѣшительный судъ, не вникнувъ въ основанія того или другого мнѣнія, принимаетъ которое либо, часто наименѣе заслуживающее поддержки. Въ практическомъ отношеніи онъ бываетъ всегда болѣе или менѣе опрометчивъ и не рѣдко раскаевается за скорыя, особенно безповоротныя, рѣшенія; въ теоретическомъ дѣлѣ онъ скоръ на гипотезы, предположенія, ничѣмъ не подтверждаемыя, взятыя, какъ говорится, съ вѣтру. Такой умъ никогда не въ состояніи выработать себѣ опредѣленные взгляды на сложные и важные предметы, твердые принципы и опредѣленные методы для своей дѣятельности: онъ то, по слову Апостола, и способенъ влаяться всякимъ вѣтромъ ученія.

Наконецъ, за особый характеръ произведеній ума мы приписываемъ ему зрѣлость. Она пріобрѣтается имъ, какъ конечный результатъ долгаго развитія и долгихъ трудовъ надъ собственнымъ образованіемъ. Какъ въ растительномъ мірѣ мы называемъ тотъ плодъ зрѣлымъ, который окончательно достигъ развитія, предназначеннаго ему природою, и въ которомъ всѣ благопріятныя качества его обнаруживаются въ наибольшей степени, такъ и умъ называемъ зрѣлымъ, когда онъ даетъ наилучшіе плоды своей умственной дѣятельности, какихъ только можно ожидать отъ него. Такъ, зрѣлый умъ обнаруживаетъ наибольшую основательность въ своей дѣятельности, обращенной къ теоріи или жизни: онъ опирается въ своихъ рѣшеніяхъ на наиболѣе твердыя и общепризнанныя основанія; его понятія и сужденія бываютъ всегда обдуманныя; такой умъ способенъ къ трудной работѣ мышленія, не бѣгаетъ и не боится ея; въ своихъ взглядахъ на людей, на общественныя отношенія, на дѣла и вещи онъ обнаруживаетъ опытность: его принципы выработаны уже и подтверждены въ глазахъ его долговременною практикою приложенія ихъ; обыкновенныхъ ошибокъ, въ которыя впадаютъ не-

наблюдательность, непониманіе и невѣжество, онъ уже не сдѣлаетъ. Во всѣхъ работахъ его сказывается полнота напряженія, также какъ въ физической дѣятельности возмужалаго человѣка вездѣ видѣнъ слѣдъ силы вполнѣ развившейся.

Зрѣлому уму противополагается незрѣлый. Такое названіе мы даемъ умамъ, которые сами по себѣ могутъ быть и даровиты, но по какимъ либо обстоятельствамъ, не могли развиться вполнѣ. Въ мышленіи ихъ замѣчается нѣкоторая недоконченность: усвоенные ими взгляды остаются, такъ сказать, непереваренными, принципы у нихъ не вошли въ плоть и кровь ихъ, а лишь внѣшне присвоены ими себѣ, мысли, мелькая въ ихъ головѣ, не бываютъ продуманы; Сциллы и Харибды умственнаго міра имъ остаются невѣдомыми, и оттого они смѣло и неосторожно берутся за всевозможные вопросы. Незрѣлый умъ не есть непремѣнно слабый, хотя онъ можетъ быть и таковымъ: наприм. есть не сильныя головы, которыя, въ силу своей слабости, и не могутъ никогда производить на кого либо впечатлѣніе зрѣлой силы. Можетъ быть умъ и очень блестящій, но незрѣлый: даровитое дитя можетъ поражать своею понятливостію, энергіей своей умственной дѣятельности, однако, остается незрѣлымъ: ему недостаетъ опытности въ мышленіи; также и даровитый человѣкъ, но пренебрегшій своимъ образованіемъ и развитіемъ, при всемъ богатствѣ ума, можетъ быть, не смотря на свои возмужалые года, не зрѣлымъ умственно: это качество ума достигается только послѣ долгаго и труднаго развитія, слѣдовательно, требуетъ и времени, (а этого условія нѣтъ у дѣтей) и работы человѣка надъ самимъ собою (этого условія не достаетъ у даровитыхъ, но лѣнивыхъ людей).

Незрѣлость ума прискорбна, конечно, въ людяхъ, которые, по своему возрасту, должны были бы обладать зрѣлымъ умомъ. Гораздо хуже ея тотъ недостатокъ, который называется преждевременною зрѣлостію. Какъ быстро и рано зрѣющимъ плодамъ недостаетъ сочности и полноты вкуса, такъ слишкомъ рано созрѣвшій умъ въ своихъ произведеніяхъ обнаруживаетъ мелкоту, тщедушность, вымученное что то и болѣзненное. Какъ ребенокъ, не по лѣтамъ вытянувшійся тѣломъ, бываетъ съ неразвитою грудью, впалыми щеками, безсильною мускулатурою, не окрѣпшими, какъ будто хрупкими, костями, такъ и преждевременно зрѣлому молодому уму не достаетъ крѣпости, содержанія, устойчивости. Онъ взбирается на неестественную для него высоту умозрѣнія, судитъ

и рядитъ о вопросахъ, которыхъ значеніе, важность и смыслъ, по малому его опыту, не могутъ быть ему вѣдомы; онъ избираетъ точки зрѣнія и способъ отношенія къ серіознѣйшимъ задачамъ и проблемамъ жизни, которые понятны лишь въ человѣкѣ, много извѣдавшемъ на путяхъ своего мышленія и жизни; онъ обнаруживаетъ взгляды, которые естественны въ человѣкѣ, лишь какъ послѣдній выводъ долгаго и глубокаго размышленія, какъ результатъ многотрудной и многоопытной жизни. Такъ какъ эти умы зрѣлы не по сущности, а по виду, формѣ, которую они на себя принимаютъ, и для разсужденій ихъ нѣтъ почвы въ нихъ же самихъ, то преждевременно зрѣлые люди бываютъ большею частію резонеры, люди фразы, копирующіе изъ себя взрослыхъ; изъ нихъ выходятъ отрицатели ради отрицанія, полагающіе за дѣло мудрости презрительное скептическое отношеніе ко всему, чего важности и значенія они не подозрѣваютъ. Понятно, какое впечатлѣніе на истинно зрѣлаго человѣка должны производить преждевременные мудрецы, въ 14, 15 лѣтъ разсуждающіе о женскомъ вопросѣ, о собственности, демократіи и т. под., которые въ своихъ приговорахъ даютъ понять, что для нихъ всѣ вопросы въ свѣтѣ не представляютъ затрудненія, что они владѣютъ послѣднимъ словомъ мудрости и что ихъ рѣшенія окончательны. Нечего скрывать, что такая зрѣлость составляетъ язву нашего времени и что она прививается преждевременнымъ раздраженіемъ головъ: чтеніемъ безъ выбора книгъ, по содержанію мало доступныхъ разумѣнію молодыхъ умовъ, разговорами окружающихъ ихъ лицъ, не соображающихся въ выборѣ предметовъ съ тѣмъ, кто ихъ слушаетъ, методами обученія, направленными къ развитію въ молодомъ поколѣніи резонерства и умничанья, иногда же возбужденіемъ въ молодомъ умѣ вопросовъ, которыхъ рѣшеніе не по силамъ ему.

Намъ остается теперь опредѣлить, какія изъ разсмотрѣнныхъ качествъ ума первоначальны какъ въ томъ смыслѣ, что не выводимы одно изъ другого, такъ и въ томъ, что присутствіемъ своимъ опредѣляютъ типъ ума, и затѣмъ — какія достоинства его наиболѣе часто встрѣчаются вмѣстѣ: они, какъ показываетъ опытъ, отнюдь не исключаютъ одно другое.

Первоначальныя достоинства ума и сочетаніе ихъ.

Такими первоначальными качествами ума должно по нашему мнѣнію, считать его широту, глубину, остроту, оригинальность и энергичность. Широта ума означаетъ какъ бы ёмкость ума и есть самостоятельное свойство, независящее отъ другихъ вышеупомянутыхъ: умъ можетъ быть широкій, но не глубокій, не острый, не оригинальный и не энергичный; таковы большею частію умы диллетантовъ-энциклопедистовъ, широко захватывающихъ разнообразные предметы, но не глубоко, остающихся вѣчными учениками другихъ и т. д. Глубина ума указываетъ, что онъ проникаетъ далеко въ глубь вопросовъ, имъ мыслимыхъ; она есть особое качество, не зависимое ни отъ широты его, ни остроты и т. д. Умъ можетъ быть глубокій, но не широкій, не оригинальный, не острый и не энергичный: таковы тяжелые и медленные умы иныхъ ученыхъ, чуждые всякаго остроумія, вникающіе въ глубь изучаемыхъ предметовъ, составляющихъ ихъ узкую спеціальность, но мало оригинальные въ своихъ взглядахъ на нихъ. Далѣе, острота ума своимъ присутствіемъ можетъ исключительно опредѣлить типъ ума: бываютъ остроумные люди, ко всему относящіеся легко, не способные самостоятельно, глубоко и широко, съ непрерывною энергіей, когда это требуется, размышлять о чемъ бы то ни было.

Качества самостоятельности и энергіи ума первоначальны въ томъ смыслѣ, что и та и другая указываютъ самостоятельное его свойство, логически невыводимое ни изъ какого другого. Они въ преимущественномъ смыслѣ опредѣляютъ типъ ума, такъ что, при встрѣчѣ ихъ съ другими достоинствами, по нимъ преимущественно называется умъ. Они сразу поражаютъ наблюдателя: для открытія другихъ достоинствъ ума требуется время, между тѣмъ какъ энергія или самобытность ума бросаются въ глаза при первой же встрѣчѣ. Это не значитъ, что они суть поверхностные качества, наименѣе глубоко коренящіяся въ умѣ; напротивъ, ни одно свойство такъ полно не опредѣляетъ сущности ума, какъ упомянутыя два.

Можно ли пять указанныхъ выше качествъ ума назвать первоначальными въ томъ смыслѣ, что они не пріобрѣтаются, а составляютъ основные дары природы, съ которыми онъ является въ свѣтъ? Относительно самобытности и энергичности ума можно

сказать утвердительно безъ всякого колебанія; относительно другихъ качествъ можно утверждать, что, хотя самодѣятельность и образованіе много можетъ укрѣпить и развить широту, глубину и остроту ума, но они безсильны дать ихъ тому, у кого нѣтъ зачатковъ этихъ достоинствъ. Оригинальность ума не пріобрѣтается воспитаніемъ и образованіемъ; энергичность его не можетъ быть также слѣдствіемъ ихъ; такъ, отъ природы апатичный и безсильный физически человѣкъ не можетъ отъ чужихъ совѣтовъ и своихъ усилій воли стать дѣятельнымъ: никто своею волею не въ состояніи умножить своихъ силъ, особенно же дать ихъ себѣ, когда ихъ нѣтъ. Острота ума, особенно то качество его, которое мы называемъ остроуміемъ, также близко стоитъ къ оригинальности его; нельзя научиться быть остроумнымъ, когда къ тому нѣтъ способности. Это правда, что чрезъ тщательное образованіе можно развить привычку широко смотрѣть на вещи, методически изслѣдовать ихъ, простирая свои розыски до глубины ихъ; но я думаю, что когда широта и глубина ума усвоены ему только воспитаніемъ, то они суть лишь внѣшнія и поверхностныя качества его: широкіе и глубокіе взгляды и изслѣдованія такихъ умовъ есть лишь подражаніе кому либо и чему либо, нѣчто выученное наизустъ, а не плодъ самородной дѣятельности ума Только тѣ умы по сущности своей глубоки и широки, которыми задатки къ этимъ качествамъ принесены въ свѣтъ при рожденіи. И въ этомъ смыслѣ я считаю первоначальными достоинствами ума всѣ пять вышеупомянутыхъ качествъ.

Сколько вообще можетъ быть различныхъ типовъ ума, на этотъ вопросъ, конечно, отвѣчать трудно. Комбинацій пяти упомянутыхъ качествъ ума можетъ быть очень много, а если принять во вниманіе, что каждое изъ нихъ можетъ имѣть разнообразныя степени напряженія, то количество разныхъ комбинацій можетъ быть необозримо. Вотъ почему можно сказать, что въ сотнѣ милліоновъ человѣкъ не найдется двухъ совершенно тождественныхъ умовъ. Поэтому о перечисленіи даже главныхъ комбинацій нечего и думать. Здѣсь мы ограничимся указаніемъ, какія качества ума съ какими наиболѣе часто сочетаваются.

Широта ума не рѣдко соединяется съ оригинальностію его: таковы широкіе философскіе умы, построяющіе оригинальныя системы, широко захватывающія разныя области бытія; эти умы съ высоты своего созерцанія способны широко обозрѣвать существующее. Гораздо рѣже такіе умы бываютъ острыми и глубо-

кими: какъ будто расширяясь они утрачиваютъ въ глубинѣ и тонкости своихъ построеній. Всего менѣе они способны къ тонкимъ аналитическимъ работамъ, отличающимъ острый умъ: обращаясь съ большими массами умственныхъ элементовъ, сочетавая ихъ въ широкія построенія, они не могутъ заниматься тонкою детальною работою. Что же касается до степени энергичности такого ума, то она все таки сравнительно менѣе энергіи ума глубокаго или остраго и т. д. Широкіе умы скорѣе склонны къ созерцательной дѣятельности, къ обширнымъ концепціямъ, къ цѣлостнымъ построеніямъ; все это требуетъ не такъ много усилій, умственныхъ движеній, какъ аналитическая работа.

Глубина ума всего чаще сочетается съ энергичностію его: глубокій умъ непремѣнно и энергичный, такъ что можно поставить вопросъ: не оттого ли умъ бываетъ глубокъ, что, обладая сильною энергіей, онъ можетъ болѣе внимательно сосредоточиваться на предметѣ размышленія и войти въ него далѣе внутрь, чѣмъ мало энергичный умъ. Мы уже говорили, что широкіе умы рѣдко бываютъ глубокими; можно теперь сказать и на оборотъ: Глубокіе умы рѣдко бываютъ широкими: мы часто видимъ, что человѣкъ, углубившійся въ какую либо спеціальность, въ частный вопросъ, сосредоточивается въ нихъ до того, что теряетъ способность широкаго кругозора. Также глубокіе умы рѣдко бываютъ и острыми: имъ не достаетъ подвижности, отличающей послѣдніе; обладая большою силою проникновенія въ предметы мышленія, они не имѣютъ легкости, необходимой для тонкихъ уподобленій и различеній. Извѣстный фактъ, что глубокіе умы бываютъ почти всегда тяжелы и неповоротливы и не обладаютъ остроуміемъ. Съ глубиною ума легко соединяется оригинальность его: такой умъ имѣетъ всего болѣе шансовъ, дѣлая глубокій анализъ предметовъ, вникая глубоко въ сущность вопросовъ, дойти до новыхъ оригинальныхъ выводовъ, взглядовъ, идей въ своей избранной спеціальности.

Острота ума соединяется почти всегда съ энергіей его; но она другого рода, чѣмъ энергія глубокаго ума. Движенія послѣдняго отличаются силою, побѣждающею затрудненія, воздвигаемыя запутанностію и сложностію понятій и принциповъ. Острый умъ отличается быстротою движенія; онъ подвиженъ: самые разнообразные предметы онъ быстро анализируетъ и различаетъ. Поэтому острота ума рѣдко соединяется съ глубиною его: для такого сочетанія необходимо, чтобы умъ въ одно время обла-

далъ и силою движенія и подвижностію, что̀ рѣдко бываетъ; мы часто видимъ на опытѣ, что остроумные люди не бываютъ глубокомысленны: дѣлая остроумныя сближенія, они большею частію скользятъ по поверхности предметовъ. Широта воззрѣній и соображеній также рѣдко отличаетъ острые умы. Дѣлая тонкія различенія и сближенія, такіе умы неспособны большею частію къ широкому умственному кругозору и обширному обобщенію: какъ будто они неспособны отвлекаться отъ чертъ различія въ предметахъ, что необходимо для широкихъ конценцій. Острые люди способны быть оригинальными: остроуміе тогда только признается таковымъ, когда въ немъ есть какая нибудь оригинальность; это уже не остроуміе, когда человѣкъ повторяетъ заученныя остроты и неспособенъ самъ дѣлать остроумныя сближенія. Но оригинальность остраго ума простирается большею частію на мелочныя вещи; самобытность en grand для него недосягаема. Дѣйствительно, мы часто видимъ, что остроумные люди поражаютъ своеобразностію въ салонномъ разговорѣ, въ рѣчахъ предъ собраніями и т. под. и однако, остаются безплодными во всѣхъ серіозныхъ работахъ: изъ нихъ не выходитъ ни великихъ оригинальныхъ ученыхъ, ни поэтовъ, ни государственныхъ мужей и т. д.

Что касается до энергіи, то она, конечно, болѣе или менѣе должна соединяться съ каждымъ изъ упомянутыхъ достоинствъ ума: безъ всякой энергіи умъ не можетъ обнаружить ни одного изъ качествъ: ни остроты, ни глубины, ни широты. Но степень энергіи, самый родъ ея, у каждаго изъ этихъ видовъ ума бываютъ различны. Въ первомъ отношеніи глубокому уму необходимо приписать наибольшую степень энергичности; требуется, необыкновенное напряженіе ума чтобы глубоко входить въ сущность понятій, или изслѣдовать мысль въ ея глубочайшихъ основаніяхъ. Затѣмъ, вторымъ, по степени же энергіи, можно поставить умъ острый: обыкновенно онъ отличается живостію при сопоставленіи умственныхъ элементовъ; для этого, конечно, нужна большая энергія, но меньшая требуется сосредоточенность ума, чѣмъ при глубокихъ соображеніяхъ. Наконецъ, широкій умъ, мы считаемъ менѣе энергичнымъ, чѣмъ первые два, хотя нельзя отрицать, что обширныя соображенія вообще требуютъ большаго напряженія со стороны ума. Относясь къ сравниваемому матеріалу болѣе созерцательно, умъ дѣйствуетъ здѣсь гораздо покойнѣе, чѣмъ при глубокихъ или тонкихъ изслѣдованіяхъ.

Съ другой стороны, самый родъ энергіи у разбираемыхъ видовъ ума различенъ. Энергія глубокаго ума отличается сосредоточенностію: въ силу ея такой умъ своимъ проницающимъ взоромъ входитъ въ глубь предметовъ. Энергія остраго ума состоитъ въ живости, подвижности, съ какою онъ перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому: это дѣятельность не столько сосредоточенная, сколько быстро проникающая въ предметы, сводящая ихъ вмѣстѣ: это бѣглость анализированія и синтезированія. Въ широкомъ умѣ мы видимъ энергію созерцанія, могущаго одновременно наблюдать за многими разнообразными вещами: этотъ умъ имѣетъ широкій умственный кругозоръ и въ состояніи разнообразные предметы его сочетать въ одну обширную картину; это широта умственнаго захвата.

Оригинальность ума не состоитъ ни въ какой прямой зависимости отъ упомянутыхъ четырехъ качествъ его. Этотъ высокій даръ природы есть, можно сказать, случайное качество, присоединяющееся къ прочимъ достоинствамъ ума. Ни широта, ни глубина, ни острота ума не предполагаютъ непремѣнно, что онъ долженъ быть оригинальнымъ; напротивъ, мы постоянно видимъ, что умы и широкіе, глубокіе и острые лишены силы создать что либо оригинальное своеобразное, такъ что отъ этихъ качествъ къ достоинству оригинальности нѣтъ никакого перехода. Но обратно, отъ оригинальности въ огромномъ большинствѣ случаевъ можно дѣлать заключеніе къ присутствію котораго либо изъ упомянутыхъ достоинствъ: оригинальный умъ *непремѣнно* или широкъ, или глубокъ, или остръ. Наиболѣе плодотворно сочетаніе оригинальности съ глубиною или широтою: великія идеи въ наукѣ, первокласныя художественныя произведенія литературы, политическія и соціальныя идеи являются въ умахъ оригинальныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ широкихъ или глубокихъ. Умы оригинально острые, хотя и способны производить огромное впечатлѣніе талантливости и даровитости, не оставляютъ послѣ себя такихъ глубокихъ слѣдовъ, какъ широкіе или глубокіе умы: ихъ значеніе въ наукѣ и обществѣ всегда болѣе или менѣе второстепенное. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ оригинальность ума сочетается со всѣми другими указанными достоинствами его. Энергичный самобытный умъ иногда бываетъ и глубокимъ и широкимъ и острымъ: это геніальный умъ, истинный образъ и подобіе Божественнаго νοῦς'α. Нечего и говорить, въ милліардахъ существовавшихъ людей мы имѣемъ весьма мало примѣровъ подобныхъ умовъ: Платонъ,

Аристотель, Бакон, Ньютон, Лейбниц, Кант, Ломоносов, вот почти всѣ, кого безспорно можно считать примѣрами рѣдкихъ сочетаній всѣхъ достоинствъ ума.

ГЛАВА II.

Воображеніе.

Въ тѣсной связи съ рефлексіей развивается дѣятельность воображенія. Она всегда казалась психологамъ не разрѣшимою загадкою. Что значитъ эта интеллектуальная дѣятельность, создающая своеобразный міръ, совсѣмъ иной, чѣмъ какой познается рефлексіей? Какой смыслъ во всей этой духовной дѣятельности, откуда, изъ какихъ источниковъ берется она и какой потребности духа она удовлетворяетъ? Мы будемъ считать свой анализъ успѣшнымъ, если прольемъ хотя нѣкоторый свѣтъ на эту область психическихъ фактовъ.

Функціи воображенія.

Мы постараемся прежде всего опредѣлить, какія дѣйствія производятся воображеніемъ, т. е. каковы главнѣйшія его функціи. Онѣ совершенно тѣ же, какія у рефлексіи, только результаты получаются иные.

Какъ и рефлексія, воображеніе 1) анализируетъ, различаетъ и отождествляетъ предметы, 2) составляетъ образы, и 3) соединяетъ различныя мысли въ одно цѣлое. Воображенію не доступно аналитическое расчлененіе мысли, что̀ составляетъ одну изъ главныхъ работъ рефлексіи.

Воображеніе анализируетъ, различаетъ и отожествляетъ.

Воображеніе аналогизируетъ предметы на основаніи частнаго, или отдаленнаго сходства. При анализѣ функцій рефлексіи мы

видѣли, что и она также занимается уподобленіемъ предметовъ. Но въ этомъ отношеніи есть большое различіе между обѣими психическими дѣятельностями. Мышленіе *находитъ* сходство между вещами, оно признаетъ его существующимъ фактически, какъ бы даннымъ въ самыхъ предметахъ; поэтому оно признаетъ сходными тѣ предметы, въ которыхъ признаки подобія преобладаютъ надъ признаками различія. Воображеніе *открываетъ* сходство въ вещахъ, основываясь на частныхъ или даже случайныхъ признакахъ; оно предполагаетъ сходство между такими предметами, которыя для мышленія кажутся только различными. По этому можно сказать, что воображеніе *создаетъ* между ними сходство.

Слѣды этого рода дѣятельности воображенія можно прежде всего отыскать въ языкѣ, въ такъ называемыхъ тропахъ его. Метафорическій способъ выраженія весьма часто употребляется нами въ обыкновенныхъ бесѣдахъ и есть одно изъ существенныхъ украшеній поэтическаго языка. Многія метафоры сдѣлались такими обыкновенными выраженіями, что, употребляя ихъ, мы, и неподозрѣваемъ собственно метафорическаго ихъ значенія. Какимъ же образомъ создались такія выраженія и какъ продолжаютъ они возникать теперь? Мы аналогизируемъ одинъ предметъ другому по какому либо одному признаку или свойству, отдаленному, иногда случайному, во всякомъ случаѣ частному.

Такъ языкъ аналогизируетъ дѣйствія различнаго смысла по нѣкоторому ихъ сходству и названіе одного переноситъ на другое. Мы говоримъ „понятіе, понять“ въ извѣстномъ логическомъ смыслѣ. Первоначально „понять“ значило взять какой нибудь предметъ; но воображеніе народа нашло, что умственное усвоеніе себѣ мысли другого, уразумѣніе предмета есть также своего рода взятіе предмета и онъ перенесъ названіе съ физическаго дѣйствія на умственное. Такія слова, какъ препятствовать (пну, препинаю), пещись (пеку), сокрушаться (крушить, укрухъ), воскресить (крес — значитъ высѣкать огонь), грѣшить (не попасть, промахнуться), первоначально имѣли значеніе физическихъ дѣйствій, но воображеніе говорившихъ, на основаніи нѣкотораго отдаленнаго сходства, уподобило имъ часто духовныя, отвлеченныя дѣйствія и состоянія, и названія первыхъ были перенесены на послѣднія.— Далѣе, свойства матеріальныхъ предметовъ уподоблялись духовнымъ свойствамъ, имѣвшимъ съ первыми отдаленное сходство: наприм. темный первоначально значитъ лишен-

ный свѣта, темный человѣкъ значитъ необразованный, незнающій человѣкъ: состояніе темноты воображеніемъ уподоблено состоянію незнанія, при которомъ духовныя очи ничего не могутъ умственно видѣть и не въ состояніи различать вещи; такого же происхожденія кривой — кривда, правый — правда. Наконецъ, многіе предметы духовнаго міра получили въ языкѣ названія чрезъ перенесеніе на нихъ названій, взятыхъ отъ дѣятельностей матеріальнаго характера, а самое перенесеніе могло совершиться только вслѣдствіе уподобленія воображеніемъ свойствъ духовнаго предмета дѣятельностямъ: наприм. названіе духъ произошло отъ дыханія, кажущаяся безтѣлесность котораго послужила для воображенія поводомъ уподобить его не вещественнымъ существамъ и перенести на нихъ самыя названія.

Вообще своимъ воображеніемъ мы уподобляемъ въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ міры одушевленный и не одушевленный, міръ животныхъ людямъ и наоборотъ. Народъ называетъ ртуть живымъ серебромъ, уподобляя его подвижность, текучесть жизни; въ такомъ же смыслѣ ходячій, кое-какъ сдѣланный мостъ называется живымъ. Мы постоянно употребляемъ выраженія: дождь идетъ, рисунокъ бросается въ глаза, берегъ всплываетъ, приписывая такимъ образомъ неодушевленнымъ вещамъ дѣйствія одушевленныхъ, значитъ, уподобляя первыя послѣднимъ. Мы говоримъ о челѣ, подошвѣ горы, хребтѣ горъ; въ областномъ просторѣчіи горные утесы по сторонамъ рѣки называются (сибир.) щеками, проливъ шеей (нижегород.) и т. д. Въ поэтическомъ языкѣ говорится объ *истомленныхъ* лѣтнимъ зноемъ листьяхъ деревъ, о дремлющемъ борѣ и т. под. Въ этихъ случаяхъ мы аналогизируемъ неодушевленный міръ человѣку: свойства и дѣятельности послѣдняго переносимъ на первый. Но и на оборотъ, мы человѣка уподобляемъ не одушевленной вещи и свойства неодушевленныхъ предметовъ приписываемъ людямъ. Такъ, мы говоримъ объ остромъ, тупомъ умѣ, о стальной волѣ, каменномъ сердцѣ, мѣдномъ лбѣ, ядовитомъ выраженіи и т. д. Воображеніе открываетъ сходство между нѣкоторыми свойствами неодушевленныхъ предметовъ и выдающимися чертами духовныхъ силъ и дѣятельностей человѣка, и названіями первыхъ языкъ сталъ обозначать послѣднія.

Еще чаще воображеніе уподобляетъ міръ животный міру человѣческому и наоборотъ. Мы говоримъ объ орлиномъ взглядѣ, приписываемъ людямъ хитрость и ловкость лисицы, трудолюбіе

муравья, неповоротливость медвѣдя, алчность и нахальство волка, львиное мужество, змѣиную мудрость, невинность голубя и т. д. Мы уподобляемъ человѣка животнымъ и ихъ выдающіяся качества уподобляемъ замѣченнымъ на людяхъ качествамъ. Наоборотъ, въ мірѣ животныхъ воображеніе открываетъ свойства подобныя человѣческимъ: рѣчи, дѣйствія, отношенія людей навязываются міру животному и образами изъ этого міра выражаются наблюденія надъ человѣческимъ обществомъ. Такъ несомнѣнно, слишкомъ преувеличенныя мнѣнія о психическихъ качествахъ животныхъ, крайнія предположенія въ нихъ моральныхъ достоинствъ и высокой умственной дѣятельности, не рѣдкія у психологовъ извѣстнаго направленія, есть результатъ преувеличенной воображеніемъ аналогіи внутренней жизни животныхъ духовной жизни человѣка: оно слишкомъ много *создаетъ* сходства между ними, и къ сожалѣнію, аналогизація воображенія признается иногда за цѣнный выводъ точной науки. Но самымъ яркимъ выраженіемъ этого рода дѣятельности воображенія служитъ цѣлый разрядъ художественныхъ произведеній, такъ называемый, животный эпосъ и басня. Въ народныхъ сказкахъ животныя говорятъ и дѣйствуютъ подобно людямъ, и притомъ, не на удачу имъ приписываются духовныя качества; для аналогій между навязываемымъ лисицѣ типомъ хитреца, волку — не дальновиднаго, жаднаго и нахальнаго существа, медвѣдю — не поворотливаго и простодушнаго человѣка и т. д. есть основанія въ нѣкоторыхъ, дѣйствительно сходныхъ съ человѣческими, чертахъ этихъ животныхъ. Въ баснѣ уподобленіе животнаго міра человѣческому проводится до широкихъ размѣровъ. Не только животнымъ приписываются свойства и дѣйствія человѣческія, но воображеніе ставитъ ихъ въ положенія, существующія лишь въ человѣческомъ обществѣ. Такимъ образомъ этотъ древнѣйшій родъ поэзіи возникъ потому, что воображеніе народа и отдѣльныхъ личностей аналогизировало міръ человѣческій міру животному и въ послѣднемъ искало образовъ для выраженія моральныхъ и общественныхъ истинъ.

Уподобленіе явленій воображеніемъ имѣетъ мѣсто и въ наукѣ. Геніальныя догадки, основанныя на сходствѣ фактовъ въ извѣстномъ отношеніи, самая мысль объ этомъ сходствѣ, возникаетъ прежде всего въ воображеніи ученаго и только потомъ доказывается рефлексіей. Если справедливъ разсказъ о Ньютонѣ, что онъ паденіемъ яблока былъ наведенъ на мысль о всеобщемъ

тяготѣніи, то несомнѣнно, что уподобленіе паденія яблока на землю, притяженія ею луны, планетъ солнцемъ, было сдѣлано геніальнымъ воображеніемъ этого ученаго. Одною рефлексіей онъ никогда бы не дошелъ до такого отождествленія: для нея паденіе яблока на землю, движеніе луны около земли, или планетъ около солнца слишкомъ разнородныя явленія, чтобъ она могла подъ очевиднымъ различіемъ явленій разсмотрѣть ихъ сходство. Когда философъ Оконъ высказалъ предположеніе, что головной черепъ есть въ сущности крайній позвонокъ, только своеобразно развившійся, то уже, конечно, не рефлексіей онъ дошелъ до такого вывода, а только воображеніемъ, создавшимъ между ними сходство на основаніи самыхъ отдаленныхъ подобныхъ признаковъ. Теперь, когда извѣстна исторія появленія у Дарвина идеи борьбы за существованіе *), какъ причины, которая должна объяснить происхожденіе и существованіе многочисленныхъ и разнообразныхъ видовъ животныхъ, мы можемъ съ увѣренностію утверждать, что она явилась у него какъ домыслъ воображенія, аналогизировавшаго отношенія людей въ промышленной области отношеніямъ живыхъ существъ вообще и перенесшаго идею соперничества въ Естественную исторію. Пока догадки, уподобленія не получатъ фактическаго доказательства, не будутъ многосторонне доказаны рефлексіей, они остаются простыми догадками; провѣренныя наблюденіемъ, или поставленныя въ логическую связь съ достовѣрными пріобрѣтеніями науки, они становятся достояніемъ ея, истинами. Пока Ньютонъ не обратился къ математическимъ исчисленіямъ и не доказалъ, что тяготѣніе и сила верженія суть два предположенія, которыя даютъ возможность удовлетворительно объяснить движенія небесныхъ тѣлъ, и что тяготѣніе, какъ притяженіе однихъ частицъ матеріи другими, можетъ объяснять паденіе тѣлъ на землю, ихъ вѣсъ и т. д., его геніальная мысль была простою догадкою, неимѣвшею никакой научной цѣны. Домыслъ Окена о черепѣ, какъ развившемся позвонкѣ, получилъ значеніе, когда явились въ пользу его нѣкоторыя доказательства въ фактахъ эмбріологіи и сравнительной анатоміи.

Открытіе аналогіи въ явленіяхъ, скрывающейся за кажущимся ихъ различіемъ, можетъ быть производимо воображеніемъ

---

*) Въ письмѣ къ Геккелю онъ извѣщалъ, что на это предположеніе онъ былъ наведенъ политико-экономическимъ ученіемъ о торговомъ соперничествѣ.

не только въ опытныхъ наукахъ, но и во всякихъ другихъ историческихъ, филологическихъ, общественныхъ и т. д. Хотя и говорятъ, что исторія не повторяется, но это не препятствуетъ историку открывать аналогіи въ положеніяхъ, дѣйствіяхъ, стремленіяхъ, ростѣ различныхъ народовъ разныхъ эпохъ. Первый, кто сравнилъ Англію съ древнею Финикіей или Карѳагеномъ, Цезаря съ Наполеономъ, Екатерину II съ Петромъ I-мъ, возрастаніе Рима съ возрастаніемъ Москвы и т. д., дошелъ до такихъ аналогій своимъ воображеніемъ. Мысль о сходствѣ корней словъ въ разныхъ языкахъ, какъ первая догадка, во многихъ случаяхъ подсказывается воображеніемъ и за тѣмъ опровергается или подтверждается сравнительными изслѣдованіями. Обобщеніе экономическихъ явленій, особенно смѣлое, также предполагаетъ предварительную дѣятельность воображенія, какъ бы догадавшагося о сходствѣ между ними, скрывающемся за ихъ различіемъ. Да и въ обыденной жизни мы не рѣдко сближаемъ лицъ, положенія и обстоятельства, причины событій воображеніемъ, а не рефлексіей. За видимымъ различіемъ въ нихъ оно открываетъ, создаетъ сходство, которое потомъ иногда фактически и подтверждается.

Наводя изслѣдователя на цѣнныя обобщенія и открывая ему аналогіи въ предметахъ, повидимому, различныхъ, воображеніе часто бываетъ виновникомъ нелѣпыхъ и вздорныхъ сближеній ихъ. Извѣстная исторія науки разсказываетъ, какъ подсказанныя воображеніемъ догадки о сходствѣ, родствѣ явленій и причинъ и т. под. принимались наукою и потомъ оказывались совсѣмъ не состоятельными, иногда на долгое время заволакивали умы какъ бы пеленою, мѣшавшею смотрѣть прямо на вещи. Но въ какомъ огромномъ размѣрѣ количество созданныхъ нелѣпыхъ аналогій и сближеній возросло бы, если бъ намъ извѣстно было все, что разными изслѣдователями говорилось и писалось о разныхъ вещахъ и что за явною бездоказательностію и неосновательностію сейчасъ же по обнародованіи отвергалось наукою и поэтому не попало даже въ исторію ея? И это количество возросло бы въ несравненно большемъ размѣрѣ, если бы каждый ученый разсказалъ, сколько дѣлалъ онъ тщетныхъ попытокъ сближенія фактовъ и сколько вздорныхъ аналогій приходило ему въ голову.

Безчисленное множество такихъ нелѣпыхъ уподобленій дѣлается и въ обыденной жизни. Безъ всякихъ иногда основаній

уподобляются лица, вещи, положенія, дѣйствія, предметы, явленія. Здравый смыслъ, очевидные факты наблюденія, сейчасъ же по возникновеніи аналогій, показываютъ намъ ихъ несостоятельность, невозможность. Мы оставляемъ ихъ, какъ говорится, безъ послѣдствій. Но какъ являются нелѣпыя аналогіи, такъ же возникаютъ и геніальныя, и воображеніе, какъ таковое, не имѣетъ средствъ оцѣнивать ихъ значеніе, распознавать ихъ пригодность въ наукѣ и жизни. Оно открываетъ, создаетъ ихъ, не отдавая отчета въ основаніяхъ, почему оно поступаетъ такъ, а не иначе. Разность между геніальнымъ воображеніемъ, прозрѣвающимъ и предугадывающимъ сходство въ несходныхъ предметахъ, на основаніи далекихъ на то намековъ въ нихъ, и вздорнымъ въ томъ, что одно, опираясь на болѣе серіозный матеріалъ, на многостороннія пріобрѣтенія памяти и ума, создаетъ уподобленія болѣе счастливыя, глубже прозрѣваетъ въ скрытую за внѣшностію сущность предмета, чѣмъ другое. И геніямъ, безспорно, воображеніе подсказываетъ много вздорныхъ аналогій, не всегда и у нихъ счастливы продукты аналогизирующаго воображенія. Но обладая сильною рефлексіей, они сейчасъ же опредѣляютъ цѣну ихъ и сейчасъ же ихъ отрицаютъ.

Различіе уподобленій воображенія и рефлексіи.

Остановимся здѣсь на различіи аналогизированія воображенія и рефлексіи.

Воображеніе какъ бы создаетъ сходство между предметами, рефлексія его находитъ. Когда мы говоримъ, что воображеніе создаетъ аналогію между предметами, это значитъ не то, что оно можетъ навязать сходство какимъ угодно вещамъ, образовать его тамъ, гдѣ нѣтъ къ тому ни малѣйшихъ основаній; равно, когда говоримъ, что рефлексія находитъ его въ предметахъ, то отнюдь не предполагаемъ, что сходство, какъ объективное качество, находится въ нихъ, прежде чѣмъ умъ признаетъ его. Мы разумѣемъ тотъ фактъ, что для воображенія достаточно самыхъ отдаленныхъ намековъ на возможность сходства въ вещахъ, чтобъ признать ихъ сходными: аналогизируя ихъ, воображеніе ставитъ ихъ предъ собою въ новомъ видѣ, находитъ въ нихъ новыя стороны, устанавливаетъ между ними новыя неожиданныя отношенія и т. д. Между тѣмъ рефлексія, для своего аналоги-

зированія, должна имѣть прямыя основанія въ вещахъ; поэтому она находитъ сходство; хотя мысль о немъ принадлежитъ самой рефлексіи, однако, оно такъ бываетъ иногда очевидно при легкомъ или при глубокомъ анализѣ ихъ, что кажется, будто оно находится на поверхности ихъ. Разность аналогизированія рефлексіи и воображенія состоитъ преимущественно въ томъ, что первая производитъ его послѣ анализа, тогда какъ второе не дѣлаетъ никакой предварительной аналитической работы. Аналогизированіе воображенія есть дѣло порыва, минутнаго вдохновенія; анализъ скорѣе препятствовалъ бы ему; при разнородности уподобляемыхъ предметовъ, онъ открывалъ бы матеріалъ для различенія, а не уподобленія. Оттого, рефлексія свои аналогіи всегда можетъ оправдать разными соображеніями, доказать ихъ основаніями, тогда какъ воображеніе, какъ таковое, образуя уподобленія, не думаетъ ни о какихъ доказательствахъ, да и не можетъ представить ихъ. Оттого далѣе, уподобленія рефлексіи раціональны, аналогіи воображенія случайны, неожиданны, болѣе увлекаютъ, чѣмъ убѣждаютъ. По этому признаку мы всегда можемъ сказать, принадлежитъ ли данное уподобленіе воображенію или рефлексіи: ибо до уподобленія однихъ и тѣхъ же предметовъ одинъ человѣкъ можетъ доходить воображеніемъ, другой рефлексіей. Нерѣдко случается и такъ, что аналогизированіе вещей сначала бываетъ дѣломъ порыва, вдохновенія воображенія, но затѣмъ, подвергнувъ ихъ подробному анализу, мы превращаемъ домыслъ фантазіи въ аналитическій выводъ и тогда онъ становится дѣломъ рефлексіи. Слѣдовательно, не отдаленность намековъ на сродство предметовъ или очевидность его различаетъ, по сущности, аналогизацію обѣихъ названныхъ дѣятельностей, не матеріалъ и поводъ для дѣятельности, а modus procedendi. Потому, что рефлексія уподобляетъ на основаніи анализа, а послѣдній прежде всего различаетъ ближайшія и наиболѣе замѣтныя черты предмета, понятно, что уподобленіе кажущихся очевидно сходными предметовъ *по большей части* есть дѣло рефлексіи и оттого мы сказали, что она аналогизируетъ ихъ по очевиднымъ признакамъ сходства. Такъ какъ отдаленные и случайные признаки сходства требуютъ для своего открытія преимущественно воображенія, то уподобленіе по нимъ есть большею частію результатъ домысла воображенія и потому мы говоримъ, что оно уподобляетъ предметы по отдаленнымъ признакамъ сходства. Но мы отнюдь не исключаемъ и тѣхъ случаевъ, впрочемъ не частыхъ, когда вдумчивая и

глубокая рефлексія доходитъ до аналогій по отдаленнымъ признакамъ сходства и находитъ такое сходство и тамъ, какое и гдѣ обыденные умы не предполагаютъ. Однако, и въ этихъ случаяхъ рефлексія всегда основывается на какомъ нибудь анализѣ, а не просто догадывается и изобрѣтаетъ, какъ воображеніе.

Аналогизированіе предметовъ воображеніемъ есть собственно умственная игра и она встрѣчается, какъ мы видѣли, въ весьма серіозныхъ областяхъ умственной дѣятельности. Изъ этой игры происходитъ много вздору, нелѣпостей, но и много геніальнаго и чрезвычайно полезнаго для науки и жизни. Воображеніе также часто различаетъ предметы, но опять не методически и не на основаніи логическаго анализа, какъ это дѣлаетъ рефлексія, а по вдохновенію. капризу, слѣдовательно, случайно. Какъ оно уподобляетъ предметы, въ которыхъ рефлексія не находитъ сходства или находитъ одно только прямое различіе, такъ наоборотъ, оно различаетъ вещи, которыя для рефлексіи только сходны. Конечно, въ наукѣ, которая основана на уподобленіяхъ и обобщеніяхъ, трудно отыскать слѣды такого различенія сходныхъ предметовъ воображеніемъ. Но въ общежитіи и поэзіи оно остроумно разводитъ вещи и предметы, для рефлексіи сходные. Разныя остроумныя различенія, игра на словахъ, которыя въ одной формѣ значутъ одно, а въ другой другое, или въ разныхъ сочетаніяхъ означаютъ различное, дѣлаются воображеніемъ. Оно же занимается игрою и въ отожествленіе. Только рефлексія отожествляетъ различные образы, получаемые отъ однихъ и тѣхъ предметовъ, воображеніе же разные предметы иногда въ шутку отождествляетъ. Забавныя qui proquo, на которыхъ основывается часто водевиль, основываются на этой игрѣ его.

Воображеніе построяетъ новыя представленія.

Воображеніе, какъ и рефлексія построяетъ новыя представленія.

Такъ, многое мы построяемъ въ воображеніи на основаніи мускульныхъ ощущеній. Мы представляемъ себѣ предположительный вѣсъ глыбы камня, желѣзныхъ полосъ, локомотивовъ, т. е. то количество мускульнаго напряженія, которое потребовалось бы, чтобы поднять ихъ, хотя бы поднимать ихъ намъ никогда

не пришлось, да мы и не въ состояніи были сдѣлать то. Вѣсъ громадныхъ тяжестей, абстрактно обозначаемый тысячами и милліонами пудовъ, мы постигаемъ чрезъ воображеніе, на основаніи знакомаго намъ, по собственному опыту, вѣса различныхъ тяжелыхъ вещей. Мы представляемъ себѣ огромную силу льва, тигра, слона, большой машины, паденія водопадовъ, урагановъ и т. под., конечно, въ воображеніи, на основаніи знакомой собственной мускульной энергіи. Жителю равнины извѣстно, сколько потребуется силы, чтобы взойти на небольшую гору, подняться на башню, высокую колокольню; когда онъ слышитъ разсказы про высокія, положимъ, швейцарскія горы, онъ представляетъ въ воображеніи огромную высоту, именно, по скольку она потребовала бы труда для восхожденія. И дальность разстояній намъ понятна только чрезъ воображеніе Намъ извѣстно, что значитъ пройти пѣшкомъ нѣсколько верстъ, что значитъ проѣхать нѣсколько десятковъ или сотенъ верстъ на лошадяхъ, по желѣзной дорогѣ, мы построяемъ представленія разстояній въ нѣсколько тысячъ верстъ, мы постигаемъ воображеніемъ окружность земнаго шара, длину его радіуса и діаметра.

Здѣсь уже мы должны замѣтить, что какъ ни свободно въ своей дѣятельности воображеніе, оно ограничено въ своихъ построеніяхъ на основаніи мускульнаго чувства. Есть предѣлы, дальше которыхъ что либо построить оно безсильно. Намъ понятны вѣсъ громадъ въ тысячи пудовъ, но воображеніе не въ состояніи постигнуть тяжести въ билліоны и болѣе пудовъ. Астрономъ исчисляетъ вѣсъ земли, луны, планетъ, солнца, но кто можетъ представить себѣ въ воображеніи разность вѣса упомянутыхъ тѣлъ такъ, какъ мы представляемъ себѣ разность 500 пудоваго колокола отъ 800 пудоваго. Въ первомъ случаѣ разность абстрактно понятна, т. е. умъ признаетъ разность чиселъ, выражающихъ количество пудовъ, но для воображенія она не постижима: поэтому мы представляемъ себѣ небесныя тѣла, какъ что-то громадное вообще, не имѣя возможности представить себѣ приблизительно подходящую къ дѣйствительности массу. Есть предѣлъ для нашего воображенія, когда оно представляетъ грандіозныя силы. Мы можемъ понять размѣръ силы большой машины, но намъ недоступенъ объемъ энергіи, развиваемой Ніагарскимъ водопадомъ. Если съ нѣкоторымъ усиліемъ мы можемъ представить себѣ разстояніе въ десятокъ тысячъ верстъ, то относительно протяженій громадныхъ, напримѣръ,

между небесными тѣлами, воображеніе оказывается безсильнымъ. Такъ, можно ли постигнуть разстоянія, которыя чтобы пройти, свѣтъ нуждается въ цѣлыхъ годахъ, десяткахъ, сотняхъ, даже тысячахъ ихъ? и чѣмъ для нашего воображенія различается протяженіе въ десятки лѣтъ пробѣга свѣта отъ разстоянія въ сотни или тысячи лѣтъ?

Въ области органическихъ чувствъ воображеніе можетъ также находить матеріалъ и поводъ для новыхъ построеній. Мы можемъ представлять себѣ новые виды органическихъ страданій или удовольствій, если въ состояніяхъ, нами пережитыхъ, есть что-либо подобное имъ. Можно понять страданія подагрика, представляя ихъ, какъ видъ острой воспалительной боли. Мы не знакомы съ дѣйствіями опіума или хашиша на организмъ, но можемъ представить ихъ себѣ, уподобляя ихъ дѣйствію алкоголя, которое болѣе или менѣе всякому извѣстно. Послѣднее есть точка опоры для построенія воображеніемъ идей состоянія человѣка накурившагося опіума, или принявшаго хорошую дозу хашиша. Не имѣя практики въ охотѣ, мы представляемъ себѣ чувство усталости, съ какимъ охотникъ возвращается домой послѣ цѣлаго дня ходьбы по болотамъ. До нѣкоторой степени нашему воображенію понятны страданія христіанскихъ мучениковъ, подвергавшихся разнымъ истязаніямъ, раненыхъ на полѣ битвы, на основаніи знакомыхъ намъ органическихъ страданій.

На основаніи знакомыхъ намъ вкусовъ, мы можемъ построять представленія новыхъ вкусовыхъ ощущеній. Гастрономъ представляетъ себѣ въ воображеніи вѣроятный вкусъ задумываемаго имъ блюда. Читая историческіе разсказы о знаменитыхъ пиршествахъ, описанія вкуса тропическихъ плодовъ, нами невиданныхъ, мы примѣнительно къ извѣстнымъ намъ вкусамъ построяемъ представленія неизвѣстныхъ намъ вкусовъ.

И осязаніе можетъ давать матеріалъ для построеній воображенія. Можно представить себѣ, какое ощущеніе получилось бы еслибъ натирать тѣло щетками, еслибъ прямо на тѣло надѣть суконную одежду. Фабрикантъ, задумывающій начать производство матеріи болѣе нѣжной, болѣе шелковистой, чѣмъ какую онъ производилъ до того, представляетъ въ своемъ воображеніи будущія качества ея.

По поводу ощущеній слуха воображеніе весьма часто построяетъ новыя представленія. Мы читаемъ описанія землетрясеній, взрывовъ волкановъ, паденіе домовъ, битвъ, гдѣ клики

сражающихся, стоны раненыхъ, трескъ пальбы образуютъ характерный шумъ. Не бывши свидѣтелями этихъ событій, мы можемъ представить ихъ себѣ только въ воображеніи. Всякій голосъ можемъ представлять болѣе суровымъ или нѣжнымъ, чѣмъ онъ наблюдается нами въ дѣйствительности. Мы построяемъ въ воображеніи шумъ Ніагарскаго водопада, трескъ столкнувшихся поѣздовъ, шумъ тропическаго лѣса и т. д. Извѣстные намъ подобные звуки служатъ въ этихъ случаяхъ почвою, на которой мы основываемъ свои построенія.

Ощущенія зрѣнія тоже даютъ намъ разнообразный матеріалъ для построеній. Воображеніемъ мы постигаемъ яркость солнца, великолѣпіе вида его, если бы его можно было наблюдать съ болѣе близкаго разстоянія, представляемъ непроглядную глубину моря. Знакомясь съ описаніемъ далекихъ странъ, построяемъ въ воображеніи цвѣта тропическихъ растеній, виды громадныхъ деревъ, переплетенныхъ ліанами, дома, въ которыхъ живутъ наблюдавшіеся путешественниками народы. Съ помощію воображенія мы какъ бы сопровождаемъ путешественника въ его наблюденіяхъ надъ произведеніями природы и искусства: слѣдя за его описаніями, мы построяемъ предъ собою виды храмовъ, статуй, дворцовъ, хижинъ, рѣкъ, горъ, видѣнныхъ имъ.

Но и чисто внутреннія, духовныя состоянія могутъ служить основою для построенія новыхъ представленій. Волненія и состоянія воли, извѣстныя намъ по собственному опыту, могутъ служить точкою отправленія для дѣятельности воображенія. Чрезъ него намъ понятны состоянія чувства, настроенія, которыхъ мы сами не испытали, но нѣчто подобное которымъ встрѣчалось въ нашей жизни. Можно представить себѣ удовольствіе гастронома, попавшаго нечаянно на изысканный, тонкій обѣдъ, удовольствіе артиста, въ первый разъ слушающаго великое музыкальное произведеніе: наприм. намъ понятно состояніе вѣнскихъ почитателей Моцарта или Бетховена, когда они расточали предъ ними богатства своей импровизаціи и въ первый разъ знакомили ихъ съ новыми чудными своими твореніями. Мы представляемъ себѣ удовольствіе Винкельмана, въ первый разъ посѣтившаго Римъ, видѣвшаго художественныя сокровища его. До нѣкоторой степени мы можемъ постигнуть воображеніемъ страданія матери, потерявшей свое любимое дитя, дѣтей, лишившихся своихъ родителей, чувство изумленія и удивленія полководца, встрѣтившаго непріятеля тамъ, гдѣ онъ

не ожидалъ, и въ такомъ количествѣ, въ какомъ не предполагалъ, сердечныя раны гордеца, снѣдаемаго завистью къ успѣхамъ соперниковъ, скорьбію о своихъ неудачахъ и т. п. Воображеніе наше можетъ представить безмѣрную радость бѣдняка, неожиданно оказавшагося обладателемъ богатства, гнѣвъ Ахиллеса на Гектора, убившаго друга его, Патрокла, стыдъ лгуна, вора, уличенныхъ въ своихъ преступленіяхъ и т. д. Мы построяемъ въ воображеніи сложныя настроенія, въ которыхъ должны были находиться разныя лица при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Такъ, мы понимаемъ настроеніе Наполеона, подписывавшаго въ Фонтенебло свое отреченіе отъ престола: мы представляемъ себѣ, какъ онъ, волнуемый скорбію объ утраченномъ величіи положеніи, сожалѣя о постигшихъ его неудачахъ, испытавъ неблагодарность облагодѣтельствованныхъ имъ, съ тайными надеждами въ будущемъ, брался за перо, почеркъ котораго долженъ былъ для него служить выраженіемъ признанія полной его несостоятельности.

Можно представить себѣ людей съ болѣе сильною волею, чѣмъ наша, страстныя желанія скупца, честолюбца, неудержимое стремленіе пьяницы къ вину, хотя бы въ насъ и не было никакихъ сильныхъ страстей. Мы удивляемся сильному характеру, потому что постигаемъ его своимъ воображеніемъ и сознаемъ, какой это рѣдкій даръ природы и какъ трудно развить его въ себѣ.

Мы привели примѣры, какъ воображеніе построяетъ конкретныя представленія, какъ бы новые предметы, которыхъ мы реально не наблюдали, но которые силою воображенія дѣлаемъ себѣ присущими. Мы обратимъ вниманіе теперь на то, какъ воображеніе подставляетъ конкретное выраженіе для абстрактныхъ описаній и понятій. Оно превращаетъ абстрактное содержаніе въ конкретное. Такъ, когда намъ даны размѣръ зданія, матеріалъ, изъ котораго оно построено, описаны форма предмета и его детали, мы въ воображеніи построяемъ его себѣ: никогда не бывавши въ Италіи, мы можемъ представить себѣ Миланскій соборъ, Ватиканскій дворецъ. Съ помощію географическихъ картъ мы представляемъ себѣ характеръ мѣстностей, направленіе дорогъ, распредѣленіе и относительное положеніе населенныхъ мѣстъ: мы представляемъ себѣ мѣстность, какъ бы мы видѣли ее въ дѣйствительности. Чрезъ воображеніе мы разъясняемъ отвлеченныя понятія на подходящихъ конкретныхъ образахъ.

Чистое пространство для ума есть только чистое протяженіе; воображеніе дѣлаетъ его наглядно понятнымъ намъ, представляя его, какъ всеобщее протяженное вмѣстилище. И понятіе времени мы представляемъ себѣ въ воображеніи наглядно, какъ линію безъ начала и конца. Отвлеченное понятіе матеріи оно представляетъ въ образѣ тѣла, находящагося въ пространствѣ.

Вообще, абстрактныя понятія никогда не остаются у насъ безъ подходящихъ конкретныхъ представленій, которыя подставляются къ нимъ досужливымъ воображеніемъ. На нихъ душа постоянно проясняетъ свои абстрактныя мысли. Мы не можемъ помыслить метафизическое понятіе бытія, не представивъ себѣ въ тоже время наглядно его, какъ нѣчто, какъ предметъ существующій; невозможно думать о причинѣ вообще, не представляя ее, какъ какого то дѣятеля, способнаго вторгаться въ другой предметъ и тамъ производить измѣненія. Не смотря на то, что теоретически мы можемъ себя убѣдить, что цвѣта суть только наши ощущенія, слѣдовательно, только личныя состоянія, мы не можемъ въ обычныхъ отношеніяхъ къ вещамъ воздержаться отъ привычки представлять себѣ зеленый, желтый и т. д. цвѣта, какъ зеленое или желтое вещество, разлитое по поверхности тѣлъ. Въ теоріи можно себя убѣдить, что Богъ, ангелы, душа суть существа безтелѣсныя, не имѣютъ протяженія, цвѣта, фигуры и т. под. И однако, мы не можемъ удержаться, чтобы не представлять ихъ себѣ въ болѣе или менѣе тѣлесной формѣ. До такой степени сильна эта наклонность души абстрактное прояснять себѣ на конкретномъ, что даже самыя отвлеченныя понятія о логическомъ соотношеніи мыслей разъясняются нами на чемъ либо конкретномъ. Логическое противорѣчіе мыслей мы представляемъ себѣ какъ раздоръ, логическую связь, какъ дружественное согласіе, установившееся между ними.

Воображеніе ставитъ представленія и мысли во взаимную связь.

3) Воображеніе, поставляетъ разныя представленія и мысли во взаимную связь. Мы видѣли что рефлексія образуетъ нѣсколько видовъ связи между мыслями: одно она соединяетъ по закону цѣлаго и частей, другое какъ частное и общее, третье по разнымъ видамъ послѣдовательности: исторической, логиче-

ской, реальной и телеологической. Тоже самое дѣлаетъ и воображеніе, но на свой ладъ, по своему: вмѣсто логическаго цѣлаго воображеніе образуетъ художественное цѣлое, въ которомъ форма гармонируетъ съ содержаніемъ и на оборотъ, содержаніе съ формою; оно образуетъ свою историческую, реальную и телеологическую связь.

Для разнообразнаго содержанія воображеніе ищетъ форму, въ которой оно полно, цѣльно и вмѣстѣ художественно изображалось бы, или на оборотъ, отъ формы восходитъ къ содержанію, предполагаемому ею.

Въ такомъ направленіи работаетъ воображеніе актера, живописца, скульптора, поэта, писателя. Актеръ старается понять свою роль, усвоить себѣ духовный образъ лица, которое онъ долженъ изобразить въ своей игрѣ. Онъ понимаетъ, напримѣръ, что городничій въ комедіи Гоголя „Ревизоръ“ изображаетъ типъ зажирѣвшаго и изворовавшагося человѣка, который труситъ, что его плутни будутъ открыты ревизоромъ, и прилагаетъ всѣ старанія, чтобъ угодить страшному incognito. Онъ долженъ изобразить этого человѣка въ своей внѣшности и найти подходящую мимику лица, тѣлодвиженія, голосъ, жесты и манеру говорить и т. д.; онъ долженъ обдумать, какъ вести каждую сцену въ отдѣльности, чтобъ городничій оставался вѣренъ своему характеру, когда онъ говоритъ и съ Хлестаковымъ и съ мѣстными чиновниками и съ женою. Онъ долженъ заранѣе все это представить въ своемъ воображеніи: Щепкинъ, создавшій на нашей сценѣ типъ городничаго, дошелъ до него, конечно, своимъ художественнымъ воображеніемъ. Представленіе духовнаго образа лица, которое приходится представлять актеру, должно побуждать воображеніе находить подходящія внѣшнія подробности, въ которыхъ оно ярко изобразится. Въ сложныхъ роляхъ, когда приходится изображать тонкія движенія души человѣческой, актеръ долженъ напрягать свое воображеніе, дабы создать внѣшность, ярко выражающую созданный драматургомъ типъ.

Воображеніе живописца также приспособляетъ къ задуманному содержанію форму. Его поразило какое нибудь историческое событіе или наблюденный въ жизни случай и онъ задумалъ изобразить ихъ въ картинѣ. Воображеніе должно ему подсказать, въ какой формѣ наиболѣе художественно можно выразить задуманное содержаніе: оно должно найти для каждой фигуры соотвѣтствующую позу, представить подходящее выраженіе

лица, жестъ, и если возможно, чрезъ характеръ костюма дать намекъ на духовную сторону изображаемаго лица. Въ такомъ же положеніи и скульпторъ, который прежде чѣмъ приступать къ мрамору съ рѣзцомъ, долженъ представить себѣ во всѣхъ подробностяхъ форму статуи, т. е. внѣшній образъ духовнаго состоянія задуманнаго существа. Прежде чѣмъ Фидій сталъ работать надъ своею статуей, онъ долженъ былъ въ своемъ воображеніи представить Зевса, найти внѣшнее выраженіе этого громовержца, мановенія бровей котораго мещутъ громы, образъ его духовнаго величія, сознанія могущества и мудрости. Когда поэтъ писатель изображаетъ сцену изъ обыкновенной жизни, описываетъ внѣшность дѣйствующихъ въ ней лицъ, черты ихъ лица устрашеннаго, удивленнаго, разгнѣваннаго и т. под., ихъ жесты, тѣлодвиженія, позы, онъ старается въ этихъ образахъ дать возможно полное выраженіе духовныхъ состояній изображаемыхъ лицъ. Тѣмъ художественнѣй будутъ его описанія, чѣмъ болѣе подходяща найденная форма къ задуманному содержанію.

Въ указанныхъ случаяхъ воображеніе создавало форму для содержанія; но оно можетъ къ данной формѣ, внѣшности создать соотвѣтствующее содержаніе. Въ подобной способности воображенія заключается причина всякого глубокаго пониманія произведеній художественной фантазіи. Понимаетъ игру актера тотъ, кто по ней возсоздаетъ духовный образъ изображаемаго типа, т. е. чье воображеніе въ состояніи къ данной актеромъ внѣшности приспособить соотвѣтственное психическое содержаніе; не глубоко поймете картину, статую, романъ тотъ, кте не пойдетъ далѣе внѣшности и будетъ удивляться исключительно красивой формѣ. Въ настоящемъ цѣнителѣ художественныхъ произведеній долженъ повториться процессъ, какимъ художникъ доходилъ до созданія своихъ твореній, только въ обратномъ порядкѣ. Художникъ задумывалъ сюжетъ, содержаніе и затѣмъ отыскивалъ своимъ воображеніемъ подходящую къ нему форму; понимающій поэзію, искусство, наблюдатель долженъ отъ данной формы дойти своимъ воображеніемъ до содержанія, которое художникъ стремился выразить въ ней. Чѣмъ подвижнѣе въ этомъ отношеніи воображеніе наблюдателя и чѣмъ легче оно восходитъ отъ формы къ содержанію, тѣмъ глубже и всестороннѣй онъ будетъ понимать художественныя произведенія. Глубокій эстетическій критикъ непремѣнно долженъ быть самъ художникомъ: онъ не можетъ въ должной степени цѣнить эстетическія творенія, если онъ не

въ состояніи понимать замыселъ художника, если онъ не можетъ сравнить замыселъ съ исполненіемъ его, т. е. съ формою изображенія художественнаго содержанія, открыть, въ какой мѣрѣ удачно достигнута художникомъ цѣль; но чтобъ быть способнымъ ко всему этому, онъ долженъ обладать художественнымъ воображеніемъ.

Воображеніе образуетъ своего рода историческую послѣдовательность между представленіями. Кромѣ исторіи дѣйствительной, разработываемой рефлексіей, есть еще своя исторія у воображенія. Оно создаетъ сказочный міръ, въ которомъ событія слѣдуютъ одно за другимъ съ такою же правильностію и естественностію, какъ и въ дѣйствительной исторіи. Оно овладѣваетъ различными смутными воспоминаніями о давнемъ прошломъ, украшаетъ ихъ своими вымыслами и создаетъ цѣльные разсказы о миѳическихъ героическихъ временахъ, заботясь, конечно, не о правдивости и вѣроятности содержанія, а цѣльности и законченности разсказа и соотвѣтствіи общаго впечатлѣнія тону, въ какомъ сохранились въ народѣ воспоминанія о давнихъ герояхъ. Воображеніе ткетъ ткань событій въ романахъ, поэтическихъ разсказахъ, стараясь приближаться въ нихъ къ дѣйствительности и къ естественному ходу событій. Но оно же бываетъ дѣятельно и при разработкѣ дѣйствительной исторіи. Историкъ безъ воображенія есть сухой прагматикъ и критикъ. Воображеніемъ онъ вживается въ событія изображаемаго времени, и въ разсказанный лѣтописцемъ перечень событій, болѣе или менѣе недостаточный и часто поверхностный, влагаетъ отъ себя подробности, всего вѣроятнѣй объясняющія дѣйствительно случившееся.

Воображеніе вводитъ въ свои созданія реальную и телеологическую связь и зависимость, но только даетъ имъ часто своеобразный характеръ. Не нарушая безъ нужды извѣстную намъ въ опытѣ связь причинъ и дѣйствій, оно тѣмъ не менѣе не стѣсняется вводить въ свои разсказы сверхестественныя и необыкновенныя причины для объясненія необыкновенныхъ дѣйствій. Давая широкое приложеніе связи цѣлей и средствъ оно часто нарочно вводитъ диспропорціональность между цѣлями и средствами: у него малыя средства иногда приводятъ къ осуществленію большихъ и значительныхъ цѣлей и большія средства создаютъ малые результаты.

Ни въ способахъ, ни въ содержаніи дѣятельности воображенія нѣтъ ничего истинно новаго.

Такова дѣятельность воображенія. Въ ней прежде всего замѣчается то любопытное обстоятельство, что, въ сущности, противъ рефлексіи, оно не даетъ никакого новаго пріема и дѣлаетъ все тоже, что и обыкновенное мышленіе. Какъ и послѣднее, оно уподобляетъ предметы, различаетъ и отожествляетъ ихъ. Оно создаетъ новые образы, но вѣдь эта форма не новая: примѣръ ея данъ въ конкретныхъ представленіяхъ. Оно образуетъ художественное цѣлое, составляетъ исторіи, вводитъ въ мысли связь причинъ и дѣйствій, цѣлей и средствъ; это все въ своемъ родѣ дѣлается и рефлексіей. Слѣдовательно, въ отношеніи образа дѣятельности воображеніе повторяетъ уже знакомые и извѣстные пріемы логическаго мышленія. Но нѣтъ ничего истинно новаго и въ содержаніи, построяемомъ воображеніемъ. Когда мы перечисляли разные примѣры работы его, по поводу тѣхъ или другихъ ощущеній, мы видѣли, что оно построяетъ нѣчто новое, однако, подобное ощущеніямъ. Оно безсильно представить громадныя разстоянія, огромные объемы (напр. солнца), необъятныя напряженія силы или энергіи. Ему недоступны вкусы, неимѣющіе никакой аналогіи съ нашимъ вкусовымъ ощущеніемъ, запахъ и тоны, не похожіе на ощущаемые нашимъ обоняніемъ и слухомъ. Физики говорятъ объ ультрафіолетовыхъ и ультракрасныхъ лучахъ свѣта, но мы рѣшительно не способны представить себѣ, какіе бы могли быть эти цвѣта, не похожіе, конечно, на семь намъ извѣстныхъ. Недоступны нашему воображенію состоянія сердца или воли, которымъ нѣтъ ничего подобнаго въ пережитыхъ нами волненіяхъ или хотѣніяхъ. Невозможно для насъ представить себѣ какой либо новый родъ духовныхъ состояній, не похожій на данныя въ нашемъ внутреннемъ чувствѣ. Разныя исключительныя состоянія, переживаемыя нѣкоторыми людьми, мы постигаемъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой сами испытывали нѣчто подобное. Никакихъ произведеній воображенія нельзя указать, которыя не напоминали бы дѣйствительности чѣмъ либо въ своемъ содержаніи, формѣ и характерѣ. Воображеніе есть своего рода архитекторъ, строящій новыя зданія, но изъ матеріаловъ, которыхъ самъ не создаетъ, а беретъ готовые, мало того, въ

самомъ стилѣ и характерѣ своихъ построеній зависитъ отъ наблюдаемыхъ имъ зданій.

Въ чемъ состоитъ работа воображенія?

Мы изложили способы работы воображенія, держась преимущественно фактической почвы; мы излагали дѣло съ общепринятой точки зрѣнія и теперь за нами остается долгъ—разъяснить, что собственно воображеніемъ дѣлается, когда оно работаетъ по вышеуказаннымъ способамъ. Психологи этотъ вопросъ обходятъ, утверждая, что воображеніе построяетъ новые образы или идеи и даетъ имъ новыя комбинаціи. Но спрашивается, какъ возможно построить новую идею, когда воображеніе совершенно безсильно создать представленіе чего либо истинно новаго, никогда не испытаннаго и не встрѣчавшагося въ наблюденіи. И что это значитъ, когда говорится, что оно можетъ образовывать новыя комбинаціи представленій? Невозможно, чтобы оно самымъ дѣломъ измѣняло строй представленій, переставляло ихъ и т. д. ибо тогда оно только разрушало бы созданныя рефлексіей представленія и установленную послѣднею связь и порядокъ между ними.

Выше мы привели, что разъ испытанныя душою состоянія не уничтожаются, но продолжаются въ душѣ, что всякая рефлективная работа развивается по поводу такихъ состояній, возбуждающихся и продолжающихся въ душѣ, что мысли, возбужденныя ихъ сравниваніемъ и сопоставленіемъ, пріурочиваются къ нимъ, что представленія, въ сущности, суть опредмеченныя рефлексіей субъективныя состоянія, понимаемыя ею какъ цѣлый предметъ, и что понятія и всякія рефлективныя дѣйствія суть мысли и способы добыванія мыслей, по поводу ли субъективныхъ состояній, или по поводу другихъ рефлективныхъ дѣйствій. Что же остается дѣлать воображенію, когда оно въ отношеніи состояній, т. е. матеріала для своей работы, ничего новаго изобрѣсть не можетъ, а со стороны мыслей по поводу этого содержанія слѣдуетъ способамъ и пріемамъ рефлексіи? Вопросъ уже ставится теперь въ такомъ видѣ: какъ возможна дѣятельность воображенія, если только принять нашу точку зрѣнія на память, представленія и рефлексію.

Если дѣятельность воображенія возможна, а она составляетъ безспорный дѣйствительный фактъ, то лишь въ двухъ направле-

ніяхъ. Оно что̀ либо дѣлаетъ съ субъективными состояніями, служащими основаніемъ всякой рефлективной дѣятельности, или производитъ, по пріемамъ рефлексіи, что либо особенное по поводу этого матеріала. Но что оно можетъ сдѣлать съ возбужденными состояніями, причина которыхъ уже исчезла? Ихъ качественная сторона не исчезаетъ въ моментъ выхода изъ сознанія, но ослабляется лишь энергія ихъ. Но послѣдняя зависитъ отъ воли и можетъ быть намѣренно усилена и ослаблена. Вотъ здѣсь для воображенія представляется одинъ изъ пунктовъ, гдѣ оно можетъ обнаружить свое вліяніе и свою дѣятельность. Оно можетъ чрезъ волю произвольно уменьшать и увеличивать энергію продолжающихся въ душѣ состояній, соразмѣрно требованію своихъ помысловъ. Такъ, когда говорится о воображеніи, что оно представляетъ новыя неиспытанныя ощущенія зрѣнія, слуха и т. д., состоянія сердца и воли, то это прежде всего значитъ, что оно усиливаетъ или уменьшаетъ энергію подобныхъ или тожественныхъ состояній соразмѣрно требованіямъ рефлексіи и своихъ помысловъ: наприм. представляя грандіозное что либо новое, оно напрягаетъ ихъ энергію до размѣровъ, какіе вообще способна придать имъ воля; представляя что либо малое, оно уменьшаетъ энергію соотвѣтствующихъ состояній до минимальныхъ размѣровъ. Въ этомъ и состоитъ одна изъ задачъ правильно развитаго воображенія, чтобы подстановлять къ абстрактнымъ представленіямъ, общимъ понятіямъ, рефлективнымъ построеніямъ и собственнымъ помысламъ соразмѣрно усиленныя или ослабленныя состоянія. Изъ этого факта само собою объясняется, почему воображеніе почти рабски зависитъ отъ пережитаго опыта, т. е. отъ пріобрѣтенныхъ уже душою состояній, и почему для постиженія имъ новыхъ состояній, всего грандіознаго и малаго, существуютъ предѣлы: ибо воля не можетъ безгранично усиливать или ослаблять энергію душевныхъ состояній.

Затѣмъ, для воображенія остается еще пунктъ, въ которомъ оно можетъ приложить свою работу, именно по поводу продолжающихся состояній оно можетъ проходить къ своеобразнымъ помысламъ и давать первымъ смыслъ и форму, отличные отъ смысла и формы, даваемыхъ рефлексіей. Оно можетъ приходить къ мысли о сходствѣ предметовъ, находимыхъ рефлексіей различными, и на оборотъ, различать сходное для послѣдней, въ шутку отожествлять вещи и это есть его первая функція. Воображеніе можетъ по поводу произвольно усиленныхъ или ослабленныхъ

субъективныхъ состояній развить, какъ и рефлексія, мысль о предметѣ какъ цѣломъ, имѣющемъ качества и признаки, т. е. можетъ опредметить произвольно видоизмѣненныя субъективныя состоянія, и тогда будетъ мыслиться новый предметъ, не реальный, а воображаемый. Такое изобрѣтенное представленіе воображеніе можетъ подставлять къ абстрактнымъ общимъ понятіямъ рефлексіи, т. е. нарочно ad hoc видоизмѣнять состоянія, образовывать изъ нихъ предметъ по требованіямъ и смыслу рефлективнаго понятія. Именно этотъ процессъ предполагается, когда мы говоримъ, что воображеніе превращаетъ абстрактное въ конкретное. Подобнымъ же способомъ изъ самыхъ сложныхъ опытовъ жизни и размышленія воображеніе можетъ образовывать многосложное цѣлое, что мы называемъ обширными картинами воображенія. Къ данному многосложному содержанію, оно прилаживаетъ форму, т. е. соотвѣтствующій рефлективный элементъ— цѣлое, и къ данной формѣ, т. е. цѣлому подставляетъ соотвѣтственное содержаніе. Такъ какъ оно не связано условіями и законами, обязательными для рефлексіи, обязанной познавать дѣйствительность и близко держаться ея, то оно, согласно своимъ цѣлямъ и стремленіямъ, образуетъ произвольную хронологическую связь между событіями, своеобразно ставитъ во взаимную причинную связь ихъ, сопоставляетъ цѣли и средства. Воображеніе при этомъ, конечно, ничего не переставляетъ, не связываетъ, но оно создаетъ своеобразные помыслы по поводу уже образованныхъ имъ представленій, или по поводу разнообразныхъ работъ рефлексіи. Работая, какъ и послѣдняя, по ея пріемамъ и способамъ, оно остается дѣятельностію свободною, не подчиненною условіямъ вѣрности дѣйствительности, и оттого оно ставитъ въ связь причины и дѣйствія такія явленія, которыя связать этимъ способомъ рефлексія не можетъ, думаетъ о средствахъ для цѣлей, которыя явно имъ не соразмѣрны и т. д.

Смыслъ и происхожденіе дѣятельности воображенія.

Послѣ сказаннаго можетъ казаться, что воображеніе есть фактъ въ нашей духовной жизни странный и до нѣкоторой степени безсмысленный. Оно только искажаетъ дѣйствительность и шутитъ серіозными и столь для познанія цѣнными пріемами рефлексіи. И однако, de facto оно создаетъ міръ эстетическій,

столь значительный въ нашемъ существованіи, міръ идеаловъ, которыми мы руководимся въ жизни и украшаемъ ими дѣйствительность; вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что дѣятельность воображенія имѣетъ важную цѣнность для самого познанія нашего. Слѣдовательно, воображеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть безсмысленнымъ фактомъ и мы должны пытаться открыть смыслъ и первоначальный источникъ, изъ котораго берутся мотивы для такой дѣятельности.

Первоначальная сила, движущая воображеніемъ.

Дѣятельность воображенія возможно понять и значеніе его открыть, если мы обратимъ вниманіе на связь его съ волею. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ глубока зависимость теоретической дѣятельности души отъ хотѣній и стремленій воли. Теперь намъ нѣтъ нужды разсматривать ее въ подробности; однако, мы можемъ сказать, что движущая и направляющая сила въ познавательной дѣятельности принадлежитъ именно волѣ: стремленія и влеченія ума исходятъ отъ нея, а не отъ него. Между такими влеченіями, хотѣніями и стремленіями мы находимъ между прочимъ слѣдующія два: во 1-хъ стремленіе къ отдохновенію на малыхъ, вполнѣ сподручныхъ, впечатлѣніяхъ и во 2-хъ, влеченіе къ сближенію съ цѣннымъ и многозначительнымъ бытіемъ. По нашему взгляду на отношенія чувства къ волѣ, первое стремленіе даетъ происхожденіе чувству шутки и забавы, тому самому, которое входитъ, какъ главная составная часть въ комическое чувство. Смыслъ шутки и всякой забавы, какъ мы увидимъ, заключается въ томъ, что на забавномъ и шуточномъ мы отдыхаемъ: этотъ отдыхъ не есть покой, а дѣятельность, и весьма оживленная, но съ такимъ матеріаломъ, который требуетъ далеко меньшаго напряженія, чѣмъ обыкновенный серіозный. На немъ мы тѣшимъ самихъ себя, такого отдохновенія мы хотимъ и потому оно доставляетъ намъ большее или меньшее удовольствіе. Другое влеченіе есть стремленіе къ сближенію съ цѣннымъ и многозначительнымъ бытіемъ: отъ сосѣдства съ нимъ и приближенія къ нему, намъ кажется, мы дѣлаемся лучше и совершеннѣе. Поэтому душа алчетъ и жаждетъ истины, какъ значительнаго не ложнаго бытія, жаждетъ красоты, какъ совершеннѣйшаго бытія, и добра, какъ са-

мой высокой цѣнности въ сущемъ; оттого она сильнѣйшимъ образомъ отвращается отъ лжи, какъ ничтожнаго бытія, безобразія, какъ незначительнаго бытія, и зла, какъ имѣющаго лишь отрицательную цѣнность.

Эти два главныхъ влеченія даютъ происхожденіе и смыслъ дѣятельности воображенія. Недовольствуясь шуточнымъ и забавнымъ матеріаломъ, доставляемымъ жизнію, душа нарочно сопоставляетъ разныя данныя опыта въ такія сочетанія и намѣренно представляетъ въ такой формѣ, что они кажутся забавными. Она созидаетъ цѣлый міръ образовъ, на которыхъ она отдыхаетъ и которыми она, такъ сказать, умственно играетъ. Съ другой стороны, стремясь удовлетворить второму влеченію, она образуетъ, такъ же намѣренно, цѣлый міръ представленій, чрезъ которыя она хочетъ уяснить себѣ истинное, цѣнное и совершенное бытіе. Съ этою цѣлію она чрезъ воображеніе устремляется въ міръ идеаловъ и дѣятельно представляетъ себѣ ихъ, имѣя въ виду дать этому роду совершеннаго бытія конкретную наглядность, и съ этою же цѣлію воображеніе усиливается заглядывать и въ самую дѣйствительность дальше, чѣмъ имѣла бы на то право рефлексія.

Два главныя теченія въ дѣятельности воображенія.

Установимъ прежде всего фактъ, что воображеніе, дѣйствительно, обнаруживаетъ въ своей дѣятельности указанныя два главныя теченія. Несомнѣнно, что огромная часть ея имѣетъ смыслъ шутки и забавы, какъ бы своего рода потѣхи. Къ большей части образовъ его мы относимся какъ къ чему то не серіозному, что созидается нами, такъ сказать, для потребностей минуты, по нашему произволу. Они изображаютъ дѣйствительность, но вмѣстѣ съ тѣмъ ничего имъ прямо соотвѣтствующаго нѣтъ въ ней, изображаютъ притомъ ее какъ то особенно, не такъ, какъ прямо она наблюдается. Даже тамъ, гдѣ воображеніе занимается дѣломъ въ серіозъ, и гдѣ оно вовсе не намѣревается шутить и забавляться, за исключеніемъ дѣятельности идеальной, мы не можемъ отрѣшиться отъ того, почти инстинктивнаго, убѣжденія, что какъ ни серіозно разсказываетъ воображеніе, а все же разсказъ есть не дѣйствительность, не реальное бытіе. И это обстоятельство, что чего бы не затрогивало воображеніе и

какъ бы серіозно не работало, но продукты его не есть бытіе въ заправду, придаетъ образамъ его шуточный характеръ. Не то одно, что въ самомъ дѣлѣ воображеніе иногда комично и забавно сопоставляетъ вещи и въ странной формѣ изображаетъ ихъ, даетъ дѣятельности воображенія значеніе умственнаго отдохновенія, но и то, что изображаемое имъ есть недѣйствительное и не реальное бытіе. Это забавляетъ, тѣшитъ душу и даетъ ей возможность вмѣстѣ отдыхать, что она можетъ касаться ужаснаго, серіознаго, глубокаго и важнаго, какъ бы играть съ ними, не испытывая вполнѣ всѣхъ тягостей обращенія съ подобнымъ содержаніемъ, если бы оно было дѣйствительностію. И по тому, въ какія глубины и тайны сердца, въ какіе ужасы и страхи воображеніе ни забиралось бы, всё таки читатель и самъ авторъ не освобождаются отъ мысли, что хотя такъ бываетъ, но въ сущности, не было того, что̀ именно разсказывается. Въ значительной своей части міръвоображенія всегда былъ и есть міръ легкій, не серіозный.

Но въ дѣятельности воображенія есть несомнѣнно и чрезвычайно серіозная сторона, которая удовлетворяетъ второму влеченію души къ цѣнному и многозначительному бытію и отвращенію отъ бытія ничтожнаго и отрицательно цѣннаго. Воображеніе есть служитель истины, красоты и блага. Оно порывисто, безъ метода, старается проникнуть въ бытіе далѣе рефлексіи, освѣщаетъ его съ разныхъ новыхъ неожиданныхъ сторонъ, смѣло построяетъ вѣроятную форму процессовъ и вѣроятную исторію происхожденія различныхъ вещей, явленій, цѣлаго міра, помогаетъ рефлексіи съ легкостью двигаться въ отвлеченной области, дополняетъ отъ себя рефлективныя представленія новыми чертами, представляетъ типическое и родовое бытіе. Какъ служитель красоты, воображеніе создаетъ идеальные типы эстетическаго характера. Для осуществленія влеченія къ благу, оно образуетъ многоразличные нравственные идеалы.

Замѣтимъ между прочимъ, что указанныя два главныя влеченія, лежащія въ основѣ воображенія, создаютъ міръ искусства въ обширномъ смыслѣ. Онъ явился изъ потребности души имѣть подъ руками свой міръ, на которомъ она могла бы отдохнуть, позабавиться. Для удовлетворенія ея человѣкъ сталъ изображать на внѣшнемъ матеріалѣ, на полотнѣ, въ камнѣ всё что особенно его занимало, интересовало, удивляло и даже устрашало; глубины духовнаго внутренняго міра онъ изображалъ преимущественно словомъ, въ поэзіи. Кромѣ того, что содержаніе

всѣхъ этихъ изображеній часто бываетъ забавнымъ само по себѣ, душа отдыхаетъ на воображаемыхъ предметахъ серіознаго и важнаго содержанія. Съ другой стороны, искусство явилось изъ потребности души быть въ соприкосновеніи съ міромъ высокой цѣнности, представляющимъ бытіе не случайное, а типическое, общее, красоту, реально осуществившуюся въ предметахъ, хотя воображаемыхъ. Поэтому въ искусствѣ есть непремѣнно какъ сторона важная, серіозная, которая ставитъ его выше науки, такъ и сторона не серіозная, легкая, которой наука совсѣмъ не имѣетъ.

И такъ намъ слѣдуетъ разсмотрѣть дѣятельность воображенія въ двухъ направленіяхъ; какъ дѣятельность забавную и шуточную и какъ серіозную, удовлетворяющую глубокому влеченію воли къ цѣнному и значительному бытію.

Воображеніе создаетъ міръ шутки и забавы.

Мы уже говорили, что воображеніе тѣшится сравненіемъ предметовъ: уподобляетъ различные, различаетъ сходные, отождествляетъ разные предметы. Въ этомъ состоитъ сущность, такъ называемаго, остроумія. Обыкновенно его относятъ къ уму, какъ особенное свойство его; но серіозный умъ, всегда болѣе или менѣе методичный и основательный, никогда не можетъ открывать различіе въ сходныхъ вещахъ, сходство въ различныхъ, и еще менѣе можетъ пойти, въ шутку конечно, противъ закона тожества. По самой своей натурѣ, онъ не можетъ отступать отъ истины и хотя на минуту измѣнять ей. Воображеніе можетъ иногда и не имѣть въ виду истины и просто играть съ предметами, пробовать свою духовную силу надъ ними. Серіознѣе игра его съ представленіями, когда оно 1) намѣренно диспропорціонируетъ форму съ содержаніемъ, 2) образуетъ комическіе каррикатурные типы, 3) или забавляется тѣмъ, что придаетъ существующему произвольные, грандіозный или микроскопическій, размѣры и 4) представляетъ не пропорціональность цѣли и средствъ.

Воображеніе намѣренно образуетъ дисгармонію между формою и содержаніемъ и даетъ тѣмъ происхожденіе сатирическому и юмористическому изображеніямъ.

Дѣйствительно, воображеніе иногда намѣренно допускаетъ диспропорціональность между содержаніемъ и формою, въ которой оно излагается. Важное по значенію явленіе изображается какъ не важное, торжественые случаи и обстоятельства въ жизни представляются мизерными, нарочно отыскиваются подробности въ лицахъ, дѣйствіяхъ и соотношеніяхъ ихъ, которыя вызываютъ смѣхъ: что въ нихъ считается великимъ, то изображается какъ малое. Въ такомъ способѣ выраженія важнаго содержанія заключается сущность сатиры. Она можетъ касаться всего, что имѣетъ какое либо значеніе. Ни какое положеніе, ни какое духовное величіе, высота духовнаго развитія, великія и славныя дѣла не спасаютъ отъ сатиры; напротивъ, чѣмъ важнѣе лицо, чѣмъ оно по своему существу и своей дѣятельности болѣе представляетъ значенія, тѣмъ возможнѣй, тѣмъ легче на него сатира. Славныя историческія событія, подвиги народа вообще или частныхъ личностей, всё это можетъ служить предметомъ сатиры. Какъ всякій грандіозный видъ можетъ быть представленъ уменьшеннымъ и какъ всякіе блестящіе предметы могутъ быть воображены въ сѣренькомъ цвѣтѣ или потемнѣвшими въ густой тѣни, такъ и вещи, лица и событія можно намѣренно представить хуже, чѣмъ они есть, изъ великаго можно сдѣлать смѣшное. Иногда это дѣлается тѣмъ способомъ, что отыскиваются въ предметѣ слабыя стороны и намѣренно увеличиваются, тогда какъ сильныя нѣсколько уменьшаются и остаются въ тѣни: это тѣмъ легче дѣлается, что совершенства на землѣ нѣтъ и во всемъ всегда могутъ отыскаться слабыя и смѣшныя стороны. Иногда, великіе предметы, лица и событія изображаются какъ что то обыкновенное, неважное, на подобіе самыхъ обыкновенныхъ житейскихъ вещей и въ томъ свѣтѣ, въ какомъ представляется намъ обыденная пошлая рутина жизни. Однако нужно помнить, что, хотя сатира легка, доступна, есть предметы, которые не должны подлежать ей: напр. несомнѣнныя доблести и подвиги народа, воспоминаніе о которыхъ возвышаетъ и укрѣпляетъ духъ его, предметы чаяній и надеждъ лучшей образованной части его, или лица, которыхъ авторитетъ и обаяніе должны быть поставлены внѣ всякихъ посягательствъ, не могутъ быть предметомъ сатирическаго изображенія и всякія попытки его должны быть нравственно осуждаемы.

Несоотвѣтствіе между формою и содержаніемъ можетъ быть другого рода. Простое обыденное содержаніе иногда представ-

ляется писателемъ какъ важное и излагается въ соотвѣтственномъ тонѣ. Романистъ беретъ обыкновенный типъ изъ какого либо класса общества, разсказываетъ порядокъ его жизни, описываетъ ни чѣмъ особеннымъ не выдающійся кругъ общества, среди котораго герой романа вращается, изображаетъ стремленія, цѣли, успѣхи и неудачи своихъ героевъ, стараясь о томъ, чтобы разсказъ былъ изображеніемъ извѣстнаго класса общества, или извѣстныхъ въ немъ теченій, направленій, вкусовъ, интересовъ и т. д. Изложенію своему авторъ даетъ, однако, не простую форму, какая, по видимому, прямо требовалась бы характеромъ излагаемаго содержанія, но торжественную: онъ говоритъ о простыхъ вещахъ, придавая имъ важное, необыкновенное значеніе, излагая ихъ особымъ возвышеннымъ иногда слогомъ, какъ бы онъ излагалъ важныя и славныя дѣянія, историческіе подвиги знаменитыхъ личностей. Такого рода не соотвѣтствіе формы съ содержаніемъ составляетъ сущность юмора, юмористической формы художественныхъ произведеній. На высшей степени развитія мы находимъ ее у англійскихъ писателей: у Теккерея (Ярмарка тщеславія), Диккенса (Пикквикскій клубъ, Давидъ Копперфильдъ, Домби и сынъ), у нашего Гоголя. Въ ней художникъ дѣйствуетъ на читателя не чрезвычайнымъ интересомъ разсказываемыхъ событій, не запутанностію и сложностію интриги, а контрастомъ формы къ содержанію. Напряженіе воображенія въ ней обратное тому, какое требуется для произведенія сатиры. Въ послѣдней великое и важное нарочно уменьшается и представляется не значительнымъ, въ юмористическомъ произведеніи, напротивъ, малое показывается великимъ, или въ несоразмѣрно большемъ объемѣ представляется малый предметъ. Отсюда понятно, что не всякое содержаніе доступно для юмора. Истинно великое въ дѣлахъ человѣческихъ, равно какъ и въ природѣ, не допускаетъ юмористической формы изложенія, и всякая попытка на нее будетъ безцѣльна: наприм. ни одному юмористу никогда не удается юморъ въ описаніи Бородинской битвы, или Севастопольской обороны, какого либо великаго историческаго дѣйствія власти (освобожденіе крестьянъ въ Россіи), великаго дѣятеля (Суворовъ, Наполеонъ I-й, Сперанскій) и вообще всякаго глубокаго и теплаго чувства, двигающаго отдѣльнымъ лицемъ или цѣлымъ народомъ. Лишь только юмористу приходится касаться глубокихъ чувствъ, онъ долженъ на это время покинуть свой тонъ (нѣсколько примѣровъ тому можно видѣть въ

Давидѣ Копперфильдѣ, Домби и сынъ, у Диккенса); иначе юморъ будетъ казаться безсмысленнымъ и станетъ возбуждать негодованіе въ читателѣ. Что авторъ по временамъ, сообразно съ излагаемымъ содержаніемъ, мѣняетъ свой тонъ, это ни мало не вредитъ художественной цѣльности произведенія; напротивъ, контрастъ въ формахъ изложенія усиливаетъ впечатлѣніе: на не многихъ простыхъ задушевныхъ страницахъ, которыя по временамъ смѣняютъ юмористическія, читатель отдыхаетъ, собирается съ духомъ, чтобъ снова отдаться въ руки юмориста. — За то все мелкое, но тщеславное, пустое, но воображающее о себѣ очень много, пошлое, но считающее себя средоточіемъ въ жизни, рутина, и невѣжество, полагающія себя, какъ особую мудрость и т. д., все это можетъ давать прекрасный матеріалъ для юмориста. Говоря въ тонъ мелкимъ тщеславнымъ рутинерамъ и пошлякамъ и еще преувеличивая ходульность ихъ возрѣній, отношеній къ жизни, къ обществу и людямъ, представляя ихъ дѣйствія, событія въ ихъ жизни, ихъ персоны чрезвычайно значительными, юмористъ вызываетъ въ читателѣ осуждающій смѣхъ надъ этимъ міромъ.

2) Воображеніе измѣняетъ данные дѣйствительностію образы, произвольно увеличивая или уменьшая нѣкоторыя въ нихъ черты. Въ представленіи, создавшемся подъ вліяніемъ опыта и наблюденія, воображеніе производитъ своего рода искаженіе: одна какая нибудь черта его увеличивается до большихъ размѣровъ, до того, что становится преобладающею надъ всѣми другими характеристичною особенностію, другія черты сравнительно съ нею стушевываются, умаляются; имъ дается особая группировка, такъ что онѣ идутъ въ тонъ основной черты. Такъ создались многіе сатирическіе типы Гоголя. Основой для типа Манилова послужила наблюденная Гоголемъ черта въ русскомъ обществѣ: многіе готовы погорячиться о добрѣ, но совершенно бездѣятельно, строятъ совершенно непримѣнимые къ дѣйствительности планы улучшеній различнаго рода, въ сношеніяхъ съ другими такіе люди не просто вѣжливы, они бываютъ приторно сладки. Въ дѣйствительности такихъ точно людей, какъ Маниловъ нѣтъ: есть личности лишь подходящія къ этому типу; въ нихъ маниловщина перемѣшана съ рядомъ другихъ подробностей характера, болѣе или менѣе смягчающими и нейтрализирующими ее. Такихъ людей и наблюдалъ Гоголь: но для яркости изображенія, въ интересѣ типичности, онъ эту одну

черту преувеличилъ до чрезвычайныхъ размѣровъ, ее одну сдѣлалъ господствующею, подчинивъ ей всѣ остальныя до такой степени, что ею опредѣлился весь ходъ душевной дѣятельности лица. Нѣтъ въ русскомъ обществѣ такихъ людей, какъ Собакевичъ, Ноздревъ, Плюшкинъ, Коробочка, или Хлестаковъ, Городничій и т. д. Первый есть представитель грубости, неотесанности и вмѣстѣ чувственности; второй есть типъ лгуна, нахала, навязчиваго на панибратство, всегда готоваго оставить въ дуракахъ своего друга; третій есть образецъ скупца, утратившаго всякое человѣческое достоинство въ своей чудовищной страсти; четвертая есть олицетворенная глупость, пятый — типъ хвастуна, завирающагося до геркулесовскихъ столбовъ, готоваго усвоить какое угодно положеніе, мелко обмануть кого угодно; шестой, наконецъ, есть типъ продувного взяточника, трусящаго внезапной ревизіи, грубаго, когда онъ сознаетъ свою силу, нискаго льстеца предъ сильнымъ человѣкомъ. Всякій человѣкъ до извѣстной степени представляетъ въ себѣ какъ добро такъ и зло, недостатки перемѣшиваются въ людяхъ обыкновенно съ достоинствами. Въ разныхъ положеніяхъ въ жизни при разныхъ обстоятельствахъ въ каждомъ человѣкѣ обнаруживается то черта Ноздрева, то Хлестакова, то Собакевича, и если иной русскій человѣкъ имѣетъ много сроднаго одному которому либо изъ упомянутыхъ типовъ, то все же никто не выражаетъ въ себѣ цѣлый типъ всецѣло. Заслуга Гоголя состоитъ въ томъ, что онъ подмѣтилъ упомянутыя черты въ русскомъ обществѣ; образы, данные дѣйствительностію, онъ переформировалъ, увеличивъ до крайности характерныя черты и подчинивъ имъ остальныя. Имъ созданные типы уже не представляютъ смѣшенія противоположныхъ свойствъ: главная черта — скупости ли, фатовства, нахальства и т. под. составляетъ въ нихъ какъ бы центръ, около котораго группируются остальныя подробности.

Указанный способъ переработки образовъ тотъ же самый, какой употребляетъ каррикатуристъ въ своихъ произведеніяхъ. Сущность каррикатуры состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что какая нибудь характерная черта во внѣшней фигурѣ извѣстнаго человѣка увеличивается до неестественныхъ размѣровъ, между тѣмъ какъ другія соотвѣтственно уменьшаются. Человѣку, имѣющему довольно длинныя ноги, каррикатуристъ придаетъ неестественно длинныя, уменьшая размѣръ рукъ и головы; большая вообще голова извѣстнаго человѣка у каррикатуриста пре-

вращается въ огромную на очень маломъ туловищѣ съ короткими ногами. Такимъ же образомъ каррикатура преувеличиваетъ размѣры живота, носа, лба, рукъ, намѣренно уменьшая другія характерныя особенности тѣла.

3) Но иногда воображеніе переформировываетъ данные образы только такъ, что въ сущности характеръ и пропорціональность частей и чертъ въ нихъ не измѣняются.

Оно или увеличиваетъ размѣры даннаго рефлексіей представленія или уменьшаетъ ихъ, сохраняя типъ и характеръ его вообще неприкосновенными. Громадную гору мы воображаемъ, какъ нѣчто подобное видѣннымъ горамъ въ дѣйствительности, только размѣры послѣднихъ представляются грандіозными; міровое пространство воображаемъ себѣ подобнымъ самому далекому извѣстному намъ на землѣ протяженію; когда говорятъ намъ о небесной мелодіи, неземныхъ звукахъ, мы усиливаемся вообразить гармонію тоновъ самую совершенную и звуки, необыкновенно пріятныя, но въ сущности, мы представляемъ въ большихъ размѣрахъ и большей чистоты гармоническіе звуки, намъ извѣстные. Когда намъ приходитъ на умъ, что на планетахъ и звѣздахъ могутъ быть свои жители, то какъ бы воображеніе ни усиливалось представить ихъ отличными отъ существъ, намъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, мы представляемъ себѣ ихъ въ болѣе или менѣе измѣненныхъ формахъ, но близкихъ къ существующимъ на землѣ, при чемъ общій типъ послѣднихъ сохраняется цѣлымъ и въ тѣхъ фантастическихъ живыхъ существахъ. Мы можемъ представить ихъ грандіознѣе, чѣмъ извѣстныя намъ существующія, надѣлить ихъ въ своемъ воображеніи мощью, энергіей, столь же необыкновенною, какъ и ихъ объемъ. Съ другой стороны, мы можемъ въ воображеніи уменьшать размѣры наблюдаемыхъ предметовъ: наприм. можно представить себѣ въ воображеніи микроскопическаго человѣка, слона, льва и т. д. Мы воображаемъ себѣ атомы, какъ необыкновенно малыя фигуры, подобныя, однако, по формѣ какой либо изъ извѣстныхъ намъ геометрическихъ фигуръ; можно представить себѣ необычайно слабые звуки, цвѣта для насъ недоступные, но, быть можетъ, воспринимаемые какими либо насѣкомыми, или микроскопическими животными.

Во всѣхъ послѣднихъ случаяхъ воображеніе по аналогіи создаетъ новые образы, увеличивая или уменьшая не одну какую либо черту въ возникшихъ изъ чувственной дѣятельности представленіяхъ, но дѣлая упомянутыя измѣненія въ цѣлыхъ образахъ,

причемъ характеръ, типъ ихъ, данная пропорціональность частей остаются неприкосновенными.

4) Воображеніе забавляется переработкою данныхъ въ наблюденіи образовъ. Но оно часто изображаетъ и диспропорціональность между цѣлями и средствами. Оно намѣренно сопоставляетъ грандіозныя цѣли и ничтожныя средства, и на оборотъ, большія средства съ ничтожными цѣлями: наприм. оно представляетъ глупца на высокомъ и важномъ постѣ, для котораго, онъ, очевидно, негодится, реформатора, который съ двумя идеями, взятыми на прокатъ, думаетъ перестроивать общественный и государственный бытъ и обновлять человѣчество, прожектера съ фантастическими цѣлями, но безъ всякихъ средствъ къ ихъ исполненію; наоборотъ, оно изображаетъ великана, путающагося въ сѣтяхъ, разставленныхъ карликами, муху, за которою гонятся съ обухомъ и т. д. Въ поэзіи эта работа воображенія нашла себѣ приложеніе наприм. въ извѣстномъ сочиненіи Свифта „Путешествіе Гулливера“: онъ попадаетъ въ страну лиллипутовъ и здѣсь обнаруживается диспропорціональность между силами его, какъ великана, и лиллипутами карликами; затѣмъ, онъ оказывается въ странѣ великановъ, Бродиньякѣ, и здѣсь является, какъ карликъ, вполнѣ не соотвѣтствующимъ, по своимъ силамъ, окружающимъ его вещамъ и существамъ. Конечно, только воображеніе можетъ додуматься до такого контраста.

Идеальная дѣятельность воображенія.

Удовлетворяя глубокой потребности души въ сближеніи съ цѣннымъ и многозначительнымъ бытіемъ, воображеніе создаетъ разнообразный міръ идеаловъ въ искусствѣ, жизни и религіи. Изъ всѣхъ работъ воображенія эта есть самая трудная: она требуетъ величайшаго напряженія всѣхъ умственныхъ силъ человѣка, не только воображенія, но также и ума, какъ это мы увидимъ. Она можетъ быть названа творчествомъ въ тѣсномъ значеніи этого слова: ибо, пользуясь матеріалами, представляемыми дѣйствительностію, она даетъ существенно новое, далекое отъ нея. Такое творчество можетъ быть названо свободнымъ. Въ немъ нѣтъ рабской зависимости отъ даннаго въ наблюденіи матеріала. Оно свободно распоряжается имъ для своихъ цѣлей и свободно заимствуетъ изъ опыта разныя черты, дабы

изъ нихъ создать гармоническое цѣлое. Оно не задается цѣлію принести какую нибудь пользу или выгоду кому нибудь, хотя произведенія его могутъ быть въ высочайшей степени полезны для всего человѣчества, возбуждая и питая въ немъ чувство красоты, освѣжая и ободряя его моральное чувство. Оно не имѣетъ въ виду подражать природѣ, дѣйствительности вообще и заботится только объ одномъ — возможно полно и всесторонне выразить наибольшую красоту природы и вѣчные непреходящіе интересы человѣческаго общества.

Идеалы искусства.

1) Постоянная потребность души въ сближеніи съ лучшимъ и совершеннѣйшимъ бытіемъ побуждаетъ воображеніе искать и создавать въ искусствѣ идеалы, въ которыхъ цѣнность и многозначительность содержанія выражаются въ совершенной и прекрасной формѣ. Въ живописи наприм. мы обязаны этому творчеству всѣмъ, что имѣемъ въ высокой степени художественнаго. Рафаель пытался въ своей Мадоннѣ изобразить идеалъ женщины, соединить въ немъ женственную цѣломудренную красоту съ духовнымъ величіемъ и сознаніемъ высокаго призванія на землѣ. Въ тичіановскомъ „Христѣ“ данъ идеалъ мужественной красоты и для осуществленія его, воображеніе художника брало разныя черты отъ различныхъ лицъ и комбинировало ихъ въ одно цѣлое. Извѣстная исторія картины Иванова „Явленіе Христа народу“ показываетъ, какъ художникъ собираетъ отовсюду подробности для своихъ образовъ, но группируетъ и превращаетъ ихъ въ одно цѣлое лишь силою своего художественнаго воображенія. Идеальный типъ русской женщины мы имѣемъ въ „Татьянѣ“ Пушкина. Онъ съумѣлъ подмѣтить въ извѣстныхъ ему русскихъ женщинахъ черты простодушія, нѣжности, наивности, довѣрчивости, рѣшительности, идеально преувеличилъ и сочеталъ ихъ въ одинъ конкретный образъ; въ своемъ воображеніи онъ представлялъ Татьяну переживающею первую любовь, ея отношенія къ окружающей средѣ, къ предмету любви, ея помыслы и чувства, когда она была увѣрена въ отвѣтной любви и когда эта увѣренность потерялась, затѣмъ, въ новомъ ея положеніи, когда къ ея ногамъ палъ Онѣгинъ, прежде ее отвергшій. Для того, чтобы создавать подобнаго рода идеалы требуется громад-

ное могущество таланта, для обыкновенныхъ воображеній недоступное, и потому изъ попытокъ ихъ нѣсколько идеализовать окружающую жизнь или нѣкоторые характеры ничего никогда не выходитъ.

Идеалы въ религіи: положительные и отрицательные.

2) Глубокое влеченіе къ цѣнному и значительному бытію побуждаетъ воображеніе создавать положительные идеалы въ религіи, и равно, отвращеніе отъ ничтожнаго и незначительнаго бытія возбуждаетъ его давать конкретное выраженіе ему въ отрицательныхъ идеалахъ зла. Чрезъ творчество фантазіи возникли представленія высшихъ существъ, свободныхъ отъ обыкновенныхъ человѣческихъ недостатковъ, имѣющихъ всѣ возможныя совершенства. На сколько мы знаемъ, человѣкъ всегда устремлялся своимъ воображеніемъ къ высшему совершенному міру и представлялъ его себѣ въ той или другой формѣ, сообразно своему духовному развитію. Такъ, до извѣстной степени совершенными, люди представляли себѣ существа, посредствующія между Богомъ и міромъ, духовъ добра. Конечно, фантазія пользуется для этой цѣли наблюденіемъ окружающихъ существъ. Людскіе недостатки и слабости отвлекаются, добрыя же черты, наблюдаемыя въ людяхъ, увеличиваются и изъ преувеличенныхъ чертъ совершенства слагается конкретный идеальный образъ. Такимъ путемъ преувеличенія и объединенія въ одно цѣлое наблюдаемыхъ въ людяхъ подробностей слагался образъ совершеннаго Существа. Возможныя духовныя совершенства представлялись въ грандіозныхъ размѣрахъ: извѣстное по наблюденію милосердіе превращалось въ благость, обыкновенная проницательность и прозорливость ума превращались фантазіей въ мудрость и всевѣдѣніе; увеличивая до крайнихъ размѣровъ обыкновенныя людскія качества, мы говоримъ о всемогуществѣ, святости Существа Божія и т. д. Всѣ эти качества сочетаваются въ одно гармоническое цѣлое и такимъ способомъ возникаетъ представленіе Бога, какъ верховнаго Существа. Къ упомянутымъ отвлеченнымъ понятіямъ высшихъ существъ подстановляются подходящія конкретныя представленія; фантазія придаетъ прекрасный обликъ для Ангеловъ, надѣляя ихъ красивою фигурою, нѣжнымъ, легкимъ, крылатымъ тѣломъ, чуждыхъ тяжелой вещной матеріальности. Какъ ни стараемся удержать чисто абстракт-

ное понятіе о Богѣ, однако, про себя, какъ бы для своего домашняго обихода, мы невольно представляемъ себѣ его въ образѣ, подобномъ человѣческому, еще болѣе совершенномъ, чѣмъ образъ Ангеловъ.

Положительные идеалы воображеніе создаетъ для удовлетворенія потребности быть въ соприкосновеніи съ цѣннымъ бытіемъ; чтобы дать конкретные объекты для своего отвращенія отъ незначительнаго и ложнаго бытія, воля побуждаетъ фантазію создавать отрицательные идеалы зла и олицетворять ихъ въ образахъ злыхъ существъ. Все, что человѣкъ замѣчалъ дурного въ людяхъ: злую изобрѣтательность, дурные мотивы дѣйствій, стремленія къ безчестнымъ цѣлямъ, все это онъ въ своей фантазіи представилъ въ грандіозныхъ размѣрахъ; онъ представилъ себѣ чрезвычайно острый, проницательный и изобрѣтательный умъ, занятый одними нечистыми помыслами объ устроеніи гибели человѣческому роду и всему живущему, сердце, способное радоваться успѣхамъ только зла, волю, исключительно направленную къ гибельнымъ для людей цѣлямъ. Соединивъ эти свойства въ одно цѣлое, онъ олицетворилъ его въ соотвѣтствующемъ внѣшнемъ конкретномъ представленіи и придалъ послѣднему возможное физическое безобразіе, дабы тѣмъ выразить духовное. Мы разумѣемъ здѣсь не догматическое ученіе о злыхъ духахъ, а тѣ представленія о нихъ, которыя существуютъ какъ въ обществѣ, такъ и народѣ, изображающемъ ихъ, по мѣрѣ своего разумѣнія, въ разныхъ фантастическихъ образахъ. Такія ходячія общенародныя представленія злыхъ существъ болѣе или менѣе одинаковы во всѣхъ извѣстныхъ религіяхъ и одна и таже потребность создала Аримана въ Зендавестѣ, Тота въ египетской религіи, дьявола въ христіанской. Однако, при этомъ нельзя не замѣтить, что разные народы какъ будто въ неравной степени способны къ идеальному представленію зла. Тогда какъ Ариманъ, Тотъ, дьяволъ суть олицетворенія мрачнаго, гибельнаго для всего живущаго, зла, нашъ русскій бѣсъ, хотя и старается вредить людямъ, но въ сущности, добродушенъ, скорѣе шутливъ и пакостливъ, чѣмъ вредоносенъ.

Эстетическіе и нравственные идеалы.

Наконецъ, мы образуемъ идеалы нравственнаго и эстетическаго характера. Въ нихъ мы представляемъ или идеальный,

нигдѣ въ дѣйствительности не встрѣчающійся предметъ, служащій прототипомъ цѣлаго класса, сословія, цѣлаго народа и даже человѣчества, или конкретный строй политическаго, общественнаго, экономическаго быта, опять нигдѣ реально не осуществленный, но вполнѣ, по крайней мѣрѣ для субъекта, согласный съ требованіями общаго блага и справедливости.

Къ перваго рода произведеніямъ воображенія слѣдуетъ отнести идеальные образы (т. е. въ сущности представленія), предносящіеся воображенію каждаго человѣка, какъ прототипы, съ которыми должно сравнивать дѣятельность лицъ того или другого класса, сословія, положенія и т. д. и къ осуществленію которыхъ каждая дѣйствительная личность должна стремиться. Такъ, мы представляемъ себѣ идеальный образъ профессора, служителя церкви или государства, военнаго человѣка, купца, ремесленника, министра, христіанина, русскій народъ представляетъ себѣ идеальнаго Царя. Всѣ мы говоримъ о русскомъ человѣкѣ, представляя при этомъ себѣ не какое либо неопредѣленное лицо, а какъ конкретный, предносящійся нашей фантазіи, образъ. Эти произведенія фантазіи не говорятъ намъ о томъ, что есть, какъ бываетъ, но о томъ, какъ должно быть, каковъ долженъ быть профессоръ, служитель церкви, государства, военный человѣкъ и т. д. Матеріалъ для воображенія дается въ этихъ случаяхъ, конечно, рефлексіей: въ наблюдаемыхъ лицахъ сословія, класса отвлекаются обычные и возможные недостатки ихъ, хорошія черты развиваются воображеніемъ до идеальныхъ размѣровъ; оно построяетъ многоразличныя условія, при которыхъ дѣятельность такого идеальнаго человѣка могла бы развиваться, возможные плоды ея, духовное настроеніе его, ряды мыслей и стремленій, въ немъ развивающихся, отношенія его къ окружающей средѣ и т. д. Составленному такимъ образомъ духовному содержанію воображеніе придаетъ форму, представляетъ его какъ конкретный предметъ. Такъ, мы представляемъ себѣ конкретно идеальнаго пастыря церкви; мы думаемъ о немъ, какъ человѣкѣ съ извѣстнымъ выраженіемъ лица, кроткомъ и благоговѣйномъ, но способномъ и къ благородному негодованію, съ тихимъ, но властнымъ словомъ, тихою походкою, скромно, но прилично одѣтымъ и т. д.

Воображеніе можетъ обращаться къ будущему и построять идеалы общественной жизни, какъ цѣли стремленій и дѣятельности общества и государства. Администраторъ построяетъ себѣ

идеалъ общества, каковымъ оно должно быть, и принимаетъ мѣры къ его осуществленію. Иной рабочій мечтаетъ о такомъ устройствѣ общества, при которомъ умѣренный трудъ обеспечивалъ бы не только удовлетвореніе первыхъ потребностей, но въ извѣстной степени и наслажденіе; соціалистъ воображаетъ себѣ общество, въ которомъ нѣтъ ни богатыхъ ни бѣдныхъ, въ которомъ положеніе каждаго лица опредѣляется мѣрою личнаго труда. Сознавая язвы современнаго общества, мы представляемъ въ отдаленномъ будущемъ такой строй его, при которомъ были бы устранены его недостатки. Христіанинъ представляетъ себѣ, каковъ былъ бы народъ, какова его жизнь, если бы онъ былъ просвѣщенъ свѣтомъ Евангелія, если бы христіанскія правила нравственности перешли бы въ плоть и кровь его, если бы, вмѣсто эгоистическихъ мотивовъ, онъ опредѣлялся въ своихъ дѣйствіяхъ любовію къ ближнему. Говоря о цивилизующемъ значеніи науки и нравственности, мы предполагаемъ развитіе и совершенствованіе людей и въ отдаленномъ будущемъ представляемъ себѣ идеалъ человѣка, который, быть можетъ, никогда не осуществится, но къ достиженію котораго общество и каждая личность должны стремиться по мѣрѣ своихъ силъ.

Но кромѣ указанныхъ идеаловъ болѣе или менѣе нравственнаго характера, воображеніе строитъ чисто эстетическіе. Въ первыхъ мы удовлетворяемъ своему стремленію къ значительному бытію, давая цѣнному нравственному содержанію соотвѣтствующую конкретную форму; въ эстетическихъ идеалахъ мы преимущественно сосредоточиваемся на цѣнной формѣ и построяемъ предметы, чуждые несовершенствъ и недостатковъ, замѣчаемыхъ въ реальныхъ вещахъ. Такъ, воображеніе молодого человѣка построяетъ идеалъ красивой невѣсты, съ которою онъ соединилъ бы свою судьбу, и наоборотъ, женщины представляютъ себѣ идеально красивыхъ жениховъ; спортсменъ представляетъ идеалы красивой лошади, лягавой собаки; архитекторъ думаетъ объ идеально красивой церкви, домѣ, разныхъ зданіяхъ, совершенныхъ какъ по своей внѣшней формѣ, такъ и по внутреннему расположенію и удобству, живописецъ — объ идеально прекрасныхъ мѣстностяхъ, пригоркахъ, ручьяхъ, горахъ и т. д. Въ такихъ идеалахъ мы нисходимъ до самыхъ ничтожныхъ вещицъ и бездѣлушекъ. Существованіе подобныхъ идеаловъ сказывается въ стремленіи каждаго человѣка улучшить свой внѣшній видъ приличною одеждою, уходомъ за собою, въ желаніи украсить свое

жилище и вообще свою представительность, не по какимъ либо разсчетамъ, а просто для того, чтобы ближе подойти къ идеалу внѣшняго изящества и красоты своего явленія предъ другими.

Отличительныя черты идеаловъ.

Такъ какъ идеалы вообще имѣютъ огромное значеніе въ человѣческой жизни, то мы остановимся на отличительныхъ признакахъ, способахъ построенія и различіи ихъ.

Анализируя идеалы, построяемые воображеніемъ, мы находимъ слѣдующіе отличительные признаки ихъ. Всякій идеалъ говоритъ намъ не о томъ, что есть, а что должно быть. Имъ мы поправляемъ дѣйствительность. Мы улучшаемъ ее, представляя ее въ своей фантазіи освобожденною отъ недостатковъ, отъ всѣхъ сторонъ, которыми она часто угнетаетъ насъ. Не удовлетворяясь фактическимъ положеніемъ общества, или обыкновеннымъ складомъ и развитіемъ личностей, мы рисуемъ ихъ себѣ въ воображеніи, каковы они должны были бы быть. Оттого во всякомъ идеалѣ есть или нравственный или эстетическій элементъ.

Съ идеалами мы обыкновенно обращаемся къ будущему. Представляя настоящее неудовлетворительнымъ въ какихъ либо отношеніяхъ, мы воображаемъ себѣ лучшее будущее. Таковы идеалы политическіе, общественные и соціальные. Государственный человѣкъ представляетъ себѣ возможное въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ выгодное международное положеніе, высокую степень развитія народа въ торговомъ, умственномъ и т. д. отношеніяхъ. Однако, идеалы могутъ относиться и къ прошедшему времени. Можно воображать, какія бы иныя лучшія судьбы постигли извѣстнаго дѣятеля, если бы онъ избралъ иное поприще дѣятельности, чѣмъ на какомъ подвизался, или еслибы обладалъ морально твердымъ характеромъ, какъ полезенъ былъ бы для Аѳинянъ геній Алкивіада, если бы онъ обладалъ твердыми принципами и посвятилъ свои таланты на служеніе своему отечеству. Можно представлять себѣ, каково иное могло бъ быть положеніе общества въ ту или другую эпоху, если бы нашелся среди его геніальный руководитель, если бы оно болѣе понимало свои интересы, если бы не обрушились на него разныя, постигшія его бѣды. Изучая исторію народовъ, утратившихъ политическое положеніе, можно воображать, какова должна была бы

быть группировка въ политическихъ союзахъ народовъ, благопріятная для ихъ интересовъ, какова политическая и соціальная организація, каковы стремленія, симпатіи и антипатіи ихъ, дабы несчастія и катастрофы были предотвращены и они сохранили свое почетное и самостоятельное мѣсто между другими народами. Мы построяемъ такимъ образомъ идеалъ, осуществленія котораго мы желали бы встрѣтить въ прошломъ народа, общества, личности, или изображаемъ идеальныхъ личностей, вмѣсто дѣйствовавшихъ реально.

Но идеалы могутъ не имѣть никакого отношенія ко времени. Воображеніе можетъ построять идеалы, не осуществимые ни въ какомъ времени, слишкомъ возвышенные надъ дѣйствительностію. Таковъ идеалъ христіанина—быть совершеннымъ подобно небесному Отцу, идеалъ блаженства, не осуществляемаго во времени, общества, въ которомъ нѣтъ войнъ, общественныхъ бѣдствій, несправедливости, бѣдныхъ и т. д. Въ такихъ идеалахъ мы отрицаемъ время и возвышаемся надъ нимъ.

Участіе воли и рефлексіи въ построеніи идеаловъ.

Въ построеніи идеаловъ принимаютъ участіе, сверхъ воображенія, воля и рефлексія. Первоначальный толчокъ къ этому творчеству исходитъ отъ воли. Она побуждаетъ воображеніе создавать объекты для своихъ стремленій къ цѣнному и значительному бытію. Отъ соприкосновенія съ лучшимъ и совершеннѣйшимъ бытіемъ человѣкъ чувствуетъ себя лучше и счастливѣе и потому онъ съ такою настойчивостію стремится въ область идеальнаго бытія. Но почему въ данное время у извѣстнаго лица или въ обществѣ являются идеалы съ извѣстнымъ опредѣленнымъ содержаніемъ, на это имѣютъ вліяніе окружающая дѣйствительность и степень развитія рефлексіи.

Человѣческія стремленія во всѣ времена были и есть одни и тѣ же: они составляютъ первоначальныя апріорныя данныя въ человѣческой волѣ. Одни изъ нихъ никогда не удовлетворялись дѣйствительностію и не могутъ быть удовлетворены, другія удовлетворяются въ разныхъ степеняхъ въ разное время и притомъ, одни иногда болѣе, другія менѣе. Мы видимъ въ природѣ тлѣніе и разрушеніе, отъ котораго ни что не освобождено; мы теряемъ здоровье отъ болѣзней, присутствуемъ при смерти дорогихъ намъ существъ. Наблюдая общество, мы видимъ многіе

недостатки въ его строѣ, учрежденіяхъ, обычаяхъ; мы встрѣчаемся съ предразсудками, невѣжествомъ, эгоизмомъ въ разнообразныхъ его проявленіяхъ и т. д. Въ себѣ самихъ мы подмѣчаемъ многое, что не соотвѣтствуетъ нашимъ желаніямъ цѣнности и многозначительности собственнаго существа: наприм. слабость и безплодность желаній добра, эгоизмъ намѣреній, большую или меньшую наклонность къ пустымъ развлеченіямъ, неохоту къ труду и т. под. Несоотвѣтствіе дѣйствительности нашимъ хотѣніямъ и влеченіямъ служитъ источникомъ разныхъ тягостныхъ отрицательныхъ чувствованій. Подъ вліяніемъ ихъ, какъ обыкновенно кажется, въ сущности же подъ вліяніемъ основныхъ стремленій и отвращеній своего духа, мы пытаемся представить лучшую природу, лучшаго человѣка, лучшее общество, т. е. идеализуемъ ихъ. Мы рисуемъ ихъ себѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они могли бы удовлетворять насъ, согласоваться съ нашими хотѣніями и влеченіями. Съ такими же стремленіями мы обращаемся и къ прошедшему и въ противорѣчіе дѣйствительно случившемуся воображаемъ себѣ такихъ дѣятелей, такой духовный складъ народовъ, такія международныя отношенія, построяемъ такія условія, при которыхъ удовлетворилось бы наше хотѣніе видѣть тотъ или другой народъ счастливымъ и избѣгшимъ постигшей его катастрофы. Съ чувствомъ удовлетворенія мы представляемъ себѣ новое небо, новую землю, новаго человѣка, существо, свободное отъ немощей и слабостей человѣческихъ.

Съ другой стороны, въ построеніи идеала участвуетъ и рефлексія: она непрерывно сопутствуетъ при этомъ воображенію. По рефлективному принципу противоположности, мы доходимъ до представленія порядка вещей, противоположнаго реально данному. Она же дѣйствуетъ, когда мы обдумываемъ подробности въ идеалѣ: при построеніи его мы вовсе неотказываемся отъ соблюденія законовъ, извѣстныхъ намъ изъ опыта и наблюденія, и въ идеалѣ мы стараемся соблюсти условія возможности вообще, если не реальной, то, по крайней мѣрѣ, логической. Всякій идеалъ, общественный, политическій, нравственный, рѣшительно терялъ бы въ нашихъ глазахъ обаяніе, если бы по нашему разумѣнію, былъ нелѣпъ, казался намъ обсурдомъ. Когда построяются идеалы, осуществимые въ жизни, необходимо согласіе ихъ съ требованіями реальныхъ законовъ — физическихъ, общественныхъ, историческихъ и т. д. Но и для идеаловъ, неосуществимыхъ реально, остается во всей силѣ требованіе со-

гласія ихъ съ правилами Логики и условіями логической возможности. Чтобы опредѣлить, что логически и реально возможно или невозможно, для этого требуется размышленіе, т. е. дѣятельность рефлексіи. Если не форма, то содержаніе идеала составляется при помощи ея.

Различіе идеаловъ у разныхъ народовъ.

Зависимость идеаловъ отъ опыта и рефлексіи объясняетъ, почему религіозные, политическіе и общественные идеалы были и бываютъ различны у разныхъ народовъ. Какова была степень развитія народа, таковы были и его боги. Народы съ грубыми понятіями о красотѣ и совершенствахъ человѣка составляли подходящіе образы боговъ. Удивлявшіеся только физической силѣ и ее болѣе всего цѣнившіе представляли себѣ боговъ въ конкретномъ образѣ замѣчательныхъ по силѣ животныхъ, тогда какъ понимавшіе значеніе умственной и нравственной дѣятельности видѣли въ своихъ божествахъ олицетвореніе духовной красоты. Такъ, любопытно прослѣдить постепенное улучшеніе и подъемъ у грековъ представленій о Зевсѣ, первоверховномъ Богѣ, Юпитера у Римлянъ. Зевсъ Гомера грубый антропоморфическій образъ, Зевсъ новоплатониковъ, Александрійской эпохи, есть совершенно одухотворенный идеалъ совершенства.

Политическіе идеалы грека были отличны отъ идеаловъ римлянина. Первый наблюдалъ кругомъ себя небольшія республики и самъ былъ гражданиномъ какой нибудь небольшой πολιτεία; напротивъ, римлянинъ былъ гражданиномъ огромнаго, обнимавшаго почти весь извѣстный тогда міръ, государства, и онъ чувствовалъ себя гражданиномъ цѣлаго міра. Политическіе идеалы грека имѣли семейный характеръ: онъ мечталъ о благосостояніи своего городка, какъ членъ семьи думаетъ о счастіи своей семьи; римлянинъ же думалъ о благосостояніи человѣчества, представлявшагося ему какъ союзъ всѣхъ народовъ подъ властію Рима. Въ средніе вѣка идеаломъ политиковъ, при могуществѣ религіознаго начала, была полная гармонія свѣтской и духовной властей, при чемъ видимая глава церкви своимъ авторитетомъ сдерживалъ бы своекорыстную несправедливость представителей свѣтской власти, а послѣдняя свой мечъ отда-

вала бы на служеніе высшимъ моральнымъ интересамъ, представляемымъ церковію. Въ соотвѣтствіе съ потребностями жизни, еще не искушенная опытомъ, рефлексія того времени полагала, что достиженіе подобной цѣли возможно и въ этомъ направленіи разработывала политическій идеалъ. Политическіе идеалы новаго времени у каждаго народа свои. Идеалъ всемірной монархіи представлялся умамъ французскихъ королей Генриха IV, Людовика XIV, Наполеона I; онъ предносился образованнымъ классамъ Франціи, какъ внѣшнее выраженія величія націи, воля которой была бы закономъ для цѣлаго міра.

Этотъ идеалъ принадлежалъ столь же фантазіи какъ и рефлексіи французской націи. Дѣйствительность давала для рефлексіи поводъ и основаніе предполагать утвержденіе французской гегемоніи, какъ дѣло весьма возможное. Рано достигнутое единство вѣры и племени, психическая даровитость народа, сравнительная достаточность классовъ были основами, на которыхъ рефлексія могла опираться въ своихъ заключеніяхъ о будущемъ и фантазія француза построяла себѣ идеалъ величественнаго положенія націи, которой слушается цѣлый міръ. Въ нашемъ столѣтіи германскій народъ долго представлялъ себѣ единство въ формѣ Имперіи, грозной и уважаемой сосѣдями, какъ идеалъ своихъ политическихъ стремленій: по своей логической сторонѣ, онъ былъ произведеніемъ рефлексіи, которая мотивировала его разными соображеніями, давала ему различныя направленія, смотря по политическому положенію дѣлъ въ разное время, равно какъ указывала его содержаніе; цѣлостность же формы его, конкретное содержаніе сообщала идеалу германская фантазія.

Значеніемъ опыта и рефлексіи въ дѣлѣ образованія идеаловъ объясняется, почему нравственные и общественные идеалы были въ разное время также различны у разныхъ народовъ и даже у одного и того же народа. Когда народъ или извѣстный классъ его, чувствовалъ тягостное положеніе дѣлъ, онъ построялъ въ фантазіи противоположный складъ ихъ, долженствовавшій облегчать ему жизнь. Смотря по степени развитія своей рефлексіи, по развитію наблюдательности, онъ представлялъ себѣ складъ общественной жизни, строеніе общества, при которомъ ему жить было бы легко, недуги общественные были бы исцѣлены. Въ VII и VI столѣтіяхъ до Р. Хр. въ Греціи народъ, т. е. нисшіе классы общества, были подавлены долгами,

которые вымогались высшими классами отъ него всѣми мѣрами, въ дѣлахъ общественныхъ народу не было представлено никакого голоса и ему не гдѣ было найти суда и управы на несправедливость богатыхъ. Подъ вліяніемъ чувства стѣсненія народъ додумался до причинъ, произведшихъ невыгодное для него положеніе дѣлъ, и въ своемъ воображеніи построялъ идеалы желаннаго ему общественнаго устройства. Различныя попытки законодательства (Дракона, Солона, Ликурга и др.) и были слѣдствіемъ стремленій осуществить практическій идеалъ, предносившійся воображенію греческаго народа. Утомленное соперничествомъ небольшихъ политій, на которыя дѣлился греческій народъ, до крайности стѣсненное въ своей индивидуальной свободѣ правами, какія государство предъявляло къ своимъ гражданамъ, желая болѣе обширнаго поприща для своей дѣятельности, образованное греческое общество, въ лицѣ своихъ философовъ, пришло въ IV стол. до Р. Хр. къ идеалу міроваго гражданина, не связаннаго отношеніями къ городу, мѣсту рожденія, ни даже къ націи, къ которой онъ можетъ принадлежать. Въ это время уже совсѣмъ иной идеалъ общественнаго устройства представлялся воображенію грека, чѣмъ въ VII или VI столѣтіяхъ. Такъ какъ первыя христіанскія общины составлялись изъ низшихъ классовъ общества, обездоленныхъ въ общественномъ отношеніи, то и христіанскій идеалъ новаго общественнаго строя, въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Хр. имѣлъ несомнѣнно соціалистическій оттѣнокъ. Воображеніе первыхъ христіанъ, угнетаемыхъ нуждою, мечтало объ устроеніи такой жизни, въ которой не было бы ни богатыхъ, ни бѣдныхъ и всякій несъ что имѣлъ на общественныя нужды, на поддержаніе бѣдныхъ. Рефлексія ихъ считала возможнымъ указанный складъ общественной жизни, въ немъ видѣла исцѣленіе отъ общественныхъ недуговъ, ихъ угнетавшихъ.

Идеалы французскихъ революціонеровъ XVIII столѣтія создались также въ зависимости отъ окружавшей ихъ дѣйствительности. Натянутость положенія дѣлъ предъ 1780 годомъ чувствовалась всѣми; все и всѣ чувствовали тягость произвола, привиллегій, монополій, и т. д. и всѣ сознавали, что̀ далѣе такъ дѣла идти не могутъ. Рефлексія тогдашняго времени находила, что извѣстныя учрежденія суть главныя причины зла, слѣдовательно, въ учрежденіяхъ противоположныхъ, по ея мнѣнію, скрывался источникъ всякого благополучія. Услужливое воображеніе тогдашняго общества создавало идеалъ общественнаго

устройства, основаннаго на полной свободѣ, братствѣ и равенствѣ всѣхъ. Какъ извѣстно, этотъ идеалъ и до сего времени остается неосуществимымъ: онъ имѣлъ лишь отрицательную силу: препятствовалъ устойчивости формъ правленія, пытавшихся утвердиться. Идеалы устройства общества, въ соціалистическомъ духѣ, явились несомнѣнно въ связи съ недовольствомъ, чувствуемымъ теперь нисшими классами въ нѣкоторыхъ государствахъ; справедливо или нѣтъ, но современный рабочій на западѣ предполагаетъ, что онъ обдѣленъ на пиру жизни, что плодами его трудовъ пользуется не онъ и т. д. Рефлексія подсказываетъ ему, что положеніе его измѣнится на противоположное современному, при совсѣмъ другомъ устройствѣ общества. Его фантазія на этой почвѣ строитъ разные общественные идеалы въ соціалистическомъ и коммунистическомъ духѣ; рабочій мечтаетъ объ осуществленіи такого идеала, какъ христіанинъ о будущей блаженной жизни. Идеалы эмансипаціи женщины создались также въ зависимости отъ нормальнаго положенія ея въ образованныхъ классахъ общества, особенно съ тѣхъ поръ, какъ поднялся уровень ея образованія. Рефлексія дошла до вывода, что спасенія слѣдуетъ искать въ полной эмансипаціи отъ узъ, связывающихъ дѣятельность женщины: и вотъ воображеніе многихъ современныхъ женщинъ рисуетъ предъ собою будущее, въ которомъ онѣ будутъ обладать полною свободою и всѣми правами мущины.

Такимъ образомъ въ разное время разныя положенія общества, угнетающе дѣйствуя на человѣка, порождали въ немъ чувство недовольства, возбуждали его рефлексію къ изысканію средствъ для уврачеванія общественныхъ недуговъ, и при разныхъ матеріалахъ, при разныхъ потребностяхъ обществъ, естественно должны создаваться воображеніемъ и различные идеалы: оттого соціальные идеалы нашего времени не возможны были для средневѣковаго человѣка, и средневѣковые немыслимы для грека или римлянина, и на оборотъ, классическіе идеалы неприложимы къ нашему времени.

Различная цѣнность идеаловъ.

Фактъ различія идеаловъ у разныхъ народовъ въ разное время или въ разныхъ классахъ одного и того же общества предполагаетъ ихъ неодинаковую внутреннюю цѣну и значеніе.

Конечно, всякій идеалъ, какъ бы самъ по себѣ низменъ ни былъ, для составлявшаго его представляетъ лучшее, что только онъ можетъ себѣ представить; западный рабочій, мечтающій о всеобщемъ дѣлежѣ собственности, представляетъ себѣ новое устройство общества, какъ наилучшую цѣль, къ которой оно должно стремиться, и самъ ни мало не задумывается надъ сумазбродностію и невозможностію своего идеала: по его мнѣнію, напротивъ, онъ есть наилучшее врачеваніе общественныхъ недуговъ. Но кромѣ такой чисто субъективной цѣны, идеалы могутъ имѣть свое относительное, а нѣкоторое изъ нихъ и безусловное значеніе. Послѣднее имѣютъ, или лучше сказать, должны имѣть нравственные идеалы. Идеалы блага, долга, справедливости должны быть прямымъ выраженіемъ соотвѣтствующихъ идей нашего разума. Ихъ мы оцѣниваемъ по этому безусловно. Всегда и вездѣ моральный идеалъ предносился фантазіи человѣка, какъ первообразъ, который долженъ быть осуществляемъ его дѣятельностію. Поэтому, когда мы оцѣниваемъ дѣятельность народовъ и личностей, жившихъ въ отдаленныя отъ насъ времена при другихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, съ другою, чѣмъ у насъ, степенью образованія, мы идемъ на это дѣло съ своими нравственными идеалами, и все несправедливое, беззаконное, злое, хотя бы оно случилось въ древнемъ Египтѣ, у Вавилонянъ, Ассиріанъ за 2500 лѣтъ до сего времени, признается нами также несправедливымъ, беззаконнымъ, злымъ. Что мы своими нравственными идеалами измѣряемъ дѣйствія людей всѣхъ временъ—это не есть педантизмъ, но лишь выраженіе убѣжденія, что нравственная природа человѣка во всѣ времена была и есть одна и таже. Тожество ея, однако, не препятствовало людямъ въ различныхъ формахъ осуществлять идеалы въ жизни; степень образованія и развитія народа сказывалась въ чистотѣ ихъ и извѣстной степени возвышенности. По этому кромѣ безусловнаго, нравственные идеалы у различныхъ народовъ имѣютъ и относительное значеніе. Конкретныя подробности идеала добра, справедливости въ разныя времена бывали различны.

Объ эстетическихъ и общественныхъ идеалахъ можно сказать, что они имѣютъ лишь одно относительное значеніе. У всякого народа есть болѣе или менѣе развитыя понятія красоты и всякій по своему осуществляетъ ихъ въ извѣстныхъ произведеніяхъ своего искусства. Идея красоты, конечно, одна и полное ея выраженіе можетъ быть дано только въ одной исчер-

пывающей ее формѣ, идеалѣ. Но онъ для нашей фантазіи не достижимъ, и потому у человѣчества нѣтъ абсолютнаго образца, по сравненію съ которымъ можно бы было оцѣнивать въ абсолютномъ смыслѣ разныя конкретныя выраженія, какія создавали для него различные народы. Можно сравнивать эстетическія идеалы лишь по степени совершенства формы и глубинѣ содержанія, по степени гармоніи въ ихъ сочетаніи и т. д. Политическіе и общественные идеалы оцѣниваются по обстоятельствамъ мѣста и времени, по ихъ возможности, приложимости къ практикѣ, т. е. оцѣниваются не сами въ себѣ, а по случайнымъ соображеніямъ. Идеалы, прекрасные и возвышенные сами въ себѣ, могутъ, однако, не имѣть никакой практической цѣны, если они созданы воображеніемъ безъ всякого соображенія съ условіями дѣйствительности, для улучшенія которой они предназначаются. Оттого идеалы, прекрасные для извѣстнаго народа, совершенно негодны для другого, годные для извѣстнаго положенія и нравственнаго возраста народа не имѣютъ цѣны для того же народа въ другомъ возрастѣ и при другой степени развитія. И только въ томъ случаѣ они выступаютъ изъ міра условнаго и относительнаго, когда примыкаютъ къ вѣчнымъ идеаламъ добра и справедливости. Тогда и эти условные идеалы становятся, выражаясь поэтическимъ языкомъ, святымъ достояніемъ сердца, источникомъ утѣшенія для людей. Поэтому въ общественныхъ и политическихъ идеалахъ необходимо различать идеалы близкіе къ дѣйствительности, практически осуществимые, и удаленные отъ нея, осуществимые въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, или даже совершенно не осуществимые. Послѣдніе имѣютъ цѣну и получаютъ значеніе лишь на столько, на сколько они приближаются къ нравственнымъ идеаламъ.

Служеніе воображенія истинѣ.

3) Воображеніе не только образуетъ міръ представленій и образовъ, на которомъ отдыхаетъ душа, не только удовлетворяетъ высокимъ стремленіямъ ея, создавая міръ цѣннаго и значительнаго бытія, но оно служитъ и истинѣ и съ своей стороны тоже вноситъ лепту, иногда значительную, на удовлетвореніе стремленія духа къ сближенію съ истиннымъ бытіемъ. Въ свое время, разбирая отношенія рефлексіи къ воображенію, мы укажемъ, какъ велика услуга послѣдней при изысканіи истины,

и тогда подробно разберемъ научное значеніе воображенія. Теперь же мы укажемъ на одну существенную услугу его познанію, которая между прочимъ даетъ цѣну поэзіи для знанія общественной жизни, ея теченій и стремленій. Воображеніе стремится указать въ своихъ образахъ типическое и родовое бытіе. Въ искусствѣ оно не имѣетъ въ виду изображать случайное конкретное разнообразіе явленій жизни, личностей, но старается схватить общія черты ихъ, создать типы дѣйствующихъ лицъ, и при томъ такъ, чтобы въ нихъ возможно полно и всесторонне отражались теченія и стремленія общественной жизни. Эта черта въ воображеніи спасаетъ искусство отъ близости къ фотографіи, снимающей картины съ дѣйствительности во всей ея случайности. Искусство часто открываетъ глаза обществу на совершающіяся въ немъ событія, на образъ мыслей и направленіе умственной дѣятельности его, наприм. какъ въ „Отцахъ и дѣтяхъ“ въ типахъ Базарова и Кукшиной Тургеневъ открылъ глаза обществу на нигилизмъ. Фантазія своими представленіями часто предупреждаетъ понятія и обобщенія рефлексіи и потому служитъ, какъ мы увидимъ, источникомъ многихъ важныхъ открытій. Картины общества, создаваемыя воображеніемъ въ тысячу разъ болѣе служатъ общественному самопознанію, чѣмъ любыя публицистическія разсужденія. Въ доказательство можно бъ было припомнить напр. общественное значеніе романовъ и разсказовъ Тургенева. Имѣя общій характеръ, типы и картины воображенія не выставляютъ ничего конкретнаго: они какъ общія понятія, ни къ чему въ частности не относятся. Но подобно понятіямъ, именно потому, что они общи, типы и картины искусства въ высшей степени разъясняютъ и освѣщаютъ дѣйствительность. На этомъ основывается значеніе искусства для приближенія человѣка къ истинѣ. Оно имѣетъ воспитательное и поучительное значеніе: въ искусствѣ есть не малая доля истины.

Какіе законы и въ какихъ случаяхъ воображеніе должно соблюдать въ своей дѣятельности?

Въ какой мѣрѣ воображеніе обязано соблюдать въ своихъ произведеніяхъ различные законы? Можетъ ли оно по произволу нарушать условія логической, физической, психологической и исторической возможности? Хотя воображеніе признается самою

свободною теоретическою дѣятельностію, хотя, какъ говорятъ, на крыльяхъ его мы можемъ переступать условія пространства и времени, однако, и оно не можетъ безнаказанно нарушать нѣкоторые законы.

Какіе законы и въ какихъ случаяхъ воображеніе должно соблюдать — это зависитъ оттого, изображаетъ ли оно міръ чисто фантастическій, или реально возможный, избираетъ ли оно предметомъ своего изображенія физическую природу, или міръ психическій. Эти случаи необходимо различать, потому что въ однихъ оно можетъ быть свободно отъ соблюденія тѣхъ законовъ, которые для него обязательны въ другихъ.

Какой бы міръ ни изображался воображеніемъ, фантастическій или реально возможный, обращается ли оно къ міру духовному или физическому, оно должно соблюдать логическіе законы. Вѣрность имъ есть condicio sine qua non состоятельности и допустимости его продуктовъ. Невозможно давать какое либо значеніе роману, если онъ полонъ логическихъ противорѣчій. если въ картинахъ духовной жизни, представляемыхъ въ немъ, нѣтъ здраваго смысла. Невозможно слушать или читать сказку, гдѣ что ни слово, то логическое противорѣчіе, гдѣ событія слѣдуютъ одно за другимъ безтолковымъ образомъ, гдѣ нѣтъ ни какой послѣдовательности въ мысли. При нарушеніи логическихъ правилъ, т. е. условій логической возможности, продуктъ воображенія не только утрачиваетъ эстетическое, но и всякое значеніе. Воображеніе дѣйствуетъ не отдѣльно отъ логической рефлексіи, но вмѣстѣ съ нею, подъ надзоромъ ея; критика послѣдней постоянно сопутствуетъ дѣятельности перваго. Все, что ни создается воображеніемъ, провѣряется логическимъ мышленіемъ и все безтолковое, безсмысленное сейчасъ же бракуется имъ, какъ ничтожное въ логическомъ отношеніи, слѣдовательно, и во всѣхъ отношеніяхъ.

Соблюденіе условій физической возможности бываетъ обязательно и не обязательно для воображенія, смотря по тому изображаетъ оно міръ физическій или реальный. Было бы странно, если бы пэйзажистъ вздумалъ изобразить на картинѣ тропическій лѣсъ и для красы помѣстилъ бы въ ланшафтъ сосну или березу, деревья, не встрѣчающіяся въ жаркомъ климатѣ. Такая картина производила бы антиэстетическое впечатлѣніе. Не позволительно и романисту, когда ему приходится описывать природу, или живыхъ существъ, нарушать условія реальной воз-

можности. Какъ и пейзажистъ, онъ не можетъ, для картинности описаній, помѣстить пальмы на горы, покрытыя снѣгомъ, или говорить о тиграхъ, плавающихъ на льдинахъ Ледовитаго океана и т. под. Было бы интересно въ историческомъ романѣ вывести лицо, которое, непрерывно дѣйствуя въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, было бы живымъ свидѣтелемъ громадныхъ перемѣнъ въ народѣ, обществѣ, политическомъ положеніи дѣлъ и т. д., совершившихся въ теченіи такого времени. Но подобный романъ не можетъ удаться, потому что онъ въ основѣ своей предполагалъ бы фактъ, не возможный по физическимъ законамъ. Если авторъ художникъ изображаетъ дѣйствительность. то онъ не можетъ безнаказанно погрѣшать противъ условій реальной возможности: что̀ онъ ни изображалъ бы, законы природы въ его созданіи ни какъ не должны быть нарушаемы. Но если воображеніе уносится въ міръ фантастическій, оно можетъ свободно обращаться съ реальными законами. Въ сказкахъ мы не соблазняемся тѣмъ, что ихъ герои уничтожаютъ большія войска, летаютъ на коврѣ самолетѣ, ходятъ въ семимильныхъ сапогахъ, что строются дворцы изъ золота, что талисманъ героя осуществляетъ что только ему нужно, что брошенная щетка превращается въ лѣсъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что и въ фантастическомъ мірѣ есть своего рода законность и что отнюдь не какъ попало, по произволу, физическіе законы въ немъ нарушаются. Воображеніе, въ сущности, и здѣсь признаетъ реальную законность, только силы, имъ выводимыя въ фантастическомъ мірѣ, такъ необыкновенны, что они, дѣйствуя вообще какъ и реальныя причины, производятъ тоже выходящія изъ ряду дѣйствія. Въ этомъ, по моему мнѣнію, состоитъ существенное различіе изображеній реальнаго міра, построяемыхъ воображеніемъ, отъ образовъ фантастическаго, создающихся также имъ: первыя недопускаютъ чудодѣйственныхъ силъ, вторыя на нихъ основываютъ главное движеніе событій; послѣднія развиваются по общимъ реальнымъ законамъ природы и въ силу ихъ необыкновенныя причины должны производить необыкновенныя дѣйствія: напримѣръ: Иванушка дурачекъ въ сказкахъ совершаетъ необыкновенныя дѣла не самъ собою, а чрезъ добытаго не обыкновеннымъ способомъ коня, который способенъ говорить, предвидѣть событія; онъ овладѣваетъ перстнемъ, обладающимъ особою чудодѣйственною силою. Слѣдовательно, обыкновенная связь событій, ихъ зависимость по закону причинности, признаются и здѣсь, и

Иванушка дѣйствуетъ, какъ дѣйствовалъ бы простой человѣкъ; необыкновенное въ его дѣлахъ происходитъ отъ того, что конь оповѣщаетъ его о будущемъ, и разные талисманы, которыхъ обладателемъ онъ становится, доставляютъ ему все по его желанію. Сказочному герою предоставляется въ сказкѣ власть надъ событіями, вещами, но не непосредственно, а чрезъ особый рядъ чудодѣйственныхъ причинъ: чтобъ спастись отъ преслѣдованій, сказочные герои надѣваютъ семимильные сапоги, бросая щетку, образуютъ непроходимыя чащи, кидая платокъ, создаютъ море и т. д.; прямо и непосредственно они законовъ дѣйствительности не нарушаютъ: напротивъ, всякое дѣйствіе, напряженіе требуютъ отъ нихъ усилія; препятствія дѣятельности ихъ встрѣчаются какъ обыкновенно, только въ сказкахъ герои имѣютъ на своей сторонѣ всегда благопріятный случай и къ ихъ услугамъ представляются чрезвычайныя силы и средства. Слѣдовательно, и въ фантастическомъ мірѣ воображеніемъ признается своего рода законность, правильная связь и порядокъ явленій и только для выходящихъ изъ ряду результатовъ, дѣйствій, оно допускаетъ не вѣроятныя средства.

Несравненно требовательнѣй относимся мы къ дѣятельности воображенія съ точки зрѣнія психологической возможности. Условія ея также строго должны быть соблюдаемы въ изображеніяхъ какъ міра реальнаго, такъ и фантастическаго. Въ введеніи мы уже говорили, что духовная жизнь, со стороны качественной, намъ превосходно извѣстна изъ самонаблюденія; изъ него же мы знакомимся съ порядкомъ, смѣною состояній и отлично знаемъ, при какихъ обстоятельствахъ, какомъ настроеніи, складѣ мыслей какія духовныя состоянія естественны и какія — нѣтъ; въ дѣлѣ психической связности событій каждый изъ насъ большой знатокъ, потому что, переживая ихъ, мы невольно становимся наблюдателями и обобщателями духовныхъ явленій. Поэтому мы требуемъ отъ художника, изображающаго дѣйствительность, чтобъ онъ не допускалъ ни малѣйшей неестественности въ описываемомъ ходѣ душевныхъ явленій, чтобъ каждый рядъ дѣйствій, волненій, мыслей былъ вѣроятенъ, чтобы послѣдовательная смѣна состояній казалась естественною. Всякое нарушеніе психологической правды сейчасъ же отзывается на художественности произведенія: романъ, повѣсть, не удовлетворяющіе этому условію, перестаютъ производить выгодное впечатлѣніе на читателя: такое произведеніе кажется ему искусственнымъ, фальшивымъ обра-

зомъ дѣйствительности; его чувство правды возмущается. Условія психологической возможности должны быть соблюдаемы и въ чисто фантастическихъ построеніяхъ. Миѳологія говоритъ о богахъ, но они переживаютъ состоянія, подобныя человѣческимъ: ихъ гнѣвъ, любовь, опасенія, связь мысли съ чувствомъ и чувства съ стремленіями такіе же, какъ и у простыхъ людей. Въ золотомъ дворцѣ обитаетъ Змѣй Горыничь, или Царь дѣвица, но они живутъ и дѣйствуютъ, по сказкамъ, ни чѣмъ не нарушая условій психологической возможности: сказочные герои гнѣваются, но по какимъ либо мотивамъ и соображеніямъ, заводятъ между собою дружбу, вражду, какъ и люди; мысли у нихъ вызываютъ чувства, чувства вызываютъ желанія въ той же послѣдовательности, какъ и у людей. Народныя сказки, какъ ни фантастичны подробности ихъ, вполнѣ соблюдаютъ эту психологическую правду. Оттого они понятны взрослому и малолѣтнему, ибо тотъ и другой въ событіяхъ, ими изображаемыхъ, видятъ отраженіе знакомаго, понятнаго склада душевныхъ состояній. Сказки навѣрное не имѣли бы успѣха, еслибъ онѣ стали излагать невозможный, не естественный порядокъ психическихъ событій.

Когда воображеніе въ своихъ построеніяхъ обращается къ прошлому, къ исторіи, оно должно соблюдать условія исторической возможности, во многихъ случаяхъ не погрѣшать даже противъ исторической достовѣрности. Соблюденіе послѣдней часто бываетъ condicio sine qua non художественности построеній въ историческомъ родѣ. Если романистъ содержаніемъ своего произведенія взялъ какой либо историческій вѣкъ, историческое лицо, событіе, онъ не можетъ, не лишая почти всякого достоинства свое сочиненіе, дѣлать на всякомъ шагу ошибки противъ достовѣрной исторіи. Взявшій сюжетомъ своего разсказа 1812-й годъ, не имѣетъ права перетасовывать событія, какъ ему угодно, вмѣсто Кутузова и Наполеона поставить во главу армій малоизвѣстныхъ генераловъ, одну мѣстность замѣнять другою и т. д. Изображающій вѣкъ Возрожденія не можетъ придавать извѣстнымъ дѣятелямъ этой эпохи произвольный характеръ. Онъ долженъ вывести Косму Медичи, Лоренцо Великолѣпнаго, типъ того времени ученыхъ, Виссаріона, Фицино и т. д., какими знаетъ ихъ исторія, и было бы странно встрѣтить въ романѣ этихъ покровителей и дѣятелей науки защитниками схоластической рутины. Когда романистъ историкъ встрѣчается въ своемъ

разсказѣ съ общеизвѣстными лицами, событіями, онъ долженъ быть совершенно точенъ. Равно, живописецъ въ историческомъ родѣ долженъ заботиться о соотвѣтствіи костюма, подробностей убранства комнатъ, стиля зданій, имъ изображаемыхъ, съ дѣйствительно существовавшими костюмомъ, убранствомъ, стилемъ зданій въ томъ вѣкѣ, изъ котораго имъ заимствованъ сюжетъ: не можетъ онъ изображая выходъ Лудовика XIV-го, одѣть придворныхъ, сопровождающихъ его, во фраки, дать имъ въ руки шляпы — цилиндры, представить залъ того времени на подобіе нынѣшнихъ залъ и т. под. Съ другой стороны, во всѣхъ видахъ историческаго романа, исторической живописи, скульптуры, должны быть соблюдены условія исторической возможности. Романистъ и живописецъ, конечно, не представители исторической науки и требовать отъ историческаго романа или исторической картины точности историческаго изслѣдованія было бы педантизмомъ. Они могутъ допускать нѣкотораго рода вольности, но въ извѣстныхъ предѣлахъ; невозможное въ описываемую ими эпоху не должно имѣть мѣсто въ ихъ произведеніяхъ. Дополняя отъ себя различныя черты и подробности къ образамъ, даннымъ болѣе или менѣе абстрактно или односторонне въ историческихъ источникахъ, живописецъ не долженъ приписывать своимъ героямъ склада мыслей, образа чувствъ, стремленій, невозможныхъ для описываемаго имъ вѣка. Было бы странно раздушенному маркизу XVIII вѣка приписать образъ мыслей и чувствъ нашего вѣка, или дѣятелю 30 лѣтней войны образъ мыслей революціонера конца прошлаго столѣтія. Отсюда понятно, сколь многимъ требованіямъ долженъ удовлетворять наприм. историческій романъ: онъ долженъ соблюсти всѣ требованія Логики, не долженъ допускать что либо физически невозможное, душевныя событія, имъ излагаемыя, должны быть психологически возможны, вся картина событій въ немъ должна отражать вкусы, взгляды, чувства изображаемой эпохи и не должно быть въ ней промаховъ противъ исторической очевидности и возможности. Какая, слѣдовательно, историческая эрудиція, начитанность въ памятникахъ описываемаго времени должна соединяться съ огромнымъ талантомъ живо и увлекательно излагать событія. Оттого историческіе романы такъ рѣдко удаются авторамъ.

И такъ, несмотря на кажущуюся свободу воображенія въ области вымысла, оно тѣмъ не менѣе въ своей дѣятельности ограничено разнообразными требованіями, нарушеніе которыхъ

лишаетъ его произведенія эстетическаго достоинства. Грубо нарушать наше чувство истины оно не должно и не можетъ безнаказанно. Воображенію какъ бы предоставлена область возможности, въ которой оно свободно можетъ построять разнообразныя комбинаціи: онѣ могутъ отступать отъ дѣйствительности, но не должны грубо ей противорѣчить. Логически немыслимое, прямо противорѣчащее основнымъ законамъ природы, закономѣрности связи явленій въ ней, психологически невозможное не могутъ имѣть никакого достоинства и значенія въ умственномъ отношеніи. Насмѣшка надъ истиною, надъ здравымъ смысломъ не можетъ быть признана художественною.

Достоинства и недостатки воображенія.

Воображеніе, можетъ имѣть различныя достоинства и недостатки. У разныхъ людей оно можетъ имѣть неодинаковую степень напряженія, имѣть разные размѣры и давать продукты различной цѣнности.

Энергія воображенія у разныхъ людей бываетъ весьма различна. Одно воображеніе мы называемъ вялымъ, другое живымъ. Первое обнаруживаетъ мало энергіи; оно нуждается въ какомъ нибудь сильномъ впечатлѣніи, чтобъ подвигнуться къ дѣятельности; обыкновенныя, привычныя — его уже не возбуждаютъ; вялое воображеніе даетъ блѣдныя представленія и не можетъ дѣйствовать впродолженіи долгаго времени, т. е. скоро утомляется. Таково оно у стариковъ, у которыхъ зрѣлость сужденія и сдержанность въ рѣшеніяхъ основываются отчасти на вялости ихъ воображенія; нужны необыкновенныя впечатлѣнія, чтобы воображеніе возбудилось у нихъ, но и возбужденное оно скоро перестаетъ работать и въ результатѣ даетъ блѣдные образы. Воображеніе энергичное называется живымъ. Подъ вліяніемъ слабаго впечатлѣнія или даже потому, что ассоціація смежности навела вниманіе на представленіе, интересующее чувство, оно легко возбуждается къ построенію новыхъ представленій и комбинацій ихъ. Ставши дѣятельнымъ, живое воображеніе создаетъ яркіе полные образы, и притомъ оно не скоро утомляется: какъ будто въ самой быстротѣ и живости своего полета почерпая новыя силы, оно съ каждымъ шагомъ впередъ увлекается все болѣе и болѣе. Такое воображеніе мы находимъ у дѣтей, у поэтовъ, у всѣхъ

болѣе или менѣе даровитыхъ людей. Извѣстно, какъ немного нужно, чтобъ дѣтское воображеніе оживилось: малѣйшій поводъ приводитъ его въ дѣйствіе и когда оно раздражится, трудно бываетъ остановить его. Въ высшей степени живое воображеніе называется пламеннымъ. По малому поводу или совсѣмъ безъ него, оно быстро оживляется, переходитъ къ полной дѣятельности, строитъ яркіе образы, до того конкретные, что само воображающее лицо иногда принимаетъ ихъ за дѣйствительные предметы (такъ и бываетъ съ дѣтьми, одаренными особенно живымъ воображеніемъ, которыя, увлекаясь въ разсказахъ своихъ, искренно смѣшиваютъ воображаемое съ дѣйствительно бывшимъ; также бываетъ съ поэтами, которымъ кажется, что они точно слышатъ воображаемые разговоры между лицами романа, драмы и какъ будто только описываютъ ихъ). Построенія пламеннаго воображенія бываютъ самыя обширныя и наиболѣе удаленныя отъ дѣйствительности. Изъ людей съ такимъ воображеніемъ выходятъ прожектеры всѣхъ родовъ, лжецы, иногда и безкорыстные, хотя оно же, направленное на искусство, даетъ самые полные и яркіе художественные типы.

Если разсматривать воображеніе со стороны его способности къ большей или меньшей производительности, то можно различать плодовитое и скудное воображеніе. Подъ плодовитостію его мы разумѣемъ не истощимость въ немъ средствъ къ образованію новыхъ образовъ, новыхъ комбинацій ихъ. Главнокомандующій съ плодовитымъ воображеніемъ всегда, при всякомъ положеніи дѣлъ, изобрѣтаетъ какіе либо новые способы противодѣйствованія непріятелю, создаетъ новые планы нападенія, находитъ новыя оборонительныя линіи. Поэтъ съ такимъ воображеніемъ постоянно занятъ планами новыхъ сочиненій, идеи которыхъ неустанно продолжаютъ въ немъ нарождаться. Плодовитый разскащикъ неутомимъ въ изобрѣтеніи новыхъ анекдотовъ, куріозныхъ происшествій, потому что воображеніе постоянно представляетъ ему сочетанія представленій и понятій. Плодовитый ученый изобрѣтателенъ на гипотезы, на обобщенія явленій, на планы изслѣдованія сложныхъ фактовъ. До какой степени можетъ простираться плодовитость воображенія доказывается примѣрами итальянскихъ импровизиторовъ, которые цѣлые часы могутъ экспромтомъ пѣть поэтическіе разсказы въ стихахъ. Про Бетховена разсказываютъ, что иногда пришедши въ состояніе оживленія, воображеніе его не могло долго остановиться въ работѣ и онъ долженъ

былъ обливать голову холодною водою, чтобъ умѣрить приливъ крови къ головѣ и успокоиться. Направленное къ искусству, наукѣ, такое воображеніе приноситъ обильные эстетическіе и научные плоды и создаетъ славу своему обладателю. Дурно направленное, оно бываетъ неистощимымъ источникомъ шалостей, проказъ, сомнительныхъ нравственныхъ предпріятій, къ которымъ постоянно увлекается, обладающее имъ, лицо.

Воображеніе, противоположное плодовитому, называется скуднымъ. Скудость его состоитъ въ томъ, что воображеніе вообще не богато силами для новыхъ построеній, и въ томъ, что въ самыхъ произведеніяхъ его оказывается нѣкоторая сухость, недостатокъ наглядности и яркости. Въ послѣднемъ отношеніи скудное воображеніе можетъ совпадать съ вялостію его, о которой мы уже говорили: наприм. при скудномъ воображеніи авторъ не въ состояніи бываетъ справиться съ разсказомъ, со стихомъ, драмою и при недостаточности своихъ творческихъ рессурсовъ часто замѣняетъ рефлективными разсужденіями то, что должно быть представлено въ живомъ образѣ. Можно, однако, замѣтить различіе вялаго воображенія отъ скуднаго. Въ первомъ медленно зрѣютъ комбинаціи, но все же образуются; второе бываетъ безсильно справиться съ своею задачею, такъ что ищетъ подмоги въ рефлексіи, и даетъ вымученные продукты, отъ которыхъ отзывается, по присловью, потомъ. Но бываетъ воображеніе скудное и въ томъ смыслѣ, что скоро изсякаетъ въ немъ родникъ творчества: давши нѣсколько произведеній, оно безсильно къ образованію новыхъ. О писателяхъ съ такимъ недостаточнымъ воображеніемъ говорятъ, что они въ началѣ своего писательскаго поприща дали одинъ, два недурныхъ труда, а затѣмъ выписались, т. е. рессурсовъ къ новому творчеству у нихъ не оказалось. Отъ такого неизбѣжнаго разочарованія въ своихъ силахъ (въ своемъ вдохновеніи) и предостерегаетъ Лермонтовъ въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи (не вѣрь, мечтатель молодой, какъ язвы бойся вдохновенья).

По качеству своихъ произведеній воображеніе можетъ быть самобытнымъ (оригинальнымъ) или подражательнымъ, возвышеннымъ или низменнымъ. Оригинальное воображеніе даетъ самобытные, ни откуда не заимствованные образы, новыя сочетанія идей. У всѣхъ великихъ писателей, художниковъ и ученыхъ, утвердившихъ свою славу въ искусствѣ и наукѣ, мы встрѣчаемъ такое именно воображеніе. Великіе писатели создавали типы, до

которыхъ никто до нихъ не додумывался: наблюдая общество своего времени, они обобщали встрѣчающіяся въ немъ черты и представляли ихъ въ живомъ конкретномъ образѣ, который часто для этого же общества, съ котораго онъ былъ взятъ, являлся какъ нечаемое откровеніе новаго, бывшаго до того неизвѣстнымъ. Великіе артисты создавали новыя гармоніи и мелодіи, новыя комбинаціи ихъ, поражавшія современниковъ своею смѣлостію и неожиданностію. Великіе ученые, совершавшіе новыя открытія въ наукѣ, дававшіе новыя идеи, измѣнявшія на цѣлыя поколѣнія характеръ и методы науки, являлись реформаторами ея въ силу оригинальности и самобытности своего воображенія. Все, что существуетъ великаго въ наукѣ и искусствѣ, все это создано оригинальнымъ, самобытнымъ воображеніемъ. Отчего одно воображеніе оригинально, другое нѣтъ, на это отвѣчать невозможно. О людяхъ, обладающихъ имъ, можно сказать, что въ древности было сказано о поэтахъ, что они nascuntur, а не fiunt. Они являются въ исторіи развитія искусства и науки, какъ непредвидѣнныя случайности, открывающія новые горизонты мысли и изслѣдованій.

Подражательное воображеніе безсильно создать что либо новое въ искусствѣ и наукѣ. Оно нуждается въ примѣрѣ, пробитой тропѣ, по которой оно можетъ идти далеко, но само нигдѣ не можетъ открыть новые пути. Большинство людей съ такимъ воображеніемъ: они ждутъ руководителя и нѣкоторые изъ нихъ, обладающіе сильнымъ воображеніемъ, могутъ быть полезны для науки и для искусства: изъ нихъ создается что̀ называется школою. Безсильные сами проложить новую дорогу въ искусствѣ, они способны усвоить себѣ чужую идею, чужое направленіе и работать въ немъ, развивая далѣе мысли своихъ руководителей.

У нѣкоторыхъ воображеніе направлено преимущественно на возвышенные идеалы, у другихъ—оно болѣе низменно, построяетъ идеалы болѣе практическаго характера. Мы уже имѣли случай говорить объ идеалахъ наиболѣе удаленныхъ отъ дѣйствительности. Возвышенное воображеніе имѣетъ прямое къ нимъ отношеніе. Есть художники, которые занимаются разработкою идеальныхъ типовъ, по крайней мѣрѣ, способны къ тому; есть государственные люди, которыхъ идеалы направлены на возможно полное осуществленіе справедливости въ устройствѣ общества, что̀ практическіе люди называютъ утопіями. Есть люди, кото-

рые мечтаютъ о моральномъ подъемѣ общества и личности, которыхъ идеалы суть новое небо и новая земля, т. е. новый человѣкъ. Воображеніе, которое представляетъ дѣйствительность въ лучшемъ, облагороженномъ видѣ, чѣмъ въ какомъ она существуетъ, которое изображаетъ ее, каковою она должна была бы быть, называется возвышеннымъ.

Напротивъ, воображеніе, обращенное къ реальности, изображающее дѣйствительность, какова она есть, и построяющее будущее на развитіи и удовлетвореніи болѣе или менѣе грубыхъ и матеріальныхъ потребностей человѣка, называется низменнымъ. Его дѣятельность вообще лишена строго моральнаго характера. Дѣйствительно, можно указать рядъ художниковъ, которые неспособны къ созданію какого бы то ни было идеальнаго типа и которыхъ помыслы не могутъ возвыситься до представленія возвышенныхъ идеаловъ. Равно, существуютъ политическіе люди, никогда не заглядывающіе въ отдаленное будущее, которые не думаютъ объ отдаленныхъ высокихъ цѣляхъ народнаго развитія, но изо дня въ день помышляютъ лишь о завтрашнемъ днѣ. Нельзя сказать о нихъ вообще, что они не имѣютъ никакихъ идеаловъ: они имѣютъ ихъ, но слишкомъ низменные. Конечно, ничего великаго, возвышающаго человѣческій духъ, такое воображеніе не задумаетъ и воля такихъ людей не проведетъ въ общественную жизнь.

Воображеніе и рефлексія постоянно оказываютъ взаимныя услуги. Они такъ необходимы одно другой, что, дѣйствуя отдѣльно, не могли бы успѣшно достигать своихъ цѣлей.

Значеніе рефлексіи для воображенія.

Рефлексія оцѣниваетъ и критикуетъ произведенія воображенія и вообще руководитъ дѣятельностію послѣдняго. Воображеніе, какъ только построительная дѣятельность, оцѣнивать и критиковать свои созданія не можетъ: для него, какъ такового, рѣшительно все равно, великія или безсмысленныя, художественныя или безобразныя будутъ его созданія. Чтобъ оцѣнить достоинство ихъ, необходимо размышленіе надъ ними, сравниваніе и сопоставленіе ихъ съ другими произведеніями воображенія и

рефлексіи, необходимо разсматриваніе ихъ въ свѣтѣ логическихъ, а иногда физическихъ, моральныхъ и разныхъ иныхъ законовъ. Эту многосложную задачу можетъ взять на себя только одна рефлексія. Она именно различаетъ безсмысленные образы воображенія отъ имѣющихъ смыслъ и значеніе и рѣшительно отрицаетъ первые; она оцѣниваетъ физическую, нравственную и логическую возможность построеній воображенія. Само по себѣ послѣднее не можетъ ничего обсуждать ни съ точки зрѣнія причины и дѣйствія, ни съ точки —цѣли и средствъ. Каждый шагъ воображенія обсуживается, признается или отрицается рефлексіей. Въ рѣдкихъ случаяхъ художественное созданіе является сразу, вполнѣ готовымъ въ воображеніи художника, какъ Минерва изъ головы Юпитера; въ огромномъ большинствѣ случаевъ оно является сначала въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, форма его постепенно вырабатывается, наполняется содержаніемъ. Впродолженіи работы многое изъ придуманнаго воображеніемъ отрицается, какъ неидущее къ дѣлу, или безсмысленное, однѣ концепціи предпочитаются другимъ, какъ болѣе удачныя, ко многому приходитъ художникъ путемъ выводовъ и умозаключеній; связывая матеріалъ, онъ руководится обыкновенными логическими правилами; вообще подробности художественной формы, содержаніе ея вырабатывается воображеніемъ подъ руководствомъ рефлексіи. По этому великій художникъ долженъ обладать недюжиннымъ и притомъ образованнымъ умомъ: это есть condicio sine qua non созданія прочныхъ, широко захватывающихъ дѣйствительность, образовъ. Умъ необходимъ ему для безпрерывной критики порывовъ воображенія и онъ, очевидно, долженъ быть логическій; если въ своихъ произведеніяхъ онъ хочетъ изображать дѣйствительность или представлять ее въ идеальной формѣ, онъ во всякомъ случаѣ долженъ знать ее, слѣдовательно, долженъ быть наблюдателенъ, обладать умѣньемъ понимать ее.

Услуги воображенія рефлексіи.

И воображеніе оказываетъ важныя услуги рефлексіи. Онѣ состоятъ въ томъ, что, во 1-хъ, оно проясняетъ на образахъ многія абстрактныя понятія, 2) внушаетъ рефлексіи многія счастливыя сравненія и уподобленія и 3) служитъ источникомъ своеобразности, оригинальности ума представляя ему вещи съ

новыхъ точекъ зрѣнія, давая оригинальную форму помысламъ ума, наводя его на новыя идеи.

1) Мы уже говорили въ свое время, что воображеніе подставляетъ къ абстрактамъ конкретныя представленія. Эта работа воображенія имѣетъ важное значеніе для рефлексіи. Она проясняетъ абстракты и облегчаетъ ихъ мышленіе умомъ. Путемъ отвлеченія онъ удаляется отъ конкретныхъ представленій и въ общихъ своихъ понятіяхъ достигаетъ такихъ высотъ ея, что приходитъ къ блѣднымъ не яснымъ мыслямъ. Такъ какъ всякая темнота мысли тяготитъ умъ, то пребываніе въ этихъ высотахъ было бы для него нестерпимымъ, если бы оно не облегчалось воображеніемъ. Ко всякому абстракту оно подставляетъ проясняющее представленіе и потому то никакое общее или отвлеченное понятіе не мыслится нами безъ соотвѣтствующаго болѣе или менѣе конкретнаго представленія: какъ мы говорили, даже понятіе противорѣчія мы поясняемъ себѣ на представленіи раздора между мыслями. Всякія свѣдѣнія о событіяхъ, мѣстностяхъ, предметахъ и т. под. остаются для насъ безъ значенія, пока мы не представимъ себѣ ихъ конкретно. Какъ архитекторъ, задумавшій строить домъ, до того времени будетъ неясно мыслить его, пока не построитъ его въ воображеніи и не изобразитъ плана его на бумагѣ, такъ и умъ остается въ полу-мракѣ, пока воображеніе не облечетъ его понятія конкретными чертами. Можно по этому сказать, что мысль ума лишь тогда достигаетъ ясности, когда надъ нею работаетъ, кромѣ его, еще и воображеніе.

2) Воображеніе внушаетъ рефлексіи многія счастливыя сравненія и уподобленія. Мы уже говорили о различіи аналогизированія рефлексіей и воображеніемъ. Первое уподобляетъ методически, на основаніи сравниванія, уподобленія второго суть дѣло порыва, вдохновенія. Рефлексія можетъ доказать и оправдать различными соображеніями свой выводъ, тогда какъ аналогіи воображенія кажутся произвольными, какъ бы капризами его. Однако, его услуги рефлексіи въ этомъ отношеніи неоцѣнимы. Блестящія уподобленія предметовъ, кажущихся разнородными, по большей части суть дѣло воображенія. Поступая методически и руководствуясь основаніями, умъ даже не имѣетъ права уподоблять разнородное. Онъ въ этомъ отношеніи не свободенъ: онъ долженъ представлять предметъ, каковъ онъ есть, или какимъ онъ является намъ; воображеніе, напротивъ, можетъ

какъ угодно видоизмѣнять содержаніе: отдаленное дѣлать ближайшимъ, скрытое очевиднымъ, не видное выдающимся и т. д., устранять изъ представленія всякую подробность и присоединять ту, которая представляется необходимою въ данномъ случаѣ, можетъ, наконецъ, нѣсколько образовъ соединять въ одинъ, и т. под. При такомъ господствѣ надъ представленіями оно легко уподобитъ предметы, для рефлексіи разнородные: оно представитъ сходными и тожественными такія черты, которыя для ума только различны.

Воображеніе — источникъ оригинальности ума.

Наконецъ, въ 3-хъ, воображеніе служитъ источникомъ своеобразности и оригинальности ума тѣмъ, что представляетъ ему вещи съ новыхъ сторонъ, даетъ своеобразную форму его помысламъ, часто внушаетъ ему новыя идеи.

Воображеніе можетъ представить рефлексіи предметъ съ новыхъ сторонъ. Умъ обсуждаетъ только матеріалъ, который ему даютъ наблюденіе и воспоминаніе. Однажды пришедши къ извѣстнымъ выводамъ относительно его, онъ не можетъ и не долженъ измѣнять ихъ, если не представится къ тому новыхъ какихъ-либо основаній. Такія основанія даются болѣе тщательными и широкими наблюденіями, но весьма часто являются изъ новой постановки предмета въ воображеніи. Не стѣсняясь обязательствомъ вѣрности опыту, и не обязаное быть точнымъ въ воспроизведеніи его, оно можетъ представлять вещь съ различныхъ новыхъ сторонъ, обращать къ уму тѣ ея стороны, съ которыми въ дѣйствительномъ опытѣ онъ никогда бы не встрѣтился. Такъ, мы знакомимся съ окружающею жизнію, какова она есть, т. е. какою она обыкновенно намъ представляется; но художникъ эту же дѣйствительность изображаетъ намъ въ новомъ свѣтѣ: онъ представляетъ ее въ своемъ воображеніи съ той стороны, которую мы наименѣе наблюдаемъ, которая даетъ неожиданный просвѣтъ въ нее. Въ его очеркѣ она является совсѣмъ иною, чѣмъ какъ мы ее обыкновенно представляемъ. Значитъ онъ представилъ ее въ воображеніи иначе, чѣмъ она наблюдается рефлексіей, и ставъ на новую точку зрѣнія, онъ далъ своей рефлексіи возможность изучать, анализировать, освѣщать дѣйствительность съ новыхъ сторонъ. Въ обыденной жизни мы

своей рефлексіей обращаемся къ лицевой сторонѣ ея, но только въ воображеніи переставляемъ ее подъ новымъ освѣщеніемъ: то мы ее беремъ съ радостной, веселой стороны и въ этомъ направленіи ее изображаемъ, то смотримъ на нее съ мрачной, грустной и эту сторону ея представляемъ себѣ. Одну и туже личность мы съ разныхъ сторонъ изображаемъ себѣ умственно: зная ее только въ одномъ отношеніи, мы воображеніемъ стараемся постигнуть, какою она должна оказаться въ другомъ отношеніи, представляемъ возможный духовный образъ ея съ этой стороны и такимъ образомъ наводимъ свою рефлексію на изученіе этой личности въ новомъ соотношеніи, ставимъ новые вопросы, которыхъ рефлексія одна, представляя себѣ, никогда бъ не поставила. И въ наукѣ изслѣдователь, прежде чѣмъ рѣшается на новый опыть, въ воображеніи представляетъ себѣ, какъ то или другое явленіе можетъ вести себя при другихъ условіяхъ. Онъ комбинируетъ новыя условія опыта, давая имъ въ своемъ воображеніи сочетаніе, котораго имъ до тѣхъ поръ ни кѣмъ еще дано не было. Изслѣдованную группу явленій онъ пытается иногда освѣтить съ иной стороны, представляя ихъ порядокъ и зависимость иначе, чѣмъ они предполагались по сдѣланнымъ наблюденіямъ: отсюда возникаетъ новый рядъ вопросовъ для ума, которые и служатъ началомъ плодотворныхъ изслѣдованій въ наукѣ.

Мы сказали выше, что воображеніе даетъ своеобразную форму помысламъ ума. Самъ по себѣ онъ не въ состояніи измѣнить форму, въ которую однажды сочеталъ свои мысли, если въ опытѣ или наблюденіи, или въ самомъ строѣ своихъ мыслей, онъ не найдетъ *основаній* для иныхъ сочетаній: никакихъ иныхъ побужденій для перестраиванія сочетанія мыслей у рефлексіи быть не можетъ. Какая монотонность склада мысли была бы у людей, еслибъ онъ опредѣлялся исключительно одною рефлексіей. Но воображеніе не стѣсняется такими ограниченіями. Не нарушая логическихъ законовъ и правилъ, не расходясь безъ нужды съ наблюденіемъ, оно даетъ свой строй, свой порядокъ, свою форму сочетанію мыслей. Мы видимъ многочисленные тому примѣры въ словесныхъ художественныхъ произведеніяхъ. Форму романа, повѣсти, комбинацію подробностей ихъ мы относимъ къ воображенію: рефлексія могла бы дать только фотографическое изображеніе дѣйствительности, но никакъ ни фантастическое описаніе ея. Но неужели воображеніе комбини-

руетъ разнообразный матеріалъ рефлексіи только въ художественной формѣ и дѣйствуетъ только въ этой сферѣ? слѣды его дѣятельности должны сказываться въ практическомъ и научномъ мышленіи. Мы полагаемъ, что цѣльныя и стройныя міровоззрѣнія слагаются подъ вліяніемъ не только одного ума, но и воображенія. Есть своего рода эстетическая красота въ чисто раціональныхъ построеніяхъ. Философъ, построяя міръ, увлекается грандіозностію концепціи и представляетъ въ своемъ воображеніи дѣйствія, отношенія, начала, которыя ему кажутся грандіозными. Увлекаясь стремленіемъ къ цѣлостности строя понятій (всякое hiatus въ этомъ отношеніи противохудожественно), онъ измышляетъ недостающія звѣнья въ цѣпи причинъ и дѣйствій, чтобы только связать disjecta membra въ одно цѣлое. Такъ, геологъ изображаетъ намъ цѣлый рядъ послѣдовательно слѣдовавшихъ одна за другою эпохъ, начиная съ времени, когда земля находилась еще въ расплавленномъ состояніи и кончая настоящимъ. Различные историческіе изслѣдователи однимъ и тѣмъ же фактамъ даютъ различную обстановку, различно ихъ соотносятъ вмѣстѣ, слагаютъ изъ нихъ различныя картины, смотря потому, что подсказывало имъ воображеніе. Ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ растеній и животныхъ изъ борьбы за существованіе есть не только научная гипотеза, но и своего рода картина, въ которой находятъ группировку, соотношеніе и связь различные факты Зоологіи и Ботаники. Все равно какъ великій Кювье по двумъ тремъ косточкамъ, сохранившимся отъ давно исчезнувшаго съ лица земли животнаго, возстановлялъ его видъ не одною рефлексіей, а преимущественно воображеніемъ, такъ и вездѣ, въ жизни и наукѣ, воображеніе своеобразно формируетъ, связываетъ и сочетаваетъ разнообразные наблюденные случаи и домыслы рефлексіей. Въ практической жизни мы въ своемъ воображеніи построяемъ духовный образъ животныхъ, насъ окружающихъ, сочетавая въ немъ все извѣстное намъ о нихъ чрезъ наблюденіе; воображеніемъ также мы построяемъ цѣльный образъ личностей, насъ окружающихъ, давая въ немъ форму различнымъ извѣстнымъ подробностямъ о нихъ. Можно сказать, что ни одно цѣльное понятіе и никакое представленіе не слагаются безъ формующаго участія воображенія, безъ дополненій отъ него разныхъ пробѣловъ знанія и т. д. Поэтому обстановка, которая насъ окружаетъ, лица, предметы и вещи, событія, теченіе об-

щественныхъ и политическихъ дѣлъ, вся среда, въ которой мы движемся, есть продуктъ отчасти нашего воображенія.

Мы сказали, что воображеніе даетъ новыя идеи для рефлексіи. Въ большинствѣ случаевъ первое на конкретныхъ образахъ проясняетъ отвлеченные помыслы ума; здѣсь абстрактъ предшествуетъ конкрету. Но не рѣдки и такіе случаи, когда бываетъ на оборотъ, конкретный образъ предшествуетъ анализу, абстрактнымъ обобщеніямъ. Примѣръ этому мы видимъ въ художественной области. Свою будущую картину живописецъ представляетъ сначала, только какъ цѣлый предметъ, а затѣмъ уже начинаетъ ее анализировать, разработывать въ подробностяхъ и обсуждать своею рефлексіей. Романистъ представляетъ свою будущую повѣсть, романъ какъ рядъ событій, и уже послѣ этого переходитъ къ логической разработкѣ содержанія въ подробностяхъ, и вообще въ художественномъ творчествѣ цѣльное представленіе предшествуетъ абстрактнымъ понятіямъ и сужденіямъ. Можно ожидать, что и въ другихъ случаяхъ починъ слѣдуетъ отъ воображенія, рефлексія же, отправляясь отъ даннаго имъ матеріала, превращаетъ его въ логическія понятія и сужденія. Въ свое время мы говорили, что понятія ума, представленныя воображеніемъ въ соотвѣтствуемомъ образѣ, становятся идеалами: понятія здѣсь предшествуютъ послѣднимъ; но идеалъ также во многихъ случаяхъ можетъ предшествовать идеѣ, или понятію и порождать ихъ. Такъ многія общественныя и нравственныя идеи возникли собственно изъ идеаловъ воображенія. Понятіе о моральномъ совершенствѣ явилось изъ идеала совершеннаго Существа, построявшагося воображеніемъ людей гораздо прежде абстрактнаго понятія о немъ. Идеи распредѣленія собственности, общности труда, ограниченія разныхъ видовъ произвола и т. д., явились изъ свѣтлыхъ картинъ будущаго, рисовавшихся въ воображеніи людей, подъ вліяніемъ желаній высвободиться изъ подъ гнета тяжелаго настоящаго; административныя понятія о какихъ либо мѣрахъ являются изъ образнаго представленія положенія дѣлъ, котораго нѣтъ въ наличности, но которое должно быть. Въ философскихъ системахъ понятіямъ абсолютнаго тожества, нейтрализаціи противоположныхъ началъ, развитія рядовъ существъ изъ единаго начала, цѣлымъ міросозерцаніямъ, пытавшимся логически вывести и объяснить многоразличіе сущаго, навѣрное предшествовали въ душѣ философовъ болѣе или менѣе конкретныя представленія, подразумѣваемыхъ подъ поня-

тіями, фактовъ, и навѣрное философъ, прежде чѣмъ сталъ разработывать подробности своего міросозерцанія, представлялъ въ воображеніи своемъ картину, конкретно изображающую порядокъ и способъ развитія бытія изъ началъ. Идеямъ блага, истины, красоты предшествовали представленія существа или существъ, вмѣщающихъ въ себѣ истину, добро и красоту. Такъ, религіозныя представленія предваряли философскія понятія; конкретныя изображенія происхожденія міра изъ высшихъ существъ, послѣдовательнаго порожденія ихъ одного отъ другого, смѣны поколѣній ихъ въ космогоніяхъ и теогоніяхъ предшествовали философскимъ теоріямъ образованія міра и происхожденія бытія. Здѣсь воображеніе первое давало картины и представленія, а изъ нихъ потомъ рефлексія чрезъ анализъ образовывала абстрактныя понятія.

Такимъ образомъ воображеніе оказываетъ рефлексіи самыя разнообразныя услуги. Какой просвѣтъ въ темную область отвлеченныхъ мыслей открывается намъ, когда къ абстрактамъ воображеніе подставляетъ конкретныя представленія. Какая помощь рефлексіи въ ея существенномъ дѣлѣ сравниванія и сопоставленія оказывается воображеніемъ, когда оно внушаетъ ей сравненія и уподобленія и ожидаетъ отъ нея лишь оправданія своей смѣлой догадки. Наконецъ, оно обогащаетъ умъ новымъ и для него въ высшей степени цѣннымъ матеріаломъ, изъ котораго онъ извлекаетъ новыя идеи и понятія. Истинной причины оригинальности и своеобразности ума мы должны искать въ воображеніи. Остановимся нѣсколько на разъясненіи этой мысли.

Мы уже говорили что умы бываютъ оригинальные и своеобразные. Эта оригинальность обнаруживается не въ томъ собственно, что они приходятъ къ новымъ своеобразнымъ выводамъ. Они могутъ получаться и не оригинальнымъ, даже слишкомъ обыкновеннымъ, умомъ, при томъ условіи, что онъ особенно тщательно будетъ вести свои изслѣдованія, необыкновенно усердно изучать предметъ, не щадя ни времени ни трудовъ надъ собираніемъ обширныхъ матеріаловъ, анализомъ и т. под. Кто внимательно будетъ смотрѣть на предметъ, тотъ и съ обыкновеннымъ зрѣніемъ, разумѣется, увидитъ больше, чѣмъ болѣе зоркій, но не внимательный наблюдатель. Нѣтъ, мы разумѣемъ ту оригинальность, которая сказывается въ способности ума найти новую точку зрѣнія на предметъ, образовать новую идею, освѣ-

щающую его или цѣлую область науки, изобрѣсть новый планъ и методъ изслѣдованій и т. д. Спрашивается, откуда берется такая оригинальность ума? Есть ли это первоначальное свойство самого ума, или онъ становится таковымъ отъ какихъ нибудь иныхъ причинъ? Въ логическомъ умѣ собственно едвали можетъ корениться истинная оригинальность. Онъ сравниваетъ, обобщаетъ, выводитъ, соединяетъ и разъединяетъ, разъясняетъ: всѣ эти дѣйствія разные умы могутъ производить съ различною энергіей и выдержкою; они могутъ быть въ разной степени искусны въ своихъ дѣйствіяхъ. Но съ одной стороны, для логической дѣятельности ума существуютъ опредѣленныя правила и никакой оригинальности въ этомъ отношеніи умъ дозволять себѣ не можетъ: онъ долженъ слѣдовать установленнымъ логическимъ пріемамъ и различія тутъ могутъ состоять въ томъ, чей умъ наиболѣе точно слѣдуетъ логическимъ правиламъ. Съ другой стороны, матеріалъ, содержаніе, надъ которымъ умъ работаетъ, дается не имъ самимъ, слѣдовательно, онъ не можетъ произвольно измѣнять его, соединять и раздѣлять, какъ ему угодно, но долженъ стѣсняться объектомъ и придерживаться его въ своихъ выводахъ. Различіе между умами можетъ простираться на степень энергіи, искусности разработки матеріала, но вѣдь энергія и логическая выдержка ума совсѣмъ не то что его оригинальность. По своимъ прирожденнымъ качествамъ, онъ можетъ быть острымъ, проницательнымъ, глубокимъ, наконецъ обширнымъ: въ силу этихъ качествъ онъ можетъ приходить къ неожиданнымъ выводамъ, даже оригинальнымъ взглядамъ; но все это не составляетъ еще истинной оригинальности ума: такой умъ даетъ своеобразные выводы, но самъ по себѣ не своеобразенъ. Мы дорожимъ имъ, потому что онъ есть рѣдкое явленіе, но не называемъ его не только геніемъ, но и даже талантомъ.

Самъ по себѣ умъ можетъ быть только болѣе или менѣе совершенною логическою машиною, и причины его оригинальности слѣдуетъ искать въ какомъ нибудь иномъ источникѣ. Мы думаемъ, что воображеніе именно въ состояніи дѣлать умъ истинно оригинальнымъ. Оно облекаетъ абстракты ума въ конкретные образы: вотъ уже первая причина оригинальности его. Различныя воображенія представляютъ различныя представленія къ однимъ и тѣмъ же образамъ, слѣдовательно, у кого чрезвычайное живое плодовитое воображеніе, того умъ будетъ представлять свою мысль съ наибольшею силою и ясностію и для разъ-

ясненія ея будетъ располагать обильнымъ наглядным, способнымъ глубоко напечатлѣваться на другихъ людяхъ, матеріаломъ. Не этими ли причинами объясняется, почему мысли иного оратора производятъ ясное и мощное впечатлѣніе на слушателей, тогда какъ тѣ же самые мысли вялы и безсильны въ устахъ другого? Одному живое воображеніе даетъ массу конкретныхъ представленій, которыя высказываются въ живой даровитой рѣчи, у другого воображеніе слабо и одна рефлексія порождаетъ сухую и, повидимому, вялую рѣчь, логически убѣждающую, но не двигающую сердца. Далѣе, воображеніе внушаетъ рефлексіи сравненія и уподобленія. Такъ какъ они дѣлаются не методически, то смотря по живости и энергіи воображенія, умамъ должны подсказываться различныя употребленія. Одинъ, хотя и съ сильнымъ умомъ, но безъ живаго воображенія, спокойно относится къ наблюдаемымъ предметамъ: не появляется у него смѣлыхъ сравненій, онъ занятъ болѣе различіемъ ихъ, и только послѣ внимательнаго анализа онъ открываетъ въ нихъ нѣкоторое сходство. У другого живое воображеніе заставляетъ мысль совсѣмъ иначе работать: съ каждымъ шагомъ въ области мысли оно внушаетъ смѣлыя уподобленія, къ которымъ тотчасъ обращается вниманіе ума, которыя онъ оправдываетъ своимъ анализомъ и методическимъ сравненіемъ. Къ какимъ счастливымъ выводамъ, широкимъ обобщеніямъ онъ можетъ придти, направивъ свое вниманіе на сходство различныхъ предметовъ, могущихъ подводиться подъ какой либо одинъ общій законъ, или на такія черты сходныхъ предметовъ, которыя скрыты для методической рефлексіи, но прозрѣваются творческимъ воображеніемъ. Что мы называемъ блескомъ, который сказывается въ живомъ языкѣ, полномъ блестящихъ метафоръ, уподобленій, широкихъ сравненій, нужно отнести на долю воображенія, и различія умовъ съ съ этой стороны слѣдуетъ искать не въ особыхъ качествахъ ихъ, а только въ воображеніи. При одинаковой силѣ ума, но различіи силы и характера воображенія, разныя личности должны давать не одинаковые интеллектуальные результаты.

Понятно также, какъ воображеніе можетъ быть причиною своеобразности ума, представляя ему предметы съ новыхъ сторонъ, облекая въ своеобразную форму помыслы его, наводя его на новыя идеи и понятія. Въ оригинальномъ и своеобразномъ умѣ мы замѣчаемъ, что онъ освѣщаетъ предметы съ новыхъ и неожиданныхъ сторонъ, открываетъ точки зрѣнія, которыхъ воз-

можность обыкновенными умами и не подозрѣвалась, даетъ своеобразный строй своимъ мыслямъ, приходитъ къ новымъ идеямъ и понятіямъ: всѣми этими преимуществами онъ обязанъ своему воображенію: чѣмъ оно энергичнѣй и даровитѣй, тѣмъ разнообразнѣй его рессурсы. Бѣдное воображеніе не наведетъ ума на новую сторону въ предметахъ, не откроетъ ему новой точки зрѣнія въ нихъ: рефлексія, соединенная съ нимъ, будетъ вѣчно оставаться только при очевидной и настойчиво навязывающейся вниманію сторонѣ вещей. Хотя такой человѣкъ и будетъ сознавать въ своихъ воззрѣніяхъ недостатокъ цѣльности и законченности, но скудное воображеніе его безсильно что либо сдѣлать для пополненія и округленія его взглядовъ: безжизненно и тупо онъ относится къ окружающему міру, предметы котораго, кромѣ обыденной, ощущаемой глазомъ, не могутъ имѣть для него ни какой иной формы.

Поэтому наше твердое мнѣніе то, что истинная причина оригинальности ума, своеобразности его въ хорошую или слабую сторону кроется въ воображеніи, его первоначальныхъ качествахъ. Когда въ поэтѣ мы удивляемся оригинальности его воззрѣній, глубинѣ и прозорливости его взглядовъ на человѣка и природу и удивляемся, какъ часто не образованный умъ его могъ прозрѣть сокрытое отъ премудрыхъ и разумныхъ, мы должны вспомнить, что не уму поэта собственно должны мы приписать причину всего этого, но его творческому воображенію, оказывающему помощь его не большому уму, какой лишенъ сильный умъ образованныхъ людей, но безъ сильнаго воображенія. Когда мы удивляемся ученому, который служитъ наукѣ, оплодотворяя ее идеями, внося новый свѣтъ въ темную массу фактовъ, освѣщая ихъ съ новыхъ сторонъ, мы всегда должны задавать себѣ вопросъ: не оттого ли это происходитъ, что этотъ ученый съ силою ума, окрѣпшаго въ долгихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, соединяетъ живое и энергичное воображеніе. Оригинальность оратора, государственнаго человѣка, какъ и вообще художника, слѣдуетъ объяснять не особыми достоинствами ихъ ума, а особою даровитостію воображенія. Тогда мы поймемъ и объяснимъ себѣ многіе факты, встрѣчаемые нами въ жизни: наприм. почему люди съ равными силами ума, но съ неодинаковымъ воображеніемъ, рѣзко различаются въ способности приходить къ оригинальнымъ и своеобразнымъ умственнымъ результатамъ: одинъ создаетъ себѣ имя въ наукѣ, другой — считается только умнымъ

человѣкомъ,— почему люди съ небольшимъ умомъ, но одаренные воображеніемъ, совершаютъ своею мыслію не малые научные подвиги, почему личности съ громаднымъ, повидимому, умомъ, на которыхъ возлагаютъ съ молодости большія надежды, остаются безплодными на всю жизнь: отвѣта слѣдуетъ искать въ ихъ воображеніи. Мы поймемъ тогда, почему не большого ума человѣкъ можетъ быть остроумнымъ, другой безспорно умный—рѣшительно не способенъ ни къ какой остроумной шуткѣ, — почему можно выработать себѣ методъ, привычку терпѣливо изслѣдовать вещи, продолжительною культурою ума расширить его ёмкость, но ни какой трудъ надъ развитіемъ его не дастъ ему оригинальности и своеобразности, когда ихъ нѣтъ въ воображеніи.

Воображеніе и рефлексія—одна и та же дѣятельность.

И такъ мы разсмотрѣли дѣятельность какъ воображенія, такъ и рефлексіи и видѣли, что они различаются одно отъ другой, но дѣйствуютъ совмѣстно и взаимно себя восполняютъ. Спрашивается, слѣдуетъ ли намъ такъ и остаться при предположеніи двухъ интеллектуальныхъ способностей, различныхъ, но постоянно взаимодѣйствующихъ, или есть возможность свести ихъ къ одному источнику, не дѣлая насилія этимъ разнороднымъ дѣятельностямъ?

Что не должно слишкомъ удалять воображеніе отъ рефлексіи и считать ихъ несоизмѣримыми дѣятельностями, на это мы имѣемъ не мало доказательствъ въ сдѣланномъ нами анализѣ. Нѣтъ надобности развивать ихъ подробно; внимательный читатель сдѣлаетъ это самъ, если мы только припомнимъ нѣкоторые факты.

1) Воображеніе и рефлексія имѣютъ однѣ и тѣ же функціи и работаютъ по однимъ и тѣмъ же пріемамъ. То и другая отожествляютъ, аналогизируютъ и различаютъ, построяютъ новыя представленія, поставляютъ ихъ во взаимную связь. Воображеніе только не способно къ анализу въ той степени, какъ рефлексія, но нельзя сказать, что оно вообще не способно анализировать. Мы говорили, что оно можетъ различать сходные предметы, и можетъ дѣлать это въ шутку и серіозно. Но различать вещи не возможно безъ нѣкотораго расчлѣненія ихъ качествъ. Само собою разумѣется, что расчлененіе воображеніемъ

дѣлается не методически, по вдохновенію, тогда какъ рефлексія производитъ его по методу и опредѣленному правилу.

2) Обѣ дѣятельности творческія. Воображеніе творитъ новое въ своихъ представленіяхъ, комбинаціяхъ, аналогіяхъ и т. д. Но и рефлексія творитъ совершенно новый своеобразный міръ: ея представленія, понятія, законы, принципы, системы нигдѣ, кромѣ ума, не существуютъ и суть ея примыслы.

3) Воображеніе и рефлексія работаютъ не отдѣльно одно отъ другой, но вмѣстѣ нераздѣльно. Въ синтетическихъ построеніяхъ ума, въ его системахъ, уподобленіяхъ, построеніи связи и зависимости явленій—повсюду есть слѣды воображенія и безъ него едва ли возможенъ какой либо логическій синтезъ. Равно, безъ участія рефлексіи продукты воображенія были бы нелѣпостями: безъ нея не можетъ оно создать ничего цѣльнаго осмысленнаго, ни одной комбинаціи, ни поставить чего либо въ правильную связь и зависимость.

4) И рефлексія и воображеніе создаютъ конкретныя представленія. Мы видѣли, что умъ, на основѣ продолжающихся субъективныхъ состояній, образуетъ представленія предметовъ: онъ именно превращаетъ собраніе чисто субъективныхъ состояній въ объективный предметъ, т. е. то, что кажется намъ таковымъ. Но также конкретныя представленія образуетъ и воображеніе, чему примѣры мы видѣли въ своемъ мѣстѣ.

Наконецъ 5) обѣ дѣятельности несомнѣнно интеллектуальнаго характера: въ нихъ обнаруживается разумность души: высшая дѣятельность воображенія есть высшій цвѣтъ нашего интеллекта: въ геніальныхъ идеальныхъ созданіяхъ сказывается высшее напряженіе всего человѣческаго разума.

Способы дѣятельности обѣихъ интеллектуальныхъ способностей одни и тѣ же. Разница та, что онѣ даютъ различные результаты. Умъ пытается познать дѣйствительность и связывая себя многоразличными правилами и законами, старается ближе подойти къ ней, обозрѣть многоразличіе явленій ея, разъяснить ихъ связь и зависимость, открыть смыслъ ихъ; воображеніе этой задачи не имѣетъ, по крайней мѣрѣ, она не поставлена ему прямо и настоятельно: оно дѣйствуетъ свободно и даетъ продукты, въ которыхъ нѣтъ чисто познавательнаго интереса.

Чѣмъ же объяснить различіе въ результатахъ дѣятельности воображенія и рефлексіи. Естественно предполагать, какъ это

дѣлается психологами, что есть глубокая разность между самыми способностями, что каждая изъ нихъ самостоятельна, дѣйствуетъ независимо, что обѣ представляютъ, слѣдовательно, первоначальныя два, ни откуда не выводимыя, теченія интеллектуальной жизни. Но если бы это предположеніе было справедливо, то способы ихъ дѣятельности были бы глубоко различны, чего въ дѣйствительности нѣтъ, самыя дѣятельности не переходили бы такъ легко одна въ другую и каждая совершалась бы самостоятельнѣй и независимѣй, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ.

Но различіе въ результатахъ дѣятельностей можетъ происходить не отъ различія способностей, а можетъ явиться и при одной и той же дѣятельности, если она въ разные моменты ставитъ себѣ разныя цѣли. Если я имѣю въ виду обезобразить и испортить вещь, я сдѣлаю изъ нея одно, если у меня въ виду изящество ея, результатъ выйдетъ противоположный; въ шутку я скажу одно, серіозно другое и т. д., значитъ ли, что есть способность осуществлять красоту и другая — безобразія, одна—говорить шутя, и другая — трактовать о дѣлѣ серіозно.

И теперь мы должны поставить вопросъ: различіе дѣятельностей рефлексіи и воображенія не происходитъ ли отъ различія цѣлей, ставимыхъ себѣ единымъ и нераздѣльнымъ интеллектомъ, и это различіе исходитъ не отъ коренного различія способностей рефлексіи и воображенія, а отъ неодинаковости условій одной и той же дѣятельности въ разныхъ случаяхъ?

Полагаемъ, что имѣемъ право поставить такой вопросъ. Одна изъ цѣлей науки свести разнообразныя явленія къ общимъ источникамъ и немногимъ причинамъ. Съ этою цѣлью мы имѣемъ право дѣлать даже гипотезы: онѣ имѣютъ смыслъ, какъ средства упрощенія объясненій. Мало того, Логика не отказываетъ изслѣдователю въ правѣ прибѣгать къ фикціи, если только она можетъ оказать услуги наукѣ, т. е. если съ помощію фикціи можно сдѣлать лишній шагъ въ разъясненіи явленій. Поэтому для отвѣта мы сдѣлаемъ такого рода фиктивное предположеніе, что существуетъ только одна рефлективная способность души, но она принуждается дѣйствовать при разныхъ обстоятельствахъ и достигать различныхъ цѣлей.

Цѣли для умственной дѣятельности ставятся волею: о вліяніи ея на умъ и воображеніе мы отчасти уже говорили и въ своемъ мѣстѣ скажемъ болѣе. Душа очень дорожитъ истиною, потому что хочетъ сближенія съ истиннымъ, не ложнымъ бытіемъ.

Эта цѣль поставляется волею для рефлексіи и потому вся ея логическая дѣятельность есть неустанное исканіе истины. Чтобы приблизиться къ дѣйствительности и къ истинному бытію, умъ, очевидно, дабы не сдѣлать своей дѣятельности безсмысленною, долженъ постоянно ограничивать себя ясными и опредѣленными правилами, держаться опредѣленныхъ законовъ, быть постоянно себѣ равнымъ во всѣхъ случаяхъ познанія и стремиться, какъ можно менѣе вносить что либо отъ себя въ представленія внѣшняго независимаго самостоятельнаго бытія. Ограниченный указанною цѣлію, интеллектъ будетъ дѣйствовать, какъ обыкновенная рефлексія, или логическій умъ.

Но предположимъ, что та же самая рефлексія, которая при познаніи реальнаго міра дѣйствовала какъ логическое мышленіе, работаетъ, имѣя въ виду иную цѣль, поставленную ей волею, стремится создать міръ, могущій служить душѣ для отдохновенія и услажденія, міръ шутки и забавы. Стать не рефлексіей, превратиться въ другую способность умъ не можетъ, но онъ, очевидно, будетъ дѣйствовать совсѣмъ иначе: онъ не отброситъ своихъ пріемовъ, коренящихся въ его природѣ, составляющихъ сущность ея, но онъ станетъ прилагать ихъ къ дѣлу шуточно, стараясь объ одномъ лишь, чтобы аналогіи, различенія, представленія и т. д. имѣли вообще смыслъ, не были нелѣпостію и безсмыслицею.

Представимъ себѣ далѣе, что на рефлексію воля возложила бы еще задачу — по возможности сблизиться съ цѣннымъ бытіемъ, представляемымъ красотою, благомъ и истиною, не тѣмъ бытіемъ, которое дѣйствуетъ на видимыя чувства и окружаетъ насъ, а болѣе глубокимъ, сверхчувственнымъ. Сближеніе съ этимъ бытіемъ есть самая сильная потребность воли и оно несетъ ей глубочайшее наслажденіе. Что станетъ дѣлать рефлексія, сильнѣйше возбуждаемая волею къ достиженію этой цѣли? Съ помощію своихъ пріемовъ она можетъ усиливаться представить себѣ типическое и родовое бытіе, чуждое реальной, извѣстной ей, случайности, и будетъ въ наблюденіи своемъ всемѣрно искать его; она можетъ пытаться найти красоту въ произведеніяхъ природы, или сама будетъ построять конкретные, чуждые обыденныхъ несовершенствъ, художественные типы, какъ возможное для нея откровеніе красоты; такъ какъ благо есть нѣчто осуществляемое волею въ будущемъ, долженствующее быть, но не данное въ дѣйствительности, то, для сближенія съ нимъ, умъ

станетъ построять себѣ конкретныя представленія этого долженствующаго быть, или идеалы.

При этомъ понадобятся ли для рефлексіи новые пріемы, ей не обычные или несвойственные? Нѣтъ, всѣ эти задачи она можетъ выполнить съ помощію своихъ обычныхъ функцій: онѣ дадутъ въ этомъ случаѣ иныя результаты, чѣмъ въ логическомъ мышленіи, но сама дѣйствующая сила останется тою же. Оставаясь однимъ и тѣмъ же, глазъ видитъ различное, если его направляютъ въ разные пункты, и если предположить, что глазъ могъ бы прозрѣвать на далекія междупланетныя разстоянія, чего бы онъ не увидалъ и о какихъ чудныхъ новостяхъ не повѣдалъ бы намъ. Но предположимъ еще, что онъ обладалъ бы способностію для своего отдохновенія и наслажденія, когда не стѣсненъ внѣшними впечатлѣніями, самъ строить себѣ образы, какихъ бы онъ не натворилъ новыхъ результатовъ, отличныхъ отъ плодовъ своей принужденной дѣятельности.

Если принять указанную гипотезу, то психологамъ придется не различать воображеніе и рефлексію, какъ виды дѣятельности души, а допускать единую и нераздѣльную умственную дѣятельность, развивающуюся подъ вліяніемъ трехъ главныхъ и постоянныхъ влеченій воли. Стремленіе къ сближенію съ дѣйствительнымъ бытіемъ побуждаетъ умъ дѣйствовать какъ логическое мышленіе; стремленія къ шуткѣ и забавѣ, равно, къ цѣнному бытію заставляетъ тотъ же умъ дѣйствовать, какъ воображеніе, создавать міръ шутки и серіознаго искусства, идеаловъ. Термины рефлексія и воображеніе должны остаться въ наукѣ и жизни, какъ полезныя сокращенныя названія видовъ одной дѣятельности.

Въ свѣтѣ нашего предположенія становятся ясны многіе нами уже разобранные факты. Понятно, откуда берется эта постоянная взаимопомощь рефлексіи и воображенія, ихъ постоянное взаимное вліяніе. Это одинъ и тотъ же умъ, постоянно мѣняющій свои отношенія къ предметамъ, свои точки зрѣнія на нихъ, свои вопросы къ нимъ, въ разныхъ сторонахъ ихъ ищущій себѣ отвѣтовъ. Серіозно изслѣдуя предметы, онъ не можетъ освободиться отъ манеры свободно обращаться съ ними, какъ это дѣлается имъ при образованіи міра шутки и забавы; но свободное обращеніе съ серіознымъ предметомъ и измѣненіе точки зрѣнія на него оказываются иногда чрезвычайно полезными для самаго изслѣдованія, суть причины открытій, хотя весьма часто и большаго вздора, заблужденія. Это объясняетъ, почему воображеніе

постоянно вторгается въ дѣло серіознаго познаванія и логическаго размышленія. Понятно, почему никакая трезвая наука и никакая ученая дѣятельность не могутъ нечувствовать надъ собою тяготѣнія высшихъ задачъ знанія и не могутъ отрѣшиться отъ идеаловъ: ибо они исходятъ не отъ другой способности, а отъ того же самого ума. Гармонія его и воображенія, при нашемъ предположеніи, становится совершенно естественною.

Влеченія воли могутъ имѣть различную силу и указанныя выше могутъ быть неодинаково энергичны у разныхъ людей. Можетъ быть слишкомъ сильно влеченіе къ сближенію съ реальнымъ бытіемъ и слабы два другія: тогда мы будемъ имѣть умъ сухой, логическій, педантичный, неспособный къ остроумію и шуткѣ, слишкомъ реалистическій, мало идеальный. Это будетъ человѣкъ умный, но лишенный воображенія. Можетъ быть особенно сильно влеченіе къ шуткѣ и забавѣ, но слабы остальныя: тогда умъ будетъ остроуменъ, шутливъ, способенъ къ низменнымъ родамъ искусства, но не логическій и не идеальный. Можетъ быть въ личности сильно влеченіе къ цѣнному бытію и она будетъ имѣть умъ, ищущій идеаловъ, и если слабы другія влеченія, то онъ будетъ силенъ въ синтезѣ, но не логиченъ и мало остроуменъ. Въ виду многихъ фактовъ слѣдуетъ допустить, что влеченія воли въ одномъ и томъ же лицѣ могутъ одни ослабѣвать, другія оставаться сильными. Къ старости, въ душѣ насыщенной впечатлѣніями и опытами жизни, можетъ ослабѣть стремленіе къ шуткѣ и забавѣ, или подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ уменьшиться стремленіе къ цѣнному бытію; тогда исчезнутъ соотвѣтствующія формы дѣятельности ума и воображеніе потухнетъ, но умъ, какъ рефлексія, сохранитъ свою силу.

Зависимость результатовъ и формъ дѣятельности ума отъ воли объясняетъ намъ, почему сильные логическіе умы, особенно же великіе художники таланты и геніи, отличаются необыкновенною энергіей воли. Ихъ таланты суть результаты глубочайшихъ и сильнѣйшихъ влеченій воли, неотступно принуждающей ихъ умъ дѣйствовать для достиженія цѣлей ея. Потому они сосредоточенно работаютъ на своемъ поприщѣ, выбиваются на него изъ самой неблагопріятной обстановки, не боятся препятствій и не щадятъ трудовъ, что самый ихъ талантъ есть слѣдствіе, главнѣе всего, энергичной воли, способной къ развитію мощной силы.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Чувствованія.

Классификація чувствованій.

Изученіе состояній сердца, или чувствованій, мы начнемъ прямо съ описанія и анализа ихъ въ отдѣльности. Гдѣ первоначальный источникъ, въ чемъ заключается смыслъ, значеніе и природа ихъ, какія первоначальныя и какія производныя чувствованія — всѣ эти вопросы теперь, при началѣ изслѣдованія новой области психическихъ фактовъ, неудобно ставить и пытаться разрѣшать. Мы займемся ими уже во второмъ томѣ.

Чувствованія очень разнообразны и психологи всегда затруднялись дать имъ удовлетворительную классификацію и стройно размѣстить ихъ по группамъ. Трудно распредѣлить ихъ по предметамъ, которыхъ они касаются, невозможно, по крайней мѣрѣ съ общепринятыхъ точекъ зрѣнія, классифицировать по глубинѣ и энергіи, неудобно, безъ всякого принципа, просто образовать изъ нихъ группы, какъ это сдѣлано Бэномъ. Какъ трудно давалось и дается психологомъ это дѣло, любопытный читатель можетъ узнать изъ упомянутаго въ обзорѣ психологической литературы, сочиненія г. Грота.

Классификація есть дѣло весьма важное въ педагогической области, гдѣ необходимо дать памяти учащихся систему и руководящую нить, дабы опознаться среди множества фактовъ; важна она и тамъ, гдѣ ведетъ къ сопоставленію и сравнительному изученію матеріала. Но въ отдѣлѣ чувствованій, которыхъ анализъ въ отдѣльности до сихъ поръ очень не удовлетворителенъ, сравнительное изученіе почти не начиналось, классификація пока чего имѣетъ смыслъ только средства совладать съ огромнымъ разнообразіемъ фактовъ и анализировать ихъ въ какомъ либо порядкѣ. Поэтому мы уклонимся отъ подробныхъ разсужденій о достоинствахъ различныхъ предложенныхъ классификацій и не будемъ отстаивать предлагаемую нами, какъ единственно возможную и основательную.

При изслѣдованіи чувствованій мы прежде всего поставили себѣ вопросъ: возможно ли найти въ нихъ типическія отличія, по которымъ слѣдовало бы распредѣлить ихъ въ ряды и группы, т. е. разнообразныя состоянія сердца представляютъ ли разные типы, или нѣтъ? Очевидно, представляютъ. Сравнимъ наслажденіе музыкою, нѣжность и положимъ, чувство уваженія. Наслажденіе музыкою есть состояніе сердца, характеризуемое главнѣйше чувствомъ удовольствія; нѣжность можетъ доставлять удовольствіе, и даже огромное, но въ ней оно есть ἐπιγέννημα, не существенная, не характеристичная черта, невходящая въ составъ самого чувства; нѣжность можетъ сопровождаться и огромнымъ страданіемъ, но какъ удовольствіе, такъ и страданіе ни мало не вліяютъ на самую природу чувства: при томъ и другомъ оно остается вѣрнымъ своей идеѣ и нимало не измѣняется. Однако, болѣе или менѣе, удовольствіе или неудовольствіе, какъ συμβεβηκός, слѣдуютъ за нѣжностію. Но въ чувствѣ уваженія ихъ нѣтъ уже совсѣмъ: оно ни пріятно, ни не пріятно, просто не имѣетъ къ нимъ отношенія. Какъ же слѣдуетъ назвать каждое изъ этихъ состояній сердца? Первое есть состояніе наслажденія, второе, есть волненіе: ибо именно имъ всегда сопровождается: невозможно представить себѣ нѣжное чувствованіе, не какъ волненіе; третье есть просто возбужденіе сердца. Въ указанныхъ чувствованіяхъ мы имѣемъ три типа чувствованій, качественно различныхъ одинъ отъ другого. Перебравъ прочія чувствованія, я нашелъ, что каждое изъ нихъ безъ натяжекъ можетъ быть подведено подъ которую либо изъ указанныхъ категорій: или къ наслажденіямъ и противоположнымъ имъ страданіямъ, или волненіямъ, или возбужденіямъ. Такимъ образомъ мы распредѣляемъ состоянія сердца на три качественно различные типы, или класса: наслажденія и страданія, волненія и возбужденія.

ГЛАВА I.

Наслажденія и страданія.

Разсмотримъ прежде всего наслажденія и страданія. Въ нихъ состоянія удовольствія и не удовольствія составляютъ главную основу, такъ что изъ всѣхъ видовъ чувствованій въ нихъ по преимуществу выдаются именно указанныя черты.

Наслажденій и страданій большое разнообразіе: они различаются по степени, начиная съ легкаго чувства удовольствія и кончая чрезвычайно напряженнымъ, приводящимъ человѣка почти въ состояніе волненія; различны они также и по видамъ. Мы различаемъ во 1-хъ, чувственныя наслажденія и страданія, во 2-хъ, эстетическія и въ 3-хъ, интеллектуальныя.

Чувственныя наслажденія и страданія.

Чувственныя наслажденія и страданія—тѣ, которыя развиваются вслѣдъ за нашими ощущеніями. Такъ, органическія ощущенія служатъ намъ источникомъ удовольствій и неудовольствій. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить чувство довольства, какое бываетъ въ здоровомъ человѣкѣ, когда онъ чувствуетъ во всемъ организмѣ избытокъ свѣжихъ силъ, правильное равновѣсіе и полную гармонію органическихъ отправленій. Особенно здоровая, правильно развитая, не утомленная мускульная система служитъ постояннымъ источникомъ чувства довольства для человѣка. Есть удовольствіе засыпанія, когда утомленный организмъ принимается за возстановленіе своихъ истощенныхъ силъ и когда начинающійся покой мускульной и нервной системъ освобождаетъ насъ отъ томительнаго напряженія, вызывавшагося трудовою дѣятельностію. Есть удовольствіе сытости, особенно послѣ продолжительнаго голоданія. Къ сожалѣнію поводовъ къ пріятнымъ чувствамъ организмъ даетъ гораздо менѣе, чѣмъ къ страданіямъ. Органы, которые въ здоровомъ состояніи не возбуждаютъ ни какихъ чувствованій, въ болѣзненномъ разстройствѣ причиняютъ большія страданія. Такъ, чувствуются самыя несносныя боли при раненіи мускуловъ, особенно при растяженіи ихъ связокъ, при болѣзняхъ надкостной плевы, при воспаленіи оболочки легкихъ; многіе другіе виды болѣзней служатъ источникомъ страданій для человѣка. Если сравнить количество ихъ съ суммою наслажденій, возникающихъ въ человѣкѣ изъ органическихъ ощущеній, то окажется громадный перевѣсъ на сторонѣ первыхъ. Нужно однакожъ замѣтить, что страданія не всегда бываютъ прямо пропорціональны важности органическихъ разстройствъ. Самыя сильныя боли не указываютъ непремѣнно на сильную опасность для организма: напримѣръ, сильнѣйшія зубныя боли могутъ быть не выносимы и однакожъ,

большой опасности не представляютъ, или боль при костоѣдѣ бываетъ не сносная, но есть много гораздо опаснѣйшихъ болѣзней съ меньшими страданіями. Воспаленіе легкихъ, подреберной плевы, разстройства сердца, язвы въ тонкихъ кишкахъ, не сомненно угрожающія опасностію, или сильнѣйшія лихорадки, сопровождаются относительно слабыми страданіями. Иныя же самыя губительныя болѣзни не влекутъ за собою ни какого непріятнаго чувства: наприм. нѣкоторыя мозговыя болѣзни даже начинаются тѣмъ характеристичнымъ симптомомъ, что заболѣвшій становится необыкновенно и не естественно веселъ, доволенъ и счастливъ, наприм. какъ при начинающейся paralysis progressiva.

Мускульное чувство служитъ для насъ также источникомъ многихъ удовольствій. Есть наслажденія покоя и дѣятельности: послѣ долгаго и сильнаго напряженія временной отдыхъ весьма пріятенъ, послѣ длиннаго трудового дня работникъ съ удовольствіемъ отдается покою; мысль о немъ въ минуты усталости возбуждаетъ въ немъ удовольствіе; собравшись съ силами, запасшись ими, мы съ пріятнымъ чувствомъ беремся за трудъ, особенно легкій, не обѣщающій большого утомленія: извѣстна пріятная сторона движеній, когда они не утомительны и производятся бодрою и сильною мускульною системою. Съ другой стороны, есть страданія утомленія и вынужденнаго физическаго бездѣйствія. Трудъ не по силамъ, слишкомъ долгій, принужденный при томъ, не знающій перерывовъ покоя, бываетъ въ высшей степени не выносимъ: примѣръ евреевъ въ Египтѣ показываетъ, какія тягостныя воспоминанія о подобныхъ трудахъ могутъ оставаться въ народѣ долгое время. Вынужденное бездѣйствіе темничнаго узника, которому не дается ни какого случая примѣнить къ какому либо занятію свои мускулы, сопровождается весьма непріятнымъ чувствомъ и страданія заточенія происходятъ не оттого только, что оно приводитъ въ застой умственную дѣятельность и дѣлаетъ ее скучно — монотонною, но и тѣмъ, что вынуждаетъ мускульную систему къ бездѣйствію. Въ мускульномъ чувствѣ удовольствія и страданія находятся въ прямой зависимости, по видимому, отъ хода обмѣна веществъ въ мускулахъ. При утомительномъ трудѣ, когда трата свободныхъ силъ, развиваемыхъ химическими процессами при сокращеніи мускуловъ, превышаетъ приходъ, а возстановительные процессы далеко отстаютъ отъ разрушительныхъ, возникаетъ

чувство неудовольствія и оно возрастаетъ почти пропорціонально количеству усилія и напряженія, дѣлаемаго мускулами. Когда между тратою и приходомъ силъ есть равновѣсіе, является чувство удовольствія и оно возрастаетъ, если усиленная трата съ избыткомъ покрывается возстановительными процессами. Остановка и замедленіе смѣны веществъ въ мускулахъ, происходящія отъ бездѣйствія, вызываютъ чувство неудовольствія, опять въ той мѣрѣ, въ какой такое бездѣйствіе бываетъ болѣе или менѣе полное.

Ощущенія осязанія возбуждаютъ въ насъ также чувство удовольствія. Тепло и холодъ, при разныхъ условіяхъ, возбуждаютъ его въ насъ: разгоряченному лѣтнимъ зноемъ пріятно пить холодную воду, найти пріютъ въ прохладномъ гротѣ, выкупаться въ прохладной водѣ, и на оборотъ, захолодѣвшій путникъ съ наслажденіемъ согрѣвается въ теплой комнатѣ у горячаго самовара и т. под. Между спеціально-осязательными ощущеніями есть многія, возбуждающія какъ чувства удовольствія, такъ и неудовольствія. Прикосновеніе къ чему либо нѣжному, не представляющему поверхности руки грубаго сопротивленія, всегда бываетъ болѣе или менѣе пріятно. Такъ, пріятно провести рукою по бархату, по тонкому сукну, пріятно взять въ руки тонкую батистовую ткань, нѣжную мягкую руку; пріятенъ поцѣлуй не только, какъ выраженіе нѣжнаго чувства, но и по самому ощущенію прикосновенія къ нѣжной и тонкой кожицѣ губъ; на оборотъ, непріятно прикасаться къ чему либо жесткому, особенно колючему, раздражающему кожу, къ мокрому, слизкому. Чувство непріятности можетъ дойти до отверзенія и отвращенія; напр. брезгливость по отношенію ко всякого рода органическимъ отдѣленіямъ, продуктамъ органическаго гніенія встрѣчается у всѣхъ людей и требуется особаго рода привычка и навыкъ, чтобы непріятное, возбуждаемое прикосновеніемъ къ нимъ, чувство уменьшилось.

При этомъ нельзя не обратить вниманія на слѣдующія обстоятельства: во 1-хъ, удовольствіе и наслажденіе въ осязаніи доставляются намъ наиболѣе чувствительными пунктами нашей кожи. Пятка, ноги, спина почти не знаютъ наслажденій осязанія, но они положительно существуютъ для окончаній пальцевъ, поверхности ладони, губъ. Можно сказать, что чѣмъ чувствительнѣй кожа, слѣдовательно, чѣмъ болѣе на извѣстныхъ пунктахъ ея окончаній осязательныхъ нервовъ, тѣмъ они способнѣе

къ удовольствіямъ осязанія. Во 2-хъ, разбирая предметы, доставляющіе ихъ, мы не можемъ не придти къ заключенію, что это суть большею частію дурные проводники тепла: тонкое сукно, шерсть, бархатъ, тонкое полотно. Съ другой стороны, холодные предметы (и таковы хорошіе проводники тепла) не кажутся пріятными на осязаніе; напротивъ, прикосновеніе къ нимъ (напр. къ металлическимъ вещамъ) почти всегда непріятно. Нѣжную, мягкую и теплую руку пріятно держать въ своей рукѣ, холодную — непріятно. Тоже самое бываетъ и со всѣми другими предметами: холодный бархатъ не тѣмъ кажется намъ на осязаніе, чѣмъ при обыкновенной температурѣ. Поэтому думаемъ, что можно поставить удовольствія осязанія въ зависимость между прочимъ отъ ощущенія теплоты, которое, дѣйствительно, первое и возникаетъ въ рукѣ, прикасающейся къ предметамъ. Въ 3-хъ, бываютъ особеннаго рода идіосинкразіи въ отношеніи именно осязанія. Къ нѣкоторымъ животнымъ многіе чувствуютъ ничѣмъ не объяснимое и не побѣдимое чувство отвращенія, такъ что такимъ лицамъ кажется невозможнымъ прикоснуться къ нимъ: наприм. многіе не могутъ взять въ руки лягушку, паука, таракана и т. под. Случайныя прикосновенія къ нимъ вызываютъ дрожь во всемъ тѣлѣ, припадки истерики, всѣ симптомы сильнѣйшаго отвращенія: на чемъ собственно основываются такія явленія — неизвѣстно: случаи идіосинкразій принадлежатъ къ самымъ наименѣе объясненнымъ фактамъ.

Мы различаемъ пріятные и непріятные запахи. Пріятенъ запахъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ: фіалки, жасмина, розы, непріятенъ запахъ амміака, сѣрнистаго водорода, разныхъ газовъ, продуктовъ разложенія и гніенія; есть цвѣты и растенія, дурно пахнущія, отъ нѣкоторыхъ животныхъ отдѣляются испаренія, также непріятныя для человѣческаго обонянія. Тогда какъ многія впечатлѣнія осязанія не возбуждаютъ въ насъ ни пріятнаго ни не пріятнаго чувства, мало можно указать запаховъ, къ которымъ мы относимся нейтрально. Интенсивность удовольствія осязанія бываетъ въ разныхъ случаяхъ различна: въ нѣкоторыхъ случаяхъ чувство можетъ доходить до весьма высокой степени, наприм. изысканныя благоуханія нравятся очень сильно; равно и чувство неудовольствія можетъ иногда доходить до степени физическаго отвращенія, т. е. вызывать въ организмѣ извѣстные симптомы его. Человѣкъ вообще весьма неравнодушенъ къ запахамъ, его окружающимъ, и инстинктивно удаляется изъ среды, въ ко-

торой обоняніе его непріятно поражается. Сказать однако безусловно, что качество запаха признается пріятнымъ или непріятнымъ, смотря по благотворному или вредному вліянію его на организмъ, нельзя. Есть запахи непріятные, но ихъ даютъ вещества, весьма полезныя для нашего организма и здоровья, напр. запахъ карболовой кислоты, уничтожающей гніеніе и вообще появленіе зловредныхъ міазмовъ, запахъ лѣкарствъ, возстановляющихъ здоровье и т. под. Есть запахи пріятные, но вредные, напр. благоухающій тропическій жасминъ можетъ отравить человѣка. Бываютъ запахи непріятные, но не вредные, и на оборотъ, пріятные, но ни мало не полезные, примѣромъ чего служатъ многочисленные полевые цвѣты съ разными запахами, нейтральными для нашего здоровья. Твердыхъ обобщеній поэтому здѣсь получить нельзя. Иногда случается даже такъ, что одинъ и тотъ же запахъ въ разное время бываетъ то пріятенъ, то не пріятенъ: иногда тонкіе духи только раздражаютъ, кажутся невыносимыми тому человѣку, который въ другое время обоняетъ ихъ съ удовольствіемъ. Не говоримъ уже о томъ, что разнымъ людямъ различно нравятся запахи и часто одинъ и тотъ же запахъ нѣкоторымъ лицамъ кажется невыносимымъ, (табачный, пачули, винный и т. д.) другіе втягиваютъ его въ себя съ удовольствіемъ, или гдѣ одинъ находитъ огромное удовольствіе, тамъ другой наслаждается умѣренно.

Мы находимъ удовольствія и неудовольствія во вкусахъ. Слабые изъ нихъ обыкновенно бываютъ индифферентны, болѣе сильные бываютъ пріятны или не пріятны, смотря по роду ихъ. На дѣтяхъ, вкусы которыхъ естественнѣй извращеннаго часто вкуса взрослыхъ, мы видимъ, что сладкія вещества имъ пріятны; горькія всегда не пріятны. Вообще эти оба вкуса постоянно вызываютъ опредѣленныя состоянія удовольствія и неудовольствія и потому названія горькаго и сладкаго прилагаются въ языкѣ къ чисто интеллектуальнымъ поводамъ удовольствія и неудовольствія и даже къ чувствамъ нравственнаго порядка (мы говоримъ о сладкой радости, горькой печали, сладкой любви и т. д.) Только для вкуса нѣсколько извращеннаго, горькое кажется болѣе пріятнымъ, чѣмъ сладкое, но и то, первое предпочитается послѣднему лишь въ томъ случаѣ, когда оно дается вмѣстѣ съ другими, хотя второстепенными, но тѣмъ не менѣе замѣтными вкусами. Другіе вкусы бываютъ пріятны или не пріятны, смотря по различію настроенія орга-

низма въ разное время. Таковы кислые и соленые вкусы. Они бываютъ то пріятны, то не пріятны, смотря потому, къ чему организмъ въ данное время воспріимчивѣй. Оттого иногда соленое или кислое на вкусъ охотно принимается, въ другое время неохотно. Впрочемъ, дѣтямъ эти вкусы бываютъ непріятны.

И о вкусахъ слѣдуетъ замѣтить, что ихъ пріятность или непріятность нельзя во всѣхъ случаяхъ ставить въ зависимость отъ пользы или вреда ихъ для организма. Давно уже замѣчено, что сладкій ядъ съ удовольствіемъ вкушается, тогда какъ горькое лѣкарство съ неудовольствіемъ. Въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно, пища вредная для организма возбуждаетъ отвращеніе въ насъ своимъ вкусомъ, и на оборотъ, полезная для него и здоровая пріятна. Но всегда и вездѣ вкусъ не можетъ служить руководителемъ при оцѣнкѣ пользы или вреда вкушаемаго для организма.

Говоря о вліяніи тоновъ на чувствованіе, мы не будемъ касаться ихъ эстетическаго дѣйствія, которое производятъ на насъ различныя ихъ сочетанія, но укажемъ прямое значеніе тѣхъ или другихъ въ отдѣльности для чувства. Здѣсь можно замѣтить во 1-хъ, что чистые тоны кажутся намъ странными и вообще менѣе пріятны, чѣмъ звуки, т. е. сочетанія основного тона съ многими второстепенными: напр. звуки флейты, органа нравятся намъ положительно менѣе звуковъ всякого другого музыкальнаго инструмента, потому, что тоны первыхъ болѣе приближаются къ чистымъ чѣмъ, послѣднихъ. Такъ какъ человѣческій голосъ даетъ звуки, чрезвычайно сложные, то пѣніе нравится намъ преимущественно предъ всѣми прочими звуками. Во 2-хъ, звуки чрезмѣрно сильные и слишкомъ слабые не нравятся намъ: первые, быть можетъ, потому, что чрезвычайно сильное впечатлѣніе на слуховой нервъ разстроиваетъ его, разрушаетъ самый органъ, слабые, можетъ быть, потому, что вызываютъ въ насъ усиліе уяснить себѣ неотчетливое ощущеніе. Оттого нервные люди невыносятъ продолжительныхъ сильныхъ звуковъ, равно какъ не могутъ оставаться спокойными, наприм. при долго продолжающемся шопотѣ и т. д. Сравнительно пріятнѣй для уха средніе звуки, какъ будто намъ нравятся тѣ впечатлѣнія, которыя, заставляя слуховой нервъ умѣренно работать, даютъ ему случай къ полной, но не чрезмѣрной дѣятельности.

Эстетическое дѣйствіе цвѣтовъ будетъ разобрано нами ниже. Теперь же мы разсмотримъ лишь прямое дѣйствіе того или другого цвѣта на чувствованія. Трудно сказать опредѣлительно,

что такой то цвѣтъ производитъ такое то впечатлѣніе на чувство, а другой — другое, даже и то, въ какомъ порядкѣ цвѣта нравятся. Несомнѣнно одно, что они нравятся намъ въ различной степени. При этомъ разныя обстоятельства вліяютъ на степень пріятности ихъ. Во 1-хъ, индивидуальное различіе въ устройствѣ глазъ, сѣтчатыхъ оболочекъ производятъ то, что одному нравится болѣе одинъ цвѣтъ, другому — другой, третьему первый цвѣтъ совсѣмъ не нравится и т. д. Какъ показываютъ опыты надъ зрѣніемъ сигналистовъ на желѣзныхъ дорогахъ, весьма часты случаи слѣпоты на тотъ или другой цвѣтъ, слѣдовательно, многимъ нѣкоторые цвѣта остаются со всѣмъ не извѣстны и не могутъ имъ ни нравиться, ни не нравиться. Во 2-хъ, одни и тѣже цвѣта различно нравятся здоровому и нормальному глазу на поверхностяхъ различныхъ предметовъ, такъ что есть своего рода условность и шаткость въ сужденіяхъ людей о достоинствѣ цвѣтовъ. Наконецъ въ 3-хъ, чистые цвѣта приходится намъ наблюдать очень рѣдко: большею же частію мы имѣемъ дѣло съ цвѣтами, ударяющими въ тотъ или другой оттѣнокъ, или же съ ихъ сочетаніями.

Держась собственныхъ наблюденій надъ собою и надъ нѣкоторыми лицами, которымъ мы имѣли случай предлагать вопросы, мы можемъ сказать, что чистые и полные красный, синій фіолетовый и бѣлый цвѣта обыкновенно нравятся болѣе, чѣмъ желтый, зеленый, оранжевый, голубой и черный. Первенство по пріятности въ первыхъ цвѣтахъ одни лица отдаютъ синему, другія — пунцовому красному. Судя потому, что послѣдній есть любимый цвѣтъ простого народа и дѣтей, надобно полагать, что это предпочтеніе основывается на какой либо выгодной особенности физіологическаго дѣйствія его на глаза. Далѣе, нѣкоторые изъ этихъ цвѣтовъ нравятся, когда они ударяютъ въ темный тонъ, другіе въ свѣтлый: напр. цвѣтъ ярко-красный нравится образованному вкусу болѣе, чѣмъ темнокрасный; другіе почти всѣ цвѣта выигрываютъ, когда ударяютъ въ темный: напр. темно-синій, темно-фіолетовый, темно-желтый, темно-зеленый, темно-голубой и темно-черный. Бѣлый цвѣтъ выигрываетъ, когда онъ ярокъ и чистъ, потому что отзывающійся темнотою кажется грязнымъ. Также болѣе нравится намъ цвѣтъ темно-сѣрый, чѣмъ ярко-сѣрый. Вообще въ дѣлѣ оцѣнки красоты цвѣтовъ имѣетъ большое значеніе, во 1-хъ, различіе вкусовъ высшихъ и нисшихъ классовъ народа. Любопытно, что простой народъ почти во всѣхъ случаяхъ

отдаетъ предпочтеніе яркимъ цвѣтамъ, тогда какъ образованные классы темнымъ; ярко-красный, ярко-голубой, ярко-желтый, ярко-оранжевый, ярко-синій онъ охотно избираетъ для своей нарядной одежды. Для образованныхъ классовъ темные цвѣта, и въ частности темно-черный, кажутся болѣе другихъ пріятными: высшіе классы обыкновенно (мущины преимущественно) предпочитаютъ одежду чернаго или по крайней мѣрѣ, темнаго цвѣта. Во 2-хъ, различные цвѣта, по общему мнѣнію, не одинаково идутъ къ тѣмъ или другимъ предметамъ, такъ что одинъ и тотъ же цвѣтъ на одной поверхности кажется красивымъ, но на другой безобразнымъ: напр. бѣлый цвѣтъ снѣга, палатки красивъ, но еслибъ дома были выбѣлены, они казались бы не красивыми; черный красивъ на сюртукѣ, шелковомъ или шерстяномъ платьѣ; но былъ бы безобразенъ на домѣ; желтая нива красива, желтый листъ дерева не особенно красивъ, а желтое платье или желтая карета совсѣмъ не красивы; голубое небо красиво, голубой домъ казался бы страннымъ и т. д.

Къ цвѣтамъ человѣкъ вообще относится неравнодушно. Мы не говоримъ здѣсь о сочетаніяхъ ихъ, о чемъ рѣчь будетъ впослѣдствіи, но мы не случайно избираемъ тѣ или другіе цвѣта для своихъ одеждъ, для предметовъ, которыми себя обыкновенно окружаемъ. Въ цвѣтахъ ихъ мы желаемъ какъ бы выразить свое духовное настроеніе, сдѣлать ихъ своего рода показателями господствующаго въ данный моментъ чувства. Въ дни печали мы облекаемся въ черный цвѣтъ, въ дни радости, покрайней мѣрѣ, женщины одѣваются въ бѣлыя платья; въ нашей арійской рассѣ пурпуровый цвѣтъ одежды избирается высокими представителями власти въ торжественныя минуты, какъ бы для того чтобъ увеличить блескъ ея обнаруженія; въ Китаѣ желтый цвѣтъ есть спутникъ царственнаго величія. Конечно, этотъ выборъ произошелъ не отъ случая и не наудачу. Онъ указываетъ, что цвѣта, дѣйствительно, имѣютъ значеніе для нашего чувства, которое видитъ въ нихъ тотъ или другой смыслъ, совпадающій со смысломъ духовнаго настроенія, и ищетъ въ нихъ внѣшняго для себя выраженія.

Общія замѣчанія о чувственныхъ наслажденіяхъ и страданіяхъ.

Соображая различные случаи, въ которыхъ ощущенія служатъ поводомъ къ возникновенію въ насъ чувствованій, мы ви-

димъ, во 1-хъ: что̀ касается до размѣровъ различныхъ впечатлѣній, возбуждающихъ въ насъ удовольствіе или неудовольствіе, то всѣ чрезмѣрныя, превышающія обыкновенную норму — возбуждаютъ въ насъ неудовольствіе. Слишкомъ сильные свѣтъ, звукъ, вкусъ, запахъ положительно намъ не нравятся. Очень слабыя впечатлѣнія въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ чувствахъ бываютъ непріятны, наприм. слишкомъ слабый свѣтъ, звукъ, особенно когда мы, въ какомъ бы то ни было отношеніи, интересуемся ими; въ другихъ внѣшнихъ чувствахъ, напр. вкусѣ, осязаніи, обоняніи, слабыя впечатлѣнія никакой непріятности для насъ не имѣютъ.

Во 2-хъ, качество впечатлѣній въ большинствѣ случаевъ есть главная причина, отъ которой зависитъ возникновеніе удовольствія или неудовольствія. Во вкусѣ, обоняніи, осязаніи удовольствіе и неудовольствіе возбуждаются извѣстными опредѣленными впечатлѣніями. Относительно зрѣнія и слуха надобно замѣтить, что есть болѣе или менѣе нравящіеся тоны и цвѣта, но прямо непріятныхъ нѣтъ. Неудовольствіе ими возбуждается, только когда они даются въ извѣстныхъ сочетаніяхъ, слѣдов. на эстетической почвѣ, но сами по себѣ, взятые отдѣльно, они прямо непріятны никогда не бываютъ.

Въ 3-хъ, въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ чувствахъ непріятность впечатлѣній зависитъ отъ порядка, въ какомъ они даются намъ. Для зрѣнія перерывчатый свѣтъ въ высшей степени непріятенъ, хотя данный въ непрерывномъ видѣ можетъ быть даже пріятенъ. Перерывчатые тоны также непріятны.

Въ 4-хъ, хотя удовольствія и неудовольствія, возбуждаемыя ощущеніями, суть субъективныя состоянія, однако, мы объективируемъ ихъ, трактуемъ ихъ какъ качества, принадлежащія самымъ предметамъ. Мы равняемъ ихъ въ этомъ случаѣ съ ощущеніями и поэтому говоримъ о пріятномъ цвѣтѣ, вкусѣ, запахѣ, тонѣ, пріятной гладкости или мягкости предметовъ и т. д. Какъ цвѣты, тоны, запахи, шероховатость или гладкость, вкусы кажутся намъ помѣщающимися въ вещахъ, такъ и пріятность или непріятность ихъ, кажется, исходитъ изъ нихъ и доходя до насъ, лишь признается нами. На этомъ основаніи мы даемъ вещамъ объективную различную цѣну и неодинаковое значеніе: мы судимъ о нихъ и оцѣниваемъ ихъ, по степени удовольствія или неудовольствія, ими доставляемыхъ.

Наконецъ, въ 5 хъ, нельзя не обратить снова вниманія на очевидную связь возбужденій чувства съ осязаніемъ. Самыя сильныя чувственныя наслажденія доставляются намъ осязаніемъ. Удовольствія щекотанія, ἀφροδίσια, чесанія, прикосновенія къ бархатистымъ поверхностямъ тѣлъ положительно пріятнѣй всего, что могутъ въ этомъ родѣ предложить намъ другія внѣшнія чувства. Послѣднія какъ будто въ той мѣрѣ доставляютъ намъ удовольствія, въ какой къ нхъ дѣятельности примѣшивается осязаніе. Мы видѣли, что, по самому органическому устройству вкуса и обонянія, къ нхъ дѣятельности присоединяется осязаніе: впечатлѣнія вкусовыя и обонятельныя, дѣйствуя на спеціальные нервы, въ тоже время возбуждаютъ и окончанія осязательныхъ нервовъ. Оттого оба эти чувства даютъ сильнѣйшія удовольствія, причемъ вкусъ долженъ быть поставленъ въ ряду непосредственно за осязаніемъ. Несравненно менѣе примѣшивается осязаніе къ актамъ слуха и зрѣнія, и потому удовольствія, доставляемыя отдѣльными тонами и цвѣтами, такъ малы сравнительно съ возбуждаемыми въ насъ — другими внѣшними чувствами. Отчего зависитъ этотъ фактъ, оттого ли, что въ глазѣ и ухѣ мало развѣтвленій окончаній осязательныхъ нервовъ, или оттого, что дрожанія свѣта и воздуха, когда они обыкновенной силы, составляютъ слишкомъ слабыя впечатлѣнія для нихъ — это сказать трудно. Первая причина едва ли должна считаться настоящею, потому что несомнѣнно, оба названныя чувства способны къ осязательной дѣятельности: мы чувствуемъ боль въ ушахъ и глазахъ, когда дѣйствуютъ слишкомъ рѣзкія и сильныя впечатлѣнія, и съ другой стороны, эти органы, при патологическихъ разстройствахъ, способны возбуждать самыя интенсивныя чувствованія боли. Остается предполагать вторую. Тотъ фактъ, что эти чувства способны доставлять намъ удовольствія преимущественно эстетическія, возникающія при осложненіи звуковыхъ и зрительныхъ впечатлѣній, надобно понимать, какъ намъ кажется, въ томъ смыслѣ, что осязательная функція, въ связи съ которою находится возбужденіе удовольствій или неудовольствій, пробуждается въ указанныхъ двухъ чувствахъ преимущественно при множествѣ одновременно дѣйствующихъ впечатлѣній. Нѣчто подобное мы имѣемъ въ чувствѣ осязанія: слабыя легкія прикосновенія, отдѣльно взятыя, могутъ быть едва замѣтны и никакого чувствованія не возбуждать: но быстро одни за другими сдѣланныя, или распредѣ-

ленныя на большое чувствительное пространство возбуждаютъ сильнѣйшее ощущеніе и притомъ съ рѣзкимъ оттѣнкомъ пріятнымъ или непріятнымъ; это бываетъ напр. при щекотаніи.

И такъ, по нашему предположенію, выходитъ, что волны воздуха всего менѣе способны возбуждать осязательную дѣятельность въ органѣ слуха и только въ особыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ они заставляютъ ее пробуждаться. Обыкновенно же отдѣльные звуки очень мало затрогиваютъ ее и оттого, простые тоны или мало сложные звуки слишкомъ неопредѣленно намъ нравятся или не нравятся. Органъ зрѣнія болѣе способенъ возбуждаться въ осязательномъ отношеніи, чѣмъ слухъ, но менѣе сравнительно съ другими внѣшними чувствами, и поэтому зрѣніе болѣе слуха доставляетъ намъ удовольствіе цвѣтами, хотя оно все таки не столь опредѣленно и рѣшительно, какъ удовольствія осязанія, вкуса или обонянія.

Обобщая свои замѣчанія, нельзя ли высказать предположеніе, что чувственныя, наслажденія и страданія суть своего рода вторичныя осязанія?

Эстетическія наслажденія.

Наслажденія чувственныя — грубы: это наслажденія тѣла. Надъ ними высятся наслажденія духа, къ которымъ прежде всего мы относимъ эстетическія удовольствія. Анализъ ихъ представляетъ большія затрудненія. Повидимому, разсматривать ихъ можно съ различныхъ точекъ зрѣнія: по различію искусствъ, дѣйствующихъ на насъ, по различію познавательныхъ средствъ, чрезъ которыя получаются эстетическія впечатлѣнія и по различію самыхъ качествъ удовольствій, называемыхъ эстетическими. Для цѣлей Психологіи самымъ полезнымъ и наиболѣе ведущимъ къ цѣли былъ бы анализъ ихъ съ послѣдней точки зрѣнія; но здѣсь являются непреодолимыя затрудненія: чрезвычайно трудно сказать, чѣмъ отличается удовольствіе, выносимое изъ концерта, отъ удовольствія, доставляемаго наблюденіемъ художественной картины, а послѣднее отъ наслажденія драмою или комедіей. Изслѣдованіе съ точки зрѣнія различія искусствъ имѣетъ то неудобство, что могло бы вовлечь насъ въ посторонній для нашего дѣла споръ о дѣленіи ихъ и притомъ принудило бы повторяться, такъ какъ искусства, различныя объективно, дѣй-

ствуютъ на насъ одними и тѣми же средствами, слѣдовательно, производятъ одинаковое эстетическое дѣйствіе. Остается анализировать его лишь со стороны путей, чрезъ которые оно получается.

Вкусъ и обоняніе могутъ доставлять эстетическія удовольствія.

Такъ какъ внѣшніе предметы дѣйствуютъ на насъ чрезъ внѣшнія чувства, то прежде всего мы должны разсмотрѣть, чрезъ какія изъ нихъ мы получаемъ эстетическое наслажденіе. Оно не получается нами ни изъ органическихъ, ни изъ осязательныхъ ощущеній: эти чувства совершенно не эстетическія. Вкусъ и обоняніе могутъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ становиться источникомъ эстетическихъ наслажденій: говоримъ же мы о гастрономическомъ и парфюмерномъ искусствахъ. Есть тонкіе, изысканные вкусы наприм. въ искусно приготовленныхъ блюдахъ, которыя не просто только нравятся намъ, но производятъ впечатлѣніе изящнаго, прекраснаго само по себѣ; есть тонкіе и изысканные запахи, также кажущіеся чѣмъ-то само въ себѣ изящнымъ: благоуханіе и ароматы представляются нами, какъ прекрасные сами по себѣ предметы.

Обыкновенно за вкусомъ и обоняніемъ отрицаютъ эстетическій характеръ: эти чувства слишкомъ грубы и матеріальны, слишкомъ связаны съ животною нашею стороною, служатъ лишь для низшихъ потребностей. По мнѣнію многихъ, они не въ состояніи открывать намъ возвышенную красоту, чистую и идеальную, не имѣющую ничего съ пріятностями и удовольствіями, которыя только и способны давать намъ два упомянутыхъ внѣшнихъ чувства. Для эстетиковъ-теоретиковъ говорить о гастрономическомъ или парфюмерномъ искусствѣ значитъ унижать искусство вообще, не понимать красоты. Психологъ-эмпирикъ, который долженъ изучать явленія, а не подступать къ нимъ съ готовыми теоріями, долженъ иначе отнестись къ упомянутымъ фактамъ. Онъ не можетъ, конечно, отрицать огромную разность въ значеніи красоты драмы, или картины и какого нибудь вкуса, аромата, но и не долженъ съ чувствомъ брезгливости обращаться къ явленіямъ, потому что имъ слѣдуетъ приписать значеніе второстепенное. Какъ физику не подобаетъ относить къ разнымъ ро-

дамъ блѣклый свѣтъ ночника, едва борющагося съ мракомъ, блѣдный свѣтъ луны и яркій дневной свѣтъ солнца, потому только, что одинъ сіяетъ во всемъ великолѣпіи, а другой еле мерцаетъ, такъ и эстетикъ психологъ долженъ признать однородными явленія, имѣющія общій характеръ, какъ бы различны ни казались степени ихъ напряженія, значеніе для развитія и т. д. Чего собственно не достаетъ вкусу и обонянію противъ несомнѣнно эстетическихъ чувствъ — зрѣнія и осязанія? Первыя чувства, также какъ послѣднія, говорятъ намъ объ изяществѣ и и красотѣ объективной. Сужденія на основаніи ихъ показаній имѣютъ такъ же всеобщій характеръ, какъ и тѣ, которыя мы дѣлаемъ, опираясь на эстетическія зрительныя и слуховыя впечатлѣнія. Почти всѣ эпитеты, прилагаемые нами къ эстетическимъ предметамъ, наблюдаемымъ чрезъ зрѣніе и слухъ, прилагаются и къ изящнымъ вкусамъ и запахамъ. Мало того, эстетическая дѣятельность высшаго разряда разъясняется аналогіями, взятыми большею частію отъ вкуса и обонянія: общую способность къ эстетической оцѣнкѣ впечатлѣній мы называемъ эстетическимъ *вкусомъ*, говоримъ о благоуханной поэзіи, объ ароматѣ ея и т. д. Что же касается до служенія ихъ матеріальнымъ тѣлеснымъ потребностямъ тѣла, то оно не есть еще достаточная причина лишать ихъ эстетическаго значенія: и слухъ и зрѣніе между прочимъ служатъ для грубыхъ потребностей, но это ни мало не лишаетъ ихъ способности служить красотѣ.

И такъ мы будемъ говорить объ эстетическихъ наслажденіяхъ вкуса и обонянія.

Дать удовлетворительный анализъ эстетическихъ элементовъ вкуса и обонянія мы не въ состояніи по недостатку знакомства съ гастрономическимъ и парфюмернымъ искусствами. Теоріи ихъ не существуетъ: представители ихъ руководствуются данными лишь своего личнаго опыта и далѣе эмпирическихъ обобщеній не идутъ. Однако, и въ нихъ можно открыть несомнѣнные эстетическіе элементы.

Какъ и при эстетическомъ дѣйствіи на слухъ и зрѣніе, впечатлѣнія вкуса и обонянія кажутся прекрасными не въ томъ случаѣ, когда они даны изолированно, но когда предлагаются въ извѣстномъ сочетаніи, или въ извѣстной послѣдовательности. Рѣшительный опредѣленный вкусъ можетъ быть пріятенъ, напр. вкусъ сахара, меда, но эстетическаго въ немъ ничего нѣтъ, и съ другой стороны, изъ тонкихъ блюдъ можно составить рядъ,

который будетъ производить совсѣмъ противное впечатлѣніе. Гастрономія говоритъ о *гармоніи* вкусовъ, достигаемой самыми разнообразными ихъ сочетаніями. Какъ извѣстно, нѣтъ надобности при этомъ вводить въ дѣло лишь одни пріятные (наприм сладкіе) вкусы: искусныя комбинаціи соленыхъ, горькихъ, и кислыхъ — производятъ во многихъ случаяхъ пріятное впечатлѣніе гармоніи и они нравятся болѣе сладкихъ. Комбинаціи различныхъ вкусовъ имѣютъ цѣлію ослабить рѣзкій вкусъ, усилить слабый, оттѣнить вообще вкусъ пищи въ выгодную сторону, или же, какъ выше мы сказали, дать ensemble разныхъ вкусовъ, гармоническій и потому пріятный. Естественно при этомъ, что гастрономія обращаетъ вниманіе и на самое качество вкусовыхъ впечатлѣній: она цѣнитъ нѣжные вкусы, особые рѣдкіе оттѣнки въ нихъ, или особую пикантность, т. е. рѣзкость не грубую и не раздражающую. Эти эстетическіе элементы то же самое, что въ живописи мы называемъ нѣжностію цвѣтовъ, колоритностію въ картинѣ, и какъ живопись достигаетъ эффектовъ иногда только ими одними, такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и гастрономія только качествомъ рѣдкихъ вкусовъ создаетъ эффектъ Но естественно, что она какъ и живопись, усиливаетъ его, образуя между рѣдкими вкусами искусныя комбинаціи. Наконецъ, гастрономія пользуется и контрастомъ вкусовъ, этимъ существеннымъ постояннымъ эстетическимъ элементомъ, наблюдая, чтобъ вкусы давались въ послѣдовательности, при которой они могли бы усиливать и оттѣнять одинъ другой, чтобъ воспріимчивость органа не утомлялась монотоннымъ однообразіемъ вкусовъ, но чтобъ свѣжій новый, рѣшительно отличный отъ предшествующаго, вкусъ усиленно впечатлѣвался. Органъ вкуса, какъ слуха и зрѣнія, подчиняется закону контрастовъ. Сильное дѣйствіе на него одного впечатлѣнія утомляетъ его въ извѣстномъ отношеніи и тѣмъ способствуетъ болѣе отчетливому и ясному впечатлѣванію другого, слѣдующаго за нимъ, отличнаго отъ него или противоположнаго ему.

Въ эстетическомъ дѣйствіи запаховъ на обоняніе главное значеніе принадлежитъ самому качеству ихъ. Впечатлѣнія гармоніи старается достигать и парфюмерное искусство; контрастомъ же оно пользоваться не можетъ, какъ потому что органъ обоянія болѣе другихъ органовъ сохраняетъ слѣды впечатлѣній и способенъ къ субъективнымъ ощущеніямъ, такъ и потому, что, по самой своей природѣ, запахи недопускаютъ контрастовъ. Намъ эстетически нравятся нѣжные и тонкіе запахи, въ кото-

рыхъ нѣтъ ничего рѣзкаго, слишкомъ возбуждающаго, наприм. благоуханія цвѣтовъ, ароматы плодовъ и т. д. Необычныя и рѣдкія благоуханія произведеній природы радуютъ человѣка, какъ какая нибудь художественная картина. Парфюмерное искусство создаетъ искусственные запахи (духи), сочетавая въ разныхъ пропорціяхъ естественные, и первое требованіе, которому оно при этомъ должно безусловно подчиняться, есть гармонія сочетаваемыхъ запаховъ. Оно стремится создать пикантный ароматъ, къ качеству нѣжности присоединяющій рѣшительность своего характера: но искусственный и сложный ароматъ всегда долженъ казаться цѣльнымъ впечатлѣніемъ, чтобы слышимые въ немъ отдѣльные ароматы, какъ въ гармоничномъ звукѣ, или подчинялись одному главному, или не противодѣйствовали (не перебивали) одинъ другому. Изъ самыхъ нѣжныхъ и пріятныхъ благоуханій можно составить противный антиэстетичный запахъ, въ которомъ ничего разобрать нельзя и одинъ ароматъ перебиваетъ другой.

Физіологическое дѣйствіе запаховъ очень мало изучено и трудно поэтому сказать, въ силу какого дѣйствія на нервъ и нервную систему ароматы производятъ впечатлѣніе изящнаго. Что психическое дѣйствіе ихъ весьма значительно и что они имѣютъ прямое отношеніе къ чувству—это видно изъ того, что въ тѣхъ случаяхъ, когда люди желаютъ увеличить обаяніе личности или придать торжественность своимъ собраніямъ, они окружаютъ себя благоуханіями. Извѣстно, какую роль играютъ духи въ нарядахъ женщины и чѣмъ изысканнѣй и великолѣпнѣй ея нарядъ, тѣмъ естественнѣй мы находимъ, что она употребляетъ при этомъ изысканные духи. Комнаты бальныхъ собраній наполняются ароматами и даже въ минуты благоговѣйнаго поклоненія Богу, чтобъ усилить торжественность Богослуженія, человѣкъ употребляетъ благовонія. Они, какъ и вообще произведенія искусства, производятъ смягчающее дѣйствіе, располагающее къ нѣжности, дѣлаютъ человѣка болѣе воспріимчивымъ къ спокойнымъ впечатлѣніямъ. Съ другой стороны, благовонная среда усиливаетъ эстетическій характеръ ея обстановки, придаетъ ей болѣе изящный видъ, слѣдовательно, усиливаетъ изящное впечатлѣніе, производимое ею.

Эстетическія наслажденія, доставляемыя душѣ слухомъ. Эстетическіе элементы въ музыкѣ.

Перейдемъ теперь къ анализу эстетическихъ наслажденій, доставляемыхъ намъ органомъ слуха. Цѣлое искусство — музыка основано на способности нашей слышать звуки. По чрезвычайной обширности музыкальнаго міра, по разнообразію впечатлѣній, производимыхъ ею, этотъ анализъ представляетъ трудности, почти неодолимыя. Было бы, конечно, всего проще обратиться прямо къ разбору чувствъ, возбуждаемыхъ музыкою и распредѣлить ихъ въ группы. Но этотъ путь оказывается для насъ недоступнымъ. Наслажденія, выносимыя изъ музыки, непосредственны, рефлексія, не въ состояніи оправдать ихъ раціональными причинами; сверхъ того, они слишкомъ разнообразны и тонки, чтобъ допускать успѣшный анализъ. Музыканты теоретики, наиболѣе компетентные судьи о музыкальныхъ впечатлѣніяхъ, обыкновенно обходятъ вопросъ о нихъ, говоря лишь о безымянныхъ чувствованіяхъ, возбуждаемыхъ музыкою. Что такое безымянныя чувствованія? Не значитъ ли это утверждать, что хотя мы ихъ переживаемъ, они тѣмъ не менѣе разбору не поддаются? Слѣдовательно, невозможно съ этой стороны взяться за задачу. Вопросъ объ этихъ чувствованіяхъ, быть можетъ, болѣе разъяснится, если обратиться къ нему съ другой стороны. Постараемся найти эстетическіе элементы музыки и указать ихъ значеніе и смыслъ для насъ.

Чѣмъ дѣйствуетъ на насъ музыка? Конечно, прежде всего звуками. Она возбуждаетъ наши нервы и нервную систему, и такими возбужденіями вызываетъ въ насъ чувства удовольствія. Но ограничиваясь лишь только этими средствами, она не стояла бы высоко надъ искусствами гастрономическимъ и парфюмернымъ, нравящимся намъ по причинѣ извѣстныхъ дѣйствій на нашу органическую природу. Музыка тѣмъ возвышается надъ этими низменными искусстами, что она дѣйствуетъ на интеллектуальную нашу природу, отражая въ своихъ звукахъ глубину и многообразіе жизни.

Основаніемъ для дѣйствія музыки на интеллектуальную нашу природу служитъ связь между звуками нашего голоса и духовными состояніями, въ нихъ выражаемыми. Своимъ голосомъ мы

оттѣняемъ душевныя движенія сердца, означаемъ ихъ силу, напряженность, и т. д. Выражая въ звукахъ состоянія духа, мы, наоборотъ, привыкаемъ толковать ихъ, именно какъ выраженія духовныхъ состояній, влагаемъ въ нихъ жизнь, превращаемъ ихъ въ живые знаки движенія и одушевленія. Этимъ значеніемъ звуковъ для насъ и пользуется искусство. Оно комбинируетъ звуки такъ, чтобы они не просто были пріятны для уха, но выражали жизнь, движеніе внутреннихъ событій, согласіе ихъ, внутренній раздоръ и т. д. Если бы музыка была лишь собраніемъ гармоническихъ звуковъ, она никогда бы не будила, не потрясала, не приводила силъ души въ движеніе: она только болѣе или менѣе пріятно раздражала бы ухо. Физіологическое пріятное раздраженіе возвышается въ ней въ средство возбужденія духовной высшей природы, собраніе звуковъ является, какъ символъ художественной музыкальной идеи. Поэтому то, анализуя значеніе музыкальныхъ средствъ, нужно имѣть постоянно въ виду съ одной стороны физіологическую ихъ сторону, съ другой—интеллектуальную.

Гармоническія сочетанія тоновъ.

Первое и главное значеніе въ музыкѣ принадлежитъ гармоническимъ сочетаніямъ тоновъ.

Число простыхъ звуковъ, употребляемыхъ въ музыкѣ отъ нисшаго до самаго высокаго, доходитъ до 57. Они раздѣляются на восемь октавъ и одно заключительное C (до). Простой звукъ, взятый отдѣльно, эстетическаго впечатлѣнія не производитъ; эстетическое дѣйствіе начинается, когда звуки сочетаваются и производятъ впечатлѣніе гармоніи. Ухо различаетъ гармоническія и дисгармоническія сочетанія. Относительно самыхъ простыхъ изъ нихъ, такъ называемыхъ, консонансовъ и диссонансовъ, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ сочетанія звуковъ одной октавы, имѣющихъ интервалы въ 1 цѣлый тонъ *) или въ $5^1/_2$ тоновъ—дисгормоничны; всѣ остальныя сочетанія болѣе, или менѣе даютъ консонансъ. Говоримъ:

*) Какъ извѣстно, то что принято въ музыкѣ называть тономъ, не совпадаетъ съ звукомъ. Октава состоитъ изъ 7-ми самостоятельныхъ звуковъ, но въ нихъ mi-fa и si-do представляютъ повышеніе не на цѣлый тонъ, а лишь на пол-тона. Слѣдовательно, 7 звуковъ будутъ представлять $5^1/_2$ тоновъ, а 8 составляющіе октаву=6 тонамъ.

болѣе или менѣе: ибо консонансы въ музыкѣ раздѣляются на совершенные и несовершенные. Къ первымъ относятся: всѣ сочетанія, имѣющія интервалъ, равный 6 цѣлымъ тонамъ, или раздѣленныя цѣлою октавою, затѣмъ тѣ, разстояніе которыхъ равно $3^1/_2$ тонамъ, или составляющія квинту; къ несовершеннымъ относятся всѣ остальныя сочетанія. Консонирующія сочетанія всегда пріятны для уха; диссонансы всегда непріятны.

Консонансами и диссонансами музыка пользуется въ обширныхъ размѣрахъ, сочетавая ихъ въ разнообразныхъ формахъ. Изъ сочетаній трехъ и болѣе звуковъ одной и той же октавы возникаютъ аккорды. Они представляютъ болѣе или менѣе многосложные консонансы: такъ какъ при сочетаніи нѣсколькихъ звуковъ получаются еще, такъ называемые, вторичные, которые также вступаютъ въ сочетаніе, то аккордъ изъ трехъ или четырехъ звуковъ представляетъ множество звучащихъ въ одно время консонансовъ. При этомъ, въ четырех-звучныхъ аккордахъ допускаются и диссонансы, но во 1-хъ, въ такомъ случаѣ аккордъ требуетъ разрѣшенія, т. е. встревоженное ухо должно найти себѣ какъ бы успокоеніе на безспорной гармоніи; во 2-хъ, диссонансъ подавляется въ нихъ преобладающимъ количествомъ консонансовъ, такъ что ухомъ не слышится; онъ придаетъ аккорду особаго рода оттѣнокъ, красоту, дѣйствительно возвышающую цѣлую гармонію аккорда. Поэтому диссонансъ въ аккордахъ умѣстенъ лишь тогда, когда онъ не на столько слабъ, чтобъ вовсе не быть слышимымъ, и не на столько силенъ, чтобъ портить гармонію остальныхъ консонансовъ.

Затѣмъ, въ свою очередь, и аккорды сочетаваются въ различныхъ формахъ и музыка пользуется сочетаніями ихъ почти въ неограниченныхъ размѣрахъ. Слушая оркестръ, мы въ одинъ моментъ ощущаемъ массу аккордовъ. И для суммы ихъ имѣетъ значеніе тотъ же законъ, что и для простыхъ аккордовъ. Диссонансъ допускается, но лишь для оттѣненія и большей характеризаціи гармоническихъ аккордовъ.

Теперь спрашивается: вслѣдствіе чего гармоническія сочетанія тоновъ бываютъ пріятны, дисгармоническія—непріятны? Едва ли отвѣтъ на этотъ вопросъ возможно искать во взаимномъ математическомъ отношеніи тоновъ. Прима относится къ терціи какъ 4 : 5, къ квартѣ—какъ 3 : 4, квинтѣ какъ 2 : 3, секстѣ — какъ 3 : 5, тожественные тоны двухъ смежныхъ октавъ какъ 1 : 2. Почему однако, мы эстетически предпочитаемъ одни

математическія отношенія предъ другими? Почему прима съ терціей образуетъ болѣе совершенную гармонію, чѣмъ съ квартою или секстою? Неужели отношеніе 3 : 4 совершеннѣе, лучше отношенія 4 : 5? Основаній къ такому предпочтенію никакихъ нѣтъ. При томъ, объ этихъ математическихъ отношеніяхъ тоновъ мы узнаемъ лишь изъ науки. Не знающій Физики ничего о нихъ не подозрѣваетъ и однако, способенъ наслаждаться гармоніей столько же, сколько и самъ профессоръ Физики. Не слѣдуетъ ли предполагать при этомъ безсознательное знаніе, существованія котораго мы не подозрѣваемъ въ себѣ, но которымъ постоянно руководимся при наслажденіи гармоніей?

Болѣе вѣрно смотритъ на это дѣло тотъ взглядъ, который обращаетъ вниманіе на физіологическую сторону дѣйствія тоновъ. Каждый тонъ производитъ возбужденіе въ слуховомъ нервѣ и мозгѣ. Когда ухо слышитъ два или болѣе тона одновременно, то столько же должно произойти отдѣльныхъ возбужденій въ нервѣ. Что же дѣлается съ ними? въ какое соотношеніе вступаютъ они? Они могутъ сливаться вмѣстѣ, или совпадать одно съ другимъ. Предположимъ первое: тогда гармонія будетъ означать слитіе нервныхъ возбужденій въ одно цѣлое, дисгармонія —ихъ взаимное противодѣйствіе. Но собственно слитіе возбужденій можно допускать лишь тогда, когда раздаются два тожественныхъ тона, при чемъ не получается консонанса, а выходитъ удвоенной силы тонъ, въ которомъ ухо не различаетъ ни какихъ составныхъ частей. Но въ гармоническихъ тонахъ слитія нѣтъ: ухо всегда можетъ разслышать отдѣльные звуки, составляющіе консонансъ; при нѣкоторомъ навыкѣ и тонкости слуха, артистъ въ любой сложной гармоніи разслышитъ звуки, почему либо его интересующіе. Въ громадѣ звуковъ, производимыхъ игрою оркестра, опытный капельмейстеръ, когда ему нужно, можетъ слѣдить за игрою одного артиста.

Съ другой стороны, такъ какъ гармонія состоитъ изъ тоновъ различныхъ, а не тожественныхъ, то уже и по этой причинѣ не можетъ быть слитія соотвѣтствующихъ имъ возбужденій. Въ нервѣ и мозгѣ должно происходить нѣчто подобное тому, что бываетъ съ волненіями воды въ сосудѣ, нѣсколько различными одно отъ другого по своему направленію: въ нѣкоторыхъ пунктахъ волны будутъ совпадать и вслѣдствіе того увеличиваться, въ другихъ они будутъ болѣе или менѣе погашать одна другую. Поэтому, предполагая, что нѣчто подобное этому физическому

процессу совершается въ нервѣ и мозгѣ, мы должны допустить, что нервныя возбужденія отъ разныхъ тоновъ вообще не сливаются вмѣстѣ. Одновременныя раздраженія нервной системы должны вступать въ соотношеніе и при одномъ — развиваться безпрепятственно, при другомъ нарушать одно другое, то усиливаясь въ моменты совпаденія, то ослабляясь при несовпаденіи.

Если имѣть въ виду лишь одни отношенія грунд-тоновъ въ октавѣ, то мы никогда не откроемъ почему прима съ квинтою или двѣ примы двухъ смежныхъ октавъ даютъ консонансъ, а звуки, раздѣленные интерваломъ одного лишь тона, диссонируютъ. Но чистыхъ тоновъ, какъ извѣстно, ни въ музыкальныхъ инструментахъ, ни въ человѣческомъ голосѣ не существуетъ. Каждый звукъ, какъ это мы и видѣли, есть собраніе нѣсколькихъ тоновъ, изъ которыхъ одинъ основной, а другіе частные. Послѣдніе то и составляютъ главную и единственную причину, почему одни сочетанія тоновъ гармоничны, другія дисгармоничны. Когда частные тоны перерывчато не погашаютъ и не усиливаютъ одинъ другой, но совпадая вмѣстѣ, образуютъ ровное, спокойное впечатлѣніе для уха, возникаетъ чувство гармоніи; напротивъ, когда они, въ одни моменты погашая, въ другіе усиливая другъ друга, производятъ перерывчатое впечатлѣніе, то является чувство дисгармоніи. Извѣстно, что и для глаза всякія перерывчатыя впечатлѣнія въ высшей степени непріятны: наприм. мелькающій, дрожащій свѣтъ скоро утомляетъ глазъ и въ случаѣ долгаго дѣйствія становится просто не выносимымъ. Этою, конечно, причиною и слѣдуетъ объяснять, почему два звука, взятые въ октавѣ рядомъ, составляютъ непріятный диссонансъ: въ нихъ является шероховатость, они то ослабляютъ, то усиливаютъ одинъ другой. Тоже самое происходитъ, почему на разстроенныхъ инструментахъ, правильное сочетаніе звуковъ, даетъ дисгармонію: пониженное или повышенное *до* съ вѣрнымъ *ми* образуетъ нѣсколько частныхъ тоновъ, уже не совпадающихъ вмѣстѣ, нарушающихъ правильность и ровность звучанія, и оттого наприм. на разстроенныхъ фортепіано невозможно, ни при какой игрѣ, достигнуть гармоніи звуковъ.

Условія гармоніи въ простыхъ консонансахъ, которыя мы выше разбирали, тѣже самыя, что и въ аккордахъ, сочетаніяхъ самыхъ аккордовъ. Какъ бы сложны ни были соединенія тоновъ, всегда соблюдается тотъ общій законъ, что когда во множествѣ звуковъ, основныхъ и частныхъ, образуются непра-

вильныя взаимо-погашенія, усиливанія, причемъ совпаденій будетъ мало, то ухо слышитъ какофонію, рѣжущую его; въ противномъ случаѣ, оно ощущаетъ гармонію.

Слѣдовательно, гармоническій или дисгармоническій характеръ звуковъ основывается на физіологическомъ дѣйствіи ихъ на нашу нервную систему: въ однихъ случаяхъ слуховыя раздраженія идутъ ровно, спокойно, въ другихъ — они противодѣйствуютъ, перерываютъ одно другое. Въ этомъ отношеніи, гармонія и дисгармонія въ звукахъ — тоже самое, что ровность, согласіе, или, на оборотъ, перерывчатость, разногласіе въ впечатлѣніяхъ вкуса или обонянія или зрѣнія. Какъ для этихъ чувствъ впечатлѣнія, не противодѣйствующія другъ другу, но ровно и спокойно дѣйствующія на нервы, бываютъ пріятны, а противоположныя непріятны, такъ и гармоническіе тоны возбуждаютъ удовольствіе, дисгармоническіе — неудовольствіе. Значитъ, гармонія и дисгармонія имѣютъ прежде всего чувственное значеніе и возникаютъ на чувственной основѣ. Но сложныя гармоніи дѣйствуютъ не только на чувственную сторону нашего существа и не однимъ только физіологическимъ путемъ вызываютъ въ душѣ чувство удовольствія: онѣ становятся для души выраженіемъ и символомъ высшихъ интеллектуальныхъ и сердечныхъ движеній.

Сочетанія dur и moll.

Въ звукахъ и сочетаніяхъ ихъ есть оттѣнки, которыми искусство пользуется для сообщенія музыкальнымъ выраженіямъ извѣстнаго характера. Мы разумѣемъ dur'ныя и moll'ныя сочетанія. Изслѣдованія Гельмгольца показали, что dur'ные аккорды отличаются отъ moll'ныхъ большею гармоничностію; въ послѣднихъ есть нѣкоторая жесткость, шероховатость, происходящая отъ присутствія, такъ называемыхъ, комбинаціонныхъ тоновъ, образующихъ дисгармоническія сочетанія. Диссонансы въ нихъ не слышатся, отчасти по ихъ слабости, а отчасти и потому, что они покрываются подавляющимъ количествомъ консонансовъ; однако, они успѣваютъ давать moll'нымъ аккордамъ особый оттѣнокъ, легко замѣчаемый ухомъ. Различіе оттѣнковъ dur'ныхъ и moll'ныхъ сочетаній и служитъ средствомъ для выраженія различныхъ мыслей и душевныхъ состояній. Первыя,

какъ законченно-гармоническія, обыкновенно употребляются для обозначенія ясныхъ, опредѣленныхъ, бодрыхъ настроеній, вторыя — какъ гармоніи не доконченныя, оставляющія желать чего то большаго, обозначаютъ неопредѣленныя, неясныя, ничѣмъ положительнымъ еще не разрѣшившіяся, состоянія. Указанные два рода сочетаній не только чувственно нравятся (ибо и moll'ные аккорды—все же гармонія), но они оживляютъ насъ интеллектуально, возбуждая, подходящія къ нимъ, движенія сердца, находя отзвуки въ нашей собственной духовной жизни и ея воспоминаніяхъ. Въ аккордахъ dur'ныхъ слышится намъ опредѣленность и ясность теченія жизни: душевныя движенія, ими выражаемыя, могутъ быть бурны и напряженны, но въ нихъ нѣтъ характера противорѣчивости, колебанія, смутности. Въ аккордахъ moll'ныхъ слышатся также отзвуки жизни; душевныя движенія, ими обозначаемыя, могутъ быть сильны и слабы, но въ нихъ есть натянутость, какъ бы двусмысленность, слышится несогласіе души самой съ собою.

Высота и сила звуковъ.

Не однѣ лишь качественныя особенности звуковъ служатъ для искусства средствомъ эстетическаго дѣйствія. Музыка пользуется и количественными ихъ сторонами для своихъ цѣлей: ихъ высотою и силою. Первая зависитъ исключительно отъ количества дрожаній звучащаго тѣла: чѣмъ меньшее количество ихъ происходитъ въ секунду времени, тѣмъ тонъ ниже, чѣмъ большее, тѣмъ онъ выше. Сила звука происходитъ отъ энергіи дрожанія, или отъ величины размаховъ колебанія. Высота и сила звуковъ могутъ совпадать и не совпадать вмѣстѣ: высокій звукъ можетъ быть слабъ и низкій — сильнымъ. Музыка въ различныхъ формахъ комбинируетъ низкіе и высокіе. сильные и слабые звуки. Не одно только требованіе гармоніи руководитъ при этомъ ею, и не ею одною она дѣйствуетъ на слушателя. Въ низкихъ и высокихъ, сильныхъ и слабыхъ тонахъ намъ слышится жизнь, ея движеніе, говоръ. Изъ своего опыта жизни намъ извѣстно, что съ разными звуками у насъ соединяется различное значеніе: ибо иначе мы выражаемъ страхъ и гнѣвъ, нѣжную любовь, сильныя движенія воли или обыкновенныя, не возвышающіяся надъ обыкновеннымъ уровнемъ, состоянія. Мы

привыкаемъ давать соотвѣтственный смыслъ и звукамъ, доходящимъ до насъ извнѣ. По тону и силѣ голоса мы узнаемъ о душевныхъ состояніяхъ другихъ, подобныхъ намъ, людей, по силѣ звуковъ, слышимыхъ во внѣшней природѣ, мы заключаемъ объ энергіи движеній въ ней. Въ силу факта постоянной связи между душевными состояніями и звуками, мы невольно принимаемъ ихъ за выраженія жизни вообще. И музыкальные звуки являются намъ не только чувственно прекрасными, услаждая гармоніей нашъ слухъ, но и символами жизни, энергіи, движенія. Въ слабыхъ звукахъ намъ слышится то тихое чувство, то потухающая энергія, то скромная, но глубокая мысль, то слабое желаніе, то тишина и спокойствіе природы, нарушаемое лишь слабыми почти безшумными движеніями въ ней, то безсильное подавленное недовольство, или слышимъ въ нихъ отдаленныхъ предвѣстниковъ наступающей бури. Въ звукахъ сильныхъ мы слышимъ присутствіе энергіи, напряженія жизни; слыша ихъ, мы представляемъ себѣ то борьбу силъ въ природѣ, бурныя и порывистыя ея движенія, то волненія и чувства, энергію воли, достигшія крайней степени своего напряженія. Низкіе тоны напоминаютъ намъ грубую, но энергичную силу, въ нихъ слышится намъ то ворчащее недовольство, то успокоенная страсть или волненіе. Высокіе тоны говорятъ намъ о тонкихъ, но напряженныхъ чувствахъ, о страхѣ и ужасѣ, стыдѣ, вспышкахъ любви; въ нихъ мы слышимъ удивленіе и просьбу, мольбу и отчаянную скорбь, физическую боль и душевное страданіе. Тоны средней силы и высоты выражаютъ обыкновенныя настроенія, обычный ходъ событій въ природѣ. Смотря по сочетаніямъ ихъ, мы слышимъ въ нихъ или обыденную человѣческую радость, удовольствіе, или созерцательную, спокойную грусть, мирную смѣну духовныхъ состояній, желаній, мыслей, то наконецъ, мирную идиллію природы, спокойно отражающейся въ человѣческомъ сознаніи. Въ этомъ отношеніи средства музыки для обозначенія движеній во внѣшней природѣ и человѣческой душѣ безконечны: звуками она возбуждаетъ, волнуетъ, раздражаетъ, успокоиваетъ, умиротворяетъ, заставляя переживать насъ самыя разнообразныя состоянія.

Темпъ и тактъ.

Далѣе, музыка эстетически дѣйствуетъ на насъ, въ разныхъ случаяхъ давая послѣдовательности звуковъ различную мѣру и

быстроту. Мы разумѣемъ здѣсь то, что въ музыкѣ называется тактомъ и темпомъ. Тактъ въ этомъ искусствѣ то же, что размѣръ стиха въ поэзіи: имъ звуки подчиняются опредѣленной мѣрѣ; въ извѣстномъ порядкѣ и въ правильности они слѣдуютъ то въ одномъ тактѣ, то въ другомъ. Темпомъ опредѣляется длительность звука: онъ можетъ быть скорый, медленный и въ различныхъ случаяхъ безконечно видоизмѣняться между крайними предѣлами быстроты и медленности. Какое эстетическое значеніе такта и темпа? Первый сообщаетъ движенію звуковъ извѣстный порядокъ, форму, второй сообщаетъ имъ жизнь, отражая въ звукахъ разнообразныя трепетанія ея. Конечно, ухо чувствуетъ этотъ порядокъ и несомнѣнно, нервная система слушателя также чувствуетъ быстроту или медленность смѣны впечатлѣній. Но эстетическаго возбужденія приэтомъ никогда не было бы, если бы все дѣло состояло въ одномъ физіологическомъ раздраженіи. Темпъ въ звукахъ имѣетъ для насъ высшее психологическое значеніе: онъ есть для насъ символъ быстрой или медленной смѣны событій, духовныхъ состояній, быстроты движеній. Въ быстро смѣняющихся звукахъ намъ слышится энергія жизни, настроеній, выражающихся въ быстрыхъ и смѣлыхъ движеніяхъ, или живо смѣняющихся мысляхъ и чувствованіяхъ. отголоски радости, гнѣва, отчаянія и т. д. Медленная смѣна звуковъ напоминаетъ намъ сдержанную энергію или безсиліе, вызванное какимъ-либо подавляющимъ чувствомъ. Медленный темпъ— это отголосокъ и величавой сосредоточенности религіознаго благоговѣнія, чуждающагося энергичныхъ движеній (оттого церковные гимны весьма часто пишутся въ медленномъ темпѣ) и слабой энергіи движеній, тихой смѣны представленій, чувствъ, сосредоточенныхъ около одного главнаго интересующаго предмета, что бываетъ наприм. въ минуты печальнаго настроенія. Средній темпъ служитъ указателемъ обыкновеннаго естественнаго настроенія. или смѣны явленій въ природѣ, когда теченіе событій, ничѣмъ не возмущаемое, принимаетъ спокойный ходъ. Какъ въ природѣ физической и духовной существуютъ безконечно различныя степени оживленія и замедленія хода событій, такъ и въ музыкѣ существуетъ неограниченное разнообразіе темповъ. Каждая музыкальная піеса имѣетъ свой опредѣленный темпъ и онъ не можетъ быть измѣненъ безъ искаженія ея характера. Что вышло бы, если бы религіозный гимнъ пропѣть или проиграть въ быстромъ темпѣ танца, или плясовую пѣсню исполнить въ

темпѣ погребальнаго марша? Надлежащимъ темпомъ влагается въ исполняемыя вещи жизнь, одушевленіе, не свойственный—уничтожаетъ всякое художественное дѣйствіе, искажая совершенно характеръ ея.

И тактъ несомнѣнно имѣетъ для насъ эстетическое значеніе. Онъ сообщаетъ звукамъ опредѣленную форму, опредѣляя размѣръ, въ которомъ звуки развиваются и слѣдуютъ одни за другими. Если темпъ опредѣляетъ быстроту или медленность смѣны звуковъ, то тактъ означаетъ величину шаговъ, какими они подвигаются впередъ въ своемъ развитіи. Онъ указываетъ форму ритма, въ какомъ развивается извѣстное музыкальное содержаніе, и отражаетъ въ себѣ ритмъ развитія жизни природы и человѣческаго духа Есть свой ритмъ въ ходѣ бури, въ мирномъ журчаніи ручья, рёвѣ взволнованнаго моря, шелестѣ листьевъ: въ каждомъ родѣ этихъ звуковъ есть свой размѣръ, свой тактъ; также иной ритмъ въ движеніи мыслей и смѣнѣ волненій въ минуты гнѣва, радости, страха, нѣжныхъ симпатическихъ возбужденій, настроеній праздничныхъ и свѣтлыхъ или грустныхъ и будничныхъ. Тактъ живо напоминаетъ намъ обо всемъ этомъ. И какъ въ душевныхъ состояніяхъ все чрезвычайно сложное и запутанное затрудняетъ насъ и не нравится намъ, такъ и въ тактахъ намъ нравятся лишь простые, ибо сложные затрудняютъ даже самое ухо, препятствуя правильному анализу звуковъ. Слѣдовательно, тактъ, съ одной стороны, увеличиваетъ правильность и закономѣрность формъ сочетанія звуковъ, возвышая тѣмъ художественное дѣйствіе гармоній, съ другой психологически возбуждаетъ насъ, настраивая на извѣстный ладъ.

Музыкальные контрасты.

Свое эстетическое дѣйствіе музыка возвышаетъ и усиливаетъ еще употребленіемъ контрастовъ. Ни одно искусство не можетъ въ этомъ отношеніи сравняться съ нею: ея контрасты чрезвычайно разнообразны. Такъ, мы уже говорили, что музыка не чуждается диссонансовъ: она вводитъ ихъ въ строй звуковъ и тѣмъ не только не нарушаетъ общаго пріятнаго впечатлѣнія, но даже усиливаетъ его. Тѣмъ, что диссонирующіе звуки она всегда разрѣшаетъ въ гармоническіе аккорды, она успокоиваетъ встре-

воженное ухо и слушатель живо чувствуетъ контрастъ между гармоническими и дисгармоническими звуками. Далѣе, музыка пользуется контрастами темповъ скораго и медленнаго, заставляя одинъ слѣдовать за другимъ. За бѣшено-быстрымъ потокомъ звуковъ вдругъ ухо слышитъ медленное, тихое развертываніе ихъ, и на оборотъ: извѣстно, какъ такой контрастъ въ темпахъ поразительно дѣйствуетъ на ухо. За тѣмъ, въ музыкѣ могутъ сопоставляться крайности высоты, силы и длительности звуковъ. Послѣ высокихъ звуковъ ухо иногда слышитъ низкіе, послѣ сильныхъ — слабые, послѣ тягучихъ и долгихъ короткіе и отрывочные, и на оборотъ. Наконецъ, съ цѣлію контраста въ музыку вводятся паузы, предшествующія или послѣдующія за могучими, а иногда за особенно нѣжными звуками. Такимъ образомъ музыкальные контрасты чрезвычайно разнообразны и многочисленны. Ихъ дѣйствіе прежде всего физіологическое: они усиливаютъ, удвоиваютъ впечатлѣнія отъ звуковъ. Сопоставленный съ слабымъ, сильный звукъ кажется могучѣй, чѣмъ онъ казался бы безъ этого сопоставленія. Извѣстно, какъ надлежащее употребленіе паузъ придаетъ звукамъ грандіозный характеръ: послѣ безусловной тишины раздавшійся нѣжный звукъ кажется нѣжнѣе обыкновеннаго, а густой и сильный — принимаетъ громоподобный характеръ. Послѣ диссонирующихъ звуковъ гармонія слышится съ удвоеннымъ удовольствіемъ; протяжные звуки послѣ короткихъ кажутся протяжнѣй и на оборотъ, короткіе послѣ протяжныхъ кажутся мгновенными. Послѣ медленной смѣны звуковъ быстрый темпъ увеличиваетъ для насъ движеніе звуковъ и на оборотъ. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ дѣйствуетъ общій законъ, по которому противоположныя впечатлѣнія, дѣйствуя послѣдовательно одно за другимъ, усиливаютъ себя взаимно.

Но дѣйствія музыкальныхъ контрастовъ не могутъ быть объяснены только физіологическимъ способомъ. Впечатлѣнія музыки не возможно объяснять помимо ея нравственнаго (въ обширномъ значеніи этого слова) значенія. Въ звукахъ выражается жизнь и движеніе. Въ контрастахъ намъ слышатся ихъ отзвуки. Въ сопоставленіяхъ дисгармоніи съ гармоніей мы слышимъ выраженія сложныхъ душевныхъ настроеній, которыя отзываются недовольствомъ, въ которыхъ есть диссонирующія ноты, но которыя (какъ и диссонансы въ музыкѣ) подъ конецъ разрѣшаются въ ясныя и спокойныя состоянія. Употребленіе паузъ имѣетъ для насъ тотъ смыслъ, что какъ въ природѣ такъ и душевной

дѣятельности проявленіямъ огромной энергіи физическихъ и нравственныхъ силъ предшествуетъ временное ихъ запинаніе, сдерживаніе, поборовъ которое они съ большею силою развиваются. Какъ бурѣ предшествуетъ иногда абсолютная тишина, и на оборотъ, за нею слѣдуетъ совершенное спокойствіе природы, какъ среди тишины въ ней раздаются удары грома, такъ и въ жизни: человѣкъ, сдерживающій себя въ продолженіи не долгаго времени, разражается неудержимымъ гнѣвомъ или страхомъ или взрывами радости, любви; не возмутимая, по видимому, душевная тишина сопровождается внезапными приступами волненій, теченіе душевныхъ дѣятельностей на моментъ запинается, чтобъ съ тѣмъ большею силою снова начаться. Паузы въ музыкѣ тѣмъ большее производятъ впечатлѣніе, что онѣ знаменуютъ не успокоеніе дѣйствующихъ силъ, а ихъ не слышную борьбу, которая должна разрѣшиться наконецъ въ неудержимый взрывъ дѣятельности. Контрасты въ звукахъ различной высоты, силы и дѣятельности тоже служатъ для насъ знаками соотношеній между физическими и духовными силами. Внѣшняя природа представляетъ намъ рядомъ великое и малое, огромную энергію и не примѣтныя дѣйствія; въ духовной природѣ мы видимъ скачки отъ величайшаго напряженія къ minimum'у дѣятельности и на оборотъ, въ человѣческомъ обществѣ мы замѣчаемъ переходы отъ великаго къ малому. Въ однихъ случаяхъ, движенія бываютъ настойчивы, неуклонно продолжаются въ извѣстномъ направленіи, въ другихъ — они бываютъ быстры, порывисты, мгновенны; одни душевныя состоянія длятся долго, выдерживаются въ одной степени напряженія, другія, какъ напр. мысль или желаніе, подобно молніи, мелькаютъ въ душѣ. Есть и въ духовной природѣ противоположности темпа. Душевныя состоянія иногда такъ быстро слѣдуютъ одно за другимъ, что какъ бы нагромождаются другъ на друга: сколько мыслей мгновенно промелькнетъ въ головѣ, сколько разнообразныхъ чувствъ и желаній пронижутъ сердце въ недолгія минуты страха, или сильныхъ движеній радости, гнѣва, любви, дружбы, и какъ часто за этимъ нагроможденіемъ душевныхъ состояній слѣдуетъ апатичная, спокойная смѣна однихъ мыслей и желаній другими. Всѣ упомянутые контрасты мы переживаемъ, мы ихъ наблюдаемъ въ природѣ и ихъ понятный намъ смыслъ мы разслушиваемъ въ контрастахъ музыкальныхъ.

Послѣдовательность и развитіе тоновъ.

Наконецъ, въ музыкѣ имѣютъ эстетическое значеніе послѣдовательность и развитіе тоновъ. Какъ въ рѣчи часто изображаются картины дѣйствительности, излагаются порядокъ и смѣна событій, такъ и музыка въ звукахъ изображаетъ иногда картины реальности и тѣ настроенія духа, съ какими переживаются событія внѣшней природы и человѣческой жизни. Какъ въ логическомъ отношеніи рѣчь можетъ представлять собою логически цѣлое, хотя сложное и многостороннее, въ которомъ одна мысль развивается изъ другой, такъ и въ музыкѣ тоны, управляясь своими законами, слѣдуя одинъ за другимъ, представляютъ развитіе одной идеи: она даетъ жизнь звукамъ, связывая ихъ въ одно музыкальное цѣлое. Какъ есть логическія предложенія, такъ есть и музыкальныя мысли, какъ развиваются первыя въ логической послѣдовательности, расчленяясь въ своихъ подробностяхъ, такъ и музыкальная идея воплощается въ послѣдовательномъ теченіи гармоническихъ звуковъ. Медленное, плавное и широкое теченіе гармоній и мелодій напоминаетъ слушателю величественное проявленіе силы, послѣдовательно обнаруживающейся въ разнообразной дѣятельности; порывистое, быстрое напоминаетъ неудержимо скорую смѣну духовныхъ состояній и событій въ природѣ. Стройность звуковъ, цѣлостность музыкальной поэмы, полнота выраженія идеи, разнообразіе формъ его — все это оставляетъ въ насъ впечатлѣніе стройной, цѣлостной картины и вызываетъ чувства высокаго, удивленія, наслажденія.

Общій выводъ.

Сведемъ свои замѣтки объ эстетическихъ чувствованіяхъ, вызываемыхъ въ насъ музыкою, къ немногимъ пунктамъ. Она дѣйствуетъ на насъ, во 1-хъ, физіологически. Она возбуждаетъ слуховой нервъ, столь однако благопріятнымъ для него образомъ, что доставляетъ намъ наслажденіе. Ея средства для физіологическаго дѣйствія на насъ весьма разнообразны: она комбинируетъ звуки въ консонансы и гармоническіе аккорды; употребляя контрасты, она усиливаетъ дѣйствіе гармоніи; гармоническая послѣдовательность, длительность, высота звуковъ — всё это, дан-

ное въ извѣстной формѣ, услаждаетъ слухъ. Но музыка дѣйствуетъ не на одну лишь нашу физіологическую сторону. Она многосторонне возбуждаетъ нашу интеллектуальную, чисто психическую природу. Въ звукахъ мы слышимъ символическое изображеніе духовныхъ событій, радостей, печалей, любви и отвращенія, симпатій, наслажденій, гнѣва, страха, стремленій, цѣлыхъ душевныхъ исторій; въ нихъ отражается борьба и дружба силъ природы, красота ея обстановки, богатство и бѣдность жизни въ ней, стремительность и плавность, непрерывность и перерывчатость ея движеній. Какое множество воспоминаній будитъ въ насъ музыка, какъ много она заставляетъ насъ передумать! Но если бы ея дѣйствія ограничились одною интеллектуальною нашею стороною, то они оставляли бы насъ холодными: она доставляла бы холодное удовольствіе и ничего болѣе. Но она проникаетъ въ глубь нашего сердца и заставляетъ его возбуждаться, увлекаться. Новостію и неожиданностію звуковыхъ комбинацій, характеромъ, переходами звуковъ, контрастами она вызываетъ чувства новости, удивленія, возвышающагося иногда до чувства высокаго. Своимъ складомъ, быстротою или медленностію темпа, самымъ качествомъ звуковъ она навѣваетъ уныніе и грусть, будитъ сердце для тихой радости, заставляетъ насъ трепетать отъ восторга, вызываетъ бурную веселость, или настроиваетъ на серіозный задумчивый тонъ. Сковывая наше вниманіе своими гармоніями, она приводитъ въ состояніе сосредоточенія; возбуждая сердце, она смягчаетъ его, дѣлаетъ его болѣе доступнымъ для тихихъ впечатлѣній, утишаетъ его бури, настроиваетъ къ чувствамъ нѣжности и симпатіи. Возбуждая всего человѣка и услаждая его, она вводитъ гармонію въ его душу, уравновѣшиваетъ его дѣятельности, гармонизируетъ его состоянія. Въ такомъ всестороннемъ возбужденіи: физіологическомъ, интеллектуальномъ и сердечномъ, и заключается сущность эстетическаго дѣйствія на насъ музыки.

Эстетическія чувствованія, доставляемыя зрѣніемъ.

Зрѣніе доставляетъ намъ весьма разнообразныя эстетическія наслажденія. Природа прелестью своихъ ландшафтовъ, красотою разныхъ своихъ произведеній могущественно дѣйствуетъ на человѣка и даетъ ему разнообразные случаи къ наслажденію. Различныя искусства: архитектура, живопись, скульптура — пред-

ставляютъ міръ прекрасныхъ произведеній, услаждающихъ сердце человѣка. Но эти искусства, какъ и природа, дѣйствуютъ на насъ чрезъ зрѣніе: они увеселяютъ прежде всего нашъ взоръ. Для психолога поэтому здѣсь представляется вопросъ: что въ указанныхъ случаяхъ эстетически дѣйствуетъ на душу, къ какимъ простѣйшимъ эстетическимъ элементамъ можетъ быть сведена красота произведеній искусства и природы, дѣйствующихъ на зрѣніе.

Чрезъ органъ зрѣнія мы получаемъ, какъ извѣстно, двоякаго рода впечатлѣнія: мы ощущаемъ цвѣта и знакомимся съ фигурами предметовъ. Но къ цвѣтамъ и фигурамъ могутъ быть сведены всѣ впечатлѣнія, идущія къ намъ изъ природы и міра искусствъ и дѣйствующія на душу чрезъ зрѣніе. Въ скульптурѣ и архитектурѣ сущность созданій искусства состоитъ въ томъ, что они суть фигуры, способныя намъ нравиться красотою своихъ очертаній и своего строенія. Въ природѣ и живописи, сверхъ достоинствъ фигуры, имѣютъ значеніе и цвѣта, сочетанія ихъ, производящія благопріятное на насъ впечатлѣніе. Очевидно, чтобъ уяснить себѣ эстетическое дѣйствіе зрительныхъ впечатлѣній, мы должны прежде всего обратиться къ вопросу, что можетъ нравиться намъ въ краскахъ и фигурахъ предметовъ.

Эстетическія сочетанія цвѣтовъ.

Цвѣта, взятые изолированно, эстетическаго значенія не имѣютъ: отдѣльный цвѣтъ, при извѣстныхъ достоинствахъ, можетъ усиливать эстетическое дѣйствіе предметовъ: наприм. чистый и нѣжный зеленый цвѣтъ луга возвышаетъ красоту ландшафта, или нѣжный фонъ улучшаетъ видъ картины; но и здѣсь онъ дается вмѣстѣ съ образами предметовъ, въ сочетаніи съ другими цвѣтами и въ разныхъ оттѣнкахъ. Самъ же по себѣ онъ можетъ быть пріятенъ для зрѣнія, но и только: въ какую бы нѣжную краску ни было окрашено полотно, художественнаго въ немъ ничего нѣтъ. Прекрасными въ эстетическомъ смыслѣ цвѣта становятся, когда они даны въ сочетаніи съ другими цвѣтами, и поэтому необходимо разсмотрѣть, какія сочетанія ихъ могутъ быть признаваемы за эстетическія.

Несомнѣнно одно, что мы различаемъ обыкновенно эстетическія и не эстетическія сочетанія цвѣтовъ. Дамы стараются одѣваться со вкусомъ и не малою долею въ составъ его входитъ

умѣнье подобрать цвѣта въ платьяхъ, бантахъ и т. под. Когда платье отдѣлывается какою либо матеріей, нельзя выборъ цвѣта послѣдней предоставлять случаю: при данномъ цвѣтѣ платья цвѣтъ отдѣлки долженъ быть подходящій къ первому. Равнымъ образомъ, живописецъ не можетъ одѣвать фигуры своей картины въ какіе попало цвѣта: онъ долженъ согласовать ихъ между собою и съ общимъ фономъ. Мы любуемся нѣкоторыми цвѣтами въ природѣ и находимъ ихъ прекрасными: потому что въ нихъ мы встрѣчаемъ сочетаніе красокъ, пріятное для глаза. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы предполагаемъ, что существуетъ гармонія цвѣтовъ, и какъ одни сочетанія звуковъ находимъ гармоничными, а другія — дисгармоническими, такъ и нѣкоторыя сочетанія цвѣтовъ кажутся удачными, другія не удачными. Были попытки придти въ этомъ случаѣ къ обобщеніямъ: наприм. Лотце (Medicinische Psychologie s. 274. 1852) полагаетъ, что въ этомъ случаѣ имѣетъ приложеніе законъ дополнительныхъ цвѣтовъ; слѣдовательно, намъ нравится сопоставленіе тѣхъ цвѣтовъ, которые соединяясь могутъ давать бѣлый цвѣтъ. Таковы:

Красный и зеленовато-синій
Оранжевый и синій
Желтый и синій
Зеленовато-желтый и фіолетовый.

Факты до нѣкоторой степени подтверждаютъ вышеприведенную догадку: сочетаніе краснаго цвѣта съ зеленымъ намъ нравится, наприм. розовый цвѣтокъ, окруженный зелеными листьями, кажется прекраснымъ. Сочетаніе желтаго цвѣта съ фіолетовымъ въ нѣкоторыхъ предметахъ тоже нравится: наприм. занавѣсы желтаго цвѣта съ фіолетовымъ бордюромъ. Но можно сомнѣваться, имѣютъ ли эстетическую цѣну сочетанія оранжеваго съ синимъ и желтаго цвѣта съ синимъ; по крайней мѣрѣ, наши дамы едва ли допустятъ такія сочетанія въ своемъ костюмѣ. Если рядомъ съ синимъ цвѣтомъ еще и можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ допущенъ желтый, то сочетаніе оранжеваго съ синимъ положительно безвкусно.

Любопытно соотношеніе чернаго и бѣлаго цвѣтовъ ко всѣмъ другимъ. При главномъ черномъ или бѣломъ цвѣтахъ допустимы всѣ остальные и наоборотъ, съ любымъ главнымъ цвѣтомъ можно соединять какъ бѣлый, такъ и черный: наприм. черный или бѣлый цвѣтъ платья допускаетъ отдѣлку, банты, ленты ка-

кихъ угодно цвѣтовъ, также голубое, желтое и т. д. платье допускаетъ банты и отдѣлку чернаго и бѣлаго цвѣтовъ. Послѣдніе легко идутъ и одинъ къ другому: бѣлое бѣлье при черномъ сюртукѣ или черный галстукъ при бѣломъ платьѣ эстетически допустимы. При осложненіи сочетаній цвѣтовъ обобщенія становятся еще затруднительнѣй. Несомнѣнно, что одни сочетанія эстетически одобряются, другія нѣтъ, одни признаются безвкусными, другія — со вкусомъ. Какія же именно сочетанія безвкусны и какія нѣтъ — это сказать трудно. Кромѣ чрезвычайнаго разнообразія вкусовъ въ этомъ отношеніи, большую важность имѣетъ здѣсь родъ предметовъ, на которомъ цвѣта сочетаваются: что̀ допустимо на мебели, на обояхъ, то не всегда годится въ костюмѣ. Мы любуемся пестротою ковра гостинной, или зеленаго луга, испещреннаго разнообразными цвѣтами, но не станемъ дѣлать себѣ костюма изъ подобной пестрой матеріи.

Эстетическій характеръ фигуръ.

Не одни сочетанія цвѣтовъ имѣютъ для глаза эстетическій характеръ. Онъ можетъ наслаждаться и красотою образовъ, какъ наприм. мы удивляемся красотѣ произведеній природы, живописи, архитектуры и скульптуры. Какіе изъ элементовъ фигуръ имѣютъ преимущественное эстетическое значеніе?

Всякая фигура можетъ быть разсматриваема со стороны или очертанія или построенія. Въ первомъ отношеніи возникаетъ вопросъ объ эстетическомъ значеніи линій, во второмъ объ эстетическихъ элементахъ фигуры. Прежде всего что̀ касается линій, то обыкновенно кривая линія эстетичнѣе прямой. Картина въ овальной рамкѣ кажется красивѣй, чѣмъ въ прямоугольной: поэтому прямыя линіи въ рамахъ скрадываются карнизами, наугольниками и т. д. Въ произведеніяхъ природы, напр. животныхъ фигурахъ, твореніяхъ искусства: статуяхъ, образахъ живописи, признаваемыхъ эстетическими, тоже преобладаютъ кривыя линіи предъ прямыми. Комнаты овальной формы также производятъ большее впечатлѣніе, чѣмъ прямоугольной. Мѣшковатыя, неловкія движенія мы называемъ угловатыми, неграціозными. Итакъ кривая имѣетъ несомнѣнное эстетическое значеніе. Но и прямой до нѣкоторой степени нельзя отказать въ немъ: въ архитектурѣ она имѣетъ большее примѣненіе и цѣлый стиль

безспорно прекрасный (готическій) основанъ на преобладаніи ея; стрѣльчатыя колонны, башни, громоздящіяся однѣ на другія прекрасно изображаютъ пареніе благоговѣйной души къ небу.

Предметы могутъ нравиться намъ построеніемъ своей фигуры. Вообще говоря, правильныя геометрическія фигуры нравятся намъ болѣе неправильныхъ. Стоитъ только заглянуть въ учебники геометріи и сравнить на таблицѣ фигуръ правильные треугольники, многоугольники съ неправильными, чтобъ сейчасъ же замѣтить, что первые нравятся болѣе послѣднихъ. Но главнѣйшее условіе эстетическаго впечатлѣнія отъ предметовъ, со стороны ихъ строенія, есть ихъ симметрія. Различаютъ соразмѣрность вертикальную и горизонтальную. Послѣдняя состоитъ въ соотвѣтствіи и соразмѣрности сторонъ сложнаго предмета. Нарушеніе этого условія производитъ антихудожественное впечатлѣніе: представимъ себѣ зданіе, котораго одна сторона не соотвѣтствуетъ другой, ни по величинѣ ни по своему строенію. Вертикальная симметрія состоитъ въ пропорціональности частей предмета въ вертикальномъ направленіи. Эстетики говорятъ, что законъ пропорціональности можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: малая часть такъ должна относиться къ большей, какъ большая къ цѣлому. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что мы инстинктивно требуемъ отъ сложнаго предмета такой пропорціональности: наприм. высокая колокольня не можетъ быть раздѣлена на ярусы произвольной величины, не могутъ они быть, если ихъ болѣе двухъ, равны по величинѣ: самый малый (верхній) долженъ относиться къ самому большому (нижнему), какъ этотъ послѣдній къ цѣлой колокольнѣ; средній ярусъ тоже долженъ по величинѣ своей соотвѣтствовать другимъ, быть среднимъ пропорціональнымъ.

Требованіе соразмѣрности мы находимъ осуществленнымъ во всѣхъ сложныхъ произведеніяхъ природы и искусства, признаваемыхъ эстетическими. Не говоримъ объ архитектурѣ, которая шагу не можетъ сдѣлать, не удовлетворяя такъ или иначе этому требованію. Но въ природѣ животныя тѣла, въ живописи фигуры не могутъ быть признаваемы прекрасными, если они этому требованію неудовлетворяютъ. Красивыя животныя имѣютъ соразмѣрныя голову, шею, туловище, ноги. Тѣло человѣка, обыкновенно признаваемое за самую эстетическую фигуру, симметрично во всѣхъ отношеніяхъ. Правая и лѣвая стороны его, по внѣшности по крайней мѣрѣ, совершенно соотвѣтствуютъ

одна другой: затѣмъ и въ вертикальномъ направленіи, голова, туловище и ноги, тоже по идеѣ человѣческаго тѣла, должны быть взаимно соотвѣтственны: слишкомъ большая голова, хотя этотъ недостатокъ мы всего охотнѣе прощаемъ, потому что она принимается за знакъ присутствія въ человѣкѣ большихъ умственныхъ способностей, все-таки безобразитъ тѣло, равно безобразны коротвія или слишкомъ длинныя ноги, несоразмѣрно малая грудь или туловище. Тѣло мы находимъ граціознымъ и краснвымъ, когда оно во всѣхъ своихъ частяхъ совершенно пропорціонально. Такъ, идеалъ женской красоты, Мадонна Рафаеля, сложена въ высшей степени соразмѣрно. Мы простираемъ это требованіе на мелкія части тѣла: на руки, пальцы, носъ, ротъ, лобъ, уши и т. д. и привыкаемъ такъ скоро, почти безсознательно, оцѣнивать людей въ этомъ отношеніи, что одного взгляда на фигуру достаточно, чтобы сейчасъ же найти, соразмѣрно ли она сложена и что въ ней оказывается непропорціональнымъ.

И здѣсь мы замѣтимъ, что сказали прежде о дѣйствіи музыки на насъ. Пріятныя зрительныя впечатлѣнія, какъ и слуховыя, дѣйствуя только на одну чувственную нашу сторону, не стояли бы выше гастрономическихъ наслажденій; природа и пластическія искусства не возвышались бы тогда надъ кулинарнымъ и парфюмернымъ мастерствами. Первыя высятся надъ послѣдними тѣмъ что дѣйствуютъ главнѣе на интеллектуальную сторону. Внѣшняя симметрія не поражала бы насъ много, если бы за нею мы не видѣли внутренней гармоничности содержанія, стройности внутреннихъ силъ. Фигуры животныхъ и человѣка въ природѣ, живописи и скульптурѣ потеряютъ всякое значеніе, если отнять отъ нихъ внутреннія духовные образы, которыми мы ихъ одушевляемъ, съ которыми ихъ сравниваемъ, по соотвѣтствію съ которыми мы ихъ оцѣниваемъ. Какой смыслъ имѣли бы художественные стили въ архитектурѣ, если бы они не были символами мыслей и настроеній? Эту интеллектуальную сторону искусствъ и природы невозможно забывать, когда дѣло идетъ объ объясненіи эстетическаго дѣйствія природы и искусствъ на насъ чрезъ зрѣніе.

Эстетическія интеллектуальныя наслажденія.

Эстетическія удовольствія могутъ достигаться и не чувственнымъ путемъ. Многое является намъ прекраснымъ, дѣйствуя непосредственно на нашъ умъ. Обширный міръ поэзіи въ тѣсномъ

значеніи этого слова прекрасенъ не для внѣшнихъ чувствъ, а для ума. Когда мы читаемъ Пушкина, Тургенева, Гоголя, разумѣется наше зрѣніе тутъ не причемъ: важно то впечатлѣніе, которое они производятъ на умъ и душу, впечатлѣніе не чувственное, а интеллектуальное.

Анализировать упомянутое впечатлѣніе дѣло не легкое. Какъ дѣйствуетъ, чѣмъ возбуждаетъ наше сердце поэзія, какъ словесное искусство? Она возбуждаетъ, интересуетъ умъ своимъ содержаніемъ, она плѣняетъ умъ формою, въ которой это содержаніе ему представляется. Волнуя душу разнообразными чувствами, она заставляетъ ее переживать то смѣшное, то трагическое, то высокое.

Эстетическія стороны поэзіи: цѣнность содержанія.

Прежде всего поэзія можетъ доставлять удовольствіе цѣнностію своего содержанія. Все равно какъ въ живописи можно восторгаться необычайностію представленной сцены, сюжетомъ, независимо отъ его исполненія, такъ и умъ можетъ интересоваться, возбуждаться, находить непосредственное удовольствіе въ содержаніи. Чтобъ съ этой стороны дѣйствовать на умъ, у поэзіи существуютъ разнообразныя средства. Она изображаетъ намъ идеальную духовную красоту на всѣхъ ступеняхъ общественнаго служенія, въ семьѣ, вездѣ, гдѣ бы она ни встрѣчалась. Въ поэзіи воображеніе предлагаетъ намъ идеалы, которые для ума даютъ новыя идеи; въ нихъ она наводитъ умъ на новыя откровенія, догадки, предположенія, до которыхъ, предоставленный самому себѣ, онъ никогда не дошелъ бы. Одною формою поэтическое произведеніе нравиться не можетъ; пошлое содержаніе, обыкновенный, ни чѣмъ не замѣчательный сюжетъ, хотя бы уложившійся въ прекрасную форму, не произведетъ эстетическаго впечатлѣнія. Оттого романъ и драма стремятся заинтересовать читателя своимъ содержаніемъ: они представляютъ намъ или жизнь лицъ съ необыкновенными приключеніями (интрига романа, драмы), или необыкновенныя особенности характера, направленія, настроенія, склада мышленія и т. под, или ставитъ намъ дѣйствительность подъ новымъ угломъ зрѣнія, съ новой неожиданной стороны. Оттого первое условіе, которое мы почти инстинктивно ставимъ для поэтическаго произведенія,—до-

стоинство содержанія, интересъ его, и въ немъ только видимъ его raison d'etre. Если въ немъ нѣтъ никакой пищи для ума, если оно не наводитъ ни на какія размышленія, не будитъ въ насъ воспоминаній, не вызываетъ вопросовъ, не даетъ ни какихъ просвѣтовъ въ дѣйствительность, не вскрываетъ глубоко скрытыхъ пружинъ дѣйствительности, мы не придаемъ серіознаго ему значенія: оно кажется намъ хорошенькою игрушкою, не болѣе.

Красота формы.

Поэзія неограничивается тѣмъ, что возбуждаетъ умъ достоинствомъ представляемаго ею содержанія: она плѣняетъ насъ формою, въ какой его предлагаетъ. Форма эта разсчитана на двѣ главныхъ цѣли: вопервыхъ, чтобы произвести возможно глубокое впечатлѣніе на зрителя или читателя, и во 2-хъ, чтобы произведено было впечатлѣніе гармоніи и соразмѣрности.

Конечно, достоинство поэтическаго содержанія уже само по себѣ производитъ немалое впечатлѣніе. Но поэзія тѣмъ и отличается отъ простого историческаго или логическаго изложенія, что свое содержаніе предлагаетъ въ *извѣстной* формѣ, въ такой, которая оставляетъ глубокое впечатлѣніе. Даже обыкновенное, въ сущности не особенно важное, содержаніе поэзія облекаетъ въ такіе образы, представляетъ его въ такой послѣдовательности, что, ознакомившись съ нимъ, читатель выноситъ глубокое впечатлѣніе. Поэзія изображаетъ предметъ картинно и типично, для большей глубины впечатлѣнія намѣренно прибѣгаетъ къ контрастамъ, старается поразить читателя жизненною правдою изображенія (т. е. вѣрностію дѣйствительности).

Эстетическія стороны формы: картинность изображенія.

Поэзія дѣйствуетъ на насъ картинностію своихъ изображеній. Ея сила не въ логическихъ разсужденіяхъ, не въ доказательствахъ: напротивъ, если содержаніе поэтическаго произведенія изложить въ послѣдовательномъ логическомъ порядкѣ, обставить всевозможными основаніями, оно не произведетъ и сотой доли впечатлѣнія, какое производитъ въ поэтической формѣ.

Какъ результатъ творчества воображенія, она абстрактное содержаніе представляетъ намъ конкретно. Все равно, какъ въ живописи сложная историческая или бытовая сцена на полотнѣ наглядно сразу усвояется нашимъ умомъ и понятнѣе говоритъ ему, чѣмъ сказали бы сложныя и пространныя разсужденія о ней, такъ и въ поэзіи, вмѣсто абстрактныхъ разсужденій, дается образъ, картинно осуществляющій въ живыхъ конкретныхъ чертахъ абстрактное содержаніе. Сколько бы потребовалось разсужденій, чтобъ изобразить слой общества съ стремленіями Чичикова, или родъ личностей, со вкусами, взглядами, образомъ отношеній къ людямъ, представленный Гоголемъ въ Ноздревѣ, Собакевичѣ и т. п., на сколько бы книгъ достало аналитическихъ разборовъ ступеней и моментовъ развитія русской интеллигенціи, изображенныхъ Тургеневымъ въ Рудинѣ, Лаврецкомъ, Базаровѣ! И какъ легко въ этихъ диссертаціяхъ главное отошло бы на второстепенный планъ, типичное расплылось бы въ массѣ доказательствъ, анализовъ, дѣленій, опредѣленій. Вмѣсто всего этого художникъ ставитъ предъ нами образъ, живую личность; вмѣсто того, чтобы разсуждать о столкновеніи въ обществѣ разныхъ вкусовъ, стремленій, взглядовъ, онъ излагаетъ жизнь живыхъ людей — типовъ и мы ихъ видимъ на сценѣ или въ романѣ говорящими, дѣйствующими, волнующимися, страдающими и радующимися, любящими и ненавидящими. Эти образы, любимые или ненавидимые нами, вызывающіе въ насъ то восторгъ и удивленіе, то сожалѣніе и презрѣніе, эти сцены, гдѣ живыя личности сходятся, сталкиваются, обманываютъ другихъ и сами обманываются, мирятся и т. д. глубоко впечатлѣваются въ нашу душу. Тогда какъ абстрактныя разсужденія, холодно принятыя умомъ, исторгшія у него холодное согласіе съ собою, легко забываются, съ конкретными образами память не разстается надолго, иногда на вѣки, и мало того, живость впечатлѣнія возбуждаетъ даже воображеніе къ самодѣятельности и оно начинаетъ разрисовывать поразившую насъ сцену на всевозможныя манеры въ различныхъ направленіяхъ. Живая и наглядная сама по себѣ, она еще болѣе оживляется нашимъ собственнымъ воображеніемъ.

Контрасты.

Дѣйствіе образовъ поэзія увеличиваетъ еще контрастами. Мы говорили о контрастахъ въ музыкѣ: они удвояютъ силу музыкальнаго впечатлѣнія. Контрастомъ свѣта и тѣни въ обширныхъ размѣрахъ пользуется и живопись: она употребляетъ контрасты въ композиціи сценъ, выставляя рядомъ рубище и порфиру, хижину и дворцы и т. под. Поэзія также прибѣгаетъ къ сопоставленію контрастовъ. Захватывая въ своихъ изображеніяхъ слои общества, моменты развитія его со всѣми сложными обстоятельствами, изображая духовную жизнь въ разнообразныхъ ея движеніяхъ, настроеніяхъ, поэзія по необходимости сопоставляетъ противоположности общественныя, политическія, психическія, моральныя. Она рисуетъ складъ мыслей и стремленій бѣднаго нищаго класса и рядомъ изображаетъ богатый классъ въ его стремленіяхъ и образѣ мыслей. Она усугубляетъ впечатлѣнія, противопоставляя консерватора либералу, аскета распущенному свѣтскому человѣку, честнаго дѣятеля безчестному взяточнику, благородную не потерявшую вѣру въ добро юность съ изжившею энергію добрыхъ стремленій старостію, чиновника, заматорѣвшаго въ предписаніяхъ и отношеніяхъ, государственному дѣятелю, сухость и дѣловитость мущины сантиментальности женщины, наивность ребенка пониманію взрослаго человѣка, свѣта и тѣней жизни. Одну она красность оттѣняетъ и разъясняетъ другою. Самодурство купца намъ представляется рельефнѣй, когда рядомъ съ нимъ является беззащитная забитость, не смѣющая сказать ни единаго слова протеста. Честныя стремленія, противопоставленныя своекорыстному эгоизму, выдѣляются съ большею ясностію и отчетливостію, чѣмъ безъ этого противопоставленія. Поэтическая картина не есть собраніе какихъ ни случилось образовъ: они сопоставляются, соединяются въ одно цѣлое, чтобы взаимно оттѣнять, выяснять, дѣлать рельефнѣе одинъ другой. Умѣнье такъ сопоставлять подробности содержанія и есть искусство. Этимъ путемъ оно усиливаетъ впечатлѣніе и во многихъ случаяхъ, чрезъ искусное сопоставленіе контрастовъ, доходитъ до потрясающихъ эффектовъ.

Конкретность образовъ и контрасты содѣйствуютъ глубинѣ впечатлѣнія. Читатель или слушатель гораздо сильнѣе переживаетъ его, чѣмъ еслибы оно было дано въ иной формѣ. Онъ

принимаетъ душою дѣятельное участіе въ изображаемомъ содержаніи: радуется и печалится, ненавидитъ и любитъ, наслаждается и страдаетъ вмѣстѣ съ героями поэзіи. Сильныя движенія сердца, страданія борьбы, паденія, горя и радости, изображаемыя фантазіей, становятся для зрителя или читателя ихъ собственными состояніями. Подъ глубокимъ обаяніемъ впечатлѣній, возбужденія души доходятъ до степени потрясенія. Мы переживаемъ состояніе за состояніемъ, движеніе за движеніемъ столь быстро и глубоко, какъ только въ рѣдкіе моменты дѣйствительной жизни. Уже по этой глубинѣ доставляемыхъ поэзіей впечатлѣній, въ противоположность вялымъ и поверхностнымъ, такъ какъ они очень привычны намъ, возбужденіямъ обыкновенной дѣйствительности, люди съ жадностію бросаются на театръ, на романы, на лирическія произведенія: они обѣщаютъ имъ ускоренную жизнь.

Но эти впечатлѣнія, идущія отъ поэзіи, становятся особенно цѣнными для насъ потому, что мы признаемъ ихъ за вѣрное отраженіе дѣйствительности, потому что они въ совокупности своей представляютъ одно цѣлое, гармоническое и соразмѣрное въ своихъ частяхъ.

Вѣрность дѣйствительности.

Мы цѣнимъ поэтическія произведенія, потому что въ нихъ видимъ вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности. Уже было нами говорено, что, хотя фантазія свободна въ своемъ творчествѣ, она не можетъ по произволу нарушать условія всякой возможности. Она должна во многихъ случаяхъ удовлетворять условіямъ физической, исторической и во всѣхъ случаяхъ психологической возможности. Особенно послѣдняя должна быть соблюдена даже и тогда, когда изображается міръ чисто фантастическій. Созданія воображенія, безсмысленныя и противорѣчащія всѣмъ условіямъ дѣйствительности (если только возможны), не могутъ имѣть эстетическаго, да и никакого значенія. Слѣдовательно, болѣе или менѣе, но всегда мы желаемъ видѣть въ произведеніяхъ воображенія дѣйствительность, иногда улучшенную и менѣе горькую, чѣмъ въ реальномъ мірѣ. Въ самомъ сказочномъ мірѣ мы видимъ изображеніе реальной послѣдовательности душевныхъ движеній, естественной смѣны мыслей,

представленій и чувствъ, и ребенокъ, слушающій сказки, видитъ въ нихъ движеніе той же духовной жизни, которую онъ наблюдаетъ въ себѣ и другихъ. Тѣ же поэтическія произведенія, которыя изображаютъ намъ реальный міръ, непремѣнно должны не только удовлетворять всѣмъ условіямъ реальной возможности, но и глубоко захватывать этотъ міръ, воспроизводить его. Отъ всякого такого произведенія мы требуемъ, чтобъ оно дышало жизненною правдою. Въ герояхъ романа, драмы мы желаемъ встрѣчать лицъ не только возможныхъ, но и типически, въ родовомъ смыслѣ, выражающихъ классы, слои людей, или выдающіяся въ общественномъ смыслѣ особенности, взгляды, стремленія. Мы желаемъ, чтобъ герои были не абстрактными лишь выразителями всего этого, но чтобъ имѣли для насъ полноту конкретности, были живыми личностями, плоть отъ плоти нашей и кость отъ кости. Созданія поэзіи мы находимъ въ той мѣрѣ прекрасными, въ какой они удовлетворяютъ этому требованію. Евгеній Онѣгинъ, Татьяна Пушкина, Максимъ Максимычъ Лермонтова, Рудинъ, Базаровъ Тургенева, Пьеръ Безухій Толстаго, Раскольниковъ Достоевскаго — это все живыя личности и притомъ выразители направленія и движеній общества въ извѣстные моменты его развитія.

Что же собственно мы цѣнимъ въ такихъ созданіяхъ воображенія? Еще Аристотель въ своей Поэтикѣ высказался, что искусство возникло изъ стремленія къ познанію и что удовольствіе, находимое въ его произведеніяхъ, есть удовольствіе познанія: въ живописныхъ изображеніяхъ наприм. мы съ удовольствіемъ признаемъ образъ того или другого предмета. Великій философъ былъ близокъ къ истинѣ. Почему намъ нравится картина? потому что въ ней мы находимъ вѣрное воспроизведеніе лицъ, предметовъ природы, и чѣмъ вѣрнѣе, правдивѣе живописное изображеніе, тѣмъ художественно-прекраснѣй мы находимъ картину. Такъ же мы относимся и къ поэтическимъ картинамъ. Въ романистѣ и драматистѣ мы удивляемся наблюдательности, прозорливости, съ какими они подмѣчаютъ черты въ людяхъ, движенія въ обществѣ, мы уважаемъ и любимъ ихъ правдивость, мы цѣнимъ жизненность ихъ образовъ и картинъ. Но съ другой стороны, въ этомъ эстетическомъ впечатлѣніи есть и удовольствіе познанія. Поэтическіе образы не суть только копіи съ дѣйствительности: тогда было бы простое удвоеніе ея, что не имѣло бы смысла, такъ какъ рефлексія и безъ того

стремится познать реальный міръ, и конечно, это дѣло сдѣлаетъ лучше, чѣмъ воображеніе. Какъ живопись не есть фотографія и хотя послѣдняя вѣрнѣе воспроизводитъ реальныя фигуры, чѣмъ первая, однако остается ниже ея и не можетъ замѣнить живописи, такъ и поэтическая картина есть не повтореніе дѣйствительности, а воспроизведеніе ея. Она устраняетъ случайныя черты и обстоятельства, все, что для главнаго интереса картины не нужно, и беретъ реальность въ ея существенныхъ, общихъ чертахъ, въ ея вѣчныхъ основахъ: она изображаетъ не случайную капризность событій, не исключительную рѣдко повторяющуюся обстановку ихъ, не капризъ желаній и стремленій человѣческихъ, а ту неизбѣжность, необходимость ихъ сцѣпленія, которая проходитъ, какъ красная нить, чрезъ всю прихотливую случайность общественныхъ и личныхъ событій, и придаетъ имъ закономѣрность. Въ этомъ смыслѣ искусство не только представляетъ намъ дѣйствительгость, но и объясняетъ ее, только не абстрактно, а конкретно. Какъ въ общихъ понятіяхъ мы имѣемъ краткіе конспекты многоразличныхъ фактовъ, ключъ къ пониманію цѣлыхъ разрядовъ ихъ, такъ въ поэтическихъ образахъ, конкретныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющихъ общее значеніе, мы имѣемъ ключъ къ пониманію, окружающей насъ, реальности. Поэзія не только объясняетъ намъ ее, она намъ даетъ иногда откровенія. За суетою обыденныхъ заботъ, погруженные въ міръ практическихъ цѣлей, или увлекшись спеціальными занятіями, или отъ тренія съ пошлою дѣйствительностію притупившіе свое вниманіе, мы пропускаемъ многіе факты безъ вниманія: являются въ обществѣ новыя теченія, стремленія, склады мыслей, настроенія, стеченія обстоятельствъ, къ которымъ мы остаемся глухи и слѣпы. Наблюдательный поэтъ часто открываетъ намъ многозначительныя стороны жизни, онъ поучаетъ и просвѣщаетъ насъ относительно окружающаго насъ общества. Не говоримъ уже о тѣхъ, не частыхъ правда, случаяхъ, когда силою творческаго генія художникъ начертываетъ идеалъ, поучительный и новый для своихъ современниковъ. Такимъ образомъ въ эстетическомъ впечатлѣніи отъ поэтическаго изображенія несомнѣнно есть удовольствіе познанія: именно жизненная правда его поучаетъ, удивляетъ и услаждаетъ насъ.

Художественная цѣльность.

Художественное произведеніе эстетически дѣйствуетъ на насъ и своею цѣлостностію. Мы удивляемся прекрасной картинѣ, какъ сложному цѣлому, объединяющему въ себѣ разнообразное содержаніе: наприм. сложный сюжетъ историческаго факта изображается такъ, что картина въ цѣломъ производитъ цѣльное впечатлѣніе. Мы хвалимъ романиста за его умѣнье превращать разныя картины жизни въ одну цѣлую общую картину. Ряды сценъ, необъединенныхъ одною идеей, не связанныхъ въ одно цѣлое, хотя бы отдѣльно взятыя сцены были и недурны, не произведутъ одного художественнаго впечатлѣнія.

Что же значитъ эта эстетическая цѣльность? Прежде всего она означаетъ полноту содержанія въ произведеніи. Отъ художественной картины невозможно ничего отнять и нельзя ничего прибавить къ ней, не искажая ее. Читая „Войну и Міръ“ Толстаго читатель чувствуетъ, что ни одной сцены нельзя прибавить къ ней и нѣтъ въ ней лишнихъ, ненужныхъ подробностей. Слѣдовательно, такія произведенія заключаютъ въ себѣ все существенное, потребное для развитія идеи художника, и столько случайнаго содержанія, сколько нужно для оттѣненія и характеристики главнаго. Затѣмъ, эстетическая цѣлостность означаетъ равновѣсіе въ содержаніи. Это есть пропорціональность частей, внутренняя симметрія произведенія. Какъ отъ обширнаго зданія требуется, чтобъ оно удовлетворяло требованіямъ симметріи, такъ и отъ сложнаго художественнаго произведенія требуется, чтобы въ немъ была соблюдена мѣра. Эстетическая соразмѣрность состоитъ прежде всего въ простомъ равновѣсіи частей. Если въ романѣ дается рядъ картинъ, то нельзя по произволу, слагая изъ многихъ звѣньевъ непрерывную цѣпь событій, объемъ однихъ звѣньевъ увеличивать, нисколько не соображаясь съ объемомъ другихъ; нельзя романисту, рисующему дѣйствующихъ въ разсказѣ лицъ, сосредоточиваться исключительно на одномъ, оставляя другихъ въ совершенной тѣни. Такая соразмѣрность въ эстетическомъ произведеніи то же, что логическая соотвѣтственность частей въ доказательствахъ оратора, въ системѣ, разсужденіи и т. д. Но произведеніе должно осуществлять высшую соразмѣрность, которая требуетъ, чтобъ мѣсто каждой подробности, размѣръ ея развитія опредѣлялась

значеніемъ ея для главной идеи, ея внутреннею цѣнностію. Не та картина соразмѣрна, въ которой всѣ лица сцены являются одинаковаго размѣра, и всѣмъ имъ дано одинаковое положеніе: это была бы нарисованная толпа, а не картина, но та, въ которой главнымъ лицу и дѣйствіямъ дано выдающееся первое мѣсто, а остальныя лица размѣщены по ихъ значенію для характеристики сцены. Эта симметрія глубоко нарушается, когда второстепеннымъ и неважнымъ подробностямъ придается мѣсто, значеніе и размѣры наравнѣ съ главными: тогда произведеніе превращается въ фотографическій снимокъ, если только не просто въ сборникъ de rebus omnibus.

Преимущественно же сущность эстетической цѣльности условливается присутствіемъ идеи, связывающей различныя части въ одно организованнное цѣлое. Только она одна въ состояніи придать произведенію истинное единство: какъ живая душа, проникая во всѣ члены тѣла, оживотворяетъ ихъ и превращаетъ тѣло въ организмъ, такъ и идея даетъ живую связь частямъ произведенія, превращаетъ ихъ въ истинное цѣлое. Безъ нея нѣтъ художественнаго созданія: отнимите отъ „Войны и Міра“ идею вѣяній и движеній, совершающихся въ народныхъ массахъ, производимыхъ высшею силою, и вы отнимете душу отъ этого произведенія: она животворитъ романъ и оттого онъ производитъ впечатлѣніе одной цѣлой эпопеи великаго времени. Если откинуть идею Шекспира въ Королѣ Лирѣ, идею страждущаго величія, принужденнаго людскою неблагодарностію влачить рубища — что останется? рядъ сценъ безъ смысла и плана. Посему, у кого нѣтъ идеи, кому нечего высказывать, тотъ не можетъ быть истиннымъ, а тѣмъ болѣе великимъ художникомъ. Она не только дастъ связь частямъ произведенія, она поможетъ автору выполнить и требованіе симметричности: она подска[illegible], какое значеніе должна имѣть та или другая подробность и слѣдовательно, какое слѣдуетъ дать ей мѣсто въ картинѣ или произведеніи: ею опредѣляется, что должно оказаться лишнимъ и не нужнымъ для цѣлаго, что существеннымъ.

Если симметричность въ художественномъ произведеніи только нравится, то живое впечатлѣніе отъ него, охватывающее душу, должно отнести, конечно, на долю идеи, создающей изъ частей одно цѣлое. Читатель или зритель, благодаря ей, выноситъ изъ знакомства съ произведеніемъ одно цѣльное впечатлѣніе, господствующее надъ всею душою. Онъ не остается послѣ него

въ какомъ то мракѣ, будучи не въ состояніи дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. Онъ представляетъ себѣ ясную картину, освѣщенную съ выгодной стороны, къ разумѣнію которой онъ обладаетъ ключемъ и въ которой онъ легко опознается. Многочисленныя подробности его не утомляютъ: у него есть руководящая нить, по которой въ своей душѣ онъ всегда можетъ до нихъ добраться. Такая цѣльность и производитъ глубокое эстетическое возбужденіе; она оставляетъ въ душѣ впечатлѣніе гармоніи содержанія.

Разобранныя нами эстетическія впечатлѣнія суть самые общіе элементы искусства, дѣйствующіе на сердце интеллектуальнымъ путемъ. Достоинствомъ содержанія, картинностію и типичностію формы, контрастами, вѣрностію изображенія дѣйствительности искусство стремится произвести глубокое и сильное впечатлѣніе; цѣлостностію формы, и содержанія оно производитъ впечатлѣніе гармоніи на наше сердце. До нѣкоторой степени всякое произведеніе, имѣющее претензію на художественность, должно стремиться удовлетворять этимъ требованіямъ, будетъ ли оно картиною, статуей или разсказомъ, романомъ и т. д. Теперь мы обратимся къ болѣе спеціальнымъ интеллектуальнымъ эстетическимъ впечатлѣніямъ, которыя намъ даетъ преимущественно искусство; одни изъ нихъ даются поэзіей и живописью, другія исключительно поэзіей. Таковы впечатлѣнія: эпическое, лирическое, трагическое и комическое, чувство высокаго; при этомъ постараемся разъяснить преимущественно ихъ психологическую сторону.

Эпическое впечатлѣніе.

Намъ нѣтъ нужды останавливаться на опредѣленіи того, что слѣдуетъ разумѣть подъ эпосомъ. Теорія словесности къ нему относитъ произведенія безсознательнаго народнаго творчества: сказки, былины, пѣсни о давно прошедшихъ событіяхъ и т. под. Неподражаемыми первообразами эпическихъ произведеній служатъ безсмертныя пѣсни Гомера, Иліада и Одиссея. Такія созданія поэзіи возбуждаютъ въ душѣ эпическое впечатлѣніе. Но и многія другія поэтическія произведенія могутъ давать его и мы говоримъ иногда, что такой то романъ, разсказъ оставляютъ въ насъ впечатлѣніе эпопеи; такъ мы говоримъ, когда желаемъ особенно оттѣнить эстетическое достоин-

ство извѣстныхъ произведеній: наприм. мы воздаемъ самую высшую хвалу „Война и Міръ“ Толстаго, когда говоримъ, что его разсказъ есть какъ бы величественная эпопея 1812 года.

Въ чемъ же заключается сущность эпическаго впечатлѣнія? Что въ эпическихъ произведеніяхъ такъ художественно дѣйствуетъ на нашу душу и что въ нихъ есть обаятельнаго для насъ?

Эти созданія поэзіи дѣйствуютъ на насъ свѣжестію и наивностію своего міросозерцанія, чрезвычайною объективностію изложенія событій, грандіозностію картинъ, развертывающихся въ нихъ, мѣрностію и спокойнымъ ритмомъ изображаемыхъ въ нихъ событій.

Свѣжесть и наивность эпическаго міросозерцанія.

Въ эпосѣ мы встрѣчаемся съ міросозерцаніемъ, далекимъ отъ нашего, во многомъ противоположнымъ ему. Въ нашемъ міровоззрѣніи абстрактныя понятія преобладаютъ вообще надъ конкретными представленіями. Благодаря чрезмѣрному развитію рефлексіи, мы отрываемся отъ дѣйствительности, теряемъ чутье реальности. Съ успѣхами цивилизаціи въ нашихъ практическихъ убѣжденіяхъ является много условнаго, много предразсудковъ и предубѣжденій на почвѣ искусственныхъ условій жизни и не нормальныхъ привычекъ. Такой условный и искусственный міръ отражается въ нашемъ искусствѣ: и въ поэзіи мы анализуемъ и оцѣниваемъ впечатлѣнія по абстрактнымъ образцамъ и на природу и на человѣческія отношенія смотримъ сквозь призму своихъ убѣжденій Совсѣмъ иное мы видимъ въ эпосѣ. Онъ изображаетъ впечатлѣнія, какъ они дѣйствуютъ на человѣческую душу, когда между ею и внѣшнимъ міромъ нѣтъ преграды абстрактныхъ понятій и разныхъ общественныхъ предразсудковъ. Въ этомъ міровоззрѣніи отвлеченныя понятія, сохраняютъ связь съ конкретными образами, отъ которыхъ произошли: ихъ конкретное значеніе еще не забылось: отношеніе къ природѣ, взглядъ и понятія о жизни, людяхъ — наивны. Дѣйствующіе въ русскихъ былинахъ и пѣсняхъ Гомера герои производятъ впечатлѣніе дѣтей, не потерявшихъ всей прелести наивности, простоты и свѣжести. Въ нихъ слышится любовь къ жизни, прямое отношеніе къ ней и нѣтъ слѣдовъ изнѣженности

нашего вѣка, изношенности, столь частой въ наше время, двоевѣрія и раздора съ самимъ собою, почти неизбѣжныхъ въ современномъ образованномъ человѣкѣ. Кромѣ своего непосредственнаго достоинства, это міросозерцаніе производитъ на насъ глубокое впечатлѣніе своимъ контрастомъ нашимъ убѣжденіямъ и взглядамъ. Слѣдовательно, здѣсь дѣйствуетъ на насъ уже знакомый намъ художественный элементъ-контрастъ.

Объективность изображенія.

Эпосъ дѣйствуетъ на насъ своею объективностію. Именно потому, что онъ наивно относится къ природѣ, представляетъ ее и общественныя отношенія конкретно, онъ объективенъ въ изображеніи жизни природы и человѣка. Онъ рисуетъ ее, какъ она отражается въ простой незагроможденной абстрактами душѣ. Онъ не набрасываетъ на событія ни какой тѣни или особой краски, смотря по вкусу и различію настроеній разсказывающаго, какъ это дѣлается въ твореніяхъ, принадлежащихъ опредѣленному лицу. Субъективности въ изображеніяхъ фактовъ и обстановки ихъ въ эпосѣ нѣтъ: какъ будто сами событія фотографически изобразились въ немъ, по скольку они наблюдались *всѣми* при самомъ своемъ совершеніи, по скольку они отражались въ самыхъ дѣйствующихъ въ эпическомъ разсказѣ лицахъ. Знакомясь съ нимъ, мы становимся какъ бы наблюдателями событій и почти забываемъ, что они все таки разсказываются намъ кѣмъ то по воспоминанію. Разскащика мы тутъ не видимъ и его нигдѣ нельзя открыть, ни въ тонѣ разсказа, ни въ сочувствіи или ненависти къ тому или другому лицу, ни во взглядѣ на событія. Таково впечатлѣніе выносимое изъ нашихъ народныхъ былинъ, особенно изъ пѣсенъ Гомера, какъ будто исторія гнѣва Ахилла или возвращеніе Одиссея записались сами собою. Такая объективность изложенія есть, конечно, идеалъ художественнаго творчества.

Эта объективность изображенія событія производитъ глубокое впечатлѣніе. Мы переносимся душою въ эпическій своеобразный и для насъ оригинальный міръ, мы переживаемъ самыя событія, мы вступаемъ въ самое общество героевъ и богатырей и съ ними какъ бы совершаемъ ихъ чудесныя похожденія. Между нами и ими нѣтъ впечатлѣній разскащика, нѣтъ завѣсы, скры-

вающей факты и дозволяющей видѣть лишь то, съ чѣмъ онъ хотѣлъ знакомить своихъ слушателей. Эпическая объективность насъ увлекаетъ почти до полной иллюзіи, т. е. до готовности принять изображеніе за дѣйствительность. Такой полноты впечатлѣнія не даетъ намъ никакой другой родъ художественныхъ произведеній.

Грандіозность эпическихъ картинъ.

Мы сказали, что эпосъ дѣйствуетъ на насъ иногда грандіозностію своихъ картинъ. Впечатлѣніе грандіозности то же самое, которое мы называемъ чувствомъ высокаго. О немъ мы будемъ говорить ниже особо и потому здѣсь анализировать этого впечатлѣнія не будемъ. Мы только констатируемъ, что эпосъ часто возбуждаетъ его. Такъ, грандіозны картины Иліады, этой исторіи борьбы боговъ и людей, изображенія величайшей доблести человѣческой въ Гекторѣ и Андромахѣ, величайшаго мужества Ахилла и дружбы Патрокла. Богатырскій эпосъ въ нашихъ былинахъ возбуждаетъ чувство высокаго, рисуя намъ бытъ великановъ, незнавшихъ никакихъ для себя препятствій. Особенно же это чувство будится сѣдою стариною, изображаемою въ эпосѣ: онъ вводитъ насъ въ жизнь глубочайшей древности, къ которой мы подходимъ съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ смотримъ на остатки живыхъ существъ давнихъ геологическихъ эпохъ.

Эпическое спокойствіе и эпическій ритмъ.

Наконецъ, эпическая поэзія дѣйствуетъ на насъ своимъ спокойствіемъ, ритмичностію состояній и событій, ею изображаемыхъ. Въ ней изображаются событія природы, дѣйствія и состоянія живыхъ существъ, но изображаются особымъ образомъ. Мы уже говорили, что она даетъ міросозерцаніе, полное конкретнаго содержанія, непресыщенное абстрактами, и потому не оторванное отъ дѣйствительности. Это обстоятельство можетъ объяснить намъ, что собственно слѣдуетъ разумѣть подъ эпическимъ спокойствіемъ и ритмичностію, равно какъ и то, откуда берутся эти особенности эпоса. Такъ какъ содержаніе его составляетъ жизнь, близкая къ природѣ, не утонченная и не извращенная цивилизаціей, то въ ней мы не встрѣчаемъ

внутренняго раздора, скептическаго отношенія лицъ къ вѣрованіямъ и собственнымъ стремленіямъ. Эпическое лицо, испытывая извѣстное состояніе, отдается ему всею душою, безхитростно; внѣшнія впечатлѣнія прямо находятъ въ его душѣ естественный себѣ отзывъ. Съ наивною и довѣрчивою душою, эпическое лицо не переживаетъ, столь частаго въ образованномъ человѣкѣ, нагроможденія разнообразныхъ чувствъ, стремленій и мыслей, изъ сплетенія которыхъ трудно найти какой нибудь выходъ. Нѣтъ нужды, что эпическое лицо переживаетъ бурныя движенія гнѣва, страха, стыда, дружбы и т. д., что оно обнаруживаетъ энергію и настойчивость стремленій. Но какъ въ абсолютно чистомъ сосудѣ волненіе чистой воды не уничтожаетъ ея прозрачности, такъ и эпическое лицо, при всей силѣ переживаемой въ сердцѣ бури, не теряетъ ясности души. Въ немъ нѣтъ современной сложности душевной жизни, но чувствуется своего рода простота; событія не выбиваютъ лица изъ его обычнаго круга дѣятельности, не заставляютъ измѣнять себѣ; оно не утрачиваетъ ни при какихъ душевныхъ движеніяхъ внутренняго равновѣсія и психическій центръ тяжести не перемѣщается въ немъ такъ быстро и рѣшительно, какъ въ людяхъ образованныхъ эпохъ. Именно эта сторона лицъ эпической поэзіи и производитъ на насъ впечатлѣніе всегдашняго душевнаго спокойствія и душевной ясности. Этимъ характеромъ ихъ объясняется, почему эпическія событія имѣютъ особый тактъ, свой ритмъ. Эпосу не извѣстны ни въ природѣ ни въ жизни порывистость и нервность движеній: какъ широкая и глубокая рѣка течетъ ровно, спокойно, такъ и въ немъ событія смѣняются ровнымъ, спокойнымъ чередомъ. Какъ при медленномъ тактѣ въ музыкѣ каждому звуку дается свое мѣсто и время и каждый представляется звѣномъ непрерывной цѣпи, такъ и въ эпосѣ событія не торопятъ одно другое, не мѣшаютъ взаимно, какъ будто эпическій разсказчикъ имѣетъ въ запасѣ довольно времени, чтобъ распредѣлять его по событіямъ, сколько каждому требуется. Оттого въ эпосѣ мы замѣчаемъ ровный кадансъ событій, своего рода тактъ. Изображая ясныя движенія и впечатлѣнія души, эпосъ развиваетъ ихъ, какъ поступаетъ и музыка при изображеніи подобнаго содержанія, въ спокойномъ темпѣ и простомъ тактѣ. И дѣйствіе на насъ эпоса въ этомъ отношеніи нужно объяснять себѣ также, какъ въ свое время, говоря о музыкѣ, мы объясняли дѣйствіе на душу спокойнаго темпа и простого такта.

И такъ эпосъ весьма разнообразно дѣйствуетъ эстетически на интеллектъ. Онъ возбуждаетъ его и вмѣстѣ услаждаетъ наивностію и свѣжестію своего міросозерцанія, объективностію своего изображенія, грандіозностію своихъ картинъ, спокойствіемъ и естественностію состояній, имъ изображаемыхъ, равно какъ особеннымъ своимъ ритмомъ въ смѣнѣ событій. Понятно, что не во всякомъ родѣ эпическихъ произведеній эти качества непремѣнно есть (наприм. въ баснѣ ихъ всего менѣе) и конечно, противъ насъ возможно побѣдоносно возражать, что не во всякой сказкѣ и былинѣ всѣ они найдутся. Но вѣдь наша задача здѣсь — разобрать эстетическое впечатлѣніе отъ эпическихъ произведеній. Есть многія басни, сказки, былины, лишенныя всякого эстетическаго значенія; они эпическія для теоріи словесности, но не для эстетики, и конечно, намъ невозможно, при анализѣ эстетическаго впечатлѣнія отъ эпоса, имѣть въ виду такіе образцы его, въ которыхъ ничего эстетическаго нѣтъ, которые только любопытны для этнографіи, филологіи, исторіи, но не плѣняютъ и не услаждаютъ ничьего сердца. Замѣтимъ еще, что эпическія впечатлѣнія выносятся не отъ однихъ собственно эпическихъ произведеній, но ихъ могутъ оставлять въ душѣ читателя романы и въ нѣкоторыхъ случаяхъ драмы. Кто станетъ отрицать, что „Капитанская дочка“, „Борисъ Годуновъ“ Пушкина, „Война и Міръ“ Толстаго производятъ именно эпическое впечатлѣніе? И что мы подразумѣваемъ въ этомъ выраженіи, какъ не то, что они чрезвычайно объективно, въ грандіозныхъ размѣрахъ, изображаютъ прошлыя событія, простыя свѣжія чувства и что въ ихъ изображеніи отражается величественный и медленный темпъ исторіи.

Лирическое впечатлѣніе.

Въ чемъ состоитъ эстетическое дѣйствіе лирическихъ произведеній. Никто не станетъ спорить, что они производятъ иное впечатлѣніе, чѣмъ эпосъ, трагедія, комедія. Они составляютъ особый самостоятельный родъ поэзіи, конечно, не потому, что они отрывочны, кратки, и что для нихъ теоретики нашли особое мѣсто въ системѣ, не нашедши удобнымъ отнести ихъ къ упомянутымъ родамъ. У нихъ есть свой raison d'être въ самостоятельности впечатлѣнія, производимаго на душу читателя или слушателя.

Лирическое впечатлѣніе не условливается непремѣнно формою произведенія. Послѣднее можетъ быть стихотворенiемъ и прозаическимъ отрывкомъ: говоримъ же мы о лирическихъ страницахъ романа, или проповѣди, или разсужденія, рѣчи и т. под. Далѣе, лирическое произведеніе дѣйствуетъ не качествами своей формы: изящество образовъ, красота стиха, предложеній или періодовъ, мѣткость выраженія — все это конечно усугубляетъ лирическое дѣйствіе, но не есть лиризмъ. Полуграмотное письмо простолюдина, можетъ вызвать глубокое лирическое впечатлѣніе, и напротивъ, его можетъ не оказаться послѣ изящныхъ, гладкихъ стиховъ. Форма здѣсь имѣетъ только второстепенное значеніе.

Главное въ лирическомъ произведеніи — его содержаніе. Оно имѣетъ прямое отношеніе къ чувству, къ сердцу. Движенія ума, какъ бы тонко не изображались, какъ ни новы и ни любопытны могли-бъ быть его выводы, взгляды, въ какихъ бы отдѣланныхъ стихахъ ни высказывались, не сдѣлаютъ произведенія лирическимъ. Движенія гнѣва, любви, дружбы, страха, наслажденія, религіозныя и моральныя возбужденія, — чувствованія въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, вотъ матеріалъ для лирическихъ изображеній. Они непремѣнно должны быть согрѣты чувствомъ: лирикъ можетъ изображать или самое чувство, его психическій поводъ, послѣдствіе, или умственныя движенія подъ его вліяніемъ, или движенія воли, но мотивированныя чувствомъ, или тѣлесныя обнаруженія чувства и т. д. Онъ можетъ брать тонкіе оттѣнки чувствъ, гармонію, дисгармонію и контрастъ ихъ, но всегда долженъ помнить, что только въ чувствѣ можетъ быть raison d'être лирическаго произведенія. Не переживъ самъ извѣстнаго волненія, не согрѣваясь имъ въ минуту своего вдохновенія, онъ не въ состояніи будетъ выразить его вѣрно, глубоко и картинно: когда истиннаго чувства не достаетъ въ поэтѣ, онъ всегда будетъ производить лишь подобія лиризма, въ которыхъ сразу для всякого замѣтно, что они произошли изъ головы, а не отъ сердца.

Что же именно переживается нами, когда мы находимся подъ дѣйствіемъ лирическихъ произведеній? Мы сами возбуждаемся сердцемъ и переживаемъ изображаемыя чувствованія: радость и горе, гнѣвъ, любовь, страхъ, религіозныя и моральныя чувствованія и т. д. Живо представляя поводы къ извѣстному чувствованію, его обстановку, самъ переживая его, поэтъ ярко изображаетъ его въ словѣ, придаетъ своему языку пате-

тическій характеръ и тѣмъ неотразимо дѣйствуетъ на своего слушателя или читателя.

Но отчего же лиризмъ производитъ впечатлѣніе прекраснаго? Одна причина общеэстетическая — заключается въ формѣ, въ которой оно изображается. Языкъ лирическій долженъ отличаться оригинальностію, выразительностію, изяществомъ, образы, вызываемые имъ въ душѣ, должны быть вѣрными выразителями чувства и т. д. Главная, эстетически дѣйствующая здѣсь, причина заключается въ глубинѣ впечатлѣнія, вызываемаго лирическимъ произведеніемъ. Глубокія впечатлѣнія, особенно отъ болѣе или менѣе цѣннаго содержанія, намъ обыкновенно нравятся: они волнуютъ нашу душу, потрясаютъ ее, возбуждаютъ ея энергію и живость, даютъ толчокъ умственной дѣятельности. Лирика обладаетъ огромными средствами для глубокаго впечатлѣнія: она пользуется контрастами, говоритъ языкомъ чувства, даетъ пластическій образъ возникновенія и развитія его, выраженія въ въ тѣлѣ, его отзвуковъ въ мысляхъ и стремленіяхъ. Въ какой мѣрѣ мы симпатизируемъ поэту и повторяемъ въ себѣ чувства, имъ изображаемыя, въ такой степени глубоко онъ дѣйствуетъ на насъ. За это мы и цѣнимъ лирическія произведенія, и называемъ ихъ прекрасными, эстетическими.

Чувство трагизма. Характеристика его.

Лирическая поэзія изображаетъ чувство въ его отрывочности и какъ бы случайности; трагедія изображаетъ чувство, по скольку оно необходимо развивается изъ извѣстнаго стеченія и связи обстоятельствъ. Не тѣмъ только трагедія отличается отъ лирическаго произведенія, что предметъ ея исключительно страданія живого существа: и лирика съ успѣхомъ можетъ изображать страданіе, горе, грусть, печаль; но въ самомъ отношеніи къ чувству трагика и лирика есть различіе. Первый беретъ то или другое чувство просто какъ фактъ и довольствуется описаніемъ обнаруженій и послѣдствій его, или изображаетъ вмѣстѣ съ чувствомъ и поводы къ нему въ окружающей человѣка обстановкѣ, но не входитъ въ подробности послѣдней, смотря на нее, только какъ на случайный поводъ къ извѣстному чувству. Трагикъ разсматриваетъ его въ необходимой связи съ причинами его, по скольку оно неизбѣжно развивается изъ

даннаго состава обстоятельствъ. Оттого лирикъ не обязанъ заниматься развитіемъ, исторіей чувства: его задача (если только можно говорить въ этомъ случаѣ о намѣренно поставленныхъ задачахъ), изобразить чувство такъ, чтобъ оно повторилось въ душѣ читателя или слушателя; трагикъ, напротивъ, долженъ разсказать исторію развитія и усиленія чувства изъ фактовъ и обстоятельствъ: онъ изображаетъ чувство въ его неизбѣжности и фатальности, а не случайности.

Составъ трагическаго чувствованія.

Въ чемъ же состоитъ трагизмъ впечатлѣнія? изъ какихъ элементовъ онъ слагается?

Во 1-хъ, въ немъ несомнѣнно есть чувство состраданія, вызываемое въ насъ видомъ страданій живого существа. Къ благороднымъ свойствамъ человѣческаго сердца относится между прочимъ его способность живо сочувствовать страданіямъ ближнихъ и вообще другихъ живыхъ существъ. Видъ истиннаго страданія невольно вызываетъ въ человѣкѣ болѣе или менѣе живое сочувствіе и состраданіе. Трагедія выводитъ на сцену такихъ лицъ, которыя не могутъ не вызывать въ насъ упомянутаго чувства. Она изображаетъ существа, борющіяся съ дѣйствительностію, угнетаемыя ею, и потому страдающія. Мы сочувствуемъ Прометею, прикованному къ скалѣ за похищеніе огня съ неба и дарованіе его людямъ, Эдипу, которому велѣніемъ судьбы предопредѣлено было совершить тяжкія преступленія. Мы сочувствуемъ благородному человѣку борющемуся съ коварствомъ, злобою, эгоизмомъ окружающей его среды и тяжко оттого страдающему. Чувство состраданія, вызываемое трагедіей, увеличивается еще особенно потому, что страдающее существо есть нравственная сила, сама по себѣ достойная лучшей участи, что страданія ея, въ сущности, не заслуженны или составляютъ наказаніе, слишкомъ не соразмѣрное съ виною страдающаго. Трагедія возбуждаетъ въ насъ это чувство и во все продолженіе своего развитія поддерживаетъ его; мало того, съ развитіемъ дѣйствія это чувство идетъ crescendo. Представивъ своего героя въ затруднительныхъ и стѣсненныхъ обстоятельствахъ, трагедія заставляетъ насъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ ихъ въ такомъ притомъ направленіи, что грозныя обстоятельства,

окружающія героя, все растутъ и растутъ, отраженіе ихъ въ его сердцѣ становится все сильнѣе и тяжелѣе, бѣды и несчастія все увеличиваются и наконецъ достигаютъ maximum'a, за которымъ должна послѣдовать неминуемая катастрофа. Соотвѣтственно и чувство состраданія идетъ въ уровень съ напряженіемъ обстоятельствъ и усиленіемъ въ героѣ чувства несчастія.

Во-2-хъ, въ чувствѣ трагическаго есть волненіе ужаса. Несчастія, съ которыми въ трагедіи борются живыя существа, вызываютъ въ зрителѣ чувство ужаса. Аристотель еще замѣтилъ, что трагедія возбуждаетъ въ зрителѣ чувство страха за себя, такъ какъ несчастіямъ трагическаго характера можетъ подвергнуться всякій. Можно съ нимъ согласиться, что въ трагическомъ впечатлѣніи есть вообще чувство страха, но едва ли онъ эгоистическаго характера, т. е. что зритель боится подвергнуться подобнымъ личнымъ тяжкимъ несчастіямъ. Это ужасъ предъ дѣйствительностію, тяжкою для живого существа, предъ мученіями, кажущимися невыносимыми. Обстановка страданій, видимая или воображаемая, представляется грозною, подавляющею и она возбуждаетъ страхъ за существо, которое она давитъ: съ содраганіемъ сердца мы помышляемъ о фатальной встрѣчѣ обстоятельствъ, ведшей Эдипа отъ преступленія къ преступленію, о неблагодарности и жестокости людской, доведшей Лира до рубища и сумы и т. д. Впечатлѣніе ужаса при этомъ бываетъ тѣмъ сильнѣй, чѣмъ неожиданнѣй представляются несчастія, постигшія живое существо, какъ для него самого, такъ и для сторонняго наблюдателя. Предвидѣнное горе и бѣдствіе встрѣчаются менѣе тягостно, потому что, если и невозможно принять мѣры къ ихъ устраненію, по крайней мѣрѣ, есть возможность къ нимъ приготовиться. Въ трагедіи бѣдствіе за бѣдствіемъ, одно другого неожиданнѣй, падаетъ на голову несчастнаго, поражая ужасомъ его и зрителя.

Наконецъ, трагическія впечатлѣнія будятъ въ душѣ и чувство высокаго. Трагическое положеніе существуетъ только для нравственной силы: ея непоколебимость среди обуревающихъ ее бѣдъ, несокрушимость никакими несчастіями вызываютъ въ наблюдателѣ чувство удивленія. Поэтому, во 1-хъ, трагическое лицо, чтобъ быть таковымъ, должно непремѣнно представлять собою нравственную силу. Преступникъ, попадающійся въ руки полиціи на мѣстѣ преступленія и ссылаемый въ Сибирь, есть не-

счастное, но не трагическое лицо. Спекуляторъ, разорившійся на биржевой игрѣ, достоинъ сожалѣнія, но не годится для трагедіи. Во 2-хъ, эта моральная сила не должна уступать напору враждебныхъ силъ, должна остаться цѣлостною и не измѣнившею себѣ; стоя на извѣстной нравственной высотѣ, она не должна подаваться, сходить съ нея. Человѣкъ, страждущій за свои убѣжденія и остающійся непоколебимымъ въ нихъ, хотя бы они и не раздѣлялись нами, справедливо вызываетъ въ насъ удивленіе къ себѣ и чувство высокаго. Оттого, мученики христіане, за свои христіанскія убѣжденія шедшіе на всевозможныя мученія, растерзываемые звѣрями, усѣкаемые мечами, суть трагическія лица, даже въ язычникахъ возбуждавшія чувство высокаго: своею непоколебимостію среди мученій они многихъ увлекали ко Христу. Не выдержавшіе до конца, по невыносимости мученій сдѣлавшіеся отступниками ни малѣйшаго чувства высокаго не возбуждаютъ и ихъ судьба вовсе не представляется намъ трагическою.

Трагическое впечатлѣніе, какъ всякое другое, увеличивается еще отъ контрастовъ, которыми пользуется искусство и которые встрѣчаются и въ жизни. Высокая нравственная сила является иногда среди самой недостойной обстановки, она окружается коварствомъ, недоброжелательностію, неблагодарностію, грубымъ эгоизмомъ; сравнительно съ окружающею безнравственностію, безкорыстіе и самоотверженіе, вѣрность своимъ убѣжденіямъ являются какъ необыкновенная моральная мощь. Художественный контрастъ въ трагедіяхъ встрѣчается и въ другомъ видѣ. Мы наблюдаемъ неравенство борьбы между слабымъ индивидуумомъ и мойрою, необходимостію, съ которою и боги не воюютъ, какъ это представляется въ классическихъ трагедіяхъ, или неравную борьбу съ средою, въ которой дѣйствуетъ благородная личность, борьбу съ обществомъ, его предразсудками, страстями, эгоизмомъ, фанатизмомъ и т. д. Съ одной стороны, предъ нами слабая личность, съ другой — громадная сила среды, ея огромная наступательная энергія, ея непобѣдимая косность, ея уничтожающее давленіе на все ей противустоящее: катастрофа, гибель личности представляется при такихъ обстоятельствахъ ни чѣмъ неотвратимою.

Дѣйствіе трагизма на душу.

Если бы трагедія возбуждала лишь состраданіе и ужасъ, она была бы исторіей необыкновенныхъ страданій и только возмущала бы человѣческое сердце, недоставляя ему ни малѣйшаго успокоенія, не умиротворяя его. Тогда къ страданіямъ дѣйствительнымъ, которыхъ полна жизнь, трагическое искусство присоединяло бы еще воображаемыя, которыя не менѣе первыхъ тяготили бы зрителей. При такихъ условіяхъ едва ли нашлись бы охотники увеличивать свои страданія, и трагическія представленія были бы невозможны. И не затѣмъ публика идетъ въ театръ, чтобы любоваться чужими страданіями, и эгоистически радоваться, что чаша бѣдствій касается другихъ людей, а не ихъ— зрителей. Очевидно, послѣдніе ищутъ другого чего то, что составляетъ послѣдній результатъ трагедіи и что непріятнымъ быть не можетъ. Шекспировскія и классическія трагедіи отпускаютъ зрителей умиротворенными и нравственно лучше, чѣмъ какими они вступили въ театръ —и эти то послѣдствія мирятъ насъ съ трагедіей и заставляютъ высоко цѣнить трагическое искусство. Умиротвореніе дается зрителю въ чувствѣ высокаго, возбуждаемомъ въ немъ трагическимъ зрѣлищемъ. Какъ созерцаніе величественныхъ явленій въ природѣ возвышаетъ духъ, какъ бы приподнимаетъ его надъ обыкновенною рутиною впечатлѣній, такъ и созерцаніе великой нравственной силы возвышаетъ душу. И такъ какъ моральная сила, при всемъ трагическомъ своемъ положеніи, не измѣняетъ себѣ, несетъ крестъ страданій, но не уничтожается и не преклоняется предъ внѣшними давленіями, то съ трагическаго зрѣлища мы уносимъ съ собою мысль о моральномъ величіи и непобѣдимости его матеріальными силами. Сознавая въ себѣ моральную силу, мы успокоиваемся на мысли, что есть у насъ достояніе, ни кѣмъ не крадомое, ни чѣмъ не уничтожимое. Съ другой стороны, велико дѣйствіе и чувства состраданія, возбуждаемаго трагическимъ зрѣлищемъ. По существу своему составляя отрицаніе эгоизма, оно очищаетъ душу. Сострадая чужимъ бѣдствіямъ, мы забываемъ о самихъ себѣ, мы сходимъ съ обыкновеннаго эгоистическаго пути дѣятельности, вызываемъ въ себѣ самыя благородныя волненія. Эта трехчасовая, или хотя бы минутная, жизнь внѣ сферы грубыхъ самолюбивыхъ интересовъ, даетъ силу лучшимъ инстинктамъ че-

ловѣческой природы и какъ мы сказали, очищаетъ духъ, дѣлаетъ его лучшимъ, чѣмъ какимъ онъ былъ до того.

Трагизмъ въ жизни и исторіи.

Не одно лишь искусство можетъ доставлять человѣку такія трагическія впечатлѣнія. Состраданіе, ужасъ и чувство высокаго могутъ возбуждать событія, съ которыми встрѣчаемся въ жизни и исторіи. Мы говоримъ о трагическихъ моментахъ въ жизни, о трагическихъ герояхъ исторіи, о трагическихъ событіяхъ. Образъ Христа, распятаго на крестѣ, безвинно страждущаго, но до конца испивающаго чашу страданій, всегда возбуждалъ чувство состраданія и чувство ужаса къ книжникамъ, фарисеямъ и архіереямъ іудейскимъ, а главное, чувство высокаго, возникающаго въ религіозной душѣ при мысли о не обыкновенной моральной силѣ, остающейся великою до самаго момента смерти. Въ этомъ смыслѣ Христосъ есть въ высшей степени трагическое лицо. Трагизмъ его увеличивается отъ сильнѣйшихъ контрастовъ въ его положеніи: безконечно важныя услуги человѣчеству и такая неблагодарность, Божественное достоинство и такое поруганіе, уничиженіе, любовь къ врагамъ и такое жестокосердіе послѣднихъ, нравственная высота Богочеловѣка и такая сердечная низменность окружающихъ его лицъ, начиная съ отрекшагося апостола. И такъ какъ трагическія впечатлѣнія возвышаютъ и очищаютъ душу, то церковь установила цѣлую седмицу для воспоминанія послѣднихъ дней жизни Христа. Въ исторіи мы встрѣчаемъ трагическихъ лицъ: напр. есть много трагическаго въ нашемъ Петрѣ В., въ Наполеонѣ, въ Саванаролѣ, въ протопопѣ Аввакумѣ, Никонѣ и мн. др. Оттого, не смотря на различіе нашихъ вкусовъ и убѣжденій отъ взглядовъ упомянутыхъ лицъ на дѣла и вещи, мы привлекаемся и чувствуемъ состраданіе къ нимъ.

Чувство комизма. Поводъ къ нему.

Комическое впечатлѣніе возбуждается несоотвѣтствіемъ формы съ содержаніемъ, долженствующаго быть съ тѣмъ, что есть, диспропорціональностію средствъ и цѣлей.

Въ главѣ о воображеніи мы уже говорили, что оно намѣренно иногда вводитъ диспропорціональность между формою и содержаніемъ. Иногда оно важному и торжественному содержанію даетъ форму не важнаго, не серіознаго и трактуетъ его въ этомъ смыслѣ; иногда же обыкновенному, пошлому содержанію придаетъ форму великаго, необыкновеннаго, торжественнаго. Въ одномъ случаѣ, содержаніе намѣренно умаляется противъ его дѣйствительнаго достоинства, въ другомъ—оно раздувается, увеличивается противъ настоящей своей цѣны. Первая форма представленія есть сатирическая, ироническая, вторая юмористическая. Обѣ онѣ вызываютъ въ насъ смѣхъ: въ томъ и другомъ случаѣ содержаніе является не въ той формѣ, въ какой бы ему слѣдовало.

Смѣшнымъ кажется также несоотвѣтствіе между цѣлями и средствами. Комиченъ тотъ, кто, имѣя три рубля въ карманѣ, задумалъ бы строить Сибирскую желѣзную дорогу, съ мизернымъ умомъ принялся бы за разрѣшеніе труднѣйшихъ задачъ, предводительствуя сотнею человѣкъ, предпринялъ бы завоеваніе большого государства, все равно какъ смѣшна лягушка желающая раздуться до величины вола. Но также смѣшны мученія горъ, рождающихъ мышь, или усилія человѣка, гоняющагося за мухой съ обухомъ. Смѣшное впечатлѣніе производитъ человѣкъ, несоотвѣтствующій занимаемому имъ положенію, принятой имъ на себя задачѣ. Оттого смѣшонъ ребенокъ, разыгрывающій роль великаго человѣка, смѣшны полководецъ, актеръ, профессоръ безъ дарованій, кажущіеся ниже всякой критики.

Слѣдовательно, комическое впечатлѣніе въ концѣ концовъ основывается на контрастѣ: форма противоположная содержанію, средства, составляющія контрастъ съ цѣлію, фактъ противоположный тому, чѣмъ должно быть явленіе — вотъ на что сводятся поводы къ чувству комизма.

Составъ чувствованія комизма.

Гораздо труднѣе объяснить субъективную сторону комическаго впечатлѣнія. Какъ и трагизмъ, комизмъ есть чувство весьма сложное. Комическое производитъ въ насъ впечатлѣніе чего то мизернаго, низменнаго. Въ смѣхѣ можетъ отзываться какъ ненависть, такъ и любовь. Наконецъ, комическое всегда кажется

намъ забавнымъ. Переживая это чувство, мы находимся въ сложномъ состояніи и дѣло анализа разложить его на болѣе простые элементы.

Во 1-хъ, въ комическомъ чувствѣ есть непремѣнно чувство чего то мизернаго, низменнаго, малаго. Какъ существуетъ чувство высокаго, о которомъ рѣчь будетъ ниже, такъ существуетъ и чувство малаго, мизернаго. Первое возникаетъ, когда мы встрѣчаемся съ предметами, чрезвычайно удивляющими, даже поражающими насъ своимъ объемомъ или энергіей, второе можетъ возникать, когда мы встрѣчаемся съ малыми, ничтожными по своимъ размѣрамъ и своей энергіи впечатлѣніями. Въ комическомъ содержаніи мы находимъ много поводовъ къ возбужденію такого чувства. Въ немъ именно дается намъ контрастъ между тѣмъ, что есть, и что должно быть, несоотвѣтствіе цѣлей со средствами, между формою и содержаніемъ. Когда мы смѣемся надъ сатирическимъ изображеніемъ серіознаго лица, послѣднее намъ является малымъ и мизернымъ въ этомъ сатирическомъ образѣ; когда читаемъ юмористическое изображеніе у Диккенса и Теккерея школъ, гостинныхъ и клубовъ, какъ мизерны и пошлы кажутся намъ они въ этихъ торжественныхъ, важныхъ картинахъ. Какъ малъ кажется человѣкъ, съ десятькомъ рублей задумавшій строить милліонный домъ, или цѣлый полкъ выведенный для того, чтобы овладѣть однимъ человѣкомъ и т. д. Оттого смѣющійся всегда становится выше того, надъ кѣмъ онъ смѣется: онъ третируетъ его свысока, а предметъ смѣха кажется ниже того, что онъ есть. Смѣхъ дѣйствительно роняетъ лицо, ставшее предметомъ его. И чѣмъ человѣкъ или предметъ почтеннѣе, выше, тѣмъ, разумѣется, чувствительнѣй паденіе. Поэтому никто не подвергаетъ себя охотно посмѣянію: ибо никто не желаетъ казаться хуже, чѣмъ онъ есть, или чѣмъ бы желалъ казаться.

Во 2-хъ, комическое содержаніе вызываетъ въ насъ чувство веселости, забавы. Контрастъ, составляющій сущность комическаго содержанія, забавляетъ насъ; намъ кажется страннымъ, что мы видимъ предметы, вещи, дѣйствія въ особой обстановкѣ, въ такомъ необычномъ соотношеніи: забавнымъ кажется человѣкъ глупый, берущійся рѣшить квадратуру круга, забавно видѣть огромныя усилія, не производящія ничего или очень мало; забавляетъ насъ низменное положеніе высокаго лица, котораго мы совсѣмъ не привыкли видѣть въ подобныхъ условіяхъ.

Мы находимъ такое удовольствіе въ смѣлыхъ уподобленіяхъ и противоположеніяхъ, составляющихъ сущность всякого остроумія. Когда остроумный человѣкъ анализируетъ предъ нами предметы съ неожиданной для насъ стороны, между тѣмъ какъ мы привыкли разсматривать ихъ какъ различные, и наоборотъ, противополагаетъ предметы, для рефлексіи только сходные, или когда остроуміе придаетъ особое игривое освѣщеніе событіямъ не для того, чтобъ ихъ основательно анализировать, разъяснять, а только чтобы сопоставить въ оригинальной связи и порядкѣ, мы забавляемся умственно также, какъ намъ весело смотрѣть на комнату, улицу, освѣщаемыя бенгальскими огнями: въ новомъ необычномъ цвѣтѣ вещи кажутся намъ забавными. Комическое впечатлѣніе несомнѣнно доставляетъ намъ удовольствіе именно тѣмъ, что оно кажется игривымъ и причудливымъ. Юмористическая форма изображенія всегда кажется намъ игривою, какъ бы непрерывною шуткою съ изображаемыми предметами.

Наконецъ, комическое содержаніе имѣетъ отношеніе къ нѣжнымъ чувствованіямъ: любви и отрицанію ея, ненависти (одному изъ видовъ гнѣва). Оно болѣе или менѣе будитъ эти чувствованія, такъ что и ихъ непремѣнно слѣдуетъ считать входящими въ составъ комическаго впечатлѣнія. Комическая форма изображенія можетъ быть проникнута любовію и нѣжностію къ предмету его. Юморъ особенно уживается съ такимъ чувствомъ. Диккенсъ юмористично изображаетъ жизнь и приключенія Давида Копперфильда, но во всемъ романѣ слышится сочувствіе къ герою, къ окружающимъ его голоднымъ, полуобразованнымъ, забитымъ грязью и бѣдностью существамъ, въ его смѣхѣ слышится глубокое состраданіе и любовь къ нимъ. Теккерей въ Приключеніяхъ Пенденниса смѣется надъ своимъ героемъ, надъ Костаганомъ, мистеромъ Пенденнисомъ, но онъ несомнѣнно ихъ любитъ. Мать смѣется надъ проказами и шалостями сына, но въ ея смѣхѣ слышится глубокая любовь къ проказливому дѣтищу. Такой смѣхъ мы называемъ доброжелательнымъ, любовнымъ. Съ другой стороны, комическое изображеніе можетъ быть проникнуто ненавистію, т. е. затаеннымъ гнѣвомъ, къ изображаемому содержанію. Писатель можетъ написать злую сатиру на народъ, котораго не любитъ: онъ представитъ его въ комическомъ ненавистномъ видѣ. Можетъ быть злая сатира на лицо, на складъ жизни, на политическое устройство и т. д. Разумѣется, можетъ быть и злобный юморъ: напр. тѣже Теккерей и

Диккенсъ съ ненавистью изображаютъ фэшенебельный кругъ, клубныхъ джентльменовъ, зачерствѣвшихъ негоціантовъ (Домби), или сухихъ, неспособныхъ къ серіозному чувству актрисъ (Миссъ Элори въ Пенденнисѣ, Бэкки Шарпъ въ Базарѣ житейской суеты). Такой смѣхъ мы называемъ въ разныхъ случаяхъ злобнымъ, язвительнымъ, обиднымъ, бичующимъ, безжалостнымъ. Смѣясь надъ своимъ предметомъ, авторъ при этомъ ненавидитъ его, услаждается тѣмъ, что изображаетъ его въ низменной формѣ и стремится сообщить свою ненависть тѣмъ лицамъ, для кого онъ предназначаетъ свое изображеніе. Въ комическомъ изображеніи можетъ слышаться грусть. Это чувство относится, какъ мы увидимъ ниже, къ категоріи нѣжныхъ чувствованій и развивается при потерѣ нѣжно любимаго существа: груститъ напр. мать, потерявшая любимое дитя, мужъ, потерявшій жену. Изображая въ комическомъ свѣтѣ народъ или лица, авторъ, въ силу своей любви къ нимъ, скорбитъ душою, что долженъ представить ихъ въ такомъ комичномъ видѣ. Изображая пороки и слабости общества въ типахъ, сочетавая стороны общественной жизни, ея вкусы, обычаи, взгляды въ одно комическое цѣлое, авторъ можетъ сознавать при этомъ, что всѣ эти образы, къ сожалѣнію, вѣрны, что комическія картины жизни, въ сущности правдивы, что народная и общественная жизнь въ своихъ уклоненіяхъ отъ нормы дѣйствительно подтверждаетъ сатиру на нее; сострадая этому народу и любя его, сознавая себя однимъ изъ дѣятелей этой жизни, авторъ не можетъ не чувствовать грусти. Отецъ слушая про комическія проказы сына, смѣется, но и груститъ, что дѣятель въ этомъ случаѣ есть его сынъ. Гоголь говоритъ про незримыя міру слезы, которыя скрываются за смѣхомъ: смѣясь надъ уродливостями и безобразіями русской жизни, онъ тосковалъ за любимую Русь, горевалъ, что въ ней существуетъ столько безобразія. Это смѣхъ горькій, грустный.

Сопоставленіе чувствованій: комизма и трагизма. Два вида комизма.

Сравнивая комическое впечатлѣніе съ трагическимъ, мы не можемъ не замѣтить, съ одной стороны, противоположности и съ другой — сходства ихъ по типу состава. Какъ то, такъ и другое чувство сложны и составныя состоянія ихъ, хотя взаимно про-

тивоположны, образуютъ однородныя группы: чувства великаго и мизернаго, состраданіе и ненависть, ужасъ и чувство забавы. Чувство высокаго и низменнаго, великаго и малаго такъ очевидно противоположны, но вмѣстѣ и однородны, что на нихъ нѣтъ нужды останавливаться. Чувству состраданія въ трагическомъ соотвѣтствуетъ въ комическомъ ненависть: впрочемъ, она возбуждается только однимъ видомъ смѣха — злобнымъ, ядовитымъ; въ горькомъ и доброжелательномъ смѣхѣ можетъ также слышаться родственная чувству состраданія любовь. Ужасъ трагическаго впечатлѣнія замѣняется въ комическомъ чувствомъ веселости, забавы. Можно ли назвать чувство веселой забавы противоположнымъ ужасу? Намъ кажется, да: только это чувство есть прямая противоположность страха. Ужасъ и страхъ возникаютъ отъ мысли о предстоящей угрожающей или неминуемой опасности. Живое существо сознаетъ себя подавленнымъ громадою внѣшняго предмета или событія; оно помышляетъ только о своемъ спасеніи, бѣжитъ отъ впечатлѣнія. Противоположное этому состоянію будетъ не мужество, которое есть собственно борьба съ опасностію, не смотря на страхъ ею возбуждаемый, слѣдовательно, только отрицаніе ея, а такое состояніе, при которомъ человѣкъ какъ бы играетъ съ внѣшнимъ впечатлѣніемъ, забавляется имъ, овладѣваетъ имъ, даетъ ему, по своей фантазіи, произвольныя формы. Это и есть чувство забавы, веселости, присущее комизму. Въ немъ мы не страшимся впечатлѣнія, а забавляемся имъ. Оттого, комическія формы изображенія чего бы то ни было всегда производятъ впечатлѣніе, что авторъ ихъ какъ бы шутитъ съ дѣйствительностію, беретъ ее не серіозно и фамиліарничаетъ съ предметами, которыхъ касается. Это настроеніе относительно изображаемой дѣйствительности сообщается и читателю: и въ немъ является настроеніе, при которомъ ему кажется, что онъ присутствуетъ при игрѣ, забавѣ и самъ принимаетъ въ нихъ участіе.

Сопоставленіе комизма и трагизма приводитъ насъ къ заключенію, что существуетъ два вида комизма. Одинъ по всѣмъ своимъ составнымъ частямъ совершенно противоположенъ трагизму, есть не только отрицаніе его, но и противоположное утвержденіе. Другой — сближается съ трагизмомъ, ибо подобно послѣднему возбуждаетъ чувства состраданія и любви. Присутствіемъ этого чувства объясняется умиротворяющее дѣйствіе

нѣкоторыхъ комическихъ произведеній. Злая сатира, зложелательный смѣхъ раздражаетъ, добродушный юморъ — успокоиваетъ. Напряженное состояніе, возбужденное въ зрителѣ такого рода комедіей человѣческой жизни, находитъ себѣ разрѣшеніе въ нѣжныхъ чувствахъ, ею же возбужденныхъ, т. е. мягкихъ и теплыхъ волненіяхъ человѣческаго сердца. Между тѣмъ бичующій смѣхъ — въ концѣ концовъ производитъ лишь чувство презрѣнія къ изображаемому объекту: это чувство сухое и раздражительное: оно только растравляетъ сердце. Понятно, что такая комическая форма нравственно допустима въ отношеніи лишь безспорно низкихъ личностей, хотя бы онѣ прикрывались внѣшнимъ лоскомъ, или безспорно вредныхъ и дурныхъ сторонъ общественной жизни. Понятно также, почему юмористъ и сатирикъ первой формы могутъ держать на многое, что для комика второй формы будетъ лишь посягательствомъ: во имя любви, можно осуждать все, что кажется дурнымъ, во имя презрѣнія можно говорить только о томъ, что абсолютно достойно его, и то невозможно при этомъ обойтись безъ оскорбленія живыхъ личностей. Область достойнаго презрѣнія гораздо меньше дурного вообще.

Взглядъ языка на комизмъ.

Что нашъ анализъ комическаго вѣренъ — это подтверждается и языкомъ, чутко подмѣчающимъ различныя стороны чувствъ вообще. Комическое мы отождествляемъ съ смѣшнымъ: что комично, то возбуждаетъ въ насъ смѣхъ, и на оборотъ, чему мы смѣемся, то комично. Какой же смыслъ даемъ мы слову смѣяться и какъ мы его употребляемъ? Мы тотчасъ увидимъ, какъ комическое чувство понимается и опредѣляется мудрѣйшимъ изъ психологовъ — языкомъ.

Когда, напримѣръ, слабый и немощный человѣкъ попадаетъ въ комическое положеніе и вызываетъ смѣхъ дѣтей надъ собою, мы замѣчаемъ, что въ этомъ случаѣ имъ слѣдовало бы не смѣяться, а пожалѣть немощь. Здѣсь смѣхъ мы противополагаемъ жалости, состраданію. Но жалости противополагается недоброжелательство, злорадство, ненависть. Слѣдовательно, здѣсь смѣхъ мы отождествляемъ съ нелюбовью, которая, какъ мы видѣли, можетъ входить въ чувство комизма.

Мы говоримъ о насмѣшкѣ: напр. копированіе движеній кого

либо въ смѣшномъ видѣ признаемъ насмѣшкою; вообще когда кто изображаетъ извѣстное лицо въ смѣшномъ видѣ, мы говоримъ, что онъ насмѣхается надъ послѣднимъ. Насмѣшкѣ мы противополагаемъ величаніе, уваженіе: въ нѣкоторыхъ случаяхъ говоримъ, что не насмѣхаться, а уважать такое то лицо слѣдовало бы. Слѣдовательно, мы понимаемъ подъ смѣхомъ въ данномъ случаѣ презрѣніе, признаніе предмета, надъ которымъ смѣемся, за мизерный, малый. Это чувство малаго, родственное презрѣнію, мы тоже признали входящимъ въ составъ комизма.

Мы противополагаемъ смѣшной разсказъ скучному, вообще серіозному. Наслушавшись серіозныхъ и скучныхъ рѣчей, мы жаждемъ послушать чего-либо смѣшного. Что же въ этомъ случаѣ мы разумѣемъ подъ смѣхомъ? Веселость, забаву, которыя тоже входятъ въ комическое чувство.

Фактъ что слова: смѣхъ, смѣяться, смѣшное, употребляются въ разныхъ значеніяхъ, показываетъ, что комизмъ есть чувство сложное и что въ цѣломъ онъ содержитъ въ себѣ упомянутыя состоянія. Смотря по потребностямъ минуты, языкъ, какъ это онъ и всегда дѣлаетъ съ словами, имѣющими нѣсколько значеній, или обозначающими сложныя понятія, выдвигаетъ на видъ то одно то другое то третье значеніе смѣха. Это не значитъ, что въ извѣстный моментъ слову дается только одно значеніе и устраняются всѣ другія. Эти другія значенія смѣха остаются при немъ во всѣхъ случаяхъ, но въ одинъ моментъ выдвигается на видъ одинъ смыслъ, въ другой — другой: наприм. когда говорятъ, что слѣдовало бы не смѣяться, а пожалѣть, то этимъ указываютъ, что ненависть и злорадство здѣсь неумѣстны, веселость же и чувство мизернаго здѣсь не осуждаются, и потому сознаніе говорящаго на нихъ особенно и не останавливается. Или, когда говорятъ, что не смѣяться, а почитать и уважать слѣдовало бы, то осуждается чувство мизернаго, тонъ презрѣнія въ смѣхѣ, а не элементъ веселости, которая сама по себѣ безобидна. Наконецъ, когда мы жалуемся на неумѣстность шутки и смѣха, то сознаніе наше останавливается преимущественно на чувствѣ веселости и забавы, на его не умѣстности въ виду наприм. несчастія, гроба, торжественности дѣйствія, святости мѣста и т. д. Это не значитъ, чтобъ въ упомянутомъ смѣхѣ не было другихъ сторонъ комизма: онѣ могутъ быть, но указывается, что главный контрастъ къ обстановкѣ составляютъ не онѣ, а веселость и забава.

Главный элементъ комизма.

Изъ элементовъ комическаго чувства первенствующее значеніе принадлежитъ элементу веселости и забавы. Онъ составляетъ главное содержаніе комизма и безъ него послѣдній не былъ бы тѣмъ, что онъ есть. Смѣхъ можетъ быть безъ любви и ненависти; труднѣе ему отрѣшиться отъ чувства низменнаго, потому что когда мы смѣемся надъ лицомъ, учрежденіемъ, явленіемъ, мы неизбѣжно ихъ трактуемъ свысока; тѣмъ не менѣе комическое впечатлѣніе, хотя не полное, можетъ существовать и безъ него: наприм. такое впечатлѣніе дается намъ остроуміемъ: шутливая рѣчь, полная блестящихъ остротъ, вызываетъ иногда огромный смѣхъ. Но комизмъ ея состоитъ лишь въ томъ, что оригинальностію освѣщенія предмета, точки зрѣнія на него, неожиданностію аналогій и контрастовъ возбуждается въ слушателяхъ или читателяхъ чувство веселости. Этотъ смѣхъ есть смѣхъ не надъ кѣмъ нибудь и надъ чѣмъ нибудь: онъ есть выраженіе веселости, возбуждаемой забавною группировкою мыслей, игрою ума. Мы называемъ такой смѣхъ безобиднымъ: ибо не касаясь личностей, не имѣя въ виду нападать на что либо, онъ доставляетъ одно только умственное наслажденіе.

Замѣтимъ, что комическое впечатлѣніе усиливается, какъ и трагическое, отъ неожиданности его. Острота теряетъ всё дѣйствіе, если она уже извѣстна. Анекдотъ во второй и третій разъ слушается съ гораздо меньшимъ удовольствіемъ, чѣмъ въ первый разъ, и то онъ долженъ быть очень оригиналенъ и необыченъ, чтобъ могъ нравиться при повтореніи. Комедія довольно посредственная слушается въ первый разъ съ удовольствіемъ, потому что комизмъ ея, хотя и не высокій, имѣетъ достоинство свѣжести; во второй мы уже не пойдемъ для нея въ театръ. Какой фуроръ производили въ свѣжихъ слушателяхъ первыя представленія Ревизора и какъ сравнительно мало впечатлѣніе этой комедіи на насъ теперь, такъ какъ мы уже нѣсколько разъ ее читали, и слышали на сценѣ! Остроуміе поражаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно поставляетъ насъ на неожиданную точку зрѣнія, освѣщаетъ предметъ съ совсѣмъ неожиданной стороны, когда нельзя предвидѣть забавныхъ аналогій и контрастовъ. Какъ скоро всё это можно предвидѣть и ожидать, остроты, хотя и будутъ смѣшны, но лишь въ слабой степени. Равно и

диспропорціональность между цѣлями и средствами, формою и содержаніемъ производитъ лишь тогда глубокое впечатлѣніе, когда она является неожиданною. Оттого, комическія созданія имѣютъ въ себѣ много причудливаго, ирраціональнаго: въ комическомъ заключеніе не соотвѣтствуетъ посылкѣ, дѣйствіе причинѣ, выводъ основанію.

Выраженіе чувства комизма — смѣхъ.

Внѣшнее выраженіе комическаго чувства есть смѣхъ. Онъ есть физіологическое обнаруженіе психическаго состоянія, которое мы выше называли чувствованіемъ комизма. Такъ какъ для этого чувства смѣхъ есть спеціальное выраженіе, то мы отождествляемъ смѣхъ съ комизмомъ, смѣшное съ комическимъ. Въ физіологическомъ отношеніи смѣхъ характеризуется, во 1-хъ, оттягиваніемъ угловъ рта, оживленіемъ глазъ (усиленіемъ блеска ихъ), что мы называемъ улыбкою. Когда чувство комизма слабо, то всё выраженіе его ограничивается ею. Во 2-хъ, судорожнымъ выталкиваніемъ воздуха изъ легкихъ, при чемъ приводится въ дѣйствіе голосовой аппаратъ и получаются всѣмъ извѣстные звуки. Почему такъ, а не иначе, упомянутое чувство выражается, представить основаній не возможно: такъ бываетъ — единственный въ данномъ случаѣ возможный отвѣтъ.

Любопытно однакожъ, что смѣхъ въ физіологическомъ смыслѣ можетъ быть произведенъ и не психическимъ путемъ. Многіе не могутъ воздержаться отъ улыбки или смѣха, когда ихъ щекотятъ: наприм. щекотаніе слѣдовъ, особенно кожи на подъемѣ слѣда, подъ мышками, для нервнаго человѣка невыносимо безъ истерическаго смѣха. Если чувство комизма тоже вызываетъ смѣхъ, то значитъ, оно дѣйствуетъ на нервную систему такъ же, какъ и щекотаніе, и между нимъ и дѣйствіемъ комическаго на душу есть нѣкоторая аналогія.

Ощущеніе щекотанія получается, во 1-хъ, на извѣстныхъ только мѣстахъ поверхности тѣла и при томъ вовсе не на самыхъ чувствительныхъ: поверхность лица, губъ, оконечности пальцевъ совсѣмъ не щекотливы; особенно чувствительно щекотаніе подъ мышками, слѣдовъ ноги и подъема слѣда. Далѣе, оно производится сильнѣе легкими, едва чувствительными прикосновеніями, при томъ въ быстрой послѣдовательности одного за другимъ. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдъ не чувствительно выноситъ

тяжесть всего тѣла, пятка можетъ выносить удары, но прикосновеніе пера къ ней невыносимо, вызываетъ судорожное движеніе и смѣхъ. Предполагать, что на щекотливыхъ мѣстахъ находятся нервы, отличные отъ другихъ осязательныхъ нервовъ, или что окончанія ихъ — papillae tactus — не похожи на окончанія, разсѣянныя на поверхности остальныхъ частей кожи, нѣтъ основаній. Если причина особаго эффекта впечатлѣнія не зависитъ отъ воспринимающаго органа, то не слѣдуетъ ли искать ее въ особенныхъ качествахъ впечатлѣній? Но тѣ же самыя прикосновенія къ оконечностямъ пальцевъ, поверхности лба далеко не производятъ такого дѣйствія, какъ сдѣланныя надъ пяткою. Очевидно, сила впечатлѣнія тутъ не причемъ. Объясненія не слѣдуетъ ли искать въ необычности для нѣкоторыхъ мѣстъ кожи такого впечатлѣнія, какъ щекотаніе? Самыя чувствительныя мѣста: оконечности пальцевъ, поверхность губъ, лба часто подвергаются легкимъ прикосновеніямъ, потираніямъ и т. под. и для нихъ щекотаніе не есть собственно необычное впечатлѣніе (къ непрерывно, или часто дѣйствующимъ впечатлѣніямъ мы привыкаемъ, такъ что они становятся для насъ мало чувствительными, наприм. мы не чувствуемъ прикосновенія одежды, мельникъ не слышитъ шумъ колесъ и т. под.). Пятка и слѣдъ ноги легко выносятъ большія давленія, и къ нимъ совершенно привыкли, прикосновенія чулка или носка составляютъ также привычное впечатлѣніе, но притрогиваніе, легкое царапаніе суть для нихъ впечатлѣнія совершенно не обычныя и оттого они обнаруживаютъ сильное дѣйствіе. Такъ какъ подъемъ слѣда при ходьбѣ никакому давленію почти не подвергается, то онъ особенно чувствителенъ ко всякому впечатлѣнію и особенно щекотливъ; тоже слѣдуетъ сказать о кожѣ подъ мышками. По своему положенію они скрыты отъ всякихъ впечатлѣній осязанія и потому всякое притрогиваніе къ нимъ производитъ сильный эффектъ. Что въ нашемъ предположеніи есть нѣкоторая доля истины, не доказывается ли это тѣмъ, что когда щекотаніе производится долгое время, то дѣйствіе его уже ослабляется, т. е. кожа привыкаетъ къ впечатлѣнію и нервы ея раздражаются менѣе? — Но почему этотъ родъ прикосновенія возбуждаетъ именно смѣхъ? почему чувственное раздраженіе, распространяясь на нервные центры, разрѣшается рядомъ рефлективныхъ движеній, производящихъ смѣхъ? На этотъ вопросъ пока можемъ отвѣчать, только что такъ бываетъ.

Этотъ физіологическій фактъ можно сопоставить съ психологическимъ состояніемъ, испытываемымъ во время чувствованія комизма. Оно возбуждается необычною формою духовныхъ впечатлѣній. Всякого рода диспропорціональность, — вотъ что возбуждаетъ въ насъ смѣхъ. Смѣшные предметы кажутся странными, необычными, какъ странны (sit venia verbo) для пятки или слѣда легкія притрогиванія, потому что привычный имъ родъ прикосновеній совсѣмъ другой. И какъ при щекотаніи дѣло не въ силѣ и величинѣ впечатлѣній, такъ и чувство веселости и забавы — существенный и главный элементъ чувства комизма, который собственно и выражается въ смѣхѣ — возбуждается не глубокими и важными соображеніями, сравненіями, противоположеніями или выводами, но скорѣе поверхностными контрастами и аналогіями, оригинальнымъ и произвольнымъ освѣщеніемъ фактовъ, игрою ума [мы видѣли, что на такой игрѣ ума, фантазіи собственно и основывается остроуміе]. Наконецъ, какъ неожиданность щекотанія чрезвычайно усиливаетъ дѣйствіе его, такъ точно дѣйствіе всякой шутливой остроты, какъ мы уже говорили о томъ въ свое время, основывается на ея неожиданности.

Чувство высокаго.

Наконецъ, къ эстетическимъ наслажденіямъ относится и чувство высокаго. О немъ мы уже нѣсколько разъ упоминали, при анализѣ впечатлѣній эпизма, трагизма и комизма, и теперь — время приняться за его объясненіе.

Чувство высокаго иногда называется и чувствомъ грандіознаго, великаго. Нѣкоторые громадные по объему предметы, величайшія горы, высящіяся въ небо, покрытыя снѣгомъ, возбуждаютъ чувство величія, безбрежный океанъ будитъ чувство высокаго, или какъ иногда говорятъ, чувство безконечнаго. Громодная энергія силъ природы также поражаетъ насъ своею величественностію: тропическая гроза, сопровождающаяся бурею, разъяренное море, Ніагарскій водопадъ, широкія рѣки, вулканы, извергающіе пламя, громадныя машины, производящія огромную работу, кажутся грандіозными предметами; вселенная съ ея безконечнымъ множествомъ міровъ, съ разстояніями, которыя измѣряются скоростями свѣта, въ людяхъ съ сердцемъ всегда воз-

буждала чувство высокаго. Человѣческій міръ тоже можетъ давать поводъ этому чувствованію: огромный умъ, наприм. какъ Аристотеля, Ньютона, Гумбольдта, моральная энергія, наприм. самоотверженіе, непреклонность въ убѣжденіяхъ, обнаруженныя христіанскими мучениками, кажутся величественными явленіями. Даже физическое превосходство, наприм. громадный ростъ, необыкновенная сила, ловкость, возбуждаетъ чувство высокаго. Этимъ слѣдуетъ объяснять привлекательность для дѣтей разсказовъ о богатыряхъ: ихъ подвиги, сила поражаютъ ихъ воображеніе и привлекаютъ ихъ къ себѣ, какъ нѣчто грандіозное и величественное.

Чувство высокаго, какъ и прочія эстетическія чувствованія, есть фактъ сложный. Основной элементъ его есть удивленіе, къ которому присоединяется чувство, родственное нѣжному.

Въ чувствѣ высокаго есть состояніе удивленія. Встрѣчаясь съ предметами, объема которыхъ до встрѣчи съ ними мы не могли себѣ представить, замѣчая энергію, размѣры которой превосходятъ все, что намъ извѣстно, мы прежде всего удивляемся такимъ наблюдаемымъ фактамъ. Видѣвшій лишь бѣдные сельскіе храмы и даже скромныя по размѣрамъ и обстановкѣ церкви нашихъ уѣздныхъ городовъ, поражается видомъ Исакіевскаго Собора: огромные размѣры зданія, великолѣпіе украшеній кажутся ему необыкновенными и удивительными. Въ жителѣ равнинъ высокія горы вызываютъ чувство удивленія. Мы удивляемся безконечности вселенной, высотѣ генія Аристотеля или Ньютона, грандіозности ландшафта и т. д. Прежде чѣмъ мы найдемъ предметъ величественнымъ, мы удивляемся ему, какъ необыкновенному

Но высокое не удивляетъ только: оно и привлекаетъ. Созерцая величественные предметы, человѣкъ чувствуетъ по отношенію къ нимъ нѣчто въ родѣ нѣжнаго расположенія. Величественныя явленія въ человѣческой жизни безспорно привлекаютъ насъ къ себѣ и мы нѣжно привязываемся къ лицамъ, въ которыхъ замѣчаемъ ихъ. Высокій нравственный подвигъ заставляетъ насъ живо сочувствовать человѣку, совершившему его. Великій умъ Аристотеля и Ньютона не перестаетъ возбуждать живыя симпатіи. Этимъ фактомъ объясняется то явленіе, почему великіе люди имѣютъ для массъ такую привлекательную силу, почему выдающихся личностей любятъ и имъ сочувствуютъ многіе, съ ними совсѣмъ не знакомые. Но и въ неодушевленной

природѣ высокое имѣетъ огромную привлекательную силу. Мы любимъ грандіозные виды природы, мы влечемся къ созерцанію ихъ. Можно сердцемъ привязаться къ великому зрѣлищу природы: такъ, многіе говорятъ о себѣ, что они не могутъ оторваться отъ вида громадныхъ горъ, что ихъ привлекаетъ зрѣлище громаднаго пожара и т. д. И какія пожертвованія налагаютъ на себя люди для того, чтобы или жить вблизи чудесъ природы, или поѣхать взглянуть на нихъ, дабы унести въ душѣ образъ, который вѣчно для нихъ будетъ сохранять привлекательную силу. Это влеченіе къ высокимъ явленіямъ неодушевленной природы не можетъ быть, конечно, нѣжнымъ чувствомъ собственно: къ неодушевленнымъ предметамъ имѣть его невозможно. Тѣмъ не менѣе упомянутое влеченіе относится къ роду нѣжныхъ расположеній. Такъ какъ оно входитъ въ составъ чувства высокаго, то имъ слѣдуетъ объяснять теплый характеръ всѣхъ высокихъ возбужденій: послѣднія разнѣживаютъ, умягчаютъ сердце.

Чувство нѣжности, сопутствующее удивленію въ чувствѣ высокаго, можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оттѣняться грустью. Послѣдняя, какъ мы увидимъ ниже, есть нѣжная печаль по утраченномъ любимомъ существѣ. Такъ какъ въ чувствѣ высокаго есть нѣжное чувство, то когда предметы, его возбуждающіе, представляются, какъ уже несуществующіе, скрывшіеся во мракѣ прошлаго, является нѣжная печаль или грусть. Съ такимъ меланхолическимъ чувствомъ высокаго смотримъ мы на остатки жизни отъ минувшихъ геологическихъ періодовъ. Скелеты допотопныхъ животныхъ, орудія каменнаго вѣка будятъ въ насъ воспоминанія объ отдаленнѣйшей прошлой жизни, имѣвшей свои радости и наслажденія, любившей, боровшейся, стремившейся, какъ и современная, но уже давнымъ давно изчезнувшей. Съ такимъ же чувствомъ смотрятся памятники минувшихъ историческихъ вѣковъ, остатки исчезнувшихъ великихъ цивилизацій Египта, Ассиріи, Греціи и Рима. Подобнымъ образомъ люди относятся ко всякому падшему, развѣнчанному величію.

Общія замѣчанія объ эстетическихъ наслажденіяхъ.

Заканчивая рѣчь объ эстетическихъ наслажденіяхъ сдѣлаемъ два общихъ замѣчанія о нихъ.

Во 1-хъ, этотъ родъ чувствованій характеризуется удоволь-

ствіемъ, что и даетъ имъ право называться наслажденіями. Въ музыкѣ оно условливается прежде всего физіологическими причинами (сочетаніями и соотношеніями звуковъ) и сильнымъ оживленіемъ умственной и сердечной душевной дѣятельности. Въ искусствахъ, дѣйствующихъ чрезъ зрѣніе, удовольствіе дается также чувственнымъ способомъ, но въ нихъ есть интеллектуальная сторона, дающая зрительнымъ образамъ значеніе символовъ многосторонней духовной жизни. Въ поэзіи, дѣйствующей чрезъ интеллектъ, наслажденія могутъ давать: многозначительная цѣнность содержанія, поразительная мѣткость аналогій, противоположеній, значительность идей; они могутъ исходить отъ искуснаго сопоставленія и объединенія разнообразнаго содержанія въ одно цѣлое. Поэзія тѣмъ особенно возбуждаетъ нашъ интеллектъ и чувство, что содержаніе въ ней, благодаря пріему контрастовъ дѣйствуетъ на душу съ удвоенною силою. Слѣдовательно, она доставляетъ намъ огромное удовольствіе уже тѣмъ, что углубляетъ впечатлѣнія: что въ обыденной жизни прошло бы едва замѣченнымъ, то въ поэзіи производитъ сильное и глубокое впечатлѣніе, обыкновенныя же сильныя впечатлѣнія поэзія превращаетъ въ потрясающія. Поэзія разнообразными средствами будитъ въ душѣ различныя чувства, особенно же нѣжность. Какъ мы видѣли, она возбуждается трагическимъ и комическимъ искусствами, она же составляетъ главный мотивъ лирическихъ произведеній.

Во 2-хъ, эстетически прекрасное необходимо отличать отъ просто пріятнаго, возбуждающаго въ насъ состояніе удовольствія. Конечно, въ эстетически прекрасномъ есть непремѣнно нѣчто пріятное: что для насъ непріятно, никакого удовольствія не доставляетъ, то не имѣетъ и эстетическаго значенія для насъ. Но не все пріятное есть вмѣстѣ съ тѣмъ и прекрасное. Во 1-хъ, пріятное всегда имѣетъ субъективный и потому измѣнчивый характеръ. Что для одного лица пріятно, то можетъ быть непріятно для другого. Притомъ, одному и тому же субъекту одно и то же впечатлѣніе при однихъ обстоятельствахъ бываетъ пріятно, при другихъ непріятно: наприм. пріятность чувственныхъ впечатлѣній зависитъ отъ многихъ физіологическихъ условій. Извѣстно, какъ удовольствія увеличиваются и уменьшаются или замѣняются даже неудовольствіемъ, смотря по условіямъ мѣста и времени. Напротивъ, эстетически прекрасное доставляетъ удовольствіе всѣмъ, есть и должно быть прекраснымъ для

всѣхъ, у кого есть вкусъ, т. е. органъ для воспринимания его; оно таковымъ остается во всѣ времена и на всякомъ мѣстѣ. Просто пріятное всегда имѣетъ отношеніе къ эгоизму, связано съ выгодами, интересами, удовольствіемъ лица: разсматриваемое безъ отношенія къ возбуждаемому удовольствію пріятное есть ничто, non sens. Прекрасное не имѣетъ прямого отношенія къ нашему „я“; оно имѣетъ цѣну само по себѣ, независимо отъ того, доставляетъ ли оно удовольствіе намъ, или нѣтъ. Во 2-хъ, прекрасное имѣетъ для насъ высокій интеллектуальный интересъ. Въ нисшихъ своихъ формахъ прекрасное до нѣкоторой степени совпадаетъ еще съ пріятнымъ: наприм. простые консонансы, сочетанія цвѣтовъ въ фигурѣ, нравящейся глазу и т. д. Но здѣсь можно еще сомнѣваться, слѣдуетъ ли такого рода фактамъ давать названіе эстетически прекраснаго. Истинно прекрасное тамъ, гдѣ наслажденіе пріобрѣтаетъ высокій нравственный интересъ, и чѣмъ выше мы поднимаемся по лѣствицѣ эстетическаго, тѣмъ болѣе этотъ интересъ возрастаетъ. Мы видѣли, какъ глубоко возбуждаютъ душу музыкальныя произведенія, выраженіемъ какихъ сложныхъ, глубокихъ состояній и тонкихъ оттѣнковъ духовныхъ актовъ они служатъ. Художественный образъ, дѣйствующій на глазъ, имѣетъ значеніе, особенно какъ символъ духовной жизни, какъ прекрасное изображеніе внутренней полноты дѣятельности, гармонической игры духовныхъ силъ, стремленій души. Поэзія, возбуждая въ насъ разнообразныя чувства, поражая трагизмомъ или комизмомъ своего содержанія, заставляетъ насъ жить полною жизнію, даетъ обильную пищу уму и сердцу, поднимаетъ уровень нашей духовной жизни. Прекрасное, посредствомъ пріема контрастовъ, оставляетъ въ насъ глубокія впечатлѣнія, нарѣзаетъ въ умѣ и сердцѣ слѣды, не сглаживающіеся иногда въ продолженіи жизни. Ничего подобнаго не даетъ намъ просто пріятное: оно задерживаетъ насъ при себѣ только на одинъ моментъ, не возбуждаетъ всѣхъ нашихъ духовныхъ силъ, не имѣетъ никакого символическаго значенія и слѣдъ удовольствія, доставленнаго имъ душѣ, заметается первыми, смѣнившими его, впечатлѣніями.

Интеллектуальныя наслажденія и страданія.

Наконецъ, мы займемся интеллектуальными наслажденіями и страданіями. Ихъ слѣдуетъ отличать отъ эстетически-интеллек-

туальныхъ. Оба рода наслажденій доставляются намъ чрезъ нашъ интеллектъ, но послѣднія объективируются, тогда какъ первыя—нѣтъ. Самостоятельная оригинальная мысль доставляетъ намъ удовольствіе, но не есть въ эстетическомъ смыслѣ прекрасное само въ себѣ. Притомъ, могутъ быть страданія интеллектуальныя, тогда какъ все эстетическое по самой своей природѣ не можетъ причинять страданій наблюдателю, не искупая ихъ неменьшимъ удовольствіемъ. Къ наслажденіямъ и страданіямъ интеллектуальнаго характера поводъ могутъ давать достоинства мысли, формы ея и наконецъ самый умственный трудъ.

Мысль можетъ доставлять намъ удовольствія достоинствами и причинять неудовольствіе недостатками своего содержанія. Такъ, встрѣча съ оригинальною и самостоятельною мыслію доставляетъ человѣку огромное удовольствіе. Нѣсколько оригинальныхъ мыслей, найденныхъ въ книгѣ, вознаграждаютъ читателя за трудъ чтенія ея: онъ съ удовольствіемъ останавливается на нихъ. Съ какимъ энтузіазмомъ принимаются сочиненія, въ которыхъ проводятся самостоятельныя и оригинальныя мысли, даются новые принципы для объясненія явленій, или прилагаются къ дѣлу новые методы. Несомнѣнно, что появившаяся двадцать лѣтъ назадъ теорія Дарвина подкупала многихъ оригинальностію объясненія происхожденія животныхъ типовъ. Съ какимъ удовольствіемъ люди, привычные къ умственной работѣ, встрѣчаютъ мѣткія сравненія, яркіе контрасты, оригинальные и самостоятельные. Все, что расширяетъ горизонтъ нашего познанія, такъ или иначе просвѣтляетъ нашъ умственныя очи и углубляетъ нашъ взглядъ, доставляетъ душѣ истинное наслажденіе. Его можно назвать удовольствіемъ познанія.

Недостатки мысли могутъ возбуждать неудовольствіе, которое иногда доходитъ до степени страданія. Умному человѣку невыносимо слушать пошлости; онѣ возбуждаютъ въ немъ чувство омерзѣнія и отвращенія: принужденный долгое время слушать ихъ, онъ будетъ страдать. Въ чемъ же состоитъ пошлость мысли? Это не есть непремѣнно ложность ея, хотя большею частію пошлая мысль бываетъ ложною; она можетъ быть и истиною въ извѣстномъ отношеніи: тьмы такого рода истинъ поэтъ предпочитаетъ насъ возвышающему обману. Пошлость мысли, по нашему мнѣнію, есть ея низменность. Мысль низменна, когда она поверхностна, не обнимаетъ предмета въ его цѣлости и глубинѣ, и при этомъ самодовольна, не подозрѣваетъ

что могутъ быть разныя точки зрѣнія, что въ предметѣ есть разныя стороны. Она при этомъ можетъ и не быть прямо ложна: хотя и поверхностная, она все же скользитъ по предмету, касается его; ложь ея заключается въ претензіи быть послѣднимъ о немъ словомъ. Далѣе, мысль низменна, когда она ложна. Ложь пошлой мысли особаго рода. Мысль можетъ быть ложна, но не пошла: наприм. лживость ея можетъ быть слѣдствіемъ остроумія, игры ума, или ошибки, увлеченія: въ такомъ случаѣ она можетъ вызывать въ насъ даже уваженіе къ себѣ. Ложь становится пошлою, когда она есть угожденіе модѣ, говорится потому, что всѣ такъ говорятъ, или когда она прикрываетъ эгоистичныя намѣренія, говорится для чего нибудь. Слѣдовательно, низменность и пошлость мысли состоитъ въ ея ничтожности, отсутствіи всякой цѣнности въ ней, причемъ намѣренно или не намѣренно ей придается, однако же, характеръ истины. Такъ какъ такого рода мысли не требуютъ никакого умственнаго напряженія, большею частію усвоиваются съ вѣтру, то онѣ по плечу большинству: ихъ можно поэтому слышать вездѣ, на всѣхъ перекресткахъ. Для умнаго и самостоятельнаго мыслителя онѣ составляютъ истинный бичъ и принужденный слушать ихъ, онъ можетъ страдать. Эти страданія такія же, какъ если бы человѣка принудить ѣсть что либо совершенно не питательное: наприм. солому, дерево, тряпку и т. под.; данная въ избыткѣ, такая пища возбудила бы невыносимое отвращеніе и омерзѣніе. И для ума мысли, не имѣющія никакой цѣны, ни мало его не питающія, и напротивъ, отрицаемыя имъ за свою фальшивость или поверхностность, составляютъ предметъ отвращенія и неизбѣжно заставляютъ страдать сердце.

Форма мысли можетъ давать также поводы къ умственнымъ наслажденіямъ и страданіямъ. Мысль ясная, прозрачная до очевидности, обставленная основаніями и разработанная въ своихъ слѣдствіяхъ, доставляетъ намъ истинное наслажденіе. Извѣстно, сколько удовольствія даетъ логически цѣльное разсужденіе, въ которомъ каждая мысль на своемъ мѣстѣ, гдѣ мысли естественно слѣдуютъ одна изъ другой, какъ слѣдствія изъ основанія, или система, изъ разнообразныхъ понятій и представленій образующая одно цѣлое, въ которомъ всякое понятіе занимаетъ опредѣленное мѣсто. Удовольствіе, доставляемое выработанною формою изложенія мысли, зависитъ отъ того, что, ясная до прозрачности, она не затрудняетъ пониманія усвоивающаго ее:

онъ сознаетъ, что ему дается мысль безъ большихъ усилій, что онъ скоро овладѣваетъ ею и это ему пріятно. Съ другой стороны, систематичность и логичность связи разнообразныхъ, данныхъ вмѣстѣ, мыслей дозволяютъ усвоивающему легко умственно двигаться между ними, открываютъ ему болѣе или менѣе обширный кругозоръ, который онъ легко обозрѣваетъ умомъ; владѣя въ системѣ и логическомъ планѣ ключемъ къ пониманію всего, что въ этомъ кругозорѣ находится, онъ сознаетъ себя полновластнымъ господиномъ мысли. Такое сознаніе умственной свободы и легкости, интеллектуальнаго полновластія служитъ источникомъ наслажденія. Оттого, хотя бы въ сочиненіяхъ и не было особой оригинальности и самостоятельности, логическая ясность содержанія, распорядка его, системы, весьма много подкупаютъ насъ. Французское умѣнье популяризировать науку вошло въ пословицу. И сколько доставляетъ удовольствія чтеніе популярнаго французскаго сочиненія — именно своею ясностію, простотою, логическою разработанностію! Читатель его чувствуетъ, что имъ что то пріобрѣтается, хотя усвоиваемое содержаніе для него не ново, что онъ сталъ лучше знать, яснѣе мыслить то, что ему прежде представлялось темно, что онъ начинаетъ владѣть содержаніемъ, съ которымъ прежде не совсѣмъ умѣлъ справляться.

Но форма же мысли можетъ служить причиною страданій. Неясность, нелогичность, противорѣчивость мыслей, вообще темнота ихъ, въ высшей степени непріятны для мыслящаго человѣка. Какъ непріятно знакомиться съ темными понятіями, надъ уясненіемъ которыхъ безплодно тратится время! Какое, можно сказать, отвращеніе возбуждаетъ всякая путаница, въ которой мысли не вяжутся одна съ другою и взаимно противорѣчатъ, въ которой не соблюдено никакого логическаго порядка. Какъ для тѣлеснаго глаза требуется, чтобы предметы освѣщались достаточнымъ количествомъ свѣта, — а въ темнотѣ пристально смотрѣть и наблюдать ихъ непріятно, такъ и для ума темныя понятія, въ которыхъ мысль ничего различить не можетъ, составляютъ причину страданія. Путаница и безпорядокъ мыслей порождаютъ въ умѣ сознаніе безсилія предъ ними, невозможности овладѣть ими: усвоивающій чувствуетъ себя подавленнымъ безпорядочною массою, съ которою справиться у него нѣтъ силъ.

Наконецъ, умственный трудъ, какъ таковой, можетъ служить источникомъ наслажденія и страданія. Работа и напряженіе свойственны уму, суть его естественное состояніе, все равно, какъ

физическій трудъ свойственъ мускульной системѣ. Мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, что умѣренный физическій трудъ доставляетъ огромное наслажденіе. Такъ и умственный, когда онъ онъ по силамъ, возбуждаетъ большое удовольствіе. Когда мы справляемся съ значительнымъ умственнымъ содержаніемъ, легко устанавливаемъ связь между мыслями, аналитически проясняемъ ихъ себѣ, въ насъ возбуждается пріятное чувство умственной силы и энергіи. Оно возрастаетъ въ чувство удачи, когда мы побѣждаемъ возникшее въ умственной работѣ препятствіе, справляемся съ трудностями, казавшимися непобѣдимыми, когда неожиданно открываемъ новую точку зрѣнія на предметъ, или новыя аналогіи и т. под. Легко представить себѣ, какое радостное чувство возбуждается всякою удачною умственною работою. У труженниковъ науки, мыслителей есть свои безшумныя радости и притомъ не малыя. Этотъ родъ наслажденій связанъ съ умственною самодѣятельностію и естественно, не существуетъ для того, кто ею не отличается.

Но умственный трудъ можетъ причинять и страданія, когда онъ сопровождается чувствомъ напряженія, усилія: наприм. не пріятна слишкомъ скорая, поспѣшная умственная работа, особенно если мы должны сработать въ опредѣленный промежутокъ времени большее количество дѣла, чѣмъ къ какому привыкли. Равно непріятенъ умственный трудъ, когда приходится обращать вниманіе на многіе пункты, сравнивать много предметовъ, вообще имѣть дѣло за разъ съ разнообразнымъ содержаніемъ. Одинъ часъ работы надъ различными вопросами утомитъ болѣе, чѣмъ нѣсколько часовъ сосредоточенія надъ однимъ. Само собою разумѣется, что трудъ долгій, продолжительный сопровождается утомленіемъ и чѣмъ болѣе длится, вызывая большую и большую трату умственной энергіи, тѣмъ мучительнѣй онъ становится. Тяжелые труды подготовленія къ экзаменамъ, когда приходится овладѣвать обширнымъ научнымъ содержаніемъ и проводить въ сосредоточенномъ трудѣ безсонныя ночи, не забываются потомъ цѣлую жизнь. Умственная тягота и страданіе могутъ происходить отъ чрезвычайной абстрактности содержанія, съ которымъ приходится знакомиться, отъ трудности рѣшаемыхъ вопросовъ. Не легко наприм. овладѣвать содержаніемъ метафизики и многіе читатели Логики Гегеля, дѣлая величайшія усилія справиться съ ея содержаніемъ, испытывали умственныя страданія. Напряженіе это превращается у мыслителя въ чувство стѣсненія, когда

онъ наталкивается на непобѣдимую трудность и приходитъ къ сознанію, что предпринятый трудъ не по силамъ. Какъ пріятно бываетъ сознаніе умственной энергіи, такъ мучительно чувство своего интеллектуальнаго безсилія.

Замѣчанія о наслажденіяхъ и страданіяхъ вообще.

Въ заключеніе своей рѣчи о наслажденіяхъ и страданіяхъ сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о нихъ вообще. Къ чувственнымъ — поводъ заключается болѣе или менѣе въ состояніяхъ организма, ближайшимъ образомъ — нервной системы. Они — удовольствія тѣла. Эстетическія, интеллектуальныя — можно назвать наслажденіями духа. Сравнивая самые разнообразные поводы къ нимъ, мы поставимъ вопросъ, что вообще служитъ прямыми причинами нашихъ духовныхъ наслажденій и страданій.

Во 1-хъ, источникомъ наслажденій служатъ впечатлѣнія, возбуждающія усиленную энергію души. Такъ, мы видѣли, контрастъ имѣетъ важное эстетическое значеніе, смыслъ же употребленія его заключается въ углубленіи и усиленіи впечатлѣнія. При немъ сила обыкновенныхъ впечатлѣній удвояется и утрояется, и это доставляетъ намъ удовольствіе. Но такъ какъ дѣйствіе всякого впечатлѣнія на душу состоитъ не въ простомъ переносѣ въ нее чего либо извнѣ, а въ вызовѣ въ ней реакціи, отвѣта на него, то, значитъ, въ данномъ случаѣ, душѣ нравится усиленная дѣятельность ея въ отвѣтъ на контрасты. Въ другихъ случаяхъ, энергія ея вызывается конкретностію, поразительною наглядностію образовъ: такіе образы даются въ искусствѣ и создаются художественнымъ воображеніемъ; они глубоко напечатлѣваются въ душѣ въ силу своей рельефности, яркости, живости и съ энергіей усвоиваются душою. Нравится намъ, когда искусство прямо дѣйствуетъ на наше сердце, возбуждая его прямо къ какому нибудь мягкому чувству, напр. грусти, любви, дружбѣ, благоговѣнію и т. д., что и составляетъ сущность лирической поэзіи. Чрезъ нее мы пробуждаемся для того или другого чувства, для того или другого оттѣнка его; въ нашемъ сердцѣ является, слѣдовательно, энергія и оно живо переживаетъ возбужденное въ немъ состояніе. Мы находимъ удовольствіе въ самостоятельныхъ, оригинальныхъ мысляхъ, которыя вызываютъ насъ на размышленіе, служатъ точками отправленія для нашихъ соб-

ственныхъ выводовъ, сравненій и т. д. Мы видимъ, что умственный трудъ, какъ таковой, уже eo ipso возбуждаетъ въ душѣ удовольствіе. Такимъ образомъ все, пробуждающее нашу душу для сильной и живой дѣятельности, выхватывающее ее изъ обыкновенной рутины впечатлѣній, заставляющее ее жить бодрою жизнію, доставляетъ намъ наслажденіе.

Во 2-хъ, мы наслаждаемся, когда въ содержаніи дѣйствующихъ впечатлѣній есть порядокъ, гармонія, закономѣрность. Мы видѣли. какое значеніе имѣетъ гармонія звуковъ, ихъ порядокъ, правильность слѣдованія въ музыкѣ. Мы любимъ встрѣчать ихъ и во всемъ другомъ. Симметрія и правильность въ фигурахъ намъ нравятся, потому что при нихъ мы также находимъ порядокъ. закономѣрность въ образахъ. Мы наслаждаемся законченностію, полнотою поэтическаго произведенія, потому что оно производитъ на насъ впечатлѣніе правильнаго и гармоническаго цѣлаго. Мы высоко ставимъ простоту, наивность, спокойствіе и ясность эпическаго міросозерцанія. Логическая простота строя, связность мыслей, ясность ихъ доставляютъ намъ наслажденіе, потому что логически связное цѣлое даетъ впечатлѣніе чего то гармоническаго, закономѣрнаго, ясное и прозрачное понятіе — впечатлѣніе упорядоченнаго, равновѣснаго въ себѣ. Наоборотъ, все безпорядочное, дисгармоничное, случайное въ своемъ составѣ, не нормальное производитъ болѣзненное впечатлѣніе. Какъ ухо наше страдаетъ отъ дисгармоніи, такъ и все неупорядоченное, нестройное въ интеллектуальномъ смыслѣ заставляетъ насъ страдать: оно кажется намъ безобразнымъ, отъ котораго невольно отвращается наше умственное зрѣніе. Повидимому, гармонія, строй дѣйствующихъ впечатлѣній и дисгармонія, безпорядокъ ихъ, отзываются въ душѣ и первые успокоиваютъ, умиротворяютъ ее, вторые раздражаютъ, мучатъ ее.

Въ 3-хъ, намъ нравится всѣ, возвышающее насъ надъ обыденнымъ уровнемъ нашей собственной духовной жизни. Такъ, намъ доставляетъ наслажденіе всякая встрѣча съ бо̀льшимъ, чѣмъ что обыкновенно около себя встрѣчаемъ, чѣмъ что обыкновенно привыкли представлять себѣ и ожидать. Мы наслаждаемся ширью и далью безбрежнаго океана, высью горы, поднимающейся за облака, моральною, интеллектуальною и физическою мощью. Мы восхищаемся свѣжестью эпическаго міросозерцанія, которой нѣтъ въ нашемъ развитомъ взглядѣ на вещи. Намъ доставляетъ удовольствіе чувство состраданія и любви,

возбуждаемое трагическимъ искусствомъ, любовь, нѣжное чувство къ тому, надъ кѣмъ смѣемся въ комедіи. Мы находимъ удовольствіе въ ясныхъ понятіяхъ, логическихъ системахъ, оригинальныхъ взглядахъ, между прочимъ и потому, что ими наша собственная мысль, наше познаніе увеличивается и улучшается. Мы духовно радуемся встрѣчѣ съ величественнымъ и высокимъ явленіемъ, потому что, сознавая безконечность, мы переживаемъ нѣчто необыкновенное, таинственное, до высоты и глубины котораго мы духовно поднимаемся. Переживая чувства любви и состраданія къ подобнымъ себѣ существамъ. мы на моментъ отрѣшаемся отъ грубаго эгоизма, отъ влеченій къ личному наслажденію; на время умолкаетъ голосъ себялюбія и звучатъ наилучшія струны въ человѣческомъ сердцѣ. Смѣясь надъ безобразіемъ, диспропорціональностію, и до нѣкоторой степени презирая ихъ, мы также становимся выше всего подобнаго и осуждаемъ все аналогичное ему, хотя бы оно встрѣчалось и въ нашей жизни. Такъ и духовныя пріобрѣтенія, важныя для подъема нашей духовной жизни, въ содержаніи или качествѣ мысли служатъ источникомъ наслажденія. Понятно, что все противоположное — мизерное, пошлое, рутинное, на что безплодно тратятся духовныя силы, мало того, чѣмъ помрачается свѣтъ души, что ведетъ къ ея духовному измельчанію, все это безпокоитъ, раздражаетъ и мучитъ ее.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Волненія.

Отъ наслажденій и страданій мы отличаемъ, какъ второй родъ чувствованій, волненія. Первыя тѣсно связаны съ состояніями удовольствія и неудовольствія, тогда какъ вторыя въ прямой связи съ ними не состоятъ. Волненія могутъ доставлять намъ огромное удовольствіе, какъ наприм. любовь, дружба, — служить источникомъ сильнѣйшихъ неудовольствій и страданій, какъ наприм. гнѣвъ, страхъ, но счастіе и несчастіе, доставляемыя ими, не входятъ въ составъ ихъ понятія, не предполагаются ими непосредственно: они суть явленія только сопутствующія имъ. Въ страхѣ и гнѣвѣ, стыдѣ, любви и дружбѣ мы

волнуемся не отъ того, что испытываемъ какое либо неудовольствіе или удовольствіе, но отъ того и испытываемъ эти состоянія, что волнуемся въ томъ или другомъ направленіи. Такимъ образомъ этотъ второй родъ чувствованій мы отличаемъ отъ наслажденій и страданій и ставимъ ихъ, какъ совершенно самостоятельный родъ явленій чувства.

Волненія мы дѣлимъ, по предметамъ ихъ, на двѣ главныя группы: 1) волненія привязанности, происходящія изъ нашихъ отношеній къ другимъ живымъ существамъ и преимущественно къ подобнымъ намъ; 2) волненія личныя, имѣющія прямое отношеніе къ нашему „я“.

Волненія привязанности. Нѣжность и сочувствіе.

Волненія привязанности могутъ быть подраздѣлены на два вида: нѣжныя и сочувственныя (симпатическія).

Въ нѣжномъ волненіи 1) всегда есть элементъ влеченія къ предмету его. Существо, чувствующее нѣжность къ другому, привязывается къ нему: въ самый моментъ волненія оно желаетъ быть съ любимымъ существомъ вмѣстѣ. Мать, во чтобы то ни стало, добивается возможности быть вблизи своего любимаго дѣтища—и это одинаково бываетъ какъ у людей, такъ и животныхъ. Не соображенія удобства заставляютъ любящихся лицъ разныхъ половъ постоянно держаться вмѣстѣ, не разлучаться другъ съ другомъ, устраивать совмѣстное житье, но потребность быть вмѣстѣ, потребность удовлетворить взаимному влеченію другъ къ другу. Желаніе быть вмѣстѣ пространственно вытекаетъ изъ желанія полнаго единенія, какъ бы духовнаго слитія съ объектомъ нѣжности. Такъ какъ всякая разлука затрудняетъ духовное единеніе и дѣлаетъ его иногда невозможнымъ, то она для нѣжнаго сердца составляетъ бѣдствіе и несчастіе.

Во 2-хъ, нѣжное волненіе сопровождается признаніемъ высокой цѣны и значенія предмета, къ которому оно относится. Для любящаго нѣтъ ничего дороже любимаго объекта: всевозможныя достоинства приписываются имъ послѣднему; онъ ставится любящимъ выше всего на свѣтѣ. Нѣжное чувство ведетъ, какъ говорится, къ обожанію любимаго существа. Такое превознесеніе простирается не только на людей, но и на животныхъ: для иной дамы любимая собака гораздо дороже, чѣмъ

даже люди. Названія, которыя нѣжное чувство прилагаетъ къ своему предмету основываются на такомъ его превознесеніи. Нечего и говорить, что достоинство и цѣна, приписываемыя любящимъ существомъ любимому, часто неоправдываются дѣйствительностію.

Наконецъ въ 3-хъ, нѣжное чувство сильно предрасполагаетъ къ сочувствію, такъ что послѣднее можно разсматривать, почти какъ составной элементъ перваго. Подъ вліяніемъ нѣжнаго волненія мы усвояемъ себѣ радости и скорби предмета его: мать переживаетъ радости своихъ дѣтей, какъ собственныя; видъ радующихся дѣтей доставляетъ ей самой удовольствіе. На оборотъ, страданія, неудачи ихъ отзываются въ сердцѣ ея: мучительныя болѣзни ихъ переживаются ею съ большими страданіями, какъ будто мучатъ ее именно. Едва ли въ какихъ иныхъ случаяхъ можетъ сильнѣе пробуждаться сердце для сочувствія, какъ въ тѣхъ, когда оно уже размягчено и приготовлено къ нему нѣжнымъ чувствомъ. Этимъ слѣдуетъ объяснять, почему нѣжно расположенный человѣкъ старается, по возможности, увеличивать счастіе любимаго существа, уменьшать страданія его или вовсе устранять ихъ. Счастіе объекта нѣжности бываетъ счастіемъ и субъекта его; горе и скорбь перваго есть вмѣстѣ съ тѣмъ горе второго; увеличивая счастіе любимаго существа, мы увеличиваемъ свое собственное. И такъ какъ видъ сильныхъ страданій объекта нѣжности причиняетъ любящему большее горе, чѣмъ его собственное, то субъектъ любви готовъ на самопожертвованія, на лишенія, лишь бы ими искупить страданія любимаго существа.

Волненія сочувствія состоятъ въ усвоеніи и повтореніи волненій другихъ чувствующихъ существъ. Мы сочувствуемъ другимъ, когда радуемся ихъ радостямъ и печалимся о ихъ скорбяхъ: наприм. видъ страданій живого существа возбуждаетъ въ насъ состраданіе: мы болѣемъ душою за другихъ, какъ будто бы ихъ несчастія были наши собственныя.

Такія сочувственныя страданія и радости необходимо отличать отъ простыхъ радостей и страданій, испытываемыхъ нами лично. Первыя могутъ быть столь же сильными, какъ и послѣднія: можно радоваться и скорбѣть за другого такъ же сильно, какъ и въ случаѣ личныхъ несчастій и радостей. Бываютъ даже субъекты столь самоотверженные, что бѣдствія другихъ чувствуются ими сильнѣе собственныхъ, или, что всего бываетъ чаще, у каждаго человѣка съ сердцемъ есть дорогія для него суще-

ства, для которыхъ онъ скорѣе согласился бы самъ вынести лишенія и страданія, чѣмъ видѣть ихъ страдающими и скорбящими. Слѣдовательно, въ сравнительной силѣ тѣхъ и другихъ чувствованій не возможно искать различія. Оно существуетъ однако. Во 1-хъ, удовольствія и страданія, испытываемыя по сочувствію, сопровождаются сознаніемъ, что они — не наши личныя: радуясь или мучась за друга, мы знаемъ въ тоже время, что въ данный моментъ мы мучимся изъ за несчастія и радуемся счастію другого. Такія сочувственныя волненія могутъ быть чрезвычайно сильны, могутъ глубже волновать лицо, чѣмъ его собственныя личныя; но, при всей глубинѣ и силѣ возбужденія, оно не можетъ забыть, хотя на одинъ моментъ, что оно въ данномъ случаѣ волнуется не за себя. Во 2-хъ, въ сочувственныхъ волненіяхъ есть элементъ нѣжности, чего въ личныхъ радостяхъ и страданіяхъ нѣтъ. Когда мы радуемся или страдаемъ по поводу событій съ нами, несущихъ намъ пользу или вредъ, мы, въ эти моменты волненія, ни какой нѣжности къ себѣ не чувствуемъ. Когда же человѣкъ сорадуется другому, онъ въ моментъ сочувствія влечется къ нему, радуется, нѣжно и тепло любя другого. Въ моментъ состраданія и жалости, мы не только страдаемъ за другое существо но и любимъ его въ эту минуту. Въ жалости и состраданіи несомнѣнно есть нѣжная любовь. Смотря на страданія своего ребенка, мать, изнывая болью за него, въ тоже время испытываетъ теплое нѣжное чувство. Элементъ нѣжности придаетъ сочувствію теплоту.

Вообще нѣжное чувство и сочувственныя волненія такъ близки одно къ другимъ и развиваются въ такой тѣсной связи, что они до нѣкоторой степени предполагаютъ одно другое. Въ сильныхъ нѣжныхъ волненіяхъ есть извѣстная доля сочувствія; кого мы нѣжно любимъ, тому невольно и сочувствуемъ: мать, съ нѣжностію смотря на свое дитя, сочувствуетъ его улыбкамъ или болѣзненному крику его. И обратно, сочувствіе часто ведетъ за собою нѣжность. Видъ мучительныхъ страданій живого существа, вызываетъ состраданіе, которое потомъ переходитъ въ нѣжную любовь. Извѣстно, какъ иногда сильно вспыхиваетъ любовь матери къ дѣтищу, за которымъ пришлось ей долго ходить во время болѣзни, или какъ мужъ становится нѣжнѣе расположенъ къ женѣ, послѣ того какъ ея страданія, во время болѣзни, нѣсколько разъ вызывали въ немъ сильное сочувствіе.

Можно ли, однако, сказать, что нѣжное чувство и сочув-

ствіе одно и тоже, и если различаются, то лишь не значительными оттѣнками? Намъ кажется, что различія между ними довольно рѣзки.

Въ нѣжномъ чувствѣ, какъ таковомъ, можно открыть нѣкоторый слѣдъ эгоизма. Любя другихъ, человѣкъ въ предметѣ своемъ любитъ часть своего собственнаго существа, какъ наприм. родители въ своихъ дѣтяхъ видятъ часть своей плоти и крови, иногда преслѣдуетъ даже удовольствіе, которое доставляетъ ему обладаніе предметомъ любви, наприм. это бываетъ въ чувственной любви, вообще въ любви красивыхъ предметовъ. Такъ или иначе, но при любви, какъ таковой, не разрѣшившейся въ сочувственное расположеніе, человѣкъ въ объектѣ ея часто ищетъ и находитъ себя самого, любитъ до нѣкоторой степени свое „я“. Оттого любящій иногда не справляется, приноситъ ли его чувство радость и счастіе любимому существу, и стремится только къ одной цѣли — обладанію имъ: только бы личная любовь была удовлетворена, а какъ это отзовется на благосостояніи другого лица — это часто для любящаго вопросъ второстепенный. Въ своей сильной любви субъектъ можетъ быть огромнымъ эгоистомъ. Любя въ другомъ существѣ нѣчто свое, цѣня въ немъ отраженіе своего „я“, онъ можетъ не интересоваться собственно личностію и преслѣдуя свое удовольствіе, свой интересъ, можетъ стать тираномъ, мучителемъ предмета своей любви. Напротивъ, сочувственныя волненія, какъ таковыя, предполагаютъ отрицаніе „я“, по крайней мѣрѣ, на моментъ волненія, и отчужденіе отъ своей личной жизни. Сочувствуя радости и скорбямъ живого существа, лицо забываетъ о себѣ. Только притворное сочувствіе, т. е. притворные знаки его, могутъ исходить отъ эгоизма, но само оно эгоистичнымъ быть не можетъ. Мать, сострадая своему ребенку, думаетъ не о себѣ, а о немъ, его положеніи; соболѣзнуя, раздавленной каретою, собакѣ, мы на этотъ моментъ забываемъ о себѣ и наше сердце поглощено сочувствіемъ ея страданіямъ.

Во 2-хъ, нѣжное чувство заключаетъ въ себѣ оттѣнокъ удовольствія, симпатія можетъ быть горькою и тяжелою. Нѣжное волненіе всегда доставляетъ удовольствіе. Родители нѣжно волнуются, смотря на своихъ дѣтей, но это чувство ихъ согрѣваетъ; оно пріятно имъ; нѣжная ласка, удѣляемая живому существу, весьма пріятна и самому ласкающему. До такой степени элементъ удовольствія связанъ съ нѣжными чувствами, что даже

грусть, удручающая человѣка, можетъ доставлять до нѣкоторой степени и удовольствіе, именно потому, что она развивается въ тѣсной связи съ нѣжнымъ чувствомъ. Но сочувствіе можетъ простираться на страданія и горя другихъ существъ и какъ таковое, оно дѣйствуетъ удручающимъ образомъ. Конечно, къ нему, какъ мы выше сказали, почти постоянно присоединяется нѣжное волненіе, которое и сообщаетъ ему теплоту. Само же въ себѣ сочувствіе страданіямъ другого существа такъ же тягостно для сочувствующаго, какъ если бы эти страданія были личнымъ его горемъ.

Для болѣе или менѣе легкаго возбужденія сочувственныхъ волненій имѣютъ значеніе нѣкоторыя обстоятельства, на которыя мы обратимъ теперь вниманіе. Сила, живость ихъ зависятъ отъ того, въ какой мѣрѣ субъектъ облада-тъ опытомъ въ разнообразныхъ душевныхъ состояніяхъ, воображеніемъ и вообще отзывчивостію сердца на впечатлѣнія.

Размѣръ психологическаго опыта опредѣляетъ широту сочувственныхъ волненій. Только въ томъ можемъ мы сочувствовать другимъ, что̀ сами испытали. Мать легко можетъ сочувствовать горю матери же: ей знакомы разныя случайности воспитанія дѣтей, ихъ болѣзни, горестныя опасенія и тревоги; она легко можетъ понять душевную тяготу другой матери и воспроизвести въ себѣ ея горе. Испытавшій потерю родителей пойметь состояніе другого, также потерявшаго ихъ. Оттого лица одной профессіи, сословія, или одного общественнаго класса сочувствуютъ другъ другу скорѣе и легче, чѣмъ лица, живущія въ разныхъ положеніяхъ. Они опытны въ радостяхъ и горяхъ, обыкновенно сопровождающихъ жизнь людей одного съ нимъ положенія, и потому сочувствуютъ имъ. Но трудно субъекту понимать состоянія, которыхъ онъ самъ никогда не испыталъ. Глубины сочувствія въ такихъ случаяхъ не бываетъ, возможно одно чувство жалости болѣе или менѣе общаго характера, а потому и холодное. Женщина-не мать не можетъ вполнѣ понять горя матери; бѣдный, никогда не бывшій богатымъ, не можетъ понять горя богатаго человѣка, потерявшаго состояніе; принадлежащіе къ нисшимъ классамъ не легко поймуть треволненій жизни высшихъ, и наоборотъ.

Воображеніе также имѣетъ значеніе для возбужденія сочувственныхъ волненій: имъ постигаемъ мы внутреннее духовное состояніе другого человѣка. Въ свое время мы говорили, что

прямо и непосредственно нельзя видѣть и замѣчать душевныя движенія, помыслы другихъ существъ. Языкъ есть только собраніе звуковъ, имѣющихъ условное значеніе, и по поводу ихъ, мы, чрезъ ассоціацію смежности, представляемъ себѣ душевныя дѣятельности и состоянія, ими обозначаемыя. Частію посредствомъ логическихъ заключеній, а главнымъ образомъ чрезъ дѣятельность воображенія, на основаніи языка и выраженій въ тѣлѣ душевныхъ движеній, мы построяемъ духовный образъ другихъ людей, движенія и волненія ихъ души. Живое воображеніе представляетъ всю душевную обстановку горя или радости, всю глубину послѣднихъ и тѣмъ вызываетъ сочувствіе въ сердцѣ представляющаго. Люди съ такимъ воображеніемъ способны глубоко входить въ радости и огорченія другихъ и чѣмъ у кого оно живѣе, тѣмъ открытѣе ихъ сердце для симпатическихъ волненій. Оттого многіе съ сердцемъ, способнымъ къ симпатіи, проходятъ мимо чужихъ несчастій потому, что имъ не достаетъ воображенія, что слезы и другіе знаки горя не могутъ возбудить его и вызвать къ дѣятельности.

Наконецъ, отзывчивость на состоянія другихъ людей зависитъ отъ спеціальной способности къ тому, различной въ разныхъ людяхъ. Есть люди одаренные ею въ высокой степени и есть мало къ ней способные. Между святыми людьми мы находимъ многихъ сострадательныхъ милостивцевъ, живо сочувствовавшихъ людскимъ горямъ и потому отдававшихъ послѣднюю сорочку бѣдствовавшимъ ближнимъ. Какимъ даромъ сочувственныхъ волненій долженъ былъ обладать, наприм. Іоаннъ Милостивый, патріархъ Антіохійскій, вся жизнь котораго была непрерывнымъ подвигомъ благотворенія! Въ средѣ, въ которой мы живемъ, каждый легко можетъ отличать сердобольныхъ личностей отъ жесткихъ. Есть на свѣтѣ и послѣдняго сорта люди, въ которыхъ сердце, повидимому, никогда не тревожится видомъ чужихъ бѣдствій, въ которыхъ никогда не найдется отголоска на чужую радость или чужое горе. Въ способности къ сочувствію, женщины, какъ извѣстно, рѣшительно имѣютъ перевѣсъ предъ мущинами.

Волненіе любви.

Какъ мы уже говорили, нѣжное чувство соединяется съ сочувственными волненіями. Одно и то же существо можетъ воз-

буждать въ насъ какъ нѣжное, такъ и симпатическое чувство и волненіе, испытываемое по отношенію къ нему, будетъ въ такомъ случаѣ сложное. Въ этомъ сочетаніи или нѣжное чувство можетъ преобладать надъ симпатическимъ, или сочувствіе надъ нѣжностію. Перваго рода чувствованіе мы называемъ волненіемъ любви, второе — волненіемъ дружбы.

Любовь есть нѣжное чувство, развившееся и утвердившееся въ сердцѣ по отношенію къ какому либо живому существу. Такъ какъ въ основѣ ея находится нѣжное чувство, то она имѣетъ всѣ отличительные признаки послѣдняго. Она сопровождается влеченіемъ къ предмету ея: мысль о невозможности быть вмѣстѣ съ любимымъ существомъ, вѣчной разлукѣ съ нимъ часто наполняетъ сердце любящаго отчаяніемъ. Любовь сопровождается признаніемъ высокой цѣны и значенія любимаго существа, и соединяется съ симпатическимъ чувствомъ: кому какъ не любимому существу скорѣе всего мы способны сочувствовать въ радости и горѣ?

Словомъ „любовь“ мы называемъ всякое нѣжное чувство, питаемое однимъ существомъ къ другому. Однако, этимъ именемъ означаются преимущественно два вида нѣжныхъ чувствованій: во 1-хъ, развивающіяся между членами семьи и вообще родными и во 2-хъ, связывающія лица разнаго пола. Первую любовь можно назвать семейною, вторую — половою.

Любовь связываетъ тѣснѣйшими узами членовъ семьи въ одно цѣлое. Мы говоримъ о любви родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ, дѣтей другъ къ другу. Наиболѣе крѣпка любовь матери къ дѣтямъ: материнская любовь есть первообразъ родительской любви вообще. Основывается она прежде всего на физіологической связи матери съ дѣтищемъ. Возративъ его въ нѣдрахъ своего тѣла и воспитавъ его своимъ молокомъ, мать естественно видитъ въ немъ часть самой себя. Какъ показываетъ наблюденіе, у млекопитающихъ животныхъ періодъ особенной нѣжности къ дѣтямъ совпадаетъ съ кормленіемъ грудью. Въ это время животное особенно нѣжно къ нимъ и готово защищать ихъ отъ опасности, даже съ явнымъ рискомъ для собственной жизни. Однако, и животныя, кладущія яйца, въ первое время по вылупленіи дѣтенышей, бываютъ очень привязаны къ нимъ, напр. птицы. Съ наступленіемъ нѣкоторой зрѣлости дѣтенышей, когда они становятся въ состояніи сами находить себѣ пищу, у многихъ видовъ животныхъ нѣжныя отношенія и

любовь исчезаютъ; у человѣка же они не только не исчезаютъ, но еще болѣе укрѣпляются. Къ физіологическимъ узамъ устанавливаемымъ природою между матерью и дѣтьми, присоединяются съ теченіемъ времени моральныя. Съ ростомъ выясняется нравственный образъ ребенка, увеличивается его благодарная привязанность къ матери въ отвѣтъ на теплое чувство послѣдней и такимъ образомъ закрѣпляется союзъ любви. Отецъ начинаетъ свою любовь къ дѣтямъ жалостію. т. е. сочувствіемъ къ ихъ безпомощному состоянію; затѣмъ, къ симпатическимъ чувствованіямъ присоединяется интересъ къ первымъ признакамъ интеллектуальнаго развитія и духовной личности ребенка, котораго наивная и благодарная привязанность вызываетъ также отвѣтныя чувствованія и превращаетъ нѣжность въ постоянную любовь.

Любовь дѣтей къ родителямъ основывается по преимуществу на нравственныхъ началахъ. Физіологическая связь ихъ, одна, никогда не была бы въ состояніи служить достаточною опорою для долголѣтней непрерывной любви. Млекопитающія животныя. какъ и человѣкъ, питаются молокомъ матери, составляютъ плоть отъ ея плоти и однако, съ момента, когда чувствуютъ въ себѣ достаточно силы для самостоятельной жизни, они оставляютъ свою мать и не сохраняютъ къ ней никакихъ чувствъ. Только въ человѣческомъ обществѣ дѣти привязываются къ своимъ родителямъ и на всю жизнь въ большинствѣ случаевъ сохраняютъ къ нимъ теплую нѣжную любовь. Причина тому, явно, не физіологическая только, но и психическая, т. е. заключается не въ томъ одномъ, что дѣти составляютъ часть плоти и крови родителей, а главнѣйше, въ чувствахъ, порожденныхъ въ нихъ долгою совмѣстною съ родителями жизнію. Въ дѣтской любви, съ одной стороны, есть чувство благодарности за многія ласки, заботы и попеченія родителей, что ведетъ къ развитію привязанности и вообще влеченія къ нимъ; съ другой стороны, въ дѣтяхъ укореняется чувство авторитета, т. е. не только абстрактное признаніе цѣны и значенія родителей для нихъ самихъ, но и непосредственное чувство цѣны, высшаго значенія ихъ сравнительно съ собственнымъ значеніемъ. Такимъ образомъ въ любви дѣтей къ родителямъ мы находимъ первые два элемента нѣжнаго чувства вообще. Во 1-хъ, влеченіе, опирающееся на чувство благодарности и 2-хъ, признаніе высокой цѣны и значенія, выражающееся въ чувствѣ авторитета. Само собою разумѣется,

что и третій активный элементъ любви—сочувствіе къ родителямъ развивается очень легко: наблюдая ихъ радости и горя, дѣти, въ силу своего влеченія къ нимъ, становятся чуткими въ распознаваніи ихъ душевныхъ состояній и легко пробуждаются для симпатическихъ волненій.

Третій видъ семейной любви есть любовь, развивающаяся между дѣтьми одной и той же семьи. Въ благоустроенной семьѣ дѣти обыкновенно связаны взаимною нѣжною любовью. Въ ней есть также всѣ существенные элементы нѣжнаго чувства. Есть взаимное влеченіе другъ къ другу: дѣти стараются быть вмѣстѣ, съ горестью переносятъ разлуку, рады видѣть другъ друга. Есть взаимное признаніе цѣны: они высоко ставятъ другъ друга и для каждаго любимый братъ или сестра дороги. Но особенно сильно въ этой родственной любви развиваются симпатическія чувствованія. Продолжительная совмѣстная жизнь образуетъ изъ дѣтей тонкихъ наблюдателей духовной дѣятельности другихъ себѣ подобныхъ, равенство развитія, положенія облегчаетъ пониманіе переживаемыхъ другими состояній: все это пріучаетъ ихъ относиться сочувственно другъ къ другу.

Въ этихъ трехъ видахъ любви общій неизмѣнный элементъ есть влеченіе: одинаково влечется мать къ дѣтямъ, какъ и они къ родителямъ или другъ къ другу. Но сопутствующее любви признаніе высокой цѣны любимаго человѣка въ разныхъ видахъ семейной любви не одинаково: родители видятъ въ дѣтяхъ дорогія для себя существа, какъ будто потому только, что они положили въ нихъ свое сердце, потому что дѣти составляютъ предметъ ихъ влеченія. Признавая ихъ дорогими, они тѣмъ не менѣе не могутъ не признавать ихъ нисшими сравнительно съ собою, не могутъ до нѣкоторой степени не смотрѣть на нихъ свысока: дѣти особенно дороги для матери, какъ будто только по ихъ безпомощности во всѣхъ отношеніяхъ. Въ любви дѣтей къ родителямъ есть элементъ благодарности. Послѣдніе дороги для нихъ, какъ согрѣвающія и утѣшающія ихъ существа, къ которымъ они привыкли обращаться въ своихъ нуждахъ. Съ этимъ благодарнымъ чувствомъ они естественно признаютъ ихъ чѣмъ то высшимъ сравнительно съ собою, себя-зависимыми, слѣдовательно нисшими. Во взаимной любви дѣтей признаніе цѣны основывается на удовольствіи общенія (игръ и т. под.) и взаимныхъ услугахъ, оказываемыхъ другъ другу. Элементъ симпатіи также различенъ во всѣхъ трехъ видахъ. Симпатія родителей

къ дѣтямъ простирается не столько на радости ихъ, сколько на страданія: въ симпатіи дѣтскимъ радостямъ родители должны до извѣстной степени нисходить до дѣтей. Наоборотъ, дѣти въ своей симпатіи родителямъ должны восходить, подниматься до нихъ: она не можетъ сопровождаться глубокимъ пониманіемъ душевнаго состоянія взрослыхъ: дитя плачетъ и смѣется въ отвѣтъ на радость и горя родителей, только потому, что замѣчаетъ въ послѣднихъ смѣхъ или слезы. Симпатія полная и *равная* бываетъ только въ послѣднемъ видѣ любви: тутъ равный сочувствуетъ равному, глубина и полнота взаимнаго пониманія состояній совершенныя.

Три вида семейной любви суть типы вообще всякихъ нѣжныхъ отношеній, соединяющихъ людей между собою (исключаемъ любовь половую, о которой рѣчь будетъ ниже). Любовь родителей къ дѣтямъ есть прототипъ любви высшихъ живыхъ существъ къ нисшимъ. Мы видѣли, что она оттѣняется въ признаніи цѣны любимаго существа и въ элементѣ симпатіи. Признавая дѣтей дорогими для себя, родители смотрятъ на нихъ, какъ на безпомощныя существа, слѣд. до нѣкоторой степени малыя сравнительно съ ними; въ симпатіи своей къ нимъ они нисходятъ до нихъ и только въ страданіяхъ сочувствуютъ имъ вполнѣ. Такова же по типу своему любовь человѣка къ животнымъ: приближая къ себѣ и дѣлая ихъ вполнѣ зависимыми отъ себя, человѣкъ пріучается смотрѣть на нихъ, какъ на безпомощныя существа и по этому мотиву особенно дорожитъ или холитъ ихъ; въ своемъ сочувствіи радостямъ и страданіямъ ихъ, онъ также нисходитъ до нихъ. Такова же любовь старшихъ вообще къ младшимъ, высшихъ по положенію лицъ къ нисшимъ. Въ этой любви всегда есть оттѣнокъ снисхожденія.

Любовь дѣтей къ родителямъ есть типъ вообще любви нисшихъ существъ къ высшимъ. Въ любви человѣка къ Богу есть элементъ влеченія, признанія его существомъ Высшимъ, въ рукѣ котораго жизнь и смерть всего сущаго. Это признаніе необъятнаго значенія Верховнаго Существа, давшаго жизнь человѣку, сопровождается сознаніемъ зависимости отъ Него, благодарности за Его благодѣянія, своей низменности сравнительно съ Нимъ. При антропоморфическомъ представленіи Божества (а отъ такого способа представленія не свободно почти никакое нефилософское понятіе Бога) человѣкъ сочувственно постигаетъ радость Верховнаго Существа, когда люди угождаютъ Ему нрав-

ственною жизнію, и Его скорбь о грѣшныхъ, отметающихся отъ Него. Таковаже по типу любовь малыхъ, по положенію, людей къ великимъ: и въ ней первые сознаютъ свою относительную низменность, чувствуютъ благодарность за благодѣянія, которыми послѣдніе привязали ихъ къ себѣ. Въ этой любви есть и симпатія: иной слуга въ своей любви къ хозяину доходитъ до того, что принимаетъ полное участіе въ его радостяхъ и горяхъ.

Взаимная любовь дѣтей есть типъ любви людей болѣе или менѣе равныхъ по положенію, возрасту и развитію. Товарищи по школѣ, службѣ, знакомые, встрѣчающіеся часто вмѣстѣ, иногда соединяются тѣсными узами любви. Въ ней есть признаніе цѣны, опирающееся на удовольствіи общенія, оказанныхъ услугахъ. Важно въ ней особенно то, что такъ какъ въ другихъ двухъ видахъ ея элементъ симпатіи бываетъ не полонъ, по значительной разницѣ положенія, здѣсь при равенствѣ его сочувствіе можетъ развиваться до безконечности. Ни одна сторона въ этомъ видѣ любви не смотритъ на другую, какъ на нисшую или высшую.

Обратимся къ любви, развивающейся между лицами различныхъ половъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это чувство также сложное и хотя вообще слагается изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и любовь семейная, но имѣетъ и много особенностей. Въ ней есть во 1-хъ, влеченіе и притомъ самое сильное изъ всѣхъ, какія только бываютъ въ человѣческой душѣ. Оно основывается прежде всего на физіологической потребности, заставляющей одинъ полъ искать другой. Въ животныхъ, быть можетъ, это влеченіе имѣетъ одну только физіологическую основу; но въ человѣкѣ къ физіологической потребности присоединяется еще и нравственная: одинъ полъ ищетъ въ другомъ нравственнаго дополненія своего существованія. Мущина, какъ бы богато одаренъ не былъ, всегда болѣе или менѣе живетъ головою, а потому жёстокъ, суровъ, сухъ; его натура природою предназначена развивать безпощадную энергію и все въ ней разсчитано лишь для этой цѣли; напротивъ, женщина живетъ болѣе сердцемъ, чѣмъ головою, и она способнѣй мущины къ глубокой и разнообразной внутренней жизни. Такимъ образомъ мущинѣ недостаетъ того, чѣмъ въ духовномъ отношеніи обладаетъ женщина, и наоборотъ. Лицо одного пола ищетъ въ союзѣ съ лицомъ другого замѣнить пробѣлъ въ собственномъ существѣ. Влеченіе одного пола къ другому удовлетворяется въ бракѣ, который есть союзъ, конечно не тѣлъ, а

душъ. По видимому, самые счастливые союзы бываютъ тѣ, которые составляются изъ индивидуумовъ, представляющихъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ различіе, которое не препятствуетъ, однако, гармоніи ихъ существованія.

Сила влеченія въ половой любви, вообще чрезвычайно большая, въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигаетъ огромнаго напряженія. „Оставитъ человѣкъ отца своего и матерь свою“; слѣдовательно, оно сильнѣе, чѣмъ любовь дѣтей къ родителямъ. Ради сильнаго половаго влеченія приносятся иногда чрезвычайныя жертвы: погибаютъ состоянія, положенія, иногда честь; въ нѣкоторыхъ случаяхъ материнская любовь уступаетъ этому влеченію: для любимаго человѣка бросаются даже дѣти.

Во 2-хъ, половая любовь сопровождается признаніемъ цѣны любимаго существа. Оно признается столь дорогимъ, что, повидимому, ничто въ свѣтѣ не можетъ ему равняться. Любовь доводитъ человѣка до обожанія себѣ подобнаго существа. Это признаніе необыкновенной цѣны любимаго человѣка основывается не на анализѣ качествъ и достоинствъ его, а на влеченіи къ нему: онъ дорогъ не потому, что имѣетъ большія достоинства, обнаруживающіяся для наблюденія, а потому и кажется имѣющимъ огромныя достоинства, потому и дорогъ, что къ нему влечется сердце. Этимъ фактомъ объясняется, почему любовь слѣпа въ своихъ приговорахъ о людяхъ. Самые вопіющіе недостатки въ любимомъ человѣкѣ совершенно не замѣчаются любящимъ, малѣйшіе намеки въ немъ на красоту, на умъ, возводятся въ блестящія совершенства; со стороны, для индифферентныхъ людей, иногда бываетъ непонятно, что привязываетъ и заставляетъ любящаго превозносить любимаго. Простодушіе готово видѣть въ фактахъ такого рода силу колдовства и чародѣйства. Между тѣмъ любящій человѣкъ и въ этихъ случаяхъ бываетъ отчасти правъ: *для него* лично любимое существо со всѣми его недостатками и со всею иногда порочностію, никѣмъ другимъ незамѣнимъ, потому что дополняетъ существованіе его. Ошибка любящаго заключается въ свойственной вообще людямъ наклонности объективировать свои личныя сужденія и давать имъ безусловный характеръ. Понятно далѣе, что если человѣкъ полюбилъ другого, всякія увѣщанія, доказательства contra его влеченія, ни къ чему вести не могутъ: это все равно, что галлюцинатору доказывать, что онъ не видитъ ничего, тогда какъ онъ дѣйствительно видитъ предметъ, какъ бы онъ существо-

валъ реально. Если бъ даже на моментъ онъ и убѣдился въ своемъ обманѣ, галлюцинаціи, непереставая на него дѣйствовать, снова пересилятъ его и онъ возвратится къ прежнему убѣжденію въ ихъ реальности.

Въ 3-хъ, элементъ сочувствія въ половой любви не имѣетъ такого значенія, какъ въ прочихъ видахъ любви: иногда онъ бываетъ силенъ, но можетъ быть и слабъ. Онъ силенъ въ счастливыхъ и долгихъ супружествахъ. Въ продолженіи многихъ лѣтъ совмѣстной жизни супруги успѣваютъ развить взаимную симпатію и способность взаимно угадывать настроенія и состоянія, такъ что наконецъ не бываетъ никакого выдающагося факта въ сердечной жизни одного, который не отозвался бы въ сердцѣ другого. Супружество, достигшее такого развитія взаимной симпатіи, можетъ считать свой союзъ обезпеченнымъ отъ всякихъ случайностей: это идеалъ всякого брачнаго союза. Но элементъ симпатіи можетъ быть и слабъ: напр. когда сходятся по любви люди слишкомъ разной степени развитія, разныхъ вкусовъ, привычекъ и особенно возрастовъ, можетъ ли въ нихъ быть сильна способность сочувствовать другъ другу? такія лица рѣдко находятъ другъ въ другѣ слабый откликъ на свои душевныя событія и живутъ, оставаясь до нѣкоторой степени чужды другъ другу, хотя любовь у нихъ взаимна и она дѣйствительно соединяетъ ихъ.

Волненіе дружбы.

Тѣ волненія, въ которыхъ элементъ симпатіи преобладаетъ надъ нѣжностію, мы назвали выше волненіями дружбы. Постараемся выяснить понятіе о ней преимущественно со стороны ея различія отъ любви.

Волненія дружбы состоятъ изъ тѣхъ же составныхъ элементовъ, какъ и волненія любви: и въ первыхъ есть влеченіе, симпатическое движеніе сердца и также, какъ любовь, дружба сопровождается признаніемъ цѣны друга. Но всѣ эти характерныя черты ея имѣютъ свои особенные оттѣнки.

Такъ, въ дружбѣ есть влеченіе. Но какъ бы оно сильно ни было, оно не доходитъ до крайности влеченія въ любви. Послѣдняя въ случаѣ особенно сильнаго напряженія, не допускаетъ, чтобы любящія лица могли жить одно безъ другого:

въ любви есть по этому отреченіе отъ индивидуальности, нѣкотораго рода снятіе личной особности существованія. Въ дружбѣ влеченіе, хотя доводитъ соединенныхъ ею до подвиговъ самопожертвованія, но не сопровождается такимъ отреченіемъ отъ собственной личности. Въ ней каждый остается тѣмъ, что онъ есть, сохраняетъ всѣ свои права. Поэтому она, сравнительно съ горячею любовью, кажется холодною: друзья сходятся, но не соединяются въ одно существо.

Въ дружбѣ есть признаніе и чувство цѣны: другъ признается дорогимъ, неоцѣненнымъ. Но это признаніе не идетъ такъ далеко, какъ въ любви: оно не доходитъ до обожанія. Для любящаго скрадываются недостатки и даже порочныя качества любимаго человѣка, и потому онъ, до нѣкоторой степени, слѣпъ въ своихъ приговорахъ. Дружба въ этомъ случаѣ не такъ пристрастна: можно видѣть недостатки своихъ друзей; есть истинные друзья, которые понимаютъ, однакожь, что при всѣхъ другихъ достоинствахъ, люди, къ которымъ они дружественны, небезупречны въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Различіе въ этомъ случаѣ между любовію и дружбою происходитъ отъ того, что въ первой признаніе цѣны основывается на влеченіи, а въ послѣдней самое влеченіе основывается на признаніи цѣны друга. Какъ мы сказали, любимый человѣкъ потому дорогъ любящему, что послѣдній къ нему уже влечется, слѣдовательно онъ признанъ дорогимъ ранѣе всякого анализа его. Въ дружбѣ одинъ влечется къ другому потому, что каждый изъ нихъ нашелъ въ другомъ добрыя привлекательныя стороны. Здѣсь анализъ предшествуетъ влеченію и вызываетъ его. Оттого въ любви часто ни одна сторона не можетъ сознательно оправдать свою привязанность; тогда какъ при союзѣ дружбы каждый болѣе или менѣе можетъ сказать, что хорошаго нашелъ онъ въ своемъ другѣ.

Особенно же въ дружбѣ развита сторона симпатіи. Мы видѣли, что въ любви она можетъ быть очень слабою; въ дружбѣ она, можно сказать, есть все. Можно вообразить дружбу безъ элемента признанія цѣны, безъ влеченія (хотя de facto таковой не бываетъ), состоящую изъ одной симпатіи, и все таки она сохранитъ до нѣкоторой степени право носить это имя. Холодно симпатизирующіе взаимно люди, но безъ влеченія и малознающіе одинъ другого, все таки могутъ еще называться друзьями. Но безъ симпатіи дружба не мыслима, была бы противо-

рѣчіемъ самой себѣ. Чѣмъ сильнѣе она, тѣмъ болѣе друзья сочувствуютъ другъ другу, тѣмъ способнѣе они дѣлить мысли и чувства и взаимно принимать радости и огорченія своихъ друзей къ сердцу. Долговременное знакомство и оживленныя сношенія порождаютъ въ друзьяхъ чрезвычайное чутье ко всякимъ событіямъ ихъ внутренней жизни. Въ утвердившейся дружбѣ симпатія беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ нѣжностію или влеченіемъ.

Наконецъ, существенная черта, отличающая дружбу отъ любви, заключается во взаимности ея. Любовь ищетъ отвѣта себѣ, но обходится и безъ него. Какъ часто на пламенную любовь не бываетъ ни какого отклика, или на нее отвѣчаютъ презрѣніемъ, ненавистью. Мало того, можно влюбиться въ личность, которая и не подозрѣваетъ о существованіи любящаго, или его любви. Оттого есть обожаніе втайнѣ, когда влюбленный не смѣетъ чѣмъ либо обнаружить свою любовь предъ ея объектомъ. Извѣстныя красавицы бываютъ предметомъ вздоховъ со стороны такихъ лицъ, съ которыми онѣ совсѣмъ незнакомы. И это обстоятельство не только не препятствуетъ развитію любви, но иногда даже разжигаетъ ее. Въ дружбѣ отсутствіе взаимности невозможно. Нельзя быть другомъ человѣка, который васъ ненавидитъ, или не подозрѣваетъ вашей дружбы, или незнаетъ о вашемъ существованіи.

Такъ какъ дружба требуетъ взаимности, то она предполагаетъ между друзьями, по крайней мѣрѣ, приблизительное равенство ума, характера, убѣжденій и даже общественнаго положенія. Про послѣднее можно еще сказать, что оно не есть condicio sine qua non дружбы. Нерѣдко мы видимъ, что образованные и высокопоставленные люди заводятъ дружбу съ простецами, но богатыми здравымъ смысломъ. Однако, въ такихъ случаяхъ малое положеніе обыкновенно выкупается особыми духовными преимуществами (умомъ, характеромъ), и притомъ высокія лица, дружащія съ малыми, никогда не освобождаются отъ нѣкотораго покровительственнаго тона по отношенію къ нисшимъ, а послѣднія — отъ сознанія нѣкоторой своей приниженности; такія отношенія не могутъ быть названы истинно дружественными. Настоящая дружба предполагаетъ въ друзьяхъ способность взаимно отзываться на все, ими переживаемое. Чтобъ понимать другъ друга, нужно быть каждому опытнымъ въ томъ, что переживается другимъ; это же условіе безъ духовнаго и общественнаго равенства недостижимо. Развитый и обра-

зованный человѣкъ можетъ ли быть другомъ недалекаго въ умственномъ отношеніи простеца? Взрослый можетъ ли дружить съ ребенкомъ, или вялый и апатичный человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ? Найдутъ ли первые отвѣтъ себѣ въ послѣднихъ?

Изъ анализа любви и дружбы было видно, что онѣ слагаются изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ съ тѣмъ различіемъ, что въ одной преобладаетъ начало нѣжности или влеченіе, въ другой — симпатія. Отъ этой близости ихъ и происходитъ то обстоятельство, что онѣ переходятъ одна въ другую. Мы видѣли, что въ любви сторона симпатіи часто бываетъ слаба или совсѣмъ отсутствуетъ. Но отъ благопріятныхъ обстоятельствъ она можетъ развиться. Лица, мало знавшія другъ друга и вступившія между собою въ бракъ, первоначально могутъ питать взаимную нѣжность, имѣя симпатіи весьма слабыя. Однако, такъ какъ совмѣстная жизнь пошла у нихъ согласно и они нашли другъ въ другѣ отвѣты на свои настроенія и состоянія, то, съ теченіемъ времени, развивается у нихъ многосторонняя взаимная симпатія. Послѣдняя можетъ расти все болѣе и болѣе и тогда возможны два случая: или влеченіе, а слѣдовательно, и признаніе цѣны, будетъ расти также пропорціонально; или влеченіе будетъ понемногу ослабѣвать, и вмѣсто того, чтобы опредѣлять цѣну любимаго человѣка, напротивъ, само станетъ искать для себя опоры въ признаніи достоинствъ его. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ любовь оттѣненную дружбою, во второмъ любовь, перешедшую въ дружбу. Первый случай вообще очень рѣдокъ, второй наиболѣе частъ. Это есть обыкновенный и естественный конецъ всякой любви. Какъ бы пламенно ни любили другъ друга супруги, съ годами ихъ любовь должна естественно ослабѣть, т. е. взаимное влеченіе ослабѣетъ. Но такъ какъ они долго жили вмѣстѣ, вызнали другъ друга и нашли взаимно много привлекательнаго, то являются симпатическія взаимныя чувствованія, признаніе взаимной цѣны вызываетъ взаимное влеченіе и на мѣсто горячей любви является сильная дружба. Для перенесенія тягостей жизни, семейнаго мира и согласія она гораздо надежнѣе любви. И потому счастливымъ и нормальнымъ можно почесть лишь тотъ супружескій союзъ, въ которомъ любовь или соединяется съ дружбою или замѣняется послѣднею.

Наоборотъ, бываютъ случаи, когда дружба переходитъ въ любовь. Дружественныя первоначально отношенія между лицами разныхъ половъ незамѣтно переходятъ въ любовь. Такъ бываетъ

съ тѣми, кто съ малолѣтства выросли вмѣстѣ, въ тѣсномъ взаимномъ общеніи. Совмѣстная жизнь развиваетъ въ нихъ сильную взаимную симпатію и влеченіе, опирающееся на взаимномъ признаніи любезныхъ и дорогихъ качествъ. Но является зрѣлый возрастъ: на физіологической отчасти основѣ является у нихъ влеченіе другъ къ другу, для признанія взаимной цѣны является новое основаніе. Это уже любовь, смѣнившая дружбу, любовь съ сильнымъ участіемъ симпатіи, слѣдовательно съ оттѣнкомъ дружбы. Такъ, иногда заключаютъ бракъ люди, не чувствующіе другъ къ другу ничего, кромѣ дружбы, или одна сторона въ бракѣ отвѣчаетъ на любовь другой только дружбою: съ теченіемъ времени, она замѣняется у нихъ любовію.

Любовь и дружба суть основы всякого нравственнаго союза, это моральныя узы, соединяющія разныхъ живыхъ существъ въ одно цѣлое. Любовь соединяетъ высшихъ и старшихъ съ нисшими и младшими, и на оборотъ, послѣдніе ею же привязываются къ первымъ; она соединяетъ равныхъ въ одно существо. Всѣ долговѣчныя учрежденія—церковь, государство, общественная жизнь, въ послѣднемъ основаніи своемъ, опираются на любовь людей другъ къ другу и безъ нея были бы немыслимы, или же стали бы лишь техническими учрежденіями. Только между прочимъ дружба помогаетъ любви упрочивать связь между людьми: неимѣя достаточно могущества, чтобы быть душою широкихъ обществъ, она предназначена къ образованію малыхъ по составу союзовъ, не столько тѣсно, сколько крѣпко и долговѣчно соединяющихъ людей. Въ любви и дружбѣ всѣ существа обрѣтаютъ взаимное единеніе и лишь ими необъятное множество ихъ превращается въ одно цѣлое.

Волненіе грусти.

Въ связи съ нѣжностію и сочувствіемъ намъ слѣдуетъ разсмотрѣть волненіе грусти. Оно развивается по поводу потери существъ, къ которымъ мы нѣжно или дружественно были расположены.

Положимъ, мы крѣпко любили мать, или сына, или друга и вотъ злая судьба похищаетъ ихъ отъ насъ: они должны или уѣхать отъ насъ въ далекую страну, или въ худшемъ случаѣ, одно изъ этихъ любимыхъ лицъ похищается смертію. Мы питали

къ нимъ любовь, слѣдовательно, имѣли сильное влеченіе. признавали ихъ дорогими для себя существами, сочувствовали имъ. Но ихъ теперь нѣтъ. Что же должно стать съ чувствомъ любви? Оставаться, какъ было прежде, оно не можетъ, такъ какъ объектъ его болѣе не существуетъ. Совершенно уничтожиться тоже не можетъ; во 1-хъ, ни одно состояніе, а слѣдовательно, и чувствованіе, не можетъ уничтожаться, во 2-хъ, хотя объектъ любви или дружбы реально не существуетъ, но онъ не перестаетъ представляться нами. Очевидно, съ чувствомъ должно произойти нѣкоторое измѣненіе, но не всецѣлое, и вслѣдствіе этого измѣненія новыя событія должны совершиться въ душѣ.

Въ нѣжномъ чувствѣ, любви и дружбы, мы говорили, есть влеченіе, признаніе цѣны любимаго существа и сочувствіе къ нему. Въ случаѣ потери его, влеченіе остается прежнее и даже увеличивается, но оно не можетъ быть удовлетворено: является чувство лишенія, недостатка, не удовлетворенности. Признаніе цѣны также остается, потому что отсутствіе или исчезновеніе объекта любви не препятствуетъ любящему признавать его, какъ и прежде, дорогимъ для себя. Сочувствіе не только остается прежнее, но при новыхъ условіяхъ развивается съ новою силою, и принимаетъ характеръ сильнаго состраданія. Слѣдовательно, нѣжное чувство претерпѣваетъ здѣсь нѣкоторыя измѣненія: къ нему присоединяется мучительное чувство лишенія и сторона симпатіи въ немъ принимаетъ одно исключительное направленіе. Значитъ, нѣжное чувство, въ случаѣ потери любимаго существа, остается, только къ нему присоединяется безпокоющій, мучительный элементъ. Это и есть грусть. Попытаемся анализировать чувство лишенія и состраданія, характерные признаки ея.

Потеря любимаго существа не устраняетъ ни влеченія, ни признанія цѣны. Предмета любви нѣтъ, но онъ живо припоминается; онъ продолжаетъ привлекать къ себѣ; также, какъ и прежде, желалось бы быть съ нимъ вмѣстѣ, сливать съ нимъ свою душу. Но влеченіе уже не можетъ быть удовлетворено. Отсюда возникаютъ два слѣдствія: съ одной стороны, влеченіе увеличивается: какъ всякое не удовлетворенное стремленіе, оно удвояется и принимаетъ иногда страстный характеръ; съ другой стороны, не удовлетвореніе сильнаго влеченія, порождаетъ чувство громаднаго лишенія. Въ случаѣ смерти любимыхъ лицъ, потеря признается безвозвратною, безнадежною: влеченіе никогда уже не можетъ быть удовлетворено. Это чувство лишенія уве-

личивается еще отъ того обстоятельства, что, послѣ потерь дорогихъ существъ, человѣкъ живѣе сознаетъ ихъ цѣну, еще болѣе превозноситъ ихъ. Элементъ признанія цѣны въ грусти долженъ непремѣнно увеличиться. При жизни любимыхъ и дружественныхъ лицъ, въ сношеніяхъ съ ними мы иногда сталкиваемся со сторонами менѣе симпатичными. Разставшись съ предметами привязанности и находясь подъ сильнымъ вліяніемъ влеченія и состраданія (объ усиленіи его въ грусти мы скажемъ ниже), мы, по закону вліянія чувства на ассоціаціи, всегда односторонняго, въ своемъ воспоминаніи подбираемъ лишь тѣ черты и факты, которые способны питать и поддерживать упомянутыя чувства, и игнорируемъ и даже забываемъ всё, что могло бы противорѣчить имъ. Такимъ образомъ утраченный предметъ любви является въ нашемъ воспоминаніи лишь въ однихъ свѣтлыхъ чертахъ, освобожденный отъ всякихъ недостатковъ, идеализованный. Усилившееся влеченіе постоянно приводитъ этотъ образъ на память, онъ дѣлается своего рода idée fixe, въ которой умственный взоръ открываетъ новыя любезныя черты. И такой то дорогой предметъ признается нами утраченнымъ навсегда! Признаніе огромной цѣны утраченнаго предмета возбуждаетъ и усиливаетъ влеченіе, послѣднее еще сильнѣе поднимаетъ цѣну его, такъ что обѣ эти причины взаимодѣйствуютъ и естественно за усиленіемъ ихъ растетъ и чувство лишенія.

Слѣдовательно, состояніе лишенія поддерживается и развивается въ грусти двумя взаимодѣйствующими причинами, первыми двумя элементами ея. Оно можетъ принимать характеръ ноющаго и щемящаго сердце страданія, тяжко подавлять своею безнадежностію, лежать на немъ какъ свинецъ. Отъ него человѣкъ, понесшій большую потерю, нигдѣ не можетъ укрыться и куда бы онъ не пошелъ, оно неотступно преслѣдуетъ его. По силѣ влеченія, безпокойнаго въ своей неудовлетворимости, образъ утраченнаго существа безотвязно напрашивается на вниманіе. Чѣмъ же болѣе грустящій думаетъ о немъ. тѣмъ милѣе это существо кажется (усиленіе влеченія), чѣмъ дороже оно признается (усиленіе признанія цѣны), тѣмъ сильнѣй и безотраднѣй чувство лишенія.

Сторона симпатіи въ грусти, мы сказали, принимаетъ характеръ состраданія. Это происходитъ оттого, что, при потерѣ любимаго лица, есть поводы для одного только состраданія. Мать, провожая сына въ далекую поѣздку, думаетъ о тягости

предстоящаго путешествія, о возможной болѣзни сына, о положеніи на чужой сторонѣ среди чужихъ, и она естественно жалѣетъ его, сострадаетъ его тяготамъ и ожидающимъ лишеніямъ. Смотря на гробъ и могилу, человѣкъ припоминаетъ болѣзнь, унесшую дорогое существо, его страданія, которымъ ни чѣмъ нельзя было помочь, его предсмертныя мучительныя минуты, его настоящую безпомощность, тѣсноту, мракъ, холодъ могилы и сердце у него сжимается подъ чувствомъ безконечной жалости и состраданія. Чѣмъ болѣе думается объ утраченномъ существѣ, тѣмъ болѣе и болѣе представляется подробностей, вызывающихъ состраданіе. Похоронныя причитанья, по преимуществу, описываютъ горестное, жалкое положеніе умершаго и выражаютъ чувство жалости къ нему.

Особенное и преимущественное развитіе состраданія въ грусти имѣетъ два послѣдствія. Такъ какъ въ грусти любовь и нѣжное чувство продолжаются (влеченіе, признаніе цѣны и симпатія не перестаютъ существовать), то усиленіе симпатіи придаетъ любви (въ которой иногда элементъ симпатіи бываетъ слабъ) дружественный характеръ. Грустящему кажется, что онъ потерялъ не только любимаго вообще человѣка, но и друга. Родителю, горько сѣтующему о потерѣ дѣтища, кажется, что онъ оплакиваетъ потерю какого-то друга. Во 2-хъ, такъ какъ при грусти усиливается состраданіе къ утраченному существу, а состраданіе есть вмѣстѣ и страданіе, то оно не мало увеличиваетъ тягость и муку грусти. Еще тяжеле, невыносимѣй переживается бремя ея оттого, что къ тяжелому чувству лишенія присоединяются муки жалости и состраданія.

Исходъ грусти зависитъ отъ силы нѣжнаго чувства въ ней. Если оно чрезвычайно сильно, то чувства лишенія и состраданія бываютъ такъ тяжелы, что потерпѣвшій потерю невыноситъ: онъ или налагаетъ на себя руки (чаще при сильной половой любви) или теряетъ здоровье умственное, а иногда и физическое. Извѣстно, что отъ сильной грусти стрѣляются, сходятъ съ ума, или же умираютъ: случаются примѣры супруговъ, умирающихъ въ одинъ день, причемъ одинъ умираетъ отъ невыносимости потери. Въ большинствѣ же случаевъ грусть современемъ смягчается и если не проходитъ совершенно, то переходитъ въ одно лишь состраданіе къ утраченному существу. Если неудовлетворяемое стремленіе иногда усиливается, то въ другихъ случаяхъ, и даже въ большинствѣ, бываетъ и то, что

оно, по причинѣ неудовлетворенности, ослабляется: тогда чувство лишенія естественно должно уменьшится. Новыя впечатлѣнія и интересы начинаютъ привлекать вниманіе, любимый образъ начинаетъ рѣже и рѣже припоминаться, слѣдоват. менѣе часто пронизываетъ сердце чувство состраданія и жалости. Наконецъ, случается, что горестное воспоминаніе совершенно заслонится новыми привязанностями: влеченіе перестанетъ тогда существовать и нѣжное чувство исчезаетъ; остается, какъ послѣдній слѣдъ грусти, только одно чувство состраданія, неизмѣнно возникающее, когда, по какому нибудь поводу, прежній любимый образъ предстанетъ въ воспоминаніи. Но часто бываетъ и то, что, влеченіе, хотя и ослабѣваетъ, но все же продолжается, значитъ, нѣжное чувство остается, равно какъ и состраданіе. Грусть ослабѣла, но она еще существуетъ. Вслѣдствіе массы новыхъ впечатлѣній, новыхъ ассоціацій и ослабленія силы влеченія, любимый образъ нечасто возникаетъ въ памяти. Разъ же возникнувъ, онъ на долгое время приковываетъ къ себѣ, возобновляется грусть во всемъ ея составѣ и снова человѣкъ глубоко груститъ, пока не отвлекутъ его въ другую сторону требованія и впечатлѣнія жизни.

Изъ анализа грусти видно, что можетъ служить истиннымъ утѣшеніемъ въ ней и чѣмъ она можетъ быть ослаблена.

Попытки уменьшить признаніе цѣны разными разоблаченіями, или клеветою и ложью на предметъ грусти, могутъ только оскорблять тоскующаго. Въ виду безотвѣтности гроба и могилы, благородный человѣкъ сдѣлается пламеннымъ ихъ защитникомъ. Но попытки уменьшить состраданіе, или чувство лишенія могутъ до нѣкоторой степени достигать цѣли: напр. въ разлукѣ много утѣшаетъ мысль, что уѣхавшему будетъ хорошо и безъ насъ, или даже еще лучше, или въ виду гроба можетъ утѣшать мысль, что смерть была безболѣзненна, или что она была освобожденіемъ отъ мучительныхъ, неисцѣльныхъ страданій. Чувство лишенія можетъ быть ослаблено лишь укрѣпленіемъ вѣры въ безсмертіе души. Оно безнадежно у человѣка, лишеннаго этого убѣжденія, но смягчается у христіанина, вѣрующаго, что смерть есть лишь временная разлука и что въ загробной жизни любящія другъ друга души снова возстановятъ союзъ любви. Вотъ почему никогда не чувствуется такъ сильно сладость религіозныхъ утѣшеній, какъ въ минуты горькихъ потерь. Какъ бы, однако, ни были обильны утѣшенія, они могутъ только смяг-

чать скорбь. Исцѣлить ее, или значительно ослабить можетъ только время. Безумно думать, что можно вдругъ устранить скорбь и горечь потери. Это особенно слѣдуетъ помнить людямъ, вѣрящимъ въ силу своихъ фразъ. Только время, несущее новые предметы для влеченій, новыя впечатлѣнія и ассоціаціи, можетъ залѣчивать зіяющія раны человѣческаго сердца.

Волненіе гнѣва. Ненависть.

Въ связи съ волненіями привязанности мы разсмотримъ волненія гнѣва, потому что онъ дѣйствительно родственнъ имъ. Какъ, въ логическомъ отношеніи, противоположности исключаютъ себя взаимно, но тѣмъ не менѣе и родственны, потому что суть виды одного и того же рода (бѣлое, черное составляютъ виды цвѣта), такъ и гнѣвъ и любовь взаимно противоположны и, однако, суть виды одного рода волненій. Что противополагается любви и дружбѣ? Ненависть. Но ненависть есть только постоянный гнѣвъ на кого нибудь или на что нибудь: она есть постоянная, какъ бы хроническая форма гнѣва, тогда какъ самый гнѣвъ есть острая форма ненависти. Что нѣжное чувство относительно любви, то гнѣвъ относительно ненависти.

Разсмотримъ прежде всего поводы къ гнѣву. Что именно служитъ непосредственною причиною его. Есть ли это неудовольствіе или страданіе, причиняемое намъ извнѣ? Но многія неудовольствія и страданія не вызываютъ гнѣва. Болѣзнь можетъ быть тягостна и мучительна, дождь къ великому огорченію можетъ разстроить предпринятую partie de plaisir, смерть лишить любимѣйшаго человѣка, случайно упавшій карнизъ увѣчить проходящаго и т. под. и однако, всѣ эти случаи, сами по себѣ непріятные и заставляющіе человѣка страдать, невызываютъ, однакожь, гнѣва. Не всякое огорченіе и неудовольствіе возбуждаютъ его. Тѣ непріятности, въ происхожденіи которыхъ мы не подозрѣваемъ участія чьей либо воли, вообще не бываютъ причиною гнѣва, такъ что одни и тѣже страданія и неудовольствія возбуждаютъ и не возбуждаютъ его, смотря потому, приписываетъ или неприписываетъ ихъ человѣкъ кому нибудь. Неосторожно нанесенный ударъ можетъ возбудить боль, но гнѣва не возбудитъ, и тотъ же ударъ, нанесенный намѣренно, можетъ взор-

вать человѣка. Слѣдовательно, мы гнѣваемся непремѣнно на кого нибудь. Если дитя въ сердцахъ бьетъ куклу, которая не становится прямо, какъ ему того хотѣлось бы, или столъ, о который оно ударилось, то это потому, что, одушевляя предметы кругомъ себя, оно въ куклѣ, столѣ и т. д. видитъ какъ бы живыя существа, которыя причиняютъ ему вредъ.

Какія же изъ дѣйствій живого существа непосредственно возбуждаетъ гнѣвъ? Прежде всего тѣ, въ которыхъ для насъ ясно противодѣйствіе нашей волѣ. Такъ какъ противодѣйствіе исходитъ отъ намѣренной воли кого-нибудь, то слѣдовательно, столкновеніе двухъ противодѣйствующихъ воль—вотъ что есть первая причина гнѣва. Это мы видимъ на дѣтяхъ: они сердятся другъ на друга, на лицъ, ходящихъ за ними, когда дѣлается не по нимъ, когда имъ кажется, что кто нибудь намѣренно противодѣйствуетъ ихъ желаніямъ и намѣреніямъ. На себѣ самихъ мы видимъ, что неповиновеніе, не исполненіе желаній, прямое противодѣйствіе нашимъ намѣреніямъ, съ какой бы стороны не происходило, болѣе или менѣе гнѣвно раздражаетъ насъ. Даже простое противорѣчіе, но въ которомъ слышится сопротивленіе нашей волѣ, и то непремѣнно раздражаетъ, и какъ извѣстно, слишкомъ нервныхъ людей доводитъ до большого гнѣва. Я думаю, что къ этой причинѣ могутъ быть сведены всѣ поводы его. Удары и насмѣшки не сами по себѣ служатъ причиною гнѣва: дружескіе или ненамѣренные удары, шутки и насмѣшки, при другихъ обстоятельствахъ не выносимыя, въ дружеской компаніи переносятся безъ гнѣва, хотя не всегда легко. Но тѣже удары, насмѣшки раздражаютъ до изступленія, когда замѣчается намѣреніе сдѣлать нападеніе, естественно вызывающее противодѣйствіе въ нападаемомъ и гнѣвъ. Чѣмъ противодѣйствующая и нападающая воля сильнѣе, дѣйствуетъ неожиданнѣй, чѣмъ менѣе, казалось бы, далъ нападаемый поводовъ, тѣмъ сильнѣе бываетъ и гнѣвъ его.

Гнѣвъ, мы сказали, есть волненіе, противоположное нѣжному: это можетъ подтвердить его анализъ. Въ нѣжномъ чувствѣ есть влеченіе къ предмету, признаніе высокой цѣны его и извѣстная доля сочувствія къ нему; по противоположенію, волненіе гнѣва должно сопровождаться отталкиваніемъ субъекта отъ предмета гнѣва, признаніемъ низменности или униженіемъ его и антипатіею къ нему.

Въ нѣжномъ волненіи человѣкъ влечется къ предмету его, желаетъ быть вмѣстѣ съ нимъ, соединиться съ нимъ на всегда. Въ гнѣвѣ бываетъ напротивъ; человѣкъ чувствуетъ, что его отталкиваетъ что то отъ разсердившаго лица; въ моментъ гнѣвной вспышки онъ становится далекъ отъ послѣдняго. Мирно и спокойно уживавшіеся люди, въ гнѣвѣ становятся двумя противоположными полюсами, несогласимыми, непримиримыми. Какъ бы разсердившій человѣкъ ни былъ близокъ къ тому, кого онъ разсердилъ, будь это отецъ, мать, любимая супруга, другъ, любимое дитя, онъ на время гнѣва становится для разсерженнаго совершенно чужимъ, далекимъ отъ него существомъ. Оттого, друзьямъ, членамъ семьи, въ минуты сильныхъ вспышекъ, кажется иногда, что между ними порвалась всякая связь и прежнія отношенія *невозможны*. Чувствуя во время гнѣва, что между ними какъ будто разверзлась не переходимая пропасть, они думаютъ, что о прежней тѣсной связи болѣе не можетъ быть уже и рѣчи.

Далѣе, въ нѣжномъ волненіи человѣкъ признаетъ дорогимъ и не оцѣненнымъ предметъ его чувства: напротивъ, въ гнѣвѣ человѣкъ естественно склоненъ унижать разгнѣвавшаго: для него онъ дурной, худой человѣкъ; отъ него отбираются достоинства, которыя въ другія времена охотно за нимъ признавались; отыскиваются слабости, которымъ обыкновенно непридавалось значенія, и возводятся въ положительные пороки. Гнѣвающійся унижаетъ своего раздражителя совершенно искренно, не для показу или мести только. Нѣтъ, онъ убѣжденъ бываетъ въ моментъ гнѣва, что иначе и представлять себѣ разгнѣвавшаго невозможно. На самыхъ близкихъ людей, на благодѣтелей и друзей своихъ гнѣвный человѣкъ способенъ смотрѣть, какъ на достойныхъ презрѣнія личностей. Благодѣянія, ласки, услуги, все забывается; иногда даже это все ставится какъ бы въ вину предмету гнѣва: только одно темное, дурное, злое и способенъ гнѣвный человѣкъ видѣть въ причинахъ своего волненія. Въ такіе то моменты человѣкъ бываетъ особенно склоненъ къ брани: смыслъ ея въ томъ и заключается, что ею выражается презрѣніе, унизительный взглядъ на того, къ кому она направляется. На простыхъ необразованныхъ, не привыкшихъ сдерживать себя, людяхъ видно, что всякая гнѣвная вспышка сопровождается у нихъ болѣе или менѣе энергичною бранью. Образованный человѣкъ въ гнѣвѣ воздерживается отъ бранныхъ выраженій, но

мысленно, про себя, онъ весьма унизительно представляетъ разсердившаго человѣка и въ душѣ бранитъ его.

Наконецъ, гнѣвъ сопровождается чувствомъ антипатіи къ предмету его. Мы видѣли, что въ нѣжномъ чувствѣ есть большая или меньшая доля симпатіи: человѣкъ сочувствуетъ страданіямъ и радостямъ существа, возбудившаго нѣжное волненіе; наоборотъ, разгнѣвавшій становится предметомъ совершенной антипатіи; чувствованія перваго находятъ совершенно антипатичный откликъ въ сердцѣ разгнѣваннаго. Радость и удовольствіе объекта гнѣва возбуждаетъ неудовольствіе въ субъектѣ его, страданіе и горе, напротивъ, возбуждаютъ удовольствіе, всякое выраженіе веселья, радости въ разсердившемъ просто возмущаетъ разгнѣваннаго (оттого подчиненнымъ опасно *съ улыбкою* слушать гнѣвную рѣчь начальника); выраженіе боли въ первомъ, напротивъ, доставляетъ рѣшительное удовольствіе второму. Въ силу симпатическаго волненія въ моментъ гнѣва, разсерженный человѣкъ болѣе или менѣе легко переходитъ къ насилію: нѣжные въ обыкновенное время къ дѣтямъ, родители, которымъ и въ голову не приходило когда либо наказывать свое дитя, въ минуту сильнаго гнѣва наказываютъ его и находятъ даже нѣкоторое удовлетвореніе въ боли и жалобахъ его. Въ минуты вспышекъ иногда наносятся обиды дѣйствіемъ, причиняются увѣчья, потому что гнѣвному пріятно страданіе антипатичнаго человѣка. Такимъ образомъ гнѣвающійся въ минуты раздраженія, расторгаетъ союзъ свой съ предметами гнѣва, хотя бы они были ему существа близкія, любезныя и дружественныя. Симпатія его дѣлается извращенною, противочувствіемъ (антипатіею).

Между гнѣвными волненіями слѣдуетъ различать одинъ частный видъ ихъ: вспышки негодованія. Онѣ возникаютъ по поводу явнаго нарушенія кѣмъ либо справедливости. Мы негодуемъ въ виду явнаго безнаказаннаго нарушенія законовъ, вопіющей неблагодарности, недобросовѣстности и т. д. Это гнѣвъ моральный, гнѣвъ на волю, дѣйствующую діаметрально противоположно тому, какъ намъ, по усвоеннымъ принципамъ нравственнаго закона, желалось бы, чтобы всѣ поступали. Въ дѣйствіяхъ, возбуждающихъ негодованіе, мы видимъ волю, противодѣйствующую усвоеннымъ и одобреннымъ нами правиламъ.

Въ негодованіи есть всѣ характерныя черты гнѣва, но съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. Въ гнѣвѣ вообще человѣкъ чувствуетъ, что его что то отталкиваетъ отъ разсердившаго, что

онъ ему чуждъ и далекъ отъ него; въ негодованіи это отталкивающее чувство принимаетъ моральный характеръ. Негодующій чувствуетъ свою моральную противоположность предмету негодованія. Онъ сердцемъ понимаетъ, что въ вопіющемъ дѣйствіи есть нѣчто крайне чуждое ему, съ чѣмъ помириться никакъ ему не возможно. Въ силу отталкиванія отъ безчестной воли, тѣмъ живѣе негодующій сознаетъ попранную правду и живое сознаніе поруганной справедливости никогда небываетъ такъ энергично, какъ въ моментъ негодованія. Далѣе, гнѣвъ сопровождается признаніемъ низменности, униженіемъ того, кто его возбудилъ; въ негодованіи это униженіе бываетъ полное. Поступокъ признается неблагороднымъ, низкимъ, омерзительнымъ, виновникъ его безчестнымъ, негоднымъ человѣкомъ: униженіе здѣсь доходитъ до презрѣнія. Негодующій презираетъ людей, которые поступили въ извѣстномъ случаѣ совсѣмъ на оборотъ, чѣмъ какъ должны были вести себя. Нѣтъ предѣловъ низменности, до которой негодующій человѣкъ не опускалъ бы въ своихъ глазахъ лицъ, его раздражившихъ. Наконецъ, антипатія въ случаяхъ негодованія бываетъ полная. Негодующій нашелъ бы для себя огромное удовольствіе въ страданіяхъ лицъ, возбудившихъ въ немъ упомянутое чувство, если бы онъ въ состояніи былъ это сдѣлать; и когда онъ прямымъ ли насиліемъ, или словомъ, заставляетъ страдать этихъ лицъ, онъ глубоко радуется при этомъ; напротивъ, торжество или веселье лицъ, возбуждающихъ негодованіе, причиняетъ ему печаль, такъ что въ сердцѣ его, возбужденномъ антипатически, состоянія лицъ, на которыхъ онъ негодуетъ, находятъ совсѣмъ противоположный откликъ.

Какъ изъ нѣжнаго чувства развивается любовь, такъ изъ гнѣва можетъ развиться ненависть. Часто гнѣваясь на одно и тоже лицо, человѣкъ доходитъ до ненависти къ нему. Всѣ тѣ случаи, которые порождаютъ гнѣвъ, повторяясь неоднократно, могутъ служить поводами для развитія ненависти. Постоянное противодѣйствіе намѣреніямъ, т. е. прямое неоднократное противленіе волѣ, легко можетъ развить ненависть, въ томъ, кто съ нимъ встрѣчается. Иногда неоднократное противорѣчіе на словахъ, въ которомъ, однако, слышится непреклонное противодѣйствіе, служитъ поводомъ для ненависти. Многія обиды и оскорбленія, свидѣтельствующія о не примиримомъ противорѣчіи воли, ихъ дѣлающей, съ волей того, кому они наносятся, возбуждаютъ сильнѣйшую ненависть. Она есть постоянный гнѣвъ на

кого либо, т. е. хроническій видъ его. Достаточно ненавидящему какъ нибудь вызвать въ воспоминаніи имя предмета ненависти, какъ онъ неизбѣжно почувствуетъ гнѣвъ на него. Какъ при любви образъ любимаго существа тотчасъ же возбуждаетъ нѣжное волненіе, такъ при ненависти образъ ненавидимаго лица сейчасъ же возбуждаетъ гнѣвъ. Такъ какъ она есть гнѣвъ, получившій силу хроническаго недуга, то понятно, что во всѣхъ обнаруженіяхъ ея мы встрѣчаемся съ самыми крайними и рѣзкими элементами гнѣва.

И во 1-хъ, въ ненависти чувство отталкиванія отъ ненавидимой личности доходитъ до крайняго напряженія: субъектъ чувствуетъ свое непримиримое противорѣчіе ненавистному лицу; оно становится для него, какъ говорятъ, непереваримымъ. При такомъ отталкиваніи, самый видъ его дѣлается невыносимымъ: субъектъ не можетъ держать предметъ ненависти на виду у себя (*ненавидитъ*). Всякая встрѣча съ нимъ, хотя и безъ всякихъ попытокъ нападенія со стороны ненавидимаго, становится тяжкимъ испытаніемъ терпѣнія, выносливости, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства или положеніе ненавидимаго дѣлаютъ обнаруженіе гнѣва крайне неудобнымъ.

Второй элементъ гнѣва, признаніе низменности предмета его, подвергается въ ненависти нѣкоторымъ любопытнымъ видоизмѣненіямъ. Развиваясь до крайности, онъ можетъ превратиться въ полное презрѣніе. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ встрѣчается съ противодѣйствующею пошлостію, напр. волею не твердою и слабоумною. Ненавидя пошлыхъ лицъ, субъектъ въ тоже время и презираетъ ихъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда субъектъ, встрѣчается съ силой воли, какой онъ не ожидалъ отъ ненавидимаго, или съ умомъ и характеромъ, значительно превышающими всѣ его предположенія, то, признавая личность воплощеніемъ зла, онъ однако поражается удивленіемъ къ ней. Ненавидя сильнаго человѣка, можно однако и удивляться его мощи, силѣ противодѣйствія его. Если противодѣйствія и нападенія состороны ненавидимаго признаются непреоборимыми, и вмѣстѣ опасными для жизни, здоровья, чести, то ненависть можетъ сопровождаться страхомъ. Бываетъ ненависть, соединенная съ этимъ чувствомъ, когда ненавидящій съ ужасомъ смотритъ на своего противника или воспоминаетъ о немъ. Презрѣніе, удивленіе и страхъ видоизмѣняются въ ненависти, смотря потому, въ какихъ размѣрахъ признается зло въ ненавидимомъ.

Элементъ антипатіи, присущій гнѣву, въ ненависти превращается въ полное злорадство: чѣмъ хуже ненавидимому, тѣмъ лучше ненавидящему. Всевозможныя бѣдствія, обрушившіяся на голову перваго не исторгнутъ въ послѣднемъ чувства жалости; напротивъ, хотя не всегда въ слухъ, онъ про себя радуется имъ. Такъ какъ злорадство въ разбираемомъ чувствѣ достигаетъ верха своего развитія, то ненавидящій старается принимать мѣры, чтобы причинить страданіе своему противнику. Онъ находитъ для себя отраду и успокоеніе, когда видитъ, что его мѣры достигли цѣли, что ненавистное лицо страдаетъ. Оттого ненависть склонна строить ковы, гибель и униженіе тому, на кого она направляется.

Любопытно, что сила ненависти находится въ обратномъ отношеніи къ насыщенію ненавидящаго субъекта злорадствомъ. Она уменьшается, когда послѣднее удовлетворено, при томъ неоднократно; она можетъ даже исчезнуть и превратиться въ одно презрѣніе, если несчастія и бѣдствія ненавидимаго, насытивъ злорадство ненавидящаго, успѣютъ возбудить въ послѣднемъ чувство мизерности и малости. Но ненависть возрастаетъ, когда злорадство, по обстоятельствамъ, удовлетворено быть не можетъ. Когда субъектъ не можетъ заставить ненавидимаго страдать, его хроническій гнѣвъ идетъ crescendo. Такъ, подчиненный, молча перенося нападки начальника, затаевая въ себѣ антипатію къ нему, можетъ дойти до изступленной ненависти. Побѣдитель перестаетъ ненавидѣть побѣжденнаго, которому нанесъ униженіе и страданіе; ненависть побѣжденнаго, антипатіи котораго невозможно ни въ чемъ высказаться и который не можетъ заставить своего противника страдать, превращается въ неумолимую ненависть къ послѣднему; и она увеличивается въ той степени, въ какой невозможность причинить побѣдителю страданія, будетъ представляться яснѣе и яснѣе.

Антипатія. Вражда.

Мы нашли, что движеніе сердца, противоположное нѣжному, есть гнѣвъ и что какъ нѣжное волненіе можетъ развиться въ любовь, такъ гнѣвъ — въ ненависть. Мы должны теперь указать волненія, противоположныя симпатіи и развивающейся изъ нея дружбѣ: это — антипатія, которая часто переходитъ во вражду.

Антипатія противоположна симпатіи. Относясь къ кому либо съ сочувствіемъ, мы входимъ въ его радости и огорченія; при антипатіи, субъектъ относится къ предмету своего чувства извращенно; онъ дѣятельно откликается на состоянія другого человѣка, но такъ, что радость послѣдняго причиняетъ ему горе, а страданіе — удовольствіе. Въ полномъ своемъ развитіи антипатія превращается въ злорадство. Такого напряженія она достигаетъ только въ сильной ненависти и враждѣ; при легкихъ степеняхъ антипатіи, человѣкъ лишь досадуетъ на чужія радости и остается холоднымъ при видѣ страданій другого.

Въ чемъ заключается главная причина антипатіи, чувствуемой иногда людьми по отношенію другъ къ другу? Она заключается не во внѣшнемъ безобразіи чертъ лица или фигуры, потому, что и красавцы бываютъ антипатичны и многіе некрасивые люди симпатичны; не въ умѣ, какъ таковомъ, хотя мы и говоримъ объ антипатичномъ умѣ, потому что онъ можетъ быть логичный или не логичный, послѣдовательный или непослѣдовательный, обширный или малый, и въ силу этихъ только качествъ онъ не можетъ быть антипатичнымъ. И въ антипатіи, какъ въ гнѣвѣ, первоначальная причина должна быть въ большей или меньшей непримиримости воль. Антипатія возбуждается всякимъ почувствованнымъ или чаемымъ противодѣйствіемъ другой воли. Человѣкъ, стоящій на дорогѣ, болѣе или менѣе стѣсняющій свободу дѣйствій, особенно же противодѣйствующій, есть непремѣнно предметъ антипатіи. Всякій по опыту знаетъ, что стоитъ только дойти вѣстямъ до насъ о чьемъ либо недоброжелательствѣ, противодѣйствіи, какъ сейчасъ же чувствуется, что въ насъ возбуждается антипатія къ нему. Когда во внѣшней фигурѣ, лицѣ и глазахъ намъ сказывается недоброжелательная и непримиримая съ нашей воля, мы, хотя бы еще ни на какомъ фактѣ не испытали непримиримости, сейчасъ же антипатично волнуемся относительно такой личности. Когда въ чьемъ-либо умѣ слышится намъ направленіе не наше, пріемы и манеры не наши, и за ними чувствуется воля, несогласная съ нашей, готовая противиться намъ, мы волнуемся антипатично и самый умъ называемъ антипатичнымъ. Не то, чтобъ внѣшность человѣка или умъ его, или голосъ, или манеры сами по себѣ, какъ таковыя, были антипатичны: ибо одно и тоже въ этомъ отношеніи одному ставится въ вину, другому нѣтъ; но они служатъ поводами къ антипатіи, когда

въ нихъ чуется намъ воля непримиримая, готовая противодѣйствовать нашей.

Антипатія можетъ развиться во вражду. Что дружба относительно симпатіи, то вражда въ отношеніи къ антипатіи: именно, когда къ послѣдней присоединяются болѣе или менѣе сильное отталкиваніе и признаніе низменности извѣстной личности, то является уже вражда.

Въ ней чувство отталкиванія можетъ варіироваться. Оно можетъ быть очень слабо, походить болѣе на чувство раздора, несогласія съ натурою другого; при сильной враждѣ оно доходитъ до чувства противорѣчія и даже противоположности натурѣ врага. Однако, до послѣдней крайности оно доходитъ только въ тѣхъ случаяхъ вражды, которые близки къ ненависти; обыкновенно же отталкиваніе бываетъ у враговъ слабое, такъ что они могутъ выносить другъ друга, болѣе или менѣе уживаться вмѣстѣ.

Признаніе цѣны можетъ во враждѣ также сильно видоизмѣняться. Врагъ въ одномъ отношеніи всегда признается не хорошимъ человѣкомъ: именно, онъ кажется дурнымъ съ той стороны, которою онъ стоитъ къ лицу, которою онъ сталкивался съ нимъ, и эта сторона врага всегда осуждается. Когда признаніе низменности простирается на личность врага всецѣло и ничего въ немъ не признается достойнымъ уваженія, то къ признанію низменности присоединяется чувство презрѣнія. Если же, кромѣ стороны осуждаемой, во врагѣ признается сила ума, характера, подвигъ воли въ какихъ нибудь случаяхъ, то къ упомянутому признанію присоединяется нѣкоторое чувство удивленія и уваженія. Врагъ худъ для насъ тою своею стороною, которою онъ прикасается къ намъ, но его можно уважать за иныя стороны, не имѣющія къ намъ отношенія.

Особенно же во враждѣ развитъ элементъ антипатіи. Она принимаетъ характеръ то не расположенности входить въ радости и огорченія врага, то положительнаго злорадства. Не расположенность можетъ превращаться въ совершенно безучастную холодность къ тѣмъ событіямъ въ жизни врага, которыя, по видимому, должны были бы непремѣнно вызывать сочувствіе, будь это не врагъ, а просто чужой человѣкъ. Въ сильной враждѣ антипатія доходитъ до злорадства: субъекту тягостно слышать о торжествѣ и успѣхахъ врага, хотя бы они не имѣли никакого значенія для перваго и не усиливали по отношенію къ

нему враждебной силы; въ случаѣ взаимныхъ неудачъ врагамъ пріятно слышать о нихъ и тотъ изъ двухъ всего болѣе радуется, кто можетъ сказать, что его врагъ потерпѣлъ сильнѣйшее пораженіе.

Отъ ненависти вражда отличается тѣмъ, что въ послѣдней элементъ отталкиванія не рѣдко бываетъ слабъ; тогда какъ въ ненавидящемъ онъ доходитъ до чувства непереваримости ненавидимаго лица. По этому вражда можетъ быть вялою, слабою, иногда не требуется большихъ усилій и значительныхъ взаимныхъ уступокъ отъ враговъ, чтобы возстановились между ними миръ и даже дружба. Ненависть слабою, вялою быть не можетъ: она энергична всегда и во всѣхъ своихъ сторонахъ. Оба чувствованія, въ сущности, очень близки одно къ другому. Мы видѣли, что составъ ихъ одинаковъ: сильная вражда, въ которой напряжены всѣ составныя ея части, почти ни чѣмъ не отличается отъ ненависти. Оттого усилившаяся вражда часто переходитъ въ ненависть, и ослабленная ненависть переходитъ во вражду. Какъ любовь часто переходитъ въ дружбу и обратно, такъ и ненависть можетъ переходить во вражду и наоборотъ. Различіе здѣсь можетъ быть найдено развѣ то, что чаще всего любовь переходитъ въ дружбу, обратный же переходъ бываетъ рѣже, тогда какъ въ противоположныхъ имъ волненіяхъ вражда чаще переходитъ въ ненависть и рѣже наоборотъ.

Какъ нѣжныя волненія, любовь, симпатія и дружба соединяютъ людей и вообще живыхъ существъ въ одно цѣлое, такъ гнѣвъ, ненависть, антипатія и вражда должны быть признаны началами разъединенія и расторженія союза существъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда объектъ ихъ нѣчто дѣйствительно дурное, они не могутъ служить основами какого либо прочнаго союза. Если и говорятъ, что многіе соединяются единствомъ предмета ненависти и вражды, то это значитъ не то, что ими найдена связующая ихъ нить и что ненависть крѣпко объединила ихъ, но лишь то, что, ненавидящіе, въ борьбѣ противъ общаго объекта своего чувства, очутились на одной сторонѣ. Когда нѣтъ между ними элементовъ дружбы и любви, эти, повидимому, единодушные бойцы, послѣ побѣды, разойдутся холодными и равнодушными другъ къ другу, если только не затѣютъ борьбы между собою. Указанныя чувства въ высшей степени антисоціальны: отъ нихъ исходитъ нестроеніе и раздоръ въ обществѣ, народахъ, они составляютъ центробѣжную силу въ государствѣ и горе той націи,

въ которой противообщественныя чувства берутъ перевѣсъ надъ общественными.

Личныя волненія: радость и горе.

Перейдемъ къ другому роду волненій, которыя мы назвали личными. Они имѣютъ то общее между собою, что непосредственно касаются личности, „я“ какъ индивидуума. Сердце отнюдь не безучастно относится къ событіямъ, случающимся съ личностію, какъ таковою: оно радуется, когда впечатлѣнія несутъ выгоду, пользу и т. д., страшится, когда личность встрѣчаетъ опасность для своего существованія, пріятно трепещетъ отъ удовольствія хвалы, или конфузится отъ стыда въ противоположномъ случаѣ, сознаніе личныхъ достоинствъ сопровождаетъ волненіемъ самоуваженія. По этому къ личнымъ волненіямъ мы причисляемъ: радость, страхъ, удовольствіе хвалы и неудовольствіе порицанія, стыдъ, самоуваженіе.

Волненіе радости, конечно, слѣдуетъ отличать отъ наслажденія. Представимъ себѣ, что удовольствіе увеличивается: оно становится наслажденіемъ, наслажденіе тоже можетъ расти. Но какъ бы оно ни росло, станетъ ли оно радостію? Нѣтъ, оно останется наслажденіемъ: оно можетъ сдѣлаться сильнымъ, глубокимъ, обнять все существо человѣка, но это не будетъ радость и про наслаждающагося человѣка нельзя сказать, что онъ радуется; наприм. эстетическое наслажденіе можетъ быть очень велико, удовольствія вкуса, цвѣтовъ могутъ быть сильны, но радостію ихъ мы тоже не назовемъ. Далѣе, можно радоваться предстоящему наслажденію и эта радость будетъ дѣйствительная, но едва ли можно сказать, что мы наслаждаемся предстоящимъ наслажденіемъ. Насъ приглашаютъ на веселый вечеръ, въ театръ, на концертъ и т. д. и мы, зная, что тамъ предстоитъ большое наслажденіе, радуемся приглашенію. Можно ли, однако, говорить, что мы наслаждаемся предстоящимъ баломъ, музыкою, театромъ? Надобно имѣть очень сильное воображеніе, чтобъ будущее наслажденіе превратить въ настоящее; и всё-таки наслажденіе будущимъ удовольствіемъ не то, что реально испытываемое; тогда какъ радость всегда есть радость. Въ чемъ же собственно состоитъ различіе между нею и наслажденіемъ?

Во 1-хъ, есть различіе въ энергіи выраженія. Сильное наслажденіе, хотя и обнаруживается нѣкоторымъ отблескомъ въ

глазахъ, шорохомъ по спинѣ и ощущеніями на головѣ, похожими на ощущенія холода (напр. при музыкѣ и пѣніи), но не имѣетъ энергическихъ обнаруженій въ тѣлѣ. Наслаждающійся остается спокойнымъ при своемъ чувствѣ и чѣмъ болѣе наслаждается, тѣмъ болѣе теряетъ активную энергію, и какъ бы замираетъ въ своемъ состояніи. Радость выражается, какъ и всѣ большія волненія, въ сильномъ оживленіи глазъ, трепетаніи сердца, но главное, неудержимомъ стремленіи къ движеніямъ. Сильно радующійся не въ состояніи ни минуты посидѣть на мѣстѣ, прыгаетъ, скачетъ, машетъ руками: онъ весь — движеніе. Наслажденіе расширяется въ глубь души, радость ищетъ выраженія внѣ, первое есть интенсивное, внутреннее состояніе, второе — экстенсивное, внѣшнее волненіе.

Во 2-хъ, наслажденіе, въ психическомъ отношеніи, сосредоточиваетъ вниманіе субъекта на предметѣ его: человѣкъ превращается весь въ зрѣніе, когда ему представляется эстетическій образъ, въ слухъ, когда слышитъ плѣнительные звуки и т. д. Но это сосредоточеніе вниманія никогда не ведетъ за собою душевнаго разстройства, не путаетъ ассоціацій, не дѣлаетъ рѣчи безсвязною. Человѣкъ въ наслажденіи поглощается впечатлѣніемъ, несущимъ его, но остается господиномъ самого себя, или во всякомъ случаѣ возвращается къ самообладанію, по прекращеніи пріятнаго впечатлѣнія. Сильная радость, напротивъ, дезорганизуетъ умственныя способности, умственный безпорядокъ отражается на безпорядочныхъ рѣчахъ; человѣкъ говоритъ, подъ вліяніемъ ея, иногда вздоръ, перескакиваетъ съ одного предмета на другой, строитъ сумасбродные фантастическіе планы, или обыкновенно говорливый, ненаходитъ ничего сказать, какъ будто нахлынувшая волна своею тяжестію подавила всякую умственную дѣятельность.

Чему же мы радуемся въ своихъ радостяхъ? Что составляетъ первопричину возбужденія ихъ въ сердцѣ? Обращаясь къ опыту, мы видимъ, что хотя поводы къ нимъ бываютъ разнообразны, тѣмъ не менѣе въ нихъ есть нѣчто общее. Можно радоваться (но не наслаждаться) матеріальному выигрышу и вообще значительному увеличенію средствъ въ жизни, — успѣхамъ на службѣ, въ дѣлахъ профессіи, всѣмъ событіямъ, тѣшащимъ самолюбіе; какъ замѣчено выше, мы радуемся иногда предстоя-

щимъ удовольствіямъ, окончанію продолжительныхъ и тяжкихъ мученій, встрѣчѣ близкихъ родныхъ, которыхъ давно уже не видали, совершенію славныхъ и почетныхъ событій для народа которому принадлежимъ; напр. взятіе Плевны произвело огромную положительную радость во всякомъ русскомъ сердцѣ. Мы перечислили почти всѣ типическіе поводы къ радости и думаемъ что всѣ разнообразные случаи ея могутъ быть подведены подъ которую либо изъ указанныхъ категорій. Во всѣхъ этихъ родахъ случаевъ радости есть, дѣйствительно, нѣчто общее: мы радуемся, когда прямо или косвенно увеличивается просторъ для нашей дѣятельности или по крайней мѣрѣ, открываются виды на него. Радостно принимаются неожиданное большое наслѣдство, большой выигрышъ, притокъ богатства, не потому, что само богатство, деньги и подобныя вещи суть благо, а потому что ими дается значеніе, положеніе и слѣдовательно, средства для болѣе широкой дѣятельности; по этой же причинѣ радуетъ повышеніе на службѣ и т. под. Понятно, что радостно привѣтствуется окончаніе страданій, такъ какъ оно снимаетъ тяжелый гнетъ, стѣснявшій свободу дѣятельности. Мы радуемся предстоящимъ удовольствіямъ, потому что они поднимутъ энергію души, дадутъ исходъ избытку силъ и просторъ душѣ. Славныя народныя событія, побѣды, завоеваніе территоріи, появленіе новаго таланта и генія и т. под. радуютъ народъ, потому что расширеніе могущества, славы государства открываетъ просторъ народной дѣятельности и значительно облегчаетъ ее. Оттого мѣры, увеличивающія народную свободу, или ведущія къ ней, всегда и вездѣ принимаются съ огромною радостію, за исключеніемъ тѣхъ, кто отъ того теряетъ, т. е. ожидаетъ въ будущемъ стѣсненія своей дѣятельности.

Труднѣе объяснить въ нашемъ смыслѣ случаи радости при встрѣчахъ съ друзьями, любимыми вообще лицами. Сынъ, обнимая послѣ долгой разлуки престарѣлаго отца, радостно волнуется. Но чему онъ радуется? не тому конечно, что образъ отца появился на ретинѣ его глаза: ибо онъ могъ бы доставить себѣ это удовольствіе чрезъ фотографическій портретъ, но радости при этомъ не будетъ. И не тому, что онъ можетъ обнять, цѣловать отца, т. е. получить извѣстныя осязательныя ощущенія: не за этимъ онъ стремился къ нему. Разлука, особенно долгая, ослабила духовный союзъ любви съ нимъ, встрѣча снова его возстановляетъ: она укрѣпляетъ энергію души,

возвращаетъ ей утраченное вслѣдствіе разлуки единеніе съ любимою личностію, и этотъ духовный подъемъ сказывается въ глубокомъ волненіи.

Конечно, мы далеки отъ предположенія, что всякій радующійся чему нибудь, сознаетъ и отдаетъ себѣ отчетъ въ смыслѣ и первопричинѣ своего чувства: иногда радующійся сознаетъ только наружную показную причину своего волненія, и такъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ. Но это ни мало не говоритъ противъ нашего предположенія, все равно, какъ несознаваніе логическихъ законовъ во время мыслительнаго процесса ни сколько не опровергаетъ ихъ дѣйствительность существованія.

Попытаемся анализовать чувство радости. Радующійся, прежде всего, удивляется событію, факту, возбудившему въ немъ такое состояніе: онъ недоумѣваетъ, какъ онъ могъ вдругъ случиться, откуда онъ взялся, субъекту кажется, что надобно было ожидать иного, даже противоположнаго событія, между тѣмъ случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное. Чувство удивленія въ радости возникаетъ именно изъ неожиданности впечатлѣнія. Оно можетъ быть неожиданнымъ само по себѣ, напр. человѣкъ совсѣмъ нечаянно получаетъ большое наслѣдство, или мѣсто неожиданное по обстановкѣ, при какой получилось, и т. под.: ѣдущій повидать родителей своихъ, которыхъ давно не видалъ, ожидаетъ, что въ такое то время онъ ихъ увидитъ; но онъ не ожидалъ видѣть ихъ такими здоровыми, встрѣтилъ болѣе теплое къ себѣ расположеніе, чѣмъ о какомъ думалъ, и т. д. Чѣмъ сильнѣе удивленіе, тѣмъ сильнѣе и радость: извѣстно, что она бываетъ тѣмъ напряженнѣй, чѣмъ неожиданнѣй дѣйствуетъ радостное впечатлѣніе, т. е. чѣмъ сильнѣй въ ней элементъ удивленія. Оттого радость *поражаетъ*, отъ нея люди нѣмѣютъ: неожиданное впечатлѣніе дѣйствуетъ такъ поразительно и такое вызываетъ изумленіе, что человѣкъ теряется.

Въ радости есть сильное чувство удачи. Оно развивается, когда субъектъ достигаетъ своей цѣли и особенно, когда онъ успѣшно побѣждаетъ представляющіяся на пути препятствія къ ней. Удача можетъ быть ожиданною и неожиданною: иногда человѣкъ усиленно добивается достигнуть цѣли, ожидаетъ, что онъ достигнетъ ея, и наконецъ ожиданіе исполняется; въ другихъ случаяхъ человѣкъ и не думаетъ, что цѣль можетъ быть осуществлена, а между тѣмъ она достигается; чѣмъ неожиданнѣй это дѣлается, тѣмъ сильнѣй и чувство удачи. Но радость

бываетъ именно по тому поводу, что совершается неожиданное событіе, дающее просторъ дѣятельности субъекта, открывающее для нея новый горизонтъ, расширяющее ея свободу. Радующійся сознаетъ, что онъ вдругъ достигъ цѣли, которая казалась ему или отдаленною или недостижимою. Онъ чувствуетъ удачу и тѣмъ сильнѣй, чѣмъ неожиданнѣй совершилось радостное событіе.

Наконецъ, въ разбираемомъ волненіи есть и, собственно такъ называемая, радость; это восторгъ, восхищеніе. Она можетъ быть разнообразной силы, начиная отъ тихой и спокойной радости и кончая самою бурною, неудержимою. Въ ней сказывается особенная энергія сердца; она охватываетъ всего человѣка и даетъ сильнѣйшій толчекъ дѣятельности ума въ извѣстномъ направленіи. Повидимому, въ ней энергія находится въ обратномъ отношеніи къ продолжительности. Тихая радость бываетъ обыкновенно долгою, бурная непродолжительною. Послѣдняя, какъ и всякій сильный аффектъ, оставляетъ послѣ себя истощеніе, пустоту въ сердцѣ; напротивъ, первая, на долго овладѣвая имъ, успѣваетъ дать устойчивое направленіе теченію представленій, рефлексіи, воображенію, освѣжаетъ и укрѣпляетъ энергію воли, можно сказать, преображаетъ человѣка: она дѣлаетъ настроеніе свѣтлымъ и располагаетъ къ любви и симпатіи.

Радости противополагается горе. Какъ первую мы отличаемъ отъ наслажденія, такъ и горе слѣдуетъ отличать отъ страданія. Оперируемый можетъ испытывать жесточайшія страданія, однако, нельзя сказать про него, что онъ испытываетъ горе. Въ немъ есть нѣкоторая доля страданія, но оно не тождественно съ послѣднимъ. Назвать его просто неудовольствіемъ невозможно, потому что хотя въ горѣ и есть неудовольствіе, но въ послѣднемъ можетъ не быть никакого горя. Также точно въ горѣ есть и печаль, но можно имѣть печаль безъ всякого горя. Съ печалью, и даже сильною, провожаютъ знакомые умершаго своего пріятеля, или незнакомые общепризнанный талантъ въ могилу, но съ горемъ идутъ за гробомъ только немногіе. Неудовольствіе и печаль слишкомъ слабыя состоянія чувства, сравнительно съ горестнымъ волненіемъ.

Состояніе горя слѣдуетъ за какими либо потерями совершившимися, или неизбѣжно имѣющими совершиться, и при томъ невозвратимыми. Когда предметъ потери суть лица, съ которыми мы связаны нѣжными чувствами, то развивается извѣстное уже

намъ чувство грусти. Когда совершаются потери или угрожаютъ бѣдствія, выбивающія человѣка изъ привычной ему колеи дѣятельности и особенно полагающія непреоборимыя преграды его энергіи, онъ испытываетъ волненіе горя: богатый человѣкъ, который разорился, или узналъ, что онъ на дняхъ будетъ банкротъ, испытываетъ горе; съ горестнымъ волненіемъ принимается клевета, лишающая добраго имени, противъ которой невозможно бороться; съ горестью узнаетъ человѣкъ о бѣдствіи, неизбѣжно угражающемъ ему. Мы называемъ горестнымъ положеніе человѣка, когда безъ средствъ и надеждъ получить мѣсто, онъ проѣдаетъ съ семьей послѣдніе свои гроши. Чувства радости и горе имѣютъ прямое отношеніе къ свободѣ дѣятельности, простору или стѣсненію энергіи. Можно сказать вообще, что всякое событіе, мѣшающее свободѣ дѣятельности, или подавляющее ее, производитъ впечатлѣнія горя. Хотя бы такое событіе только угрожало, а не было еще въ дѣйствительности, оно производитъ чувство горя, какъ, на оборотъ, представленіе будущаго удовольствія можетъ возбуждать радость. Поэтому горе подавляетъ, тѣснитъ; оно лежитъ на душѣ какъ тяжелый камень; оно давитъ неотвязно, какъ будто на человѣка наложено тяжелое бремя. Оттого фантазія народа олицетворило горе горькое: по сказкѣ, оно ходитъ по свѣту и у кого пріютится, тотъ замучивается имъ до конца.

Какъ противоположные предметы, относящіеся къ одному роду, въ однихъ признакахъ противоположны, а въ другихъ сходны, такъ радость и горе имѣютъ въ составныхъ своихъ частяхъ противоположные и сходные элементы. И въ горѣ есть сторона удивленія; горюющій обыкновенно жалуется на неожиданно постигшее его горе: горюютъ банкиръ, противъ ожиданія сдѣлавшійся банкротомъ, люди вдругъ потерявшіе своихъ кормильцевъ и защитниковъ, человѣкъ, нечаянно лишившійся свободы; чѣмъ неожиданнѣй горе, тѣмъ оно сильнѣй, невыносимѣй. При неожиданности же факта развивается, какъ мы знаемъ, удивленіе; въ горѣ оно можетъ доходить до степени изумленія: горюющій удивляется, какъ несчастіе могло его постигнуть, откуда оно взялось, смотритъ на него какъ на упавшее съ неба. Чѣмъ элементъ удивленія менѣе, тѣмъ менѣе и чувство горя: когда субъектъ привыкнетъ видѣть себя въ новомъ положеніи, перестанетъ удивляться своему несчастію, то умаляется или, какъ говорятъ, забывается и горе.

Затѣмъ, въ горѣ есть чувство неудачи. Горюющій смотритъ на себя какъ на человѣка, котораго постигла сильнѣйшая неудача: ему кажется, что всё было подстроено для счастья, для довольной и спокойной жизни, что такъ легко было достигать цѣлей, такъ легко работалось для нихъ, и вотъ, вдругъ буря или случай разнесли всё по клочкамъ. Какъ при неудачѣ субъектъ чувствуетъ запинаніе въ своей дѣятельности, тщету своихъ усилій, такъ и въ горѣ онъ сознаетъ себя какъ бы на развалинахъ счастія, по крайней мѣрѣ на этотъ моментъ, безсильнымъ, безъ цѣлей, свою энергію безплодною и тщетною. Чувство неудачи усиливается еще отъ ея неожиданности. Но какъ мы видѣли, горе всегда кажется неожиданнымъ и потому чувство неудачи въ немъ острое. Такъ какъ люди легко возводятъ частное въ общее, то неудача превращается въ чувство неудачливости своей вообще и субъектъ въ горѣ чувствуетъ себя вообще несчастнымъ.

Наконецъ, остается еще въ разбираемомъ чувствѣ неразложимый элементъ, который мы называемъ собственно горемъ. Это состояніе горечи, уныніе сердца: какъ будто тяжесть какая лежитъ на сердцѣ, связывающая всѣ движенія человѣка; ему кажется, что онъ окруженъ мракомъ, сквозь который нѣтъ просвѣта, и самъ онъ точно въ какихъ тискахъ. Какъ радость просвѣтляетъ и преображаетъ человѣка, такъ горе его омрачаетъ. Оно сообщаетъ мрачный тонъ картинамъ воображенія, даетъ ходъ чернымъ мыслямъ и изъ глубины памяти вызываетъ тяжелыя и мрачныя воспоминанія.

Въ горѣ, какъ и грусти, есть непремѣнно страданіе, но въ послѣдней страданіе происходитъ отъ громаднаго чувства лишенія, тогда какъ въ первомъ отъ подавляющаго стѣсненія. Но чувство лишенія въ скорби до нѣкоторой степени смягчается нѣжнымъ волненіемъ: грусть нелишена отчасти привлекательной и эстетической стороны; ею можно даже увлекаться, какъ это видно на людяхъ, любящихъ растравлять себя и дѣлающихъ изъ того нѣчто въ родѣ профессіи. Напротивъ, горе есть сухое чувство: оно ничѣмъ не смягчается. Давленіе его такъ бываетъ тяжко, что оно кажется безвыходнымъ. Оттого, подъ вліяніемъ такого горя, человѣкъ скорѣй, чѣмъ подъ вліяніемъ грусти, рѣшается на крайнія мѣры, лишь бы снять съ души эту тягость: налагаетъ на себя руки, запиваетъ, ищетъ жизни при новыхъ условіяхъ и т. д.

Замѣтимъ что, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, волненіе грусти можетъ соединяться съ чувствомъ горя. Потеря любимаго существа можетъ влечь за собою потерю положенія въ обществѣ и матеріальныя лишенія. Въ мужѣ, отцѣ, сынѣ можно лишиться единственной опоры въ жизни и тогда, кромѣ грустнаго чувства, будетъ еще волновать сердце безъисходное горе Съ какою грустью и какимъ горемъ жена, оставшаяся безъ средствъ, съ кучею дѣтей, провожаетъ мужа своего въ могилу! Одновременно съ потерями близкихъ лицъ можетъ совпасть разореніе, могутъ настигать удары по службѣ и т. п. и тогда два бича человѣческаго сердца удручаютъ его вмѣстѣ.

Волненіе страха.

Когда человѣку угрожаютъ сильныя страданія или опасность для жизни, то развивается волненіе страха.

Страхъ есть чувствованіе сложное. Въ 1) всякій видъ страха начинается чувствомъ удивленія. Когда человѣкъ прыгаетъ въ сторону отъ змѣи, на которую чуть было не наступилъ, или отъ падающаго съ крыши карниза, онъ прежде всего изумляется неожиданно встрѣченной опасности. Когда кто пугается неожиданно раздавшагося выстрѣла, или пламени, вдругъ озарившаго его комнату, онъ изумленными глазами смотритъ на всё окружающее его и дивится тому, что̀ случилось. Съ ужасомъ смотря на валящіяся зданія, поднимающіяся волны земли и надвигающуюся волну съ моря, свидѣтель землетрясенія поражается невольнымъ изумленіемъ предъ неожиданностію и необычайностію явленія. Чѣмъ неожиданнѣй наступаетъ опасность, тѣмъ сильнѣй, какъ извѣстно, бываетъ и страхъ, наоборотъ, чѣмъ она болѣе ожидается, чѣмъ болѣе къ ней подготовленъ бываетъ человѣкъ, тѣмъ менѣе въ немъ страха, или даже нѣтъ никакого. Кто не удивляется вдругъ обнаруживающейся опасности, особенно презираетъ её, тотъ неможетъ имѣть страха. Презирающій опасность безстрашно идетъ на перестрѣлку въ тучу пуль, кто презираетъ опасность отъ дикаго звѣря, смѣло идетъ на него съ ружьемъ, рогатиной и т. д. Безъ удивленія, можно сказать, нѣтъ страха.

Далѣе, въ страхѣ есть чувство горя и соединеннаго съ нимъ страданія. Горе возникаетъ, какъ мы выше сказали, по поводу стѣсненія энергіи или простора для дѣятельности: потери, воз-

буждающія чувство горя, имѣютъ именно тотъ смыслъ, что онѣ связаны съ стѣсненіемъ, или подавленіемъ энергіи: иначе онѣ принимались бы только къ свѣдѣнію. Но страхъ возникаетъ при угрожающей опасности для жизни: тутъ грозитъ не стѣсненіе только простора дѣятельности, но совершенное уничтоженіе самой возможности ея. Поэтому, при страхѣ, испытывается чувство горя. И дѣйствительно, при испугѣ ли, простомъ ли страхѣ, или при ужасѣ, душа охватывается безвыходнымъ горемъ. Человѣкъ чувствуетъ тогда, что его подавляетъ бѣдствіе, какъ и при невознаградимой потерѣ. Въ чувствѣ горя есть и страданіе; поэтому оно есть и въ страхѣ. Кто вынесъ сильный испугъ, страхъ или ужасъ, тотъ сознается, что онъ пережилъ *ужасное горе* и много перестрадалъ.

Наконецъ, въ волненіи страха остается, какъ неразложимый остатокъ, робость. Она возбуждается представленіемъ ожидающихъ страданій, и особенно опасности для жизни. Такова наприм. робость человѣка предъ страданіями, когда накладывается крючекъ на больной зубъ, чтобъ его выдернуть, или когда субъектъ видитъ приготовленія къ операціи, мучительность которой онъ знаетъ. Всего же болѣе робость возбуждается представленіемъ опасности для жизни и она тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неминуемѣй кажется субъекту опасность. При неотвратимости ея робость переходитъ въ трепетъ: съ трепетомъ ожидаютъ пассажиры загорѣвшагося корабля, когда онъ сдѣлается добычею всепожирающаго пламени; съ трепетомъ преступникъ ожидаетъ своей казни и т. п.

Существуетъ еще одинъ видъ страха, который можно назвать трепетомъ ничтожества предъ величіемъ, страхъ существа за свою малость, мизерность. Этотъ страхъ не непремѣнно соединяется съ мыслію о вредѣ, страданіи, которое можетъ нанести великое существо малому. Вовсе не думая объ опасности для жизни, объ угрожающемъ страданіи и будучи не въ состояніи о томъ думать, малый ребенокъ боится и плачетъ при видѣ чужого взрослаго человѣка. Такой трепетъ является и при встрѣчѣ съ громадною энергіей природы: не безъ нѣкоторой робости за свою малость и ничтожность, смотритъ человѣкъ на громадный бурунъ, производимый прибоемъ волнъ безбрежнаго океана, на громаднаго слона, отъ котораго онъ, въ сущности, чувствуетъ себя безопаснымъ. Съ трепетомъ христіанинъ помышляетъ о величіи существа Божія, страшась за свое ничтожество.

Страхъ есть подавляющій аффектъ, характеризующійся полнѣйшею дезорганизаціею умственныхъ способностей и воли. Умъ въ минуты страха отказывается служить свою обычную службу: способность размышленія и обсужденія парализируется. Испуганный пожаромъ, субъектъ выбрасываетъ въ окна хрупкую посуду и не догадывается спасти свои драгоцѣнности, или бѣгаетъ взадъ и впередъ, незная что̀ дѣлать. Въ минуты опасности человѣкъ не догадывается принять самыя простыя мѣры, которыя могли бы спасти ему жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пораженный впечатлѣніемъ умъ его способенъ безсмысленно преувеличивать опасность и слѣд. давать лишь новую пищу страху. Въ минуты ужаса человѣкъ теряется иногда до потери всякого смысла. Разстроивается и воля испугавшагося человѣка. Безсмысленныя, быстро смѣняющія одно другое, рѣшенія принимаются ею, или же, какъ очарованный, человѣкъ въ ужасѣ не трогается съ мѣста и не желаетъ тронуться. Гармонія между размышленіемъ и волею, по которой намѣренія обдумываются, принимаются къ исполненію, разрушается при страхѣ мгновенно. Желаніе избавиться отъ угрожающей опасности, иногда по обстоятельствамъ неблагородное и нелѣпое, безъ всякого размышленія быстро приводится въ исполненіе. Никогда человѣкъ не дѣйствуетъ и не думаетъ нелѣпѣй, какъ въ минуты страха. Поэтому сохранить хладнокровіе въ моментъ опасности, т. е. сохранить въ цѣлости умственную бодрость и разсудительность, рѣшительность воли,—значитъ—сознавать опасность и не имѣть страха или имѣть самый ничтожный. Къ сожалѣнію, немногіе обладаютъ достаточною твердостію и крѣпостію духа, чтобъ быть къ тому способными.

Изъ анализа страха видно, что состояніе безстрашія можетъ происходить отъ различныхъ причинъ. Съ одной стороны, чувство страха можетъ быть ничтожное или можетъ совсѣмъ не возбуждаться видомъ опасности, когда она невозбуждаетъ въ человѣкѣ удивленія. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ привыкаетъ къ ней; свистящія пули и ревъ пушекъ первоначально возбуждаетъ въ непривычномъ человѣкѣ удивленіе и страхъ; затѣмъ онъ привыкаетъ къ нимъ и тогда онѣ или совсѣмъ не возбуждаютъ чувства страха или minimum его: обстрѣленное какъ говорятъ, войско храбрѣе и безстрашнѣе, чѣмъ не ходившее въ огонь. Съ другой стороны, безстрашіе можетъ происходить отъ неспособности человѣка испытывать горе въ виду опасностей, угрожающихъ жизни. Есть люди, которые

не сочтутъ для себя горестнымъ событіемъ, если они получатъ рану, увѣчье, и мало того, которые необращаютъ вниманія даже на то, что они могутъ лишиться жизни. Бываютъ, такъ называемыя, отчаянныя головы, которымъ все ни почемъ: онѣ неспособны много горевать надъ бѣдами, которыя случаются съ ними; онѣ тоже безстрашны или мало пугливы, потому что безъ чувства горя, страхъ развиться не можетъ. Наконецъ, есть люди способные такъ владѣть собою, что, въ трудныя минуты, сохраняютъ хладнокровіе, собираютъ послѣднія силы, чтобъ не дать развиться страху, и успѣваютъ сохранить до нѣкоторой степени цѣлостность ума и воли. Это и есть истинное безстрашіе, настоящая безболзненная храбрость.

Мы различаемъ разные виды страха. Обыкновенный, и при томъ умѣренный видъ его, есть страхъ въ тѣсномъ значеніи этого слова; острая форма его есть испугъ; страхъ на высшей степени своего развитія становится ужасомъ.

Обыкновенный страхъ возбуждается въ тѣхъ случаяхъ, когда опасность представляется угрожающею, но не такою, которой избѣжать невозможно. Люди страшатся, когда на нихъ дѣлаютъ нападеніе, когда имъ приходится въ сраженіи идти въ огонь, когда имъ угрожаетъ опасность утонуть, разбиться при паденіи и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ они испытываютъ удивленіе, чувство горя и вмѣстѣ волненіе боязни. Многіе теряютъ при этомъ присутствіе духа, обнаруживаютъ суету и нерѣшительность—слѣдствіе дезорганизаціи ума и воли. Но все же дезорганизація не идетъ до конца и многіе легко и скоро оправляются отъ перваго приступа страха. Этотъ видъ его не сопровождается серіозными послѣдствіями и въ физіологическомъ отношеніи. Только въ томъ случаѣ, если часто и по долгу человѣкъ бываетъ въ страхѣ, могутъ развиться болѣзни сердца.

Испугъ есть острая форма страха. Въ немъ преобладаетъ сторона изумленія и удивленія, до такой степени, что испугъ, повидимому, состоитъ не столько изъ страха, сколько изъ удивленія. Оттого испугъ развивается вслѣдствіе неприготовленности къ сильному впечатлѣнію и совершенной неожиданности его. Нерѣдко бываетъ, что невинное, но только неожиданное впечатлѣніе порождаетъ сильный испугъ: проснувшись ночью, человѣкъ видитъ, что комната его освѣщена; онъ вскакиваетъ съ постели въ страшномъ испугѣ, полагая, что горитъ домъ, въ которомъ онъ живетъ: сильное и неожиданное впечатлѣніе свѣта производитъ въ

немъ сильнѣйшее изумленіе; дама сильно пугается крика, треска, или легкаго удара по плечу, когда они для нея неожиданны. Обыкновенно испугъ быстро проходитъ, такъ какъ онъ возбуждается преимущественно неожиданностію впечатлѣнія, и когда человѣкъ успѣваетъ осмотрѣться и обсудить его, то быстро оправляется.

Самая сильная форма страха есть ужасъ. Онъ можетъ развиться изъ испуга, когда, изумившись неожиданной опасности, субъектъ находитъ, что она дѣйствительно есть. Испугъ тогда мгновенно переходитъ въ ужасъ. Ужасъ можетъ развиться и изъ обыкновеннаго страха, когда опасность, возбуждавшая одно лишь опасеніе, начинаетъ вдругъ расти и представляться неизбѣжною. Различіе происхожденія ужаса служитъ причиною неодинаковости его формъ: въ первой весьма сильна сторона удивленія и ужасъ является какъ бы продолженнымъ испугомъ; во второй удивленіе бываетъ относительно слабо, такъ какъ въ стадіи страха субъектъ успѣваетъ какъ бы приглядѣться къ опасности. Сторона горя и страданія въ ужасѣ достигаетъ крайняго развитія. Минуты его переживаются какъ годы страданій: недолгія секунды во время ужаса тянутся безконечно и субъекту кажется, что онѣ никогда не кончатся. Такъ, дѣйствительно, и бываетъ со всѣми страданіями, что они чрезвычайно удлиняютъ теченіе времени. Наконецъ, въ ужасѣ развивается до послѣднихъ предѣловъ сторона страха. По этому дезорганизующее умъ и волю вліяніе сказывается въ нихъ въ сильнѣйшей степени: самыя обыкновенныя догадки во время его не приходятъ на умъ, онъ бываетъ не въ состояніи обсудить простое и не сложное положеніе обстоятельствъ; въ эти минуты забывается часто то, что, повидимому, невозможно не вспомнить. Также окончательно дезорганизуется воля: или является не способность принять какое-либо рѣшеніе, или же человѣкъ слѣпо повинуется неудержимому стремленію искать спасеніе въ бѣгствѣ, хотя бы при данныхъ обстоятельствахъ, оно угражало новою и еще болѣе неизбѣжною опасностію. Такъ, во время паническаго страха, спасающіеся въ бѣгствѣ своемъ давятъ другъ друга, или спасаясь въ одиночку, становятся добычею враговъ и т. под.; но тѣмъ не менѣе бѣгутъ, ни о чемъ не разсуждая и не догадываясь, что спасеніе заключается въ борьбѣ съ опасностію.

Волненія хвалы и порицанія.

Къ личнымъ волненіямъ относятся удовольствіе хвалы и стыдъ. Оба эти волненія находятся въ нѣкоторомъ соотношеніи. Хвала другихъ возбуждаетъ удовольствіе, стыдъ связанъ преимущественно съ неудовольствіемъ, возбуждаемымъ неблагопріятнымъ для лица мнѣніемъ другихъ. Эти волненія можно ставить въ связь, но противополагать одно другому не возможно, потому что стыдъ возбуждается не однимъ только неблагопріятнымъ мнѣніемъ другихъ, но и опасеніемъ показаться не въ выгодномъ свѣтѣ предъ другими, опасеніемъ часто неосновательнымъ.

Хвала другихъ, мы сказали, возбуждаетъ пріятное волненіе. Человѣкъ вообще чувствителенъ къ мнѣнію о себѣ подобныхъ существъ и оно можетъ волновать субъекта. Волненіе это сильное и въ немъ можно различать слѣдующія стороны. Во 1-хъ, хвала возбуждаетъ чувство самодовольства: субъектъ доволенъ собою и чувствуетъ это въ тотъ моментъ, когда предъ нимъ расточаютъ похвалы; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сознаетъ незаслуженность похвалъ, ему пріятно подумать, что все же онъ далъ поводъ къ нимъ. Чувство довольства собою всего сильнѣе тогда, когда субъектъ придаетъ значеніе своимъ подвигамъ или качествамъ, вообще тѣмъ сторонамъ своимъ, которыя служатъ предметомъ хвалы: кто особенно цѣнитъ научные свои труды, бываетъ очень доволенъ, когда хвалятъ его ученость, гордый своею внѣшнею красотою, когда хвалятъ за красоту и т. под. Во 2-хъ, хвала возбуждаетъ чувство удачи. Ниже мы будемъ имѣть случай разбирать его: теперь же замѣтимъ, что оно развивается по поводу удовлетворенія желаній и стремленій, особенно по поводу неожиданныхъ успѣховъ дѣятельности. Хвала возбуждаетъ чувство удачи: слыша ее, субъектъ чувствуетъ свой успѣхъ среди другихъ. Это чувство увеличивается, когда хвала заслуженна и когда субъектъ положительно желалъ и стремился, чтобы его подвигъ, или работа, или качество были замѣчены.

Удовольствію хвалы противополагается неудовольствіе порицанія, брани. Въ этомъ неудовольствіи есть чувство неудачи, не успѣха. Мысль, что мы являемся въ неблагопріятномъ свѣтѣ предъ другими, производитъ болѣе или менѣе значительное безпокойство; особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда мы дорожимъ мнѣніемъ извѣстныхъ лицъ о себѣ, ихъ порицанія производятъ без-

покойное чувство не успѣха. Второй элементъ разбираемаго чувства, недовольство собою, возбуждается лишь въ тѣхъ случаяхъ когда субъектъ признаетъ порицаніе заслуженнымъ: тогда являются сожалѣніе, раскаяніе въ сдѣланномъ поступкѣ и, вмѣстѣ съ ними, недовольство собою. Въ этомъ состояніи есть какое то самоотчужденіе: субъекту становится какъ бы неловко съ самимъ собою и сознаніе своего бытія, своей личности становится на этотъ моментъ не особенно пріятнымъ. Но порицанія незаслуженныя, или сознаваемыя субъектомъ таковыми, возбуждаютъ чувство досады или даже гнѣва на порицателя; они принимаются за личныя обиды, за оскорбленія, и тогда обиженный субъектъ отвѣчаетъ или вспышкою гнѣва, или даже ненавистью.

Человѣкъ вообще чувствителенъ къ похвалѣ и порицанію со стороны другихъ людей. Не говоримъ о дѣтяхъ, которыя живо волнуются при похвалахъ и плачутъ при порицаніи, даже о тѣхъ нерѣдкихъ субъектахъ, которые въ зрѣломъ возрастѣ не только сильно возмущаются похвалами и порицаніемъ, но даже усиленно ищутъ первыхъ; но даже люди, стоящіе, повидимому, выше всего этого и прямо высказывающіе, что они мертвы къ хвалѣ и брани, отнюдь не холодны къ нимъ вообще, и для нихъ существуютъ лица, мнѣніемъ которыхъ они дорожатъ, или есть особые чувствительные пункты, относительно которыхъ брань или похвала чувствуется ими сильно. Быть можетъ, они холодны къ хвалѣ и порицанію во всѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ большинство людей неравнодушно, но нельзя сказать, что они индифферентны къ нимъ во всѣхъ возможныхъ.

Чувство чести.

Чувствительность къ хвалѣ и порицанію служитъ основаніемъ чувства чести. Мы употребляемъ выраженія: воздавать честь, нарушать ее, блюсти за своею честью или попирать ее и т. п.: въ этихъ случаяхъ подъ честью разумѣется совокупность благопріятныхъ мнѣній и отзывовъ, возбуждающихся въ людяхъ при имени лица. Чувство чести есть тотъ отзывъ, который находятъ въ сердцѣ личности мнѣнія другихъ людей относительно нея и оно возбуждается, когда хвала или порицаніе касаются не отдѣльныхъ поступковъ или тѣхъ или другихъ качествъ ея, въ ихъ отдѣльности, но личности всецѣло.

Хвала за умъ и знаніе пріятна для субъекта, но если онъ не придаетъ имъ значенія вообще, и ихъ объемъ и достоинство не отождествляются имъ съ достоинствомъ своей личности, то эта хвала не возбудитъ чувства удовлетворенія чести; если субъектъ порицается за безнравственный поступокъ, но въ нравственности дѣйствій онъ не полагаетъ достоинствъ своей личности, то, хотя порицаніе вызоветъ сильное неудовольствіе въ немъ, оно тѣмъ не менѣе не будетъ сопровождаться чувствомъ поруганія чести. Только когда личность, какъ таковая, хвалится или порицается, чувство чести возбуждается соотвѣтственнымъ образомъ.

Отъ волненій хвалы и порицанія чувство чести отличается тѣмъ, что первыя возбуждаются, вообще когда хвалятся или порицаются душевныя дѣйствія и качества, тогда какъ чувство чести возбуждается, когда одобряется или унижается наша личность. Элементы волненій хвалы и порицанія находятся и въ чувствѣ чести, только въ немъ они принимаютъ особенный оттѣнокъ. Чувство довольства собою въ немъ является, какъ довольство своею цѣлою личностію: оно бываетъ велико у людей, дѣлающихся предметомъ празднествъ, овацій со стороны слоевъ и классовъ общества или всего народа. Само собою разумѣется, что и чувство удачи или успѣха развивается въ такихъ случаяхъ соотвѣтственно. Это и есть чувство удовлетворенной чести. Наоборотъ, въ случаѣ порицанія личности, какъ таковой, развивается неудовольствіе, въ которомъ вмѣстѣ съ чувствомъ неудачи и не успѣха весьма важное значеніе имѣетъ чувство личнаго униженія, оскорбленія и потому въ подобныхъ обстоятельствахъ развиваются гнѣвъ и ненависть къ оскорбителю. Это есть чувство поруганія чести.

Что дѣйствительно чувство чести развивается въ связи съ представленіемъ субъектомъ своей личности, это доказывается тѣмъ, что оно возбуждается въ томъ или другомъ смыслѣ при почтительномъ или презрительномъ обращеніи съ именемъ. Порицая недостатки или прославляя достоинства, неназывая, однако, при этомъ лицъ, ихъ имѣющихъ, можно возбудить въ нихъ — удовольствіе или неудовольствіе, чувство же чести останется при этомъ не затронутымъ; но стоитъ лишь при хвалѣ или порицаніи назвать имя этихъ лицъ вовсеуслышаніе, какъ чувство чести будетъ сильнѣйшимъ образомъ затронуто въ томъ или другомъ смыслѣ. Даже тогда, когда хвала и порицаніе отно-

сятся къ общеизвѣстнымъ поступкамъ, причемъ всякій, и въ томъ числѣ самый предметъ ихъ, понимаетъ, къ кому именно относятся одобреніе и порицаніе, существуетъ огромная разница, будетъ ли названъ обладатель достоинствъ и недостатковъ по имени, или неназванъ: въ первомъ случаѣ оскорбленіе и удовольствіе хвалы будутъ сильны, но не будутъ личныя, т. е. чувство чести прямо не будетъ затронуто.

Возможны разныя случайности въ пониманіи различными субъектами своей чести. Такъ какъ она воздается другими людьми, то всякій человѣкъ особенно чувствителенъ къ хваламъ и порицаніямъ своего имени за тѣ свои стороны, которыми она по преимуществу соприкасается, или думаетъ, что соприкасается, съ людьми. А стороны эти у разныхъ людей бываютъ различны: одинъ выступаетъ предъ своими ближними въ качествѣ носителя древняго общеуважаемаго имени, другой, какъ представитель извѣстной профессіи, третій, какъ государственный или общественный дѣятель, четвертый, какъ защитникъ началъ нравственности, и т. д. и т. д. Каждый человѣкъ имѣетъ въ себѣ одну или нѣсколько сторонъ, которыми онъ наиболѣе близко соприкасается съ обществомъ. Очевидно, чувство чести у разныхъ лицъ не можетъ полагаться въ одномъ и томъ же: первый, изъ упомянутыхъ субъектовъ будетъ особенно чувствителенъ къ оскорбленіямъ и хваламъ, направляемымъ на его имя, какъ имя рода, второй — на его профессію, третій — на его дѣятельность государственную или общественную, четвертый — на дѣятельность моральную и т. д. Оттого и бываетъ, что иной мало оскорбляется, когда заподозрѣвается его нравственность, но признаетъ прямымъ поруганіемъ своей чести, если слышитъ неуважительный отзывъ о себѣ, какъ ученомъ, или военномъ человѣкѣ, какъ купцѣ, банкирѣ; другой легко переноситъ порицаніе за невѣжество, неумѣлую дѣятельность въ обществѣ, торговлѣ, но горячо вступится за свою моральную честь, когда она кѣмъ либо заподозрѣвается. Могутъ оказаться разности въ пониманіи чести оттого, съ какой стороны кто преимущественно представляетъ свою личность: кто привыкъ думать о себѣ, какъ хорошемъ отцѣ и членѣ семьи, красавцѣ, благодѣтелѣ человѣчества, знаменитомъ ораторѣ и т. д., крѣпко оскорбится, если станутъ порицать его личность за эти стороны его существа, но можетъ быть снисходителенъ ко всякимъ порицаніямъ, касающимся какихъ либо другихъ сторонъ его.

Волненіе стыда.

Порицаніе и поруганіе чести, кромѣ неудовольствія, часто, возбуждаютъ волненіе стыда.

Самый характерный признакъ стыда заключается въ томъ, что онъ развивается у субъекта въ связи съ мыслію: что думаютъ или могутъ подумать о немъ другіе люди. Хотя и говорятъ, что за нѣкоторые помыслы и дѣйствія человѣку должно быть стыдно предъ самимъ собою, но въ дѣйствительности ни какого стыда предъ самимъ собою не бываетъ. Самое дурное и постыдное дѣйствіе не возбуждаетъ его, если человѣкъ увѣренъ, что объ этомъ дѣйствіи никто никогда не узнаетъ: о немъ онъ сожалѣетъ, въ немъ раскаивается, но не стыдится его. Но если онъ представитъ, что другіе узнаютъ о томъ дѣйствіи, ему станетъ сразу стыдно за него. Равнымъ образомъ человѣкъ не стыдится нисшихъ себя существъ: дѣйствіе, которое сдѣлать было бы чрезвычайно стыдно предъ людьми, совершается предъ животными безъ малѣйшаго стыдливаго волненія.

Поводами къ возбужденію стыда служатъ: 1) дѣйствія со стороны другихъ людей, клонящіяся къ нарушенію чести, или принимаемыя субъектомъ за такія: все, что роняетъ человѣка предъ другими, въ большинствѣ случаевъ возбуждаетъ въ немъ стыдъ. По этому насмѣшка, обида дѣйствіемъ, брань, когда свидѣтелями всего этого были многіе люди, возбуждаетъ волненіе стыда: субъектъ мучится мыслію, что о немъ, послѣ подобнаго ириключенія, другіе думаютъ чрезвычайно низко. 2) Неудачи всякого рода, дѣйствія, противныя правдѣ и долгу, если только субъектъ думаетъ, что они могутъ унижать и ронять его во мнѣніи другихъ, часто даютъ поводъ къ волненіямъ стыда. Наконецъ 3) весьма часто оно развивается въ тѣхъ случаяхъ, когда субъектъ только опасается униженія предъ другими: первое вступленіе въ свѣтъ молодой и не опытной дѣвушки, не увѣренной въ себѣ, подозрѣвающей возможность неуспѣха, возбуждаетъ волненіе стыда; ораторъ, профессоръ, являющіеся въ первый разъ предъ публикою и не увѣренные въ себѣ, часто очень конфузятся. Оттого человѣку дѣлается не ловко, когда онъ становится предметомъ усиленнаго вниманія, даже овацій: онъ можетъ при этомъ безпокоиться мыслію, что другіе могутъ найти въ немъ недостатки и т. д.

Въ волненіи стыда есть, во 1-хъ, тягостное чувство конфуза или замѣшательства. Оно происходитъ отъ безотвязной, безпокоющей субъекта, мысли, каковымъ онъ кажется другимъ и что они думаетъ о немъ. Такъ какъ не невозможно въ одно и то же время заниматься нѣсколькими рядами мыслей, то понятно, что не отвязчивая одна упомянутая мысль препятствуетъ всякой умственной дѣятельности въ другихъ направленіяхъ. Преслѣдуемый ею человѣкъ теряетъ нить размышленія, сбивается съ логическаго порядка мыслей, забываетъ послѣдовательность ихъ и сознаетъ полное разстройство своей умственной дѣятельности: отличный ораторъ, профессоръ, или свѣтскій человѣкъ, въ минуты стыдливаго замѣшательства, дѣлаются не способными продолжать начатую рѣчь, или не находятся что сказать, путаются въ несвязныхъ выраженіяхъ. Иногда это замѣшательство доходитъ до состоянія отуманенія; субъектъ чувствуетъ себя какъ бы въ туманѣ и не можетъ себѣ представить ничего связнаго и послѣдовательнаго.

Во 2-хъ, волненіе стыда характеризуется чувствомъ робости, иногда доходящей до степени страха. Застыдившій человѣкъ робѣетъ предъ тѣмъ, кого онъ стыдится: вступая въ первый разъ на каѳедру, начинающій чтецъ робѣетъ предъ собраніемъ своихъ слушателей, актеръ труситъ предъ партеромъ, предъ которымъ ему приходится въ первый разъ играть, вступающій въ большой свѣтъ труситъ предъ блестящимъ собраніемъ и т. д. Робость можетъ при случаѣ доходить до степени страха: нервный человѣкъ просто боится являться предъ многими въ качествѣ дѣятеля: со страхомъ и трепетомъ иной начинаетъ говорить рѣчь, проповѣдь, лекцію. Оттого трусливые и робкіе люди всего болѣе способны подвергаться волненію стыда, и чѣмъ человѣкъ доступнѣе страху, тѣмъ сильнѣй онъ конфузится; напротивъ, храбрые и не робкаго десятка субъекты почти никогда не испытываютъ конфуза. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что подразумѣваемая здѣсь храбрость не та, которая бываетъ у человѣка при встрѣчѣ съ опасностію для жизни: храбрый воинъ на войнѣ можетъ легко сконфузиться при публичныхъ ему овацiяхъ, въ дамскомъ обществѣ, и наоборотъ, храбрый въ собраніяхъ и при всякого рода встрѣчахъ можетъ быть сильнымъ трусомъ въ минуты дѣйствительной опасности. Чтобъ быть не способнымъ къ конфузу требуется безстрашіе, основывающееся на привычкѣ къ многолюднымъ собраніямъ, къ дѣятельности предъ свидѣтелями, и храбрость, осно-

вывающаяся на полномъ довѣріи къ собственнымъ силамъ, на самоувѣренности: самоувѣренные люди обыкновенно не конфузятся ни предъ чѣмъ.

Но что же заставляетъ стыдливаго человѣка трусить? Опасеніе показаться ниже самого себя, смѣшнымъ, жалкимъ, бездарнымъ или просто дурнымъ въ глазахъ другихъ людей. Многіе, сознающіе себя не красивыми въ физическомъ отношеніи, особенно дамы, опасаются показаться смѣшными предъ другими и потому стыдятся быть въ большомъ обществѣ; иной боится своего замѣшательства предъ аудиторіей и того, что, въ такомъ случаѣ, онъ покажется глупымъ, бездарнымъ. Прямою причиною робости въ стыдѣ служитъ мысль, что другіе могутъ не выгодно думать о личности.

При нѣкоторыхъ случаяхъ стыда развивается чувство неудачи, доходящее до чувства униженія: именно, когда субъектъ стыдится какой либо дѣйствительной неудачи, или подвергшись замѣшательству сознаетъ, что онъ долженъ казаться другимъ смѣшнымъ и жалкимъ, то въ его чувствѣ стыда есть и чувство униженія; человѣкъ, обиженный грубыми и рѣзкими словами, растерявшійся чтецъ или ораторъ, принужденные прервать свое чтеніе, субъектъ, случайно ставшій предметомъ смѣха въ собраніи и т. д., кромѣ того что стыдятся, еще чувствуютъ глубокое свое униженіе; въ дѣйствительности, быть можетъ, его и нѣтъ, но субъекту кажется, что оно есть, что онъ на всегда потерянъ во мнѣніи общества. Но во многихъ случаяхъ стыда не бываетъ чувства униженія; когда стыдливый человѣкъ лишь опасается показаться предъ другими въ невыгодномъ свѣтѣ, нѣсколько волнуется, но за тѣмъ быстро оправляется и собирается съ собою, то въ волненіи его нѣтъ никакого чувства униженія: наприм. боязливый ораторъ слегка конфузится, начиная свою рѣчь предъ собраніемъ, но скоро вступаетъ въ обладаніе собою; онъ имѣлъ волненіе стыда, однако безъ чувства униженія.

Чувство самоуваженія.

Чувство самоуваженія развивается, когда субъектъ признаетъ многозначительность и цѣнность собственнаго существа.

Анализируя это чувство, мы находимъ въ немъ прежде всего чувство собственной силы. Какъ мы увидимъ ниже, оно

опирается преимущественно на сознаніи твердой непреклонной воли, на присутствіи въ себѣ того, что мы называемъ характеромъ. Чувство собственной силы есть удовольствіе сознанія своей энергіи, способности къ почину, твердости въ достиженіи цѣли. Оно можетъ даваться сознаніемъ умственной силы, развитости ея, обиліемъ знаній: преимущественно же оно развивается при встрѣчѣ съ меньшею энергіею воли и сравнительно меньшею силою ума.

Въ самоуваженіи есть удовольствіе хвалы, или лучше сказать самохвалы. Мы видѣли что хвала другихъ можетъ возбуждать въ насъ сильное удовольствіе, даже въ тѣхъ случаяхъ когда оно сознается малозаслуженною, но и хвала себя самого, когда она заслуженна, можетъ возбуждать удовольствіе. Умный человѣкъ не можетъ не признавать качества своего ума достоинствомъ; сознавая обширность своихъ познаній, тонкость развитія, устойчивость характера, субъектъ цѣнитъ себя и признаніе своей цѣны и значенія волнуетъ его. Онъ представляетъ свою личность многозначительною, авторитетною, окружаетъ ее какъ бы внутреннею честію. Въ самоуваженіи непремѣнно есть этотъ элементъ самохвалы, самочествованія: уважающій себя признаетъ себя важнымъ въ томъ или другомъ отношеніи; онъ сознаетъ свое значеніе, свою цѣну и эта самая хвала пріятно волнуетъ его.

Разбираемое чувство по преимуществу слагается изъ чувствъ собственной силы и удовольствія самохвалы. Обѣ эти стороны его могутъ получить чрезмѣрное развитіе и вслѣдствіе того чувство самоуваженія можетъ искажаться. Можетъ быть не естественно развито чувство силы и тогда является чувство гордости; съ другой стороны, можетъ быть чрезмѣрно развитъ элементъ самохвалы и самочествованія и тогда самоуваженіе превращается въ чванство и тщеславіе. Оно принимаетъ не нормальныя формы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда упомянутое чувство, само по себѣ глубоко внутреннее, превращается въ внѣшній самокультъ съ цѣлію превознесенія себя предъ другими.

И такъ чувство силы можетъ быть въ самоуваженіи неестественно развито. Это случается тѣмъ легче, что чувство силы, какъ субъективное, можетъ опираться на фальшивомъ сознаніи своей силы или на преувеличеніи ея. Когда чувство силы основывается на сознаніи дѣйствительной силы характера, устойчивости и крѣпости воли, энергіи умственной силы, и когда нѣко-

торое преувеличеніе въ немъ есть, но все же не далеко отстоитъ отъ дѣйствительности, то хотя мы и называемъ такое самочувство гордостію, однако легко прощаемъ ее, именуя ее даже благородною гордостію. Но чувство силы можетъ доходить до чувства превознесенности предъ всѣми другими людьми и вмѣсто того, чтобы опираться на сознаніи внутренней духовной силы, можетъ основываться на внѣшнихъ выгодахъ своего положенія: знатности происхожденія, важности занимаемой должности, богатствѣ, физической красотѣ и т. под. Это есть гордость внѣшняя. Она превращается въ надутость, когда чрезвычайно поднятое чувство силы опирается на чисто внѣшнемъ и при томъ случайномъ преимуществѣ: такъ, говорятъ, что иной человѣкъ надутъ своимъ чиномъ, богатствомъ или знатнымъ именемъ, красивою физіономіею и т. д.

Можетъ быть развита въ самоуваженіи сторона самочествованія. Субъектъ можетъ воздавать себѣ преувеличенную хвалу, слишкомъ придавать значеніе своимъ качествамъ: напр. небольшой свой умъ принимать за громадный, какого у другихъ совсѣмъ нѣтъ, маленькій характеръ превращать въ большую моральную силу, свою скромную дѣятельность выставлять какъ рядъ подвиговъ и т. д. Такое самоуваженіе мы называемъ кичливостію. Во многихъ случаяхъ преувеличенная самохвала дѣлается за внѣшнія преимущества, и тогда люди кичатся своимъ богатствомъ (пышностію обѣдовъ, рысаками, колясками, нарядомъ, чиномъ и т. д.) Эта кичливость можетъ скрываться и несомнѣнно, много есть кичливыхъ людей, имѣющихъ о себѣ чрезвычайно высокое мнѣніе, которое отъ другихъ они тщательно скрываютъ. Но чрезмѣрный внутренній самокультъ можетъ выражаться и во внѣ при всякомъ удобномъ случаѣ, и соединяться съ чувствомъ превосходства, превознесенности предъ другими. Языкъ называетъ такія движенія сердца чванливостію и тщеславіемъ. Хотя ими вообще называется всякій чрезмѣрный, обнаруживающійся во внѣ, самокультъ, но между ними есть оттѣнокъ: чванство основывается на реальныхъ какихъ нибудь достоинствахъ и преимуществахъ, — только имъ дается чрезвычайное значеніе и они преувеличиваются; субъектъ чванится своимъ богатствомъ, но оно у него все-таки есть, — родомъ и онъ дѣйствительно знатенъ, умомъ и имъ въ нѣкоторой мѣрѣ обладаетъ; тщеславный же человѣкъ воздаетъ себѣ культъ за нѣчто фиктивное: люди тщеславятся своею воображаемою кра-

сотою, блескомъ и пышностію, взятою на прокатъ, умомъ и родомъ, значенія и цѣны которыхъ никто, кромѣ ихъ, не признаетъ.

Тщеславіе, чванство и гордость мы различаемъ такимъ образомъ: гордость во всѣхъ ея видахъ основывается на чрезмѣрно преувеличенномъ чувствѣ силы: въ худшихъ случаяхъ гордость основывается на чувствѣ силы, явившемся по поводу случайныхъ преимуществъ; чванство и тщеславіе опираются на чрезмѣрную самохвалу, самопочитаніе, особенно за случайныя достоинства. Всѣ онѣ суть, конечно, не нормальныя обнаруженія чувства самоуваженія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возбужденія.

Мы должны разсмотрѣть теперь особый родъ чувствованій, которыя мы называемъ возбужденіями. Въ наслажденіяхъ и страданіяхъ самую характерную сторону составляютъ удовольствія и неудовольствія, между тѣмъ какъ въ возбужденіяхъ этотъ элементъ или мало замѣтенъ, или его нѣтъ вовсе: напр. чувства долга, благоговѣнія и смиренія, надежды, вѣры и т. под. прямо вовсе не связаны ни съ удовольствіемъ, ни съ неудовольствіемъ: они ни пріятны, ни непріятны. Волненія болѣе связаны съ этими чувствованіями: когда они сильны то становятся тягостны, т. е. непріятны.—Мы отличаемъ возбужденія и отъ волненій: первыя никогда не достигаютъ силы послѣднихъ: возбужденія не подчиняютъ себѣ такъ могущественно всего теченія психической жизни и не вносятъ въ нее такого разстройства, какъ волненія; на высшей степени развитія послѣднія угнетаютъ субъекта, возбужденія же только оживляютъ и какъ бы согрѣваютъ его.

Различныя возбужденія мы дѣлимъ на интеллектуальныя, моральныя, религіозныя и возбужденія, сопровождающія осуществленіе стремленій и желаній.

Интеллектуальныя возбужденія. Чувство новости.

Къ интеллектуальнымъ возбужденіямъ мы относимъ чувства новости, удивленія, уваженія.

Чувство новости развивается въ тѣхъ случаяхъ, когда субъектъ имѣетъ дѣло съ новымъ умственнымъ содержаніемъ. Такъ, новая умственная работа, новая мысль, путешествіе, доставляющее разнообразныя новыя впечатлѣнія, новая обстановка оживляюще дѣйствуютъ на человѣка; физіологическій законъ, что одна и таже безперемѣнная пища для желудка перестаетъ возбуждать его въ дѣятельности и во всякомъ случаѣ, послѣ нѣкотораго времени становится непріятною, повидимому, имѣетъ приложеніе и къ умственной дѣятельности. Постоянно одни и тѣже впечатлѣнія, однѣ и тѣже мысли до такой степени прискучиваютъ уму, что онъ наконецъ перестаетъ ими возбуждаться. Такъ, обычная житейская обстановка, извѣстныя лица, обыденныя событія не привлекаютъ къ себѣ нашего вниманія: умъ ими не раздражается. Но все новое, хотя само по себѣ иногда и неважное, приковываетъ къ себѣ вниманіе; при встрѣчѣ съ нимъ является особое чувство оживленія, и это оживленіе есть чувство новости. Вялое и апатичное вниманіе дѣлается бодрымъ и энергичнымъ; едва шевелившаяся умственная дѣятельность вдругъ становится подвижною.

Люди обыкновенно дѣлаютъ чрезвычайныя усилія для того, чтобы доставить себѣ чувство новости: для этого предпринимаются дорого стоящія путешествія, заводятся новыя знакомства, перестраиваются дома и перемѣняются мѣсто жительства, изобрѣтаются новыя моды, для разнообразія впечатлѣній и удовольствій дѣлаются огромные расходы и проживаются состоянія. Можно думать, что знаменитыя провинціальныя сплетни имѣютъ корень своего существованія въ постоянномъ спросѣ, всюду и особенно въ провинціи, на новости. Иногда новости разсказываются однимъ субъектомъ другому для того только, чтобы доставить оживленіе другому и видѣть интересъ на лицѣ его. Оттого высоко цѣнятся вообще новыя оригинальныя мысли, новыя ученія, даже нелѣпыя: они даютъ на нѣкоторое время новую умственную пищу, а съ нею и оживленіе обществу.

Чувство удивленія.

Когда мы встрѣчаемся съ впечатлѣніемъ, значительно превышающимъ или недостигающимъ размѣровъ, которые мы привыкли давать ему, то въ насъ развивается чувство удивленія. Мы удивляемся громадному росту животнаго, слишкомъ большому сравнительно съ обыкновеннымъ, огромному уму, необычному при обыкновенныхъ встрѣчахъ съ людьми, величинѣ рѣки, какой мы не видывали; провинціалъ удивляется громаднымъ домамъ въ столицѣ, о которыхъ онъ не имѣлъ прежде понятія и т. д., удивляются люди малому росту карликовъ, тонкости и изяществу матеріи, которую обыкновенно представляли себѣ грубою и т. п.

Въ удивленіи есть чувство новости. Предметъ, вызывающій удивленіе, кажется новымъ, необычнымъ: мы удивляемся уму, который по размѣрамъ, по напряженію, кажется для насъ необыкновеннымъ, слѣдоват. новымъ; мы удивляемся величинѣ дома, который въ этомъ случаѣ составляетъ для насъ новое впечатлѣніе; удивляемся необыкновенной низости, или необычному благородству людей. Чувство новости въ указанныхъ случаяхъ основывается на несоотвѣтствіи даннаго впечатлѣнія съ установившимися о немъ представленіями и понятіями: въ впечатлѣніи есть + или —, которые и суть для насъ нѣчто новое. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда при неоднократной встрѣчѣ съ предметами, чувство удивленія не перестаетъ возбуждаться ими, мы каждый разъ встрѣчаемъ въ нихъ нѣчто новое: горные ландшафты и привычнаго человѣка поражаютъ удивленіемъ; встрѣчаясь часто съ умнымъ человѣкомъ, каждый разъ дивишься его уму; нѣсколько разъ видя громадную фабрику, водопадъ, грозу, и т. д. каждый разъ удивляемся имъ; удивительныя явленія природы или произведенія человѣческаго искусства, при каждой встрѣчѣ, поражаютъ чѣмъ нибудь новымъ: одинъ разъ обращается вниманіе на одну сторону ихъ, въ другой разъ на другую и каждая встрѣча освѣжаетъ какимъ нибудь новымъ впечатлѣніемъ.

Удивленіе является вслѣдствіе сравниванія дѣйствительности съ понятіями и представленіями, которыя мы о ней имѣемъ. Но результатъ сравниванія можетъ быть двоякій: наблюдаемый предметъ можетъ значительно превосходить мѣру, какую мы давали ему въ своемъ представленіи и какую ожидали встрѣтить въ немъ, или не достигать этой мѣры. Въ первомъ случаѣ удивле-

ніе доходитъ до степени чувства высокаго: наприм. мы удивляемся грандіозности горы, зданія, озера, рѣки, далеко превосходящей всё, что подобнаго когда либо мы видѣли. Во второмъ случаѣ, удивленіе переходитъ въ презрѣніе: предметъ кажется мелокъ, мизеренъ: мы презираемъ предметъ, о которомъ намъ много наговорили, который мы ожидали найти грандіознымъ, но встрѣтили на самомъ дѣлѣ гораздо менѣе ожидавшагося; презрителенъ кажется человѣкъ, по слухамъ очень умный, на дѣлѣ оказавшійся не далекимъ. Чѣмъ болѣе предмету недостаетъ противъ ожиданій, тѣмъ глубже падаетъ онъ, при встрѣчѣ съ нимъ, въ нашихъ глазахъ и тѣмъ сильнѣй чувство презрѣнія. Вотъ почему человѣкъ, неисполняющій надеждъ, возлагаемыхъ на него, или возбудившій въ комъ либо большія ожиданія, которыя не захотѣлъ или не могъ потомъ исполнить, всегда болѣе или менѣе возбуждаетъ къ себѣ чувство презрѣнія; и наоборотъ, дающій болѣе обѣщаннаго—удивляетъ собою.

Само по себѣ удивленіе ни пріятно, ни непріятно: оно есть простое возбужденіе. Но оно легко пріобрѣтаетъ тотъ и другой характеръ, если удивляющее впечатлѣніе имѣетъ какое либо отношеніе лично къ нимъ: такъ мы говоримъ о пріятныхъ и непріятныхъ сюрпризахъ. Но особенно близко удивленіе къ волненіямъ страха, радости и горя, такъ близко, что оно всегда примѣшивается къ послѣднимъ.

Чувство уваженія.

Перейдемъ къ чувству уваженія. Кого и за что мы уважаемъ? Уважаемъ мудрыхъ старцевъ за ихъ опытность, они многое видѣли на своемъ вѣку и ихъ сужденіе зрѣлѣе, чѣмъ молодыхъ людей; уважаемъ за умъ и характеръ людей, сношенія съ которыми неизмѣнно оставляли въ насъ впечатлѣніе большого ума и характера; уважаемъ вліятельныхъ личностей, имѣющихъ власть и силу, или голосъ которыхъ авторитетенъ для общества; уважаемъ нѣкоторыхъ лицъ за ихъ общественную благотворную дѣятельность. Есть, далѣе, общеуважаемыя учрежденія, наприм. христіанская церковь, профессіи, наприм. военное, ученое, духовное и т. д. За что же люди окружаютъ уваженіемъ лицъ, учрежденія и сословія? Чтобъ кого либо уважать, необходимо предварительно признать за этимъ лицомъ значительную нравствен-

ную силу; чтобы уважать учрежденіе, сословіе, также необходимо чтобы они признавались въ качествѣ общественныхъ и нравственныхъ силъ. Физическая сила можетъ быть громадная у человѣка, у животнаго: ей удивляются, но не уважаютъ ее. Хитрость, ловкость могутъ быть необыкновенны, но уважать за нихъ никого невозможно. Большой умъ, крѣпкій характеръ, обширная общественная дѣятельность, направленные на зло, не выдерживающіе никакой нравственной оцѣнки, могутъ служить предметомъ удивленія, но никакъ не уваженія: мы удивляемся геніальности Алкивіада, но не уважаемъ его; всѣ удивляются Наполеону I-му, но не всѣ уважаютъ его. Равно и учрежденія, сословія, профессіи, когда они привлекаютъ къ себѣ значительныя умственныя силы и имѣютъ въ обществѣ значеніе нравственныхъ силъ, вызываютъ къ себѣ уваженіе. Безъ нравственной подкладки, какъ бы корпорація ни была богата и сильна, какое бы могущество ни стояло за учрежденіемъ, какъ бы ни давало сословіе чувствовать свою силу, они могутъ быть предметомъ удивленія, страха, но отнюдь не уваженія. Большая же нравственная сила исторгаетъ уваженіе къ себѣ: мы можемъ не любить лица, учрежденія, можемъ ихъ ненавидѣть, но если въ нихъ есть нравственная мощь, мы не можемъ не уважать ихъ.

Въ развитіи чувства уваженія къ лицамъ весьма важное вліяніе имѣетъ сравниваніе ихъ субъектомъ съ собственною личностію. Едва ли кто уважаетъ людей, стоящихъ ниже его по умственнымъ силамъ, характеру: мы уважаемъ тѣхъ, кто или выше насъ, какъ человѣкъ, или по крайней мѣрѣ, не ниже, кто представляетъ собою внушительную нравственную силу, которую мы не можемъ ставить ни во что и съ которою должны во всѣхъ случаяхъ считаться. При сравниваніи можетъ иногда показаться, что другое лицо стоитъ гораздо выше насъ въ духовномъ отношеніи и тогда къ чувству уваженія присоединяется еще чувство удивленія: нѣкоторыхъ лицъ мы не только уважаемъ, но и удивляемся имъ. Но, при сопоставленіи, можетъ оказаться и то, что извѣстное лицо во многихъ отношеніяхъ значительно ниже насъ: тогда вмѣсто уваженія будетъ чувствоваться презрѣніе къ нему. Здѣсь, конечно, возможны различныя случайности. Мѣрка, т. е. понятіе субъекта о собственной личности можетъ быть или очень мала, или слишкомъ высока. Человѣкъ скромнаго о себѣ мнѣнія будетъ многихъ ставить выше себя и уважать такихъ людей, которые далеко ниже его: есть

смиренныя личности, которымъ всякій встрѣчный кажется достойнымъ уваженія. Напротивъ, люди гордые, чванные, съ высокимъ о себѣ мнѣніемъ, мало кого находятъ достойнымъ уваженія: съ высоты своего величія они смотрятъ презрительно на всякого и ставятъ ни во что почти всѣхъ людей.

Моральныя возбужденія. Чувство долга.

Къ моральнымъ возбужденіямъ мы относимъ чувства долга и совѣсти.

Чувство долга связано съ признаніемъ обязательности и неизбѣжности повиновенія нравственному закону. Когда исполненіе обязанностей не требуетъ большихъ усилій со стороны субъекта, когда они лежатъ, такъ сказать, въ путяхъ желаній и стремленій его, то чувство долга не развивается особенно сильно: велѣнія его становятся собственными желаніями субъекта и онъ исполняетъ ихъ безъ напряженія, какъ и обыкновенныя свои хотѣнія. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда эти велѣнія не совпадаютъ съ личными желаніями, или же требуется необычное усиліе для устраненія препятствій къ ихъ выполненію, нравственный человѣкъ особенно напряженно возбуждается чувствомъ долга.

Это возбужденіе сложное. Въ немъ есть чувство стѣсненія воли. Долгъ указываетъ человѣку, что въ данномъ случаѣ онъ долженъ поступать извѣстнымъ опредѣленнымъ образомъ; субъектъ сознаетъ, что хотя можно было бы тутъ дѣйствовать иначе и что иной способъ дѣйствій былъ бы даже пріятнѣй, но что иначе поступить нельзя, а слѣдуетъ сдѣлать какъ *должно*. Мысль о долгѣ какъ бы угнетаетъ его и до такой степени, что человѣкъ находитъ невозможнымъ отъ него уклониться; въ такіе моменты въ немъ является чувство стѣсненія своей свободы. Конечно, оно является не отъ видимаго насилія, или даже моральнаго принужденія, идущаго отъ чужой воли. Такъ какъ голосъ долга есть собственно внутренній нашъ голосъ, то чувство стѣсненія принимаетъ здѣсь характеръ самопринужденія. Чѣмъ развитѣй человѣкъ въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ сознаніе долга сильнѣй укрѣплено въ немъ соотвѣтствующимъ воспитаніемъ, превратившимъ исполненіе велѣній его въ крѣпкую привычку, тѣмъ голосъ его будетъ властеннѣй, настоятельнѣй

и тѣмъ чувство стѣсненія, принужденія будетъ сильнѣй. Оно можетъ дойти до такой силы, что несообразный съ долгомъ способъ поведенія становится для субъекта нравственно невозможнымъ.

Когда въ человѣкѣ возбуждается чувство долга, то въ его возбужденіи есть чувство уваженія къ моральному закону, обязательность котораго онъ тогда сознаетъ. Мы видѣли, что послѣднее чувство возбуждается признаніемъ за субъектомъ или учрежденіемъ значительной нравственной силы. Оно невольно исторгается представленіемъ моральнаго закона, какъ величественной нравственной силы, управляющей міромъ: въ тотъ моментъ, когда человѣкомъ овладѣваетъ чувство стѣсненія и принужденія долгомъ, онъ относитъ его къ нравственному закону, и чувствуетъ къ нему, къ его велѣнію, уваженіе; внушеніе его представляется ему, какъ авторитетный голосъ, какъ влаственное приказаніе, которое нарушено быть не можетъ, неповиновеніе которому было бы нарушеніемъ уваженія къ нему.

Истинное чувство долга непремѣнно должно соединяться съ чувствомъ уваженія къ нравственному закону. Одно чувство принужденія можетъ быть и тогда, когда человѣкъ принуждаетъ себя къ извѣстному дѣйствію изъ чувства страха предъ наказаніемъ: въ чувствѣ долга такое самопринужденіе невозможно, ибо послѣднее не имѣетъ нравственнаго характера. Оно пріобрѣтаетъ таковой, когда къ нему присоединяется чувство уваженія къ нравственному закону и долгъ понимается какъ велѣніе закона. Уваженіе отнимаетъ отъ стѣсненія и принужденія нѣкоторый видъ насилія и такъ какъ подчиненіе авторитету долга дѣлается свободно, изъ уваженія къ нему, то при чувствѣ долга, несмотря на чувство принужденія, субъектъ сознаетъ себя свободнымъ и охотно подчиняющимся.

Чувствованія совѣсти.

При дѣйствіяхъ, согласныхъ или несогласныхъ съ личными нравственными убѣжденіями, пробуждается чувство совѣсти. Когда они грубо нарушаются собственными дѣйствіями, субъектъ мучится угрызеніями совѣсти, а когда послѣ нѣкоторой борьбы, онъ выполняетъ требованія долга, то наслаждается спокойствіемъ или даже довольствомъ ея.

Такъ называемыя, угрызенія совѣсти, муки ея, означаютъ довольно сложное состояніе. Въ нихъ есть неудовольствія само-

порицанія. Мы любимъ хвалу другихъ, намъ пріятно, когда въ себѣ самихъ встрѣчаемъ качества, заслуживающія уваженіе: поэтому есть удовольствіе самохвалы; напротивъ, какъ непріятно порицаніе со стороны другихъ, такъ тягостно и самопорицаніе, тѣмъ болѣе, что неудовольствіе перваго можетъ быть ослаблено мыслію, что порицаніе несправедливо, или слишкомъ преувеличено, тогда какъ въ моментъ самопорицанія этого утѣшенія быть не можетъ: когда субъектъ порицаетъ самого себя, то, разумѣется, онъ знаетъ основанія къ тому. Угрызенія совѣсти начинаются обыкновенно съ самопорицанія. Субъектъ совершилъ дѣйствіе, противное его собственнымъ понятіямъ о долгѣ, правѣ: онъ прежде всего порицаетъ себя за свою слабость; онъ сознаетъ противоположность между тѣмъ, что долженъ былъ сдѣлать, и тѣмъ, что сдѣлалъ, и находитъ себя виновнымъ предъ самимъ собою, осужденнымъ въ собственныхъ глазахъ; субъектъ бранитъ самого себя и такая брань, указываетъ на присутствіи въ самопорицаніи чего то похожаго на гнѣвное возбужденіе: здѣсь есть гнѣвъ на самого себя. Въ тѣхъ случаяхъ, когда безцѣльно и безсмысленно нарушаются долгъ и право, что иногда случается и съ хорошими по жизни людьми, гнѣвъ доходитъ до степени негодованія на самого себя: чѣмъ нравственно чище человѣкъ и чѣмъ глубже ему случилось пасть, тѣмъ живѣе его самонегодованіе; аскетическая литература и житія святыхъ полны изображеній такого состоянія чувства.

Въ угрызеніяхъ совѣсти есть чувство раскаянія: субъектъ, сознающій свой дурной поступокъ, раскаивается въ немъ. Что это за чувство? человѣкъ сожалѣетъ о сдѣланномъ; онъ дорого далъ бы, чтобы сдѣлать его не существовавшимъ и вмѣстѣ сознаетъ, что это невозможно. Это чувство походитъ на горе о не возвратной потерѣ. Раскаивающійся субъектъ находится именно въ такомъ положеніи: дурное дѣйствіе, имъ совершенное, представляется ему какъ понесенный уронъ, какъ претерпѣнная потеря, которой не должно быть, которая случилась на несчастіе. Но такъ какъ прошедшее сдѣлать не бывшимъ невозможно, то несчастіе кажется не возвратнымъ, не поправимымъ. Сожалѣніе становится горькимъ, чрезвычайно тягостнымъ, какъ и всякое большое горе: оно можетъ достигать въ нѣкоторыхъ случаяхъ степени невыносимости. Только одно утѣшеніе можетъ тогда представляться человѣку въ такомъ положеніи: искупленіе прошлаго новымъ страданіемъ, т. е. наказаніемъ; оно должно загладить сдѣланный

грѣхъ. Поэтому нерѣдко бываетъ, что тяжкіе преступники, мучимые угрызеніями совѣсти, напр. убійцы, нигдѣ не находя себѣ покоя, отдавали себя добровольно въ руки правосудія. Ожидающее ихъ тяжкое наказаніе казалось имъ легче, чѣмъ горе о сдѣланномъ грѣхѣ, которое они носили въ своемъ сердцѣ и отъ котораго ни въ чемъ не могли найти облегченія; наказаніе представляется имъ искупленіемъ отъ преступленія.

Смотря по характеру поступка и обстоятельствамъ, при которыхъ онъ совершенъ, въ безпокойствѣ и страданіяхъ совѣсти могутъ быть и другія тяжелыя чувства. Субъектъ можетъ испытывать мучительное чувство стыда: ему можетъ представляться, что о поступкѣ его узнаютъ другіе, что онъ станетъ предметомъ пересудовъ; его можетъ безпокоить мысль, какъ удивятся ему друзья его, какъ удивитъ всѣхъ контрастъ поступка съ общепредполагаемою честностію его, или же, что часто бываетъ, субъектъ представляетъ себѣ, что о поступкѣ его уже всѣ знаютъ, хотя въ дѣйствительности онъ никому неизвѣстенъ, и онъ страдаетъ мучительнымъ чувствомъ стыда. При глубокомъ паденіи, болѣе или менѣе развитый и не потерявшій нравственнаго чувства, человѣкъ теряетъ всякое чувство самоуваженія и смотря по степени паденія, чувствуетъ болѣе или менѣе сильное презрѣніе къ самому себѣ: онъ начинаетъ ставить себя ни вочто, находить себя низкимъ, павшимъ съ высоты. Подобное отношеніе къ самому себѣ есть вслѣдствіе сильнѣйшаго самораздвоенія, такъ какъ въ одномъ и томъ же лицѣ соединяется презирающій и презираемый. Самопрезрѣніе можетъ доходить до такой глубины, что субъекту, наконецъ, можетъ казаться, что виновный какъ будто не онъ самъ, а кто то другой въ немъ, что быть съ этимъ другимъ существомъ вмѣстѣ не выносимо, что мучительно сознавать невозможность отдѣлаться отъ него. Не вслѣдствіе ли такого раздвоенія чувствуется субъектомъ стыдъ предъ самимъ собою? Говорятъ, что иногда бываетъ совѣстно предъ самимъ собою, т. е. стыдно самого себя. Я думаю, что въ моментъ самопрезрѣнія нравственная половина человѣка стыдится за свое сосѣдство съ низостію и безнравственностію.

Чувство, называемое спокойствіемъ, довольствомъ совѣсти развивается не такъ часто, какъ угрызенія ея, и, конечно, потому, что самолюбіе увлекаетъ людей скорѣе на путь грѣха, чѣмъ къ подвигамъ добродѣтели. Оно является лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, послѣ нѣкоторой борьбы, человѣкъ рѣшается

окончательно исполнить свой долгъ, поступить по духу нравственнаго закона. Чувства, его составляющія, должны быть противоположны состояніямъ сердца, которыя мы назвали угрызеніями совѣсти.

Въ немъ можно найти, во 1-хъ, удовольствіе самохвалы. Субъектъ сознаетъ, что онъ поступилъ хорошо, исполнивъ свой долгъ, что онъ побѣдилъ искушеніе, которое могло завлечь его далеко, что онъ соблюлъ свое достоинство и честь; онъ не можетъ не сознавать себя честнымъ, имѣющимъ право на общее уваженіе, человѣкомъ; ему кажется, что онъ теперь легко можетъ смотрѣть въ глаза другимъ. Какъ и всякая хвала, и собственная порождаетъ пріятное чувство довольства собою, тѣмъ болѣе, что въ такихъ случаяхъ субъектъ сознаетъ полную заслуженность похвалы.

Во 2-хъ, возвышая себя въ собственномъ мнѣніи, хваля самого себя, субъектъ, въ моменты довольства, не можетъ не чувствовать большаго, чѣмъ въ другое время, самоуваженія. Какъ въ другихъ мы уважаемъ моральную силу, такъ. конечно, уважаемъ ее и въ самихъ себѣ. При снисходительности самооцѣнки, даже воображаемыя качества ума и характера, даже выгоды и преимущества внѣшняго положенія, служатъ достаточнымъ основаніемъ для развитія огромнаго чувства самоуваженія; когда же человѣкъ находитъ въ себѣ дѣйствительныя достоинства, (ихъ признаніе служитъ основаніемъ самохвалы, а въ данномъ случаѣ эти достоинства чисто нравственнаго характера), то онъ испытываетъ самоуваженіе въ сильной степени: въ своемъ представленіи онъ является себѣ нравственною силою. Едва ли возможно указать другіе случаи, когда самоуваженіе имѣетъ болѣе для себя основаній, какъ не въ минуты довольства совѣсти.

Наконецъ, въ этомъ чувствѣ несомнѣнно есть радостное возбужденіе. Довольство совѣстію возбуждается послѣ борьбы съ самимъ собою, послѣ побѣды надъ собственнымъ эгоизмомъ, чувственностію, подсказывавшими иной родъ дѣйствій. Не есть ли это радость торжества, побѣды лучшихъ сторонъ души надъ худшими? Мы видѣли, что волненіе радости связано съ событіями, расширяющими просторъ дѣятельности, свободу ея. При торжествѣ нравственныхъ мотивовъ надъ чувственными и эгоистичными, нѣтъ ли инстинктивнаго чутья обезпеченія себѣ въ будущемъ большей свободы дѣятельности? Человѣкъ, хотя и поддается вліянію низшихъ мотивовъ, но понимаетъ, хотя не всегда

отчетливо, что подчиненіе имъ есть плѣнъ души, узы, которыми она опутываетъ себя; побѣда надъ ними есть обезпеченіе свободы, простора для души. Она и радуется всякому дѣйствію своему, которое укрѣпляетъ и утверждаетъ ея свободу. По видимому, въ этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ искать объясненія тихой, но продолжительной радости всякому собственному доброму дѣлу.

Такимъ образомъ чувство довольства совѣсти содержитъ въ себѣ одни мягкія и пріятныя возбужденія сердца: есть въ немъ удовольствіе самохвалы, пріятное чувство самоуваженія и даже волненіе радости. Поэтому справедливо оно считается однимъ изъ самыхъ высокихъ возбужденій, посѣщающихъ вообще человѣческое сердце. Радость здѣсь ничѣмъ неомрачается и потому она называется свѣтлою и чистою. Минуты довольства совѣсти называютъ свѣтлыми моментами человѣческой жизни.

Возбужденія, сопутствующія дѣятельности воли.

Возбужденія сердца сопутствуютъ дѣятельности воли. Они возбуждаются, когда воля приготовляется къ дѣйствію, когда образуется рѣшимость къ нему: могутъ возникать сомнѣнія, дѣйствовать такъ или иначе, въ такомъ или другомъ направленіи, или можетъ явиться увѣренность, что необходимо рѣшаться только въ одномъ, требующемся дѣйствительностію, направленіи: это чувство сомнѣнія и вѣра. Во время дѣйствій, избираемыхъ какъ средства для достиженія цѣли, когда она еще недостигнута, субъектъ возбуждается чувствами ожиданія или надежды. Наконецъ, когда цѣль осуществлена, являются чувства удачи или успѣха, или неудачи. Мы разсмотримъ теперь эти возбужденія, равно какъ чувствованія, развивающіяся на основѣ ихъ.

Возбужденіе сомнѣнія.

Сомнѣніе развивается въ связи съ дѣятельностію воли. Субъектъ неувѣренъ, слѣдуетъ ли избрать такую или другую цѣль для дѣйствій, получится ли отъ нихъ желаемый результатъ, достигнутъ ли цѣли предполагаемыя средства, слѣдуетъ

ли рѣшиться на дѣйствіе, или нѣтъ. Съ практической почвы, сомнѣніе переносится на теоретическую: являются недоумѣнія, произойдетъ ли то или другое событіе, или не произойдетъ, слѣдуетъ ли считать вѣрнымъ извѣстіе, какъ должно думать объ извѣстномъ предметѣ, что считать истиннымъ въ нашемъ познаніи и т. д. Когда мысль колеблется и недоумѣваетъ подобнымъ образомъ, и когда воля и умъ не рѣшаются на что либо окончательное, то развивается чувство сомнѣнія.

Что же составляетъ сущность этого чувства? Древній русскій и церковно-славянскій языкъ называютъ сомнѣніе недоумѣніемъ; современный русскій отождествляетъ оба названія. Недоумѣніе означаетъ, что на предметъ его какъ бы недостаетъ ума, умѣнья, т. е. оно знаменуетъ недостаточное знаніе. Кто обладаетъ полнымъ знаніемъ, тотъ сомнѣваться не можетъ; сомнѣвается же тотъ, кто въ данномъ случаѣ не знаетъ, что необходимо дѣлать, или что принимать за истинное и вѣрное: въ практической области, сомнѣвающійся не знаетъ, что выйдетъ изъ его начинаній, какъ достигнутся цѣли, пригодны ли для нея предполагаемыя средства и т. п.; въ теоріи, сомнѣвающійся не знаетъ, на чемъ слѣдуетъ окончательно остановиться, каково истинное положеніе дѣла, все ли въ мыслимомъ вѣрно и что невѣрно и т. п.; въ обоего рода случаяхъ есть неполнота знанія. Слѣдовательно, сомнѣніе въ основѣ своей должно быть и есть чувство недостатка, неполноты знанія.

Если такъ, то почему же сомнѣніе бываетъ такъ безпокойно и иногда мучительно? Неужели одна неполнота знанія можетъ быть достаточною причиною мучительности сомнѣнія? Можно представить себѣ множество случаевъ, въ которыхъ неполнота знаній есть и чувствуется, но не сопровождается чувствомъ безпокойства: напримѣръ, мы незнаемъ навѣрное, есть или нѣтъ жители на Марсѣ; многое говоритъ за то, что на немъ должны обитать живыя существа, но вѣрно сказать, что они есть, не можемъ; сомнѣніямъ здѣсь полное мѣсто, но они не безпокоятъ насъ. Они начинаютъ мучить насъ, когда мы интересуемся знаніемъ чего либо, а между тѣмъ вѣрно знать то не можемъ. Въ чувствѣ сомнѣнія, слѣдовательно, есть неудовлетворенное желаніе, оно можетъ безпокоить субъекта и при случаѣ, даже мучить его.

Итакъ, что мы называемъ чувствомъ сомнѣнія, слагается изъ чувствъ недостатка и неполноты знанія и неудовлетворен-

наго желанія знать. Съ этой точки зрѣнія на сомнѣніе, мы можемъ объяснить всѣ особенности разбираемаго чувства, какія представляетъ намъ наблюденіе.

Такъ какъ чувство неполноты знанія развивается потому, что субъектъ не можетъ остановиться на какомъ либо предположеніи, какъ окончательно вѣрномъ, то понятно, что одно и тоже можетъ представляться одному несомнѣннымъ, другому весьма сомнительнымъ. Оцѣнка полноты знанія здѣсь субъективна и потому она не можетъ не зависѣть отъ личной опытности: надъ многимъ, что кажется вѣрнымъ молодому человѣку, старость съ недовѣріемъ покачиваетъ головою; нерѣдко бываетъ и наоборотъ. Различіе между умными проницательными и недалекими людьми сказывается въ различныхъ степеняхъ основательности сомнѣнія. Чѣмъ болѣе человѣкъ признаетъ недостаточность своего знанія, тѣмъ сильнѣе бываетъ его сомнѣніе.

Неудовлетворенность желанія знать находится въ прямой зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ субъектъ интересуется знаніемъ. Кто долженъ рѣшиться на что нибудь, наприм. полководецъ, который, по обстоятельствамъ, долженъ дать сраженіе, а между тѣмъ сознаетъ, что для предположеній его нѣтъ вѣрныхъ фактовъ и что онъ не можетъ расположить войска, какъ требуетъ того дѣйствительное положеніе противника, можетъ сильно мучиться сомнѣніемъ, потому что сильное желаніе его знать положеніе противника не можетъ быть удовлетворено. Можно мучиться сомнѣніемъ, какой исходъ будутъ имѣть судебное дѣло, затѣянныя спекуляція, болѣзнь своя или близкаго друга, потому что во всемъ этомъ интересъ у лица можетъ быть большой и слѣдовательно, желаніе знать что либо вѣрное бываетъ тогда очень сильное. Равнымъ образомъ, судьба человѣка, его безсмертіе, присутствіе цѣлей въ мірѣ или, напротивъ, его случайность, и т. п. могутъ чрезвычайно интересовать человѣка: въ сознаніи недостаточности знаній для окончательнаго отвѣта на подобные вопросы, онъ будетъ колебаться между разными мнѣніями, и его сомнѣніе будетъ безпокойно и мучительно, потому что большое желаніе знать въ данныхъ случаяхъ не можетъ быть удовлетворено. Сомнѣніе становится безнадежнымъ, когда субъектъ сознается, что исхода изъ недоумѣній нѣтъ и окончательнаго рѣшенія ихъ никогда не будетъ. Такія минуты сомнѣнія относительно религіозныхъ и философскихъ высшихъ вопросовъ однѣ изъ самыхъ тяжкихъ и мрач-

ныхъ моментовъ человѣческой жизни. Но, конечно, онѣ существуютъ лишь для того, кто придаетъ значеніе такимъ вопросамъ, кто имѣетъ жажду познанія и крѣпкое влеченіе знать ихъ рѣшеніе. Иногда мучительность сомнѣній доходитъ до того, что человѣкъ старается успокоить себя явно недостаточнымъ ихъ разрѣшеніемъ, убѣждая себя признать его окончательными, или онъ останавливается на сомнѣніи, какъ послѣднемъ выводѣ.

Чувство вѣры.

Что мы противополагаемъ сомнѣнію? Отсутствіе сомнѣнія есть только отрицаніе его, но не утвержденіе чего либо противоположнаго ему. Таковымъ можетъ быть то состояніе, при которомъ субъектъ не только не имѣетъ сомнѣнія, но и полагаетъ извѣстнаго рода знаніе, какъ истинное, останавливается на немъ окончательно, какъ таковомъ. Это есть состояніе вѣры. Кто вѣритъ во что нибудь, тотъ не только не сомнѣвается въ томъ, но и утверждаетъ содержаніе своей вѣры, какъ единственно истинное содержаніе. И въ языкѣ мы противополагаемъ сомнѣніе вѣрѣ: невѣрить значитъ сомнѣваться, не сомнѣваться значитъ вѣрить. Въ силу противоположности ея сомнѣнію, анализъ ея долженъ открыть въ ней элементы, противоположные послѣднему.

Въ сомнѣніи мы нашли непріятное чувство недостаточности, не полноты знанія, въ вѣрѣ должно быть пріятное чувство полноты знанія. И дѣйствительно, кто вѣритъ чему бы то ни было, тотъ имѣетъ это чувство. Когда мы вѣримъ человѣку, разсказывающему событіе, какую-нибудь исторію, или передающему намъ какое либо знаніе, то признаемъ свѣдѣнія отъ него полученныя, совершенно истинными; въ этомъ случаѣ мы чувствуемъ, что обладаемъ полнымъ знаніемъ событія, слышаннаго отъ разскащика. Кто вѣритъ въ свое философское міровоззрѣніе, тотъ, убѣжденъ, что обладаетъ полнотою знаній о мірѣ. Христіанинъ вѣритъ въ голосъ Божественнаго Откровенія и Церкви, убѣжденъ въ полной истинности его и вѣруя тому, чувствуетъ удовольствіе полнаго знанія. Вѣрующій человѣкъ въ предметѣ своей вѣры не находитъ ничего недостаточнаго, не достовѣрнаго; содержаніе ея есть для него полное выраженіе истины.

Такъ какъ въ вѣрѣ полнота знанія оцѣнивается и признается субъектомъ, то разные люди могутъ имѣть предметомъ своей вѣры различныя мнѣнія. Во что̀ одинъ искренно вѣритъ, то для другого можетъ быть предметомъ большого сомнѣнія. Христіанинъ вѣритъ въ догматы, которые отвергаются скептиками; магометанинъ имѣетъ свое содержаніе вѣры и язычникъ — другое. Соціалистъ и демократъ считаютъ свои убѣжденія окончательно достовѣрными и полагаютъ, что обладаютъ полнымъ знаніемъ относительно нѣкоторыхъ вопросовъ политическихъ и экономическихъ. Предметомъ вѣры могутъ быть какъ выводы науки, такъ и ни на чемъ не основанныя сказанія, лишь бы субъектъ имѣлъ по отношенію къ нимъ чувство полноты знанія.

Въ вѣрѣ, какъ и сомнѣніи, есть желаніе и стремленіе къ знанію. Она также предполагаетъ интересъ къ извѣстному содержанію. Предметъ вѣры не можетъ быть для насъ безразличенъ. Когда къ какому либо знанію субъектъ относится холодно и желанія знать у него нѣтъ, то хотя бы онъ признавалъ его достовѣрнымъ, у него нѣтъ вѣры: есть простое согласіе ума, но не вѣра: напримѣръ, когда нѣтъ охоты и интереса къ химическимъ или физическимъ изслѣдованіямъ, то какой нибудь выводъ ихъ можно принять за истинный, т. е. холодно согласиться съ нимъ, высказать простое довѣріе къ нему, но онъ не будетъ предметомъ вѣры. Въ послѣдней есть нѣчто большее, чѣмъ только признаніе истины и чувство полноты знанія. Науку мы признаемъ истинною, но вѣримъ только въ ту, къ которой чувствуемъ охоту и влеченіе. Предметъ вѣры всегда интересуетъ насъ, мы желаемъ знать его. Такъ какъ она развивается вслѣдствіе сознанія полноты знанія, то въ вѣрѣ есть чувство удовлетвореннаго желанія, удовлетворенной потребности знанія: въ ней есть насыщеніе знаніемъ, полное удовлетвореніе жажды къ нему. Вѣрующій во что либо такъ доволенъ своимъ знаніемъ, что ничего болѣе не желаетъ и ни къ чему иному не стремится: ибо въ содержаніи своей вѣры имѣетъ всѐ, что онъ могъ бы желать по извѣстному вопросу. Если я въ историческомъ отношеніи вѣрю легендѣ, то это значитъ, что въ этомъ отношеніи мое желаніе знать истину совершенно удовлетворено и болѣе мнѣ знать ничего не нужно; если я вѣрю въ матеріалистическое ученіе, то въ вопросахъ, имъ рѣшаемыхъ, я не желаю знать болѣе, чѣмъ сколько мнѣ говоритъ матеріализмъ, и мое желаніе

знать въ этихъ пунктахъ совершенно удовлетворено; вѣрующій христіанинъ въ догматахъ вѣры находитъ для себя полное завершеніе своего познанія о вопросахъ, ими рѣшаемыхъ, и вполнѣ удовлетворяется христіанскимъ ученіемъ, какъ выраженіемъ одной чистой истины. Оттого, тогда какъ сомнѣніе раздражаетъ, потому что неудовлетворенное желаніе мучительно, вѣра успокоиваетъ. Справедливо богословы говорятъ о пристанищѣ вѣры, якорѣ, мирѣ ея и т. под. Въ вѣрѣ душа, истерзанная сомнѣніями, обрѣтаетъ покой для своихъ стремленій къ рѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ, для своей жажды знать о своей судьбѣ, о Богѣ и его отношеніяхъ къ людямъ. И такъ какъ ни кто не желаетъ себѣ зла, то искреннимъ скептикомъ, собственно говоря, ни кто по охотѣ не дѣлается и всякій сомнѣвающійся желаетъ вѣрить во что либо окончательно, только къ сожалѣнію, не можетъ, если у него нѣтъ чувства обладанія полнымъ знаніемъ, если его желаніе знать неудовлетворено и ему не на чемъ успокоиться.

Такъ какъ въ вѣрѣ есть и чувство полноты знанія и совершенное удовлетвореніе желанія знать, то понятно, что, принимая содержаніе ея за полное выраженіе истины, субъектъ дѣйствія свои будетъ направлять, основываясь на истинѣ, въ которую онъ вѣритъ. Мы дѣйствуемъ во имя только такихъ убѣжденій, которыя считаемъ вѣрными, такъ что по дѣламъ человѣка можно судить, чему онъ дѣйствительно вѣритъ. Готовностію его дѣйствовать по предположеніямъ вѣры можно измѣрять силу и крѣпость ея. Справедливо по этому говоритъ Слово Божіе, что отъ дѣлъ познается вѣра. Можно на словахъ признавать многое, что въ своей дѣятельности субъектъ собственно отрицаетъ: напр. человѣкъ говоритъ, что онъ вѣруетъ въ безсмертіе человѣческой души, въ Бога, въ существованіе моральнаго закона; о немъ можно сказать, что онъ вѣритъ во все это только въ томъ случаѣ, если въ жизни своей онъ дѣйствуетъ, какъ бы все это существовало на самомъ дѣлѣ: иначе, мы въ правѣ сказать, что онъ вѣритъ только на словахъ, а не въ сердцѣ.

Ожиданіе.

Прибѣгая къ средствамъ для достиженія цѣли, мы представляемъ ее, какъ событіе имѣющее наступить, и *ждемъ* ея

осуществленія. Осуществленіе цѣли есть предметъ нашего ожиданія. Первоначально, конечно, ожиданіе развивается въ связи съ желаніями и стремленіями и на нихъ мы, такъ сказать, выучиваемся ожидать: въ юныхъ лѣтахъ только то служитъ предметомъ ожиданія, что прямо и сильно интересуетъ субъекта; затѣмъ, ожиданіе распространяется на событія, интересующія лишь посредственно.

Отмѣтимъ прежде всего условія, при которыхъ является чувство ожиданія. Во 1-хъ, оно обращается къ будущему: ожидать можно только имѣющаго случиться, но не прошедшаго или настоящаго. Однако, предметомъ его бываетъ не будущее вообще: обыкновенно, мы переживаемъ моментъ за моментомъ и не думаемъ особенно о томъ, что съ нами будетъ завтра или въ ближайшемъ будущемъ; и возможное вообще не составляетъ предмета ожиданій: мы не ожидаемъ пріѣзда къ себѣ тѣхъ, кто говорилъ намъ, что они могутъ пріѣхать, а могутъ и не пріѣхать; мы не ожидаемъ бѣдствій, которыя могутъ быть, но могутъ и не быть и т. д. Предметомъ ожиданія становится лишь то, что должно случиться, но чего еще въ наличности нѣтъ. Такъ, мы ожидаемъ дня отъѣзда своего или знакомыхъ, о которомъ мы знаемъ, что онъ долженъ наступить, письма, которое мы должны получить, поднятія занавѣса въ театрѣ въ назначенный часъ; дитя ожидаетъ подарка, который, по его предположенію, долженъ быть данъ ему. Слѣдовательно, мы ожидаемъ въ будущемъ лишь того, что, по нашему предположенію, должно быть.

Во 2-хъ, мы ожидаемъ того, что представляетъ для насъ большій или меньшій интересъ. Событія совершенно безъинтересныя для насъ не возбуждаютъ ожиданій: войны юго-американскихъ республикъ не интересуютъ насъ, и мы не ожидаемъ ни побѣдъ, ни пораженій которой либо изъ нихъ: много-много, если принимаемъ извѣстія о нихъ къ свѣдѣнію; ученое сочиненіе, въ какомъ либо отношеніи замѣчательное, не возбуждаетъ интереса въ незнакомомъ человѣкѣ и онъ не ожидаетъ его выхода въ свѣтъ. Ожидаемъ мы обыкновенно чего либо пріятнаго, или не пріятнаго для насъ, или въ какомъ либо отношеніи важнаго, или просто любопытнаго.

Обратимъ вниманіе на усложненія, какія могутъ бывать съ разбираемымъ возбужденіемъ. Такъ какъ мы ожидаемъ только того, что *должно* случиться, но чего еще въ дѣйствительности

нѣтъ, то характеръ ожиданія будетъ различенъ, смотря по тому, будетъ ли субъектъ относиться къ имѣющему случиться съ сомнѣніемъ, или вѣрою. Равно, событіе имѣющее наступить, можетъ имѣть прямое отношеніе къ намъ, быть пріятнымъ или непріятнымъ, радостнымъ или горестнымъ, ужаснымъ или величественнымъ. Въ этихъ случаяхъ къ чувству ожиданія присоединяются другія движенія сердца, тоже придающія ему особый оттѣнокъ.

Ожидающій субъектъ можетъ смотрѣть на будущее событіе съ сомнѣніемъ. Иногда мы сознаемъ, что хотя событіе и должно наступить, но его можетъ и не быть: намъ кажется, что извѣстный трудъ долженъ имѣть успѣхъ, но злоэлательство и невѣжество могутъ поднять противъ него голосъ и тогда успѣха можетъ и не быть; мы думаемъ, что нашъ знакомый долженъ пріѣхать съ такимъ то поѣздомъ, но разныя обстоятельства могутъ задержать его. Сомнѣніе можетъ являться въ теченіи ожиданія, такъ что спокойное ожиданіе можетъ стать безпокойнымъ, особенно съ того момента, какъ ожидаемое событіе почему либо замедлилось и не является въ данный моментъ. И при сомнѣніи ожидающій субъектъ продолжаетъ признавать наступленіе факта долженствующимъ случиться, но къ этому убѣжденію присоединяется недоумѣніе, дѣйствительно ли оно будетъ, ибо оно можетъ и не быть, по какому либо стеченію обстоятельствъ. Сомнѣніе придаетъ ожиданію всегда безпокойный характеръ: ожидающій наградъ, повышенія, бываетъ спокоенъ, пока увѣренъ въ томъ, что получитъ ихъ; но лишь станетъ закрадываться въ душу сомнѣніе, онъ начинаетъ ожидать съ безпокойствомъ. Чѣмъ болѣе мы интересуемся будущимъ событіемъ, чѣмъ съ большею страстностію его желаемъ, тѣмъ сомнѣніе придаетъ ожиданію болѣе безпокойный характеръ.

Ожидаемое событіе можетъ представляться субъекту имѣющимъ непремѣнно осуществиться. Онъ ожидаетъ, слѣдовательно, съ вѣрою, что ожидаемое будетъ реализовано на самомъ дѣлѣ. Отъ какихъ бы различныхъ причинъ ни являлась такая вѣра, ожиданіе остается во всѣхъ такихъ случаяхъ одинаковымъ: она можетъ являться вслѣдствіе убѣжденія въ вѣрности разсчета обстоятельствъ, принятыхъ ad hoc мѣръ, или же вслѣдствіе опрометчивости сужденія, страстности ожиданія. Неопытная молодость часто принимаетъ свои желанія за нѣчто, долженствующее быть непремѣнно, и ожидаетъ осуществленія ихъ съ вѣрою,

что иначе быть не можетъ. Какъ сомнѣніе придаетъ ожиданію безпокойный характеръ, такъ вѣра дѣлаетъ его спокойнымъ: при ней, ожидающій ни чѣмъ не волнуется: ему нѣтъ нужды колебаться между контрастами и мучиться мыслями, что будетъ въ случаѣ осуществленія или неосуществленія ожидаемаго событія. Даже когда ожидается что либо непріятное, человѣкъ менѣе измучивается въ томъ случаѣ, когда онъ ожидаетъ непріятности, зная, что она не избѣжна, чѣмъ когда онъ въ сомнѣніи колеблется между страхомъ и надеждою.

Съ другой стороны, ожиданіе пріобрѣтаетъ различный характеръ, смотря потому, какого рода событіе ожидается. Мы говорили выше, что ожиданіе чего либо предполагаетъ въ субъектѣ интересъ къ извѣстному событію; чѣмъ мы совершенно не интересуемся, того и неожидаемъ. Но интересъ въ ожидаемомъ можетъ быть различенъ: оно можетъ обѣщать удовольствіе или неудовольствіе, радость или горе, возбуждать страхъ или гнѣвъ въ томъ случаѣ, если осуществится, обѣщать минуту волненія дружбы, любви и т. д. Ожиданіе принимаетъ тогда соотвѣтственный характеръ: пріятно ожидать удовольствія, обѣщаемаго театромъ, путешествіемъ, и т. д.; въ 1861-мъ году крестьяне съ радостію помышляли объ ожидающей ихъ волѣ и радостно было ихъ ожиданіе; съ горемъ человѣкъ предвидитъ тяжкую потерю и самое ожиданіе его исполнено горя; въ страхѣ за себя субъектъ ожидаетъ рѣшенія своей судьбы, заранѣе волнуется любовью или дружбою, ожидая встрѣчи съ любимымъ существомъ или другомъ, и за ранѣе распаляется гнѣвомъ, ожидая обиды отъ врага.

Повидимому, странно, что субъектъ испытываетъ такія или другія чувствованія, въ сущности не имѣя еще къ тому причины: онъ испытываетъ удовольствіе, когда пріятное впечатлѣніе вовсе еще не получено и когда въ дѣйствительности есть поводъ, быть можетъ, только для неудовольствія; субъектъ радуется и скорбитъ, гнѣвается и труситъ, дружитъ и любитъ, когда реальнаго повода къ тому еще нѣтъ. И что особенно странно, въ минуты ожиданія, развивающіяся чувствованія часто не только не уступаютъ въ своей силѣ тѣмъ, которыя разовьются въ случаѣ осуществленія ожиданія, но даже превосходятъ ихъ. Кто не испыталъ, что ожидаемое удовольствіе всего пріятнѣе, когда его только ожидаешь, чѣмъ когда оно реально наступаетъ, и ожидаемая непріятность болѣе тяготитъ душу, чѣмъ реальная? Когда радость ожидается, она болѣе волнуетъ сердце, чѣмъ

когда становится фактомъ, и горе болѣе измучиваетъ душу, когда оно представляется грядущимъ, чѣмъ когда совершается; опасность страшнѣе всего, когда она угрожаетъ, то есть, когда она только ожидается, чѣмъ когда дѣйствительно наступаетъ; какъ часто люди разжигаются гнѣвомъ и негодованіемъ, лишь въ ожиданіи оскорбленія, и какъ сравнительно слабо оно трогаетъ ихъ, когда дѣйствительно совершается! Извѣстенъ фактъ, что праздникъ бываетъ свѣтелъ и радостенъ не столько тогда, когда онъ наступаетъ реально, сколько тогда, когда лишь идутъ приготовленія къ нему. Моменты, въ которые, повидимому, чувство должно достигать самой высшей ступени развитія, далеко уступаютъ тѣмъ минутамъ, когда чувства согрѣвали сердце, только ожидавшее наступленіе событія. Поэтому весьма часто время наступленія самыхъ событій бываетъ временемъ разочарованія: субъекту кажется, что онъ не того ожидалъ, что случилось, что ожидалъ напрасно и т. под.

И такъ во многихъ случаяхъ ожиданія чувство, которое должно быть вызвано самимъ событіемъ, развивается ранѣе его и по силѣ своей даже превосходитъ вызываемое самимъ событіемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, оно принимаетъ форму предчувствія.

Бываютъ минуты неопредѣленныхъ ожиданій, когда субъектъ точно не знаетъ, что именно должно съ нимъ случиться, но знаетъ, что нѣчто радостное или горестное или ужасное должно произойти. Отъ обыкновеннаго ожиданія эта форма отличается отсутствіемъ опредѣленнаго убѣжденія, что именно должно сбыться, хотя въ немъ есть общее убѣжденіе, что нѣчто важное случится въ ближайшемъ или отдаленномъ будущемъ. Не станемъ лицемѣрно отрицать, что подобныя предчувствія возможны, они бываютъ на самомъ дѣлѣ и мало того, нерѣдко сбываются.

Какъ объяснить появленіе предчувствій? Несомнѣнно, что одна часть, такъ называемыхъ, предчувствій, въ сущности, этого имени не заслуживаетъ, а есть настроенія, зависящія отъ причинъ физіологическихъ. При болѣзняхъ сердца, печени, хроническихъ разстройствахъ желудка, могутъ являться настроенія большею частію мрачныя, которыя, такъ какъ въ наличныхъ впечатлѣніяхъ нѣтъ къ нимъ повода, иногда кажутся предчувствіями: больной субъектъ, мрачно настроенный, приходитъ иногда къ мысли, что нѣчто ужасное должно съ нимъ случиться, или ему кажется даже, что оно какъ будто уже случилось.

За тѣмъ, другая часть предчувствій должна быть отнесена на долю выводовъ и предположеній, дѣлаемыхъ почти безсознательно изъ общаго положенія дѣлъ въ государствѣ, обществѣ, или касающихся одной личности. Когда государственное и общественное положеніе ухудшается изо дня въ день, когда печальныя событія смѣняютъ одно другое, наприм. какъ въ послѣднія вѣка Римской или Византійской Имперіи, что удивительнаго, что въ очевидцахъ свидѣтеляхъ являлось убѣжденіе въ неизбѣжности большихъ предстоящихъ несчастій, что они становились предметомъ ожиданій, сопровождавшихся предчувствіями чего то ужаснаго. Изо дня въ день дурное состояніе здоровья, его ухудшеніе, замѣтное для субъекта, или поворотъ обстоятельствъ, прежде складывавшихся благопріятно, въ другую противную сторону, легко порождаютъ въ одномъ убѣжденіе въ предстоящей смерти и предчувствіе ея, въ другомъ предчувствіе банкротствъ, или публичнаго паденія и т. под. Иногда субъектъ можетъ не отдавать самъ себѣ отчета, когда и какъ пришелъ онъ къ подобному заключенію: не въ этомъ только одномъ случаѣ мы не можемъ дать отчета, когда и какъ образуются въ насъ представленія и понятія.

Есть, однако, предчувствія, необъяснимыя изъ предыдущихъ причинъ. Рѣдко, но все же бываетъ, что субъектъ какъ бы пророчески предваряетъ будущее и въ своемъ ожиданіи радуется ему или оплакиваетъ его: не зная ничего опредѣленнаго о томъ, что именно будетъ, онъ предчувствуетъ свѣтлую или мрачную сторону его; не многимъ, избраннымъ сердцамъ, данъ, по видимому, и этотъ даръ. Съ обыденной точки зрѣнія, опирающейся на понятіе времени, съ его дѣленіемъ на прошедшее, настоящее и будущее, конечно, возможно лишь отрицать подобные факты. Но въ ожиданіи вообще мы имѣемъ явленіе, которое трудно объяснимо съ точки зрѣнія времени. Какъ еще не существующее можетъ быть предметомъ горя или радости, страха, гнѣва и т. под.? Къ чему всѣ подобныя чувствованія, когда въ дѣйствительности реальнаго повода къ нимъ нѣтъ? Да и къ чему тратиться на ожиданіе, т. е. заботу о томъ, чего, въ сущности, нѣтъ? Если бы, дѣйствительно, существовало время такъ, какъ мы его обыкновенно представляемъ, то ожиданіе свидѣтельствовало бы о людской неразсудительности, которая, не довольствуясь реальными горями, прибавляетъ еще себѣ столько же ожидаемыхъ, если не болѣе. Съ точки же зрѣнія идеальности

времени, какъ лишь субъективной формы представленія взаимозависимости явленій, чувство ожиданія вообще и предчувствія становятся понятнѣй. Что мы называемъ будущимъ есть только совокупность фактовъ, зависящихъ отъ тѣхъ, которые мы называемъ настоящимъ. Вмѣстѣ и нераздѣльно дано намъ то, что мы, въ формѣ теперешняго своего представленія и познанія, расчленяемъ на три момента: прошедшее, настоящее и будущее. Если такъ, то почему избраннымъ натурамъ, или и обыкновеннымъ, но въ рѣдкія особыя минуты, не можетъ открываться зависимость фактовъ будущаго отъ настоящихъ, и почему первые не могутъ быть переживаемы, столь же реально, какъ наличные? Съ такой точки зрѣнія станетъ понятнѣй и ожиданіе вообще. Такъ какъ будущаго въ сущности нѣтъ, а есть лишь зависимое отъ условливающаго, которое мы представляемъ въ формѣ настоящаго, наприм. какъ въ логическихъ доказательствахъ слѣдствіе зависитъ отъ основанія, то ожидаемое есть до нѣкоторой степени настоящее и будущее горе или грядущая радость суть реально чувствуемыя состоянія. Не оттого ли происходитъ то явленіе, что ожидавшееся событіе, сдѣлавшись реальнымъ, часто находитъ насъ уже пережившими его заранѣе, въ формѣ ожиданія, и потому не даетъ намъ ничего новаго? Не потому ли мы встрѣчаемъ его холодно?

Послѣ нашихъ замѣчаній о чувствѣ ожиданія, мы можемъ представить вкратцѣ слѣдующіе результаты нашего анализа.

Во 1-хъ, такъ какъ ожиданіе имѣетъ своимъ предметомъ будущее, для нашего обыкновеннаго познанія непзвѣстное, то, хотя мы и представляемъ событія имѣющимъ быть, не можемъ однако навѣрнее знать, что оно будетъ непремѣнно: полноты знанія здѣсь не можетъ быть. Въ ожиданіи неспокойномъ и неувѣренномъ неполнота знанія, какъ мы видѣли, восходитъ до степени сомнѣнія. Но и въ спокойномъ, которому сопутствуетъ вѣра, хотя и есть полнота знанія, она основывается скорѣе на рѣшимости отгонять всякую мысль о тщетности ожиданія, чѣмъ положительномъ знаніи, что ожидаемое не можетъ не стать фактомъ. Слѣдовательно, и при вѣрѣ, возможно въ ожиданіи нѣкоторое сомнѣніе, доподлинно ли будетъ осуществлено ожидаемое. Оттого ожиданіе имѣетъ нѣкоторую близость къ сомнѣнію и такъ легко соединяется съ нимъ.

Во 2-хъ, такъ какъ ожиданіе простирается на событія, въ какомъ либо отношеніи интересующія насъ, и они еще имѣютъ

только совершиться, то въ ожиданіи есть чувство неудовлетворенности стремленія. Событія, ни въ какомъ отношеніи не интересныя для насъ, невозбуждаютъ ожиданій: ожидаемое бываетъ или пріятно, радостно, или непріятно, горестно, или можетъ угрожать намъ, обѣщать или эстетическое наслажденіе или просто удовлетвореніе любопытства, т. е. чувство новости. Поэтому, ожидая событія, мы или желаемъ его или не желаемъ, отвращаемся отъ него.

Наконецъ, въ 3-хъ, въ ожиданіи есть различныя чувствованія, смотря по содержанію ожидаемыхъ событій. Такъ какъ выше мы подробно останавливались на этомъ пунктѣ, то здѣсь уже не станемъ болѣе распространяться.

Надежда.

Ожиданію родственна надежда. Всякая надежда есть непремѣнно ожиданіе, но не всякое ожиданіе есть надежда: постѣдняя есть видъ перваго. Какъ и во всякомъ видѣ, въ ней должны быть какъ общія родовыя черты, такъ и особенныя, только ей свойственныя.

Прежде всего надежда простирается только на что либо пріятное. Ожидать можно какъ пріятныхъ, такъ и непріятныхъ событій; надѣемся же мы всегда на что либо благопріятное для насъ: мы не говоримъ, что надѣемся на какую нибудь бѣду, на дурное приключеніе, — а имѣемъ надежду, что улучшится наше положеніе, или совершится счастливое событіе, получится выгода, повышеніе на службѣ и т. д.

Далѣе, надежда простирается на событія, болѣе или менѣе отдаленныя. Ближайшихъ къ намъ по времени событій мы ожидаемъ, на далекія — надѣемся: молодой человѣкъ, вступающій въ учебное заведеніе, *надѣется* окончить въ немъ черезъ четыре или болѣе года курсъ, — находящійся въ немъ послѣдній годъ *ожидаетъ* своего выхода; отецъ надѣется, что изъ его сына выйдетъ современемъ хорошій человѣкъ; неимѣя въ виду опредѣленнаго жениха, дѣвушка надѣется выйти замужъ; назначенной въ близкомъ будущемъ свадьбы она ожидаетъ.

Наконецъ, надежда сопровождается увѣренностію, что ожидаемое событіе непремѣнно будетъ. Мы надѣемся лишь на то, что, по нашему мнѣнію, должно исполниться непремѣнно: ученый

надѣется дать хорошій научный трудъ, и онъ. дѣйствительно увѣренъ, что это сбудется: кто надѣется быть богатымъ, или великимъ дѣятелемъ, достигнуть вершинъ славы, тотъ, несомнѣнно, увѣренъ про себя, что рано ли поздно ли, но это сдѣлается съ нимъ на самомъ дѣлѣ: надѣющійся хорошо кончить курсъ, выгодно жениться, сдѣлаться путешественникомъ, или писателемъ, дѣйствительно, полагаетъ, что съ нимъ когда нибудь все это совершится.

Слѣдовательно, въ надеждѣ есть всѣ тѣ элементы, которые отличаютъ ожиданіе съ вѣрою, что ожидаемое непремѣнно исполнится. Именно:

Въ ней есть вѣра, или полное знаніе, что, рано ли поздно ли, предметъ надежды станетъ совершившимся фактомъ. Безъ вѣры не можетъ быть и надежды: тогда будетъ лишь одно неопредѣленное ожиданіе. Когда человѣкъ непоколебимо убѣжденъ, что надежда не можетъ не осуществиться, т. е. когда вѣра въ немъ полная, то и это чувство принимаетъ характеръ непоколебимости. Присутствіе въ немъ вѣры сообщаетъ ему спокойный характеръ: надѣющійся какъ бы уже обладаетъ тѣмъ, чего ожидаетъ; ему нѣтъ повода волноваться, колебаться въ недоумѣніи.

Въ ней есть чувство удовольствія, иногда положительная радость. Мы видѣли, что надѣемся мы лишь на что либо пріятное: непріятныхъ надеждъ быть не можетъ. Слѣдовательно, въ ней непремѣнно должно быть чувство удовольствія: представляя себѣ въ будущемъ выгодное и полезное событіе, или обѣщающее много удовольствія, субъектъ испытываетъ пріятное чувство. Особенно, когда онъ надѣется на большое расширеніе круга дѣятельности, или рѣшительное устраненіе препятствій къ ней, онъ можетъ испытывать чувство большой радости. Пріятныя положительныя чувствованія могутъ быть въ надеждѣ во всѣхъ формахъ. Они могутъ быть настоящими реальными движеніями сердца, наприм. когда субъектъ питаетъ радостную надежду, что современемъ для него откроется большое наслѣдство, или онъ станетъ важнымъ лицомъ въ чиновной іерархіи и т. п. Надежда можетъ сопровождаться и предчувствіями. Мнѣ кажется, что такія предчувствія бываютъ у страдающихъ душъ, когда наболѣвшее сердце утѣшается надеждою на скорое избавленіе отъ тягостей и мукъ и предчувствуетъ радость его наступленія.

Отчаяніе.

Надеждѣ противополагается отчаяніе. Это безотрадное чувство наступаетъ послѣ многихъ обманутыхъ надеждъ, когда человѣкъ уже не знаетъ на что надѣяться, когда будущее представляется ему мрачною пропастію, обѣщающею лишь страданіе и гибель.

Въ отчаяніи есть чувство обманутой вѣры. Субъектъ вѣрилъ во многія счастливыя для себя событія; онъ былъ убѣжденъ, что должны осуществиться такіе и другіе планы его; дѣятельный и предпріимчивый, онъ не допускалъ ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобъ въ концѣ концовъ было иначе, чѣмъ онъ ожидалъ. И вотъ дѣйствительность разбиваетъ одну иллюзію за другою. Такъ какъ эти иллюзіи были предметомъ вѣры, то горькое и тягостное чувство овладѣваетъ субъектомъ, который видитъ крушеніе того, во что такъ крѣпко вѣрилъ. Съ болью въ сердцѣ онъ оглядывается на свое прошлое, представляющее рядъ горькихъ обмановъ и ставшее непрерывнымъ самообольщеніемъ. Чѣмъ крѣпче была вѣра въ успѣхъ и счастіе, тѣмъ тяжелѣе разубѣдиться въ ней.

Далѣе, въ отчаяніи есть чувство тщеты всякихъ стремленій. Это не просто не удовлетворенное стремленіе, но тягостное чувство безплодности желаній прошедшихъ и настоящихъ. Въ прошедшемъ субъектъ видитъ одни неудавшіяся и неосуществившіяся стремленія: не удались цѣли, которыхъ достиженіе, по видимому, было заботливо и искусно обставлено, которыя, повидимому, должны были удаться. Субъектъ чувствуетъ, что тщетны всякія стремленія и къ будущему: также, какъ и въ прошломъ, въ будущемъ не можетъ быть ничего добраго, да и нѣтъ ничего, къ чему можно бы было съ успѣхомъ стремиться: это чувство тщеты всей воли. Поэтому у такого субъекта нѣтъ будущаго, нѣтъ цѣлей: одно горькое чувство не удачи всего своего существованія.

Наконецъ, чувство тяжкаго горя безысходно удручаетъ субъекта, лишеннаго всякихъ надеждъ. Мы видѣли выше, что чувство горя развивается, когда совершаются событія, полагающія препоны дѣятельности субъекта. Какое же должно быть нестерпимое горе у человѣка, который при извѣстныхъ обстоятельствахъ сознаетъ полную невозможность куда либо двигаться. Оно еще

болѣе усиливается отъ мысли, что обстоятельства могли-бъ сложиться иначе, что тогда бы онъ наслаждался счастіемъ и т. под. Такъ какъ въ будущемъ ничего не представляется отраднаго, то отчаявшійся съ ужасомъ помышляетъ объ этой мрачной пропасти, готовой ежеминутно поглотить его. Реальныя горькія чувствованія отъ горькой дѣйствительности смѣняются скорбными настроеніями и послѣднія смѣняются мрачными и тяжкими предчувствіями какой то неизбѣжной катастрофы.

Надежды будятъ охоту жить; онѣ поддерживаютъ энергію вѣрою въ ожидающее счастіе, въ успѣхъ. Отчаяніе, напротивъ, отнимаетъ охоту жить, лишаетъ всякой энергіи. Для надѣющагося существуетъ будущее, на которое онъ смотритъ съ вѣрою; для отчаявшагося нѣтъ его и онъ боится заглядывать въ него. При такихъ условіяхъ, если только человѣка не поддержитъ религіозная надежда, продолженіе жизни становится невозможнымъ для него.

Чувствованія удовлетворенія и неудовлетворенія, удачи и неудачи.

Наконецъ когда желаніе осуществляется, является чувство удовлетворенія. Когда достиженіе цѣли дается послѣ нѣкоторыхъ усилій, является возбужденіе удачи. Многія удачныя дѣйствія порождаютъ чувство силы.

Чувство удовлетворенія развивается во всѣхъ случаяхъ, когда желаніе осуществляется. Особенно доставляетъ удовольствіе удовлетвореніе тѣхъ желаній, которыя выражаютъ какую нибудь дѣйствительную потребность, тѣлесную или духовную. Удовольствіе чувствуетъ человѣкъ, когда удовлетворитъ жажду и голодъ. Но также ему пріятно, когда исполняется его желаніе встрѣчи съ другомъ, въ которой онъ чувствовалъ потребность, когда онъ отдыхаетъ, работаетъ, удовлетворяя своей потребности отдыха, работы. Не то только возбуждаетъ въ этихъ случаяхъ удовольствіе, что восполняется недостатокъ, чувствуемый духовнымъ и физическимъ организмомъ, но и то, что дѣлается какъ намъ желается, или какъ говорятъ, дѣлается по нашъ. Исполненіе даже случайнаго желанія доставляетъ намъ удовольствіе. Напротивъ, неисполненіе желанія болѣе или менѣе для насъ прискорбно и неудовольствіе бываетъ тѣмъ сильнѣй, чѣмъ сильнѣе было желаніе.

Чувство удачи развивается, когда удовлетворяется желаніе, для осуществленія котораго принимались мѣры, стоившія усилій. Оно развивается у спекулятора, который давно подготовлялъ и хлопоталъ о паденіи или повышеніи цѣнъ на извѣстный товаръ и наконецъ достигъ цѣли; ученый, который давно трудился надъ разрѣшеніемъ вопроса, не находилъ его рѣшенія и наконецъ добился его, испытываетъ такое же чувство; любитель рѣдкостей, пріобрѣвъ давно желанную вещь, чувствуетъ свою удачу. Удовольствіе ея возвышается еще отъ того, что субъектъ въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ чувство исполненнаго ожиданія. Для осуществленія желаемой цѣли мы обыкновенно принимаемъ мѣры, мы трудимся для того; при этомъ мы естественно предполагаемъ, что она будетъ достигнута, т. е. мы ожидаемъ того. Поэтому когда она достигается, то не только исполняется желаніе, но исполняется и ожиданіе: безпокойное выжидательное положеніе смѣняется спокойствіемъ исполненнаго ожиданія. Еще сильнѣе бываетъ удовольствіе удачи, когда въ ожиданіи осуществленія цѣли было большое чувство сомнѣнія и надежды на него не было. Такъ, радостно привѣтствуется мысль, разрѣшающая затрудненія мышленія; съ радостію и чувствомъ удачи получаетъ деньги человѣкъ, ломавшій голову надъ тѣмъ, какъ бы добыть ихъ, и наконецъ добывшій неожиданно, когда очень сомнѣвался въ успѣхѣ; радостно купецъ спускаетъ свой залежавшійся товаръ, развязаться съ которымъ ему очень желалось.

Наоборотъ, тяжело чувство неудачи. Когда недостигаются желанія, на осуществленіе которыхъ полагалась большая энергія, является сильное неудовольствіе. Безцѣльная и безплодная трата силъ и средствъ, послѣ которой субъектъ оказывается далекимъ отъ своей цѣли, порождаетъ горькое разочарованіе, которое и есть, въ сущности, чувство неудачи. Въ немъ есть чувство обманутаго ожиданія: такъ, субъектъ, много трудившійся для того, чтобъ успѣшно сдать экзаменъ, и провалившійся на немъ, испытываетъ горькое разочарованіе: онъ сильно желалъ успѣха, съ которымъ связана его будущность, онъ ожидалъ его: но ни желаніе, ни ожиданіе не исполнились и онъ переживаетъ чувства неудовлетвореннаго желанія и обманутаго ожиданія; въ такомъ же положеніи оказывается купецъ, разсчитывавшій на крупную выгоду, конечно, желавшій и ожидавшій ея, когда цѣны на его товаръ падаютъ, грозятъ ему большимъ убыткомъ. Какъ, при желаніи съ сомнѣніемъ въ удачѣ, неожиданность ея возбуждаетъ

сильное радостное возбужденіе, такъ, напротивъ, неудача, постигшая желаніе съ вѣрою въ успѣхъ, кажется неожиданною и сопровождается чувствомъ горя. Всякая неудача бываетъ горькою. На болѣе или менѣе продолжительное время она надламываетъ энергію: послѣ каждой серіозной неудачи субъектъ долженъ собраться съ силами, т. е. нуждается во времени, чтобъ могли народиться новыя желанія, цѣли и надежды.

Чувство силы.

Въ связи съ чувствомъ удачи развивается чувство силы. Многія послѣдовательныя, одна за другою, удачи возбуждаютъ чувство силы: извѣстно, какъ удачи кружатъ голову, возбуждаютъ самочувство: мы говоримъ, что успѣхъ опьяняетъ, т. е. развиваетъ чувство силы. Оно имѣетъ сложный характеръ.

Въ немъ есть чувство удачи вообще. Чувство силы и развивается на основѣ этого чувства. Человѣкъ привыкъ достигать, поставленныхъ имъ, цѣлей и преодолѣвать представлявшіяся на пути препятствія. Оглядываясь на свое прошлое, онъ видитъ, что онъ управлялъ событіями, наклонялъ ихъ въ свою пользу, что трудомъ и устойчивостію создалъ свое настоящее; чего особенно желалъ, того онъ достигъ. Въ немъ являются чувства удовлетвореннаго желанія и исполненнаго ожиданія, которыя, какъ мы знаемъ, суть составные элементы чувства удачи.

Далѣе, въ этомъ чувствѣ есть нѣкоторое довольство собою. Для него поводовъ здѣсь довольно много: субъектъ сознаетъ свою энергію, которой доказательство представляетъ вся прошлая дѣятельность; онъ сознаетъ свое умѣнье сосредоточиваться, свое постоянство въ стремленіяхъ. Такимъ образомъ онъ имѣетъ всѣ данныя для развитія чувства довольства собою. Но такъ какъ послѣднее можетъ основываться на прозрачныхъ основаніяхъ, или же субъектъ чрезмѣрно можетъ преувеличивать цѣнность своихъ качествъ, то понятно, что въ чувствѣ силы довольство собою въ разныхъ лицахъ можетъ видоизмѣняться, начиная съ нормальнаго и основательнаго и кончая чрезмѣрно раздутымъ и потому смѣшнымъ.

Наконецъ, въ немъ есть чувство превосходства. Оно развивается вслѣдствіе сравниванія себя съ другими. Энергическій, дѣйствующій въ обществѣ, человѣкъ находитъ много невольныхъ

поводовъ для такого сравненія: ему приходится сталкиваться съ самолюбіями, интересами, невѣжествомъ и слабостями; изъ столкновеній онъ выходилъ, если не всегда побѣдоноснымъ, то и не побѣжденнымъ. Сознавая свой умъ, силу воли, удачу въ дѣйствіяхъ, субъектъ чувствуетъ свое превосходство надъ другими. Нѣтъ нужды, что оно можетъ быть иногда мнимое, существовать только въ воображеніи субъекта; но и въ этомъ случаѣ онъ чувствуетъ его реально. Иногда оно можетъ преобладать въ чувствѣ силы. Выходя изъ долгой трудной борьбы съ противниками побѣдителемъ, субъектъ особенно напряженно чувствуетъ свое превосходство надъ другими и на немъ преимущественно опирается его чувство силы.

Къ этимъ главнымъ составнымъ элементамъ разбираемаго чувства обыкновенно присоединяется чувство вѣры въ себя; это есть увѣренность, что во всѣхъ случаяхъ можно положиться на себя. Привыкши къ успѣху, удачливости, субъектъ пріобрѣтаетъ убѣжденіе, что иначе быть не можетъ, что его рука всегда доведетъ дѣло до цѣли, что онъ можетъ браться за что угодно. Иногда эта самоувѣренность является, какъ вѣра въ собственное счастіе, въ свою звѣзду. Съ вѣрою являются широкія надежды на будущее: съ безконечною вѣрою въ себя, чего не можетъ замыслить человѣкъ, какихъ не на дѣлать безумныхъ плановъ съ полною надеждою на ихъ осуществленіе?

Чувство силы, какъ мы видѣли, имѣетъ одинъ только элементъ, возникающій изъ объективныхъ поводовъ — чувство удачи; два другихъ, довольство собою и чувство превосходства, имѣютъ чисто субъективныя основанія. Но такъ какъ размѣръ удачи оцѣнивается всетаки субъектомъ, который въ такихъ случаяхъ можетъ быть непритязательнымъ и принимать за удачу, что для другого составляло бы неудачу, и на оборотъ, то чувство силы въ разныхъ субъектахъ можетъ сильно видоизмѣняться. Оно часто бываетъ велико у личностей, которыя, повидимому, имѣютъ всѣ поводы къ смиренію. Достиженіе маленькихъ цѣлей онѣ принимаютъ за большія удачи: двигаясь на мизерномъ поприщѣ дѣятельности и почти ничего не дѣлая, онѣ обыкновенно довольны собою и сравнивая себя съ подобными же себѣ людьми, онѣ въ своемъ самовосхваленіи чувствуютъ превосходство надъ ними.

Чувство безсилія.

Чувству силы противоположно чувство безсилія. Это слово употребляется для обозначенія физической слабости, особенно отсутствія мускульной энергіи. Но мы не видимъ причинъ, почему не слѣдовало бы употреблять его для обозначенія отсутствія энергіи воли, и если субъектъ можетъ имѣть чувство силы, то почему нельзя противоположное тому состояніе назвать чувствомъ безсилія. Въ силу своей противоположности первому, оно должно слагаться изъ элементовъ также противоположныхъ тѣмъ, изъ какихъ состоитъ чувство силы.

И во 1-хъ, въ чувствѣ безсилія есть чувство неудачи, или лучше неудачливости вообще. Человѣкъ, который терпѣлъ крушенія въ своей жизни, которому мало что удавалось, у котораго наилучшія предпріятія кончались ничѣмъ, чувствуетъ свою неудачливость: въ прошломъ онъ видитъ лишь даромъ потраченную энергію, погубленныя силы, рядъ цѣлей, которыя не осуществились и остались лишь благими намѣреніями: все это были желанія, которыя не перешли въ дѣйствіе, все это обманутыя ожиданія и надежды. Чувства не исполненныхъ ожиданій и обманутыхъ надеждъ придаютъ горечь чувству неудачи. Но, мало того, неудачи прошлаго порождаютъ убѣжденіе, что иначе и быть не можетъ, что онѣ неизмѣнно будутъ повторяться и въ будущемъ: является чувство собственной неудачливости. Понятно, что при немъ изсякаетъ источникъ энергіи: къ чему желать, заниматься какими бы то ни было цѣлями, предпринимать дѣйствія, когда субъектъ убѣжденъ, что всѣ замыслы не могутъ удаться ему. Какая можетъ быть у него энергія, когда онъ не ожидаетъ отъ будущаго ничего хорошаго и возлагаетъ на него мало надеждъ? Чувство неудачливости и есть главный элементъ чувства безсилія.

Во 2-хъ, въ этомъ чувствѣ есть недовольство собою. Ни прошедшее, ни настоящее не даютъ субъекту поводовъ радоваться. Какъ ни велика доля причинъ неудачъ, которая должна быть отнесена на неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ, все же субъектъ сознаетъ, что значительною частію и онъ самъ былъ виною несчастнаго прошлаго: онъ сознаетъ, что не всегда имъ развивалась энергія, требовавшаяся важностію исполняемаго дѣла, много потрачено времени на пустыя занятія, не всегда понимались поло-

женіе дѣлъ и важность его, много было промаховъ, ошибокъ въ сношеніяхъ съ людьми и т. д. И настоящее также даетъ всѣ поводы къ недовольству собою. Безъ энергіи, безъ умѣнья взяться практически за дѣло, сосредоточить въ своихъ рукахъ нити событій, съ заботами и тягостями положенія, созданнаго своею дѣятельностію въ прошломъ, можетъ ли субъектъ быть доволенъ собой. Чувство недовольства принимаетъ иногда характеръ какъ бы нѣкоторой досады на себя.

Въ 3-хъ, въ чувствѣ безсилія есть чувство собственной низменности, мизерности предъ другими. Въ чувствѣ силы, мы говорили, есть чувство превосходства надъ окружающими людьми; въ безсиліи есть противоположное чувство низменности. Оба они развиваются изъ сравненія субъектомъ себя съ другими людьми, только въ одномъ случаѣ результатъ его бываетъ выгоденъ для самолюбія субъекта, тогда какъ въ другомъ онъ не выгоденъ. Субъектъ чувствуетъ свою низменность, малость сравнительно съ другими людьми. Въ такомъ положеніи оказываются всѣ побѣжденные предъ побѣдителями: они сознаютъ превосходство послѣднихъ и чувствуютъ свою малость и мизерность предъ ними.

Какъ въ чувствѣ силы есть вѣра въ себя, такъ въ чувствѣ безсилія есть сомнѣніе и недовѣріе. Субъектъ не вѣритъ въ себя, въ свои силы, способности: онъ не смѣетъ на себя положиться, такъ какъ изъ многихъ опытовъ явилось у него убѣжденіе, что онъ не въ состояніи выдержать, какъ слѣдуетъ, предъ неблагопріятными обстоятельствами и поборотъ препятствія; онъ не довѣряетъ ни своему уму, ни своимъ чувствамъ: сомнѣвается въ твердости и устойчивости своей любви и дружбы, гнѣва и т. д.; онъ не вѣритъ начинающемуся счастію, и начиная дѣло, всегда сомнѣвается, будетъ ли оно благополучно доведено до конца. Не въ состояніи будучи объяснить продолжительность неудачъ, встрѣчая всюду препятствія своей дѣятельности и несознавая причины ихъ въ себѣ самомъ, человѣкъ, въ постоянномъ чувствѣ безсилія, начинаетъ вѣрить въ горестную свою судьбу, несчастную звѣзду.

Такъ какъ въ чувствахъ силы и безсилія одинъ изъ существенныхъ элементовъ есть чувства превосходства и мизерности, которыя развиваются изъ сравненія субъектомъ себя съ другими, то первыя чувства имѣютъ также относительный характеръ: они могутъ соединяться въ одномъ и томъ же лицѣ, но при разныхъ обстоятельствахъ. Весьма рѣдки личности, которыя всегда и вездѣ предъ всѣми чувствуютъ свою силу и равно рѣдки субъ-

екты, которые никогда не разстаются съ чувствомъ собственнаго безсилія. Обыкновенно же случается такъ, что лицо, окруженное людьми, которыхъ онъ ставитъ ниже себя, чувствуетъ свою силу, а въ средѣ людей, высшихъ и вліятельнѣйшихъ, чѣмъ онъ, чувствуетъ свое безсиліе, свою малость. Въ первой средѣ онъ вѣритъ въ себя, чувствуетъ свою удачливость и возможность удачъ, доволенъ собою; во второй—имъ овладѣваютъ чувства противоположныя и онъ чувствуетъ свою малость. Какъ часто бываетъ, что мизернѣйшій въ обществѣ человѣкъ, въ своей семьѣ чувствуетъ себя царемъ, герой, не знающій себѣ мѣры и дерзающій на всё въ своей обычной средѣ, напр. купеческой, чиновной, военной, духовной, сразу оказывается въ иномъ настроеніи, когда попадаетъ въ среду умныхъ и морально высшихъ лицъ, чѣмъ онъ самъ.

Замѣчанія о религіозныхъ чувствованіяхъ.

Пересмотрѣвъ, въ возможной полнотѣ, различные виды чувствъ, мы можемъ теперь обратиться къ анализу, такъ называемыхъ, религіозныхъ чувствованій. Рѣчь о нихъ мы нарочно отлагали на конецъ этого отдѣла, чтобы, при разборѣ ихъ, воспользоваться результатами нашихъ замѣчаній о разныхъ видахъ чувствованій. Религіозныя чувствованія не составляютъ совершенно новыхъ событій въ сердцѣ: они суть обыкновенныя простыя возбужденія и волненія, имѣющія предметомъ своимъ высшія, чѣмъ мы, существа и особенно Высшее Существо, на котораго человѣкъ долженъ смотрѣть, какъ на своего Творца и Промыслителя. Но хотя они по роду своему подобны чувствованіямъ, возникающимъ изъ отношеній человѣка къ ему подобнымъ существамъ, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе различія своего предмета и обстоятельствъ происхожденія, достаточно своеобразны, чтобы имѣть право на самостоятельный анализъ.

Перечислить всѣ тонкія религіозныя движенія человѣческаго сердца нѣтъ возможности: достаточно будетъ, если мы обратимъ вниманіе лишь на самыя главныя, выдающіяся чувствованія. Что̀ переживаетъ религіозно настроенный человѣкъ въ разныхъ случаяхъ своего религіознаго возбужденія? Онъ чувствуетъ величіе существа Божія, почитаетъ Его и поклоняется Ему, благоговѣетъ предъ Нимъ и страшится, смиряется, вѣритъ, надѣется, любитъ

Его. Въ такомъ порядкѣ мы и разсмотримъ религіозныя чувства: высокаго, почитанія страха, благоговѣнія, смиренія, вѣры, надежды и любви.

Есть религіозное чувство высокаго. Оно есть чувство величія и славы Божіей. Оно не есть какое либо особенное чувство, но извѣстное уже намъ эстетическое: въ религіозномъ чувствѣ высокаго мы находимъ тѣже составные элементы, что и въ эстетическомъ. Основу его составляютъ удивленіе, изумленіе предъ величіемъ Божественнаго Существа. Религіозно настроенный субъектъ, помышляя о необъятномъ вседѣйствующемъ и всемогущемъ Творцѣ, исполняется удивленія и изумленія предъ Нимъ. Каждое изъ необъятныхъ свойствъ Божіихъ служитъ поводомъ къ удивленію и оно естественно возрастаетъ, когда человѣкъ представитъ себѣ все величіе существа, соединяющаго ихъ въ себѣ. Въ эстетическомъ чувствѣ высокаго есть нѣжное влеченіе къ предмету его. Такъ какъ живыхъ и близкихъ отношеній къ высокимъ предметамъ часто не бываетъ или не можетъ быть, то элементъ нѣжнаго влеченія въ чувствѣ высокаго бываетъ иногда не вполнѣ развитъ. Въ религіозномъ чувствѣ эта сторона бываетъ развита въ несравненно большой степени: Величественное Существо Божіе представляется Творцемъ и Промыслителемъ міра и человѣка; религіозный субъектъ не можетъ не смотрѣть на Него, какъ на своего Великаго Отца, дающаго жизнь и поддерживающаго существованіе его, Отца при томъ всеблагого; нѣжное влеченіе у него развивается въ чувство сыновней любви. Такимъ образомъ Богъ представляется ему, какъ величественное и дорогое существо: его величіе не изумляетъ только, но и привлекаетъ къ себѣ.

Религіозный человѣкъ почитаетъ Бога. Превознося Его надъ всѣми вещами и существами, онъ поклоняется Ему, конечно, не тѣломъ, а духомъ. Такое настроеніе, въ сущности, есть то чувство, которое называется уваженіемъ. Мы нашли, что оно развивается по отношенію къ какой либо важной нравственной силѣ. Большой умъ, характеръ, обширныя познанія, высота моральнаго настроенія невольно вызываютъ въ насъ чувство уваженія. Богъ представляется какъ необъятная моральная сила: Онъ есть безконечный умъ, святая безгрѣшная воля, нравственное добро и красота in concreto. Въ религіозномъ сердцѣ мысль о Немъ исторгаетъ высшую степень уваженія, которую мы называемъ уже чувствомъ почитанія, и какъ естественное слѣдствіе его, поклоненіе

Ему. Самое глубокое чувство почитанія развивается лишь въ отношеніи къ Богу, но такъ какъ и другія существа, предполагаемыя религіей, по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, по благотворному своему вліянію на людей, хотя и въ низшей степени, но также представляютъ огромную моральную мощь, то чувство почитанія распространяется и на нихъ: такъ, христіанинъ почитаетъ Пресвятую Дѣву, Ангеловъ, св. людей и поклоняется имъ.

Религія внушаетъ страхъ Божій, какъ начало всякой премудрости. Простой страхъ развивается въ насъ при видѣ опасности для жизни, здоровья, благосостоянія своего или близкихъ къ намъ лицъ. Въ немъ мы нашли чувство удивленія, развивающагося при наступленіи неожиданной опасности и горя предъ угрожающимъ бѣдствіемъ. Нѣчто подобное есть въ одномъ видѣ страха Божія. Мы представляемъ себѣ Бога, какъ гнѣвнаго мстителя за нарушеніе нравственнаго закона; Онъ караетъ небрегущихъ словомъ и заповѣдью Его. Сознавая свои слабости, грѣхи, считая себя виновнымъ предъ святѣйшимъ Существомъ, человѣкъ страшится гнѣва Божія. Поэтому одинъ видъ религіознаго страха есть боязнь гнѣва Божія. Отъ простого страха онъ отличается тѣмъ, что въ немъ слабо развито удивленіе, хотя оно несомнѣнно есть: гнѣвъ необъятнаго существа, какъ неотвратимая угрожающая сила, не можетъ не вызывать удивленія. Но въ упомянутомъ видѣ особенно развито чувство горя предъ угрожающимъ бѣдствіемъ, карами свыше, и чѣмъ сильнѣе человѣкъ сознаетъ свою виновность, тѣмъ сильнѣе въ его страхѣ развивается сторона горя.

Но есть и другой видъ религіознаго страха. Со страхомъ предстоятъ престолу Господню Ангелы: въ ихъ страхѣ не можетъ быть боязни гнѣва Божія; какъ чистыя безгрѣшныя существа, они неимѣютъ причинъ страшиться за грѣхи и нарушенія заповѣдей Божіихъ. Слѣдовательно, чувства горя въ ихъ страхѣ быть не можетъ. Въ чемъ же онъ можетъ состоять? Онъ есть трепетъ за свою малость и ничтожность предъ Величайшимъ Существомъ. Христіанинъ помышляетъ о величіи Его, всемогуществѣ, безпредѣльности и переходя мыслію къ себѣ, видитъ свою мизерность и малость, совершенную ничтожность. Онъ трепещетъ, какъ бы опасаясь, чтобъ созерцаемыя имъ величіе и безпредѣльность не обратили его въ прахъ; при этомъ, онъ можетъ не чувствовать своей виновности, не думать объ угрожающемъ

гнѣвѣ Божіемъ, и потому въ этомъ видѣ страха Божія нѣтъ чувства горя. Но элементъ удивленія въ немъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ изумленія: оно то и поражаетъ, какъ бы уничтожаетъ человѣка.

Аристотель въ Метафизикѣ говоритъ, что всякое изслѣдованіе начинается съ удивленія: ибо изумляющійся думаетъ, что онъ незналъ того, что ему неожиданно представилось; философія, по его словамъ и началась съ удивленія предъ явленіями природы. Если мудрость состоитъ въ познаніи наиболѣе важнаго и цѣннаго для насъ, въ правильномъ опредѣленіи отношеній нашихъ къ существу, отъ котораго мы произошли и отъ котораго зависимъ, то правильно сказать премудрый, что начало мудрости есть страхъ Господень: наша мудрость должна начинаться съ изумленія и трепета предъ Высочайшимъ Существомъ, сознанія своего ничтожества и ужаса предъ гнѣвомъ его. Вѣрно понявъ свою малость и величіе Бога, зная свое недостоинство, человѣкъ правильно пойметъ себя и природу и безошибочно опредѣлитъ кругъ своихъ обязанностей.

Чувство величія и славы Божіей, почитанія и страха предъ Богомъ могутъ соединяться вмѣстѣ и тогда они составляютъ чувство благоговѣнія. Въ немъ есть чувство величія и славы Божіей: благоговѣйно размышляющій представляетъ себѣ не объятность Божественнаго Существа и возбуждается къ чувству высокаго; онъ представляетъ величайшую нравственную силу и преклоняется предъ нею; думая о неизмѣримости Божественной Сущности и своей ничтожности, о Верховномъ Судіи и собственномъ недостоинствѣ, онъ трепещетъ за свою малость и виновность. Съ такими чувствами субъектъ предается размышленіямъ о Творцѣ и Промыслителѣ міра, въ такомъ настроеніи онъ обращается съ мольбами къ Нему. Понятно, что, совмѣщая въ себѣ самыя сильныя чувства: высокаго, почитанія, страха, благоговѣніе принадлежитъ къ самымъ глубокимъ волненіямъ, какія только овладѣваютъ человѣческимъ сердцемъ. Испытывая его, человѣкъ отдается ему всецѣло: оно вытѣсняетъ изъ сердца на продолжительное время всякія другія настроенія и особенно заставляетъ забывать мелкія требованія обыденной жизни. Такъ какъ въ немъ, съ религіознымъ чувствомъ высокаго, дается и сильное нѣжное чувство, то оно отличается мягкостію и теплотою: благоговѣя, мы привязываемся къ предмету нашего чувства: мы любимъ его. Съ другой стороны, благоговѣніе возвышаетъ

душу, ибо присущее ему чувство высокаго, какъ глубоко эстетическое, служитъ источникомъ высокаго наслажденія: благоговѣніе услаждаетъ душу, насыщая его красотою Наконецъ, чувства почитанія и страха, являющіяся по моральнымъ мотивамъ, поднимаютъ нравственныя силы души, очищаютъ ее. Минуты благоговѣнія оставляютъ человѣка морально лучшимъ, чѣмъ какимъ онъ былъ до нихъ. Нравственное возрожденіе многихъ, какъ это доказывается жизнеописаніями святыхъ, не рѣдко начиналось съ моментовъ благоговѣнія, случайно охватившаго душу.

Христіанинъ съ глубочайшимъ смиреніемъ возсылаетъ молитву къ Богу и приноситъ дары Ему. Оно имѣетъ сложный характеръ и состоитъ изъ чувствъ: малости и низменности, особенно же малости своей воли и покорности волѣ Божіей. Первое чувство развивается естественно изъ размышленія о величіи существа Божія, безконечности Его свойствъ и собственнаго недостоинства, своей малости предъ Богомъ. Смиренный христианинъ какъ бы боится сопоставлять себя съ Богомъ; онъ — ничтожный атомъ предъ нимъ и эта малость своего существа живо имъ чувствуется. Второе составное чувство является при размышленіи объ авторитетѣ Божественной воли: законодательствующая святая воля, требующая безусловнаго себѣ повиновенія и подчиненія, сопоставляется въ такія минуты съ человѣческою волею, не стойкою, эгоистичною, грѣшною и человѣкъ чувствуетъ ничтожность своей воли; отрицая свой произволъ, и признавая святость и верховенство воли Божіей, человѣкъ покоряется ей, смиряетъ свои хотѣнія.

Смотря потому, которая изъ упомянутыхъ составныхъ частей преобладаетъ въ смиреніи, оно принимаетъ различный характеръ. Въ смиреніи можетъ преобладать чувство своей малости предъ Богомъ и тогда оно принимаетъ характеръ уничиженія предъ Богомъ; или въ немъ беретъ перевѣсъ чувство ничтожности, тщеты своей воли и верховенства Божественной, тогда оно становится покорнымъ самоотреченіемъ для Бога.

Въ свое время мы разбирали уже чувство вѣры и нашли, что въ ней есть чувства полноты знанія и удовлетворенія стремленія къ знанію. Оба эти элемента развиты и въ религіозной вѣрѣ. Вѣрующій христіанинъ убѣжденъ, что въ догматахъ своей религіи имѣетъ полное, доступное человѣку, знаніе о всѣхъ предметахъ, которые знать для него особенно важно; для него въ религіи данъ полный отвѣтъ на вопросы о происхожденіи міра

и человѣка, обязанностяхъ его въ отношеніи къ Богу и ближнему и т. д. Христіанину кажется, что болѣе и нѣтъ надобности знать: религія заключаетъ въ себѣ одну истину и при томъ полную истину. Поэтому въ религіозной вѣрѣ есть чувство полноты знанія, какого не можетъ доставить никакая наука, никакая философская система; вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрующій человѣкъ чувствуетъ полное удовлетвореніе своего стремленія къ знанію. По этимъ двумъ составнымъ чувствамъ религіозная вѣра сходна съ обыкновенною и научною вѣрою. Что ее отличаетъ, это признаніе особенной цѣны и значенія религіозной истины: она даетъ отвѣты не на безразличные для человѣка вопросы, а на такіе, которые касаются первостепенныхъ его интересовъ: она говоритъ ему, откуда онъ произошелъ, куда идетъ, какой смыслъ его жизни и смерти, что онъ долженъ дѣлать и т. д. Вѣра христіанина въ такую истину заключаетъ въ себѣ любовь къ ней, не только уваженіе, но и почитаніе ея выше всякого другого познанія. Понятно, почему говорятъ о сокровищѣ вѣры: религіозная истина для вѣрующаго человѣка есть сокровище, драгоцѣннѣе котораго онъ ничего не имѣетъ; отнять его отъ вѣрующаго христіанина значитъ лишить его жизни и намъ извѣстно, какъ за вѣру многіе охотно полагали животъ свой.

Христіанская вѣра неразлучна съ надеждою. Она имѣетъ всѣ отличительныя признаки надежды вообще и тождественныя съ нею составъ. Христіанская надежда простирается на отдаленныя событія: главный предметъ ея есть загробная жизнь и блаженство, уготованное Богомъ вѣрующимъ въ Него; несмотря на отдаленность этихъ фактовъ, христіанинъ непоколебимо увѣренъ, что они будутъ, не могутъ не быть. Въ религіозной надеждѣ есть вѣра, или чувство полноты знанія: принимая ученіе о загробной жизни, какъ истинное откровеніе, идущее отъ самого Бога, христіанинъ увѣренъ, что иначе, какъ говоритъ оно, и не можетъ быть. Съ другой стороны, въ этой надеждѣ есть положительная радость: ничего не можетъ быть утѣшительнѣй для человѣка, какъ знать навѣрное, что его ожидаетъ безсмертіе и блаженная жизнь, чуждая тревогъ, заботъ земной жизни, обѣщающая полное удовлетвореніе всѣхъ высшихъ потребностей. Присутствіе вѣры въ надеждѣ сообщаетъ ей, какъ мы видѣли, спокойный характеръ; тѣмъ болѣе спокойна христіанская надежда: она будущее превращаетъ въ настоящее и какъ спокоенъ обладатель всего нужнаго и необходимаго, такъ чуждъ

всякихъ колебаній и недоумѣній христіанинъ, уповающій на свѣтлое будущее.

Въ любви вообще мы нашли влеченіе къ предмету ея: оно можетъ быть удовлетвореннымъ или неудовлетвореннымъ и давать поводъ къ чувствованіямъ удовлетворенія и неудовлетворенія; затѣмъ, въ любви есть признаніе цѣны любимаго предмета, т. е. или чувство приближающееся къ высокому, или уваженіе, доходящее до превознесенія его; наконецъ въ ней есть сочувствіе. Въ любви къ Богу есть влеченіе къ нему. Вѣрующій человѣкъ влечется къ Нему, какъ Творцу и Промыслителю, т. е. какъ своему отцу, давшему бытіе и непрерывно пекущемуся о своихъ дѣтяхъ. Любопытно, что въ любви къ Богу есть и чувство неудовлетвореннаго стремленія: ибо не можетъ человѣкъ, при настоящихъ условіяхъ своего существованія, чувствовать свое полное единеніе съ Богомъ и, слѣдовательно, духовная жажда его не можетъ быть удовлетворена; но есть и чувство удовлетвореннаго стремленія; ибо человѣкъ чувствуетъ до нѣкоторой степени свою близость къ Богу, его всеприсутствіе; онъ носитъ въ своемъ сердцѣ Бога и чувствуетъ блаженство такого единенія. Въ религіозной любви есть и признаніе цѣны. Любя Бога, вѣрующій относится къ Нему, какъ Высочайшему Существу, безмѣрно превознесенному надъ всѣмъ существующимъ; для него Онъ есть неизреченная красота, блескъ которой затмеваетъ всякую другую красоту; вѣрующій чтитъ Бога, какъ олицетворенное Благо, источникъ всякого добра. Въ чувствѣ величія и красоты Верховнаго Существа любовь получаетъ эстетическій оттѣнокъ; въ чувствѣ уваженія, или почитанія перваго Блага она пріобрѣтаетъ моральный характеръ.

Въ любви къ Богу не можетъ быть третьяго элемента любви вообще, сочувствія. Божество представляется такъ превознесенно надъ всѣмъ, такая безпредѣльная приписывается ему дѣятельность, что невозможно представить себѣ какого либо акта или состоянія его, которое можно было бы повторить въ себѣ, пережить его изъ симпатіи. Сочувствіе есть лишь въ любви къ лицу Христа. Христіанинъ представляетъ его, какъ Бога и человѣка вмѣстѣ. Какъ Богъ, онъ есть предметъ любви, того вида, который мы изобразили выше. Но онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкъ, подобный намъ, жившій на землѣ, переносившій обыкновенныя трудности и тяготы ея, мало того, пострадавшій для насъ на крестѣ: страдальческій образъ Христа

не можетъ не возбудить сочувствія къ себѣ въ христіанскомъ сердцѣ. Церковь даже поощряетъ это чувство и цѣлую недѣлю ежегодно посвящаетъ воспоминанію послѣднихъ тягостныхъ минутъ земной жизни Христа. И это сочувствіе во многихъ религіозныхъ людяхъ бываетъ такое полное, какимъ только можетъ быть сочувствіе къ кому нибудь. Съ глубокимъ симпатическимъ волненіемъ, христіанинъ сочувствуетъ Бого-человѣку, готовящемуся къ горькой чашѣ страданій, Его тяжелой горести объ измѣнѣ одного изъ близкихъ учениковъ, молитвѣ до кроваваго пота, уничиженію, физическимъ и нравственнымъ страданіямъ на дворѣ Каіафы, судѣ Пилата, на пути къ Голгофѣ и наконецъ на крестѣ, гдѣ въ жесточайшихъ мученіяхъ Онъ испускаетъ наконецъ духъ. Оттого лицо І. Христа представляется человѣку болѣе близкимъ, чѣмъ отвлеченное представленіе Бога.

Такимъ образомъ религіозное чувство любви насыщаетъ сердце, оно услаждаетъ его и нравственно поднимаетъ до источника всякого добра. Любовь ко Христу растрогиваетъ душу и приближаетъ Бога къ людямъ, которымъ становится возможно вознестись своимъ сочувствіемъ до вершины бытія.

Психологически понятно то, что богословы говорятъ о тѣсной связи вѣры, надежды и любви и краеугольномъ значеніи вѣры для христіанской жизни и дѣятельности. Безъ вѣры въ Бога и христіанское ученіе невозможны христіанская надежда и христіанская любовь къ Нему; вѣра есть въ надеждѣ и въ любви: безъ нея некого было бы любить. Безъ вѣры невозможно угодить Богу.

Простыя и сложныя чувствованія.

Изъ нашего анализа чувствованій слѣдуетъ, что въ отношеніи своего состава они могутъ быть раздѣлены на двѣ главныхъ группы: чувствованія простыя и сложныя.

Къ простымъ, не разложимымъ ни на какіе болѣе простые элементы, принадлежатъ: чувственныя наслажденія и страданія, эстетическія чувствованія цвѣтовъ и тоновъ, чувство забавы, сочувствіе и антипатія, удовольствія мысли, чувство полноты знанія, лишенія, отталкиванія, элементы радости и горя, чувство робости, уваженія и презрѣнія, довольства собою, порицанія, замѣшательства, новости, уваженія, удовлетвореннаго желанія.

Какъ звуки мы разлагаемъ на первоначальные тоны, которые суть ощущенія, соотвѣтствующія извѣстному опредѣленному количеству дрожаній воздуха, такъ и перечисленныя нами чувствованія суть первоначальныя, не разложимыя движенія сердца.

Остальныя чувствованія, переживаемыя нами, хотя и принимаются обыкновенно за простыя, въ сущности, суть сложныя состоянія. Такъ высшія наслажденія отъ сочетанія цвѣтовъ, качества фигуръ суть сочетанія эстетическихъ съ интеллектуальными, равно какъ и удовольствія музыки составляютъ соединеніе наслажденій гармоніею съ интеллектуальными удовольствіями. Чувство трагизма есть сочетаніе чувствъ состраданія, ужаса и высокаго; комизмъ — чувствъ мизернаго, забавы и, въ однихъ случаяхъ, нѣжнаго чувствованія, а въ другихъ — ненависти. Нѣжныя чувствованія и любовь состоятъ изъ влеченія къ предмету ихъ чувства, цѣны и сочувствія: сложны волненія дружбы, вражды; въ гнѣвѣ есть чувства: отталкиванія, признаніе низменности, антипатіи; въ грусти — чувства лишенія, цѣны, состраданія; негодованіе и ненависть суть виды гнѣва, слѣдовательно, состоянія сложныя. Радость слагается, кромѣ собственно радостнаго волненія, изъ чувствъ удивленія и удачи, и горе, кромѣ собственно горестнаго чувствованія, заключаетъ въ себѣ также удивленіе и чувство не удачи. Въ страхѣ есть робость, удивленіе, горе; въ чувствѣ хвалы: довольство собою, чувство удачи и радость; также сложно чувствованіе чести, равно порицанія и брани. Въ стыдѣ мы видѣли присутствіе робости и замѣшательства; въ самоуваженіи — чувство собственной силы, удовольствіе самохвалы, въ удивленіи чувство новости. Чувство долга заключаетъ въ себѣ чувство стѣсненія свободы и уваженія къ моральному закону. Въ удовольствіи совѣсти мы нашли удовольствіе самохвалы, самоуваженіе, радость, и въ мукахъ ея — неудовольствіе самопорицанія, горе о прошедшемъ (раскаяніе), стыдъ. Въ сомнѣніи — чувство неполноты знанія и не удовлетвореннаго желанія, въ вѣрѣ мы нашли противоположные элементы. Ожиданіе слагается изъ сомнѣнія, иногда — вѣры, не удовлетвореннаго стремленія и разныхъ чувствованій, смотря по ожидаемому событію; подобные же элементы есть въ надеждѣ и противоположные въ отчаяніи. Въ чувствѣ удачи мы нашли чувства удовлетвореннаго желанія и исполненнаго ожиданія; въ чувствѣ силы — чувство удачи, довольства собою, собственнаго

превосходства; противоположенъ составъ чувства безсилія. Религіозныя чувствованія всѣ оказались сложными.

Но эти сложныя чувствованія слѣдуетъ понимать не такъ, что они суть смѣсь равноправныхъ и равносильныхъ элементовъ. Какъ звуки состоятъ изъ многихъ тоновъ, въ которыхъ одинъ господствуетъ надъ другими и опредѣляетъ собою слышимую высоту всего звука, а другіе, хотя ихъ не мало, суть тоны второстепенные и служатъ къ полнотѣ звука и характерности его, такъ и во всякомъ сложномъ чувствованіи, извѣстный элементъ получаетъ преобладающую силу и значеніе, остальные же, хотя и необходимыя дополненія его, служатъ лишь къ полнотѣ и къ характеристикѣ чувствованія. Такъ, въ трагизмѣ первенствующая роль принадлежитъ ужасу, въ комизмѣ чувству забавы, въ высокомъ удивленію, нѣжномъ чувствѣ и любви — влеченію, грусти чувству лишенія, гнѣвѣ — чувству отталкиванія, радости и горѣ — элементамъ радости и горя, страхѣ — робости, въ чувствѣ хвалы — чувству удачи, стыдѣ — замѣшательству, самоуваженіи — удовольствію самохвалы, удивленіи — чувству новости, чувствѣ долга — чувству стѣсненія свободы, мукахъ совѣсти — раскаянію, сомнѣніи — чувству неполноты знанія, ожиданіи — чувству неудовлетвореннаго стремленія, удачѣ — чувству исполненнаго желанія, чувствѣ силы — чувству собственнаго превосходства. Во многихъ случаяхъ имя сложнаго чувства обозначаетъ лишь главный элементъ его: наприм. страхъ обозначаетъ собственно робость, комизмъ — чувство забавы, стыдъ — замѣшательства и т. д. Впрочемъ, называя второстепенные элементы сложнаго чувства дополнительными, мы не желаемъ умалять ихъ значенія. Какъ звукъ безъ верхнихъ, комбинаціонныхъ и разностныхъ тоновъ будетъ уже иной звукъ, и на слухъ будетъ неузнаваемъ, такъ и безъ дополнительныхъ элементовъ чувствованіе будетъ казаться инымъ состояніемъ, чѣмъ какъ чувствовалось съ ними. Взятые отдѣльно отъ главнаго элемента, они все таки напоминаютъ сложное чувство, какъ верхніе тоны звука, вмѣстѣ взятые, напоминаютъ цѣлый звукъ съ основнымъ тономъ.

Упомянутыя сложныя чувствованія могутъ быть названы какъ бы наиболѣе частыми, господствующими типами сложныхъ чувствованій, на подобіе того, какъ семь тоновъ октавы могутъ быть названы типами музыкальныхъ звуковъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

Вотъ вопросы (съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями) психологическаго характера, предлагавшіеся мною разнымъ лицамъ. Тѣхъ изъ благосклонныхъ моихъ читателей, которые пожелали бы дать отвѣты, я покорнѣйше прошу обозначить при отвѣтѣ свои лѣта, полъ, профессію (напр. профессоръ, или учитель гимназіи, купецъ, помѣщикъ, лицо духовнаго званія и т. д.), мѣсто жительства (городъ, деревня, уѣздъ); имя и фамилія могутъ не выставляться. Въ отвѣтѣ я прошу выставить № вопроса и ту цифру, которая кажется отвѣчающему наиболѣе вѣроятною: напримѣръ: № 3 = $\frac{1}{-}$).

Предполагая, что Вы можете поднимать руками съ большимъ, но не крайнимъ напряженіемъ, тяжесть въ 100, 150, 200, 250 фун.,

1) Какой человѣкъ, сколько поднимающій, кажется Вамъ нѣсколько безсильнѣе Васъ, такъ что къ его силѣ Вы чувствуете нѣкоторое пренебреженіе?

Отвѣтъ: поднимающій менѣе на $\frac{1}{-}$.

2) Во сколько разъ меньшую тяжесть, сравнительно съ поднимаемою Вами, долженъ осиливать человѣкъ, котораго Вы могли бы представлять себѣ презрительно безсильнымъ?

Отвѣтъ: во „ “ разъ.

3) Какую часть получаемаго Вами въ годъ содержанія должна составить новая постоянная годовая надбавка къ нему, чтобы она могла возбуждать въ Васъ едва замѣтное чувство удовольствія, (напримѣръ, при имѣющемся уже доходѣ въ 1, 2,

3, 4, 5 тысячъ и т. д. какое новое мѣсто съ какимъ окладомъ моглобъ казаться удобопріемлемымъ)?

Отвѣтъ: прибавка должна составить $\frac{1}{\quad}$ моего содержанія.

4) Лишеніе какой части обыкновеннаго получаемаго годоваго содержанія можетъ казаться Вамъ едва замѣтно непріятнымъ?

Отвѣтъ: лишеніе $\frac{1}{\quad}$.

5) На какую часть большій, сравнительно съ Вашимъ, годовой доходъ кажется Вамъ внушительно большимъ, или на какую часть Вашего дохода болѣе должно получать другое лицо, что бы оно могло представляться Вамъ нѣсколько богаче Васъ?

Отвѣтъ: на $\frac{1}{\quad}$.

6) На какую часть большій, сравнительно съ Вашимъ, годовой доходъ представляется Вамъ удивительно большимъ, или во сколько разъ богаче Васъ долженъ быть человѣкъ, котораго Вы могли бы представить себѣ удивительнымъ богачемъ?

Отвѣтъ: во „ “ разъ.

7) Во сколько разъ превосходитъ Ваше годовое содержаніе доходъ, который Вамъ представляется грандіознымъ, или во сколько разъ богаче Васъ долженъ быть человѣкъ, котораго Вы могли бы счесть грандіознымъ богачемъ?

Отвѣтъ: въ „ “ разъ.

8) На какую часть меньшій противъ Васъ годовой доходъ кажется Вамъ чувствительно меньшимъ и человѣкъ, получающій его, представляется Вамъ нѣсколько бѣднѣе Васъ?

Отвѣтъ: на $\frac{1}{\quad}$.

9) Какой годовой доходъ (т. е. во сколько разъ меньшій противъ Вашего) кажется Вамъ презрительно меньшимъ, или какой годовой доходъ, сравнительно съ Вашимъ, начинаетъ возбуждать въ Васъ чувство презрѣнія?

Отвѣтъ: меньшій въ „ “ разъ.

10) Какой годовой доходъ (т. е. во сколько разъ меньшій противъ Вашего) кажется Вамъ не только презрительнымъ, но и жалкимъ, мизернымъ?

Отвѣтъ: въ „ “ разъ.

11) Во сколько разъ болѣе Васъ тяжести долженъ поднимать человѣкъ, котораго Вы могли бы признать удивительнымъ силачемъ?

Отвѣтъ: въ „ “ разъ.

12) Какая переплата противъ дѣйствительной цѣны вещи можетъ возбудить въ Васъ нѣкоторый, едва чувствуемый, гнѣвъ?

Отвѣтъ: переплата $\frac{1}{\quad}$.

13) При опредѣленіи числа лѣтъ какого нибудь лица, по внѣшнему виду, какая разность между предположеннымъ и дѣйствительнымъ количествомъ лѣтъ невольно обратить на себя Ваше вниманіе?

Отвѣтъ: разность на $\frac{1}{\quad}$ дѣйствительнаго числа лѣтъ.

14) Какое увеличеніе скорости поѣздовъ между извѣстными вамъ пунктами (какими угодно) показалось бы Вамъ заслуживающимъ вниманія, какъ фактъ новый, который долженъ быть принятъ къ свѣдѣнію?

Отвѣтъ: увеличеніе на $\frac{1}{\quad}$.

15) При 5, 10, 15, 20 и т. д. лоттерейныхъ билетахъ, сколько, по вашему мнѣнію, слѣдовало бы прикупить новыхъ, чтобы Ваше ожиданіе выигрыша чуть чуть возросло?

Отвѣтъ: купить $\frac{1}{\quad}$ имѣющихся уже.

16) Потеря какой части годоваго дохода можетъ возбудить страхъ?

Отвѣтъ: потеря $\frac{1}{\quad}$ части.

17) Если Вы играете въ карты, то какой выигрышъ возбуждаетъ въ Васъ нѣкоторое удовольствіе и какую часть онъ составляетъ того количества денегъ, которое обыкновенно берется Вами на вечеръ съ картами?

Отвѣтъ: чувство удовольствія возбуждается, когда выигрышъ составляетъ $\frac{1}{\quad}$ часть.

18) Какой проигрышъ (т. е. какую онъ составляетъ часть того количества денегъ, которое берется Вами на вечеръ съ картами) возбуждаетъ въ Васъ нѣкоторое, едва чувствуемое, неудовольствіе?

Отвѣтъ: чувство неудовольствія возбуждается при проигрышѣ $\frac{1}{\quad}$ части.

19) Предполагая, что Вы расчитывали доѣхать до какого нибудь, далекаго отъ Вашего мѣсто пребыванія пункта въ 6, 10, 14, 20 дней, при какомъ сокращеніи времени въ пути Вы будете чувствовать чувство удачи?

Отвѣтъ: чувство удачи при сокращеніи продолжительности путешествія на $\frac{1}{4}$ часть.

20) Предполагая, что Вы ищете квартиру въ 500, 600, 700, 800, 900, 1000, 1100, 1200 р. и т. д., какая переплата будетъ возбуждать въ Васъ нѣкоторое чувство неудовольствія?

Отвѣтъ: переплата $\frac{1}{4}$ части.

21) Насколько болѣе дешевая цѣна квартиры противъ предполагавшейся возбудитъ въ Васъ чувство удовлетворенія?

Отвѣтъ: болѣе дешевая на $\frac{1}{4}$ часть предполагавшейся.

22) Хозяйка, *вообще* тратящая около 2, 3, 4, 5 и т. д. руб. въ день и желающая вообще держаться нормальнаго, ею опредѣленнаго, дневнаго расхода, при какой съэкономленной за день суммѣ чувствуетъ себя удовлетворенною?

Отвѣтъ: при сбереженіи $\frac{1}{4}$ части.

23) Ассигновавъ на экстренный обѣдъ 15, 20, 30, 40, 50 и т. д. рублей, при какомъ перерасходѣ Вы чувствуете себя неудовлетворенными?

Отвѣтъ: перерасходъ $\frac{1}{4}$ части.

24) Предполагая, что Вы желаете купить какую нибудь вещь за извѣстную опредѣленную сумму, наприм. 10, 20, 30, 40, 50, 100, 200 р. и т. д., какая переплата возбудитъ въ Васъ чувство неудовольствія?

Отвѣтъ: переплата $\frac{1}{4}$ части.

25) Хозяйка желающая тратить только 2, 3, 4, 5, 6 р. и т. д. въ день, *не болѣе*, при какомъ перерасходѣ будетъ чувствовать себя неудовлетворенною?

Отвѣтъ: перерасходъ $\frac{1}{4}$ части.

Если знакомый Вашъ, равный Вамъ по положенію и значенію, обѣщался зайти къ Вамъ *около* 1, 2, или 3-хъ часовъ, то

26) за сколько времени до положеннаго срока Вы начнете ожидать его?

Отвѣтъ: за „ “ минутъ.

27) на сколько минутъ ранній противъ срока приходъ его возбудитъ чувство удовлетворенія?

Отвѣтъ: на „ “ минутъ.

28) на какой maximum опозданія его Вы не обратите вниманія?

Отвѣтъ: на „ “ минутъ.

29) Какой minimum опозданія возбудитъ въ Васъ нѣкоторое чувство неудовольствія?

Отвѣтъ: на „ “ минутъ.

30) за сколько минутъ до положеннаго срока Вы будете считать приходъ знакомаго неожиданнымъ?

Отвѣтъ: за „ “ минутъ.

Если Вашъ знакомый обѣщался зайти *ровно* въ 1, 2, 3 часа, то —

31) за сколько минутъ до положеннаго точнаго срока онъ долженъ придти, чтобы возбудить въ Васъ чувство удовлетворенія?

Отвѣтъ: за „ “ минутъ.

32) на какой maximum опозданія Вы не обратите вниманія?

Отвѣтъ: на „ “ минутъ.

33) какой minimum опозданія возбудитъ въ Васъ чувство неудовольствія?

Отвѣтъ: „ “ минутъ.

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ